

Содержание

Предисловие	6
Сведения об авторах	10
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Глава 1 Модернизация в мире и России	15
Глава 2 Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структуризация общества	45
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ И РЕГИОНАХ – СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Глава 3 Центральный федеральный округ	89
Глава 4 Северо-Западный федеральный округ	139
Глава 5 Южный федеральный округ	171
Глава 6 Приволжский федеральный округ	198
Глава 7 Уральский федеральный округ	231
Глава 8 Сибирский федеральный округ	256
Глава 9 Дальневосточный федеральный округ	273
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Глава 10 Реалии российской модернизации и ее стратегическое планирование	295
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1 Инструментарий получения индикаторов и индексов модернизации	323
2 Сводные таблицы параметров модернизации регионов и федеральных округов: 2000–2012 гг.	328
3 Графики динамики индексов модернизации регионов и федеральных округов – по стадиям и интегрированные: 2000–2012 гг.	349

Предисловие

Настоящий проблемно-аналитический Атлас – это коллективный научный труд, который содержит результаты многих исследований, выполненных в последние 10 лет.

В каком смысле это *атлас*? Конечно, не в распространенном его понимании как систематического собрания карт или специального альбома с изображением животных, растений, с чертежами и т.п., которые используются для иллюстративных или учебно-педагогических целей. Я считаю возможным исходить из более широкого, эпистемологического понимания *атласа* – как *пространственно систематизированного представления данных об изучаемых объектах, которое значимо для их познания*. Такое представление данных особенно значимо для познания объектов, которые насыщены плохо понимаемыми проблемами и предстают как неупорядоченное множество противоречий, глубинное содержание которых неясно. Их пространственная систематизация означает такое их упорядочение в определенном пространстве, которое позволяет корректно сопоставлять эти объекты, чтобы лучше понимать содержание их проблем и тенденций. В этом случае и становится необходимым обращение к особому виду атласа – *проблемно-аналитическому*. Одним из его примеров является четырехтомный «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков юга России», подготовленный Южным научным центром РАН¹. К этой категории относится и предлагаемый читателю Атлас. Он представляет собой первый опыт пространственной систематизации

процессов и состояний, проблем и тенденций *модернизации* российских регионов и России в целом. Это как раз такие объекты, которые перенасыщены плохо понимаемыми проблемами и тенденциями.

Атлас помогает уяснить, что такое модернизация в современной России, как она осуществляется. Она впервые представлена как комплексный цивилизационный процесс, в контексте всемирной модернизации, и в то же время – дифференцированно по федеральным округам и субъектам Российской Федерации. Цветные карты, графики, аналитические таблицы иллюстрируют ее тенденции и проблемы в 2000–2012 годы. Сопоставительный анализ показал, что *модернизация России – это необходимый ответ на социокультурные вызовы, способ решения проблем и судьбы России как страны и цивилизации*.

Основное содержание Атласа составляет пространственное сопоставление тенденций и проблем модернизации в регионах семи федеральных округов Российской Федерации². Их характеристика основана на данных российской и международной статистики и социологических исследований в трети регионов страны. Пространство объектов настоящего Атласа многослойно: географическое, административно-территориальное, социальноэкономическое, социокультурное, институционально-регулятивное. О каждом слое можно подготовить свой атлас. Но авторы настоящего Атласа пошли по другому пути.

¹ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Отв. ред. академик Г.Г. Матишов. Т. I–IV. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН. 2006–2010 гг.

² К большому сожалению, из-за отсутствия достаточно достоверных индексов модернизации в регионах Северо-Кавказского федерального округа не удалось должным образом представить его регионы. Не представлены Республика Крым и г. Севастополь, поскольку мы опирались на базу данных 2000–2012 годов.

Они концентрируют внимание на процессах модернизации регионов, которые осуществляются во всех этих пространствах – влияют на них и испытывают их влияние, воплощают их взаимосвязи. Тем самым возникает специфическое, модернизационное пространство – стержневое для изучаемых объектов.

Таким образом, в настоящем Атласе систематизация изучаемых объектов осуществляется в многослойном *модернизационном пространстве*. Его рамками являются: с одной стороны, относительно стабильные географическое и административно-территориальное пространства регионов (федеральные округа и субъекты Российской Федерации), а с другой – подвижное, неустойчивое пространство процессов модернизации (мы стремились снизить его неопределенность с помощью специальных показателей и индексов). В соответствии с целью исследования и своими профессиональными компетенциями авторы уделяют больше внимания социоэкономическому и социокультурному пространствам.

В Атласе лишь косвенно затронуты собственно *экономические* проблемы развития регионов, их модернизации, поскольку они образуют предмет специальных исследований. Такие исследования выполнены в последнюю четверть века под руководством ведущих экономистов России (академики Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, Д.С. Львов, В.Л. Макаров, Н.Я. Петраков, В.М. Полтерович, Е.М. Примаков и другие, представляющие различные направления и школы современной экономической науки). Мы постарались максимально учесть полученные ими результаты и выводы. Наше внимание привлекли также новые исследования в области экономической географии³. Вместе с тем, авторы стремились

³ Среди результатов экономической географии отметим близкий нам по жанру (правда, основанный лишь на данных статистики) «Социальный атлас российских регионов» Независимого института социальной политики (руководитель проекта доктор географических наук Н.В. Зубаревич. См.: <http://atlas.socpol.ru>); а также пионерское исследование Совета по изучению производительных сил: Замятина Н.Б., Пилясов А.Н. «Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне». М.: Новый хронограф, 2013..

максимально широко использовать результаты социологических, социально-политических, культурологических исследований, полученные нашими коллегами в научных учреждениях РАН (ФАНО) и вузах страны⁴.

Основное внимание уделено процессам первичной, индустриальной стадии модернизации, а также началу перехода к вторичной, информационной ее стадии. Показана иерархическая дифференциация субъектов и федеральных округов РФ по состояниям модернизованности, выявлены противоречивые тенденции эволюции регионов: спонтанность, фрагментарность, несбалансированность процессов модернизации, ее социокультурная неэффективность. Рассмотрены этапы предлагаемой, интегрирующей стратегии модернизации регионов. Показана возможность использования материалов Атласа в документах стратегического планирования, обоснована целесообразность укрепления социальных качеств государства, гуманистического вектора модернизации России как достойного ответа на глобальные вызовы и угрозы человеческой цивилизации.

Структура Атласа достаточно простая. Он состоит из 10 глав и открывается теоретико-методологическим *вводным разделом*, который включает две главы. В первой из них дана характеристика модернизации как цивилизационного процесса, ее компонент и тенденций. Во второй главе проанализированы социокультурные вызовы, ответы на которые и должна дать российская модернизация: миграция, человеческий капитал, структуризация общества, формирование среднего класса.

Основное содержание Атласа составляют 7 глав, в которых представлены процессы, тенденции и проблемы модернизации, осуществлявшейся в 2000–2012 гг. в семи федеральных округах Российской Федерации и их регионах. Многие главы содержат краткий очерк этноконфессиональной и административно-терри-

⁴ Это прежде всего цикл остро критических публикаций Института социально-политических исследований РАН (руководитель академик Г.В. Осинцов), взвешенные оценки и выводы специалистов Института социологии РАН (директор академик М.К. Горшков), ряд результатов ведущих университетов страны.

ториальной истории округа, знание которой позволяет лучше понять процессы, совершающиеся сегодня. В каждой главе опорными точками сопоставлений служат главные компоненты модернизации макрорегиона – технико-технологическая, социоэкономическая, социокультурная, институционно-регулятивная. Их характеристика основана на данных российской и международной статистики, а также социологических опросов в ряде регионов этих округов, проведенных авторами и их коллегами по комплексной Программе. Основное внимание уделено социоэкономическим и социокультурным процессам и проблемам двух стадий модернизации, дан критический анализ феноменов квазимодернизации. Рассмотрены ближайшие этапы стратегии интегрирующей модернизации.

В *заключительной*, 10-й главе подытожен спонтанный характер российской модернизации и акцентировано внимание на целесообразности включения ее процессов и показателей в систему стратегического планирования. Рассмотрена целесообразность гуманистического вектора модернизации России как достойного ответа на глобальные вызовы и угрозы человеческой цивилизации.

Проблемно-аналитическое содержание Атласа дополнено *приложениями*, которые позволяют углубленно изучить рассмотренные процессы и проблемы. Они включают, во-первых, инструментарий, с помощью которого получены индикаторы и индексы модернизации. Во-вторых, сводные таблицы параметров модернизации регионов и федеральных округов за 2000–2012 годы. В-третьих, стандартизованные графики динамики индексов модернизации регионов и федеральных округов, по стадиям и интегрированные (для двух стадий), за 2000–2012 годы. Это – уникальные данные, полученные авторами Атласа. Они позволяют исследователям самостоятельно дополнить круг рассмотренных в нем проблем и углубить их интерпретацию.

Post scriptum

Минули 10 лет с того времени, когда возник замысел Атласа, первоначально как социокультурной карты России. Я искренне признателен академику В.С. Степину, академику А.А. Гусейнову и член-корр. РАН А.В. Смирнову, которые за это время сменили друг друга на посту директора Института философии РАН, – за полную поддержку этого замысла на всех этапах его осуществления. Почтительно благодарю также рано ушедшего из жизни академика А.Г. Гранберга за включение тематики социокультурной карты в Программу исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», вдохновителем и организатором которой он был. Я глубоко благодарен академику В.М. Котлякову за продолжение такой поддержки, уже Атласа, в рамках программы исследований Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Особая моя благодарность всем авторам глав Атласа – широко известным и молодым ученым, которые трудятся в научных учреждениях и ведущих университетах от Москвы до самых до окраин – за поддержку замысла, солидарность и бескорыстную самоотдачу на всех этапах его осуществления. Авторский коллектив Атласа: Л.А. Беляева, И.И. Бойко, В.А. Давыденко, Н.В. Дулина, В.А. Ильин, Е.В. Каргаполова, Н.А. Касавина, Е.А. Когай, Н.И. Лапин, М.А. Ласточкина, А.В. Немировская, В.Г. Немировский, Ю.М. Пасовец, И.Ф. Печеркина, В.С. Половинко, Г.Ф. Ромашкина, В.Т. Тарасов, В.Г. Харитонова, А.А. Шабунова. Они представляют не только свои проекты, но и свыше 200 участников инициативной исследовательской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов».

Я благодарен также рецензентам – доктору философских наук, ведущему научному

сотруднику Института философии РАН И.Н. Сиземской и доктору социологических наук, профессору, руководителю Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН А.В. Тихонову за ценные замечания, которые помогли при доработке рукописи.

Замысел Атласа осуществлялся и развивался силами сотрудников Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН. Междисциплинарность программы и малые размеры Центра способствовали тому, что его сотрудники стали развивать свои замыслы, инициируя такие исследовательские проекты, которые способны содержательно заинтересовать и вызвать активную встречную поддержку со стороны исследовательских групп за пределами Института – в различных регионах страны, прежде всего, научных подразделений ведущих университетов регионов. Такой отклик получила программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», которую поддержал и Российский гуманитарный научный фонд. Привлекательным также стал родившийся в Центре способ реализации Программы – социокультурные портреты регионов как комплексный метод исследований и публикации их результатов. Дополнительную целеустремленность

Программа приобрела, когда ее участники сосредоточили внимание на социокультурных проблемах модернизации.

Настоящий Атлас подытоживает непростой путь: от замысла социокультурной *карты* страны – через множество социокультурных *портретов* ее регионов – к интегрирующему *атласу* модернизации России и ее регионов. Я сердечно признателен сотрудникам ЦИСИ, членам редколлегии «Атласа», которые подготовили ряд его глав и активно участвовали в редактировании всех глав, – ведущему научному сотруднику, доктору социологических наук Людмиле Александровне Беляевой, старшему научному сотруднику, кандидату философских наук Надежде Александровне Касавиной. Я признателен также референту Ирине Евгеньевне Ахваткиной за информационное обеспечение подготовки «Атласа».

Первый опыт Атласа такого рода мы, авторы, члены редколлегии, составитель и отв. редактор, отдаем на ваш суд, внимательные читатели и пользователи. Конечно, вы заметите недочеты. Мы будем весьма признательны вам за отклики – позитивные и критические. Ваши замечания и предложения помогут при подготовке новых изданий Атласа. Наши контакты приведены в «Сведениях об авторах», которые даны после настоящего предисловия.

Руководитель Центра изучения
социокультурных изменений
Института философии РАН,
Член-корреспондент РАН
Н.И. Лапин

Сведения об авторах

Предисловие, глава 1, глава 10:

Лапин Николай Иванович – член-корреспондент РАН, советник РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН; руководитель инициативной исследовательской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», председатель одноименного научно-координационного совета при Секции философии, политологии, социологии, психологии и права (ФПСПС) Отделения общественных наук (ООН) РАН (e-mail: lapini31@mail.ru).

Глава 2:

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, зам. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН, зам. председателя научно-координационного совета «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции ФПСПС ООН РАН (e-mail: bela46@mail.ru).

Глава 3:

Параграфы: «Два макрорайона. Их гомогенная культура и несбалансированность...», «К поэтапной модернизации...»: **Лапин Н.И.**; *Параграф «Центральный макрорайон ЦФО»:* **Касавина Надежда Александровна** – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (e-mail: kasavina.na@ya.ru); **Лапин Н.И.**;

Параграф «Макрорайон Центральное Черноземье»: **Когай Евгения Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (E-mail: eakogay@mail.ru);

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, доцент, кафедра социологии и политологии, ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (e-mail: yulia_pasovets@mail.ru).

Глава 4:

Ильин Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, ФГБУ науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (e-mail: ilin@vscc.ac.ru);

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, врио директора ФГБУ науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (e-mail: aas@vscc.ac.ru);

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУ науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (e-mail: mashkop@mail.ru)

Глава 5:

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (e-mail: dulina@vstu.ru);

Каргаполова Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, профессор, ГАОУ АО ВО «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет» (e-mail: k474671@list.ru).

Глава 6:

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, профессор, Чебоксарский филиал ФГБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (e-mail: taranet@orionet.ru);

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»; профессор, Чувашский государственный университет (e-mail: boyko2003@yandex.ru);

Харитонов Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» (e-mail: val1957@rambler.ru).

Глава 7:

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра,

Тюменский государственный университет (e-mail: vlad_davidenko@mail.ru);

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой, Тюменский государственный университет (e-mail: Grl36@mail.ru);

Печеркина Ирина Федоровна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, (pecherki@mail.ru).

Глава 8:

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (e-mail: pw3@mail.ru);

Немировский Валентин Геннадьевич – зав. отделением социологии и общественных связей, доктор социологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет (e-mail: valnemirov@mail.ru).

Глава 9:

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: annanemirov@hse.ru).

Глава 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ В МИРЕ И РОССИИ

Предмет настоящего Атласа достаточно конкретен. Но его цель – представить аргументы, убеждающие в том, что модернизация – не конъюнктурный лозунг, а всемирный цивилизационный процесс, успешное осуществление которого требуется также в России и ее регионах, – побуждает осмысливать конкретные факты и проблемы в контексте более широких, общечеловеческих тенденций и проблем. Как показал опыт многолетних исследований, такое осмысление наиболее продуктивно при сочетании конструктивно-реалистического и социокультурного подходов; первый соответствует современной философско-эпистемологической методологии¹, а второй, также в его современной, антропно-деятельностной интерпретации, – методологии социальной философии и общей социологии².

Модернизация и изменения цивилизации

Представления о модернизации лишь как о переходе от традиционного общества к рациональному, современному (модернити) были достаточны для первой, индустриальной ее стадии. В настоящее время

утверждается более широкое понимание модернизации – как цивилизационного процесса.

Модернизация сама по себе, вне идеологических ее интерпретаций, представляет собой совокупность изменений, которые люди (индивиды и коллективные субъекты, сообщества) совершают, когда по собственной инициативе или вынужденно выбирают новые способы воздействия на объекты своей деятельности и на условия своей жизни – с целью ее улучшения. Кумулятивное нарастание, массовое тиражирование изменений в масштабе страны приводит к тому, что преобразуются культура, социальные практики, социокультурные качества индивидов и всего *общества*. Эти изменения чаще происходят спонтанно, но могут быть и целенаправленными. Если они охватывают ведущие страны данной цивилизации, то возникает качественно новое состояние *всей этой цивилизации* – происходит ее модернизация: она вступает в новую стадию (или ее фазу) своей эволюции.

Это комплексный процесс, игнорирование которого или противодействие ему в той или иной стране сопровождается ее стагнацией и отставанием от других стран, рецессией и даже гибелью. Поэтому модернизация жизненно важна для каждого человека, каждого социокультурного сообщества. Она имеет две основные функции: *обеспечение безопасности сообщества (страны) и повышение благосостояния, качества жизни людей, всего населения*.

¹ См. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 415–449.

² Подробнее см.: Лапин Н.И. Антропосоциетальные основания общей социологии // Он же. Общая социология. 2-е изд.. М.: Высшая школа, 2009. С. 9–52.

Стадии модернизации и эпохи цивилизации

В большинстве стран мира, в том числе в странах континента Евразия, с возникновением цивилизации утвердилась и длительное время существовала *аграрная цивилизация*. Ее основу составляла созданная людьми культура земледелия, или, как прежде говорили – *агрикультура* (термин *культура* восходит к этому приземленному понятию), а также сопряженная с нею культура животноводства. Затем, начиная с Возрождения, Просвещения и первых промышленных революций, предприниматели, менеджеры, рабочие Англии и других западноевропейских стран стали овладевать новым типом культуры труда – труда индустриального. Общества этих стран встали на путь преобразований из аграрных в индустриальные – это была *первая* стадия модернизации, которая вначале осуществлялась в рамках западноевропейской (западной) цивилизации, а ее результатом стала *индустриальная цивилизация* как новый способ жизнеустройства западно-европейских сообществ людей. Таким образом, модернизация западной цивилизации осуществляется на протяжении примерно трехсот лет.

Индустриальная цивилизация возникла в условиях утверждения ценностей гуманизма и новых социально-политических и экономических институтов, на основе научно-технических достижений. Индустриализация означала переход от аграрных к индустриальным способам материального производства во взаимосвязи с переходом к правовому государству, контролируемому гражданским обществом, т.е. к демократическому политическому строю и рыночной экономике, которые обеспечивали свободу индивидов. Именно этот *комплексный* (технично-технологический, социоэкономический, социокультурный и институционально-регулятивный) переход получил название модернизации. Возникли теории модернизации, которые в середине XX века были адресованы менее развитым странам, нередко с акцентом на первоочередность изменений их политиче-

ских институтов по образцу более развитых западных стран³.

В 70-х годах XX века в США, затем в Европе началась *вторая, информационная* стадия модернизации – переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, или к цивилизации, основанной на знаниях. Вместе с тем, в конце XX – начале XXI века, в условиях глобализации процессы индустриализации распространились на многие страны и приобрели *всемирный характер*. Возникло понятие *инфосфера*⁴. К настоящему времени в глобальном масштабе одновременно совершаются обе стадии модернизации: первую, индустриальную стадию осуществляют около 90 развивающихся стран, а вторую, информационную стадию – около 40 развитых стран. Более того, в ряде стран, в том числе в России, одновременно осуществляются обе стадии модернизации, но каждая стадия находится в своей фазе и преобладает в разных частях территории страны, что свидетельствует о неравномерности модернизации в разных регионах одной страны. Эти процессы длительное время оставались мало наблюдаемыми, поскольку не было инструментов для их измерений.

Возникла потребность в интегральном понимании и измерении процессов всемирной модернизации. Первыми ответами на эту потребность стали теории постмодернизации и множественности модерни, рефлексивной и множественной модернизации, а также глобализации. В конце 90-х годов XX в. молодой китайский специалист, ныне профессор Чуаньци Хэ предложил общую теорию модернизации как цивилизационного процесса⁵ и создал Центр исследований модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК). Этот Центр разработал удобный инструментарий для измерения индексов двух стадий модер-

³ Подробнее см. *Штомпка П.* Теории модернизации – старые и новые // Он же. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 170–185.

⁴ Одной из первых в России развернутых характеристик нового объекта исследований стала монография ВИНТИ: Арский Ю.М., Гиляровский Р.С., Туров И.С., Черный А.И. «ИНФОСФЕРА». М.: ВИНТИ, 1996. 439 с.

⁵ *He Chuanqi.* Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012.

низации, а также интегрированного индекса обеих стадий на основе данных международной статистики (подробнее сказано ниже). Используя этот инструментарий, ЦИМ АНК с 2001 г. ведет ежегодный мониторинг индексов модернизации 130 стран, включая Россию, с численностью населения более миллиона человек каждая (всего в этих странах живет 97% всего человечества)⁶.

Дифференциация стран мира по уровню вторичной модернизации в начале XXI столетия

Используя индексы вторичной стадии модернизации (ВМ), ЦИМ АНК дифференцировал обследованные в 2010 г. страны (131) на четыре группы:

22 модернизационно развитые страны (16,8% от 131 страны): их индекс вторичной стадии модернизации (ВМ) = 80 и больше (при максимуме = 120);

26 среднеразвитых стран (19,8%): индекс ВМ = 51–79;

38 предвительно развитых стран (29%): индекс ВМ = 30–50;

45 низкоразвитых стран (34,4%): индекс ВМ = меньше 30⁷.

Таким образом, в 2010 г. в общем числе обследованных стран (131) отношение числа

модернизационно развитых стран (22) к остальным (109) было = 0,2. Карто-схемы (рис. 1.1) демонстрируют *устойчивость дифференциации* стран мира на четыре группы по индексу вторичной модернизации в 2000, 2005, 2010 гг., хотя величины их индексов меняются.

В России практически за тот же период (2000–2012) значительно повысились уровни не только первичной, но и вторичной модернизации большинства регионов. Эти изменения хорошо видны при сопоставлении карт вторичной модернизации регионов России в 2000 г. с картами 2010 и 2012 гг. (рис. 1.2). Согласно индексам ЦИМ АНК (см. Приложение 2), индекс ВМ в России к 2012 г. поднялся почти на 13 пунктов (с 61,6 до 74,4). При этом только 6 регионов из 83 (7,2%) имели индекс ВМ = 80 и больше, т.е. стали модернизационно развитыми, а остальные 77 регионов имели индексы ВМ в интервале 51–79, т.е. были среднеразвитыми, а 1 регион остался на уровне ниже среднеразвитых. Следовательно, в России отношение развитых регионов (6) к остальным (77) было = 0,78, т.е. в 2,5 раза меньше, чем соотношение соответствующих стран в мире. Это значит, что *в России неравномерность распределения числа регионов между вторичной, информационной и первичной, индустриальной стадиями модернизации в 2,5 раза острее, чем между странами мира*. Тем понятнее, что для России, как и для большинства стран мира, на данном этапе главной является задача завершения индустриализации большинства регионов и их перехода во вторичную стадию модернизации.

ВЫВОД. На нынешнем этапе истории человечества приоритетной для большинства стран мира, в том числе для России, является задача продолжения и завершения индустриализации. В решении этой задачи объективно заинтересованы также и развитые западные страны, прежде всего европейские: чем успешнее будет она решаться, тем меньше будет острота проблем миграции населения из менее развитых стран в более развитые, равно как и проблем неокolonизаторского «миссионерства» одних цивилизаций

⁶ Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН инициировал перевод на русский язык обобщающего труда ЦИМ АНК «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)» (М.: Весь Мир, 2011), в котором представлен инструментарий ЦИМ и подытожены результаты 10 волн его мониторинга. В 2012 г. в Институте философии РАН состоялась совместная с ЦИМ АНК научная конференция на тему «Цивилизация и модернизация» (см. Цивилизация и модернизация. Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 года, Москва (М.: Институт философии РАН, 2013), а также: Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chinese Conference 2012. Edited by Chuangi He, Nikolay Lapin (Singapore: World Scientific, 2015).

⁷ Feng Zang, Chuanqi He. World Modernization Indexes 1950 to 2010 // The 1st International Modernization Forum: Modernization and Global Change. Proceedings. Beijing, 8 and 9 August 2013. Table 4. P. 74. Из-за отсутствия достоверных данных в мониторинге не учитываются наиболее отсталые, обычно малочисленные страны, которые еще не начали модернизацию; их население живет преимущественно благодаря охоте, рыболовству, собирательству.

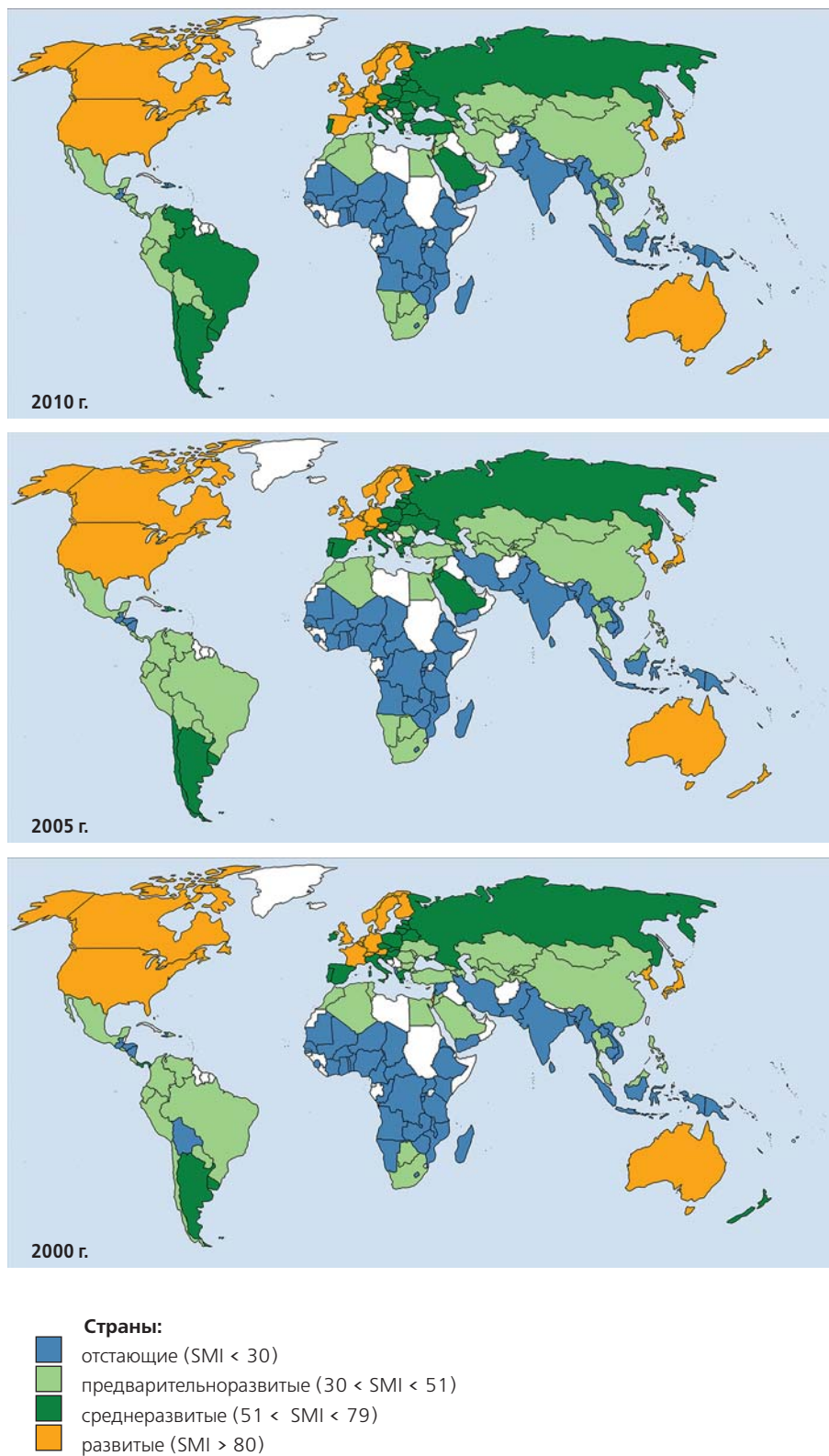

Рисунок 1.1. Карто-схемы вторичной модернизации стран мира: 2000, 2005, 2010 гг.

в отношении других. Одновременно развитые западные страны сохраняют возможность продолжать вторую, *информативную стадию* своей модернизации как способа созидания цивилизации, ее культуры и социума, в целом человеческих сообществ, *основанных на знаниях*.

Обострение рисков уклонения от модернизации

По оценкам ЦИМ АНК, во второй половине XXI столетия всемирная модернизация затронет более 190 стран (примерно 6 млрд человек). К 2100 г. из них, согласно прогнозным оценкам:

- по-прежнему лишь около 20 стран будут модернизационно наиболее развитыми, а остальные 170 стран – развивающимися по отношению к развитым, в их авангарде окажутся 25 стран;
- стандарты вторичной модернизации 20 развитых стран будут в 5 раз выше, чем в 2005 г., а средний уровень модернизации в мире будет отставать от них на 50 лет;
- позиция каждой страны в процессе всемирной модернизации может изменяться: лидирующим странам следует постоянно защищать свои передовые позиции, а догоняющим – ускорять темп модернизации; согласно прогнозным оценкам, до 2100 г. позиции двух-четырех развитых стран изменятся, и они окажутся в числе развивающихся, а позиции одной-пяти развивающихся стран улучшатся, и они войдут в число развитых.

ВЫВОД: *в XXI веке возрастет неравномерность модернизации стран, а конкуренция между странами будет крайне жесткой*⁸.

В глобализирующемся мире *возрастают риски уклонения от модернизационного выбора*. Игнорирование модернизации сопровождается стагнацией и/или рецессией (деградацией) и даже гибелью страны, цивилизации. Первоочередной целью/функцией модернизации становится обеспечение безопасности, независимости государства, страны.

⁸ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. М.: Весь Мир, 2011. С. 230–234.

Выбор модернизации и сам процесс ее осуществления зависят «от пройденного пути», но открыты настоящему и будущему. Вместе с тем, выбор настоящего и будущего страны через модернизацию, определение ее целей, способов и сроков, снижение возможных ущербов – ответственное дело, требующее высокой компетентности. Политические деятели должны выполнять свои задачи на основе научного анализа исторических тенденций и реального состояния своей страны, каждого ее региона, с учетом традиционных и современных ценностей населения. Осуществление модернизации предполагает целенаправленные воздействия со стороны государства и других политических сил общества. В условиях лишь спонтанного развития процесс модернизации утрачивает необходимую комплексность, становится фрагментарным, несбалансированным, дисфункциональным, нередко сопровождается революционными потрясениями.

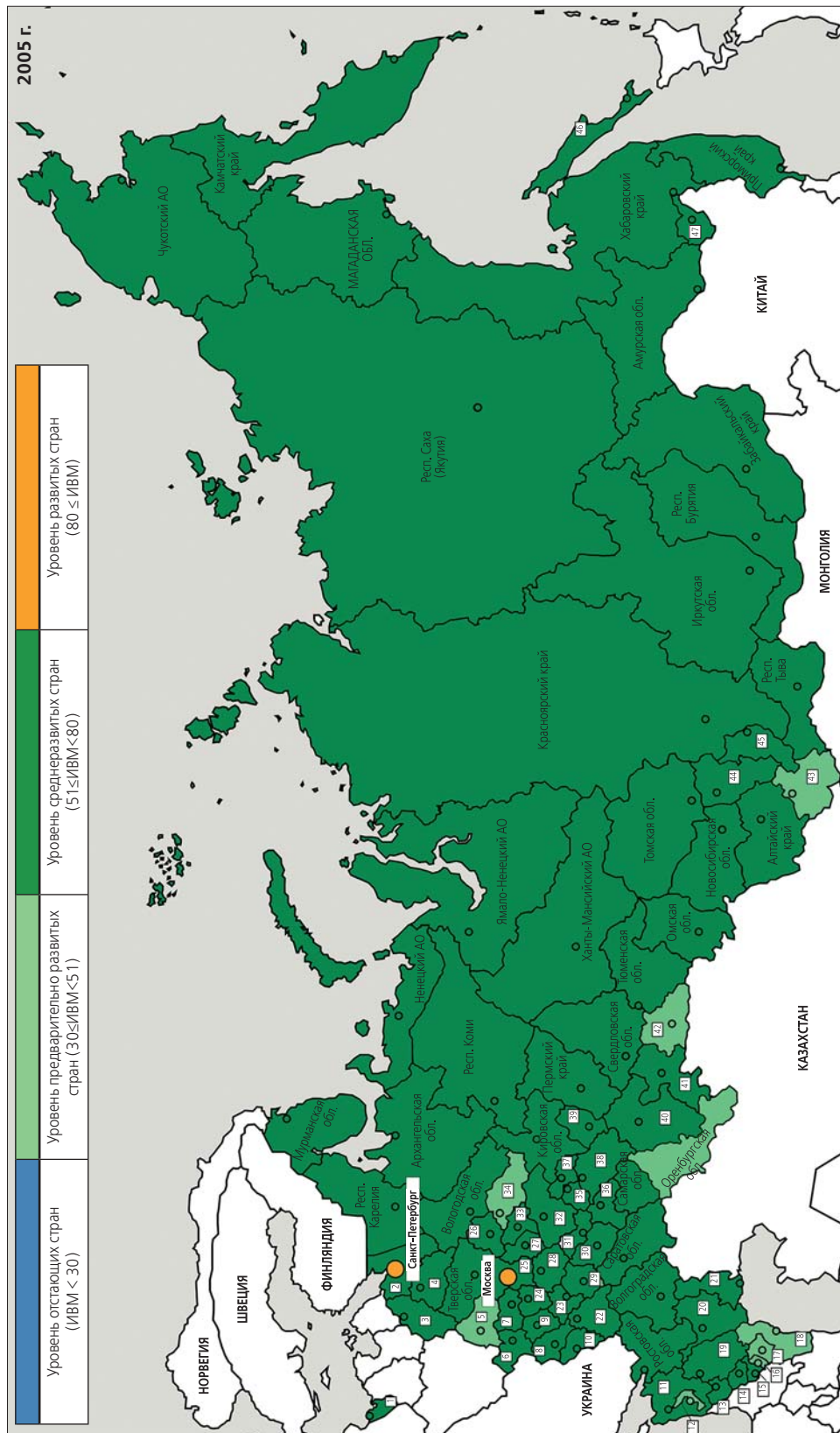
К настоящему времени обострилось значение выбора векторов эволюции не только отдельных стран, но и целых *цивилизаций*. Необходимо осознать, что этот выбор происходит уже сейчас: каждый политический деятель и чиновник, каждый бизнесмен, особенно владельцы крупного бизнеса, каждый ученый, в том числе специалисты в области общественных и особенно – гуманитарных наук, каждый гражданин – все делают свой выбор. Основным способом практического участия в этом выборе становится отношение к процессам модернизации, участие в решении их проблем.

Компоненты модернизации, инструменты измерения ее состояний и динамики

Главные компоненты модернизации

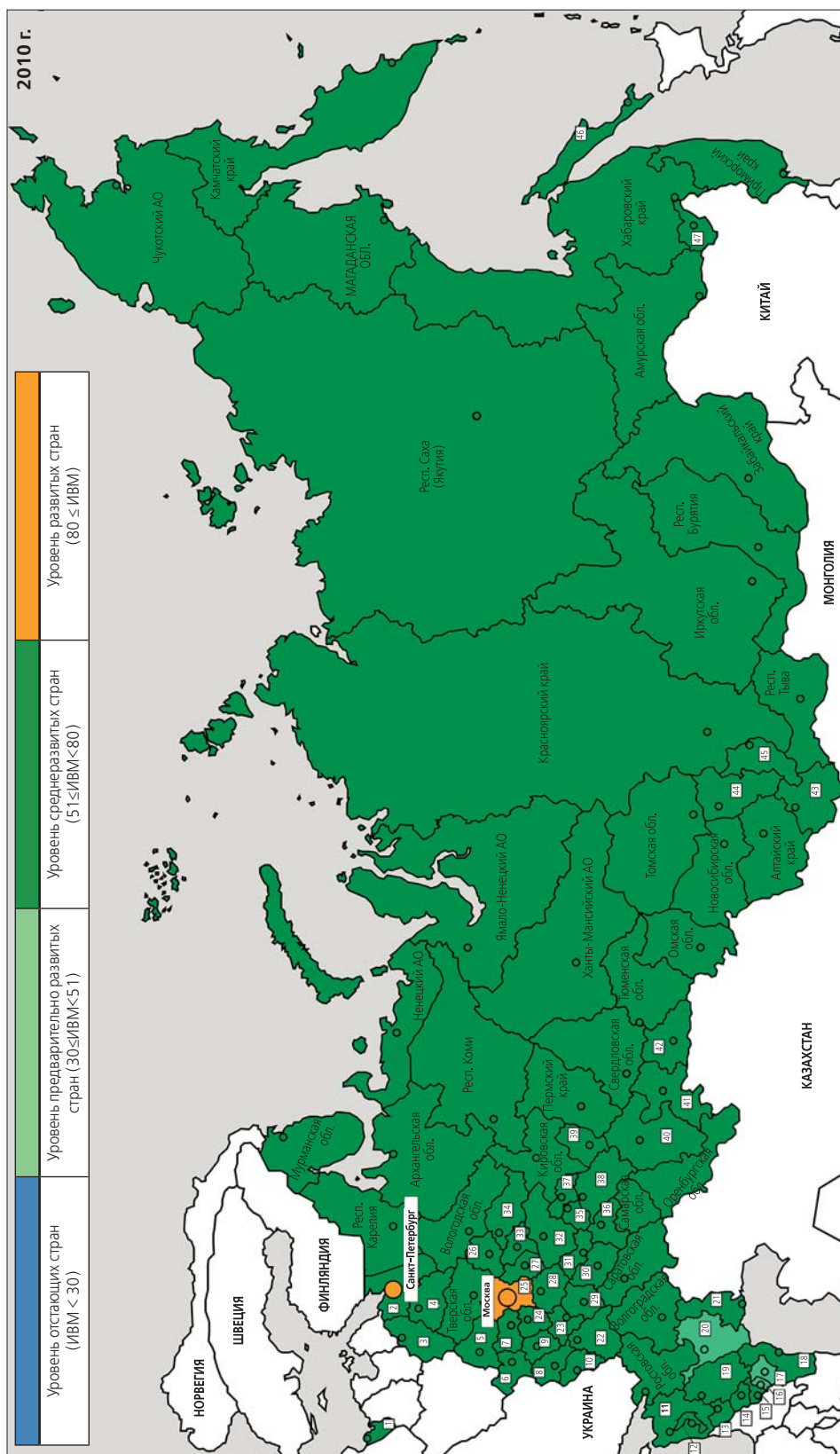
Процесс модернизации включает четыре главные компоненты, каждую из которых можно рассматривать как частичную, компонентную модернизацию.

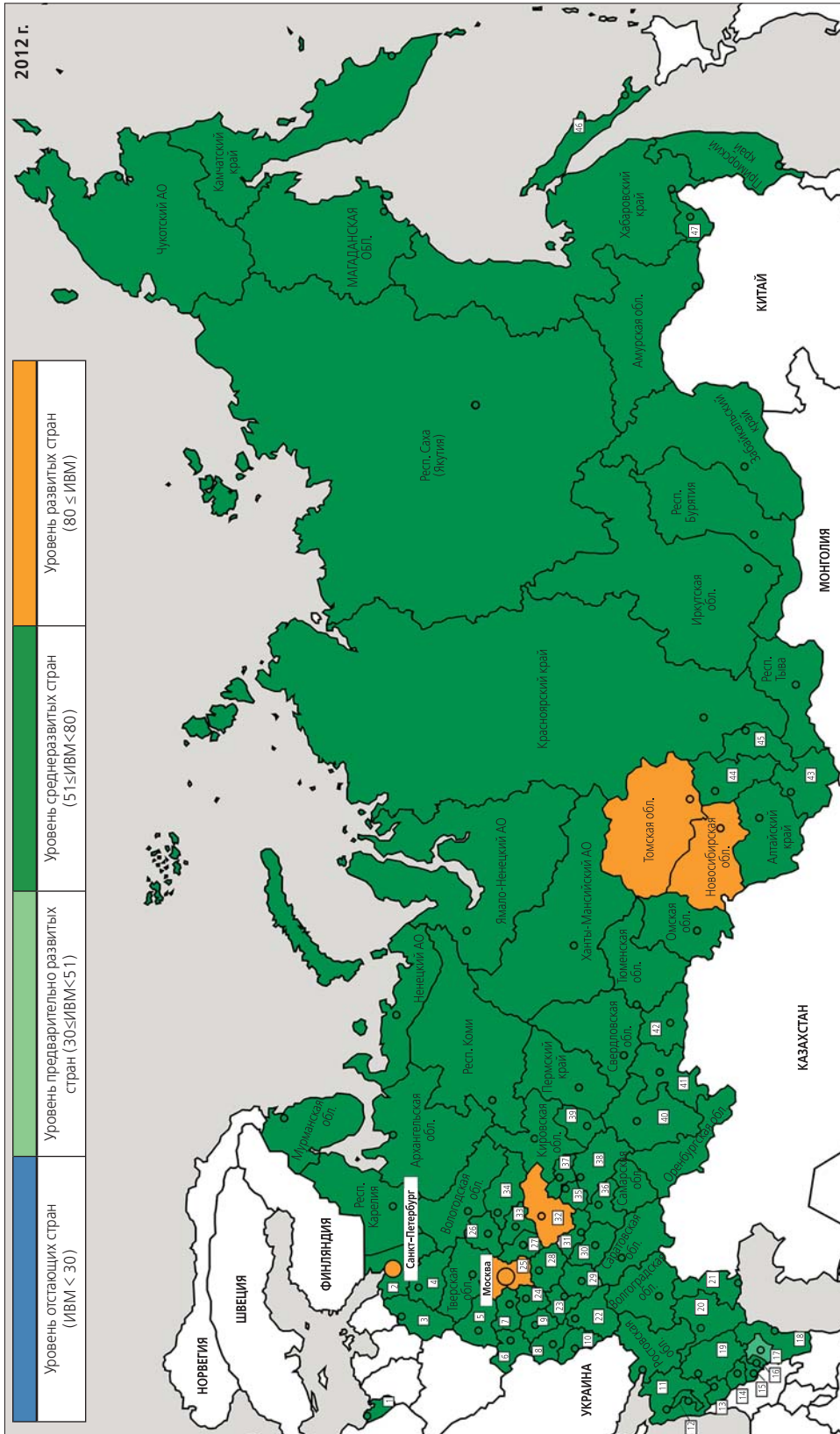

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Калининградская; 2 – Ленинградская; 3 – Псковская; 4 – Новгородская; 5 – Смоленская; 6 – Брянская; 7 – Калужская; 8 – Курская; 9 – Орловская; 10 – Белгородская; 11 – Краснодарский; 12 – Адыгея; 13 – Карачаево-Черкесия; 14 – Кабардино-Балкария; 15 – Северная Осетия-Алания; 16 – Ингушетия; 17 – Чеченская; 18 – Дагестан; 19 – Ставропольский; 20 – Калмыкия; 21 – Астраханская; 22 – Воронежская; 23 – Липецкая; 24 – Тульская; 25 – Московская; 26 – Ярославская; 27 – Владимирская; 28 – Ивановская; 29 – Тамбовская; 30 – Пензенская; 31 – Мордовия; 32 – Нижегородская; 33 – Ивановская; 34 – Костромская; 35 – Чувашия; 36 – Ульяновская; 37 – Марий Эл; 38 – Татарстан; 39 – Удмуртия; 40 – Башкортостан; 41 – Челябинская; 42 – Курганская; 43 – Алтай; 44 – Кемеровская; 45 – Хакасия; 46 – Сахалинская; 47 – Еврейская.

Рисунок 1.2а. Карты вторичной модернизации регионов России: 2000, 2005 гг.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Калининградская; 2 – Ленинградская; 3 – Псковская; 4 – Новгородская; 5 – Смоленская; 6 – Брянская; 7 – Калужская; 8 – Курская; 9 – Орловская; 10 – Белгородская; 11 – Краснодарский; 12 – Адыгея; 13 – Карачаево-Черкесия; 14 – Кабардино-Балкария; 15 – Северная Осетия-Алания; 16 – Ингушетия; 17 – Чеченская; 18 – Дагестан; 19 – Ставропольский; 20 – Калмыкия; 21 – Астраханская; 22 – Воронежская; 23 – Липецкая; 24 – Тульская; 25 – Московская; 26 – Ярославская; 27 – Владимирская; 28 – Рязанская; 29 – Тамбовская; 30 – Пензенская; 31 – Мордовия; 32 – Нижегородская; 33 – Ивановская; 34 – Костромская; 35 – Чувашия; 36 – Ульяновская; 37 – Марий Эл; 38 – Татарстан; 39 – Удмуртия; 40 – Челябинская; 41 – Башкортостан; 42 – Курганская; 43 – Алтай; 44 – Кемеровская; 45 – Хакасия; 46 – Сахалинская; 47 – Еврейская.

РИСУНОК 1.2б. Карты вторичной модернизации регионов России: 2010, 2012 гг.

Технико-технологическая компонента.

Ее содержание составляет переход к новому технологическому укладу (укладам) как такому способу создания условий жизнедеятельности людей, который становится главным (более 40%) источником валового внутреннего дохода страны (ВВП), региона (ВРП), или новым ресурсом для конкурентоспособного развития среди других обществ, государств. Переход от доминировавшего тысячелетиями, традиционного аграрного производства к индустриальному (*first*, первая, или *первичная стадия* модернизации) включал возникновение и развитие четырех технологических укладов; из них четвертый уклад означал развитие автомобиле- и тракторостроения, цветной металлургии, производство синтетических материалов и др. В 70-х годах прошлого столетия начался переход к пятому технологическому укладу (электронная промышленность, вычислительная техника), а вместе с ним – переход от индустриальной экономики (общества) к экономике, основанной на приращении и использовании знаний (*second*, вторая, или *вторичная, информационная стадия* модернизации). Уже в середине 90-х годов XIX столетия доля прибыли от производства информационной продукции в развитых странах (США, Япония, Франция и др.) составляла не менее 50% ВВП⁹. В настоящее время на смену пятому укладу приходит шестой: нанотехнологии, клеточные технологии и др.¹⁰

Социоэкономическая компонента. Она выражает изменения пропорций основных секторов экономики как «погруженной в социум» и адаптирующейся к его правилам и функциям, не утрачивая своей специфики. Ее смысл соответствует социоэкономике – новому междисциплинарному направлению, которое обосновано известным американским социологом, ординарным профессором Чикагского университета Амиаэмом Этциони¹¹. Кон-

кретное содержание этой компоненты включает две основные составляющие. Во-первых, утверждение новых технологических укладов обуславливает повышение ВВП (ВРП) на душу населения, а также изменения пропорций основных секторов национального хозяйства (аграрного, индустриального, сферы услуг в широком смысле) в занятости и в добавленной стоимости. На первой, индустриальной стадии модернизации резко возрастает доля *индустриального сектора* и соответственно снижается доля аграрного сектора. На второй, информационной стадии значительно увеличивается доля *сферы услуг*, в особенности производства, трансляции и использования *новых знаний*¹², и соответственно уменьшается доля первых двух секторов, т.е. собственно материального производства (нередко информационные технологии и производство информационной техники выделяют в качестве четвертого сектора).

Во-вторых, социоэкономическая компонента включает также долю национального дохода, необходимую для обеспечения государством «второго поколения» фундаментальных прав человека, его *социальных прав* – на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение. В книге «Капитал в XXI веке» известный французский экономист Томас Пикетти убедительно обосновал вывод: «процесс построения налогового и социального государства во всех странах, сегодня являющихся развитыми, был *ключевым элементом модернизации и развития*. Весь исторический опыт показывает, что при уровне фискальных поступлений, равном 10–15% национального дохода, невозможно делать что-то, помимо выполнения традиционных функций государства (курсив наш. – *Ред.*)»¹³. Такой уровень наблюдается только в самых бедных странах планеты. В последней трети XX века в странах Латинской Америки, Северной Африки

⁹ Российская статистика не адаптирована к выявлению таких процессов.

¹⁰ См.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. С. 80–81.

¹¹ См.: Etzioni A. Toward a new socio-economic Paradigm // Socio-economic review: 2003, № 1.

¹² Строго говоря, производство, трансляция и использование знаний, как и материальное производство, является не услугой, а одним из качеств самого человека, содержанием его культуры, одной из основных функций общества. В этом отношении широко используемый термин *сфера услуг* не является точным.

¹³ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 480.

и Китая он достигал 15–20%, а в странах западной Европы в 2000–2010 гг. – 40–55%¹⁴.

Социокультурная компонента. Она включает совокупность социальных и культурных изменений в их взаимосвязи, что означает также и тесную ее связь с социоэкономической компонентой – прежде всего с долей затрат государства на обеспечение социальных прав человека. Отличие состоит в том, что в центре социокультурной компоненты находятся не экономико-финансовые, а собственно человеческие измерения этих прав: достижение достойных содержания и условий труда, уровня и качества жизни людей, формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, его способностей и потребностей, свобод и прав, социальных обязанностей и профессиональных компетенций, а их утверждение в повседневной жизни обеспечивается развитием социокультурной стратификации и такими институтами, как наука и образование, социальное обеспечение и медицинское обслуживание¹⁵. Благодаря сети Интернет компьютерные технологии, помимо когнитивной функции, приобретают антропно-коммуникативную функцию. В результате качественно повышается роль *антропно-коммуникативной составляющей* социокультурной компоненты.

Институционально-регулятивная компонента. Включает изменения совокупности регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Общий вектор изменений составляет глубокая демократизация государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества, противодействие избыточности бюрократических процедур контроля и числа чиновников, занятых созданием и вне-

дением этих процедур (дебюрократизация). Однако сохраняются и могут усиливаться тенденции бюрократизации и авторитарной вседозволенности. Эта компонента может рассматриваться и как часть широко понимаемой социокультурной модернизации.

Все компоненты модернизации как цивилизационного процесса взаимосвязаны. В совокупности они образуют **целостность**. Если та или иная компонента представлена явно недостаточно, или, напротив, доминирует над остальными, то комплексная модернизация может превратиться в *частичную квазимодернизацию*.

Инструменты измерения социоэкономической и социокультурной компонент модернизации

ЦИМ АНК включает в мониторинг все страны, численность населения которых составляет более миллиона человек, если о них имеются достаточно надежные данные в международных статистических справочниках. На первом этапе мониторинга (2001) оказалось 98 таких стран, в 2006–2010 гг. – 131, в 2012 г. – 135 стран. В них живут свыше 97% всего населения Земли.

Инструментарий получения индикаторов и индексов модернизации приведен в Приложении 1. Поэтому здесь ограничимся краткой его характеристикой. Прежде всего, отметим, что для каждой стадии модернизации используется свой набор индикаторов.

Стадия 1. Первичная (индустриальная) модернизация (ПМ) измеряется в методике ЦИМ АНК с помощью 10 индикаторов, которые представляют три сферы общества: экономическую, социальную и когнитивную (знания), соответственно – три *социетальные составляющие* модернизации. ЦИМ АНК ежегодно фиксирует **реальные значения** индикаторов ПМ каждой изучаемой страны в соответствии с данными международной статистики и преобразует их в **индексы**: частное от деления реального значения индикатора на значение *стандартного индекса* принимается за частный индекс модернизации для данного индикатора страны. Средняя арифметическая част-

¹⁴ Там же. Табл. 13.1. С. 473.

¹⁵ Как видим, социокультурная функция тесно связана с социоэкономической. Подробнее о структуре социокультурной компоненты см.: Лапин Н.И., Беллева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: Институт философии РАН, 2010.

ных индексов означает *итоговый индекс* ПМ страны в данный год.

Как были определены **стандартные индексы ПМ**? Еще при подготовке инструментария ЦИМ АНК подсчитал *средние реальных значений* каждого индикатора 19 индустриально развитых стран по их состоянию в 1960 г. Эти средние значения индикаторов данных стран ЦИМ АНК приравнял к 100%, т.е. принял в качестве стандартных для измерений ПМ в любой стране в любой год (кроме индекса ВВП на душу, который пересчитывается ежегодно по фактическому состоянию)¹⁶.

Стадия 2. Вторичная (информационная) модернизация. Она измеряется с помощью 16 индикаторов, которые представляют четыре специфические характеристики информационного общества: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. В отличие от первичной модернизации, значения *всех стандартных индексов* вторичной модернизации *ежегодно подсчитываются* как средние по современным данным развитых стран, которые имеют индекс ВМ 80 баллов и более.

Для каждой стадии модернизации определяются *четыре фазы*: начало, рост, зрелость, переход (к следующей стадии). Идентификация с фазой осуществляется с помощью структурных индикаторов, стандартные значения которых определены на основе данных за 200-летнюю историю индустриальных стран, в соответствии с содержанием фаз каждой стадии. **Рубежом** между первой и второй стадиями служит высшая фаза первичной модернизации – *фаза перехода к вторичной модернизации*. Вступление в эту фазу должно отвечать достаточно жестким требованиям к структуре экономики. Требуется: низкая доля сельского хозяйства в ВВП (не более 5%), а также низкая доля занятости в этом сегменте экономики (не более 10%). Фаза зрелости вторичной модернизации предполагает, что доля всей материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП и занятость в этой сфере должны составлять не более 20%. Адаптируя инструментарий китайских

коллег к российским условиям, для более точной оценки фаз ВМ регионов, ЦИСИ ввел *дополнительный индикатор*: доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженной продукции (для начальной фазы – 5,2%, для фазы зрелости – не менее 9%), а также предложил использовать долю затрат на НИОКР в ВВП при оценке фазовых значений ВМ (для начальной фазы – 1-2%, для фазы зрелости – не менее 3%).

Используется также *интегрированный индекс (ИИ) двух стадий модернизации, или индекс интегрированной модернизации (ИИМ)*. Он включает 12 индикаторов, большинство которых заимствованы из списков индикаторов каждой из стадий. ИИ отражает относительное различие между совокупным уровнем модернизации страны и среднемировым уровнем. Разные стадии модернизации одной страны могут одновременно находиться в различных фазах, поэтому нельзя определить их общую фазу; но можно сформулировать единую стратегию их одновременного, координированного осуществления; профессор Хэ называет ее *стратегией интегрированной модернизации*, но это не новая стадия модернизации, а *эффективный способ перехода* развивающихся стран от первичной к вторичной модернизации (см. рис. 1.3).

Использование инструментария ЦИМ АНК позволило участникам межрегиональной программы измерить *уровни модернизации* всех российских регионов и федеральных округов на каждой стадии их модернизации. Обобщенные результаты измерений представлены на графиках [см. рис. 1.4 (1, 2, 3)]. Они демонстрируют значительное повышение уровней первичной модернизации большинства федеральных округов. Более скромно росли индексы вторичной модернизации и, соответственно, интегрированные индексы двух стадий.

Состав индикаторов инструментария ЦИМ АНК, с помощью которых измеряются процессы модернизации, свидетельствует о том, что этот инструментарий позволяет измерить, прежде всего, социоэкономическую компоненту процесса (в особенности возрас-

¹⁶ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. М.: Весь Мир, 2011. С. 59.

Рисунок 1.3. Кривые переходов от первичной к вторичной стадиям модернизации

тание роли третьего сектора экономики), т.е. *социоэкономическую модернизацию*. Более того, поскольку инструментарий включает ряд социальных и культурных показателей, он позволяет частично измерять и *социокультурную модернизацию*, но далеко не достаточно. И лишь косвенно позволяет судить о технико-технологической и институционально-регулятивной компонентах.

Эти ограничения инструментария авторы Атласа учитывали при его подготовке, сосредоточив внимание на процессах, тенденциях и проблемах именно социоэкономической и социокультурной модернизации в России и ее регионах.

От фиксации уровней модернизации – к комплексному пониманию состояний (типов) модернизированнойности регионов и всей России

Субъекты модернизации могут эффективно способствовать ее успеху на основе научного измерения не одних только уровней, но *комплексных состояний (типов)* модернизированнойности – в *единстве стадий* модернизации, их *уровней и фаз* в каждом регионе. Соответственно, ЦИСИ Института философии РАН в 2010 г., адаптируя инструментарий китайских ученых к российским реалиям, сконструировал типологию этих состояний и, при поддержке специалистов регионов, применил эту типологию и выявил *динамику распространения состояний модернизированнойности регионов, их иерархию и кластеризацию*.

Ниже приведены шесть основных таких состояний (типов) и их содержание; аналогично хронологической нумерации двух стадий модернизации (первичная и вторичная), нумерация состояний модернизированнойности

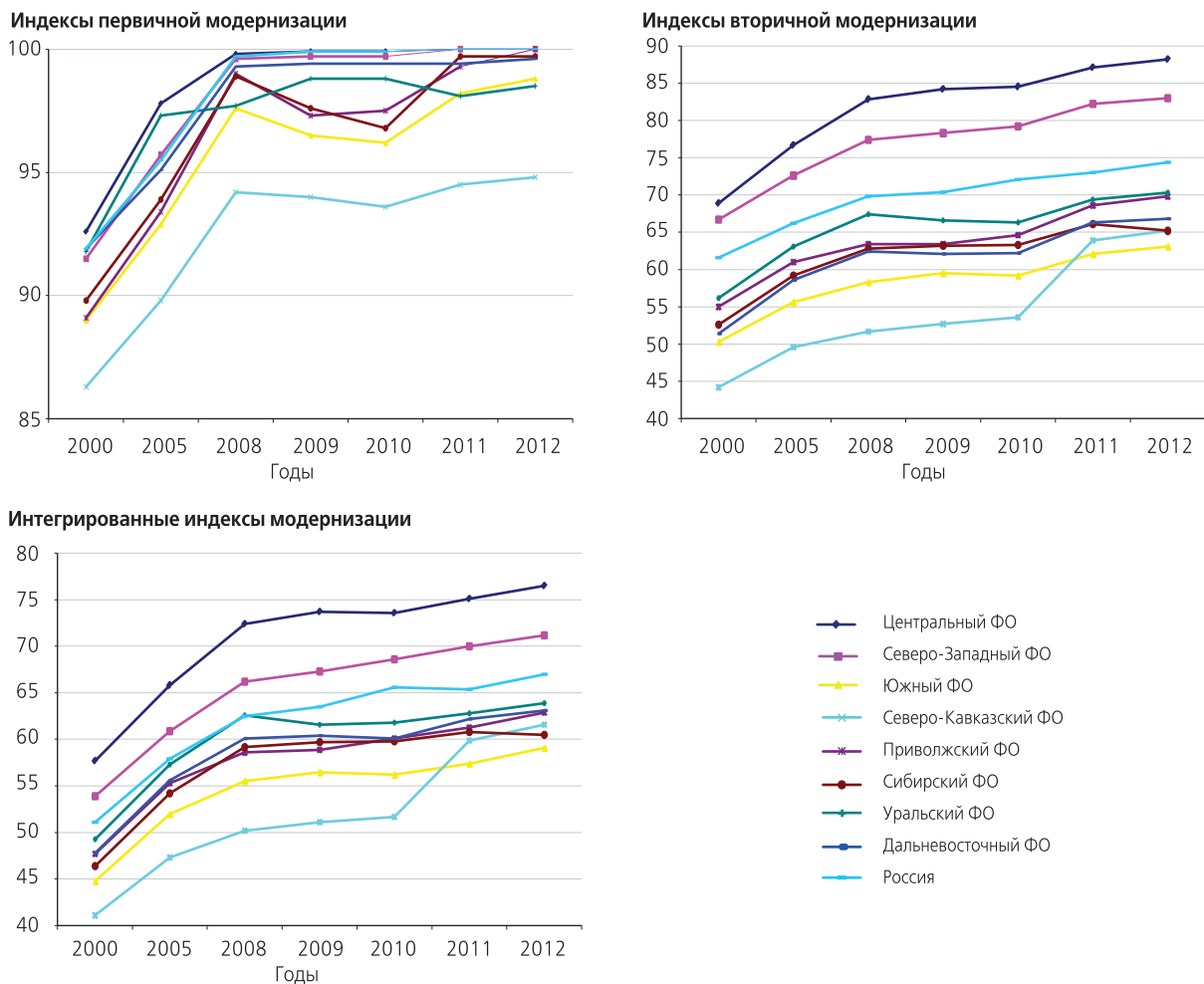

Рисунок 1.4. **Динамика индексов модернизации федеральных округов и России по стадиям и интегрированные: 2000–2012 гг.**

(от 1 до 6) возрастает от хронологически ранних, начальных значений уровней и фаз первичной стадии (а также уровней вторичной стадии) к более поздним и более высоким значениям обеих стадий. Это симметричный перечень, состоящий из двух частей: их дифференцирующей осью служит завершающая фаза первичной модернизации – фаза перехода к вторичной модернизации. Состояния (типы) 1–3 характеризуют регионы, которые еще не вошли в эту фазу и поэтому не могут быть идентифицированы с фазами вторичной модернизации; состояния (типы) 4–6 характеризуют регионы, которые уже вошли в фазу перехода, поэтому их можно отнести

к соответствующим фазам вторичной модернизации. Итак:

тип 1. Регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию: первичная модернизация – уровни низкий и ниже среднего, фазы начала и роста; вторичная модернизация – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

тип 2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни средний и ниже среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

Таблица 1.1

Динамика распространения состояний (типов) модернизованности регионов России

Состояния (типы) модернизованности регионов	Число регионов				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Состояния (типы) модернизованности регионов на вторичной стадии модернизации					
6. Регионы, развивающие (развитые) информационную (вторичную) модернизацию (на картах – красный цвет)	1	2	1	3	6
5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие (на картах – оранжевый)	3	3	8	4	8
4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию (на картах – светло-зеленый)	9	9	12	11	11
<i>Всего таких регионов</i>	13	14	21	18	25
Состояния (типы) модернизованности регионов на первичной стадии модернизации					
3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации (на картах – оливковый)	7	12	20	23	29
2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (на картах – темно-синий)	45	40	29	33	23
1. Регионы, начинающие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (на картах – светло-коричневый)	18	17	13	9	6
<i>Всего таких регионов</i>	70	69	62	65	58
Всего регионов	83	83	83	83	83

тип 3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации; первичная модернизация – фаза зрелости, условные уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – условные уровни средний, выше среднего, идентификация с фазами невозможна;

тип 4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни средний и выше среднего; подготовительная и начальная фазы;

тип 5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза;

тип 6. Развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; фаза роста.

В табл. 1.1 приведены данные о динамике распространения комплексных состояний (типов) модернизованности регионов России в 2000–2010 гг.

Статус регионов в трансформирующейся России и их модернизационные кластеры

Переходя к содержательной характеристике состояний модернизованности регионов и всей России, необходимо иметь хотя бы краткое представление о более широком, цивилизационном контексте эволюции их состояний (с возникновения России как общества, государства, цивилизации до современного ее этапа), а также о статусе регионов в трансформирующейся России.

Особенности возникновения российской цивилизации, векторы ее эволюции

Россия – общество, государство, цивилизация – началась с выделения из распавшейся в XII–XIII

вв. Киевской Руси племенного союза русских, который вместе с другими восточно-европейскими союзами славян (потомками кривичей, вятичей, северян, владими́ро-суздальских и других племен) сформировал христианско-православную народность *великороссов*¹⁷. Она укоренилась на *Великом водоразделе* Восточно-европейской равнины – между бассейнами Белого и Балтийского, Черного и Каспийского морей. Этот водораздел образуют Среднерусская и соседние возвышенности, отделенные от Азии на востоке Уральским хребтом, а на юго-востоке и юге – горами Северного Кавказа, Каспийским, Азовским и Черным морями. Это было уже не языческое племя, а народность, формировавшаяся как *восточноевропейское сообщество* – не только достаточно большое для того времени, но и внутренне структурированное именно как *общество*. Оно восприняло от Киевской Руси начала княжеско-дружинной государственности и было готово к соборной солидарности как практикам исходного социума (отчасти такую солидарность уже воплощала Новгородская вече́вая республика).

Таким образом, исток русского общества, государства и цивилизации находится в *северосрединном евразийском* пространстве (на севере континента Евразия, близко к Северному ледовитому, но весьма удаленно от теплых Атлантического и Тихого океанов, см. рис. 1.5). Этот исток возник как результат взаимодействия одной из ветвей славян с другими ее ветвями и с другими этносами. И продолжил эволюционировать во взаимодействии со многими этносами, государствами, цивилизациями в новом качестве – как самоорганизующееся ядро своеобразной, российской цивилизации.

Уточним: под **цивилизацией** мы понимаем исторически сложившийся способ жизнеустройства большого сообщества людей, который обеспечивает относительно устойчивое существование этого сообщества и позволяет его членам создавать условия для саморазвития их собственно человеческих качеств.

¹⁷ Не следует забывать, что с принятием православия русские, великороссы обрели как единые духовные ценности и правила богослужения, так и общие праздники, и привычные имена, уникальную иконопись и храмовое зодчество, русский алфавит и европейский календарь.

Основные компоненты такого состояния: множество людей как особей *homo sapiens*; географическое положение ареала проживания этих людей, природно-климатические условия их жизни; такой тип культуры, который позволяет людям отодвинуть природные границы биологического существования их сообщества, обеспечивая относительную его устойчивость и возможность развития их собственно человеческих качеств; тип социума (совокупности общественных отношений), который соответствует или не соответствует типу культуры, т.е. способствует или препятствует осуществлению культурного потенциала людей. **Российскую цивилизацию** мы рассматриваем как северо-срединную на евразийском континенте. По истокам культуры она преимущественно восточно-европейская (христианско-православная), но длительное время находится в диссонансе с российско-азиатским этатизмом ее социума, который возник в результате 250–300-летнего владычества Золотой Орды, могущественной в XIII–XV вв.¹⁸ Азиатские социальные практики господствующих сословий стали препятствием для осуществления потенциала европейской культуры этих сословий и всего населения.

Становление русского общества (и российской цивилизации) представляло собой *противоречивый социокультурный процесс*, который включал не только противоречия структуры, но и смену векторов эволюции. В XIII–XIV веках, под давлением утверждавшейся могущественной монгольской Орды Чингисхана и татарских ханств, географическое пространство Руси оказалось максимально сжато на Великом водоразделе. В демографически «скупенном» сообществе (В.О. Ключевский) возникло высокое напряжение (подобное высокому давлению внутри ядра), которое определило исходный вектор его эволюции. Этот вектор можно считать *эндогенно-антроп-*

¹⁸ Подробнее см. *Лавин Н.И.* Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. М., 2015, № 4. С. 3–17; Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. М., 2015, № 6. С. 3–15.

Источник. Лаженцев В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. № 1. С. 82.

Рисунок 1.5. Широтная проекция Севера России

ным, направленным на развитие *внутренних ресурсов* русского общества, на повышение социокультурного потенциала населения. Этот вектор воплотился в *Московском княжестве*, которое политически объединило этнос великороссов и обрело характер *русского национального государства* – «Московии». Москва объявила себя преемницей Византии и столицей православия – третьим Римом, после павшего Константинополя (второго Рима). Это был важный шаг русских/великороссов по пути становления в качестве политической нации, но они быстро оказались в центре более широкого исторического процесса – становления многоэтничной и разноконфессиональной *русской цивилизации*.

В XVI–XVIII веках эндогенно-антропный вектор значительно ослаб и сменился новым, направленным вовне – *экзогенно-колониальным*. Фактически же эволюция великороссов обрела иное качество, которое долгое время оставалось неясным, – возник новый ее этап – этап *формирования* российской цивилизации. По мере расширения территории (см. рис. 1.6) население русского государства становилось многоэтничным, превращалось в *русское*, а имперская Россия – в *русскую цивилизацию*. Численность России быстро росла. В 60-х годах XVIII в. Россия стала самым населенным государством в Европе: на ее территории проживали 18% населения всей Европы, а в 1910 г. – 32%¹⁹.

¹⁹ Там же. С. 20–25.

Источник: http://statehistory.ru/img_lib/blog/maps/territory_growth.png. Автор карты Коряков Ю.Б.

Рисунок 1.6. **Расширение территории России с 1613 по 1914 гг.**

Но вседозволенность господствующих сословий империи препятствовала развитию внутренних ресурсов населения России, которая все более отставала от других стран Европы. Во второй половине XIX в. непосильной стала *цена огромного пространства* (его обороны, создания коммуникаций, хозяйственного освоения) – обнаружили пределы расширения России как государства и началось сужение ее пространства, которое вначале сочеталось с инерционным его расширением. Государство за бесценок «продало» Аляску Северо-Американским Соединенным Штатам, получив дополнительный ресурс для овладения Средней Азией, затем пошло на уступки Японии на Дальнем Востоке; после революции 1917 г. были утрачены Латвия, Литва, Польша, Финляндия.

Однако в СССР, за 60 лет (1924–1984 гг.), в результате авторитарных мобилизаций сверху были достигнуты впечатляющие результаты индустриализации народного

хозяйства. По объему промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе место в мире (после США). Он стал одним из лидеров в создании и использовании атомной энергии и военной техники, в развитии авиации и освоении космоса. Вместе с тем, «одной из основных причин краха советской экономики стало ее нарастающее отставание от мировых лидеров, обусловленное бюрократизацией процессов централизованного планирования и загниванием ведомственных монополий»²⁰.

Радикальная трансформация России и хаотичная деиндустриализация в конце XX в.

На рубеже 80–90-х годов XX века началась радикальная трансформация России – как

²⁰ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. С. 114.

государства, общества и цивилизации. По соглашению с руководством Украинской и Белорусской ССР, подписанному в Беловежской пуще, Россия сама сузила свою территорию до границ РСФСР, вне которых оказался Крым. Произошел распад СССР и Россия восстановилась как самостоятельное государство ценой нового, самого значительного ее пространственного уменьшения.

В результате инициированного Президентом и Правительством постсоветской России следования рекомендациям Вашингтонского консенсуса, обвальная инфляция и персонально ориентированных залоговых аукционов произошла повсеместная хаотичная деиндустриализация, которая подорвала производственные фонды обрабатывающей промышленности страны, третьего и четвертого ее технологических укладов. Российская статистика плохо учитывает эти процессы, хотя существенные их последствия сохранились во многих регионах. Вектор эволюции России как цивилизации оказался под сильным *экзогенным* воздействием.

Основным поведенческо-институциональным содержанием трансформации вновь стала вседозволенность авторитарных слоев, включая быстро размножившиеся бандитские группы. Персонифицированная ваучеризация, залоговые аукционы и другие рукотворные акции реформаторов в 90-е годы создали условия хаотичного возникновения средних и крупных, но неэффективных собственников, ориентированных на немедленное получение максимальных доходов любыми способами – «пока есть такая возможность». В сочетании с вульгарно-монетаристскими технологиями в финансовой сфере эти меры породили хаотично нарастающую деиндустриализацию отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Наибольшие разрушения произошли в наукоемкой промышленности, особенно в машиностроении, в легкой промышленности и производстве товаров народного потребления.

Инновационность продукции обрабатывающей промышленности упала до 1%. Еще более глубокая деиндустриализация произошла в сельском хозяйстве, которое

было разрушено путем раздачи крестьянам абстрактных «паев» земли (своего рода аграрных ваучеров) вместо конкретных земельных участков. О совершившемся спаде за первые 5 лет реформ можно судить по данным в табл. 1.2.

Таким образом, в начале нового столетия Россия в основном спонтанно перестала быть одной из индустриально развитых стран. Возникла задача восстановления индустриальной базы обрабатывающей промышленности и всей экономики, обострилась потребность в модернизации общества в целом как способ решения фундаментальной проблемы современной России – проблемы нового *цивилизационного выбора*.

Прежде чем представить реалии процессов модернизации в регионах, дадим характеристику их статуса в российском обществе и государстве.

Регионы в Российской Федерации, их статус в обществе

Современная Россия – федеративное государство со сложным территориальным устройством. В этом отношении она далеко не единственная. США – тоже федеративное государство, значительно меньше России по площади, но разделяется более чем на 50 штатов, законы которых существенно различны. Франция – унитарное государство, еще меньшее по площади, но разделяется при этом на 95 департаментов. Асимметричный статус имеют ряд территорий Италии и Испании. Эти и другие особенности территориального устройства различных государств объясняются историко-культурными условиями их формирования. В полной мере это относится и к России.

История административно-территориального районирования России изучена недостаточно. Оставляя в стороне исторические детали, отметим, что первую целостную административную систему управления в России создал император Петр I: в 1708 г. централизованное государство было разделено на 8 губерний во главе с губернаторами, в чьем ведении находились войска. Это были

Московская, Петербургская, Киевская, Архангельская, Смоленская, Казанская, Азовская, Сибирская губернии. В свою очередь, они были разделены на 50 провинций, которые делились на уезды. В 1775 г. Екатерина II весьма детально определила «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

В XVIII–XIX вв. состав губерний и уездов неоднократно изменялся. Земская реформа 1864 г. вводила в центральных губерниях и уездах новые учреждения – земства, органы самоуправления по хозяйственным и просветительским вопросам; вскоре началась близкая по смыслу городская реформа. К началу XX в. земства проявили высокую активность. Несмотря на запреты, состоялся съезд председателей земств в Нижнем Новгороде, а в 1905 г. – в Москве. Впрочем, полноценная история земств еще не написана.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. ликвидировали абсолютистскую монархию и учредили представительскую республику. В итоге гражданской войны сначала возникла федеративная РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, затем СССР – федеративный Советский Союз Социалистических Республик как государственно-политический образований «титовых» наций, которые имели право выхода из Союза. В нем РСФСР представляла территорию нынешней России, включая Крым. В рамках республик выделялись большие экономические районы или макрорегионы. В РСФСР их число менялось от 18 до 11, но они не имели административно-управленческого характера. Тем не менее, по предложению В.И. Вернадского, при Правительстве был создан Совет по развитию производительных сил (СОПС), обеспечивавший подготовку научно обоснованных показателей макрорегионов. Административно-территориальное деление СССР, состав его регионов изменялись весьма часто.

После распада СССР была принята Конституция Российской Федерации – России (декабрь 1993 г.). Она подтвердила и углубила принцип *федеративного* устройства, предоставив бывшим республикам, краям, областям, автономным округам РСФСР *статус субъектов* Российской Федерации, т.е. форм государственности, но без права выхода из России.

Таблица 1.2

Спад продукции, инвестиций, доли отечественных товаров на потребительском рынке России (первые 5 лет реформ)

	1992	1996
Вся промышленность (индексы, 1990 = 100)	75	48
В том числе:		
– добывающая	85	67
– обрабатывающая	74	43
Крупный рогатый скот (млн голов, в хозяйствах всех категорий)	54,7	31,7
В том числе:		
– коровы	20,6	14,6
– свиньи	35,4	17,3
– овцы и козы	55,3	19,3
Инвестиции в основной капитал (индексы, 1990=100)	51	25
Товарные ресурсы, направленные на потребительский рынок	100	100
В том числе:		
– отечественные	77	48
– поступившие по импорту (включая неорганизованный ввоз)	23	52

Источник: *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. С. 254–258, на основе табл. 1, 2, 3, рис. 1.

Как субъект Российской Федерации регион представляет собой территориальную единицу политико-административной, экономической и социально-культурной структуры страны; его правовой статус в целом определен Конституцией России, а более конкретно – конституцией (в республиках) или уставом (в краях и областях) конкретного субъекта Российской Федерации. Органы власти региона имеют собственные бюджеты, формируемые за счет налоговых отчислений от доходов местных предприятий и организаций, а многие – еще и за счет поступлений (трансфертов) из федерального бюджета. Они разрабатывают и реализуют программы социально-экономического развития региона, участвуют в федеральных целевых программах. Регион служит объектом государственного управления и, вместе с тем, является его субъектом: региональные органы власти осуществляют контроль за деятельностью подведомственных организаций, регулирование политико-административной, социальной и производственной инфраструктуры региона.

Всего в составе Российской Федерации было фиксировано 89 субъектов. Затем их число уменьшилось до 83 за счет вхождения некоторых автономных округов в состав соседних краев и областей; в 2014 г. в Россию вернулись два региона: Крым и Севастополь. В основном утвердилось верховенство федеральных законов над законами субъектов Российской Федерации, но сохраняется асимметричность некоторых символов государственности в пользу республик. Между федеральными органами и многими субъектами Российской Федерации заключены специализированные договоры и соглашения. Многие органы федеральной власти имеют на территориях субъектов свои, региональные структуры.

Создание субъектов Российской Федерации в 1993 г. стало лишь началом нового ее регионального структурирования. Сохранились прежние Советы депутатов трудящихся на местах, избранные в 1990 г., – их было почти 30 тысяч. В 1993–2000 гг. была осуществлена *первая административная реформа*, нацеленная на развитие местного самоуправления: были

упразднены местные Советы и мирно закончено целенаправленное упразднение советской власти на местах. Взамен были созданы около 12 тыс. единиц местного самоуправления.

Тем не менее, это еще не обеспечивало четкого функционирования вертикали власти. В некоторых республиках, нередко при поддержке из-за рубежа, нарастали требования собственных законов, противоречащих федеральным. Сохранялась угроза целостности России, основным ее очагом был сепаратизм приверженцев Д. Дудаева, вызвавший кровопролитные террористические акты и войну в Чеченской Республике. Для преодоления этой угрозы и повышения эффективности централизованного управления указом Президента России В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» 13 мая 2000 г. **были выделены 7 федеральных округов:** Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Их границы отличались от экономических районов и совпадали с границами военных округов того времени²¹. В каждом федеральном округе президент России назначает полномочного представителя, функции которого определены соответствующим положением и который формирует администрацию округа. Затем из Южного ФО был выделен Северо-Кавказский. Всего имеются 8 федеральных округов, в границах которых осуществляется контроль за реализацией государственных решений, анализ результатов социально-экономического развития, другие функции управления в рамках системы стратегического планирования.

Таким образом, возник второй региональный мезоуровень – **федеральный округ** как новый вид макрорегионов. Формально его можно считать административно-управленческим. Вместе с тем, как показывают результаты социологических исследований, представленные в настоящем Атласе, одни федеральные округа постепенно обретают

²¹ Федеральные округа России. Региональная экономика: учебное пособие. Под ред. В.Г. Глушковой и Ю.А. Симагина. М.: КНОРУС, 2016. С. 6–13.

характеристики социокультурных сообществ, а другие остаются социокультурно разнородными. К сожалению, специфика федерального округа как социокультурного сообщества недостаточно изучена социологами²².

Считаем обоснованным для анализа процессов модернизации выделить четыре уровня социокультурного пространства: 1) Россия как целое, 2) федеральные округа как макрорегионы, 3) входящие в них регионы, 4) муниципальные образования в регионах. При этом необходимо использовать данные не только статистики, но и социологических исследований, выявляющих отношение основных групп населения к результатам процессов модернизации. Авторы Атласа активно участвуют в создании социокультурных портретов регионов России. Опубликованы портреты около трети субъектов Российской Федерации, в которых достаточно комплексно отражены основные сферы их жизнедеятельности²³. Состав этих субъектов представляет основные типы модернизированной российских регионов и модернизационные кластеры федеральных округов, что позволило более конкретно представить процессы региональной модернизации в Атласе.

К настоящему времени эти задачи удалось решить далеко не полностью²⁴. Во многом *terra incognita* остается первичный, муниципальный уровень социокультурных процессов, совершающихся в России, в том числе процессов модернизации. После пер-

вой административной реформы, упраздненной местные Советы депутатов, в 2003–2008 годах проведена еще одна – «реформа реформы», которая завершилась удвоением числа муниципальных образований (их стало свыше 24 тыс.). Таким образом, за последние четверть века дважды была изменена административно-территориальная организация всех муниципальных образований Российской Федерации. Видимо, это обеспечило полную их десоветизацию. Предстоит изучить другие ее результаты.

Регионы Российской Федерации унаследовали качество *многонациональности* или полиэтничности как характерную черту российской цивилизации. В большинстве регионов представлены десятки, подчас более 100 этнических групп. Вместе с тем, представители около 70 этнических групп, преимущественно малых, живут компактно, сосредоточивая свыше 80% численности группы в каком-то одном регионе. Согласно оценкам профессора Л.М. Дробижевой, опирающимся на данные социологических опросов, для большинства представителей разных этносов Российской Федерации основными объединяющими факторами являются: государство, общая территория, государственный язык. Но историческое прошлое нередко воспринимается по-разному, а гражданскую составляющую российской идентичности предстоит еще укреплять²⁵.

Другой чертой российской цивилизации, сопряженной с многонациональностью, является традиционная *поликонфессиональность и межрелигиозная толерантность* во взаимоотношениях между людьми, относящими себя к различным религиям – православию, мусульманству, буддизму и др. Это проявляется в характерном для всех регионов высоком доверии населения к церкви как социокультурному институту и в низких показателях нарушений религиозных прав и свобод. А также в сходстве понимания пози-

²² В этом отношении российская экономическая наука уделяет больше внимания округам, особенно благодаря тесному взаимодействию с географией, – уже в СССР была создана лучшая в мире районная школа экономической географии. Она продолжает развиваться в постсоветское время. В рамках региональной экономики читаются курсы лекций в вузах, издан ряд монографий и учебников специально о федеральных округах (см. труды академика А.Г. Гранберга, М.Я. Гохберга и др.).

²³ Перечень публикаций социокультурных портретов приведен в книге: Социологические исследования и публикации участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева (отв. ред.-сост.) М.: Научно-координационный совет Секции ФПСПП Отделения общественных наук, 2014.

²⁴ В Атласе не представлен Северо-Кавказский федеральный округ, поскольку авторы не имели достаточно надежных статистических и социологических данных по регионам этого округа.

²⁵ Дробижева Л.М. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. С. 182–184.

тивной роли религии и религиозной веры в жизни человека и общества представителями разных религиозных групп, в сознании опасности религиозного экстремизма²⁶.

В широком, общетеоретическом смысле **регион как субъект Российской Федерации** – это исторически сложившееся *территориальное социокультурное сообщество* людей в составе большого общества, мезоуровень его социокультурного пространства. *Экономический статус* региона во многом зависит от федеральных властей, прежде всего от текущих инициатив исполнительной власти, подкрепляемых законодательными актами. Но система конкурентного бюджетного федерализма пока не сформирована. Напротив, федеральный центр продолжает следовать практике централизации финансовых ресурсов и последующего их перераспределения в виде трансфертов.

Весьма противоречивы *социальный и культурный статусы региона*. Региональное сообщество образует социокультурную среду, близкую жизнедеятельности его членов как личностей, мотивирует их действия; здесь комплексно и во многом непосредственно реализуются взаимоотношения индивидов друг с другом, а опосредованно – и с обществом. С середины 90-х годов федеральные власти возлагали на регионы все новые социальные и культурные функции, но при этом изымали источники средств, позволяющих осуществлять эти функции. Значит, усиливался дисбаланс социокультурных функций и экономических возможностей регионов.

В целом статус регионов в России остается противоречивым. Происходят изменения, особенно в условиях экономических кризисов. Эти изменения в той или иной мере удовлетворяют потребности федерального Центра и интересы местных элит, но не большинства населения регионов. Налоговое законодательство и многочисленные бюрократические щупальца (в том числе быстро выросшие

представители федеральных органов в регионах) препятствуют росту некоммерческого сектора, а значит, и гражданского общества в регионах. Общественный договор в этом, основном звене социокультурного пространства страны по-прежнему не имеет необходимой ему горизонтальной инфраструктуры²⁷.

Муниципальные образования и их органы управления представляют собой местное самоуправление. Согласно Конституции России, *местное самоуправление* отделено от государственной власти и обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Положения Конституции открывают значительные возможности для проявления *гражданской активности* населения, его инициативы на местном уровне. Однако реализация таких возможностей сдерживается отсутствием четких критериев, позволяющих отнести конкретные объекты к муниципальной собственности. Это препятствует формированию необходимого местного бюджета и решению соответствующих вопросов органами местного самоуправления.

Население имеет возможность создавать политические партии и иные общественные объединения, структуры гражданского общества, участвовать в выборах в органы власти всех уровней. Действительно, муниципальные образования и иные общности (*Gemeinschaft, community, commonality, commune*) – самые малые, но в совокупности самые массовые территориальные структуры. Они особенно значимы во взаимоотношениях государства и гражданина как человека – это *пограничная область* между ними, которая позволяет гражданину лично, опираясь на свой жизненный опыт, судить о деятельности государства, но это такая область, на которую государство может влиять лишь косвенно, через законодательное определение основных полномочий органов местного самоуправления. Здесь непосредственно формируются и функцио-

²⁶ Мчедлова М.М. Религия в институциональной проекции: политические и ценностные ракурсы // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015. С. 242–245, 271.

²⁷ Подробнее см.: Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регион. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS, 2011.

нируют *жизненные миры* людей – их потребности, интересы и ценности, их лицом-к-лицу коммуникации, взаимопонимание или непонимание, их взаимодействия и социокультурные страты²⁸. А также их гражданские позиции – как активных граждан, либо как отчужденных подданных. Негосударственный характер органов местного самоуправления призван стать барьером на пути огосударствления жизненного мира человека. Однако на практике государство нередко снижает содержание этого барьера до «вопросов местного значения», избегая принципиальных ограничений собственных устремлений и действий.

Правовые основы местного самоуправления конкретизированы в главе 8 Конституции Российской Федерации и детализированы в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. Вместе с тем, *содержание* понятий «местное самоуправление» и «муниципальное образование» не вполне определено, остается дискуссионным. Осуществление полномочий местного самоуправления сопряжено с административно-управленческими и социально-экономическими противоречиями²⁹.

Исследование муниципальных образований и иных первичных структур регионов – сложная задача, решение которой затрудняется из-за отсутствия в статистике многих показателей, относящихся к состоянию экономики муниципальных образований, тем более – их социокультурной модернизации.

Модернизационные кластеры регионов – субъектов Российской Федерации

На рис. 1.7 представлены карто-схемы России, на которых регионы маркированы соответственно шести состояниям (типам) их модернизированности, т.е. комплексно учтены

²⁸ Отметим появление первого комплексного социологического исследования «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.)». Под ред. Тощенко Ж.Т. М.: ЦСП и М., 2016.

²⁹ Административная реформа в субъектах Российской Федерации. Под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М.: Институт сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2008; *Лексин В.Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М.: ИНФРА-М, 2008.

уровни индексов стадий и фазы их модернизации в 2008–2012 г. На первый взгляд, карты могут восприниматься как мозаики, однако при их анализе можно различить в них *модернизационные кластеры регионов* – пространственно смежные регионы, которые имеют потенциально сходные функции в модернизационном пространстве страны и могут активно взаимодействовать для повышения эффективности осуществления своих функций.

Различаются два вида модернизационных кластеров регионов. Одни кластеры включают регионы, которые находятся на одинаковых стадиях, в близких фазах модернизационного процесса и представляют собой *одноуровневые соседства*. Другие образованы противоречивыми комбинациями регионов, которые находятся на разных стадиях-фазах модернизации, и представляют собой *разноуровневые узлы*, в центре которых находятся наиболее развитые ядра.

В табл. 1.3 предварительно выделены несколько одноуровневых кластеров-соседств и разноуровневых кластеров-узлов. Пространственные конфигурации одних кластеров находятся в границах федеральных округов, а других – выходят за их границы, образуя своеобразные модернизационные пространства. Те и другие в основном обозначились уже к 2008 г., а более отчетливо выявились к 2012 г. По сути, это новые объекты координации и целенаправленного регулирования. Они требуют дальнейшего изучения и внимания органов управления. Их существование учтено в предложениях, которые содержатся в последующих главах Атласа об этапах реализации стратегии интегрирующей модернизации регионов.

Очевидный интерес представляет кластер-узел «Центральный», включающий 10 регионов. Его ядро образуют Москва и Московская область, а разноуровневую периферию – 8 регионов, смежных со столичной агломерацией. Столичное ядро исторически призвано быть двигателем, повышающим уровни модернизации соседних регионов. Кластер-узел центральных регионов существует, необходим субъект управления, стимулирующий их горизонтальные взаимодействия и задающий вектор их движения.

Таблица 1.3

Модернизационные кластеры регионов России, 2010 г.

Кластеры (стадии, фазы, ВМ-уровни)	Регионы
1. Одноуровневые кластеры-соседства	
Северо-Евразийский: ПМ-зрелость; ВМ-уровни ниже среднего	Республика Коми, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО
Средне-Поволжский: ПМ-зрелость; срединные ВМ-уровни	Республики: Татарстан, Башкортостан, Чувашская; области: Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская
Южно-Сибирский: ВМ-начало	Новосибирская, Омская, Томская области;
Южно-Азиатский: ПМ-зрелость; средние ВМ-уровни	Республики Хакасия, Тыва, Бурятия, Забайкальский край, Амурская области, Еврейская автономная область
Пригранично-Дальневосточный: ПМ-зрелость и ВМ-начало; средние ВМ-уровни	Приморский край, Хабаровский край, Магаданская область
2. Разноуровневые кластеры-узлы	
Северо-Западный: ВМ-рост и ПМ-зрелость; высокий, средние уровни ВМ	Петербург; республика Карелия, Новгородская, Ленинградская, Мурманская область
Центральный: ВМ-рост среди модернизационных перепадов; высокий и средние уровни ВМ	Москва, Московская область; Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Ивановская, Ярославская, Тверская области
Средне-Поволжский: ВМ-рост среди модернизационных перепадов; высокий и средние ВМ-уровни	Нижегородская область; республика Марий Эл; Чувашская республика, р. Мордовия
Уральский: ВМ-подготовка и начало; средние ВМ-уровни	Пермский край; Свердловская, Челябинская, Курганская области

Модернизационные кластеры федеральных округов

Эффект кластеризации обнаруживается и на уровне федеральных округов России.

Карто-схемы модернизированности федеральных округов (рис. 1.8) показывают, что в 2000–2012 гг. **повысилось качество** состояний (типов) модернизированности всех федеральных округов. Однако, по сути, **лишь модифицировалась прежняя иерархия их модернизированности**. Южный и Северо-Кавказский ФО поднялись из низких состояний (тип 2) в состояние ниже среднего (тип 3, невысокие уровни вторичной модернизации). Вновь выше их по уровням ВМ оказались Приволжский, Сибирский и Дальневосточный ФО (тип 3). Но все эти ФО остались **на стадии первичной модернизации**.

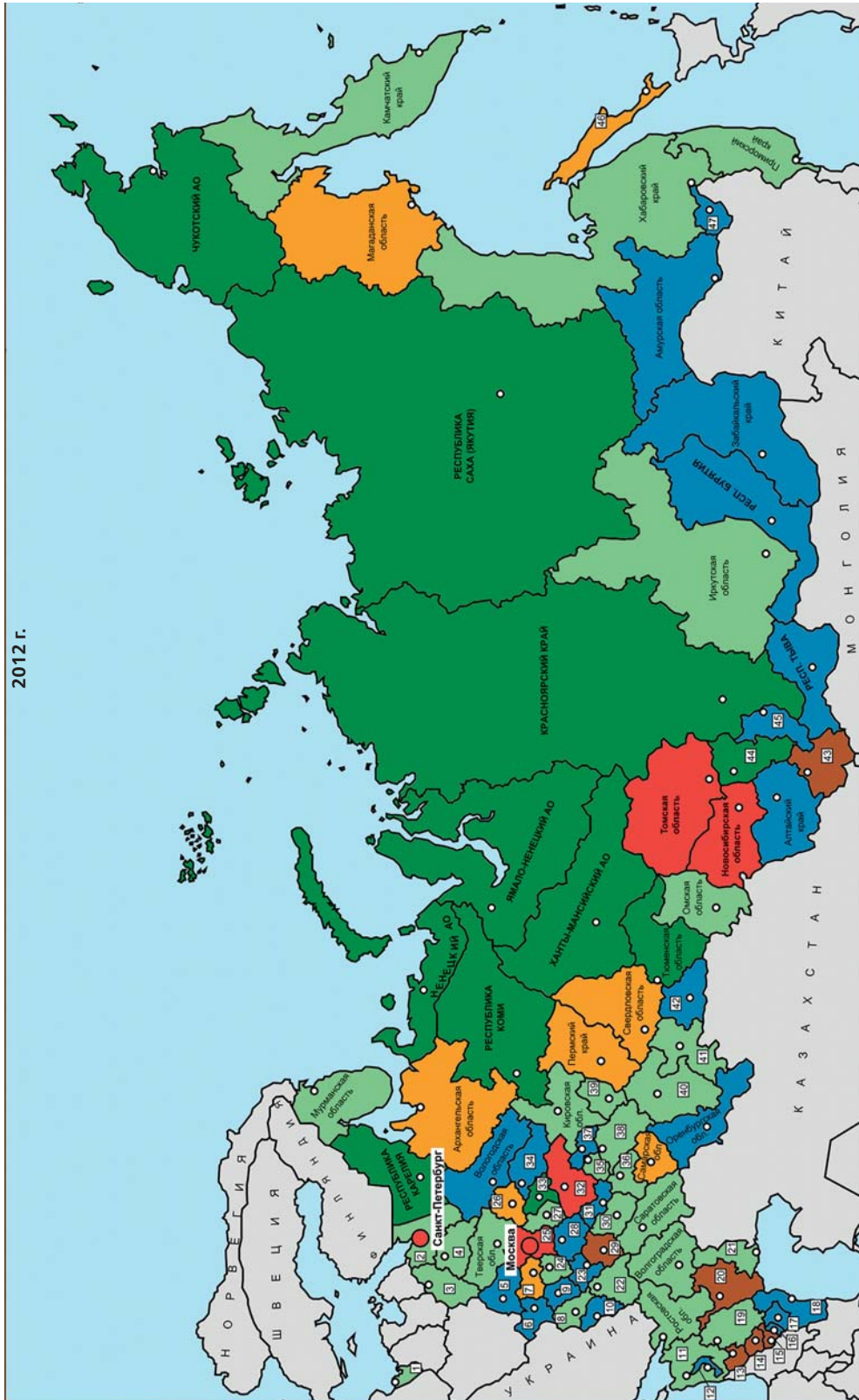
Вместе с тем, теперь уже не один, а три ФО **оказались на стадии вторичной модернизации**: не только Северо-Западный, но также Центральный и Уральский ФО. При этом

Центральный ФО поднялся выше Северо-Западного ФО, а Уральский ФО по-прежнему отстает от них, но дистанцировался от Сибирского и Дальневосточного округов (он поднялся в тип 4, а два зауральских округа – лишь в тип 3). Дело не просто в неравномерности модернизации в различных регионах. Более существенно **сохранение иерархии состояний** модернизированности регионов, даже в условиях их позитивной динамики – прежде всего, на уровне регионов, а обобщенно – и на уровне федеральных округов России.

Сопоставление карто-схем, приведенных на рис. 1.8, и анализ данных таблицы 1.4 позволяют выделить 4 **модернизационных кластера федеральных округов России**, которые различаются состояниями модернизированности и векторами эволюции этих состояний. Значения этих различий можно уточнить с помощью графиков их динамики (см. выше рис. 1.4).

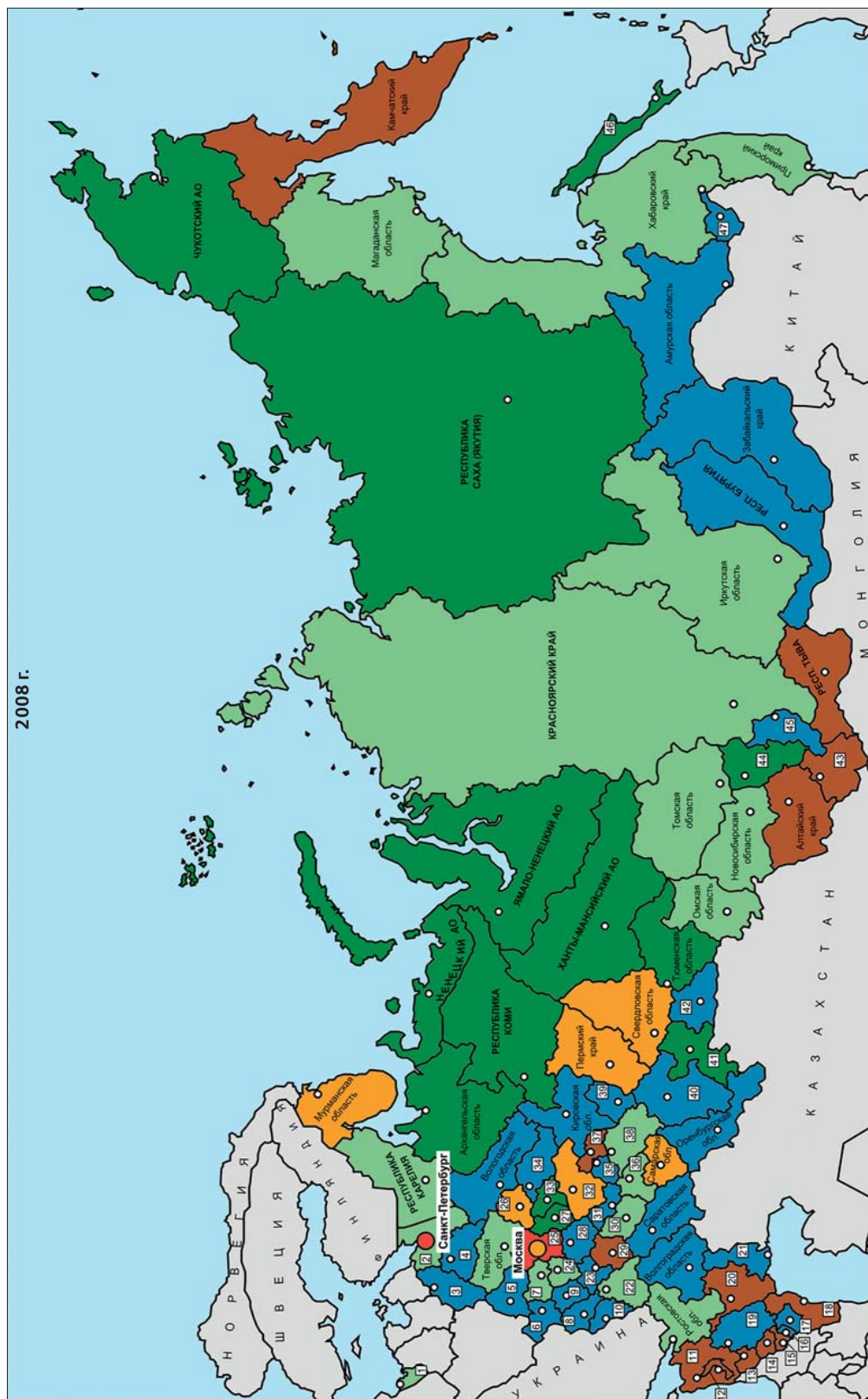
Прежде всего, это 2 кластера макрорегионов, находящихся на **первичной стадии**

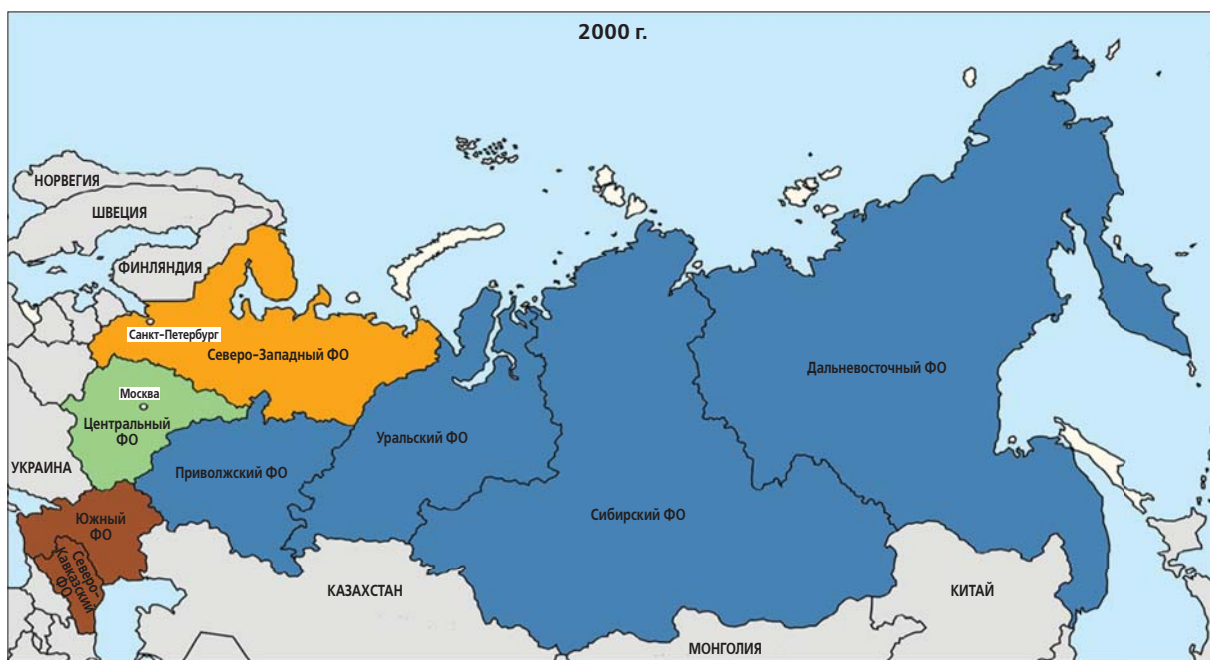
ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (.) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Калининградская; 2 – Ленинградская; 3 – Псковская; 4 – Новгородская; 5 – Смоленская; 6 – Брянская; 7 – Калужская; 8 – Курская; 9 – Орловская; 10 – Белгородская; 11 – Краснодарский; 12 – Адыгея; 13 – Карачаево-Черкесия; 14 – Кабардино-Балкария; 15 – Северная Осетия – Алания; 16 – Ингушетия; 17 – Чеченская; 18 – Дагестан; 19 – Ставропольский; 20 – Калмыкия; 21 – Астраханская; 22 – Воронежская; 23 – Липецкая; 24 – Тульская; 25 – Московская; 26 – Ярославская; 27 – Владимирская; 28 – Ивановская; 29 – Тамбовская; 30 – Пензенская; 31 – Мордовия; 32 – Нижегородская; 33 – Ивановская; 34 – Ульяновская; 35 – Чувашия; 36 – Ульяновская; 37 – Марий Эл; 38 – Татарстан; 39 – Удмуртия; 40 – Башкортостан; 41 – Челябинская; 42 – Курганская; 43 – Алтай; 44 – Кемеровская; 45 – Хакасия; 46 – Сахалинская; 47 – Еврейская.

Рисунок 1.7. Карто-схемы состояний модернизированности регионов России: 2008, 2012 гг.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже срединного, предварительный	ПМ: зрелость; ниже срединного	ПМ: зрелость; срединный выше срединного	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше срединного, срединный	ВМ: рост; высокий, выше срединного

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Рисунок 1.8. Карто-схемы модернизованности ФО России

модернизации. (1) Кластер ниже средних состояний модернизированности образуют Южный и Северо-Кавказский округа: их характеризует заторможенное, сравнительно поздно начавшееся повышение состояний первичной модернизации, лимитированное фазами перехода к зрелости и низким уровнем вторичной модернизации. **(2) Кластер средних состояний модернизированности** составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа, которые достигли фазы зрелости первичной модернизации с запаздыванием, но при этом многие регионы поднялись к среднему уровню вторичной модернизации.

Еще 3 макрорегиона находятся на **вторичной стадии модернизации.**

Среди них **(3) кластер выше среднего** представляет один федеральный округ – Уральский. Благодаря нефти и газу автономных округов Тюменской области и промышленности Свердловской области он уже к 2005 г. вошел в стадию вторичной модернизации и сохранил эту позицию к 2010 г. **(4) Высокий кластер** образуют Северо-Западный и Центральный федеральные округа, которые во многом благодаря своим столицам уже в 2000 и 2005 гг. вошли во **вторичную стадию модернизации** и находятся в фазах ее начала и роста.

Таблица 1.4

Модернизационные кластеры федеральных округов России*

Стадии модерниз., ФО	Векторы динамики (2000–2012)	Состояния (типы) модерн., 2012	Уровни ИИСБ, 2012	Характер отклонений составляющих от ИИМ, 2012
ВТОРИЧНАЯ (ИНФОРМАЦИОННАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВМ)				
(4) Высокий модернизационный кластер				
Центральный	Переход к ВМ (к типу 6, рост)	6	В	Опережают социальная и когнитивная составляющая
Северо-Западный	Устойчивость ВМ (тип 5, рост)	5	В	Опережают социальная и когнитивная составляющие
РОССИЯ	Переход к ВМ (к типу 5; рост)	5	В	Опережает социальная составляющая
(3) Выше среднего модернизационный кластер				
Уральский	Переход к ВМ (к типу 4; начало)	4	С	Опережает социальная составляющая
ПЕРВИЧНАЯ (ИНДУСТРИАЛЬНАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПМ)				
(2) Средний модернизационный кластер				
Приволжский	Повышение ПМ (к типу 3, зрелость)	3	НС	Отстает экономическая составляющая
Сибирский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, зрелость)	3	С	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Дальневосточный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, зрелость)	3	ВС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
(1) Ниже среднего модернизационный кластер				
Южный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, рост и зрелость)	3	С	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Северо-Кавказский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, рост)	3	НС	Отстает экономическая составляющая

* Обозначения, источник. ФО – федеральные округа; ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса, или три составляющие модернизации: экономическая; социальная; когнитивная или знаниевая. Фиксировано положение субиндексов относительно значений ИИМ: «опережает (выше)» или «отстает (ниже)». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. Федеральные округа расположены аналогично хронологической нумерации двух стадий модернизации, снизу вверх: от хронологически ранних, начальных значений типов модернизированности к более поздним значениям, с более развитым их содержанием. Если динамика состояний повышающая, в правом столбце отмечены опережающие составляющие (выше ИИМ), а если динамика не повышающая или заторможенная, то отмечены отстающие составляющие (ниже ИИМ). Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

Наличие существенных различий между состояниями модернизованности макро-регионов чревато социально-политическими рисками. Особенно чувствительны и рискованы такие ситуации для *приграничных субъектов* Российской Федерации. Сегодня в Российской Федерации 28 субъектов из 85 – приграничные. Социальноэкономические и социокультурные различия между территориями служат почвой для активизации национал-сепаратистских настроений. Эти настроения, особенно если их носители финансируются извне, образуют мобилизационный потенциал для становления идеологических платформ и лозунгов, которые с помощью информационных технологий используются для рекрутирования активистов социально-политических групп и движений, вынашивающих планы отделения тех или иных регионов от России.

Однако достаточно ли интерпретировать выявленные различия между модернизованностью макрорегионов только в рамках процессов модернизации? Не таятся ли за ними более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационные корни? По-видимому, не следует смешивать социальные различия, противоречия, которые обусловлены проблемами российского социума, и этноконфессиональные, культурные особенности, которые коренятся в историко-культурном многообразии этносов, населяющих многоэтничную и многоконфессиональную Россию. Социальные противоречия необходимо преодолевать, а культурные особенности, напротив, следует учитывать и использовать как один из ресурсов успешной модернизации России как государства и цивилизации.

Глава 2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СТРУКТУРАЦИЯ ОБЩЕСТВА

На пути модернизации российского общества встречается много проблем самого разного свойства. Среди них есть такие, которые носят системный характер и могут восприниматься как вызовы для модернизации или как потенциал развития в зависимости от того, насколько поняты эти проблемы, а общество смогло перевести их в плоскость политико-социальных и экономических решений, определить целевые установки и этапы. На общество, которое не смогло найти ответ, такие вызовы могут оказывать разрушительное воздействие.

Как писал А.Дж. Тойнби, «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста»¹.

Прогресс общества, а в случае современной России – его модернизация, зависят от способности дать адекватный ответ на вызовы внешней среды и вызовы внутренние. Оставим в стороне геополитические вызовы внеш-

него характера, связанные с положением России в мире, отношениями со странами и международными организациями, сосредоточив свое внимание на внутренних вызовах. Впрочем, запрос на модернизацию вообще возникает, как правило, как реакция на внешние угрозы и обстоятельства конкуренции за эффективность развития, при этом в истории России он систематически формируется как реакция на вызов Запада (а теперь и Востока). Такие внешние вызовы играют обычно более важную роль, чем внутренние, и побуждают элиты к социально-экономическим и политическим преобразованиям. И в этом контексте модернизация в России может рассматриваться как догоняющее развитие, хотя от этого термина в том смысле, как он применялся ранее – в XX веке, многие исследователи предлагают отказаться. По мнению В.Г. Федотовой, модернизация перестала быть догоняющей Запад и, хотя этот процесс по-прежнему предполагает вестернизацию, но теперь он не отказывается от усвоения любого другого позитивного опыта, в том числе истернизации², сохраняя главный смысл – реше-

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс-Культура, 1996.

² Истернизация – это модель развития человечества, базирующаяся на культурно-историческом генотипе народов Юга, прежде всего *стран быстрого развития* (СБР), к которым относят страны БРИК – Бразилию, Россию, Индию и Китай. Для «коллективного портрета» этих стран типичны следующие черты: наличие «имперского» (государственнического) настроения населения, связывающего свое благополучие с усилением международного влияния своей страны; стремление принять на себя возрастающую долю ответственности за международные дела; осознание своей «цивилизационной миссии» в ближайшем геополитическом и геоэкономическом окружении; стремление к установлению многополюсного мирового порядка на принципах равноправия, предсказуемости

ние проблем своей страны, инновационное развитие, способное преодолеть отставание не только в технико-экономической сфере, но и в сфере социальной, культурной, этической и пр.³ Стремясь к успешному решению этих проблем, нельзя игнорировать сложившуюся в обществе сложную систему групп интересов, а также соотношение и противоборство двух систем ценностей, среди которых одна ориентирована на личностный успех и развитие, а вторая исходит из интересов общества, государства и коллектива. Еще в середине 90-х годов прошлого века приходилось отмечать, что сложность модернизации российского общества зависит не только от разработанных социальных проектов, или от спонтанно осуществляемых преобразований, или от намерений правящей элиты, но и от того, что эти намерения и действия могут утонуть в тихой заводи традиций и привычек народной массы⁴. Сейчас бы я прибавила, что за годы постсоветского развития произошло значительное увеличение разнообразия интересов, усложнилась социальная структура общества, появились новые социальные группы, в том числе в результате международной миграции, резко выросло имущественное неравенство. Имели место и другие процессы, сопровождающие и нередко усложняющие ход модернизации в стране.

Если считать модернизацию жизненно необходимой для страны задачей, то главные проблемы, препятствующие ее решению, можно рассматривать как внутренние вызовы,

и порядка; уверенность в необходимости пересмотра ценностной основы существования человечества, отказа от безграничного потребительства, крайностей индивидуализма и морального релятивизма; нацеленность на создание глобальной культуры экологизма, коллективизма и духовности. «Можно предположить, что для БРИК характерен совместный, еще интуитивный, поиск *альтернативной модели развития*, основанной на утверждении многополярности, сбалансированном развитии экономики и торговли, а также внедрении элементов социальной справедливости во внутренней политике». См.: Мартынов Б. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2015. Т. 13, № 1 (40). 2015.

³ См.: Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

⁴ См.: Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: Институт философии РАН, 1997.

на которые нужно дать адекватный ответ. Этот ответ не может быть скоропалительным и исключает, по моему мнению, то, что называют *модернизационным прорывом*. В отличие от последнего, такой ответ требует систематической последовательной работы по созданию условий и стимулов для развертывания процесса перевода страны в качественно новое состояние, приближающего его к развитым странам мира по жизненным условиям для населения, эффективной занятости трудоспособных, социальной защиты нетрудоспособных, безопасности и правопорядка, обеспечение прав и свобод личности. Эти задачи не могут решаться в режиме рывка, порыва, поскольку они затрагивают социальные формы жизни, которые обладают большой инерционной силой и требуют естественно-исторического развития с приятием самим населением этих новых форм. Для каждого региона существует свой набор вызовов, требующих ответа. Задача настоящего Атласа – показать их значимость для страны в целом с учетом особенностей регионов и федеральных округов. Сегодня, безусловно, необходимо разработать стратегию модернизации страны и каждого региона с учетом его социокультурных характеристик и особенностей. При этом следует учесть цивилизационное своеобразие российского общества, которое, как подчеркнул Н.И. Лапин, включает такие основные компоненты как географическое положение, природно-климатические условия, тип культуры, совокупность общественных отношений. Эти компоненты цивилизации исторически сложились на определенной территории и обеспечивают относительно устойчивое существование сообщества⁵. Другое дело, насколько они способствуют наращиванию культурного потенциала членов общества, содействуют развитию человеческого потенциала. Вот здесь, в ответе на этот вопрос и раскрывается роль модернизации, которая способна увеличить возможности индивидуального развития максимального числа жителей страны, что содействует в конечном итоге прогрессу общества.

⁵ См. Главу 1 настоящего издания.

Внутренние вызовы можно условно разделить на три группы: вызовы, рождаемые природной средой и наличной территорией страны в соотношении с другими источниками экономического роста и улучшения благосостояния населения; вызовы, определяемые количеством и качеством человеческого капитала, и вызовы, исходящие из состояния институциональной среды и наличного социального капитала общества. Безусловно, проблема внутренних вызовов это комплексная проблема, охватывающая и объективные обстоятельства, связанные с уровнем предшествующего развития, и субъективные препятствия и возможности, рождаемые социокультурными особенностями и интересами населения, а также интересами и компетенциями элит.

Пространство и природные ресурсы России: препятствие или стимул модернизации?

Модернизация российского общества требует всемерного учета его пространственных характеристик. Россия одна из немногих «больших стран»⁶, в которых пространство обуславливает многие процессы экономического и социокультурного развития. Внутреннее устройство страны, административное деление и соподчинение, внутренние и внешние коммуникации, самосознание граждан и их самоощущение масштабов территории, восприятие страны за рубежом и дру-

гие особенности внутреннего существования и внешнего взаимодействия зависят от пространственных характеристик. Длительное время Россия расширяла и осваивала пространство, и это способствовало ее развитию. В массовом сознании эффективность государственных деятелей России традиционно соотносится с расширением территории. Но сегодня пространственное расширение уже не может так стимулировать развитие страны, как раньше, тем более при необходимости повышения уровня жизни населения здесь и сейчас. Во многих странах, достигших высоких экономических показателей и достойного уровня жизни населения, используются другие ресурсы развития, связанные с человеческим потенциалом и институциональной средой. И в России центр внимания должен переноситься на внутреннее состояние территорий. Сейчас стоят другие задачи в работе с имеющимся пространством – обустроить его для гармонического, сбалансированного развития и более комфортной жизни населения.

Обширность страны оказывает как негативное, так и позитивное влияние на ее развитие. С одной стороны, большая территория дает значительные природные ресурсы во всем их разнообразии, но с другой – величина этих ресурсов рождает соблазн использовать данное природой физическое богатство в ущерб производству и наращиванию других – рукотворных видов богатств и нефизических ресурсов – человеческих, культурных, социальных, для решения государственных задач и повышения благосостояния населения. По данным исследования, проведенного Всемирным банком, в России природных богатств в расчете на душу населения в 2,2 раза больше, чем в США, в 5,2 раза больше, чем в Германии, в 3,4 раза больше, чем во Франции. Но существует значительное – пятикратное – отставание от этих стран по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т.д.). Еще разительнее разрыв в стоимостных показателях имеющихся в распоряжении российского общества нематериальных ресурсов, которые характеризуют уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность

⁶ Россия по территории самая большая страна мира, ее территория в 1,7 раза больше, чем Канады – второй по площади страны мира, в 1,8 раза больше площади Китая и США. При таком размере территории по численности населения Россия занимает 9-е место в мире (146 млн человек) после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана и Бангладеш. Другой количественный показатель размерности страны – валовый внутренний продукт (ВВП). По данным Всемирного банка Россия занимала в 2015 г. по ВВП 12-е место в мире, а по ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения только 48-е место // <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>. Эти экономико-географические характеристики страны не связаны напрямую с весом и ролью России в мире, который зависит от многих факторов, в том числе от проводимой страной внешней политики.

институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской деятельности: он составляет 26 раз по сравнению с США, 20 раз с Францией, 18 раз с Германией (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Богатства на душу населения
(в долл. США), 2005 г.⁷**

	Природные	Созданный человеком материальный капитал	Нематериальный капитал
Россия	31 000	18 000	24 000
Германия	6000	98 000	437 000
Франция	9000	94 000	482 000
США	14 000	100 000	627 000

Наличие и использование богатых природных ресурсов сыграло ключевую роль в восстановлении страны после кризиса 90-х годов прошлого века. Благодаря росту цен на нефть и интеграции России в мировую экономику в качестве поставщика топлива, металла, других природных ресурсов и продуктов первого передела, страна смогла сократить бедность, развивать социальные программы, в России увеличилась продолжительность жизни. Сохраняется все еще слишком большое неравенство в доходах различных групп населения, однако оно стало меньше по сравнению с нестабильным периодом, последовавшим после распада СССР.

В России переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии, вступление в конкурентные отношения с развитыми странами мира по этим показателям – постоянно обсуждаемая проблема и поставленная руководством страны задача, но она не получает пока удовлетво-

рительного решения. Есть ли способы развивать инновационные отрасли и при этом оставаться ресурсодобывающей страной? В других странах мира, также обладающих огромными природными ресурсами – Канаде, Австралии, Чили, Норвегии, смогли использовать доходы от них на развитие других секторов экономики, в том числе на развитие институтов и социальной сферы – здравоохранения, образования, а также частного предпринимательства. Эти страны, обладая большими запасами природных ресурсов, не стали, тем не менее, *ресурсозависимыми*, поскольку вклад в экономику других отраслей, в том числе наукоемких, не уступает добывающим отраслям. В России значительная часть доходов от сырьевого сектора откладывается в долгосрочные фонды для будущих поколений и инвестируется за рубежом. В постсоветские годы нашей стране в разной степени удается избежать так называемой «голландской болезни», когда приток в страну легких денег подрывает стимулы к трудоустройству и эффективному труду, ведет к росту безработицы⁸. Обратной стороной борьбы против чрезмерного укрепления национальной валюты, однако, является то, что на родине капитал не создается и не работает.

Лучший способ сохранения национального богатства для будущих поколений – это развитие образования, здравоохранения, строительство качественной инфраструктуры. От этих инвестиций нельзя ждать быстрой отдачи, но они способны обеспечить более длительное получение социального и экономического эффекта.

По данным исследования в 18 странах региона Евразия, проведенного аналити-

⁷ «Меняющееся богатство наций: измеряя устойчивое развитие в новом тысячелетии» (2011). The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium, Environmental and development, World Bank, 2011. P. 179–181 // worldbank.org (дата обращения: 06.06.2015)

⁸ Появление этого термина связано с неожиданными трудностями, с которыми столкнулись Нидерланды после того, как в стране в 1970-х гг. было найдено месторождение газа. Непредвиденные доходы от продажи газа привели к укреплению курса гульдена, что сделало нидерландский экспорт неконкурентоспособным, расширению социальных льгот и пособий. Действенными лекарствами от «голландской болезни» явилась система регулирования, которая позволяет частным предприятиям преуспевать, и грамотное управление государственными финансами.

ками Всемирного банка⁹, во многих ресурсообеспеченных странах, в том числе в России, где не отмечается рост производительности труда и эффективной занятости, проблема заключена в необходимости повысить качество государственного управления и институтов, в частности, сократить коррупцию. Нерешенность этих проблем препятствует развитию конкурентной среды, включению всех предприятий независимо от формы собственности и наличия «связей на верху» в отношения, построенные на равенстве перед законом и единых условиях для развития предпринимательской активности. Эта актуальная задача стала первоочередной и является, очевидно, более сложной, чем достигнутое в последние годы некоторое улучшение процессов регулирования малого и среднего бизнеса и снижение связанных с ними издержек. Так, в России в последние годы были предприняты меры по упрощению порядка подключения к электросетям и удешевлению этой процедуры, был облегчен порядок открытия фирм, проще стало получать разрешения на строительство, упростился порядок регистрации и передачи прав собственности, внедрена электронная система подачи документов на экспорт и импорт и сократилось количество досмотров. По этим показателям Россия начала движение в сторону стран с благоприятными условиями для бизнеса¹⁰. Свое положительное влияние на функционирование предприятий среднего и малого бизнеса эти меры оказали в 2012–2013 гг., и оно не должно ослабевать и в ближайшие годы, тем более в сложившейся кризисной ситуа-

ции в экономике России в связи с финансовой нестабильностью и западными санкциями. Выживание этих предприятий при ослабленных административных давлениях – более реальная задача, чем при сильном бюрократическом прессинге.

Проведение реиндустриализации и информатизации в современной России может осуществляться только при всемерном учете имеющегося в стране капитала – природного, материального, человеческого, институционального, социального. Доминирование природного капитала, ресурсозависимость экономического развития и получение дохода от него в виде ренты определяют интересы элитных групп населения, заинтересованных в эксплуатации ресурсов, присвоении активов и получении сверхдоходов при минимальном учете интересов населения. У населения в этой ситуации формируется вынужденный патернализм, поскольку оно также зависит от перераспределения ренты, и заинтересованы в этом не только группы пенсионеров, инвалидов, других неработающих категорий, но и работники социальной сферы и государственного обслуживания, а также работники государственных предприятий. В стране растет бюрократическая прослойка, охранная структура, обеспечивающие безопасность финансовых потоков, бюрократических и элитных групп.

Ориентация на получение все больших доходов от природных ресурсов, появление финансовых возможностей для импорта технологий и оборудования для добывающих отраслей и отраслей первичной переработки отсекали возможности использования внутри страны культурного капитала населения и стимулировали свертывание промышленных и сельскохозяйственных отраслей. В результате выросла зависимость от импорта, а экспорт сосредоточился в основном на сырьевых ресурсах. В 2014 г. импорт машин, оборудования, транспортных средств был в 5,2 раза больше, чем экспорт этих товаров из России¹¹. Для диверсификации экономики сегодня предпринимаются правительствен-

⁹ Всемирный банк, 2014. Обзор доклада «Диверсифицированное развитие. Оптимальное использование природных ресурсов в регионе Евразии. Вашингтон, ВБ, 2014//Worldbank.org (дата обращения 08.06.2015)

¹⁰ Мировой рейтинг по благоприятности условий для предпринимательской деятельности возглавил Сингапур. Также в список 10 стран с наиболее благоприятными условиями регулирования предпринимательской деятельности в 2015 г. вошли: Новая Зеландия, Дания, Республика Корея, Гонконг (САР, КНР); Великобритания, США, Швеция, Норвегия, Финляндия. Наша страна заняла в нем на июнь 2015 г. 51-е место. Главными препятствиями развитию бизнеса стали трудности в международной торговле, защита миноритарных акционеров и получение разрешения на строительство // <http://www.doingbusiness.org/reports>

¹¹ Россия 2015. Стат. справочник. М., 2015. С. 53–54.

ные меры, эффективность которых покажет время. Но очевидно, что это длительный процесс, который должен соответствовать имеющемуся в стране капиталу и его распределению по территории страны, в том числе по регионам.

Сравнительные исследования ресурсообеспеченных стран, в том числе и России, по уровню развития и качеству жизни населения показали важную тенденцию: более качественная институциональная среда в богатых природными ресурсами странах обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, жизненный уровень и уровень социального развития¹². Россия не отличается высоким качеством институциональной среды и поэтому проигрывает некоторым другим ресурсообеспеченным странам в качестве жизни населения.

Оценивая ресурсы и успехи модернизации страны, необходимо учитывать размеры России, беспрецедентную протяженность ее границ¹³, суровый климат на почти 64% территории. Пространственные размеры России до сих пор сохраняют за ней особое место среди других стран и это все более становится ее выдающейся характеристикой, в то время как другие показатели теряют свой вес при межстрановых сравнениях, отдаляя Россию от наиболее развитых стран мира. Следом за афористом Г. Малкиным можно сказать, что русские просторы так велики, что руки опускаются от гордости.

Огромные пространства России и ее природные ресурсы служат платформой развития, снабжая рентой элиты и население, но в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации. «Пространство России часто бывает сильнее модернизаторов и реформаторов. Его строение и ритмику, районную систему (лестницу) с ее типоразмерами, инерцию и прочие свойства следует понимать и уважать. География вслед за историей предупреждает: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени.

¹² Казначеев П. Природная рента и экономический рост. М., 2013.

¹³ Россия граничит с 19 странами, в том числе с двумя имеет только морские границы (США и Япония). Ее берега омывают 12 морей, большинство которых северные, холодные моря.

Волонтаристические крайности разрушительны и ведут к «кризисам размера»¹⁴.

Свой взгляд на значимость территории как источника расширения рентных ресурсов, обеспечивающих контроль над элитами и населением, высказывает политолог К.Е. Петров¹⁵. Он считает, что устойчивость политической системы, баланс элит оказывается в слишком сильной зависимости от конъюнктуры на внешних рынках и это грозит утратой стабильности общества. Должен быть совершен переход к новому измерению эффективности – инновационному развитию, чтобы не проиграть соревнование с обществами, которые преодолели политическую необходимость рентного распределения в интересах господствующих коалиций. Задачей является перестройка общественных институтов таким образом, чтобы они стимулировали инновационную активность.

Большие размеры территории требуют дополнительных государственных затрат непроизводительного характера и сдерживают государственные инвестиции в социальную сферу и экономику. Но эти объективные трудности, которые успешно преодолены в некоторых других странах со сходными климатическими и природными условиями, например, в Канаде¹⁶, усугубляются в России тем, что здесь механизмы управления неадекватны сложным реалиям сегодняшнего мира¹⁷, кото-

¹⁴ Трейвиш А.И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. М.: МГУ, 2006.

¹⁵ Петров К.Е. Территория и нефть: к вопросу легитимности российского государства. // Полития, 2013, № 3. С. 106–118.

¹⁶ Канада вторая по территории страна мира – имеет значительно меньшую плотность населения по сравнению с Россией – только 3,4 чел. на кв. км, тогда как в России плотность 8,6 чел. на кв. км. В этих двух странах близкий климат и система расселения, когда население сосредоточено в южной части страны, при этом северные территории в Канаде еще менее заселены, чем в России. Но Канада занимала в 2013 г. 10-е место в мире по ВВП на душу населения (51 871 долл. США), а Россия – 56-е место (14 924 долл. США) // Data refer mostly to the year 2013. World Economic Outlook Database-October 2013, International Monetary Fund. Accessed on 8 October 2013.

¹⁷ Рефлексивные процессы и управление: Сб. материалов IX Междунар. симп. (17–18 окт. 2013 г.) / Отв. ред. В.Е. Ленский). М.: ИФ РАН, 2013.

рые требуют нового подхода к их решению и учета таких социокультурных характеристик пространственного развития, которые порождены начавшимися с 90-х годов прошлого века изменениями схемы расселения, специализации экономики, системы управления, возникновением нерегулируемых миграционных потоков внутреннего и внешнего характера, демографическими и другими социокультурными проблемами.

Важной пространственной социокультурной характеристикой России, обуславливающей сложности ее модернизации, является ее асимметричная этнотерриториальная конструкция, когда одновременно существует этнокультурная гомогенность и гетерогенность¹⁸. Русские составляют в России государствообразующую основу, объединяя более 80% всего населения страны. В большинстве ФО и также в большинстве субъектов федерации (82 региона из 88) русские составляют от более 50 до 95% населения. С другой стороны, в составе России даже после распада СССР остались крайне разнородные периферии и даже ядра (в случае народов Севера) различных культурных миров Евразии. Сохранились небольшие этнические ареалы вдоль границ (Северный Кавказ, Южная Сибирь, Север). И этого оказалось достаточно, чтобы создать парадоксальный образ моно- и многонационального государства одновременно. Наличие сложной системы этнических периферий заставляет Россию учитывать национальный фактор в своей региональной политике. Последняя, в свою очередь, оказывается в прямой и очень сильной зависимости от уровня местного национализма, от исторических противоречий между русскими и другими народами, от амбиций национальных элит и человеческого капитала территорий¹⁹. Асимметричность этнотерриториальной конструкции пространства оказывает свое влияние и на процессы модернизации регионов. Вследствие невозможности одновременного

развития модернизации во всех регионах в силу ограниченности ресурсов и в условиях финансовой зависимости регионов от Центра, недостаточно четкой артикуляции местными элитами интересов периферийных регионов, институциональных особенностей этнические окраины исторически заметно отстают в уровне модернизации от других регионов. Модернизационное развитие страны оказывается также асимметричным: от нижнего уровня первичной модернизации в некоторых окраинных регионах до средней стадии информационной модернизации, характерной для двух столиц и крупных городов. Для устойчивого развития и модернизации общества такая асимметрия представляет определенную угрозу и вызов, на которые нужен адекватный ответ в виде совершенствования государственных институтов и развития преимуществ рыночной экономики.

Таким образом, большое пространство России и ее природные ресурсы, которые обеспечивали, по выражению С. Глазьева «рост с антиразвитием», могут стать стимулом модернизации при существенном реформировании институциональной среды и системы управления. Это позволит превратить пространство в мощный фактор модернизации страны.

Население, расселение, миграции

На модернизацию влияют пространственный фактор и ограниченность ресурсов, что обуславливает внимание к таким проблемам, как численность населения и депопуляция в России и регионах, система расселения и массовые перемещения, противоречивость урбанизации, протекающей как вынужденный хаотичный процесс, а не фактор и не следствие модернизации, а также рурализация некоторых территорий.

Для решения сложных задач модернизации на огромных пространствах страны необходим достаточный человеческий потенциал – достаточный как по количественным параметрам, так и по качественным. Это тот вызов для модернизации, когда необходима

¹⁸ Туровский Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // Логос, 2005, № 1. С. 127–128.

¹⁹ Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая. 1993, № 2. С. 116–122.

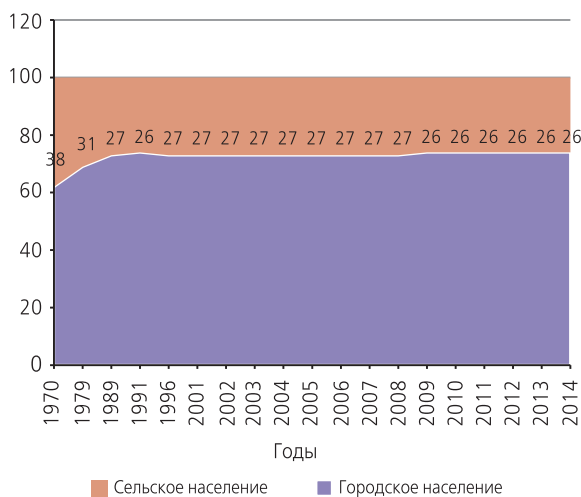

Рисунок 2.1. **Городское и сельское население в общей численности населения (% , 1970–2014 гг.)**

трезвая оценка человеческого потенциала для выработки стратегий развития и модернизации. По сравнению с 1996 г., когда население России достигло максимального числа жителей за свою историю – 148,3 млн, к 2014 г. оно сократилось почти на 5 млн, составив 143,7 млн человек²⁰. Причины этого уменьшения можно объяснить воздействием двух фундаментальных процессов: снижением уровня жизни вследствие тяжести либеральных реформ для основной части населения и вступлением России во второй демографический переход, связанный с современной модернизацией. К этому времени ясно обозначилась тенденция сокращения числа рождений, особенно у образованной части населения, для которой выросла значимость индивидуального развития и самореализации, что способствует изменению норм демографического поведения.

На фоне этих процессов наблюдается парадоксальное положение с внутренней миграцией. С одной стороны, население мигрирует по территории страны, что создает ложное впечатление влияния модернизации на перемену рабочих мест и места житель-

ства. А с другой – в течение двадцати пяти лет сохраняется нехарактерное для модернизирующихся стран устойчивое соотношение численности городских и сельских жителей. Как показано на рис. 2.1, сокращение численности сельских жителей остановилось в 1989 г., и все последующие годы оставалось на уровне 26–27% от общей численности населения²¹. Городское население также стабилизировалось на уровне 73–74% всех жителей страны. Сохранение в течение двух с половиной десятилетий такого соотношения городского и сельского населения, которое было достигнуто в последние годы советской власти, заставляет сделать вывод, что перед 90-ми годами страна подошла к этапу вторичной модернизации, но последовавшая смена модели общественного развития, периодические кризисы и деиндустриализация экономики остановили дальнейшую урбанизацию страны. С начала 90-х годов миграционный отток из села в город резко сократился. Более того, отмечалось даже переселение горожан в сельскую местность (правда, очень незначительное по объему).

По данным 2015 г. в стране было 1127 городов, из них 15 с населением более одного млн жителей. Почти во всех городах-миллионниках к началу 2015 г. численность населения увеличилась за последние 5 лет. Исключение составляет только Волгоград, где оно немного сократилось. Но вот по сравнению с 1989 г. – концом советского периода, когда процессы социалистической урбанизации достигли своего апогея, эти процессы шли очень неравномерно, в том числе и по причинам административных реформ. Лидер в росте населения – Москва, чье население увеличилось за 25 лет в 1,4 раза, в Санкт-Петербурге рост составил только 1,04, в Воронеже – в 1,16 раза. А в трех городах-миллионниках – Нижнем Новгороде, Самаре и Перми – численность населения даже сократилась за последние 25 лет (табл. 2.2). Но в целом численность населения городов-миллионников выросла за 25 лет на 7 млн, при этом почти половину прироста дала Москва.

²⁰ Российский статистический ежегодник. 2014. Табл. 4.2. По данным Росстата, на 1 января 2015 г. с учетом Крыма и Севастополя население страны составило 146,3 млн человек.

²¹ Российский статистический ежегодник. 2014. М., 2014. С. 67.

Для крупных городов страны с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн человек характерна тенденция увеличения в последние 2–3 года, но по сравнению с 1979 г. численность населения этих городов сократилась в целом на 1,2 млн человек. Эта же тенденция выражена во всех группах городов с численностью 500 тыс. человек и менее. Как видим, в стране, которая держит курс на модернизацию, не происходит заметных сдвигов в урбанизированности населения, и пока не удается достичь того уровня, который был в конце советского периода. Думается, основная причина такого положения – разрушение промышленных предприятий за годы либеральных реформ и медленное восстановление индустриального потенциала страны, который сосредоточен в городах.

Сельские поселения за годы реформ также были подвержены определенным сдвигам, прежде всего в сторону укрупнения. Если общее число населенных пунктов за 1989–2010 гг. практически осталось неизменным, то количество поселений с числом жителей 5001 и более выросло в 1,34 раза, 3001–5000 человек – в 1,22 раза. Все прочие более мелкие сельские поселения сократились в своем числе, за исключением самых малых – до 10 человек. Количество так называемых «вымирающих» деревень с числом жителей до 6 человек с 1989 по 2010 гг. увеличилось в 2,5 раза, а с числом от 6 до 10 человек осталось практически постоянным за эти годы. В 2010 г. на территории страны существовало 55,6 тысяч сельских населенных пунктов с числом жителей до 10 человек²². Недостаточное социальное обслуживание жителей, свойственные таким поселениям низкое качество жизни и социальная деградация создают в этих удаленных от модернизации поселениях достаточно острую ситуацию. Особенно сильно ударила по жителям этих поселений реформа здравоохранения, которая даже в таком виде иногда рассматривается как элемент модернизации общества.

Для современной России точки развития на территории страны локализованы пре-

²² Российский статистический ежегодник. 2015. С. 84.

Таблица 2.2

Население городов-миллионников России
(1989–2010–2015 гг., тыс. человек)

№	№ в 1897	Город	1989 12.01	2010 14.01	2015 01.01
1	2	Москва	8 878	11 504	12 198
2	1	Санкт-Петербург	4 989	4 880	5 192
3		Новосибирск	1 420	1 474	1 567
4	36	Екатеринбург	1 296	1 350	1 428
5	9	Нижний Новгород	1 400	1 251	1 268
6	5	Казань	1 094	1 144	1 206
7	41	Челябинск	1 107	1 130	1 183
8	10	Омск	1 149	1 154	1 174
9	80	Самара	1 222	1 165	1 171
10	6	Ростов-на-Дону	1 008	1 089	1 115
11	28	Уфа	1 080	1 062	1 106
12	55	Красноярск	869	974	1 052
13	34	Пермь	1 041	991	1 036
14	11	Воронеж	882	890	1 024
15	19	Волгоград	999	1 021	1 017

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015. С. 84; Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2003. С. 86.

имущественно в центрах регионов и крупных городах. В их ряду такие исключительные территории развития, как Москва и столичная область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Их притяжение для инвестиций, для молодых образованных жителей всей России усиливает эффект асимметричного строения пространства. Сейчас более 86% валового регионального продукта производится в пяти ФО европейской части страны и здесь же обитает 73,6% населения²³. Впервые в истории России наблюдается процесс стягивания населения с Севера и Востока к наиболее заселенному европейскому Центру, остальная территория все более обретает статус периферии. В результате происходит снижение плотности населения на больших пространствах Востока и Севера, что препятствует модернизации этих регионов. Здесь присутствует так называемое «очаговое» расселение, концентрирующееся вокруг природных баз

²³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. С. 18–20.

ресурсов, объектов инфраструктуры. В восточных регионах не удалось создать мощного полюса развития, где население настолько самоидентифицировало бы себя с «местом», что не включалось бы в процессы внутренней миграции. Эти процессы могли бы и не состояться, если бы была создана такая транспортная инфраструктура, которая позволяла бы не чувствовать оторванности от остальной России.

Перемещение населения к европейскому ядру ведет к усилению роли двух столиц и крупных городов (в основном миллионников) европейской части страны как центров модернизации. В азиатских регионах России, которые продолжают терять население вследствие внутренней миграции, таких центров модернизации относительно меньше, чем в европейской части страны, и расположены они на более значительном расстоянии. Это формирует огромную своего рода «периферию периферий», усиливает поляризацию пространства страны. Создается эффект иерархии отдельных фрагментов социокультурного пространства России или даже присутствие нескольких социокультурных Россий на территории страны. И дело, конечно, не только в сокращении численности населения периферийных районов, а в том, что в них сохраняется и, более того, углубляется отставание в развитии социальной инфраструктуры: образования, здравоохранения, культуры, транспортной доступности и других институтов, формирующих качественные параметры жизни, от столичных и крупнейших городов страны. Насущную проблему для населения периферийных районов представляет доступность социальных объектов (образования, медицины, культуры) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах. Это значит, что часть населения страны не получает стандартные социальные услуги, и в этом смысле социальная эксклюзия граничит с социальной дискриминацией.

Происходившие в течение нескольких столетий изменения в направлении центр – периферия, в масштабе мезо- и микрорайонов, сетей поселений разного ранга и статуса,

общее расширение и растяжение пространства в досоветский и советский период обернулось его сжатием, поляризацией и разрывами, вторичным демо-экономическим опустыниванием и социальной деградацией. Стране не хватило сил для разрешения этого противоречия и пружин внутренней самоорганизации, адекватной масштабу внутренних проблем и внешних амбиций сверхдержавы²⁴.

Неравномерность развития регионов и федеральных округов в результате усиления асимметричности социального пространства страны наглядно демонстрируют процессы внутренней миграции населения. Население всегда идет вслед за рабочими местами и качеством жизни при наличии свободы такого перемещения. К сожалению, внутренняя миграция недостаточно анализируется в современных публикациях. Внутренние миграции, несмотря на слабую подвижность населения по сравнению с западными странами, обрели четкие направления в России: основные потоки идут из регионов Дальнего Востока и Севера к европейской части страны, из малых городов в крупные и мелких сельских поселений в крупные.

Миграция – это не простое движение населения по территории страны, это общественный процесс, ведущий к изменению демографической структуры как принимающих, так и отдающих население территорий, их трудового потенциала, возрастной, образовательной структуры, этнического состава. В результате миграционных процессов усиливается существующая диспропорция в распределении населения по территории страны, уменьшается плотность населения на малолюдных и безлюдных пространствах. Начиная с 90-х годов XX века направление внутрироссийских миграционных потоков поменялось на противоположное. «Западный дрейф» внутри страны был образован двумя потоками перемещений – из северных и восточных регионов в центральные и юго-западные. Впервые за всю историю России наблю-

²⁴ *Трейвиш А.И.* Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. М.: МГУ, 2006.

далось снижение численности населения Дальнего Востока. В результате усугубилась проблема неравномерности плотности населения на территории страны, что наглядно демонстрирует карта плотности населения по муниципальным образованиям Российской Федерации (см. рис. 2.2).

Плотность населения по ФО различается в сотни раз. Даже если исключить из сравнений столичные города – субъекты федерации, плотность населения в регионах европейской части страны и в азиатской части отличается разительно.

Росту плотности населения восточных и северных регионов препятствуют депопуляция и межрегиональная миграция. Свою лепту в изменение численности населения округов вносит и международная трудовая миграция, в основном из стран СНГ. В таблице 2.3 представлены коэффициенты общего, а также миграционного и естественного прироста

(убыли) населения по федеральным округам в 2012, 2013 и 2014 гг. Как можно видеть, в Центральном и Северо-Западном округах наиболее заметен миграционный прирост населения (в среднем за три года 5,9% и 5,7% соответственно). В Южном и Уральском округах прирост заметно меньше (3,5 и 1,0% соответственно), а в остальных округах – Северо-Кавказском, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном наблюдаются устойчивые отрицательные показатели миграционного прироста. В трех округах – Центральном, Северо-Западном и Южном миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения, в Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском общий прирост в основном обеспечивался за счет естественного прироста. А в одном округе – Приволжском – и естественный прирост, и миграционный имеют отрицательные значения все три последних года.

Источник: URL: <http://www.statdata.ru/> (дата обращения: 17.08.2015).

Рисунок 2.2. Плотность населения муниципальных образований в Российской Федерации (человек/кв. км, на 01.01.2013 г.)

Таблица 2.3

**Коэффициенты общего, естественного и миграционного приростов (сокращения)
численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации
(2012–2014 гг.)**

	Коэффициенты прироста численности населения (на 1000 среднегодового населения)		
	общий	естественный	миграционный
Российская Федерация без Крымского федерального округа			
2014	2,1	0,2	1,9
2013	2,2	0,2	2,1
2012	2,0	-0,03	2,1
Центральный федеральный округ			
2014	3,4	-2,2	5,6
2013	3,6	-2,3	6,0
2012	3,7	-2,6	6,2
Северо-Западный федеральный округ			
2014	3,1	-1,0	4,1
2013	6,0	-1,2	7,2
2012	4,2	-1,6	5,8
Южный федеральный округ			
2014	2,9	-0,5	3,4
2013	3,9	-0,6	4,5
2012	1,9	-0,8	2,7
Северо-Кавказский федеральный округ			
2014	7,2	9,3	-2,1
2013	5,2	9,1	-4,0
2012	5,0	9,2	-4,1
Приволжский федеральный округ			
2014	-0,8	-0,6	-0,2
2013	-1,1	-0,6	-0,5
2012	-1,3	-0,7	-0,6
Уральский федеральный округ			
2014	3,4	2,7	0,7
2013	3,0	2,7	0,3
2012	4,4	2,5	1,9
Сибирский федеральный округ			
2014	1,0	1,4	-0,4
2013	0,8	1,5	-0,8
2012	0,9	1,3	-0,4
Дальневосточный федеральный округ			
2014	-2,5	1,5	-4,0
2013	-4,0	1,3	-5,3
2012	-2,3	0,9	-3,2

Примечания: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. М., 2015. Табл. 10; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М., 2014. Табл. 10; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М., 2013. Табл. 13.

Внутри каждого федерального округа большие показатели миграционного прироста показывают регионы с более высоким уровнем модернизации. Так, в Центральном округе это Московская область (коэффициент миграционного прироста 157), Москва (коэффициент 89); в Северо-Западном округе Ленинградская область (156) и Санкт-Петербург (148); в Южном округе – Краснодарский край (87); в Приволжском федеральном округе – Нижегородская (21) и Самарская (16) области; в Уральском округе – Тюменская область (59) и Ханты-Мансийский автономный округ (32); в Сибирском округе – Новосибирская (80) и Томская (45) области. В Дальневосточном округе все регионы показывают отрицательный прирост, а максимальный отрицательный показатель зафиксирован в Магаданской области (-137). Для преодоления этой тенденции необходима комплексная государственная программа развития региона, которая переломит сложившуюся тенденцию выезда с Дальнего Востока специалистов (среди двух миллионов выехавших с момента распада СССР с Дальнего Востока людей 70% составляли квалифицированные специалисты). По данным ВЦИОМ, почти 40% населения восточных регионов выказывают желание покинуть место своего жительства. С выездом старожильского населения Дальнему Востоку грозит новая колонизация со стороны зарубежных компаний, которых привлекают огромные природные богатства региона и возможность использовать дешевую рабочую силу из сопредельных государств. Необходимо рассматривать Дальний Восток как важнейший регион развития России и создавать там такие производства и инфраструктуру, которые бы обеспечили населению хороший уровень жизни и желание работать и жить на этой территории. Остановить поток мигрантов в центральные регионы представляется более важной и реальной задачей, чем массовое переселение из центральной России на Восток.

Особая ситуация с миграционными проблемами в Северо-Кавказском округе, которую стоит специально объяснить. Здесь большой коэффициент миграционного прироста

с 2011 г. по настоящее время показывает Республика Ингушетия (92) при отрицательных значениях коэффициента по округу в целом. В эту республику приезжают мигранты преимущественно из Узбекистана, Азербайджана, Казахстана. Из Казахстана все еще возвращаются на свою историческую родину на постоянное место жительства ингуши, потомки депортированных. Причины такого потока мигрантов, по оценкам представителей миграционной службы Ингушетии, доброжелательное отношение к ним местного населения, близость религиозных воззрений. Местные жители не проявляют никакой национальной неприязни, что нередко встречается в других регионах страны. Одна из причин такого отношения состоит в том, что ингуши, перенесшие тяготы депортации 1944 года, помнят то хорошее, что было проявлено в отношении ингушей представителями этих регионов²⁵.

Нужно учитывать, что статистический учет мигрантов недостаточно полный, поскольку еще существует большой слой так называемых нелегальных мигрантов, в основном тех, которые не выехали из России после окончания оформленного срока пребывания на территории страны.

В течение последних лет Россия принимает в год до 600 000 мигрантов, их общее число достигает, по разным оценкам, от 7 до 12 млн человек, т.е. от 5% до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное различие религиозных и культурных традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. Многие мигранты задерживаются, как правило, только на срок работы, позже уезжая в свою страну. Отсутствие перспектив для постоянного жительства, соединения с семьей не способствует повышению квалификации приезжих для занятия более престижного места на рынке труда, успешной адаптации к новому социокультурному окружению. Неблагоприятная социальная среда, риски проживания иммигрантов в России вызвали сокращение приезда в страну

²⁵ Газета «Ингушетия». 2012. № 69-70.

более квалифицированных работников, знающих русский язык. Иммигранты из сельских районов среднеазиатских республик, плохо или совсем не знающие русского языка, их простой и дешевый труд, полная зависимость от местных коррумпированных бюрократов порядка и работодателей, работа на подпольных предприятиях, занятость в криминальном бизнесе порождают значительную напряженность в регионах. Проблему нельзя решить одним только налаживанием межкультурного диалога и развитием толерантности, хотя все это способно оказать свое позитивное влияние. Ее глобальное решение возможно только путем модернизации производств в России и привлечения для работы на них квалифицированных кадров иммигрантов. Сейчас неограниченный доступ на рынок труда мигрантов из ближнего зарубежья выстраивает своего рода препятствия для реиндустриализации и модернизации экономики и не создает мотивации у руководителей предприятий для развития современных технологий. Исследования в регионах показали, что самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, – в Новосибирской области (45%), одном из наиболее развитых регионов России, самая меньшая доля – в Чувашии (11%), в регионе с меньшими доходами населения. Факторы, влияющие на отношения с приезжими в регионах, многочисленны и требуют специального углубленного анализа. Основным стимулом для приезда иммигрантов является социально-экономическая привлекательность региона. Чрезмерный поток приезжих вызывает рост напряжения в отношениях с местными жителями.

Другая ситуация складывается в регионах с сокращающимся населением на давно освоенных территориях Центра. Показательна в этом отношении Смоленская область, где существует значительный отток местного населения, прежде всего – молодежи. На фоне депопуляции приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно. Это относится и к международной миграции и особенно к внутренним мигрантам с Кавказа. По

данным опроса Левада-центра, проведенного в 2013 г., 54% россиян считали, что в России нужно ограничить проживание «выходцев с Кавказа»²⁶.

Между тем мигранты становятся системными элементами социальной структуры российского общества и постоянными участниками рынка труда. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. Дело в том, что мигранты нужны России не только как рабочая сила (тем более, почти всегда сезонная), но как полноценные граждане страны. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения мигрантов с коренными жителями, особенно с молодежью, – одна из острейших проблем, нельзя также допускать доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах.

Необходима внятная миграционная политика, регулирующая поток мигрантов и исключая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием их социокультурных ресурсов.

Свою негативную роль на развертывание модернизации в России оказывает эмиграция последних 20 лет. Она слабо изучена – ее масштабы, качественный состав, географические направления оцениваются весьма приблизительно. Но можно констатировать, что эта миграция в основном не имеет экономических мотивов, по крайней мере, этот мотив не является ведущим. Эмигрируют в основном представители среднего класса с хорошим образованием – от студентов до крупных ученых и артистов. Первые волны эмиграции в начале 90-х годов создали плацдарм для последующих волн. По некоторым оценкам, выехало из страны около 2 млн человек. Сейчас по 300 тыс. насчитывают российские диаспоры в Берлине и Лондоне, а сколько их в США и в европейских странах, неизвестно. Особенностью эмиграции является поддержание связей с Россией, сохранение российского гражданства, часто сохранение недвижимости, но возвраты на постоянное место житель-

²⁶ Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М., 2013. С. 197.

ства в Россию крайне редки. Как правило, возвращаются только те, кто достиг потолка карьеры и имеет хорошие предложения на Родине. Согласно социологическим данным, потенциал миграции из России вырос за последние 10 лет. Сегодня навсегда уехать из России хотели бы 13% населения, что в два раза больше, чем 10 лет назад, еще 35% готовы уехать за рубеж на заработки. Среди молодежи желающих уехать еще больше²⁷. Россия заняла на всемирном рынке место поставщика материальных ресурсов и образованных представителей среднего класса, одновременно продолжая двигаться в направлении деиндустриализации экономики и снижения уровня человеческого капитала.

Демографические проблемы и человеческий капитал в России

Существенным вызовом для модернизации страны является демографическая ситуация, осознание сложности демографических проблем и возможностей регулирования со стороны общества. Времена, когда можно было делать ставку на безграничные людские ресурсы России, безвозвратно ушли в прошлое. Современная модернизация, с учетом огромности пространства страны, возможна только при сбережении «человеческого капитала». Его показателями служат численность населения, его здоровье, ресурсы воспроизводства, образование, соотношение возрастных категорий, численности и соотношение лиц рабочих и нерабочих возрастов, сельского и городского населения, другие характеристики. Россия с некоторым запаздыванием по сравнению с Европой продолжает находиться в так называемом демографическом переходе, – переходе от многовекового равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. И по своей сути, и по своим последствиям этот переход пред-

ставляет собой подлинную революцию, которая кардинально обновляет, модернизирует тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений²⁸.

Уже сейчас в России можно отметить некоторые итоги демографического перехода: за последние 20 лет было достигнуто равновесие между численностью родившихся и численностью умерших при низких показателях рождений. В результате в 2012 г. естественный прирост практически был нулевым, а в 2013 г. наметился естественный прирост населения.

Оценки таких данных различные – от оптимистических до пессимистических. По мнению С.В. Захарова, прирост в 2013 году скорее случаен, чем закономерен. Самым мощным фактором, который привел к снижению числа смертей в России в 2013 году, Захаров назвал возрастную структуру населения – сейчас в возрастах максимальной смертности находится самое малочисленное население в стране²⁹.

Естественный прирост населения может стать и положительным в ближайшие годы, но лишь на непродолжительное время и на незначительном уровне. В этом Россия приблизилась к развитым европейским странам. Но у России есть существенное отличие от этих стран, а именно – более высокая смертность населения и более высокая рождаемость, которая все же устойчиво не восполняет убыль населения. Так, в России коэффициент смертности в 2012 г. составлял 13,3 на тысячу человек населения, а в развитых европейских странах он варьируется от 9,6 в Финляндии до 8,2 в Нидерландах; коэффициент рождаемости в России 13,3, тогда как, например, в Финляндии 11,0, в Нидерландах 8,4³⁰. Такая низкая рождаемость характерна для стран на постиндустриальной стадии развития с высоким

²⁷ Доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике». Под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. М., 2013. С. 33// сайт РАН

²⁸ Демографическая модернизация России: 1900–2000. Под ред. Анатолия Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 9.

²⁹ Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. С.В. Захаров. М., Изд. дом ВШЭ. 2015.

³⁰ Демографический ежегодник. 2013. М., 2013. Табл. 9.3.

Таблица 2.4

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения

Годы	На 1000 человек населения			Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми
	родившихся	умерших	естественный прирост	
1992	10,7	12,2	-1,5	18,0
2002	9,7	16,2	-6,5	13,3
2012	13,3	13,3	-0,0	8,6
2013	13,2	13,0	0,2	8,2
2014	13,3	13,1	0,2	7,4
Городское население				
1992	9,8	11,5	-1,7	17,6
2002	9,4	15,4	-6,0	12,7
2012	12,8	12,8	0,0	8,1
2013	12,8	12,5	0,3	-
2014	12,9	12,6	0,3	-
Сельское население				
1992	13,2	14,1	-0,9	19,1
2002	10,5	18,2	-7,7	14,9
2012	14,7	14,8	-0,1	10,1
2013	14,5	14,5	0,0	-
2014	14,4	14,5	-0,1	-

Источник: Демографический ежегодник России. 2015. М., 2015. С. 37–39.

уровнем индивидуальной свободы и выбора, высоким стандартом социально-экономических условий жизни.

Увеличение продолжительности жизни в стране в последние годы является большим достижением на фоне существующих недостатков в системе здравоохранения. В целом по населению ожидаемая продолжительность жизни составляет 70,24 года, при том, что этот показатель у женщин на 11 лет больше, чем у мужчин. Развитые европейские страны опережают Россию по продолжительности жизни на 8–10 лет (соответственно Австрия и Великобритания) в целом по населению, при этом разница между мужчинами и женщинами составляет только 5,6 и 4 года соответственно³¹. В России более высокий уровень смертности мужчин, чем женщин, по всем причинам,

кроме болезней системы кровообращения. Но уровень смертности от этих болезней очень высокий – 714,7 у мужчин и 756,5 у женщин на 100 000 человек. Самый большой отрыв мужчин от женщин в показателе смертности по внешним причинам – 3,9 раз (225 у мужчин и 58,1 у женщин)³². Не нужно пояснять, что это за внешние причины в России. Их устранение не только медицинская, но, скорее социокультурная проблема, проблема качества и образа жизни. В России велика смертность населения рабочих возрастов, высокая общая заболеваемость населения – в 2012 г. на каждую 1000 человек населения было зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, 703,9 человек³³, велика доля в населении инвалидов – 13 082 тыс. человек в 2013 г. Каждый девятый человек в стране – инвалид, максимальная доля инвалидов в СЗФО – 111,9 человек на 1000 населения, минимальная – в ДВФО – 69,3³⁴. Основные факторы инвалидизации населения регионов – демографические, генетические, экологические, уровень развития здравоохранения, опасные и вредные производства в регионе, условия труда, уровень образования, уровень и качество жизни и т.д. В 2012–2014 гг. в России наблюдался небольшой рост рождаемости (табл. 2.4).

Но в первом полугодии 2015 г. показатели рождаемости вновь понижаются: за первые 5 месяцев 2015 года родилось на 16,7 тысячи меньше детей, чем за аналогичный период прошлого года. На 1 тысячу человек сейчас рождается 12,6 человека – этот показатель меньше, чем в предыдущие 3 года. По мнению экспертов, на снижение рождаемости влияет неуверенность граждан в завтрашнем дне, демографическая ситуация и экономический кризис.

Как показано в табл. 2.4, некоторое сокращение в последние годы демонстрировали показатели смертности населения, которые, тем не менее, в первой половине 2015 г. вновь

³² Демографический ежегодник. 2013. М. 2013. Табл. 6.4.

³³ Российский статистический ежегодник. 2012. М., 2013. С. 75.

³⁴ Здравоохранение в России – 2013. М., 2013. С. 160–161.

³¹ Россия и страны-члены Европейского союза. 2012. М., 2012. С. 44.

показали тенденцию к росту. В январе-июне 2015 г. смертность населения России выросла в целом на 2,8% по отношению к первому полугодю 2014 г., при этом выросла смертность жителей в возрасте от 30 до 45 лет. Об этом заявила министр здравоохранения России Вероника Скворцова. «Ужас в том, что при вскрытии погибших пациентов в 70% случаев выявляется алкоголь в крови. Впервые за последние годы увеличилось количество суицидов, алкогольных отравлений, не поставленных при жизни диагнозов пневмонии у асоциальных групп населения»³⁵. По уровню смертности среди мужчин Россия продолжает занимать последнее место среди населения Европы и Средней Азии.

Самый большой рост смертности в первом полугодии 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. зафиксирован в трех федеральных округах: Крымском (4,6%), Уральском (4,4%) и Северо-Западном (4,1%). Среди регионов с наихудшими показателями: ЯНАО (рост смертности – на 12%), Республика Карелия (на 9,3%), Сахалинская область (на 8,3%), Костромская область (на 6,4%), Саратовская область (на 5,9%), Липецкая область (на 5,5%). Отрицательную динамику демонстрируют и обе столицы. В Москве рост смертности составил 4,9%, в Санкт-Петербурге – 4,7%. А сильнее всего выросла смертность в г. Севастополе – на 14,3%. В этом городе увеличилось число суицидов (на 10,9%) и смертельных ДТП (16,2%). В то же время в 10 российских регионах по результатам полугодия зафиксировано снижение смертности более чем на 1%: в Ненецком автономном округе (4%), Тыве (3,3%), в Московской области (на 2,8%), Рязанской области (2%), Дагестане (1,9%), Карачаево-Черкесской республике (1,2%), в Магаданской и Амурской областях, Ингушетии и на Чукотке (1,1%). Еще в 8 регионах этот показатель составил менее одного процента³⁶.

Смертность сельского населения традиционно выше, чем городского, как и рождаемость на селе выше рождаемости в городах, но постепенно происходит сближение этих пока-

зателей и на селе устанавливается равновесие относительно низкой смертности и относительно низкой рождаемости.

Наиболее важный достигнутый показатель – снизившийся коэффициент младенческой смертности – более чем в 2 раза по сравнению с 1992 г., что приблизило Россию к европейским странам по этому показателю (здесь коэффициент менее 5). В последующем этот показатель продолжил снижение, достигнув за первое полугодие 2015 г. 6,6 на тысячу родившихся живыми, уменьшившись относительно предыдущего года на 13,2%. Но на фоне благоприятных общероссийских показателей в отдельных регионах ситуация просто катастрофическая. Так, по данным Росстата в Псковской области смертность детей в возрасте до года выросла на 86%, на втором месте по этому показателю Калужская область (44,8%), следом идут Карачаево-Черкесия (38,5%), Республика Марий Эл (38%), Смоленская область (38%), Орловская область (36,6%), Мурманская область (35,2%), Кабардино-Балкария (30%), Ярославская область (25,9%)³⁷.

Экономический кризис вносит свои коррективы в наметившуюся тенденцию стабилизации естественного прироста населения в целом по России. Эксперты не исключают новой волны роста смертности и сокращения рождаемости, называя среди причин увеличение бедности в условиях кризиса, неудачные реформы в здравоохранении и ослабление антиалкогольной политики. Преодолению негативных тенденций в естественном приросте населения могут служить меры, способствующие повышению рождаемости, включающие пособия, налоговые выплаты, программы и законодательства по поддержке совмещения родителями воспитания детей и трудовой занятости: доступ к услугам детских садов, яслей, нянь, гибкие графики для работников с семейными обязанностями. По мнению экспертов, в условиях кризиса меры, стимулирующие экономическую активность родителей, будут сильнее способствовать росту рождаемости, чем пособия по

³⁵ Gazeta.ru, 3 августа 2015 г.

³⁶ medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/

³⁷ medportal.ru/mednovosti/news/2015/08/04/601mortality/

бедности³⁸. Сокращению смертности может способствовать также только комплекс мер: по оздоровлению образа жизни, сокращению алкогольной зависимости, улучшению здравоохранения, сокращению производств с вредными и опасными условиями труда.

По данным Росстата в 2014 г. средняя продолжительность жизни в России составляла 69,37 лет (63,93 года среди мужчин и 75,35 лет среди женщин). При этом в городе средняя продолжительность жизни выше, чем на селе, практически на 2 года³⁹.

Рассмотренные процессы естественного движения населения позволяют утверждать, что в России напряженность с демографическими ресурсами, их явный дефицит будут только усиливаться. По среднему варианту прогноза Госкомстата, население России с 2014 по 2030 г. уменьшится на 1 млн 942 тыс. человек, при этом сократится численность трудоспособного населения с 59,3% до 54,6% от общей численности населения, что соответственно повысит коэффициент демографической нагрузки с 688 до 831 человека нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособных. При этом одновременно прогнозируется снижение естественного прироста до - 4,6 на 1000 человек. Основным сглаживающим фактором депопуляции останется иммиграция, которая в 2030 г. должна составить 340,9 тыс. человек, а всего с 2010 до 230 г. по среднему прогнозу Росстата в Россию иммигрируют 6,8 млн человек⁴⁰.

Неустойчивость прироста (убыли) населения, его зависимость от внешней миграции (в основном низкоквалифицированных работников) заставляет признать, что на первый план в развитии страны по пути

индустриализации и модернизации выходят демографические проблемы. По прогнозам, численность экономически активного населения с высоким уровнем человеческого капитала будет относительно снижаться, что будет ограничивать возможности экономического роста и модернизации. По индексу человеческого развития Россия занимала в 2012 г. 55-е место с показателем 0,778⁴¹. И хотя Россия поднялась с 58-го места на 55-е в мировом рейтинге по сравнению с 2007/2008 гг., но некоторые страны более активно совершенствовали образование, здравоохранение, культуру и добились больших успехов в развитии человека, в увеличении продолжительности его жизни, подняв общую планку сравнений. Слишком «экономное» и неэффективное вложение в развитие человека и культуры и сегодня, и в долговременном плане способно оказать негативное влияние на развитие модернизации в стране. Инновационная экономика может создаваться только одновременно с повышением качества человеческого капитала и его стоимости внутри страны.

Итак, рассматривая тенденции демографического развития в России на фоне европейских стран, можно увидеть близость следующих процессов: депопуляция, старение населения, увеличение демографической нагрузки. Эти процессы происходят в России позднее и в другой экономической и социальной среде, чем та, которая существует в развитых странах Европы. Россия сталкивается с необходимостью учитывать все отмеченные тенденции демографического перехода и в то же время стоит перед вызовами своего огромного пространства, требующего объективно большего числа жителей. Для прохождения всех этапов, которые уже прошли развитые страны, необходимы достаточные демографические ресурсы, которые будут очень ограничены в России в предстоящие два десятилетия.

Россия, находясь вместе с другими странами в состоянии демографического перехода от традиционной к современной демо-

³⁸ Надвигающаяся демографическая катастрофа и как ее предотвратить (прогнозы демографического будущего России в условиях экономического кризиса). Экспресс-доклад. 2015 // http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_afm&task=files.download&cid=203 (Дата обращения 23.08.2015).

³⁹ Демографический ежегодник России. 2015. М., 2015. С. 44.

⁴⁰ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. Бюллетень. М., 2013 // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 19.05. 2014)

⁴¹ Доклад о человеческом развитии. 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. NY, 2013. С. 148. // http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2013_summary_ru.pdf

графической структуре, еще не в полной мере реализовала некоторые фазы этого перехода и не добилась устойчивых результатов. И не только количественных. Одновременно со вторым демографическим переходом, который осуществлялся в 60–70-е гг. прошлого века, в западных странах произошла смена приоритетов в экономике, образовании, здравоохранении, социальном страховании. Ухудшающиеся демографические показатели нашей страны требуют акцентировать внимание на проблемах качества человеческого капитала, и для этого Россия также должна больше уделять внимание инновационной экономике, развитию образования и здравоохранения. Существует также острая необходимость одновременно со сменой приоритетов в экономической и социальной сферах привлекать в страну квалифицированных работников из-за рубежа. Следует признать, что перспективы увеличения численности населения России, так необходимого для освоения огромного пространства страны, зависят в основном от иммиграционного прироста населения. При этом важно, чтобы человеческий капитал повышал свое качество, а не «размывался» за счет низкоквалифицированных групп мигрантов.

Человеческий капитал и субъекты модернизации в России

Очевидно, что модернизация осуществляется в России как догоняющее развитие, инициированное сверху, при этом частная инициатива не получает безусловной поддержки государственных институтов. В этом состоит парадокс современной российской модернизации – перед страной стоят задачи достижения параметров развитых стран мира для обеспечения национальной безопасности и повышения уровня и качества жизни населения, и эти задачи настойчиво выдвигаются руководством страны, но при этом государственные институты, массовые социальные практики и ценностные ориентации большинства населения, привыкшего жить в режиме патернализма, тормозят решение поставленных руководством задач. Вместе с тем за предшествующие

периоды был накоплен значительный культурный и образовательный потенциал, который мог бы стать фундаментом для осуществления модернизации, если бы были созданы благоприятные институциональные условия. Но тогда это была бы другая страна, а не Россия, в которой сосуществуют и вступают в противоречивые взаимодействия два социокультурных типа и два варианта развития: первый ориентирован на личностное развитие, свободу и инициативу человека, его естественные права, второй ориентирован на интересы коллектива, общества, государства.

В советский период модернизации преваляровал второй тип развития, обеспечиваемый всей силой государственной мощи и идеологического воздействия, а институты общества соответствовали этому типу развития. На первых этапах модернизации были обеспечены высокие темпы процесса модернизации при чрезмерной человеческой плате за достигнутые успехи. В постсоветский период была сделана попытка перейти на такой вариант развития, в котором поощряется личная инициатива, развивается частная собственность, ставится вопрос о свободе и правах человека. Препятствия такому развитию возникли в недрах самого общества – большинство населения не было готово к самостоятельному обустройству своей судьбы, полагаясь на государство, а само государство не освободилось от большинства функций, продолжая держать под своим контролем все сферы общества. Огосударствление усиливалось личными интересами элитных слоев, использующих близость к управленческой вершине для личного обогащения и контроля над подопечным населением.

За постсоветский период так и не была достигнута главная цель участия государства в модернизации – создание структурного и институционального поля для реализации значительной частью населения страны своего потенциала. Более того, по многим параметрам человеческого потенциала наблюдается откат назад по сравнению с 1990 г., т.е. с предреформенным периодом⁴². Такое

⁴² См., например, *Василенко Т.А.* Современные проблемы развития человеческого потенциала в России//

состояние человеческого капитала было обусловлено тем, что хотя модернизация вначале была ориентиром и надеждой для большого числа общественных групп, надеявшихся получить для себя выигрыш от участия в рыночной экономике, реальные процессы последних десятилетий не оправдали этих надежд. Большинство групп не смогли реализовать свои интересы и остались зависимыми от государственного патернализма, или от псевдорыночных отношений, не смогли реализовать свой человеческий потенциал, утратили квалификацию, оставив профессиональные занятия, которые могли бы быть востребованы при проведении технической и технологической модернизации. Человеческий потенциал нации не стал в полной мере ее человеческим капиталом.

До сих пор из трех базовых факторов общего развития инноваций положительный эффект в России имеет только показатель человеческого капитала. Другие факторы – финансирование инноваций и создание для них организационных условий, лежат в русле хозяйственных и институциональных процессов и выступают в роли барьеров для модернизации. Именно эти барьеры препятствуют развитию инновационной экономики. Создание этих барьеров – результат неоптимального взаимодействия *субъектов модернизации в России*.

Главным субъектом модернизационного развития в России выступает государство, воплощенное в «правителе» («правлящей группе»), опирающемся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Государство имеет в своем распоряжении беспрецедентный размер природной ренты. Но рентные ресурсы обеспечивают материальное существование элиты и значительной части населения, в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации, глуша другие стимулы и мотивации. Политическая необходимость рентного распределения в интересах господствующих коалиций должна быть заменена перестройкой общественных институтов таким образом, чтобы

они стимулировали инновационную активность⁴³ и содействовали формированию широких групп интересов и их представительства в органах власти. По мнению С.Н. Левина, сегодня «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству⁴⁴. Государство не может выступать эффективным субъектом модернизации, эта роль должны быть передана малому и среднему бизнесу при одновременном развитии государственно-частного партнерства. Представляется сомнительной возможность повторить советский опыт модернизации в условиях современной России, поскольку уже достигнутый уровень человеческого потенциала не поддается директивно-командным методам управления хозяйственными и социально-культурными процессами.

Становится ясно, что модернизация российской экономики, прежде всего технологическая, возможна только при выявлении и реализации интересов двух социальных групп, обладающих необходимым для нее человеческим капиталом. Во-первых, «образованного класса», включающего научные и инженерные кадры, а во-вторых, предпринимателей. Интересы первой группы должна представлять интеллектуальная элита – наиболее независимый субъект при неразвитом гражданском обществе. «Ее позиция в наименьшей степени подвержена изменениям в угоду специальным интересам, стремлению получить финансовые или иные выгоды, поскольку в долгосрочном плане только личная ответственность, глубина и качество профессиональной работы определяют как престиж, так и благосостояние ее представителей»⁴⁵.

⁴³ Петров К.Е. Территория и нефть: к вопросу легитимности российского государства. С. 106–118.

⁴⁴ Левин С.Н. Государство как субъект модернизации в России: идеи И.Т. Посошкова и современность // Журнал институциональных исследований. 2014. Т. 6. № 1. С. 66–67.

⁴⁵ Тамбовцев В., Верведа А. Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 90.

Сегодня роль интеллектуальной технической и технологической элиты явно снижена при доминировании интересов политической элиты, владельцев естественных монополий и финансистов. Она должна быть существенно повышена и стать главной в осуществлении технологической модернизации.

Вторая группа, состоящая из представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, имеет свою нишу в процессе модернизации страны. По мнению некоторых авторов⁴⁶, крупный бизнес является каркасом национальной экономики, ее основным представителем в мировом хозяйстве, важнейшим партнером и оппонентом государства при выработке и осуществлении промышленной политики. Крупный бизнес в силу его концентрации в добывающих, обеспечивающих природную ренту отраслях, играет и будет играть в России бóльшую, чем в других странах, роль в процессах внедрения, тиражирования и распространения инноваций. Но это не отменяет общих для всех экономик, в том числе в России, принципов – инновационная активность выше на предприятиях среднего бизнеса, здесь выше темпы и качество экономического роста. Именно средний бизнес должен выступить главным мотором модернизации и в России. Классический же малый бизнес выполняет главным образом социальные функции, обеспечивая огромному количеству людей доход и занятость, удовлетворяя повседневные потребности населения, оказывая услуги. Создавший удачную инновацию малый бизнес в условиях развитого рынка немедленно переходит в разряд как минимум среднего.

В России внутри сектора среднего и малого предпринимательства сейчас работают 25% от общей численности занятых в экономике, доля сектора в валовом региональном продукте составляет 20–21%, но при этом малые и средние предприятия владеют только 5–6% от всего объема основных средств. Фондовооруженность труда в этом секторе очень низкая. Этот сектор представ-

лен в основном индивидуальными предпринимателями (63% от общего количества субъектов малого и среднего предпринимательства) и микропредприятиями (33%), занятыми в торговле и услугах населению. Предприятия с числом работников от 50 до 250 предоставляют менее 4% рабочих мест, тогда как в других странах на предприятиях данной категории работают 15–20% от общего числа занятых⁴⁷. Очевидна неразвитость сектора перспективных инновационных малых и средних предприятий в России, для их деятельности существует слишком много препятствий – как организационных, так и финансовых, социально-психологических и кадровых. Между тем на таких предприятиях существует более высокая инвестиционная активность, чаще внедряются инновации, создаются высокотехнологичные рабочие места. Этот сектор привлекателен для молодежи, особенно имеющей хорошее образование.

Государственная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса в России имеет, прежде всего, финансовую составляющую, принятые в последнее время меры работают на большую доступность кредитов и снижение налогов, организационную помощь в открытии бизнеса. Но, как показывают многочисленные исследования, сами руководители предприятий на первое место ставят нехватку квалифицированных кадров, а затем уже высокий уровень налогов и низкую доступность финансирования⁴⁸. Латентным фактором, препятствующим развитию бизнеса, является неблагоприятная деловая среда и вообще состояние социального капитала в России. По мнению опрошенных бизнесменов, проверяющие инстанции и правоохранительные органы создают проблемы для малого и среднего бизнеса чаще, чем криминал⁴⁹. Административные барьеры столь

⁴⁷ О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Доклад Государственный Совет Российской Федерации. М., 2015.

⁴⁸ Опрос проведен по инициативе Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», в нем участвовали более 6 тысяч предпринимателей в 40 российских регионах и 12 городах-миллионниках.

⁴⁹ Крюков С. Помогать тем, кто динамично растет // Ведомости, 25.06.2014.

⁴⁶ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

высоки, что половина опрошенных бизнесменов вообще отказывается обсуждать эту проблему с интервьюерами, 13% заявляют, что их компании практикуют неформальные выплаты чиновникам, и столько же говорят, что не сталкиваются с коррупцией. Коррупция и некачественный социальный капитал, низкий уровень доверия укрепляют в обществе неформальные правила взаимодействия. В этих условиях было бы большой иллюзией надеяться на повышение законопослушности и равенства перед законом, особенно в свете расширения государственного регулирования во всех сферах жизни. Международное исследование «Doingbusiness» показало, что сокращение в последние годы случаев дачи взятки предпринимателями компенсируется увеличением ее размера, т.е. общие транзакционные издержки бизнеса не сокращаются⁵⁰.

Таким образом, перспективными акторами модернизации в России являются «образованный класс», прежде всего научные и инженерные кадры, а также малые и средние предприниматели в инновационных отраслях хозяйства. Эти группы составляют центральную перспективную часть среднего класса и именно они в своем большинстве, по данным российских опросов, относятся к группе «модернистов», которые поддерживают модернизационный путь развития страны, хотя и не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал. Как пишет М.К. Горшков, «модернисты» на две трети – представители среднего класса, в то время как «традиционалисты» – это в основном «социальные низы», состоящие почти полностью из пенсионеров и рабочих. Следует учитывать, что сегодня в общественном сознании населения России доминирует характерное для индустриального этапа развития любой страны восприятие рабочих как ключевой социальной группы. В нашей же стране, прежде всего из-за ее «недоурбанизированности», этот вектор положительной

оценки приобретает рабоче-крестьянский характер. Эти настроения, а также количественное соотношение акторов модернизации и традиционалистов не в пользу первых, позволяет утверждать, что общество в целом ориентировано на традиционализм⁵¹. Такие настроения поддерживаются отсутствием реального прогресса в модернизации и стагнацией социальной структуры общества, в частности, консервацией невысокой численности среднего класса с одновременной стабилизацией на высоком уровне численности работников низко- и неквалифицированного физического труда, рассчитывающих на патернализм государства.

В сложившихся общественных условиях для модернизации регионов необходимы последовательные и согласованные решения в сфере инновационного развития со стороны органов власти, компаний, университетов и научных организаций. Составленный специалистами ВШЭ инновационный рейтинг регионов, включающий 37 показателей, показал, что качество инновационной политики, осуществляемой региональными органами власти, по большей части определяется исходя из ресурсов, приоритетов и управленческих навыков самих региональных акторов. Но и сокращение мер стимулирования инновационных процессов в регионах со стороны федерального центра приведет к усилению дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню их инновационного развития⁵².

Поддержка профессиональной деятельности социальных слоев и профессиональных групп, способных осуществлять модернизацию, становится важной задачей государства – на общероссийском и региональном уровнях. И это верный путь увеличить в обществе средний класс, который сейчас не превышает 20% населения. Следует отметить, что подавляющее число жителей, которые работают на себя, а не по найму (по сути,

⁵⁰ Российская Федерация: общенациональные и региональные тенденции динамики бремени государственного регулирования и коррупции. Аналитическая записка (перевод с английского). Февраль 2013 г. // <http://kaz2.docdat.com/docs/index-154698.html>

⁵¹ См.: Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12.

⁵² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3. М., 2014. С. 16.

это предприниматели), идентифицирует себя как средний класс российского общества⁵³. Это уже устойчиво сформировавшееся убеждение у наиболее активной и рациональной части общества, ориентированной на модернизацию, и опирающейся на свои собственные ресурсы.

Таким образом, акторами модернизации в современной России может выступать та часть общества, которая обладает определенными профессиональными компетенциями: ученые, инженеры, предприниматели в инновационном секторе. Государственное участие в модернизации заключается, во-первых, в формировании и финансовой поддержке научно-исследовательских организаций, высокотехнологических предприятий, которые создают и совершенствуют государственные инновационные системы; во-вторых, в создании «безбарьерной» среды для развития частного предпринимательства в инновационных отраслях, а также финансовых механизмов, стимулирующих инновационную и предпринимательскую деятельность.

Осуществление модернизации в России – в стране, обладающей богатыми природными ресурсами, огромной территорией и пока еще значительным человеческим потенциалом, с необходимостью требует улучшения качества институциональных условий экономического развития. Эти условия хорошо известны: гарантия прав собственности, благоприятный налоговый режим, отсутствие коррупции, прозрачность правил ведения бизнеса, минимум вмешательства чиновников в деятельность предприятий и т.д. Но в России эти условия никак не становятся обязательными к исполнению на всех уровнях экономики. И это, пожалуй, самая сложная задача в модернизации страны.

Для развития страны по пути модернизации необходимо также наращивание человеческого потенциала, который сейчас недоиспользуется в большинстве регионов, из-за чего молодые, амбициозные и образованные вынуждены мигрировать в немногочисленные центры развития внутри страны или за

рубеж. Но в случае проведения действительной модернизации станет актуальным дефицит в стране человеческих ресурсов, особенно высокой квалификации, что поставит в ряд актуальных проблемы повышения уровня образования и профессиональных компетенций жителей страны, особенно молодежи, а также выстраивание такой миграционной политики, которая будет привлекать в страну творческих и квалифицированных людей из-за рубежа. Этим путем следовали некоторые ресурсообеспеченные страны мира с большой территорией, например, Канада и Австралия, что позволило им дополнительно стимулировать инновационное развитие.

И здесь вновь можно подчеркнуть необходимость преодоления бюрократических барьеров, неблагоприятной социальной среды, некачественного социального капитала для наращивания и использования человеческого потенциала в целях модернизации страны. Разумеется, что в общественных отношениях действует инерция, своего рода, как говорил М. Фридман, тирания статус-кво. Можно не соглашаться с идеями этого ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике, но сегодня для России злободневно звучат его слова, сказанные более 60 лет назад: «Только кризис, писал он, вызывает настоящие перемены. Когда происходит кризис, действия, которые будут предприняты, зависят от имеющихся в наличии идей»⁵⁴. Хотелось бы надеяться, что в стране будут реализовываться те идеи, которые способствуют творчеству и инновациям, свободе и самореализации, в конечном счете модернизации российского общества.

Структурация российского общества в постсоветский период

Определенным вызовом для модернизации является структурация современного российского общества, во-первых, по уровню жизни населения, во-вторых, по композиции

⁵³ Данные по России Европейского социального исследования (ESS) // <http://www.europeansocialsurvey.org/>

⁵⁴ Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С. 19.

сформированных в результате постсоветской трансформации социальных слоев, в-третьих, по наличию в обществе развитого среднего класса. Анализ этих трех процессов структуризации российского общества необходимо провести в контексте задач развития и стимулирования экономической активности населения и открытия каналов социальной мобильности, прежде всего для молодежи.

В рассмотрении этих проблем будет использована теория структуризации Э. Гидденса. Термин *структуризация* – «структурирование социальных отношений в пространстве и времени» был введен в социологию Э. Гидденсом для обозначения *результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью конкретного индивида*. Два других основополагающих понятия в теории структуризации Гидденса – структура и система. Понятие «структура» используется в теории структуризации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социальной воспроизводства. В свою очередь, социальная система представлена как воспроизводимые взаимоотношения субъектов деятельности или коллективов, организованные в виде регулярных социальных практик. Институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве⁵⁵. С точки зрения теории структуризации, чтобы проанализировать современную структуру общества по уровню и качеству жизни населения, необходимо изучить, какие действуют правила и какие вовлечены ресурсы в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства этой структуры. А для этого нужно располагать надежными сведениями о том, какие регулярные социальные практики воспроизводились в тот или иной период времени и оказали свое структурирующее влияние.

Рассматривая те изменения, которые произошли в уровне жизни населения России в постсоветский период, можно констатиро-

вать, что эти изменения носили интенсивный характер, нарушили тот институциональный порядок и распределение ресурсов, которые существовали в советское время. Более того, за последние 25 лет был преодолен критический порог, ознаменовавший смену социетального типа общества. Произошел решительный переход от доминирования раздаточного типа экономики (его еще называют нерыночный, редистрибутивный, административно-командный, централизованно-управляемый, плановый, распределительный)⁵⁶ к экономике рыночной. И хотя сейчас наблюдается попятное движение с усилением раздаточного механизма, в обществе сохраняется рыночная экономика, имеющая своих многочисленных агентов в лице частных собственников и лиц, занятых на частных предприятиях и в организациях. При этом анализ структуризации сложившейся социальной системы позволяет утверждать, что с самого начала переход к принципам рыночной экономики и частной собственности был результатом осмысленных действий сторонников такого пути развития России, эти акторы занимали по отношению друг к другу определенные позиции конкуренции и взаимозависимости и использовали вакуум устоявшихся правил для достижения своих собственных целей, но контекст их деятельности не ограничивался частным интересом, он оказал структурирующее влияние на все общество. Был запущен механизм перехода от доминирования раздаточной экономики к рыночной, который позже обрастал дополнительными ресурсами в виде мотивации части общества и использования ею возможностей своего социального капитала.

Если проследить турбулентность в развитии общества в последние 25 лет, можно выделить пять кризисных периодов, отмеченных падением уровня жизни: либерализация цен 1992 г., банковский и бюджетный кризис 1995 г., два глобальных экономических кризиса 1998 и 2008 гг. Сейчас наступил пятый период снижения уровня доходов населения – с 2014 г. и далее.

⁵⁵ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 29.

⁵⁶ См. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 6.

Целью анализа является изучение траектории изменения уровня жизни населения в постсоветский период, структуризации общества по уровню жизни в начале 90-х годов XX века и в современный период.

Уровень жизни измеряется *доходом* на душу населения и объемом доступных благ и услуг, которые могут быть на него приобретены, а также объемом накопленного *богатства*, включая располагаемое имущество.

Доход и богатство как показатели уровня жизни

Доход состоит из заработной платы, получаемой за выполненный труд, а также из денег, получаемых от капиталовложений (проценты или дивиденды). В то время как большинство людей живут на деньги, получаемые за работу, богатые извлекают основную часть своих доходов из инвестиций⁵⁷. В советской России существовали такие показатели уровня жизни, которые в гораздо большей степени обеспечивались распределением, а не доходом и покупкой – жилье, услуги образования и здравоохранения, другие поступления из социальных фондов. Поэтому сравнивать уровень жизни за 25 лет преобразований необходимо с учетом этих особенностей.

Соотношение рыночного и раздаточного секторов экономики обуславливает в значительной мере то разнообразие уровня и качества жизни, которые сложились в России в настоящее время. По большому счету массовый рост уровня доходов и появление одновременно массового слоя бедного населения, определяющие изменение уровня и качества жизни в постсоветский период, были следствием появления и утверждения в стране частной собственности. В 2012 г. на предприятиях с частной формой собственности работало уже 60% занятых в экономике страны, 5,1% на иностранных и совместных российских и иностранных предприятиях⁵⁸. Помимо нового для страны дохода в виде прибыли, который получали собственники, наблюда-

лось превышение среднемесячных затрат на рабочую силу в негосударственных организациях по сравнению с государственными и муниципальными. В 2002 г. превышение по официальным данным составило 1,2 раза и наблюдалось во всех отраслях, кроме оптовой и розничной торговли и общественного питания⁵⁹. Реальное превышение с учетом широкого распространения черных и серых зарплатных схем было значительно выше⁶⁰. Это делало частный сектор привлекательным местом работы, особенно для молодежи. В 2002 г. по данным Всероссийского мониторинга⁶¹, при выборе более одного места основной работы только 56% опрошенных хотели работать на государственных предприятиях, а 127% выборов пало на разные формы негосударственной собственности. В приоритете оказались акционерные предприятия, смешанные с государственной собственностью и личные частные предприятия.

Официальные данные Росстата показывают большее сосредоточение высокооплачиваемых групп населения в частном секторе по

⁵⁹ Там же. С. 354.

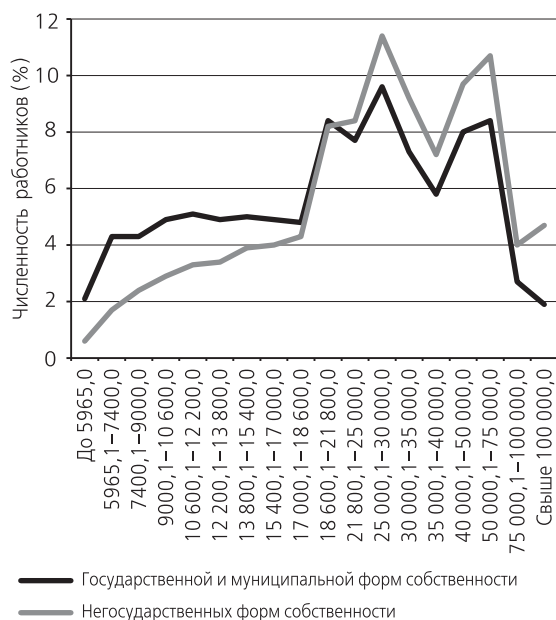
⁶⁰ Спустя 10 лет – в 2012 г. – среднемесячная заработная плата работников частного сектора превышала аналогичный показатель в муниципальном секторе, но отставала от государственного и от предприятий смешанной российской собственности, иностранной и совместной российской и иностранной, соответственно в 1,3, в 1,6 и в 1,8 раза. Безусловное влияние на эти процессы оказали восстановление части государственных предприятий, увеличение зарплат в бюджетной сфере и повышение денежного довольствия военнослужащих. Но и в 2012 г. в большинстве отраслей заработная плата в частном секторе превышает зарплату в секторе государственном.

В исследовании, которое выполнила Т. Журавлева, показано, что в переходных экономиках частный сектор опережает государственные предприятия по средним заработным платам, но работники организаций, финансируемые только из бюджета, проигрывают по уровню зарплаты и государственным и частным предприятиям. В то же время в развитых экономиках наблюдается более высокая оплата труда в государственном секторе. Применительно к России анализ был проведен на эмпирических данных РМЭПЗ и подтвердил отмеченную для переходных экономик тенденцию // Журавлева Т.Л. Анализ факторов дифференциации заработной платы в государственном и частном секторах экономики Российской Федерации // w82.ranepa.ru/rnp/praper/mn10.pdf

⁶¹ Всероссийский мониторинг проводится с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН. Последняя волна была проведена в 2015 г. Руководитель член-корреспондент РАН Н.И. Лапин.

⁵⁷ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 206.

⁵⁸ Труд и занятость в России. 2013. М., 2013. С. 219.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 114.

Рисунок 2.3. **Распределение численности работников организаций различных форм собственности по размерам начисленной заработной платы (руб. в месяц). 2015 г.**

сравнению с государственным. Так, в 2015 г. почти 30% занятых в негосударственном секторе получали свыше 40 тыс. рублей в месяц, тогда как на государственных и муниципальных предприятиях только 21% (рис. 2.3).

Частный сектор продолжает показывать свои преимущества в оплате труда занятых здесь работников во все годы институциональных преобразований в России и даже в условиях современного кризиса. По свидетельству министерства экономического развития, в этом секторе по мере снижения эффекта от девальвации национальной валюты в конце 2014–2015 гг. темпы роста реальной заработной платы будут ускоряться и в 2018 году превысят темпы роста ВВП⁶².

⁶² Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. М., 2016. С. 63.

С изменением форм собственности осуществлялся поворот от распределительных к рыночным отношениям, который оказал свое влияние и на рост доходов в экономике раздатка, иначе говоря – в государственном секторе. Как пишет О.Э. Бессонова, «рынок и раздаток – это две базовые модели развития человечества, не существующие одна без другой и взаимодействующие по принципу «доминантность – компенсаторность». На архетипическом уровне модель рынка – это отношения купли-продажи, частная собственность и прибыль как сигнальный институт. Модель раздатка включает отношения сдач-раздач, общественно-служебную собственность и административные жалобы в виде обратной связи»⁶³. И хотя автор этого утверждения считает, что в России существует не рынок, а «квазирынок», можно отметить, что даже в таком виде рыночные отношения создают возможности для повышения уровня жизни тех акторов, которые в них включены, влияя одновременно и на рост доходов в государственном секторе. Рост доходов в государственном секторе обеспечивался в основном доходами бюджета от сырьевых отраслей.

За 20 лет – с 1995 по 2014 г. среднедушевые денежные доходы населения выросли в 54 раза, но реальные располагаемые денежные доходы с трудом восстанавливали достигнутый к 1990 г. уровень. При отсутствии надежных статистических данных на начало 90-х гг., сошлемся на экспертную оценку. По расчетам Н.Н. Михеевой, реальные среднедушевые денежные доходы населения России в целом уменьшились к 1996 г. до 62,8% от уровня 1990 г., среднегодовое их снижение составило 7,5%. Реальные доходы населения в 1996 г. превысили уровень доходов 1990 г. только в одном регионе – Москве, во всех остальных он не был достигнут. Вторым по рангу регионом после Москвы являлась Тюменская область, в которой в 1996 г. реальные доходы составили 98,7% от уровня 1990 г., максимальное снижение произошло в Калмы-

⁶³ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 5.

Таблица 2.5

Доходы, оплата труда и пенсии в России (1995–2014 гг.)

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	516	2281	8088	18958	25928	27766
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	85	112	112	106	104	99
Оплата труда наемных работников, включая скрытые оплаты труда и смешанные доходы в процентах к предыдущему году	215,2	151,9	120,8	112,7	110,7	106,5
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	81	128	110	135	103	101 ⁴⁾
Располагаемый доход домашних хозяйств						
на душу населения, руб.	6109	24080	83943	196393	272460	...
в процентах к предыдущему году	89,9	118,7	111,6	108,3	102,8	...

кии, составив 17,4% от 1990 г.⁶⁴ Одновременно происходило углубление дифференциации доходов. Уже к 1995 г. в пятой 20-процентной группе с наибольшими доходами было сосредоточено 46,3% всех доходов, тогда как в 1980 г. только 33,4%⁶⁵.

При этом номинальная оплата труда росла высокими темпами, в отдельные годы до 152%, пенсии по годам увеличивались неравномерно и меньшими темпами, но иногда составляли 135% к предыдущему году. Такие скачки в оплате труда и пенсиях были ответом на волны инфляции. Некоторая стабилизация наметилась к 2010 г., одновременно с замедлением экономического роста. В результате темпы увеличения оплаты труда к 2014 г. снизились до 106,4%, а реальный размер назначенных пенсий был минимальный – всего 101% к предыдущему году. Реальные располагаемые денежные доходы населения снизились в 2014 г. до 99% по отношению к предыдущему году. Замедлился и рост располагаемого дохода домашних хозяйств на душу населения (см. табл. 2.5)⁶⁶.

Изучение распределения населения по величине среднедушевых доходов после 2009 г., показывает, что заметно росла числен-

ность четырех высокодоходных групп, переступивших порог 19 тыс. рублей. В совокупности они составили в 2014 г. 54,1% населения. Самая массовая группа среди них имеет доход 27–45 тыс. рублей. Одновременно сократились группы, на которые приходится менее 19 тыс. рублей среднедушевых доходов. Интенсивнее всех в этом составе сокращалась группа с доходом до 7 тыс. рублей – почти в 3 раза с 2009 по 2014 г. Динамика этих изменений снизилась по всем группам в 2013–2014 гг. в преддверии и с началом кризиса, но направление этих изменений сохранилось.

Если же оценивать уровень жизни населения по соотношению денежных доходов, заработной платы и пенсий с величиной прожиточного минимума, то можно видеть значительно опережающий рост покупательной способности заработной платы по сравнению с пенсией (2,4 раза и 1,5 раза с 1995 по 2013 г. соответственно), постепенно вплоть до 2013 г. сокращалась и бедность (см. табл. 2.6).

По данным официальной статистики, численность населения, находящегося в состоянии абсолютной бедности, которая измеряется величиной прожиточного минимума (ВПМ), в 2014 г. составила 11,2%, увеличившись по сравнению с 2013 г.

Важным показателем измерения уровня доходов является относительная бедность населения, которая в странах ОЭСР обычно определяется как 60% от медианного дохода. Нахождение на этом уровне бедности означает

⁶⁴ Михеева Н.Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 99.

⁶⁵ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

⁶⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 27–28

Таблица 2.6

**Покупательная способность среднедушевых денежных доходов,
заработной платы и пенсий (1995–2014 гг.)**

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.
Покупательная способность (количество наборов прожиточного минимума):						
среднедушевых денежных доходов	1,95	1,89	2,68	3,33	3,55	3,45
среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций	1,59	1,68	2,63	3,41	3,79	3,74
среднего размера назначенных пенсий	1,01	0,76	0,98	1,65	1,65	1,63
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн человек	36,5	42,3	25,4	17,7	15,5	16,1
в процентах от общей численности населения	24,8	29,0	17,8	12,5	10,8	11,2
в процентах к предыдущему году	110,9	84,9	88,5	96,2	92,3	103,9

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 28.

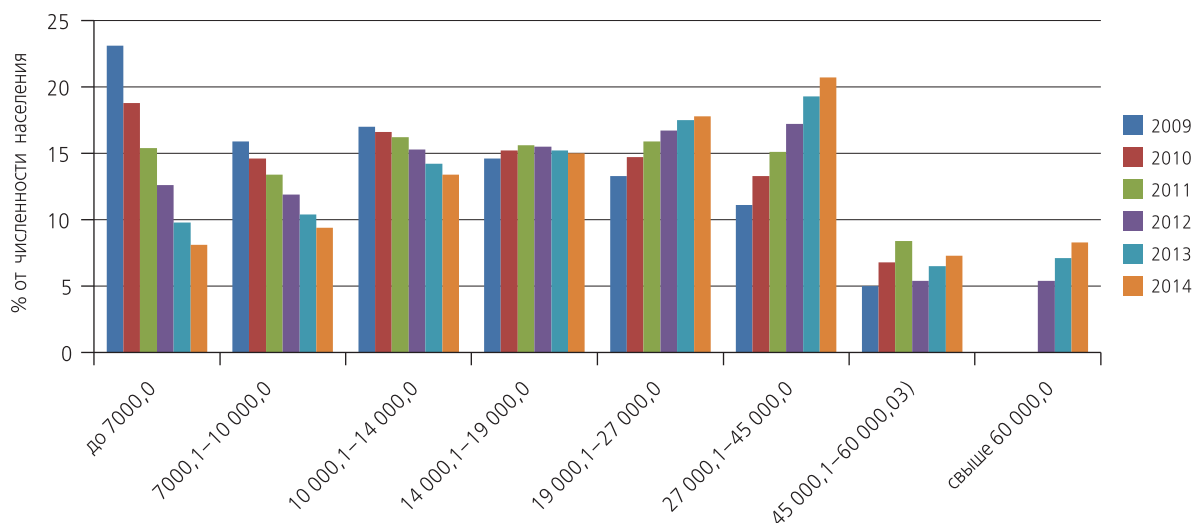

Рисунок 2.4. Динамика среднедушевых доходов. 2009–2014 гг. (руб.)

отсутствие возможности обеспечить обычные для данного общества условия существования и социально принятые удобства жизни. Относительная бедность создает серьезные психологические и социальные последствия для людей, поскольку они постоянно должны делать выбор между разными своими потребностями в связи с ограниченностью денежных ресурсов. В России оценить относительную бедность людей, которые имеют доход выше ВПМ и ниже черты относительной бедности (16,66 тыс. руб.), можно на уровне 30%.

В связи с кризисными условиями развития экономики, в 2014 г. была прервана положи-

тельная тенденция сокращения абсолютной и относительной бедности: снизилась покупательная способность большинства населения, что особенно заметно в социально зависимых группах: пенсионеров и низкодоходных группах работающих: 16,1 млн человек, или 11,2% населения оказались за порогом бедности. По предварительным данным статкомитета России в январе-сентябре 2015 г. уже 14,1%, или 20,3 млн человек имели доход ниже величины прожиточного минимума⁶⁷. Эти тенденции являются предвестниками экономической

⁶⁷ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/249.htm

рецессии с дальнейшим снижением уровня жизни населения. В обновленной версии прогноза министерства экономического развития говорится, что в 2015 г. реальная зарплата сократится не на 0,2%, как прогнозировалось раньше, а на 3,5%, доходы населения – на 4%, а не на 0,7%⁶⁸. В 2016 году за счет отмены индексации заработной платы бюджетников и более низкой, чем в сценарных условиях, индексации пенсий реальные располагаемые доходы населения останутся в области отрицательных значений (– 0,7% к уровню 2015 года). И хотя реальная заработная плата в целом по экономике за 2016–2018 гг. в условиях базового сценария должна увеличиться на 5,8 процента, однако, учитывая масштабы сокращения в 2015 году, реальная заработная плата до уровня 2014 года в рассматриваемый период не восстановится. Как считают в министерстве экономического развития, в 2017–2018 гг. ожидается постепенное ускорение роста реальных располагаемых доходов до 1,5–1,9%. Росту доходов будут способствовать ускорение роста заработной платы и снижение инфляции. В результате за 2016–2018 гг. реальные располагаемые доходы населения вырастут на 2,7%⁶⁹.

Прогнозные характеристики могут несколько успокаивать, но в настоящее время остается острой и болезненной проблемой наличие и рост в обществе группы населения с уровнем дохода ниже величины прожиточного минимума (ВПМ), группы, находящейся в состоянии абсолютной бедности. Социальные параметры этой группы таковы, что надеяться на скорое решение проблемы нет оснований. В ее составе дети до 16 лет – 18,5% всех детей страны, молодежь в возрасте 16–30 лет – 11,0% всей молодежи, 11,7% мужчин и женщин рабочих возрастов старше 30 лет, 5,3% всех жителей пенсионного возраста⁷⁰. Полный абсурд ситуации состоит в том, что в 2014 г. 3,1 млн

человек, или 10,7% работающих на предприятиях и в организациях, имели зарплату ниже величины прожиточного минимума⁷¹. При таком уровне доходов неудивительно, что есть значительная группа домохозяйств с работниками, которые относятся статистикой к крайне бедному населению, поскольку в них доход на члена домохозяйства в 2 раза ниже ВПМ. Среди городского населения по этому показателю лидируют города до 50 тыс. человек, где ограниченное число рабочих мест и стареющее население. Среди сельского населения более равномерное распределение таких домохозяйств по размерам поселений, кроме самых малых – до 200 человек, где семей с детьми осталось совсем немного из-за ликвидации малокомплектных школ, и поэтому доля семей с доходом ниже ВПМ несколько ниже, чем в других поселениях. В составе крайне бедного населения домохозяйства с детьми до 16 лет составляют почти 70%⁷². Можно определенно сказать, что низкие зарплаты работающих и наличие детей создают основные риски попадания в группы малообеспеченных и крайне бедных домохозяйств. Социальные пособия в какой-то мере смягчают остроту нехватки ресурсов в этих семьях, но не решена главная проблема для роста трудовых доходов – увеличение числа высокоэффективных рабочих мест в экономике. Их доля в экономике не превышает 25% и рост их числа очень умеренный и затухающий: в 2012 г. число высокоэффективных рабочих мест выросло на 12,7%, в 2013 г. на 6,9%, в 2014 г. – на 4,5%⁷³. Как ни важно повышать эффективность социальной защиты малообеспеченного и крайне бедного населения, бюджетные возможности, особенно в период кризиса, ограничены сокращением доходов от добывающих отраслей и низкой производительностью труда в экономике в целом. По расчетам А. Зайцева, производительность труда в России в 1998 г. по сравнению с 1992 г.

⁶⁸ http://www.gazeta.ru/business/news/2016/01/15/n_8122061.shtml

⁶⁹ Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. М., 2016. С. 64.

⁷⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 118.

⁷¹ Там же. С. 117.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ Эффективность экономики России / http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#

Таблица 2.7

**Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации,
в % к предыдущему году (2003–2014 гг.)**

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
В целом по экономике	107,0	106,5	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103,2	103,8	103,0	101,9	100,8

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

Таблица 2.8

**Источники денежных доходов населения
(%, 1980–2014 гг.)**

Денежные доходы	Годы									
	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2013	2014	
Всего в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
доходы от предпринимательской деятельности	2,2	2,7	3,7	9,5	8,9	8,9	9,4	8,6	8,4	
оплата труда ¹⁾	79,8	77,2	76,4	67,3	65,2	65,6	65,1	65,3	65,8	
социальные выплаты	15,1	16,3	14,7	14,8	17,7	18,3	18,4	18,6	18,0	
доходы от собственности	1,3	1,6	2,5	6,4	6,2	5,2	5,1	5,5	5,8	
другие доходы	1,6	2,2	2,7	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	

¹⁾ Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 92.

составила 0,79⁷⁴, в последующие годы наблюдался рост производительности труда, но динамика этого роста после 2007 г. заметно ослабла (табл. 2.7).

В 2014 г. производительность труда в целом по экономике составила 100,8% по сравнению с 2013 г., рост был зафиксирован только в 5 отраслях из 10. В России самая низкая производительность труда в Европе, считают эксперты ОЭСР. Сопоставив размер годового ВВП страны со временем, затраченным россиянами на производство за год, они выяснили, что за человеко-час в России в 2014 г. производилось продукта на 25,9 долл. США, что меньше, чем

в Латвии (самой отстающей стране Европы по этому показателю) и Польше (29,7 долл. США), почти в полтора раза меньше, чем в Греции и вдвое меньше среднего показателя еврозоны – 55,9 долл. США. Отставание от США составляло 2,6 раза. В 2015 г. разрыв продолжал увеличиваться⁷⁵. Такой низкий показатель характеризует не только техническую и технологическую отсталость экономики, но и политику в области занятости в государственном и смешанном секторах, которая препятствует сокращению избыточной рабочей силы на государственных предприятиях для предотвращения роста безработицы и социальных напряженностей.

Существенное воздействие на структуру российского общества по уровню жизни оказывает изменение источников денежных доходов населения в постсоветский период (табл. 2.8).

Как можно видеть, произошел рост доходов, связанный с развитием рыночных отношений в экономике. По сравнению с 1980 г.

⁷⁴ В качестве концептуальной основы для методики расчета производительности труда Федеральной службой государственной статистики используется «Руководство ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) по измерению роста производительности на уровне отрасли и на агрегированном уровне» (2001), подготовленное Статистическим Директоратом ОЭСР по науке, технологии и промышленности. Эту же методику наряду с другими методами подсчета производительности труда применил А. Зайцев // <http://ores.ru/data/2014/06/10/1233924707/КШ-произв%20труда-20140603-Zaytsev.pdf>.

⁷⁵ <https://www.vedomosti.ru/archive/2015/08/10>

рост доходов от предпринимательства и от собственности к настоящему времени составил почти 4 раза, при снижении доли оплаты труда на 14% и росте социальных выплат примерно на 3%. Максимальный рост произошел в 1995 г., когда доходы от предпринимательства и от собственности составили почти 16% денежных доходов населения. В последующие годы обозначился существенный рост социальных выплат до 18% в общей сумме денежных доходов в 2014 г. (что было вынужденной мерой для поддержания уровня жизни прежде всего пенсионеров и семей с детьми), снижение доли оплаты труда, а также доходов от предпринимательства и от собственности – в совокупности по этим двум источникам до 14,2% (рис. 2.5).

Последнее отмеченное выше снижение обусловлено ухудшением условий для развития бизнеса, непростыми взаимоотношениями коммерческих структур с государством. Теперь настало время, когда настоятельно необходимо улучшить качество институциональных условий экономического развития. Эти условия хорошо известны: гарантия прав собственности, благоприятный налоговый режим, отсутствие коррупции, прозрачность правил ведения бизнеса, минимум вмешательства чиновников в деятельность предприятий, исключение силовых, противозаконных методов ликвидации бизнеса и т.д. Но в России эти условия никак не становятся обязательными к исполнению на всех уровнях экономики. И это, пожалуй, самая сложная задача в модернизации страны, хотя ее решение могло бы обеспечить рост уровня жизни населения.

Итак, на основании данных официальной статистики состав населения по среднедушевому доходу в 2014 г. может быть представлен в следующем виде (рис. 2.6).

Общество разделено на две группы – тех, кто достиг относительно высокого уровня жизни, имеет, как минимум, приемлемый доход, способный обеспечить социальный стандарт потребления, типичный для современного российского общества (среднеобеспеченные, зажиточные и богатые вместе 59%), и тех, кто находится в состоянии абсо-

Рисунок 2.5. Источники денежных доходов населения (% , 2014 г.)

лютной или относительной бедности (абсолютно бедные и относительно бедные на рис. 2.6, вместе составляют 41%), ощущает на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Доходное неравенство продолжает расти за счет более быстрого увеличения дохода верхних групп – зажиточных и особенно богатых, имеющих не только такие источники, как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской

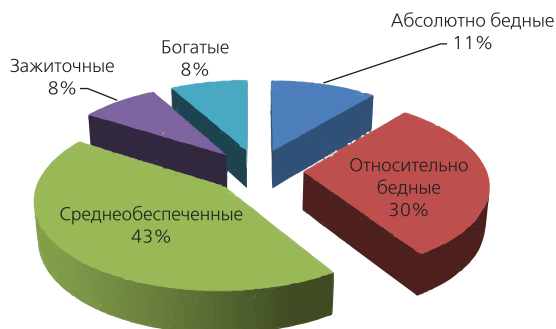

Рисунок 2.6. Материальная дифференциация общества по уровню дохода (2014 г.)

деятельности и от собственности. В условиях роста доходного неравенства и относительного снижения доходов нижних доходных групп необходимо разработать механизмы формирования и перераспределения доходов населения за счет прогрессивного налогообложения высокодоходных групп, роста производительности труда и, соответственно, оплаты труда. Существующее «избыточное неравенство»⁷⁶ стало существенным фактором социального недовольства и ощущения несправедливости у значительной части общества.

Рост оплаты труда (прежде всего высокодоходных групп), доходы от бизнеса и от собственности создали предпосылки к формированию и росту **богатства** в отдельных группах и слоях населения. Богатство составляет все достояние, принадлежащее конкретному человеку или домохозяйству — акции, сбережения, недвижимость, например, дома или земля, то есть все то, что можно продать⁷⁷. В советский период богатство не являлось значимым показателем уровня жизни, поскольку им в ограниченных объемах обладала малая часть населения, в основном собственники частных домов в сельской местности и кооперативных квартир в городах, владельцы вкладов в государственном банке, редкие собственники автомобилей (так, в 1990 г. в собственности было всего 58,5 автомобилей на 1000 человек населения).

Более существенным и решающим по сравнению с доходом и богатством в социалистический период было занятие высокого места в общественной иерархии, дающее возможность участвовать в получении статусной ренты — в виде закрытого распределения дефицитных товаров, поездок за границу, более качественных услуг здравоохранения и т.д.

С развитием кооперативов во время перестройки, разгосударствления и приватизации собственности в 90-е годы, которые сопровождались массовыми незаконными действи-

ями и коррупцией, были сформированы первые большие состояния, приведшие к созданию тонкого слоя собственников, обладающих огромными богатствами. Эти процессы и спустя десятилетия в общественном сознании не признаются легитимными и поддерживают противоречия между элитой и населением. Можно сказать, что в тот период была заложена наиболее резкая дифференциация в доходах, которая усугублялась падением уровня жизни основной части жителей вследствие резкого снижения в течение нескольких лет валового внутреннего продукта, изменения структуры экономики, разрыва хозяйственных связей предприятий и их закрытия.

Анализ распределения в обществе богатства довольно сложная задача, поскольку объем надежных данных ограничен. Приходится довольствоваться некоторыми косвенными показателями. По переписям населения 2002 и 2010 гг. численность населения, указавшего на такие источники средств существования, как сбережения, дивиденды, проценты, а также сдача в наем или в аренду имущества, доход от патентов и авторских прав, за время между переписями увеличилась в 2 раза и составила чуть более одного миллиона человек.

Значительный вклад в увеличение богатства вносят различия в зарплатах высокооплачиваемых и низкооплачиваемых групп. Эта разница составляла между верхней и нижней 10-процентными группами в апреле 2015 г. 14,5 раза по экономике в целом. Разница в доходах еще больше и составляет 16 раз. 30,6% всех доходов приходится на 10-процентную верхнюю группу с наибольшими доходами, на группу с наименьшими доходами — 1,9% (рис. 2.7). Ускорение отрыва начинается с 8-й группы, а самая значительная разница наблюдается между верхними 9-й и 10-й группами — 1,83 раза. Коэффициент Джини по доходам вырос за 20 лет с 0,387 до 0,416.

Такая дифференциация доходов создает базу для формирования богатства у верхних имущественных слоев. Как показали А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута, чем выше неравенство по доходам, тем большая доля совокупных доходов направляется на накопление,

⁷⁶ Термин предложен А.Ю. Шевяковым: см.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.

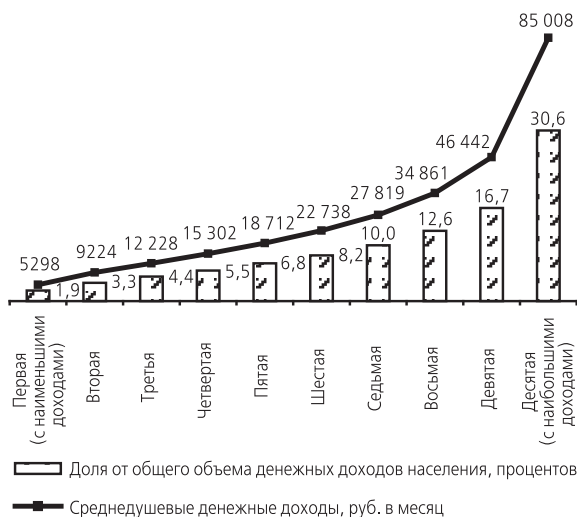
⁷⁷ Гидденс Э. Социология. С. 157.

но в условиях современной России эти накопления не трансформируются в инвестиции в хозяйство и в покупку ценных бумаг, а в основном вкладываются в приобретение недвижимости, в том числе за рубежом. Отчасти это стимулирует рост строительства, но в бедной экономике с дефицитом кредитно-инвестиционных ресурсов весьма существенно тормозится экономический рост⁷⁸.

Повторим, что оценить наличие богатств в руках отдельных имущественных слоев в современной России по данным официальной статистики сегодня очень сложно. Расчеты, которые делаются западными экспертами, часто подвергаются сомнению в нашей литературе, но эти расчеты существуют и говорят о высокой степени концентрации богатства⁷⁹. При этом наблюдается крайне неравномерное распределение личных активов по стране. Наиболее доходные группы, имеющие материальные возможности для формирования личных богатств, массово сосредоточены в нескольких регионах. Так, 47,8% самых богатых, входящих в верхнюю 5-процентную группу по доходам, проживают в Центральном федеральном округе, в основном в Москве, самая меньшая доля этой группы в населении Северо-Кавказского ФО – 2,2%. Также можно

⁷⁸ Шевяков А.Ю., Кирута А.А. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. С. 60–61.

⁷⁹ По оценкам авторов исследования Global Wealth Report – 2012 г., Россия существенно опережает многие крупные страны по уровню неравенства доходов, но впереди России все же располагаются США, страны Латинской Америки, некоторые африканские страны. В то же время по уровню неравенства распределения богатства Россия – абсолютный чемпион мира. По таким показателям, как: доля личного богатства, которой владеют самые богатые 1%, 5%, 10%, 30% населения, коэффициент Джини для распределения богатства, Россия опережает любую другую крупную страну. Неравенство распределения богатства выше только в нескольких карибских странах с налоговыми офшорами. Отрыв от других стран тем больше, чем о более узком слое сверхбогатых людей идет речь. Например, в России на 100 миллиардеров из списка Форбс приходится 30% всего личного богатства граждан, что вообще невозможно представить в других странах. В мире в целом или в Китае миллиардерам принадлежит только 1–2% богатства. Даже в Америке, где Forbes насчитывает более 400 миллиардеров, их совокупное богатство – это всего лишь 7% от суммарного личного богатства всех американцев // Ведомости. 06.11.2012. // <https://www.vedomosti.ru/archive/2012/11/06>

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. М., 2015. С. 109.

Рисунок 2.7. Распределение общего объема денежных доходов по 10-процентным группам населения в 2014 г.

отметить разную глубину дифференциации оплаты труда в отраслях экономики. Например, в 2015 г. разница между верхней и нижней 10-ти процентными группами составляла от 16,5 в оптовой и розничной торговле до 8,3 в сельском хозяйстве, при средней разнице по всем отраслям 14,5 раз.

Для большинства населения, не относящегося к верхним доходным группам, богатство – условная категория, они владеют в основном тем имуществом, которое необходимо для жизни в соответствии с существующими социальными стандартами потребления, или даже может быть ниже этих стандартов. Продажа этого имущества и перевод его в денежную форму означает разрушение привычного уровня и образа их жизни. Хотя нужно отметить, что накопление имущества и денежных средств является заметным трендом всех материальных слоев населения. Даже в условиях современного кризиса население предпочитает делать накопления на «черный день».

В постсоветские годы во всех типах домашних хозяйств увеличивается число бытовых электроприборов и техники, в большинстве из

них достигнуто насыщение этими товарами. Особенно обращают на себя внимание относительно новые товары – средства коммуникации – мобильные телефоны и персональные компьютеры. Число мобильных телефонов на сто домохозяйств составило в 2014 г. 257 штук, количество персональных компьютеров выросло за последние пять лет в два раза и в большинстве домохозяйств достигнуто почти стопроцентное насыщение, за исключением домохозяйств, состоящих из одного человека, преимущественно в сельской местности⁸⁰. Показателен рост числа автомобилей у населения – сейчас на 100 домохозяйств приходится 61 автомобиль.

Важным показателем уровня жизни населения является увеличение площади жилищ – квартир и домов за постсоветские годы. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, выросла с 19,2 в 2000 г. до 23,7 кв. м. в 2014 г.⁸¹. Вместе с тем остается нерешенной жилищная проблема для многих домохозяйств, особенно для тех, кто не располагает достаточными средствами купить жилье. К тому же только 63% общей площади жилищ оборудовано всеми современными удобствами. Уровень благоустройства квартир по комплексу всех видов удобств выше в высокодоходных группах, чем в низкодоходных. Почти четверть домохозяйств помимо основного жилища имеет комнату, или квартиру, дом, часть дома для постоянного проживания, или дачу, дом для сезонного проживания. Конечно, качество этих жилищ может иметь впечатляющие различия, но наличие второго жилья создает запас прочности при неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

Косвенным показателем роста уровня жизни населения является число поездок за рубеж. В 2013 г. было совершено более 35 млн таких туристических и частных поездок, что в пять раз больше, чем в 2000 г.⁸²

Заметно изменилось сберегательное поведение населения в постсоветский период. Сберегаемые средства не только выросли, но и появились новые инструменты сохранения доходов. От 13,5 (2010) до 6,8% (2014) денежных доходов население использовало для сбережения на вкладах и в ценных бумагах, в покупку валюты и хранение на руках⁸³. При этом прирост сбережений фиксируется и в сельской, и в городской местности, но в разных масштабах. Вклады населения и индивидуальных предпринимателей в кредитные организации страны составили в 2015 г. 18 трлн 732,8 млрд рублей⁸⁴. Банки занимают основную часть финансового рынка, небанковский сектор этого рынка развит слабо. Вложения в акции и облигации составляют ничтожную часть оборота финансовых средств населения, что разительно отличается от инвестиционного поведения населения развитых стран мира.

Между тем, накопления могли быть использованы непосредственно самим населением для инвестирования в экономику, если бы не негативный опыт, полученный во время кризисов. Здесь велика и роль государства, способного создать условия для работы «длинных» денег, какими являются акции и облигации. Прежде всего, институциональные условия для развития мелкого и среднего бизнеса, организации доступной и надежной процедуры массовых инвестиций в производство и создания народных предприятий и кооперативов. Участие в инвестициях и контроль за их использованием более широкого круга лиц, которые имеют накопления денежных средств, содействовало бы, с одной стороны, росту экономики, а с другой – увеличению личного дохода. В настоящее время в России акционеры – физические лица владеют только 2,3% уставного капитала организаций, что составляет 433,2 млрд рублей⁸⁵. В ходе опроса, проведенного в 2013 г., выяснилось, что только 4,5% всех домохозяйств владеют

⁸⁰ http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_44/IssWWW.exe/Stg/d01/07-22.htm

⁸¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 203.

⁸² Российский статистический ежегодник – 2014, табл. 9.28.

⁸³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 93.

⁸⁴ Инвестиции в России. 2015: Стат. сб. Росстат. М., 2015. С. 95.

⁸⁵ Там же. С. 103.

акциями предприятий, причем подавляющее большинство получили их в ходе бесплатной приватизации своих предприятий или при ваучерной приватизации, и только 15% приобрели их самостоятельно⁸⁶.

Сейчас заметное направление в инвестировании средств населения – строительство жилья. В 2014 г. население вложило 280,5 млрд рублей в долевое строительство, рост по сравнению с 2010 г. составил 3,5 раза⁸⁷. Часть инвестиций направлена на улучшение собственных жилищных условий, но некоторая часть – на получение инвестиционного дохода. Оценки объемов этих инвестиций затруднительны, но можно предполагать, что это распространенная стратегия вложения сбережений. Инвестиционную активность могут проявлять преимущественно те лица, у которых есть для этого соответствующие ресурсы. Естественно, что самый большой объем таких ресурсов у верхних доходных групп. Так, по данным Росстата, в 2014 г. прирост сбережений у пятой, верхней доходной группы составлял 55,4% располагаемых ресурсов, у четвертой – 24,8%, у третьей – 10,8%, у второй – 6,1%, у первой – с наименьшими ресурсами – только 2,9%. Коэффициент фондов по приросту накоплений составляет 33 раза, что значительно выше коэффициента фонда по доходам (16,0) и по начисленной заработной плате (14,5)⁸⁸.

Таким образом, можно констатировать, что в России происходит концентрация богатства в высокодоходных группах населения и углубляется поляризация доходов от занятости и доходов из других источников. Причем неравенство растет вместе с ростом доходов населения.

Материальная дифференциация общества по доходу и богатству сейчас и в будущем будет генерировать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала своего и своих детей, наращивание социаль-

ного и символического капитала, которые уже стали барьером для вертикальной социальной мобильности из других социальных слоев. Можно согласиться с авторами исследования мобильности в советской и постсоветской России, которые пишут, что мобильность в современном российском обществе носит деформированный характер, что связано с реализацией так называемого меритократического принципа с консервацией на высших слоях общественной системы лояльных к ней, но не обладающих при этом высокой степенью одаренности и подготовленности членов общества⁸⁹. Закрытость верхних слоев характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации в них в расширенном масштабе увеличивались рабочие места, требующие развитого человеческого капитала, и система образования реагировала на это выравниванием шансов получения современного качественного образования для выходцев из всех социальных слоев⁹⁰. В России же в постсоветский период выросли экономические препятствия для получения качественного высшего образования для семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для поступления в вузы на бюджетные и коммерческие места постоянно растут. Вместе с социальным капиталом экономический капитал семьи становится еще более важным фактором поступления в вузы, чем ранее. В результате расслоение по уровню жизни все в большей степени воспроизводится системой образования. Поляризация доходов влечет ощущение несправедливости и униженности тех слоев, которые находятся внизу имущественной иерархии. Ответом служит девиантное поведение этой части населения, прежде всего молодежи, лишенной социальной перспективы.

⁸⁹ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // *Общественные науки и современность*, 2011, № 2. С. 5–28.

⁹⁰ Беляева Л.А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // *Социологические исследования*. 2011. № 12. С. 13–24.

⁸⁶ <http://www.opec.ru/1758772.html>

⁸⁷ http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/invest.pdf

⁸⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015. С. 188.

Таблица 2.9

Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?
(% от опрошенных)

Самооценка материального положения	1994 г.	1998 г.	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	–	6	3	5	
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	

Субъективные оценки уровня жизни

Статистическое распределение доходов и богатства в современном российском обществе в своих пропорциях достаточно близко субъективным оценкам материального благосостояния и композиции материальных слоев, полученных на основе самоидентификации. Всероссийский мониторинг, который проводится в Центре изучения социокультурных изменений ИФ РАН под руководством Н.И. Лапина, позволяет анализировать проблемы структуризации российского общества по разным основаниям, в том числе по материальному уровню жизни населения. Естественно, нужно учесть, что из наблюдения выпадают самые привилегированные группы, недоступные для опросов, что способствует занижению численности этих групп в материальной стратификации.

В опросе, проводимом методом интервью на дому среди респондентов старше 18 лет⁹¹, респондентам предлагалось дать самоопределение своего материального положения (табл. 2.9).

В течение 90-х годов прошлого века наблюдались большие перепады в численно-

⁹¹ Выборка вероятностная многоступенчатая территориальная, репрезентативна по всем основным социально-демографическим, экономическим и географическим параметрам – полу, возрасту, месту проживания, национальности, образованию, экономическому положению и другим показателям.

сти материальных слоев, особенно слоя самых бедных, и тех, кто был более-менее материально обеспечен перед кризисом 1998 г. Первый слой в составе всего населения вырос в результате кризиса 1998 г. более чем в 3 раза, слой «обеспеченных» сократился в 1,6 раза. Начало 2000-х отметилось заметным изменением трендов развития материального расслоения. Сократилась численность «нищих» и «бедных», которые, тем не менее, к 2015 г. составили почти 30% населения страны, 22% находились на уровне необеспеченности и 44% жили благополучно («обеспеченные», «зажиточные» и «богатые»). Показательно, что данные опроса подтверждают тенденцию, которую выявил анализ статистики, – за годы постсоветского развития, несмотря на препятствия росту рыночной экономики, постепенно сформировались слои населения, представленные средне- и высокодоходными группами, подавляющая часть которых занята в негосударственном секторе экономики. Графически эту динамику можно проследить на рис. 2.8.

По данным статистики, слой благополучного населения составляет 54% (2014), по опросу самого населения 44% (2015). Разница не столь существенная, если учесть, что высокодоходные группы уклоняются от опросов, тем более, если они проходят в домашних условиях. Но расслоение общества по уровню жизни с такими пропорциями: примерно 50%

неблагополучных и 50% благополучных слоев населения, трудно признать оптимальным. Это следствие отсутствия позитивных сдвигов в диверсификации отраслей экономики, что говорит в пользу реиндустриализации экономики, которая может дать хорошо оплачиваемые эффективные рабочие места массовым слоям населения. Одновременно требуется форсировать развитие новых постиндустриальных отраслей, на которые ориентируются молодые образованные люди. Кроме того, целесообразно совершенствовать систему перераспределения доходов, которая должна включать введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь, что может увеличить доход бюджета для использования его в целях увеличения социальных трансфертов. Но политика перераспределения доходов в пользу низкодоходных групп без развития частного сектора экономики не может быть эффективной в долгосрочной перспективе, поскольку она вызовет усиление роли государства и ограничение индивидуальной активности граждан. Как показал де Жувенель, самым важным результатом политики перераспределения является тот импульс, который она придает губительному процессу централизации⁹². Для современной России избежать такого развития событий в длительной перспективе было бы весьма желательно.

Социальная стратификация общества и формирование среднего класса

Анализ структуризации общества по показателям уровня жизни, профессиональной компетенции, измеряемой по уровню общего и специального образования, и по выполнению управленческих функций позволяет рассмотреть социальную стратификацию общества. Выделяемые социальные страты различаются ресурсами, которые воплощены в доходе, уровне образования и наличии властных функций.

Для анализа социальной стратификации проведен двухэтапный кластерный анализ

⁹² Де Жувенель Б. Этика перераспределения // www.libertarium.ru/1_lib_ethics

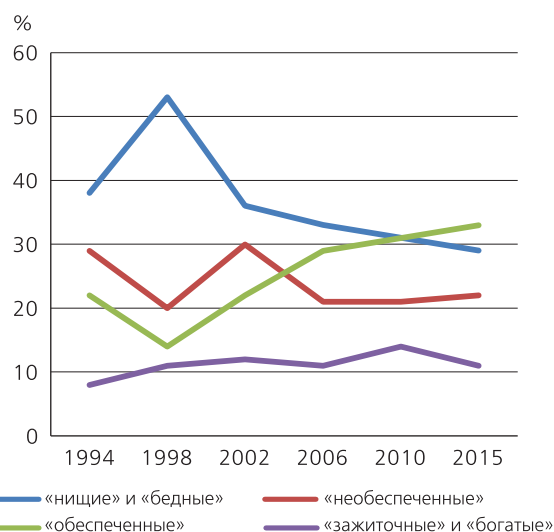

Рисунок 2.8. Соотношение материальных слоев в России. 1994–2015 гг. (%)

Таблица 2.10
Социальная стратификация занятого населения России (% от опрошенных)*

Социальный слой	2006	2010	2015
Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)	11	21	21
Эксперты, специалисты	20	16	22
Реалисты среднеобразованные	39	37	23
Бедные руководители	8	–	–
Новые бедные (образованные)	–	11	–
Новые бедные (среднеобразованные)	23	–	18
Реалисты малообразованные	–	16	16

данных мониторинга о работающем населении страны за 2006, 2010 и 2015 гг.⁹³ Результаты кластеризации содержатся в таблице 2.10.

За годы наблюдений происходила умеренная восходящая социальная мобильность для лиц, имеющих высшее профессиональное образование, и нисходящая социальная мобильность для лиц со средним специальным образованием, некоторые социальные слои показали свою устойчивость. Поэтому

⁹³ Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социс. 2005, № 12.

композиция слоев в разные годы наблюдений имеет свою определенность.

Все социальные слои, выделенные в 2006, 2010 и 2015 гг., можно представить по следующим характеристикам.

«Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)» имеют в большинстве высшее или послевузовское образование, доход на уровне обеспеченных или выше, руководят коллективами или другими работниками.

100% «экспертов», или если говорить более традиционно, «специалистов» имеют высшее образование, но у них нет подчиненных, а свой доход они в основном оценивают как «обеспеченные».

«Реалисты среднеобразованные» – это гетерогенный слой востребованных на рынке труда специалистов в основном со средним специальным образованием, но в их числе небольшая часть – до 15% имеют незаконченное или законченное высшее образование. Они не имеют подчиненных, их доход в среднем между «необеспеченными» и «обеспеченными».

«Бедные руководители» в основном относятся к среднему и нижнему звену в управлении, имеют меньше подчиненных, чем «высокостатусные», образование в основном среднее специальное (63%), но часть имеет незаконченное высшее.

«Новые бедные (образованные)» – это смешанная группа в основном очень бедного населения (80% относятся к нижнему материальному слою), в которой представлены все образовательные группы, в том числе 30% специалистов с высшим и незаконченным высшим, 42% со средним специальным образованием, не имеющие подчиненных, работающие на плохо оплачиваемых местах, в основном в бюджетной сфере.

«Новые бедные (среднеобразованные)» имеют образование не ниже среднего специального, доход низкий, на уровне бедных и необеспеченных, не имеют подчиненных.

«Реалисты малообразованные» – те, которые сейчас востребованы рынком труда, по своему доходу приближаются к обеспеченным, но при этом их образование не выше среднего общего, заняты в основном не- и малоквалифицированным трудом.

Как видно в табл. 2.10, социальная структура общества за последние 10 лет вызвала несколько импульсов к изменению стратификации.

1. Стал устойчивым по своему положению и по своей численности слой руководителей, практически исчезли руководители с низкими доходами, переместившись в верхний слой. Сейчас среднее значение дохода этого слоя 3,66 по пятибалльной шкале (между обеспеченными и зажиточными).
2. Выросла – т.е. восстановилась за 10 лет – численность экспертов и специалистов, достигнув 22%. Они имеют, как правило, высшее образование и достойный доход – на уровне зажиточных (эксперты) или приближающихся к обеспеченным (специалисты). В этот слой переместились образованные новые бедные, которые в 2010 г. составляли 11% опрошенных.
3. Серьезные проблемы возникли сейчас у реалистов среднеобразованных (их численность сократилась за пять лет на 14%) – большая часть из них переместилась в слой «среднеобразованных новых бедных» – имея приличное образование – как правило, среднее специальное, они уменьшили свой доход до уровня между «бедными» и «нищими». В прошлые волны мониторинга эта группа была стабильно большой (до трети занятого населения), но она оказалась весьма уязвима в условиях кризиса. Ее образовательный ресурс и рабочие места не позволили сохраниться в прежнем объеме.
4. Стабильны реалисты малообразованные (16%) – имея невысокое образование – на уровне средней школы, свой доход они оценивают как приближающийся к обеспеченным. Эта группа малоквалифицированных работников востребована в современной экономике и в среднем неплохо оплачивается по их собственным оценкам.

Таким образом, современное состояние социальной стратификации характеризуется умеренной восходящей социальной мобиль-

ностью для лиц, располагающих культурным и социальным капиталом, и нисходящей социальной мобильностью для лиц, имеющих образование не выше среднего специального. Именно они стали первыми жертвами современного экономического кризиса и низких темпов реиндустриализации экономики. Утрата этим слоем профессионализма и навыков работы в индустриальном секторе (что произошло с разрушением предприятий) будет оказывать длительное негативное воздействие на состояние рынка труда в России. Уже сейчас на многих предприятиях, особенно в провинции, главной проблемой на создаваемых или возрождаемых производствах является отсутствие квалифицированных рабочих кадров.

Высшее образование остается в обществе главным средством, которое держит человека на плаву, обеспечивая довольно высокий социальный статус и доход. Вместе с тем российское общество продолжает оставаться обществом работников физического труда – более

половины в нем составляют лица со средним специальным и более низким образованием со средними и низкими доходами, большинство из которых заняты физическим трудом. Последние слои наиболее уязвимы в социальном отношении и именно им должна бы дать устойчивость и развитие новая индустриализация России.

Социальная стратификация занятого населения России по данным 7-й волны мониторинга (2015) представлена на рис. 2.9.

Здесь уместно сравнить данные мониторинга с данными Европейского социального исследования (ESS), в котором участвует Россия (рис. 2.10). Россия входит в группу восточноевропейских стран, где в классовой структуре преобладает рабочий класс, или «синие воротнички». Они составляют примерно 50% занятого населения (исключение – Словения, где их только 43%). В России «синие воротнички» составляют по данным ESS 52%, что практически повторяет данные мониторинга 2015 г. «Белые воротнички» составляют в этих

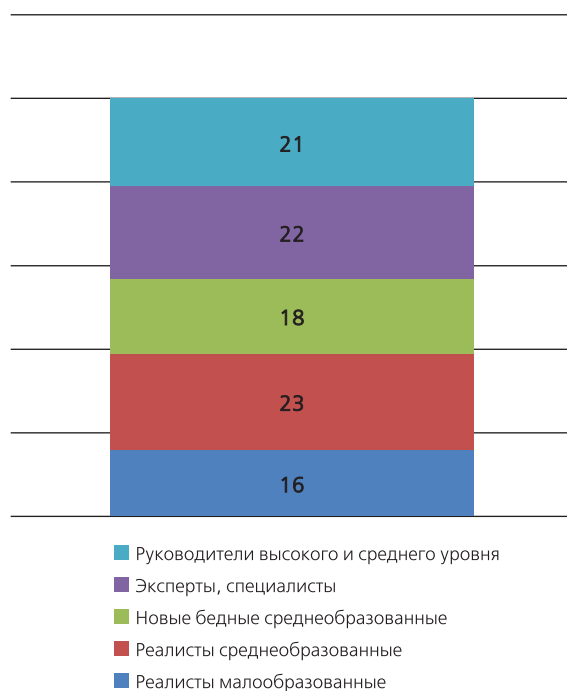

Рисунок 2.9. Социальная стратификация занятого населения России. 2015 г.

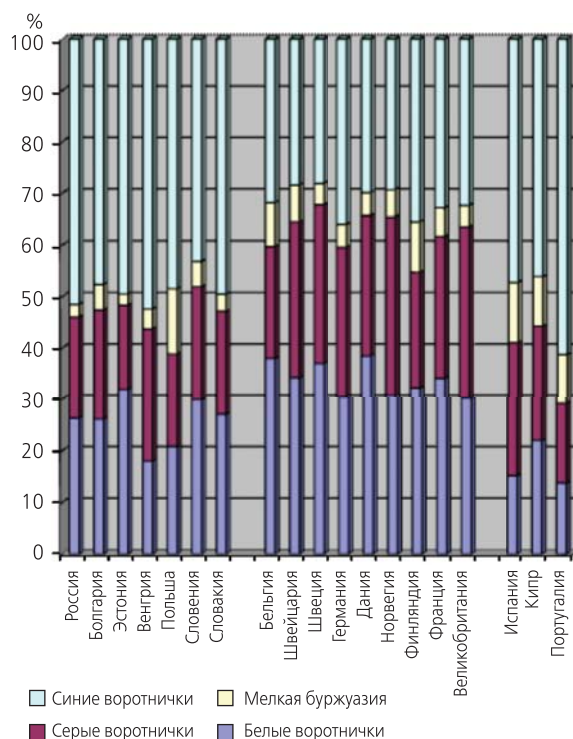

Рисунок 2.10. Социально-профессиональная структура России и европейских стран

странах в среднем четверть населения. При этом в России доля мелкой буржуазии (мелких собственников и самозанятых) одна из самых низких – только 2,5%. «Серые воротнички» – работники сектора услуг – составляют довольно внушительную часть российского населения – 20%. И это свидетельство постепенного развития в нашем обществе третичного сектора, в который переместились в период кризиса работники других отраслей, утратив свою профессиональную идентификацию.

В сравнении с наиболее развитыми западными странами, находящимися на постиндустриальном этапе развития, четко видно, что структура населения в России соответствует индустриальному этапу развития экономики. У нас значительно меньше «белых воротничков», работников сферы обслуживания, мелкой буржуазии. Но *на 20-25% больше рабочих*. А это в большинстве своем и есть «реалисты», о которых было сказано ранее. Структура населения четко показывает, что группа развитых стран Западной Европы наиболее продвинулась от модели индустриального общества к постиндустриальному, в то время как в постсоветской России занятость населения соответствует индустриальному периоду, но при этом созданная в советское время индустриальная модель сильно деформирована, высвободив работников для сектора услуг.

В современном обществе качество рабочей силы и ее культурный потенциал характеризуются уровнем профессионализации, поскольку возрастающая специализация экономических ролей и кластеров экономической деятельности – это один из признаков экономической модернизации. Заметим в связи с этим, что в постиндустриальных обществах Запада до 84% взрослого населения (Великобритания, Германия) получили профессиональное образование, тогда как в России только 63%⁹⁴. В постиндустриальной модели социально-профессиональные позиции занятых смещены в сторону экономики услуг, повышенной роли работников науки

и образования, расширения влияния на экономическое развитие квалифицированных профессиональных менеджеров и специалистов. Соответственно этому в развитых западных странах обеспечивается высокий уровень ВВП на душу населения, сформировано относительно высокое качество жизни, обеспеченное разного рода услугами, которые стали доступны большинству населения.

Таким образом, в России сложилась социальная стратификация занятого населения, которая говорит об уровне экономического развития страны, о ее принадлежности к индустриальному этапу развития с отдельными элементами доиндустриальной и постиндустриальной экономик. В составе занятого населения имеются три социальных слоя, не относящихся к элите, но обладающих культурным капиталом, профессионализмом и адаптированные к переменам: высокостатусные, эксперты, а также часть «реалистов», которые могут рассматриваться как социальная база экономической модернизации. В совокупности они составляют около 50% занятого населения. Именно эта среда может выдвигать не только участников, но и организаторов модернизационного развития. Особое место в процессе структуризации российского общества занимает средний класс, который, как все общество, подвержен влиянию социально-экономических процессов, то расширяясь, то сжимаясь и при этом демонстрируя изменение своего самочувствия.

Самоидентификация респондентов относительно пяти слоев показала значительные изменения в 1998–2015 гг. доли населения,

Таблица 2.11.

Как Вы думаете, к какому слою общества Вы принадлежите? (%)

	1998 г.	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2015 г.
Высший слой	0,2	0,7	0,3	0,5	3
Слой выше среднего	4	4	4	7	6
Средний слой	49	49	54	62	52
Слой ниже среднего	25	32	25	20	22
Низший слой	12	8	10	7	11
Не знаю, отказ от ответа	10	6	7	4	7

⁹⁴ Россия в Европе. По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». С. 69.

относящего себя к среднему слою, или, как его иногда называют, «субъективному среднему классу» (табл. 2.11).

В 2015 г. доля этого слоя сократилась на 10% по сравнению с 2010 г., одновременно сформировалась довольно устойчивая самоидентификация слоев выше среднего – она приближается к 10% занятого населения, выросли слои, расположенные ниже среднего слоя – на 7% по сравнению с 2010 г.

Самоидентификация со средним слоем не дает основание считать, что это средний класс общества. Средний класс, который по мнению Н.И. Лапина, представляет собой сложно-составную социокультурную страту общества⁹⁵, должен обладать развитым человеческим капиталом, способным обеспечивать прогресс общества и в то же время стабилизировать социальный порядок и придавать устойчивость общественным отношениям. Уровень жизни среднего класса обеспечивает ему получение социально приемлемого объема материальных и культурных благ, социальных услуг. Его уровень жизни в процессе модернизации постепенно приближается к уровню жизни среднего класса развитых обществ.

При обработке данных мониторинга производилось выделение среднего класса по трем признакам – самоидентификация со средним слоем, уровень образования не ниже среднего специального и материальный уровень, достаточный для жизни (не ниже обеспеченных по материальной шкале в табл. 2.9). Применение одной и той же методики в разные годы мониторинга показывает, что изменение его численности коррелирует с трендами развития социальных и материальных слоев (см. рис. 2.11).

По данным мониторинга, его численность уменьшилась в 2015 г. по сравнению с 2010 на 4% и стала даже ниже, чем в 2006 г. Сейчас он составляет 20% от численности населения. Основные факторы снижения – сокращение

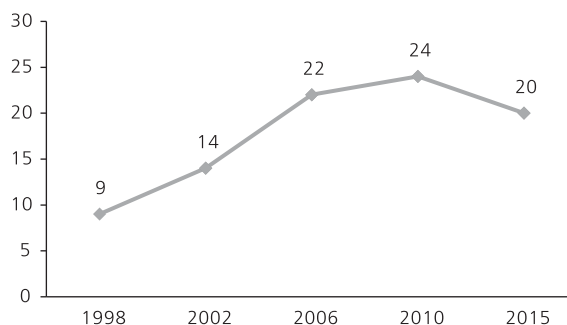

Рисунок 2.11. Численность среднего класса в России. 1998–2015 гг. (% в населении)

численности лиц, идентифицирующих себя со средним классом, и снижение уровня доходов в этом слое по сравнению с 2010 г. в условиях современного кризиса.

При этом сократилась доля среднего класса в населении крупных городов, выросла в средних городах, осталась незначительной, хотя несколько и увеличилась, в малых городах. Новое явление – увеличение среднего класса в сельской местности (рис. 2.12). Но по профессиональному составу нельзя сказать, что это работники сельского хозяйства, скорее сказывается новая система расселения жителей, работающих в городах, которые могут перебираться жить в пригороды и в сельскую местность.

Больше половины среднего класса работает на частных и акционерных предпри-

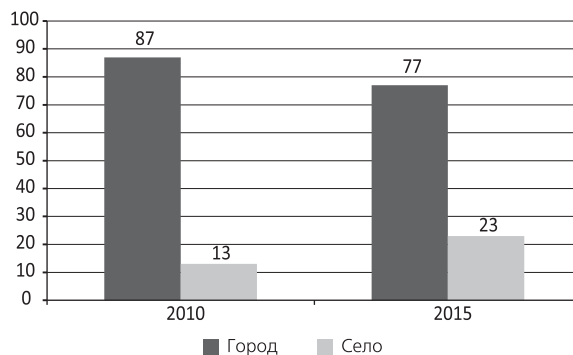

Рисунок 2.12. Численность среднего класса в городе и в селе (% в населении, 2010, 2015 гг.)

⁹⁵ Теоретико-методологические предпосылки такой интерпретации см.: Н.И. Лапин. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016, № 5, С. 31–32.

ятях без участия государства, или являются индивидуальными предпринимателями (вместе 57%). 22% работают в органах управления или в бюджетных организациях.

Характерно, что средний класс сохраняет бóльший оптимизм, чем остальное общество, легче преодолевает текущий кризис, чаще выбирает активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения. Средний класс меньше рассчитывает на помощь государства и чаще высказывается за самостоятельность частного сектора, против вмешательства государства в его деятельность. В менталитете среднего класса устойчиво сохраняются и даже постепенно крепнут ценности самостоятельности, автономности, свободы. Ранее уже было показано, что средний класс является бóльшим сторонником свободы, чем остальное общество. Разница составляла в разные годы мониторинга от 6 до 12 процентных пунктов. Но и претензии к государству как гаранту личной безопасности беспокоят около 50% среднего класса и остального населения. Сомнительно усматривать в этих данных стремление к «твердой руке», склонность к «этатизму», скорее это надежда на то, что можно совместить свободу и безопасность, если будут эффективно исполняться государственные функции.

По многим проблемам развития общества средний класс имеет близкие позиции с остальной частью общества, в частности по наличию у него социального капитала. В оценках доверия между людьми, доверия

к государственным институтам, в том числе низкому доверию к политическим партиям и к полиции и т.д., разница составляет всего 3–5 процентных пунктов.

Нельзя недооценивать тот модернизационный потенциал, который был накоплен средним классом за 25 лет перемен. Многие его представители имеют и негативный опыт вписывания в рыночные отношения – участие в коррупции, включения в неформальные экономические отношения и т.д., но они действуют в той институциональной среде, которая существует в России, а эта среда далека от западных стандартов. Так, по данным 2015 г. каждый четвертый представитель среднего класса за последний год сталкивался с вымогательством, взятками, коррупцией.

Можно говорить об устойчивой самоидентификации со средним классом наиболее активной, самостоятельной и рациональной части общества. Но стагнация и даже сокращение численности в последние годы свидетельствует не только о воздействии кризиса, но и об исчерпанности резервов роста среднего класса в том русле развития, в котором движется сейчас Россия. И это серьезный социокультурный вызов для российской модернизации. Рост численности и улучшение социального самочувствия среднего класса, получение ясных сигналов от власти, что институциональные условия его деятельности будут улучшаться, является необходимым условием стабильного развития и реализации стратегий модернизации российского общества.

Глава 3

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Два макрорайона. Их гомогенная культура и несбалансированность модернизации регионов

Центральный федеральный округ (ЦФО) занимает центральную часть Восточно-Европейской равнины. Он находится в умеренных широтах, в средне-северной полосе России, в нескольких ее природных зонах – хвойных, смешанных и широколиственных лесов, лесо-

степей и степей. Преобладающая часть территории округа принадлежит бассейну рек Волги и Дона. Крайняя северо-восточная точка округа расположена в Костромской области (Октябрьский район), южная – в Воронежской области (Кантемировский район), западная – в Смоленской области (Рудненский район). Он граничит с Северо-Западным, Южным и Приволжским федеральными округами, а также с Республикой Беларусь и с Украиной (см. рис. 3.1.).

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Псковская; 2 – Ростовская; 3 – Мордовия; 4 – Чувашия; 5 – Марий Эл.

Рисунок 3.1. Границы Центрального федерального округа и его регионов

Как и большинство округов Российской Федерации, ЦФО образован указом Президента России 13 мая 2000 г. Он объединяет два больших экономических района, будем называть их макрорайонами – Центральный и Центрально-Черноземный. Он является самым большим округом по численности населения и по числу субъектов Российской Федерации: включает 17 областей и город федерального значения. Это единственный округ, в котором нет субъектов, образованных по этническому признаку, что служит косвенным показателем его этнокультурной гомогенности: около 90% его населения составляют русские – носители и творцы тысячелетней русской культуры, выросшей в лоне православного христианства.

Дело не только в общей этничности населения округа, но и в общности культурогенеза двух его макрорайонов. Значительная часть населения, живущего ныне в Центральном Черноземье, являются потомками переселенцев из Центрального, Нечерноземного района. По данным исторической демографии, в 1678–1915 гг. в Черноземье переселились 630 тыс. человек¹.

Территорию современного Центрального Черноземья исследователи сопоставляют с сформировавшейся к концу XVI в. территорией (областью) «городов на Поле», которую именовали «Подем» (а порой и «Диким подем»)². В течение XVI–XVIII вв. шло заселение этой области, ускоренное созданием оборонительных линий и организацией российской сторожевой службы на краю «Поля». Колонизация данного региона шла в несколько этапов и осуществлялась в различных формах (вольная, правительственная, помещичья, монастырская), это был довольно сложный историко-культурный и социальный процесс. В ходе освоения территории русское население перемещалось к югу из более заселенных северных и запад-

ных районов³. При этом южнорусские земли по левобережью Дона более активно заселяли выходцы из рязанских и тульских городов и уездов. А в освоении западной части региона активное участие приняли переселенцы из соседних западных и южнорусских районов (из бассейна верховий Оки и Десны)⁴. Соответственно на этих землях происходило взаимодействие потомков древнего населения домонгольского периода и выходцев из центральных и южных районов России.

Совокупность регионов всего Центрального федерального округа является историческим ядром русского этноса и российской цивилизации, хозяйства и государственности России. На 3,8% территории страны, занимаемых регионами ЦФО, проживают около 27% ее населения (на начало 2015 г. – 39 млн человек, плотность населения – около 60 чел. на 1 кв. км); примерно такая же доля населения в трудоспособном возрасте; доля населения моложе этого возраста составляет 15%, а старше – 26%⁵. Сравнение с другими округами показывает, что в ЦФО самый высокий средний возраст занятого населения (40,9 лет). Следующими по этому показателю округами являются Северо-Западный (40,6 лет); Южный (39,3 лет); Северо-Кавказский (39,3 лет).

В ЦФО имеются 300 городов, из них 40 – численностью более 100 тыс. человек. Кроме Москвы, свыше миллиона жителей насчитывает г. Воронеж. Доля городского населения округа составляет около 82%.

На территории ЦФО сосредоточено 65% промышленных запасов железных руд, 25% фосфоритов, 25% цементного сырья, 15% бокситов. В 2014 г. ЦФО занимал в России первое место по основным фондам экономики (32,1%), промышленному и сельскохозяйственному производству (соответственно, 78,5% и 25,4%)⁶. Роль Центрального феде-

³ Чижикова Л.Н. Этнокультурная история южнорусского населения // Этнографическое обозрение. 1988. № 5. С. 34.

⁴ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. С. 59.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 1.1; 2.5.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 1.3.

¹ См. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. В 2 тт. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 23.

² См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 6–9.

Таблица 3.1

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ
Кластеризация регионов по уровням интегрированных индексов модернизации, 2012 г.

Значения индексов, регионы (области, перечислены по уменьшению значений индексов)				
76–88	62–66	60–61	57–55	53
Москва	Калужская	Тверская	Орловская	Тамбовская
Московская область	Ярославская	Тульская	Брянская	
(ЦФО)	Ивановская	Владимирская	Белгородская	
	Воронежская	Курская	Костромская	
			Рязанская	
			Смоленская	
			Липецкая	

рального округа наиболее велика в производстве электроэнергии, черных металлов, выплавке стали, производстве цельномолочной продукции, хлебобулочных изделий, водки и ликероводочных изделий, различных видов тканей, отдельных видов продукции химической и нефтехимической промышленности⁷. В структуре валового регионального продукта основную долю образуют отрасли, производящие услуги. В целом это староосвоенный, индустриально-постиндустриальный федеральный округ.

От Москвы по территории округа и до самых окраин страны проходят более 10 радиусов железных дорог, множество авиарейсов. Имеется немало автодорог федерального значения, но в стороне от них – часто бездорожье. Канал Москва–Волга позволяет доходить до московских портов судам с большой осадкой.

ЦФО лидирует по многим показателям социально-экономического развития. В 2014 г. субъекты округа обеспечили около 29% всех поступлений налогов в бюджетную систему страны, в том числе свыше 21,5% – в федеральный бюджет⁸. Основными факторами развития округа служат: выгодное экономико-географическое положение, развитая инфраструктура, высокий производственный, научно-технический и человеческий потенциал.

⁷ См.: Стратегия социально-экономического развития ЦФО на период до 2020 года // <http://cfo.gov.ru/acts/3> Режим доступа 05.03.2016 г.

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Табл. 1.3.

Неравномерность и динамика модернизации регионов ЦФО

Два макрорайона ЦФО – Центральный (его еще называют Центрально-промышленный, иногда – Нечерноземный) и Центрально-Черноземный – это не только экономические, но и природно-климатические, шире – социоэкономические макрорайоны. Являясь этнокультурно гомогенными и имея общую историю, они существенно различаются по природным ресурсам, климатическим и социально-экономическим условиям жизни населения. Эти различия проявляются в неравномерности распределения человеческих и других ресурсов, в разных скоростях их модернизации, в контрастах между состояниями модернизованности регионов этих макрорайонов.

Количественно наиболее точную дифференциацию уровня модернизации дают ее интегрированные индексы (ИИМ), которые фиксируют уровень двух стадий модернизации. Они приведены в Сводных таблицах параметров модернизации регионов (Приложение 2), а их динамика в 2000–2012 гг. наглядно представлена в виде графиков в Приложении 3. Сопоставляя график ИИМ регионов ЦФО и данные сводной таблицы по этим регионам за 2012 г., мы выделили 5 кластеров регионов данного ФО по уровням их интегрированных индексов модернизации (табл. 3.1).

Графики показывают, что эта кластеризация регионов ЦФО в целом воспроизводится в течение всего десятилетия. С 2000 г. Москва является лидером, а Тамбовская область – аутсайдером. Некоторые области незначительно изменяли свое положение в иерархии индексов. Основным источником позитивных изменений была динамика индексов вторичной модернизации, а стабильность уровня первичной модернизации служила тормозом ее интегрированной эволюции.

Для более глубокого понимания процессов и проблем модернизации важен именно анализ их динамики, ее тенденций. Решить эту задачу помогает предложенная нами типология состояний модернизованности регионов, которая учитывает не только уровень, но и фазы каждой стадии модернизации региона. Важен также уровень сбалансированности ее составляющих. Эта типология и индекс сбалансированности охарактеризованы в главе 1. Результаты такого анализа представлены в табл. 3.2.

Анализ данных, представленных на графиках, в таблице 3.2 и карто-схемах (рис. 3.2) позволяет заключить, что в 2000–2012 гг. ЦФО в целом осуществил быстрый переход из фазы «зрелости» первичной (индустриальной) модернизации (ПМ, тип 3) в фазу начала вторичной (информационной) модернизации (ВМ, тип 6). В результате углубилась дифференциация состояний их модернизованности: имеются и регионы в начальном состоянии ПМ (тип 1, Тамбовская область), и регионы, которые достигли высокого, даже по мировым меркам, состояния ВМ (тип 6, Москва, Московская область). Таблица 3.1 свидетельствует не только о неравномерности процессов модернизации между регионами, но и о несбалансированности составляющих этих процессов в самих регионах.

Переход к ВМ произошел, прежде всего, благодаря повышению доходов и ожидаемой продолжительности жизни населения всей России. Данные факторы способствовали повышению типов (состояний) модернизованности страны: как показано в гл. 1, в 2005–2010 гг. Россия перешла из типа 3 в тип 5, и сохранила это состояние к 2012 г.

В 2000–2012 гг. повысили состояния модернизованности 10 регионов ЦФО. В том числе Ивановская, Калужская, Ярославская области перешли во вторичную стадию модернизации (в типы 4 и 5, а Московская область – тип 6). Благодаря продвижению этих регионов и, конечно, Московской агломерации (Москва и Московская область) как двойному локомотиву движения, Центральный федеральный округ в целом уже к 2005 г. вошел в подготовительную фазу вторичной модернизации, а в 2010–2012 гг. вступил в ее начальную фазу.

Однако за 12 лет переход к вторичной модернизации осуществили всего 4 из 18 регионов округа, а 13 регионов остались на стадии первичной модернизации, в том числе 7 из них стагнируют в низких ее состояниях. Тем не менее, очень важно, что хотя и медленно, но повышается индекс сбалансированности большинства регионов ЦФО и округа в целом. Число модернизационно несбалансированных регионов уменьшилось и увеличилось число регионов, сбалансированных ниже среднего. Лишь в Рязанской и Смоленской областях наблюдалось в последние годы снижение индекса сбалансированности. Вместе с тем, только Московская и Воронежская области стали регионами, модернизационно сбалансированными выше среднего, а высокосбалансированным регионом является Москва.

Являясь двойным локомотивом модернизации ЦФО, регионы Московской агломерации одновременно служат и фактором повышения ее неравномерности. Москва уже к 2000 г. вошла в стадию вторичной модернизации (ВМ). Московская область в 2000–2005 годах совершила быстрый переход из фазы зрелости первичной модернизации (ПМ) в фазу роста ВМ (из типа 3 в тип 6).

Таким образом, основной факт состоит в неравномерности модернизации разных регионов округа и в несбалансированности процессов модернизации в самих регионах. Дальнейшее сохранение существующих темпов и структуры динамики модернизации будет означать ее стагнацию, а затем и социокультурную рецессию в большинстве регионов ЦФО и округа в целом. Очевидно, такая перспектива неприемлема. Требуется

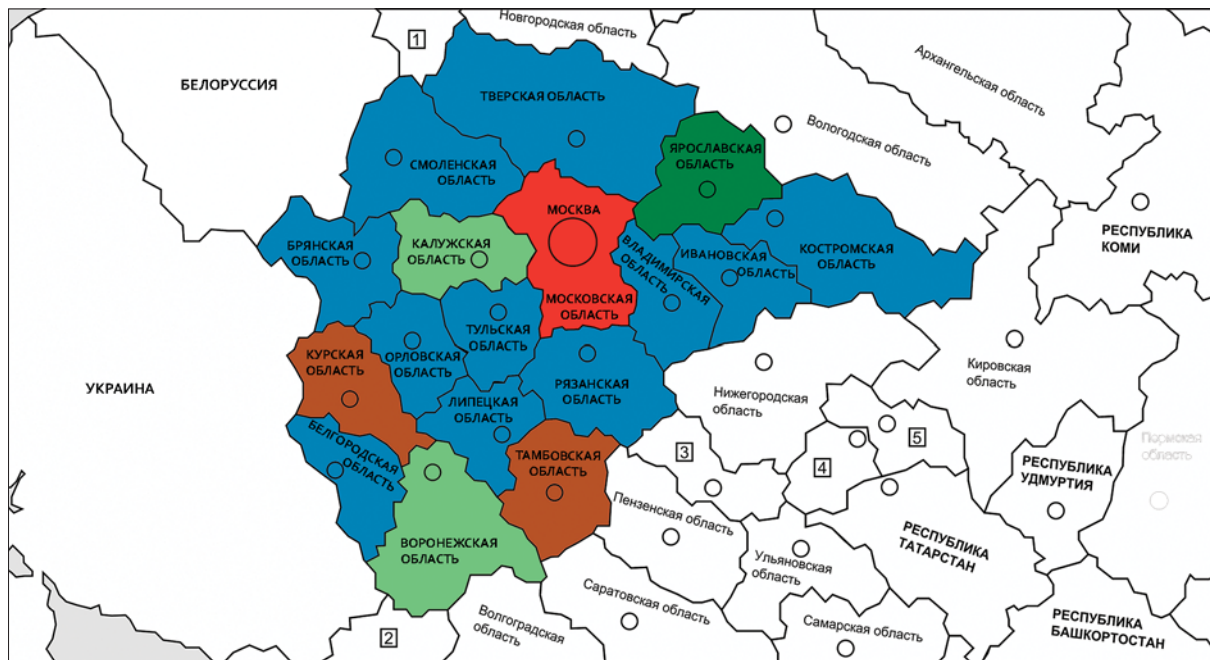
Таблица 3.2

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ
Динамика состояний (типов) модернизированности регионов (2000–2012)
и сбалансированности ее составляющих (на основе интегрированных индексов)*

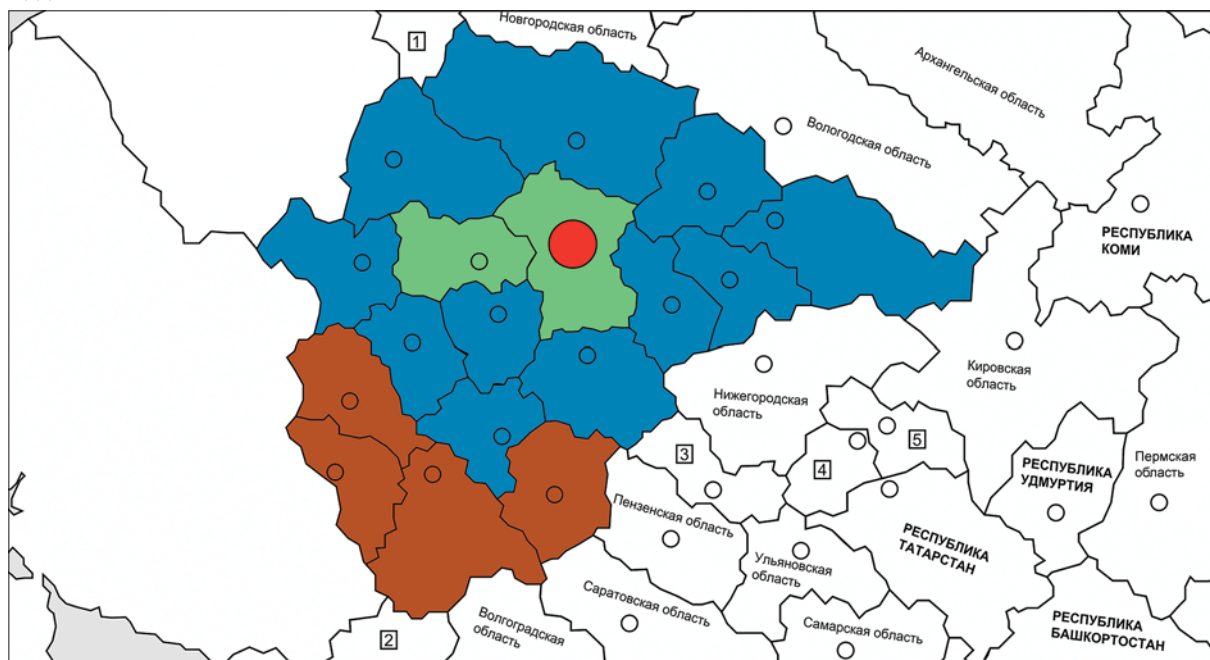
Регионы	Типы модернизированности, уровни сбалансированности (ИИСБ)				Интегрированные индексы, отклонения субиндексов		
					Значения ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2012	2010/2012 г.		
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
<i>(5) Сбалансированный рост ВМ (к типам 5 к 6). Опережает когнитивная составляющая. [В целом ЦФО, РОССИЯ]</i>							
г. Москва	6 В	6 В	5 В	6 В	0,731/0,769	соц.	эк., зн.
Московская обл.	3 НС	6 С	6 С	6 ВС	0,398/0,440	эк.	соц., зн.
Центральный ФО	3 НС	5 В	5 В	6 В	0,706/1,189	эк.	соц., зн.
РОССИЯ	3 Н	3 НС	5 ВС	5 В	0,555/0,969	эк., зн.	соц.
<i>(4) Быстрый переход к ВМ (к типам 4, 5). Опережает социальная составляющая.</i>							
Ярославская обл.	2 Н	4 НС	5 НС	5 С	0,214/0,329	эк., зн.	соц.
Ивановская обл.	2 Н	2 Н	4 Н	4 НС	0,173/,231	эк., зн.	соц.
Калужская обл.	3 Н	3 НС	3 Н	5 НС	0,171/0,205	эк.	соц., зн.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
<i>(3) Стагнация зрелой ПМ (тип 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.</i>							
Владимирская обл.	2 Н	2 Н	4 Н	3 НС	0,168/0,225	эк., зн.	соц.
<i>(2) Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.</i>							
Тульская обл.	2 Н	2 Н	3 НС	3 НС	0,182/0,244	эк., зн.	соц.
Тверская обл.	2 Н	2 Н	3 Н	3 НС	0,160/0,288	эк., зн.	соц.
Воронежская обл.	1 Н	3 НС	3 НС	3 ВС	0,310/0,546	эк., зн.	соц.
Белгородская обл.	1 Н	2 Н	2 Н	2 НС	0,164/0,231	эк., зн.	соц.
Курская обл.	1 Н	1 Н	2 НС	3 НС	0,218/0,285	эк., зн.	соц.
<i>(1) Стагнация ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста) Отстают экономическая и когнитивная составляющие.</i>							
Орловская обл.	2 Н	2 Н	2 НС	2 НС	0,196/0,275	эк., зн.	соц.
Рязанская обл.	2 Н	2 НС	2 НС	2 Н	0,180/0,174	эк., зн.	соц.
Смоленская обл.	2 Н	2 Н	2 Н	2 Н	0,177/0,173	эк., зн.	соц.
Брянская обл.	2 Н	2 Н	2 Н	2 НС	0,150/0,221	эк., зн.	соц.
Костромская обл.	2 Н	2 Н	2 Н	2 НС	0,142/0,200	эк., зн.	соц.
Липецкая обл.	2 Н	2 Н	2 Н	2 НС	0,137/0,208	эк., зн.	соц.
Тамбовская обл.	1 Н	1 НС	1 НС	1 НС	0,187/0,209	эк., зн.	соц.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при заторможенной и понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

2005 г.

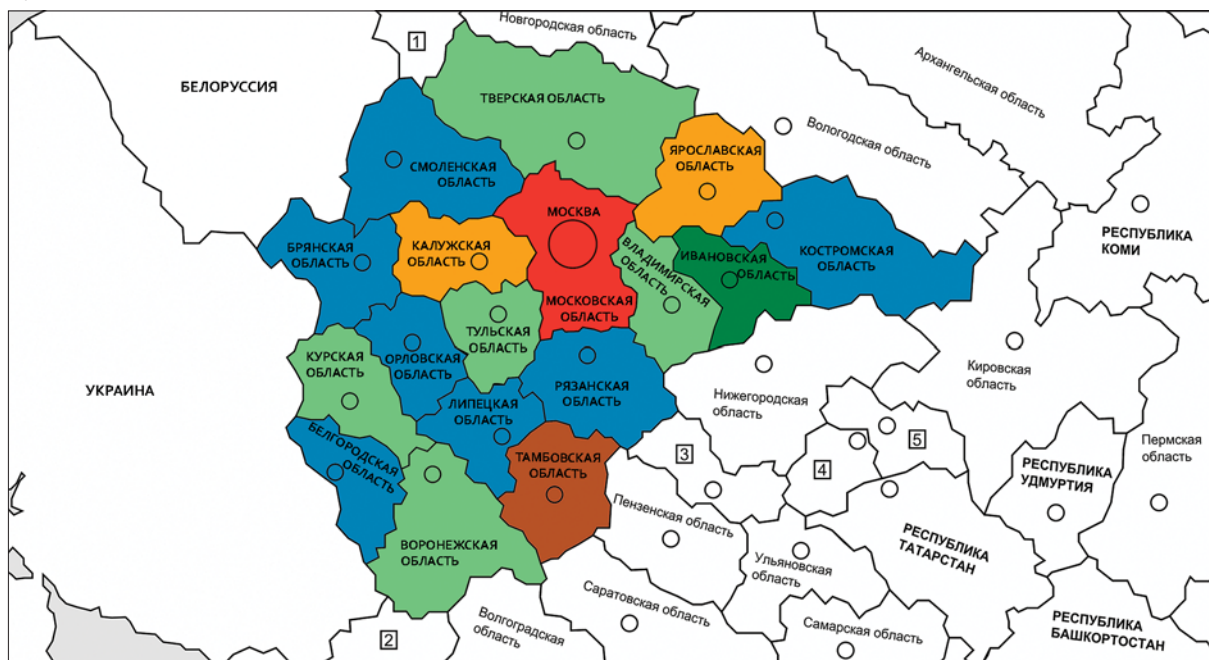
2000 г.

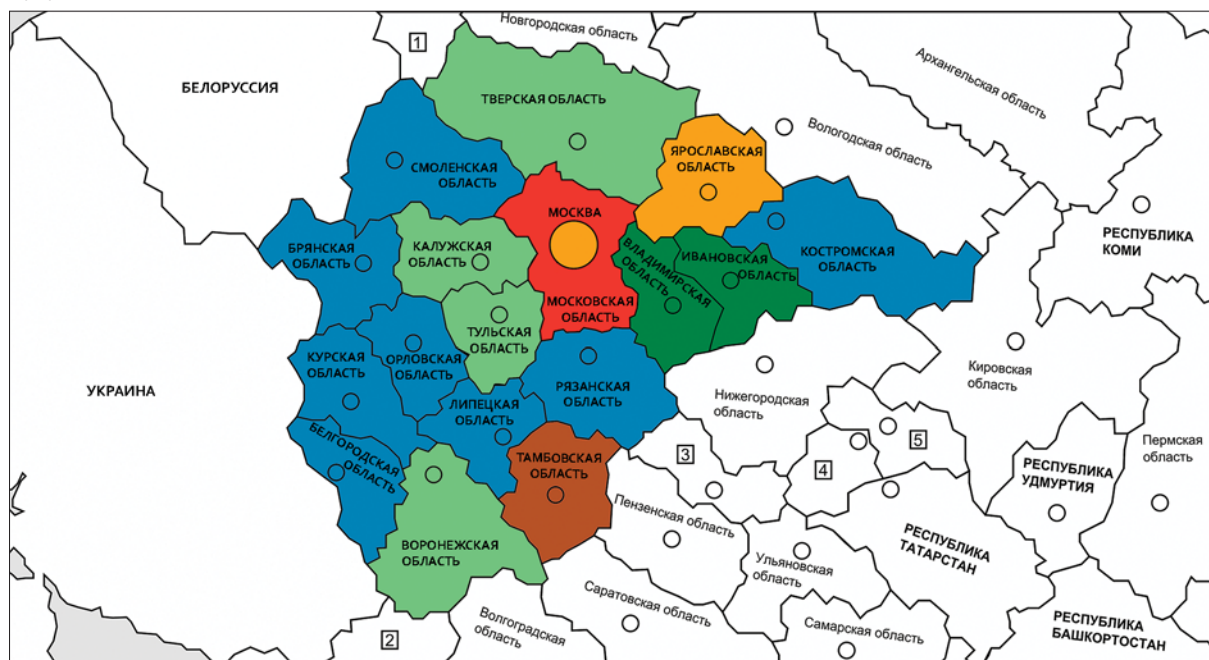
Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 3.2. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Центрального федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Псковская; 2 – Ростовская; 3 – Мордовия; 4 – Чувашия; 5 – Марий Эл.

целенаправленная стратегия – как элемент стратегического планирования, обеспечивающий повышение экономических и когнитивно-инновационных показателей регионов. Формирование такой стратегии должно опираться на знание особенностей процессов модернизации в регионах каждого макрорайона округа.

Центральный макрорайон ЦФО

Обычно в составе Центрального макрорайона числят 13 субъектов Российской Федерации: город федерального значения Москва и 12 областей: Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская. Однако мы будем рассматривать Центральный макрорайон как социокультурное сообщество в составе 12 субъектов: Москва и 11 областей (без Орловской области⁹).

Центральный макрорайон расположен в центре Восточно-Европейской равнины, включая Валдайскую, Смоленско-Московскую, Среднерусскую возвышенности и Мещерскую низменность (между Окой и Клязьмой). Это – ядро северо-срединных характеристик российской цивилизации, начавшейся как восточно-европейская, русско-православная.

В главе 1 дано описание ландшафта этого географического региона и этнокультурных особенностей расположившегося здесь в середине XII века союза племен великороссов как исходного этноса российской цивилизации. Здесь лишь отметим, что при сравнительно небольшой территории Центральный макрорайон отличается выгодным оборонно-стратегическим и транспортно-географическим положением. Первое характеризовалось удаленностью от племен кочевников, а второе во многом определялось перекрестьем водных и сухопутных дорог, способствовавших превращению Москвы в узловую пункт торгово-экономических и культурных связей племени великороссов.

⁹ Аргументация приведена ниже, в параграфе о Центрально-Черноземном макрорайоне ЦФО.

В силу малоблагоприятных для зернового хозяйства природных условий (почва в основном суглинистая, малоплодородная), при низкой технике того времени сельскохозяйственные возможности выживания быстро растущего населения стали исчерпываться и населению пришлось промыслить разные промыслы¹⁰: изготовление холстов и полотен из льна, обработку кожи, шерсти, древесины, железа. Сырья и топлива (леса) для этих промыслов было достаточно. Обмен промышленной продукции на сырье обеспечивался центральным положением района и наличием водных путей.

Однако дальнейшее социально-экономическое развитие было заторможено 250-летним владычеством Золотой Орды (XIII–XV вв.), которая часто опустошала многие русские города и села, а социально-политические отношения получили азиатско-этатистский вектор. Возник диссонанс такого социума и восточно-европейской культуры в центре становившейся цивилизации России.

С освобождением от Орды начался быстрый рост сельскохозяйственного производства и населения макрорайона. Уже к 80-м годам XVII в. Москва насчитывала до 200 тыс. жителей и была крупнейшим городом Восточной Европы; территория ее «Земляного города» (по линии нынешнего Садового кольца), выстроенного в конце XVI в., составляла около 2 тыс. га. Ее обступали не только села и деревни, но и так называемые Замосковные города с прилегающими уездами: Звенигород, Коломна, Можайск, Серпухов и др.; крупнейшими городами стали Ярославль, Калуга. Наряду с разнообразным ремесленным производством возникли предприятия мануфактурного типа. Быстро развивалась торговля, росло купечество.

Стало расширяться поместное (помещичье) землевладение, но большинство крестьян оставались вольными сьемщиками, жили и работали на земле по договору. Однако

¹⁰ «ПРОМЫШЛЯТЬ, промыслить чем, что, на что, жить, добывать хлеб и все нужное, заниматься чем как средством жизни» // *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. Т. 3. М.: Русский язык, (1882), 1982. С. 497.

династия Романовых, сменившая Рюриковичей после великой Смуты и Отечественной войны 1612 г., под давлением дворянства встала на путь закрепощения крестьян центральной России, которое оформилось принятием «Соборного уложения» 1649 г. Это качественно понизило состояние прежде лично свободных граждан России и на двести лет задержало развитие промышленности.

Петр I наиболее остро осознал нараставшее отставание. Для военного решения стратегических задач выхода России к Балтийскому и Черному морям он насадил первичную индустриализацию, сопроводив ее ужесточением крепостничества. Лишь реформы Александра I (1861) открыли путь развитию капитализма. Менее чем за 50 лет, к началу XX в. число предприятий обрабатывающей промышленности в Европейской России увеличилось с 2,5–3 тыс. до 9 тысяч. Совершался промышленный переворот¹¹: в хлопчатобумажной промышленности механическое ткачество вытесняет ручное, в металлургии древесное топливо заменяется минеральным, холодное дутье – горячим, распространяется паровой транспорт, в нефтяной промышленности бурение начинает заменять «колодезную» добычу и т.д. Протяженность железных дорог выросла с 1,5 тыс. до 60 тыс. верст. Быстро развивались финансовый капитал и банковская система, возникла финансовая олигархия, формировались финансово-промышленные группы. Росли инвестиции иностранного капитала, главным образом французского и немецкого, доля которых в крупных российских банках превышала 40%¹². В течение двух-трех десятилетий после реформы 1861 г. образовался внутренний рынок для промышленного капитализма: быстро выросло общественное разделение труда, товарное производство и обращение; большую роль в этом сыграли «железные дороги и как главный потребитель продуктов ведущих отраслей тяжелой индустрии, и как непосредственное связующее звено в товарном обращении отдельных районов. Благодаря им стало возможным быстрое расширение рынка, его объема, территории и оборотов»¹³.

Среди 8 основных промышленных районов, сложившихся в России в конце XIX века, по объему промышленного производства преобладал Московский: шесть его губерний производили более 40% промышленной продукции страны, в том числе Московская губерния – свыше 20%¹⁴.

Процессы советской индустриализации и последовавшей деиндустриализации России в XX столетии известны читателям. О них кратко сказано в главе 1. В Центральном макрорайоне ЦФО они проявились в полной мере. После развала СССР в конце XX в. произошла грабительская приватизация, которая породила деиндустриализацию Центрального макрорайона. Лишь в начале нынешнего столетия его экономика стала восстанавливаться и двигаться к постиндустриальному состоянию. Основные показатели, характеризующие его роль в экономике ЦФО сегодня, приведены в табл. 3.3.

Цифры в нижней строке таблицы показывают многократный перевес показателей Центрального макрорайона в экономике ЦФО (85–95%) по сравнению с Центральным Черноземьем, кроме сельского хозяйства. Очевидна также лидирующая роль Московской агломерации (Москвы и Московской области) в экономике макрорайона и округа (20–25%).

Чтобы лучше понять содержание процессов модернизации макрорайона, кратко охарактеризуем основные ее компоненты.

¹³ Там же. С. 142.

¹⁴ Основными промышленными районами были: Московский, Петербургский, Польский, Южнорусский Украинский (Криворожско-Донецкий), Уральский горно-металлургический, Бакинский нефтяной, Юго-Западный, преимущественно свеклосахарный (Киевская и Подольская губернии), Закавказский марганцево-каменноугольный (Чиагурско-Квибульский) // Там же. С. 159 (подсчеты авторов).

¹¹ Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944.

¹² Лященко П. История народного хозяйства СССР. М.: Политиздат, 1952. Т. II. С. 32–37 и др.

Таблица 3.3

Доля Центрального макрорайона (ЦМР) в ЦФО, в %. 2014 г.

Регионы	ВРП, 2012	Основные фонды	Собств. пр-во		С/х	Строительство	Поступ. налогов		% иннов. продук.
			Полез. ископ.	Обработ.			Всего	Федер.	
10 областей ЦМР (без Московской)	4,8	4,9	0,2	7,58	7,5	4,6	4,38	2,22	5,32
Моск. обл.	4,7	4,1	0,1	5,87	2,1	5,1	4,74	3,51	12,7
Москва	21,5	19,5	12,92	15,34	0,2	12,0	17,63	14,69	15,3
Моск. аглом.	26,2	23,6	13,02	21,21	2,3	17,1	23,37	18,2	14,0
ЦМР	31,0	28,5	13,22	28,9	9,8	21,7	27,75	20,42	5,6
ЦФО	35	32,1	14,56	33,94	25,4	26,0	26,75	21,5	11,0
ЦМР в ЦФО, %	88,6	88,8	90,8	84,8	38,6	83,5	93,2	950	50,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., Росстат, 2015 Табл. 1.3; 21.16.

Главные компоненты модернизации макрорайона

Технико-технологическая компонента. Кроме Москвы, в Центральном макрорайоне выделяются Тула и Ярославль как промышленные центры. В структуре промышленного производства основную роль играют отрасли с высокой долей добавленной стоимости, включая связанные с информационными технологиями. Это различные отрасли машиностроения и металлообработки, пищевая промышленность, электроэнергетика. Машиностроительный комплекс занимает одно из первых мест в России по производству товарной продукции и по числу занятых в нем людей. Развиты ракетно-космическая промышленность, авиационное, электронное и радиопромышленное, железнодорожное машиностроение, производство точных машин, станков с числовым программным управлением. В целом, макрорайон имеет хорошую ресурсную базу для развития *пятого технологического уклада и процессов новой индустриализации.*

Однако производительность труда в промышленности Центрального макрорайона теперь в среднем ниже, чем в ряде федеральных округов. Эта проблема требует специальных исследований. В общем виде она может быть обусловлена структурой отраслей этого макрорайона, который выполняет научные, образовательные, инфраструктурные, управ-

ленческие функции, – соответственно, значительная часть доходов его бюджета связана с непроизводственной сферой, с налоговыми и таможенными отчислениями.

В ЦМР нет таких значительных запасов полезных ископаемых, которые могли бы определять развитие его экономики. Запасы топлива представлены в Подмосковном бурогольном бассейне, имеются незначительные залежи торфа на территориях Тверской, Костромской, Ивановской, Ярославской и Московской областей. Обнаружены нефтегазовые площади в Ярославской области. Минеральное сырье представлено незначительными месторождениями железных руд в Тульской области. Имеются месторождения фосфоритов промышленного значения в Брянской и Московской областях. Все природные ресурсы имеют главным образом внутрирайонное значение.

Несмотря на полное отсутствие ресурсов нефти, Центральный округ по объемам ее переработки занимает второе место среди федеральных округов. На его территории расположены Московский, Рязанский и Ярославский нефтеперерабатывающие заводы, обеспечивающие потребителей округа основными видами нефтепродуктов.

Старейшей отраслью макрорайона является текстильная промышленность. Она выпускает более 85% всех производимых в стране тканей. Хлопчатобумажная промышленность

преобладает в более модернизированных регионах, а льняная – в регионах первичной стадии модернизации. Вместе с тем, на примере этой отрасли становится очевидным недостаточное развитие товаропроводящей системы в России в целом. Доведение отечественного товара до потребителя обременено многими бюрократическими препятствиями (многочисленность разрешительной документации, рентоориентированные проверки, торможение продукции на различных терминалах), недостатками транспортно-логистической инфраструктуры.

Социоэкономическая компонента Центрального макрорайона достаточно развита. Преимуществами являются важнейшие транспортные магистрали, налаженные внешнеэкономические связи с крупнейшими мировыми рынками. В Москве, Брянской и Тульской областях самое большое число занятых имеют: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. В остальных регионах первое место принадлежит обрабатывающим производствам. Отличительной особенностью Москвы является также приоритет строительства (второе место среди отраслей по числу занятых).

Принципиальная особенность отраслевой структуры добавленной стоимости столицы: в отраслях материального производства Москвы создаются лишь немногим более 20% этой стоимости и трудится в них такая же доля занятых, а остальные заняты в сфере услуг, где создается почти 80% добавленной стоимости; не случайно по величине оборота розничной торговли Москва и Московская область занимают лидирующую позицию среди регионов. При этом оборот Москвы составляет почти 50% оборота розничной торговли ЦФО¹⁵.

Другая важная характеристика социоэкономики на этапе вторичной модернизации – уровень ВРП на душу населения. По этому показателю Москва в разы превосходит другие регионы ЦФО, в том числе почти в два

раза – Московскую область и более чем в три раза – Калужскую¹⁶.

Социокультурная компонента. Центральный макрорайон насыщен исторически старыми городами, многие из которых прежде были столицами самостоятельных русских княжеств. Из них более 500 тыс. жителей насчитывают Москва, Рязань, Тула, Ярославль, а от 300 до 500 тысяч – Брянск, Владимир, Иваново, Калуга, Кострома, Орел, Смоленск, Тверь. Здесь формировалась специфическая для Центральной России крестьянская, купеческая, дворянская культурная среда; происходили важнейшие события российской истории, которые стали местами русской боевой славы. Макрорайон обладает особыми возможностями для развития туризма.

В ЦМР расположены крупнейшие центры подготовки кадров, научно-исследовательские институты, проектные организации, поэтому для него характерна высокая концентрация квалифицированных кадров, что объясняет высокий уровень развития наукоемких отраслей промышленности. В научных организациях макрорайона трудятся около 50% научных работников России, на их долю приходится более 50% всех внутренних затрат на исследования и разработки¹⁷.

Вместе с тем, в Центральном макрорайоне, как и в стране в целом, наблюдается сокращение числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, и численности занятого в них персонала. Это связано в большей степени с отраслевой наукой (отраслевыми НИИ, межотраслевыми научно-техническими комплексами и научно-производственными объединениями, конструкторскими бюро, проектными и проектно-изыскательскими организациями). Качественные изменения более всего проявились в изменении структуры внутренних затрат по видам выполняемых работ, а именно в сокращении доли прикладных исследований и разработок, что сопровождалось сокращением численности исследователей и особенно специалистов, занятых в технических науках. Уход высококвалифици-

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М.: Росстат, 2015. Табл. 20.1.

¹⁶ Там же. Табл. 5.2, 10.2.

¹⁷ Там же. Табл. Табл. 21.2., 21.5.

цированных технических кадров сократил не только физические объемы прикладных исследований и разработок, но и возможность накопления технологического задела.

С 2000 по 2012 г. в ряде областей численность научно-технического персонала уменьшилась вдвое и более. Например, в Брянской, Костромской, Тульской областях.

Повышение численности исследователей с учеными степенями произошло, прежде всего, за счет увеличения докторов наук. Число кандидатов наук за этот период уменьшилось, что свидетельствует о сложности закрепления молодых ученых в науке.

Уменьшение численности кандидатов наук по сравнению с докторами касается только Центрального и Северо-Западного федеральных округов, обнаруживая их специфику, которая объясняется влиянием двух крупнейших городов (Москва, Санкт-Петербург) с развитыми бизнес-структурами, притягивающими молодых специалистов. Так, в Москве и Московской области занятых с высоким уровнем образования больше, чем в других округах и регионах России. В 2014 г. в Москве их доля, включая лиц с послевузовским образованием, 48,2%; в Московской области – 41,5%; сравним, в Ярославской области – 25%, в Тверской области – 23,7%, в Ленинградской области – 26,5%, в Томской области – 34,8%¹⁸.

По патентам на изобретения Москва и Московская область занимают первое и третье места в стране. В 2014 г. в ЦФО выдано 4894 патента, из них: Москва – 3055, Московская область – 786; Ярославская область – 102, Тверская область – 101¹⁹. Вместе с тем, число разработанных передовых производственных технологий в России кажется незначительным в условиях современного быстрого развития технологий (табл. 3.4). В последние пять лет устойчивая динамика по этому показателю отсутствует.

Что касается показателей материальной дифференциации населения регионов Центрального района, то во всех регионах, кроме столичной агломерации, душевые доходы

и их дифференциация между группами населения меньше среднероссийских и не обнаруживают заметной связи с трендами модернизации. Структура потребительских расходов в этих регионах также менее развита по сравнению с общероссийской и ближе к первичной стадии модернизации, чем к вторичной.

Острыми внутренними угрозами развития промышленного макрорайона являются резкая дифференциация уровня жизни в городах и сельской местности, рост числа вымирающих деревень и малых городов, неперспективных муниципальных образований. Высокая плотность населения, концентрация транспортных и бизнес-потоков в центре макрорайона, в условиях бесконтрольного хозяйничанья собственников средств производства, вызывают рост социальной напряженности. Ухудшается экологическая ситуация (повышается загрязнение воздуха, не развита переработка отходов жизнедеятельности и пр.), наблюдается рост заболеваемости в силу низкого уровня жизнеобеспечения широких слоев населения, в также влияния миграционных потоков.

Изменения в состоянии здоровья населения являются важнейшим индикатором развития страны. Заболеваемость населения Центрального макрорайона с 2005 по 2013 гг. увеличилась, за исключением Калужской, Смоленской, Тульской, Ярославской областей²⁰. В 2014 зарегистрировано снижение заболеваемости во всех регионах ЦМР, помимо

Таблица 3.4

Число разработанных передовых производственных технологий

Регион	2011 г.	2013 г.	2014 г.
ЦФО	411	509	429
Москва	123	197	205
Московская обл.	174	101	70
Ярославская обл.	8	29	37
Калужская обл.	34	65	29

Источник: Регионы России: социально-экономические показатели. М., 2015. Табл. 21.14.

¹⁸ Регионы России: социально-экономические показатели. Табл. 3.9.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Табл. 6.8.

Костромской, Московской, Рязанской областей. В целом тенденция увеличения заболеваемости за период с 2005 г. характерна и для других округов РФ. Однако это увеличение нельзя считать однозначно отрицательным показателем. Оно может свидетельствовать о развитии системы медицинской диагностики, большем охвате населения медицинскими услугами.

Наиболее высокие показатели заболеваемости за этот период отмечены во Владимирской, Ивановской, Тверской областях. Самая низкая заболеваемость зафиксирована в Москве, Калужской и Рязанской областях²¹.

Наиболее высокие показатели смертности отмечаются в регионах с относительно низким уровнем социально-экономического развития. Это Тверская, Тульская, Владимирская, Ивановская, Смоленская, Рязанская области. Наименьшие показатели отмечены в Москве, которая является единственным регионом ЦМР с естественным приростом населения. Остальным регионам свойственна естественная убыль населения²².

Структура смертности населения в макрорайоне и округе типична для развитых стран: первые места приходятся на болезни системы кровообращения, новообразования.

Медицинская ситуация в разных регионах Центрального макрорайона объясняется сочетанием многих факторов. Нельзя выделить регионы, которые характеризуются высокими показателями заболеваемости по всем классам болезней, но в то же время существует ряд индикаторных патологий, которые чаще всего проявляются при негативных изменениях окружающей среды. Среди них – патологии органов дыхания, связанные с влиянием загрязненного воздуха.

Одна из застарелых бед ЦФО – продолжающееся нанесение ущерба культурному наследию. Исторический центр страны богат сохранившимися островками культуры дворянства и купечества – усадьбами и особняками. В целом в Центральном макрорайоне насчитывается по меньшей мере 1000 усадеб.

Со многими из них связаны судьба и творчество выдающихся представителей российской культуры.

Макрорайон имеет большое количество заповедных рекреационных зон. Наиболее крупными государственными природоохранными научно-исследовательскими и эколого-просветительскими учреждениями являются: заповедник «Приокско-Тerrasный», научно-опытный заповедник «Завидовский» в Московской области, национальные парки «Мещера» во Владимирской области, «Угра» в Калужской области, «Смоленское Поозерье». Одним из самых популярных межрегиональных туристических экскурсионных маршрутов по древним историческим городам является «Золотое кольцо России».

Вместе с тем, многочисленные возможности благоустройства территории, обеспечения туристической привлекательности регионов не используются в полной мере, многие объекты, в том числе усадьбы и приусадебные парки, находятся в заброшенном состоянии.

Институционно-регулятивная компонента характеризуется прежде всего соблюдением законов населением и чиновниками, эффективностью правоохранительной системы и в целом системы управления, защитой прав и свобод человека, уровнем взаимного доверия органов власти и рядовых граждан.

С 2009 г. по 2013 г. зарегистрировано незначительное снижение численности работников государственных органов и органов местного самоуправления во всех областях Центрального макрорайона и в целом ЦФО (в 2011 г. – 373 800 чел.; в 2012 г. – 362 270 чел.; в 2013 г. – 355 555)²³. В 2014 г. наблюдается существенное повышение числа чиновников – до 525 926 чел., что может быть связано со сложностями институционализации системы управления в России в кризисное время, напряжением экономической и политической обстановки.

Анализ этих составляющих в контексте процессов модернизации регионов, ее стадий и трендов требует проведения специальных

²¹ Регионы России: социально-экономические показатели. Табл. 6.8.

²² Здравоохранение // Российский статистический ежегодник. 2015. Стат. сб. / Росстат. М., 2015. Табл. 4.12.

²³ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2015. Табл. 3.27.

исследований. Данные российской статистики лишь отчасти позволяют решить эту задачу.

Наблюдается экспансия государства в сферы негосударственных институтов, которая проявляется в ограничении развития и влияния некоммерческих организаций. О такой экспансии свидетельствуют и создаваемые для поддержки государства многочисленные негосударственные организации, в том числе молодежные, независимые аналитические центры и др. Реформа РАН стала примером огосударствления, бюрократизации науки, являющейся ключевым звеном вторичной модернизации.

Эти и подобные тенденции могут свидетельствовать о растущем недоверии населению со стороны государства и его чиновников, а также, по закону обратной связи, о недоверии населения институтам власти. Исследования показывают, что ЦФО относится к срединной группе округов по уровню институционального доверия. «Срединные» округа показывают серьезный потенциал роста социального капитала, востребованность позитивных инициатив власти и готовность социума к их восприятию²⁴.

Лидерство Московской агломерации

Ядро Московской агломерации образует **Москва**. Она является крупнейшим финансовым центром и транспортным узлом России, обеспечивающим широкий комплекс финансовых, транспортных и логистических услуг. Здесь достигнут наиболее высокий в стране уровень развития сферы услуг, оптовой и розничной торговли, информационно-коммуникационного сектора. Уже в 2000 г. на долю Москвы приходилось около 85% всех кредитов, предоставляемых предприятиям, организациям, банкам и физическим лицам в России, т.е. кредитонасыщенность ВРП в Москве в десятки раз превышала значения

этого показателя во всех регионах России.²⁵ Валовой региональный продукт на душу населения составил в 2013 г. 965,8 тыс. руб. – это несколько больше стандарта вторичной модернизации развитых стран мира, рассчитанного ЦИМ АН Китая; с другой стороны, это почти в 2 раза больше среднего по регионам ЦФО.

Эти показатели соответствуют критериям фазы роста вторичной модернизации. Высокий ее уровень (2012 г. = 104,5) и сбалансированность (= 6,605!) позволяет отнести Москву к **информационно развитым регионам**.

Москва является крупнейшим банковским центром страны. Здесь сосредоточены правления всех крупных банков России, имеется большая филиальная сеть, в связи с чем данная отрасль выходит на передовые позиции в ЦМР. Доходы, получаемые от финансовых операций, опережают все другие направления хозяйствования. Дополнительным ресурсом, приводящим к усилению роли Центра, является выполнение Москвой **государственных функций**. Размещение в городе Президентской администрации, Правительства, Федерального Собрания влечет концентрацию различных производств, фирм и управляющих структур.

В **Московской области** в 2013 г. были размещены около 4,1% основных фондов России. Но квалификация рабочих мест и оплата труда работающих существенно ниже, чем в Москве. ВРП на душу в 2,5 раза меньше, чем в Москве, и близок к среднероссийскому стандарту. Занятость в отраслях материального производства соответствует начальной фазе вторичной модернизации. Тем не менее, с учетом высокого индекса ВМ (= 89,6), Московская область также относится к **информационно развитым регионам** (тип б).

Валовой региональный продукт Московской агломерации в целом составил в 2013 г. 26,2% общероссийского ВРП и 74,7% ВРП ЦФО. Это достигается за счет наукоемкой промышленности, строительства, торговли, банковского сектора, науки и образования,

²⁴ Воронов В., Ромашкин Г. Доверие как индикатор здоровья современного общества // <http://www.myluni.ru/journal/clauses/15/> Просмотрено 14.08.2015. В исследовании использовались результаты комплекса социологических исследований.

²⁵ Стратегия макрорегионов России. Методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. С. 35.

в то время как продукция сельского хозяйства практически не заметна в Москве, а область дает лишь 2,1% общероссийской сельхозпродукции, которая целиком потребляется Москвой. Инвестиции Московской агломерации в основной капитал составили в 2014 г. 15,3% общероссийских и 60,3% ЦФО, что несколько выше предыдущих лет.

Москва характеризуется более высокими темпами экономического роста, однако потенциал ее дальнейшего развития заложен и в Московской области, в том числе путем расширения территории столицы. Происходит наращивание темпов пригородного строительства за счет выноса недвижимости москвичей за пределы города. Пристоличная территория привлекает такие предприятия сферы услуг, как крупные моллы большой площади. Наблюдается процесс инкорпорации города в область, дальнейшая интеграция Московской агломерации. Инвестиции в основной капитал, направленные на улучшение и развитие социальной сферы, влияют и на повышение приоритета проживания в области.

Впрочем, начало XXI века характеризовалось заметным ухудшением динамики развития столицы. В 2000–2009 гг. доля инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции Москвы упала в 10 раз (с 15,3% до 1,5%), что явно не соответствовало возростающему инновационному потенциалу. Москва, которая в начале 2000-х была по этому параметру явным лидером, с 2007 г. стала отставать от среднероссийских показателей. В Московской области эти показатели за 10 лет также снизились, хотя по-прежнему опережали среднероссийские.

Поэтому весьма актуальной стала подпрограмма «Москва – инновационная столица России», реализуемая с 2012 г. в рамках государственной программы «Стимулирование экономической активности». Играет свою роль также комплекс других мер: Закон «О научно-технической деятельности в городе Москве» (от 06.06.2012, № 12), создание Центра инновационного развития Москвы, установление налоговых льгот и субсидий на развитие инфраструктуры, поддержка 21 центра молодежного инновационного творчества,

подготовка Московской программы инкубирования технологий.

С 2010 г. Московская агломерация последовательно повышает свои инновационные позиции: к 2013 г. Москва восстановила их до уровня 2000 г., а Московская область значительно превзошла их. Столичная агломерация вновь стала одним из инновационных лидеров экономики страны (табл. 3.5). Таким образом, Москва и Московская область представляют собой высокомодернизированные регионы, которые лидируют в Центральном макрорайоне и в ЦФО в целом.

Характер взаимодействий населения мегаполиса и области²⁶

Вместе с тем, при анализе столичной агломерации представляют интерес не только социально-экономические и институциональные факторы модернизации, но и горизонтальные взаимодействия между жителями, предприятиями, административными и иными организациями, которые в условиях конкурирующих рынков труда и свободного перемещения рабочей силы спонтанно интенсифицировались и многократно выросли. В рамках двух высокомодернизированных регионов столичной агломерации эти взаимодействия имеют асимметричный характер.

В Московской области нет сходных с Москвой условий для реализации человеческого потенциала населения. Поэтому

Таблица 3.5

Доля инновационных товаров и услуг Москвы и Московской области в общем объеме отгруженной продукции (%)

	2000	2005	2009	2010	2014
Москва	15,3	7,4	1,5	2,2	11,0
Московская обл.	7,7	9,7	9,4	8,1	12,9
ЦФО	7,4	5,6	4,4	4,3	9,6
Россия	4,4	5,0	4,5	4,8	8,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. М.: Росстат, 2014. Табл. 21.16; Росстат, 2015. Табл. 21.18

²⁶ С согласия Центра социологических исследований МГУ здесь использованы материалы пилотного исследования этого Центра.

Москва втягивает в себя значительную часть наиболее квалифицированных трудовых ресурсов области, способствует реализации их культурного потенциала. Одновременно Москва выступает в качестве донора развития жилищного строительства в области, дачных и коттеджных поселков, что способствует созданию новых рабочих мест (в строительстве и сфере услуг) в области, а также увеличивает поступления налогов в ее бюджет.

Маятниковая трудовая миграция значительной части жителей Подмосковья в столицу позволила многим из них решить свои жизненные проблемы. Соседство с Москвой дает жителям области источник постоянного дохода, возможности приобщения к культурной жизни, к духовным ценностям и разнообразным формам досуга, аккумулированным в столице. Близость мегаполиса позволяет молодежи Подмосковья получать качественное образование.

Вместе с тем, присутствие московских предприятий, дачников и жителей коттеджных поселков в области ведет к развитию ее инфраструктуры: строительству дорог, локальных газопроводов и электросетей, росту сферы обслуживания. Распространение московского бизнеса на территорию Подмосковья привлекает сюда инвестиции, увеличивает налоговые поступления. В то же время мегаполис негативно воздействует на окружающую природную среду, экологическая ситуация в области продолжает ухудшаться.

Для жителей Москвы в списке выгод, получаемых от социокультурного взаимодействия с областью, на первом месте стоит спо-

собность Подмосковья служить местом массового отдыха и оздоровления жителей столицы. Второе место занимают трудовые ресурсы области, которые задействованы столичными организациями и предприятиями. Еще один ресурс, используемый москвичами, – это подмосковные земли. Столичные жители видят пользу от близости Московской области в возможности решать на ее территории свои острые жилищные проблемы. Основное негативное последствие взаимодействия двух регионов для москвичей – это постоянные перегрузки общественного транспорта.

Большинство москвичей считает взаимодействие двух регионов взаимовыгодным, а среди жителей Подмосковья преобладает точка зрения, что именно они оказываются в выигрыше от близкого соседства со столицей.

Как видно из табл. 3.6, с 2005 по 2014 гг. в Москве уменьшился разрыв между значениями коэффициента Джини, который характеризует неравномерность распределения доходов, а в Московской области, напротив, увеличился. Аналогично коэффициент фондов, характеризующий степень социального расслоения, в Москве сократился, а в Московской области он до 2010 г. рос, но к 2014 г. немного снизился. Хотя Москва по-прежнему значительно опережает область по дифференциации доходов населения.

Это свидетельствует о наличии на стадии вторичной модернизации тенденции к преодолению резких социально-экономических разрывов между соседними регионами, одним из механизмов которой служит маятниковая

Таблица 3.6

Распределение общего объема денежных средств населения по 20-процентным группам населения в Московском регионе

	2005		2010		2014	
	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов
Россия			0,421	16,5	0,416	16,0 раза
Москва	0,567	38,6 раза	0,505	28,2 раза	0,482	20,9 раза
Московская область	0,365	10,9 раза	0,410	15,5 раза	0,408	14,9 раза

Таблица 3.7

Число зарегистрированных преступлений

	Московская область				Москва			
	2000	2005	2010 г.	2014	2000	2005	2010	2014
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек	1302	1756	1616	1268	1092	2093	1615	1505
Убийство и покушение на убийство	1507	1657	746	579	1129	1331	582	379
Преступления в сфере экономики	13 775	23 190	9767	3360	23 793	12 082	9893	7288
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	6083	4478	9459	13 051	14 624	7334	10 944	20 846
Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии	5110	3514	1779	1216	3181	3398	1145	938

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2001, 2006, 2015 гг. Табл. разделов 9 и 8.

трудова мигрaция. Однако ее позитивный эффект обнаруживается лишь при достижении высокого уровня доходов и индексов вторичной модернизации.

Неоднозначные тенденции наблюдаются в области правонарушений и правопорядка. С 2000 по 2005 гг. число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в Москве выросло на 92%, а в Московской области – на 34%. Напротив, после 2005 г. в обоих субъектах произошло снижение числа преступлений: в столице – на 28%, в области – почти в три раза; оба субъекта переместились с высоких 29-го и 15-го мест среди регионов Российской Федерации соответственно на сравнительно низкие 40-е и 56-е места (см. табл. 3.7). Устойчиво снижается подростковая преступность. В целом это позитивные тенденции эволюции регионов на стадии вторичной модернизации.

Вместе с тем, в обоих регионах в 2000–2005 гг. снизилось, а затем стало расти число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Динамика преступлений в сфере экономики различная: в области она в последние годы заметно снизилась, в то время как в Москве снижение более умеренное. В целом по ЦФО наблюдается снижение преступлений по всем видам, за исключением преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Среди факторов криминогенной обстановки в ЦФО следует выделить продолжающееся расслоение общества по уровню материального благосостояния людей; коррупционность в социально-экономической

сфере; криминализацию массового сознания, деградацию нравственности и морали, правовую нигилизм.

Впрочем, трудно делать надежные выводы. По мнению специалистов НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, значительная часть совершаемых правонарушений остается незарегистрированной²⁷.

Стадии и тренды модернизации Центрального макрорайона

О динамике состояний модернизированнойности 12 регионов макрорайона можно судить по представленным выше таблице 1 и картам (рис. 3.2). Семь регионов этого макрорайона эволюционируют заторможенно или вообще стагнируют на стадии первичной модернизации. Напротив, другие 5 регионов характеризуются быстрым вхождением в стадию вторичной модернизации. Выделим, соответственно двум стадиям, основные тренды динамики модернизации этих регионов.

I. На стадии первичной модернизации:

1. *Отсутствие динамики, стагнация невысоких состояний модернизированнойности.* Это характерно для Брянской, Костромской, Рязанской, Смоленской областей; в течение 10 лет они оставались в фазе зрелости первичной модернизации, при ее уровне ниже срединного (тип 2); немного впереди их, но

²⁷ См. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. Под ред. С.М. Иншакова, М.: Изд-во ЮНИТИ, 2011.

в рамках того же тренда была и Калужская область, которая отличалась более высоким уровнем ПМ, но также не повысила свое состояние модернизованности (тип 3).

2. *Заторможенный рост состояний первичной модернизации.* Тверская и Тульская области за 10 лет немного повысили уровень ПМ, но остались в той же ее фазе, т.е. поднялись лишь на одну ступень модернизованности – из типа 2 в тип 3.

3. *Попытки вырваться за пределы первичной модернизации.* Показателен рывок Владимирской области в благоприятные 2005–2010 годы во вторичную стадию, сразу через два состояния модернизованности (из типа 2 в тип 4). Но этот прорыв оказался неустойчивым, не выдержал испытаний кризисных 2011–2013 годов. Наиболее существенным показателем кризиса стало уменьшение доли промышленного производства в ВРП области. Кроме того, с 2011 г. продолжает снижаться объем иностранных инвестиций в предприятия области²⁸. Характерным стало устойчивое уменьшение индекса инноваций в знаниях: с 44,2 до 38,5. Место области в ЦФО по инновациям в знаниях отодвинулось с шестого на восьмое.

В первом полугодии 2015 г. наблюдалась отрицательная динамика по отдельным показателям. По добыче полезных ископаемых сократился объем отгруженных товаров собственного производства. Уменьшился оборот общественного питания, розничной торговли, грузооборот автомобильного транспорта. Снижение объемов отмечено в обработке древесины и производстве изделий из дерева, текстильном и швейном, целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, транспортных средств и оборудования, кожи, изделий из кожи и производстве обуви. Отрицательная динамика наблюдается в текстильном секторе. Снижены объемы производства тканей из синтетических и искусственных волокон на 53,3%, трикотажных изделий – на 34,5%, хлопчатобумажных тканей – на 4,5%, нетканых материалов – на 0,8% вследствие умень-

шения спроса на отечественный текстиль при высокой конкуренции со стороны импортных и контрафактных товаров²⁹.

II. На стадии вторичной модернизации:

4. *Быстрое вступление в 2005–2012 гг. в стадию вторичной модернизации.* Такой тренд характерен для Ивановской (из типа 2 в тип 4), Ярославской и Калужской областей. Наиболее впечатляет рывок Калужской области: в кризисные 2010–2012 гг. она сразу на две ступени повысила свое состояние модернизованности (из типа 3 в тип 5).

Состояние экономики Калужской области в 2011 г. позволяет заключить, что основные позитивные тенденции связаны с увеличением объемов в большинстве отраслей реального производства, ростом доходов населения и устойчивым пополнением бюджета. Динамика большинства показателей, характеризующих социально-экономическое развитие области за январь–июнь 2011 г. по отношению даже к 2010 г., имеет положительные значения.

В значительной мере положительные тенденции в экономике области обусловлены стабильным увеличением инвестиционных потоков – в 2010 г. в экономику области вложено почти 70 млрд рублей инвестиций. Общий объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в первом полугодии 2011 г. оценивается в 21,2 млрд рублей, или 107% к уровню аналогичного периода 2010 г. в сопоставимых ценах. Объем иностранных инвестиций в экономику области за указанный период оценивается в 600 млн долларов США (106,7% к уровню января–июня 2010 года)³⁰.

²⁹ Итоги социально-экономического развития Владимирской области в январе-мае 2015 года // Интернет-портал Администрации Владимирской области http://www.avo.ru/web/guest/main?p_p_id=58&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&saveLastPath=0&_58_struts_action=%2Flogin%2Flogin Просмотрено 15.08.2015.

³⁰ По материалам Постановления Правительства Калужской области от 04.04.2008 № 133 «О Положении о порядке и сроках составления проекта областного бюджета на очередной финансовый год и плановый период». http://kaluga.news-city.info/docs/sistemse/dok_iegvui.htm Просмотрено 15.08.2015.

²⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2015. Табл. 23.8.

Рост промышленного производства в области в большей степени обеспечен увеличением производства транспортных средств и оборудования, в том числе автомобилей – 185,1%, производства электрооборудования, в том числе телевизионных приемников – 164,5%, химического производства – 217,5%, металлургического производства и производства готовых металлических изделий – 116,6% и др. На территории области расположены ведущие машиностроительные предприятия: предприятия автокластера ООО «Фольксваген Груп Рус», ООО «ПСМА Рус», ЗАО «Вольво Восток». В 2010–2012 гг. наблюдается значимый рост объема отгруженной продукции автокомпонентов. Начат выпуск новых видов продукции. Так, для потребностей иностранных производителей автомобилей выпускаются компоненты для автомобилей (ф-л ЗАО «Магна Технопласт», ООО «Бентелер Аутомотив», ООО «ЯПП Рус Автомобильные системы», ООО «Форесия Аутомотив Девелопмент» и др.).

Создание на территории области автоборочных предприятий и связанных с ними дополняющих производств, в частности по выпуску автоэлектроники и автокомпонентов, способствует формированию автомобилестроительного кластера, конкурентоспособного на российском рынке и способствующего внутриобластной диверсификации экономики.

В 2010 г. в связи с ростом промышленного производства, инвестиционной активности и общей стабилизацией экономики региона на фоне низкой базы 2009 г. (93,6% к 2008 г.) фиксировался существенный прирост реального валового регионального продукта (ВРП) (20,8%). Ускоренному росту региональной экономики способствовали как внешние положительные факторы, так и внутренние, обусловленные в первую очередь развитием новых производств, наращиванием введенных производственных мощностей, оживлением спроса на рынках.

В соответствии с итогами 2010 г. по уровню экономической активности населения, по уровню занятости, по размеру средней заработной платы Калужская область занимает

третье место в ЦФО. Главным фактором роста заработной платы является повышение производительности труда за счет модернизации экономики.

Начиная с 2005 г. в Калужской области постепенно сокращаются показатели смертности. Ожидаемая продолжительность жизни за этот период возросла на 4,3 года (по России рост на 3,7 года) и достигла уровня 1991 г., с которого началось ее снижение. В области также наблюдаются положительные изменения по показателям рождаемости. Общий коэффициент рождаемости в 2010 г. составил 11,0 промилле (родившиеся на 1000 человек населения) против 10,4 промилле в 2008 г.

Ярославская область **выделяется** высокой инновационной активностью, **ориентацией на переход** региона к эффективному типу развития³¹. Это регион с важными промышленными и транспортно-логистическими функциями, современной конкурентоспособной экономикой, в котором созданы оптимальные условия для бизнеса. В качестве базового варианта развития Ярославской области предлагается поэтапный переход к инновационному типу развития.

К важным предпосылкам эффективного развития региона относятся: значительный промышленный потенциал; близость к Москве как к крупнейшему потребительскому рынку; значительный научно-образовательный потенциал; благоприятный бизнес-климат; высокая инвестиционная привлекательность; значительные водные ресурсы; высокий уровень газификации; выдающееся историко-культурное наследие.

2010–2012 гг. характеризуются практической реализацией высокой инвестиционной привлекательности Ярославской области в России и притоком прямых инвестиций по приоритетным направлениям стратегического развития; подготовкой инвестиционных площадок, реализацией пилотных стратегических проектов. Этап связан со стимулированием инновационной кооперации бизнеса

³¹ Согласно стратегии социально-экономического развития Ярославской области на перспективу до 2030 г. <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/3.pdf> Просмотрено 15.08.2015 г.

и науки внутри региона; созданием межрегионального транспортно-логистического центра; повышением эффективности ключевых предприятий области и бюджетоформирующих хозяйствующих субъектов муниципальных образований, ликвидацией их убыточности; привлечением передовых технологий в промышленность.

В 2011 г. Ярославская область занимала второе место в Центральном макрорайоне (после Москвы) по инновационной активности организаций³². В 2012 г. – третье место по затратам на технологические инновации после Москвы и Московской области³³; в 2010, 2012 гг. – первое место в ЦФО по объему инновационных товаров, работ, услуг (в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)³⁴.

5. *Стабилизация высоких состояний вторичной* модернизированности (между типами 5 и 6). Этот тренд демонстрирует Московская агломерация. Москва уже к 2000 г. достигла типа 6; в кризисных условиях конца десятилетия столица оказалась в типе 5, но к настоящему времени вернула утраченные позиции. В то же время Московская область активно использовала благоприятные возможности вблизи столичного ядра агломерации. В 2000 г. в Московской области индекс ВРП на душу был не существенно выше, чем в регионах тренда 2, но уже значительно выше была доля услуг в ВРП. В 2005 г. наблюдался быстрый рост ВРП на душу, а также дальнейший рост доли услуг в ВРП, что позволило Московской области не только войти в фазу перехода к вторичной модернизации, но и подняться в тип 6 модернизированности.

В целом переход многих регионов данного макрорайона к вторичной модернизации затрудняется следующими факторами: низкий уровень ВРП на душу, низкая доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, высокая доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отноше-

нию к ВРП и недостаточная ожидаемая продолжительность жизни.

К основным проблемам социально-экономической модернизации данных типов регионов ЦФО относится также низкая конкурентоспособность производимой промышленной продукции, обусловленная следствиями деиндустриализации 90-х годов прошлого века: доминированием устаревших технологий, высоким уровнем износа основных фондов, низкой производительностью труда. Существует разрыв между развитием научно-технического потенциала региона и низкой восприимчивостью его производственной системы к инновациям.

Чтобы сделать конструктивные выводы об этапах стратегии модернизации регионов Центрального района ЦФО, примем во внимание охарактеризованные выше тренды состояний модернизированности этих регионов.

На наш взгляд, **главный вывод** состоит в том, что часть этих регионов *может самостоятельно, опираясь на собственные силы*, поэтапно осуществлять интегрированную модернизацию, продолжая движение к более высоким ее состояниям.

Для успешного движения других регионов необходимо мобилизовать среднесрочные кредиты кластеров Московской агломерации и иных развитых регионов данного или других федеральных округов. Для этого требуются административная воля и управленческие компетенции администрации ЦФО, региональных и местных органов управления. От федеральных органов требуется не мешать региональным инициативам и в необходимых случаях поддерживать их своим административно-политическим ресурсом. *Легитимированная опора регионов на собственные силы при осуществлении модернизации, дополняемая регионально-кластерным взаимовыгодным кредитованием*, может стать вдохновляющим примером и принципом для многих регионов Российской Федерации. Чтобы конкретизировать этот принцип, следует учитывать характер и проблемы взаимодействия между самим населением регионов. Обратимся к примеру Московской агломерации.

³² Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2014. Табл. 21.15.

³³ Там же. Табл. 21.16.

³⁴ Там же. Табл. 21.17.

Человеческий потенциал и культурный капитал Московской агломерации

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) определяется экономическими, демографическими и культурными параметрами. Москва устойчиво занимает первое место в России и продолжает повышать свой ИРЧП (с 0,852 в 2000 г. до 0,964 в 2009 г.), лидируя по всем показателям в России (см. табл. 3.8) и выйдя на уровень высокоразвитых регионов и городов мира. Область заметно отстает, но тоже растет по этому емкому показателю (за тот же период – с 0,743 до 0,82, т.е. с 40-го места поднялась на 26-е; при росте общероссийского ИРЧП с 0,769 до 0,840).

Московская агломерация является основным научно-исследовательским центром Российской Федерации. В 2000–2010 гг. прослеживаются следующие тенденции: количество организаций, выполняющих исследования и разработки, в Московской области осталось прежним, в Москве же за 11 лет прекратили существование 158 организаций; снизилась численность персонала³⁵.

Москва имеет финансовые и кадровые возможности радикально изменить эту негативную ситуацию на позитивную – восстановить и увеличить число организаций, выполняющих НИОКР и фундаментальные исследования как базы передовых НИОКР. Чтобы принять такое решение, необходима административная воля, осуществление которой обеспечит продолжение начавшегося в последнее время роста доли инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции и возвращение состояния модернизированности столицы в тип 6. Тем самым Московская агломерация в целом утвердится в этом состоянии и сможет более активно способствовать развитию вторичной модернизации не только в своем, но и в других регионах Центрального района ЦФО и во всей стране. Прежде всего – демонстрацией эффективных мер (образцов) налогового стимулирования организаций-резидентов внедрения новых технологий.

³⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2012. Табл. 22.1.

Таблица 3.8

Индекс развития человеческого потенциала в России, Москве и Московской области

	2001 г.		2005 г.		2009 г.	
	ИРЧП	Рейтинг	ИРЧП	Рейтинг	ИРЧП	Рейтинг
Российская Федерация	0,769		0,792		0,840	
г. Москва	0,852	1	0,896	1	0,964	1
Московская область	0,743	40	0,767	29	0,820	26

Источник: Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2006, 2007, 2010 г.

По сути, Москва комплексно осуществляет новую индустриализацию своей современной «индустрии». Ее основные области: 1) промышленное производство; 2) жизнеобеспечение; 3) эксплуатация, ремонт и развитие; 4) исследования и разработки³⁶.

Согласно «Инвестиционной стратегии Москвы до 2025 г.», осуществление совокупности мер поддерживается следующими мерами налогового стимулирования: а) налоговые льготы для управляющих компаний и резидентов технополисов, технопарков и индустриальных парков по налогам на прибыль, имущество и землю; б) налоговые льготы для инвесторов особой экономической зоны «Зеленоград»: режим свободной таможенной зоны, ввозные таможенные пошлины и др.; в) расширяется программа «льготы в обмен на инвестиции» высокоэффективным промышленным предприятиям, осуществляющим модернизацию и расширение производства. Льготы устанавливаются не единожды и навсегда. Их эффективность ежегодно оценивается, принимаются решения об их отмене или корректировке. Инвесторам оказывается информационная и консультационная поддержка.

Кроме того, предоставляются различные субсидии для поддержки инновационных компаний, малого бизнеса. Для привлечения конкурентных инвестиций город берет на себя значительную часть затрат по обустройству инфраструктуры для произ-

³⁶ Сайт Правительства Москвы. Режим доступа 02.01.2015 г.

водств, создающих высокотехнологичные и высокооплачиваемые рабочие места. Для крупных инвесторов создаются современные индустриальные парки вместо депрессивных промышленных зон. В 2014–2016 гг. реализуется Адресная инвестиционная программа города. Постепенно должен произойти переход к финансированию за счет внебюджетных источников.

Москва намерена финансировать из городского бюджета социальные услуги, прежде всего в образовании и здравоохранении, оказываемые частными учреждениями, на тех же условиях, что и государственными. Особое внимание уделяется системе профессиональной подготовки и переподготовки кадров по новым и востребованным специальностям на базе современных производств.

Возможные этапы развития регионов Центрального макрорайона

Используя опыт Москвы, уже на **этапе 1** могут получить дополнительный импульс модернизации регионы, которые относятся к тренду № 3: Ивановская, Владимирская, Ярославская области. Эти регионы отличаются от предыдущей группы прежде всего экономическими индикаторами: более высоким ВРП на душу, большей долей добавленной стоимости сферы услуг по отношению к ВРП, меньшей долей добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП.

К 2005 г. *Ярославская область* из типа 2 перешла сразу в тип 4. Индекс ВРП на душу населения при этом вырос с 19 до 49, а индекс доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП – с 72 до 100. Политика сохранения экономической базы и рабочих мест дала положительные результаты. Так, на начало 2006 г. в области зарегистрированы 9454 малых предприятия, или 7,1 предприятия на 1000 человек населения, что соответствует российскому уровню (7,3). Темп прироста их в 2005 г. составил 68,3 процента. В малом бизнесе занято 54,7 тысячи человек, что составляет 9,6 процента всех занятых в экономике области (в России – 11,4 процента). Инвестиции малого бизнеса в основ-

ной капитал в 2005 г. выросли по сравнению с 2004 г. на 34,7 процента и достигли 351,6 млн рублей, что составляет 37,2 тыс. рублей на одно предприятие³⁷.

В целом позиции Ярославской области в России по инновационному потенциалу оцениваются достаточно высоко. В Ярославской области сложился значительный научно-внедренческий комплекс, в который входит 21 научно-исследовательский институт, конструкторские бюро и научные подразделения предприятий. По удельному весу инвестиций в науку область занимала третье место после Москвы и Московской области³⁸.

Наиболее наукоемкими в ней являются машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность. Основной направленностью деятельности научно-технического сектора Ярославской области являются опытно-конструкторские разработки, на финансирование которых направляется до 90 процентов всех средств этого сектора.

Благоприятным фактором инновационного развития Ярославской области является наличие значительного числа потенциальных предприятий – акцепторов нововведений, относящихся к традиционно наукоемким отраслям: аэрокосмической, автомобильной, судостроительной, приборостроительной, химической и нефтехимической промышленности, которые составляют 88,2% всех инновационно активных предприятий. При этом приоритетными для предприятий области являются такие технологические инновации, как исследование и разработка новых продуктов и производственных процессов (53,3%), приобретение машин и оборудования (73,3%).

Вместе со столичной агломерацией регионы тренда 2 могут образовать первичный модернизационный кластер, влияющий на модернизацию Центрального района.

Этап 2. Целесообразно, чтобы регионы модернизационного кластера сформировали сеть горизонтальных взаимодействий между собой, а также с регионами тренда № 2: Твер-

³⁷ О стратегии социально-экономического развития Ярославской области на перспективу до 2030 г. <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/3.pdf>. Просмотрено 15.08.2015.

³⁸ Там же.

ской и Тульской областями. Вместе с ними, а также с венчурными фирмами и фондами они могут образовать более широкий, вторичный модернизационный кластер Центрального района или ЦФО в целом. Организационно-управленческие взаимодействия между ними могут быть дополнены взаимовыгодными кредитно-финансовыми взаимоотношениями, также сетевыми. Для успешного функционирования такого кластера могут потребоваться изменения действующих или создание новых правовых норм, законов и подзаконных актов. В этом случае необходима административная поддержка федеральных органов власти, исполнительных и законодательных.

Этап 3. При такой поддержке модернизационные кластеры регионов обретают способность мультиплицировать свои структуры и заполнять ими модернизационные пустоты социокультурного пространства, т.е. распространяться на другие федеральные округа, на все пространство Российской Федерации.

Центральное Черноземье³⁹

Центральное Черноземье (ЦЧ) имеет иные природно-ресурсные и социально-экономические характеристики, чем Центральный промышленный макрорайон. Географически регионы ЦЧ образуют юго-западное приграничье ЦФО и всей России, на которое длительное время нападали соседи с юга и запада, захватывая и продавая в рабство тысячи женщин и детей. Не меньше доставалось населению и от вседозволенности «своих князей-варягов».

Появление восточных славян на рассматриваемой территории исследователи относят к середине I тыс. н.э. Письменные источники и данные археологии свидетельствуют о том, что в бассейне верхней и средней Оки, а также по ее притокам обитали вятичи; на Десне, Ворскле, Сейме и по левым притокам Днепра – *северяне*, а на Дону – племенная

группировка, которую условно именуют *донскими славянами*⁴⁰.

В начале XIII века, после нашествия на Русь Батые и установления монголо-татарского владычества, южно-русские степи опустели и стали называться «Подем» (а с легкой руки иностранцев – «Диким Подем»). В ходе распада Золотой Орды в течение XV в., после многочисленных татарских вторжений, степные и лесостепные пространства Центрального Черноземья становятся владениями татар, в последней четверти этого века – владениями Большой Орды⁴¹. Это время характеризуют как период отступления русского населения с территории современного ЦЧ, а также гибели многих русских селений и существенного расширения территории почти не заселенного восточно-европейского Поля. Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что в тот период на данной территории совсем не осталось славянского населения. Выявляемые диалектологические и этнографические особенности населения Южнорусской зоны позволяют обнаружить в его составе наличие локальных этнокультурных групп, предположительно, связанных своим происхождением именно с местным домонгольским населением славянского происхождения⁴².

С начала XVI в. происходит включение ряда территорий современного ЦЧ в состав Российского государства. Идет заселение региона, которому способствовали организация, а затем реорганизация русской государственной сторожевой службы на Поле. Тем самым Россия заявила о включении Поля в состав территории своего государства⁴³. Плодородные черноземы, богатые рыбой реки, наполненные пушным зверем и бортными деревьями леса манили сюда переселенцев. Заселение новых городов ЦЧ вначале небольшими «островками» вокруг городов-

⁴⁰ См.: Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 143, 147–151.

⁴¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 22, 30.

⁴² См. об этом: Тутова О.Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2013. № 1. С. 8.

⁴³ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 160.

³⁹ Текст подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

крепостей осуществлялось в ходе государственной колонизации. Освоение региона происходило через перемещение русского населения из более заселенных северных, западных и южно-русских районов. В ходе этого заселения сформировалось неоднородное население Южнорусской историко-культурной зоны, его состав образовали разнообразные по происхождению локальные группы, которые имели отличия по названиям или самоназваниям, обладали своими языковыми и культурными особенностями⁴⁴. Украинцы, белорусы, мордва, тюркоязычные татары сформировали «пестрый» состав населения, что находит сегодня отражение в многообразной и разносторонней культуре макрорегиона.

Неоднократно изменялась административно-территориальная структура организации макрорегиона⁴⁵. На рубеже конца XIX – начала XX в. на его территории существовала Центральная земледельческая область. В 1928 г. образована Центрально-Черноземная область, которая в 1934 г. была упразднена. Затем были созданы Воронежская и Курская, Тамбовская и Орловская, Белгородская и Липецкая области.

Рассматриваемый нами макрорегион почти совпадает с традиционно выделяемым Центрально-Черноземным районом, но отличается от него тем, что включает, помимо Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Тамбовской областей, еще и Орловскую область – большинство ее земель используются как сельскохозяйственные угодья (из них 79,7 % заняты пашней), при этом свыше 40 % пахотных и естественных угодий – чернозем.

Территория Центрального Черноземья с позиции социального, политического и экономического развития его составных частей и сегодня может рассматриваться как целостный историко-культурный и природно-ресурсный макрорегион Российской Федерации. Три его области – Курская, Белгородская

и Воронежская – граничат с Сумской, Харьковской и Луганской областями Украины.

Природно-ресурсные и социально-демографические характеристики Центрального Черноземья. Площадь рассматриваемого макрорегиона составляет 192,5 тыс. кв. км. Его хозяйственный профиль определяется наличием уникальных запасов железной руды, присутствием значительных площадей плодородных черноземных почв, довольно благоприятными природными условиями для развития многоотраслевого сельского хозяйства. Выращиваются зерновые и технические культуры (сахарная свекла, конопля, подсолнечник, табак); развито молочно-мясное скотоводство и свиноводство. Сохранились выплавка и прокат черных металлов, функционируют химические (в том числе фармацевтические) и нефтехимические производства, восстанавливаются станкостроение и тракторостроение, выработка цемента и мела. Удобное географическое положение и развитая транспортная инфраструктура способствуют многосторонней производственной кооперации и межрегиональной интеграции.

На начало 2015 г. численность населения регионов ЦЧ составила 7981,9 тыс. человек⁴⁶. Самый многочисленный регион ЦЧ – Воронежская область (2331,1 тыс. человек), а малочисленный – Орловская область (765,2 тыс. человек), в остальных областях численность населения несколько превышает один миллион человек. На протяжении двух последних десятилетий в отдельных областях Центрального Черноземья, за исключением Белгородской области, отмечается постепенное снижение числа жителей (*депопуляция*), что оказывается серьезным демографическим «вызовом» развитию регионов⁴⁷. Вместе с тем, с середины 2000-х годов в естественном движении населения наблюдаются общие для всех регионов ЦЧ тенденции, способные при своем нарастании улучшить сложившуюся ситуацию:

⁴⁴ Тутова О.Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2013. № 1. С. 12.

⁴⁵ Волости и важнейшие селения европейской России: губернии центральной земледельческой области. СПб.: Центр. стат. комитет, 1880. Вып. 1. [2]. 48 с.

⁴⁶ Рассчитано по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 19, 40, 68, 75, 89, 110.

⁴⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. С. 37.

- рост рождаемости: в 2014 г. в областях ЦЧ коэффициент общей рождаемости различался в пределах от 9,8‰ в Тамбовской области до 11,7‰ в Курской области, при этом в последнем регионе уже произошло восстановление этого показателя до уровня 1990 г.;
- сокращение общей и младенческой смертности и соответственно увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении: в 2014 г. ее показатель отличался по отдельным регионам ЦЧ от 69,88 лет в Орловской области до 72,25 лет в Белгородской области⁴⁸; при этом дальнейшее повышение уровня рождаемости выступит фактором преодоления демографического старения населения, которое сейчас характерно для всего ЦЧ.

К настоящему времени в ЦЧ 65,5% населения живут в городах, а 34,5% – в селах⁴⁹. В течение 1990–2014 гг. общим для всех областей ЦЧ трендом стало *увеличение количества городского населения по сравнению с сельским*⁵⁰. В итоге соотношение городского и сельского населения в большинстве областей ЦЧ совпадает со структурой населения, общей для всего макрорегиона; только в Тамбовской области доля сельского населения несколько выше (40,2%).

В целом Центральное Черноземье отличается *невысокой плотностью населения*. Значительная его часть проживает в областных центрах и малых городах (с численностью около 100 тыс. человек), представленных достаточно разреженной сетью. При этом только Воронеж является «городом-миллионником», Липецк – крупным городом, а остальные административные центры относятся к категории средних городов. Численность населения четырех областных центров постепенно увеличивается; численность Орла и Тамбова

на протяжении ряда лет сокращалась, но в 2014 г. также увеличилась⁵¹.

Миграционные потоки неоднозначно влияют на демографическую ситуацию. Так, Белгородская, Воронежская и Липецкая области отличаются *положительным сальдо миграции* на протяжении последнего десятка лет; а Курская и Тамбовская области – переходом от миграционной убыли к *постепенному притоку мигрантов в регион*, что частично компенсирует убыль населения; в Орловской области преобладает *миграционный отток* населения⁵². С 2000 г. по 2014 г. в Белгородской и Липецкой областях коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения сократился в два раза, а в Воронежской области – наоборот, увеличился⁵³.

Как показывают результаты социологических опросов⁵⁴, подавляющее большинство населения Курской области и в целом жителей ЦЧ являются *коренными жителями* регионов, из них около половины проживают в тех же местах, где и родились, остальные относятся к *внутрирегиональным мигрантам*. Значительно меньшие доли приходятся на мигрантов, прибывших из других регионов России и стран. Такая структура населения является результатом *умеренной внутри- и межрегиональной миграции*. Основными «донорами» последней выступают Украина, Молдавия, Армения, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и другие страны СНГ⁵⁵. Пограничное с Украиной расположе-

⁵¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015. С. 89, 110.

⁵² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 62.

⁵³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 70; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 62.

⁵⁴ Здесь и далее приводятся результаты опроса населения Курской области, проведенного нами в этом регионе в 2012 г. по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона» (N=1000 человек), и данные по регионам Центрального Черноземья шестой волны (опроса) Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН, осуществленного в 2010 г.

⁵⁵ Демографический ежегодник России. 2015 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. М., 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (дата обращения: 25.02.2016); Статистический ежегодник Курской области. 2014: стат. сб. / Территориальный

⁴⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 50, 55.

⁴⁹ Рассчитано по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015. С. 19, 40, 68, 75, 89, 110.

⁵⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 41.

ние Белгородской, Воронежской и Курской областей объясняет значительную долю украинцев, прибывающих в эти регионы. В связи с обострением социально-политической ситуации на Украине с начала 2014 г. фиксируется увеличение числа прибывающих мигрантов из этой страны, в том числе получивших статус беженцев.

Результаты опросов населения выявляют относительно *устойчивый характер этнокультурной толерантности* местного населения по отношению к мигрантам. Так, около 25% курян и свыше 40% жителей ЦЧ характеризуют отношения мигрантов с коренным населением как устойчивые хорошие, более 40% и 35% соответственно отмечают, что в целом *отношения нормальные*, но случаются недоразумения. Заметно меньше число тех, кто заявляет о серьезных напряжениях и конфликтах между приезжими и местными жителями (14,9% и 4,2%) или об отсутствии взаимодействий между ними (4,6% и 4,2%).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля жителей, которые относят себя к русским, по разным регионам варьирует от 94,4 до 97,0%⁵⁶. Данный факт позволяет говорить о моноэтничности этого макрорайона, хотя в регионах ЦЧ проживают представители более 100 национальностей, среди которых по численности относительно выделяются украинцы (от 0,7% от числа всего населения в Тамбовской области до 2,8% – в Белгородской области), армяне (0,4–0,6%), цыгане (до 0,4%), азербайджанцы (до 0,3%). Сравнение результатов Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г. показывает, что за это время этнический состав регионов ЦЧ не претерпел существенных изменений⁵⁷.

На демографическую ситуацию в Центральном Черноземье влияют и такие процессы, как брачность и разводимость. В 2000–2014 гг. общими для всех регионов ЦЧ были

*постепенный рост числа официально зарегистрированных браков (7,2–8,5‰ браков) и консервация высокого уровня разводимости (4,6–5,2‰ разводов) на 1000 человек населения. На 1000 браков в среднем приходится от 600 (в Воронежской области) до 646 (в Орловской области) разводов*⁵⁸. Согласно данным регионального опроса, проведенного в Курской области, более половины курян (56,4%) считают одним из основных препятствий созданию и сохранению семьи, брака *недостаточность материальных средств для обеспечения семьи*, более трети (37,8%) – *неудовлетворительные жилищные условия*. Практически такое же число жителей региона (37,0%) называют в качестве препятствий личностные особенности людей, их характер, 16,5% – степень приверженности нравственным и религиозным нормам, 12,1% – личный расчет о выгодах сохранения или разрушения семьи. В целом, по мнению большинства населения, ключевую роль играют материальные факторы.

Культурный потенциал и культурный капитал населения Центрального Черноземья. Этническая и культурно-историческая близость жителей Центрального Черноземья позволяет говорить о культурном единстве входящих в него регионов, она определяет сходство местных вариантов культуры как принадлежащих единому типу общерусской культуры. Важны также близость историко-культурных характеристик данных регионов, пересечения их исторических событий и процессов, переплетения имен и судеб ярких представителей русской культуры. Так, одно из ключевых сражений Великой Отечественной войны – Курская битва (продолжавшееся с 5 июля по 23 августа 1943 г.) – состояло из Курской оборонительной операции и двух наступательных – Орловской и Белгородско-Харьковской.

Культурный потенциал населения региона довольно весом: в нем активно представлены народное творчество, музыкальное искусство, фестивальная и конкурсная деятельность, исторические традиции русской культуры. Видимо, вместе с культур-

орган Федерал. службы гос. статистики по Курской области. Курск, 2014. С. 57.

⁵⁶ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 19, 40, 68, 75, 89, 110.

⁵⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. С. 32–34.

⁵⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 58, 60.

Таблица 3.9

Вовлеченность регионов Центрального Черноземья в процессы модернизации, 2000–2012 гг.

Регионы ЦЧ	Индексы 2000 г.			Индексы 2005 г.			Индексы 2010 г.			Индексы 2012 г.		
	ПМ	ВМ	ИИ	ПМ	ВМ	ИИ	ПМ	ВМ	ИИ	ПМ	ВМ	ИИ
Россия	91,9	61,6	51,1	95,5	66,2	57,9	99,9	72,1	65,6	100	74,4	67,0
Белгородская область	86,5	45,6	41,6	92,0	50,9	47,5	97,0	59,0	54,8	96,9	60,9	56,2
Воронежская область	89,0	57,2	47,8	92,3	64,8	56,1	95,4	66,8	60,7	99,4	71,6	62,5
Курская область	85,8	47,5	42,9	90,2	52,8	49,5	94,8	60,4	57,3	97,9	64,8	59,2
Липецкая область	87,9	44,4	40,9	91,7	51,2	47,5	95,4	54,0	51,2	99,4	57,1	54,1
Орловская область	86,1	47,9	42,5	92,5	52,3	49,9	94,3	56,3	55,2	97,2	60,1	56,6
Тамбовская область	89,1	48,8	44,5	91,8	53,6	49,4	94,5	57,3	53,0	96,0	58,9	52,9

Обозначения: ПМ – первичная модернизация; ВМ – вторичная модернизация; ИИ – интегрированный индекс двух стадий модернизации. Источник: Таблица подготовлена Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (г. Вологда) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Таблицы содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

ной консолидацией жителей Центрального Черноземья этим объясняется тот факт, что их социальное самочувствие не претерпело негативных изменений в первые кризисные годы. Более трети опрошенных в 2012 г., как и в 2009 г., были вполне уверены или скорее уверены в своем будущем, при этом несколько снизилось число заявивших о своей неуверенности в будущем.

Однако особую остроту сегодня приобретают задачи развития и востребованности культурного потенциала в ответ на новые социокультурные потребности жителей. К сожалению, в последние годы «в целях оптимизации образовательного процесса» в ЦЧ неуклонно закрывают и реорганизуют сельские и городские школы, растет неуверенность в перспективах развития высших учебных заведений. Довольно скромной остается заработная плата сотрудников культурных и образовательных учреждений. Представители научного сообщества заявляют о неадекватной финансовой оценке интеллектуального труда. С невостребованностью культурного потенциала сталкивается молодое поколение, которое в поисках интересной работы, возможностей для самореализации, более высокой оплаты труда покидает свой регион, направляется в Москву, Санкт-Петербург, другие города России и дальнего зарубежья. Требуется разработка

программ поддержания и развития культурного капитала – как молодежи, так и других возрастных групп макрорегиона. Невостребованность культурного потенциала – серьезное следствие замедленных процессов модернизации в регионах Черноземья. Такая невостребованность, в свою очередь, ведет к замедлению и стагнации этих процессов. Стагнация не исключает медленного роста, но означает консервацию структур. По данным табл. 3.9: индексы стадий модернизации, включая их интегрированный индекс, изменяются, а иерархия регионов сохраняется.

Замедленность процессов модернизации, два их модуса

Обобщенно о состоянии процессов модернизации в регионах ЦЧ можно судить по данным таблицы 3.10. К 2012 г. все регионы ЦЧ оставались на стадии первичной модернизации (ПМ). При этом Воронежская область к 2010 г., а Курская область к 2012 г. достигли фазы зрелости ПМ и третьего состояния (типа) модернизированности. Три региона находились в фазе роста ПМ или во втором состоянии (типе) модернизированности, а Тамбовская область – в фазе начала ПМ (первое состояние, тип модернизированности). Интегрированный индекс сбалансированности составля-

Таблица 3.10

Векторы эволюции состояний (типов) модернизированности регионов Центрального Черноземья и несбалансированность ее составляющих

Регионы	Динамика состояний типов модернизированности.				Интегрированные индексы, ИИСБ			
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2012	2012			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации								
<i>Переход к ВМ (к типам 5, 6). Опережают социальная и когнитивная составляющие.</i>								
Центральный ФО	3	5	5	5	1,189	В	эк., зн.	соц.
<i>Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала). Опережает социальная составляющая.</i>								
РОССИЯ	3	3	5	5	0,969	В	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации								
<i>Медленное повышение ПМ (к типам 2, 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.</i>								
Воронежская обл.	1	3	3	3	0,546	ВС	эк., зн.	соц.
Белгородская обл.	1	2	2	2	0,231	НС	эк., зн.	соц.
Курская обл.	1	1	2	3	0,285	НС	эк., зн.	соц.
<i>Стагнация ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.</i>								
Орловская обл.	2	2	2	2	0,275	НС	эк., зн.	соц.
Липецкая обл.	2	2	2	2	0,208	НС	эк., зн.	соц.
Тамбовская обл.	1	1	1	1	0,209	НС	эк., зн.	соц.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

ющих модернизации (ИИСБ) в Воронежской области был самым высоким (0,546), но для всей России это лишь уровень «ниже среднего»: он в 2,2 раза ниже, чем в ЦФО, и в 1,8 раза ниже, чем по России в целом. Существенно ниже среднего сбалансированность процессов модернизации в Белгородской, Курской, Орловской областях, а в Липецкой и Тамбовской областях она совсем низкая.

Таблица отчетливо показывает *два модуса* или две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют *небольшой рост, хотя и без явного развития*, тогда как Орловская, Липецкая и Тамбовская области с 2000 по 2012 гг. сохраняют свои позиции, т.е. переживают *длительную стагнацию* состояний модернизированности в начальных фазах ПМ.

Как уже отмечено, историко-культурные контексты развития данных регионов в целом сходны. Их культурный потенциал достаточно высок, но невостребован. А модусы их модернизации существенно различаются. С чем это связано? Что за этим кроется? Выскажем предположение: при сходстве общих характеристик *социокультурной компоненты* модернизации регионов ЦЧ причины различий ее модусов следует искать в иных ее компонентах.

Главные компоненты модернизации регионов Центрального Черноземья

Насколько можно судить по статистическим данным, обобщающим аналитическим публикациям и планам (программам) социально-экономического развития соответству-

ющих регионов, *технико-технологическая компонента* индустриальной (первичной) модернизации регионов Центрального Черноземья характеризуется, в основном, устаревшими первыми тремя технологическими укладами, в лучшем случае – частично сохранившимися элементами четвертого уклада и фрагментами пятого уклада. По-видимому, это одна из основных причин, сдерживающих модернизацию всех регионов ЦЧ. Для устранения этой причины срочно требуется новая их индустриализация на основе современных технологий. Отраслевые и корпоративные особенности этой компоненты во многом обуславливают межрегиональные различия.

О социоэкономической компоненте, а также о социальной и когнитивной составляющих социокультурной компоненты модернизации регионов можно судить по тем показателям, которые получены с помощью инструментария Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК), адаптированного к российским условиям. Из всей их совокупности в таблице 3.10 приведены наиболее значимые для уяснения сходств и различий модернизации регионов ЦЧ.

Вначале заметим, что во всех регионах Центрального Черноземья значения *социальных* субиндексов интегрированного индекса модернизации (ИИМ) значительно выше значений этого индекса как средней величины трех его субиндексов и мало дифференцированы по регионам. Они говорят о достаточно высокой доле городского населения (82–85% международного стандарта, кроме Тамбовской области – 75%) и о числе врачей на 1000 человек (превышающем 100% международного стандарта). Эти показатели унаследованы от советского времени и характерны для многих регионов постсоветской России. В итоге даже невысокие показатели ожидаемой продолжительности жизни и экологически неблагоприятные высокие расходы энергии на душу населения незначительно снижают значения социального индекса.

С другой стороны, значения экономического и когнитивного субиндексов заметно ниже значений ИИМ. Обратимся к соответствующим компонентам модернизации.

Рассмотрим показатели *социоэкономической компоненты*. В табл. 3.11 представлены две их пары. Первая – это ВРП на душу населения и его близнец, учитывающий паритетную покупательную способность (ППС). По этой паре показателей Тамбовская, Орловская и Воронежская области заметно уступают другим регионам ЦЧ; но по второму показателю (ППС), более чувствительному для жизни населения, Липецкая и Белгородская области – впереди. Возможно, в последних регионах это связано с более высокими инвестициями в основной капитал на душу населения. Другая пара показателей фиксирует долю сферы услуг в ВРП и среди занятого населения региона. По обоим показателям впереди Воронежская область, а Белгородская область отстает; Липецкая и Курская области отстают по первому показателю, но впереди по второму, что указывает на низкую производительность труда их населения, занятого в сфере услуг. Помимо того, к общим ограничениям социально-экономического развития регионов ЦЧ относятся демографический спад и сокращение численности трудовых ресурсов (кроме Белгородской области).

Экономическая активность населения Центрального Черноземья. В сфере труда в регионах ЦЧ отмечается относительно высокий уровень занятости населения: в 2014 г. он находился в пределах 61,0% (в Тамбовской области) – 66,1% (в Белгородской области)⁵⁹. При этом официально фиксируемый уровень безработицы сравнительно низок: по отдельным регионам его значения колеблются от 3,7% (в Липецкой области) до 5,1% (в Орловской области)⁶⁰. На протяжении последних 15 лет динамика этих показателей связана с благоприятными тенденциями, характерными для всех областей ЦЧ: постепенным повышением уровня занятости и существенным сокращением масштабов безработицы: в 2,2–2,7 раза⁶¹. В настоящее время среди всех

⁵⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 146.

⁶⁰ Там же. С. 160.

⁶¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 137–140; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 146, 160.

Таблица 3.11

**Основные показатели состояний (типов) модернизированности
регионов Центрального Черноземья**

Состояния (типы) модернизированности, индексы и субиндексы, индикаторы	Регионы (области) Центрального Черноземья, 2012 г.					
	Тамбовская	Липецкая	Орловская	Курская	Белгородская	Воронежская
Модусы модернизации	Стагнация ПМ			Медленное повышение ПМ		
Эволюция типов: 2000-2005-2010-2012	1-1-1-1	2-2-2-2	2-2-2-2	1-1-2-3	1-2-2-2	1-3-3-3
Интегрированный индекс сбалансированности	0,209	0,208	0,275	0,285	0,231	0,546
Интегрированный индекс модернизации	53	54	57	59	56	63
Интегрированный социальный субиндекс	71	72	72	73	73	73
Интегрированный экономический субиндекс	47	47	49	46	48	54
В том числе:						
• ВРП на душу	14	19	14	17	26	18
• ВРП на душу (ППС)	25	34	25	31	48	33
• доля сферы услуг в ВРП	71	57	76	56	49	81
• доля занятых в сфере услуг	76	79	79	81	68	84
Интегрированный когнитивный субиндекс	41	43	49	59	48	61
В том числе:						
• доля затрат на НИОКР	0	0	0	42	0	42
• доля жителей, подавших заявки на патенты	19	15	31	48	22	54
Индексы (уровни) ПМ	96	99,4	97,2	97,9	96,9	99,4
Фазы ПМ	2,5	3,25	3,0	2,75	2,75	3,0

регионов ЦЧ наиболее благоприятная ситуация по уровню занятости и безработицы наблюдается в Липецкой области.

В Центральном Черноземье основная часть занятых сосредоточена в таких отраслях экономики, как сельское хозяйство и смежные с ним отрасли; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; обрабатывающие производства. Различие между регионами ЦЧ состоит лишь в порядке возрастания численности занятых в этих отраслях: в 2014 г. в Белгородской и Тамбовской областях ведущая сфера по количеству занятых – сельское хозяйство, в остальных областях, включая Курскую, – торговля и ремонт⁶².

Еще одной значимой для развития Центрального Черноземья особенностью сферы

труда является преобладание занятости в частном секторе экономики: в 2014 г. на частных предприятиях регионов ЦЧ работает большая часть занятых в экономике (по регионам в диапазоне 51,4–67,9%)⁶³, что в среднем в 2,4 раза превышает количество работников государственных и муниципальных организаций⁶⁴.

Вместе с тем, по данным опросов, около трети респондентов в Курской области (35,3%) и более половины опрошенных в регионах ЦЧ (54,2%) хотели бы иметь в качестве основной работу на государственном, муниципальном предприятии. В то же время другая треть курян (33,7%) и 27,0% жителей ЦЧ предпочли бы разные типы занятости в частном секторе экономики, из них хотели бы быть предпринимателями 14,1% и 8,3% соответственно, вести индивидуальную трудовую деятельность – 9,0% и 4,2%, работать

⁶² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 130.

⁶³ Там же. С. 139.

⁶⁴ Там же. С. 139, 146, 160.

по найму на частном предприятии – 4,3% и 6,2% и т.д.

Эти данные коррелируют с выявленной в результате опросов иерархией трудовых предпочтений населения. Так, половина курян (51,0%) и большинство респондентов из ЦЧ (47,9%) предпочли бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок, а 20,0% жителей Курской области и 35,4% представителей ЦЧ хотели бы много зарабатывать, даже если придется очень много работать или отказаться от гарантий на будущее. Практически каждый десятый курянин (12,1%) предпочел бы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. В целом, как показывают результаты опросов населения Курской области (2007, 2009, 2012), в проективной ситуации выбора работы основная часть населения региона (58,0%) отмечает нерыночные мотивы трудовой деятельности, и только треть населения (32,1%) имеет рыночную мотивацию труда; и такая иерархия трудовых предпочтений сохраняется у населения области на протяжении последних лет.

Тем самым среди населения регионов ЦЧ имеется значительная часть, ориентированная на занятость в государственном секторе экономики, обеспечивающую стабильность заработка и социальные гарантии. Одной из важных социальных гарантий в сфере труда выступает регулирование трудовых отношений между работником и работодателем на основе письменного трудового договора, наличие которого и его соответствие закону защищает права наемного работника. Неформальная занятость в частном секторе экономики сопряжена с низкой защищенностью прав работников, что снижает привлекательность занятости в этой сфере. Как показывают данные регионального опроса, среди всех занятых на основной работе на частных предприятиях только половина опрошенных курян (55,5%) имеют письменный трудовой договор со своим работодателем, 21,9% – не имеют такого договора, а 14,8% – не знают о его наличии (скорее всего, трудовой договор не подписывался работником и, вероятно, вообще отсутствует). Между тем, подавляющее большинство (86,0%) работников госу-

дарственных, муниципальных организаций заявили о наличии письменного трудового договора, остальные – затруднились или отказались ответить на этот вопрос.

В то же время уже сформирована также существенная по численности категория населения, которая предпочитает занятость в частном секторе и возможность получать более высокие доходы даже при наличии рисков стабильности оплаты и высокой трудоемкости работы. При этом значительная часть населения выражает желание заниматься предпринимательской деятельностью, которая имеет рискованный характер и связана с необходимостью принимать самостоятельные решения.

Специфика отраслевой структуры экономики и изменение ценностных ориентаций людей во многом определяют направления социально-профессиональной мобильности населения. Как свидетельствуют данные регионального опроса, за 1998–2012 гг. в Курской области основными направлениями перемещений занятого населения между отраслями экономики стали: переход в сферы торговли, быта и услуг, а также расширение сферы самозанятости в качестве предпринимателей. Ключевыми причинами изменения места работы и профессии для многих курян являются: низкая оплата труда на прежней работе, потеря работы в результате сокращения производства и ликвидации предприятия, интерес к новой работе, наличие больших возможностей для самореализации на новой работе.

Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. и результаты опросов показывают, что многие жители ЦЧ имеют дополнительную работу, которая становится одним из источников доходов. В частности, около половины респондентов в Курской области отметили, что ведут личное подсобное хозяйство, работают на дачных участках и т.д. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., около третьей части курян (29,7% от всей численности населения региона или 34,9% от числа лиц трудоспособного и старше трудоспособного возраста) имеют два источника средств к существованию. Из них у 34,8% жителей основным источником доходов слу-

жит трудовая деятельность, включая работу по совместительству, у 24,8% – пенсия (кроме пенсии по инвалидности), у 3,1% – пенсия по инвалидности, у 2,1% – личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и т.д., а для 27,8% этой категории – иждивение, помощь других лиц, алименты. Наиболее распространенным совмещением основного и дополнительного источника средств к существованию оказывается сочетание доходов от трудовой деятельности или пенсии с ведением ЛПХ. Так, доходы 16,7% населения, имеющего два источника средств к существованию, формируются за счет трудовой деятельности и ЛПХ, 24,8% – за счет пенсии (кроме пенсии по инвалидности) и ЛПХ; 1,9% – за счет пенсии по инвалидности и ЛПХ и т.д.⁶⁵ Такая специфика во многом обусловлена природными условиями, которые позволяют вести личное подсобное хозяйство для собственного потребления и значительно реже – для продажи.

Уровень жизни населения Центрального Черноземья. Обращение к дополнительной занятости во многом связано с невысоким уровнем доходов у населения ЦЧ. На протяжении 2000–2014 гг. во всех регионах ЦЧ среднедушевые денежные доходы населения были ниже их значений для Центрального федерального округа и России в целом. К 2014 г. в Белгородской, Воронежской и Липецкой областях эти доходы несколько приблизились к общероссийскому показателю (27 766 рублей в месяц)⁶⁶, а в отношении остальных регионов разница остается более существенной (см. табл. 3.12).

При этом в регионах ЦЧ средний размер ежемесячной пенсии в 2,2 раза меньше среднемесячного размера заработной платы работников организаций. Становится понятным достаточно высокий уровень экономической активности среди возрастной группы 60–72 лет. Так, в 2013 г. в отдельных регионах ЦЧ он составил от 14,1% (в Тамбовской области) до 19,6% (в Курской области), а возраст

занятых достигал 72,5 лет в Воронежской области и 78,8 лет в Липецкой области⁶⁷.

В сфере доходов и потребления наблюдается ряд позитивных тенденций: постепенно увеличиваются реальные денежные доходы населения, в том числе заработная плата работников организаций и назначенные пенсии, повышается качество питания и уровень обеспеченности населения предметами длительного пользования (легковыми автомобилями, компьютерами, холодильниками, стиральными машинами и др.), улучшается благоустроенность жилья и др.⁶⁸

По данным опросов, подавляющее большинство населения имеет *собственное жилье*: проживают в домах индивидуальной застройки или в квартирах в многоквартирных домах, в коммунальных квартирах. Около 4% курян вынуждены снимать жилье (дом, квартиру, комнату или ее часть), жить в общежитии.

Инновационная активность в регионах ЦЧ. На состояние социально-экономической компо-

Таблица 3.12
Денежные доходы и потребительские расходы населения регионов ЦЧ (2014 г.)

Области	Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, рублей)	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (рублей)	Средний размер назначенных пенсий (в месяц, рублей)	Среднедушевые потребительские расходы (в месяц, рублей)
Белгородская	25 372	23 895	10 456	18 035
Воронежская	25 505	24 001	10 049	19 328
Курская	23 188	23 099	9818	16 132
Липецкая	25 263	23 133	10 200	18 617
Орловская	19 981	20 885	10 490	14 580
Тамбовская	22 377	20 757	9675	16 868

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 198, 200, 214, 236.

⁶⁷ Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. М., 2014. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/Main.htm (дата обращения: 28.03.2015)

⁶⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. С. 192–197, 250–252, 254–260, 262–274.

⁶⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 5. Источники средств к существованию. М., 2012. С. 832–834.

⁶⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 198.

ненты значимое влияние также оказывают: недостаток финансовых возможностей для модернизации технологического уклада сельского хозяйства и промышленных предприятий, институционально-финансовые препятствия развитию *предпринимательской инициативы и инновационной деятельности*. В 2014 г. доля инновационной продукции (товары, работы, услуги) в общем объеме отгруженной продукции оказалась лишь в Липецкой области выше средней по регионам ЦФО (13,6% по сравнению со средней 9,6%), а в Воронежской, Курской, Тамбовской, Белгородской и Орловской областях – ниже (7,2; 6,5; 6,3; 4,4; 1,0% соответственно)⁶⁹. Исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ выявили неравномерность развития различных сфер инновационных процессов в Центральном Черноземье⁷⁰. По величине интегрального российского регионального инновационного развития на 2013 г. Воронежская, Белгородская и Липецкая области вошли во вторую группу из четырех, Курская, Орловская и Тамбовская – в третью. При этом для второй тройки областей проявлен невысокий уровень социально-экономических условий инновационной деятельности; все области ЦЧ, кроме Воронежской, характеризуют довольно скромные значения основных показателей научно-технического потенциала – как его ресурсных составляющих, так и результативности исследований и разработок. Тем не менее, в Липецкой и Курской областях отмечена весомая вовлеченность предприятий в инновационную деятельность, а в Белгородской, Воронежской, Белгородской и Липецкой областях выявлен высокий индекс качества инновационной политики.

Вместе с тем, социологические исследования показывают невысокую активность населения регионов в создании инноваций. В Курской области, согласно региональным опросам, фиксируется некоторое снижение

этой активности жителей области в последние годы (табл. 3.13).

В 2012 году жителям Курской области в ходе проведения регионального опроса был задан вопрос: «Что, на Ваш взгляд, мешает росту инновационной активности в регионе?». В ответах были отмечены: недоступность финансирования для создания новых фирм и инновационных проектов – 65,2%; избыточная бюрократизированность – 59,9%; нехватка в регионе «мозгов» (идей и специалистов, способных их разрабатывать) – 56,6%; недостаточная поддержка новаторов со стороны региональной власти; условия жизни и работы, малопривлекательные для предпринимателей и творческих людей – 55,8%. На значимость существенного присутствия государства в экономике указали 37,3% респондентов.

Для реализации инноваций важна среда, в которой их можно коммерциализовать. Для этого требуются эффективно работающие технопарки, в том числе при вузах, с прозрачной и открытой системой поддержки инновационных проектов, налоговые и таможенные льготы для компаний, построенных вокруг венчурных проектов, наличие венчурных фондов с опытом поддержки успешных венчурных проектов и т.д. (см. табл. 3.14).

В последние годы в регионах Центрального Черноземья отмечено повышение спроса на инновации, особенно в сфере малого бизнеса. Во всех областях ЦЧ приняты законодательные акты о государственной поддержке инновационной деятельности в регионах,

Таблица 3.13

Участие жителей Курской области в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.), %

	2007	2009	2012
Участвовал как организатор	5,6	3,0	3,8
Участвовал наравне с другими	9,7	7,2	6,5
Не участвовал	78,5	85,3	81,5
Затрудняюсь ответить	4,1	3,1	3,7
Отказ от ответа	2,2	1,4	4,5

⁶⁹ Там же. Таб. 21.18.

⁷⁰ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.

Таблица 3.14

**Направления развития инновационно-инвестиционной инфраструктуры
регионов Центрального Черноземья**

Регионы	Направления	Виды экономической деятельности
1	2	3
Белгородская область	Технопарки	АПК
	Инновационно-технологические центры	Горно-металлургический, агропромышленный, производство строительных материалов, наноструктурных материалов и нанотехнологий
	Технополис	IT, энерготехнологии, образование, индустриальные покрытия, строительные технологии, медицина
Воронежская область	Технопарки	Электроника, микроэлектроника, механообработка и машиностроение, насосное оборудование, электро- и радиотехника, нефтегазовое оборудование, нанотехнологии, химическое машиностроение, авиастроение
	Инновационно-технологические центры	Промышленные нанотехнологии
Курская область	Технопарки	IT, машиностроение, электро- и радиотехника, радиоэлектроника, сельское хозяйство, пищевая промышленность, медтехника и медицина, машиностроение, авиастроение, электроника
	Инновационно-технологические центры	Приборостроение, энергосберегающие технологии, технологии переработки и обогащения минерального сырья и железных руд, лазерные технологии в обрабатывающих производствах, промышленные нанотехнологии
Липецкая область	Технопарки	Информационная, консалтинговая и организационная поддержка субъектов малого бизнеса
	Инновационно-технологические центры	Промышленные нанотехнологии
Тамбовская область	Технопарки	Высокие биотехнологии
	Инновационно-технологические центры	Био- и химические технологии, промышленные нанотехнологии, машиностроение
Орловская область	Технопарки	Студенческий бизнес-инкубатор «Эврика» (СБИ) при АНО «Технологическая площадка «Центр инновационных предприятий»»; Научно-технологический парк «Орел-Технопарк»

все они, кроме Орловской области, приняли стратегии инновационного развития. Вместе с тем в большинстве регионов по-прежнему на первый план выходит запрос на стабильность, а не на расширение поля инновационной деятельности. При этом интеллектуальный потенциал является существенным, он подкрепляется вовлеченностью значимой части населения в процессы получения высшего образования, индивидуального предпринимательства. Однако недостает развития личностной инициативы, а также региональной институциональной поддержки, которые бы обеспечили ее результативность, – лишь в Воронежской области зафиксировано наличие регионального института развития с функционалом по поддержке субъектов

инновационной деятельности и реализации инновационных проектов.

Недостаточное развитие инновационных процессов, вовлекающих в оборот когнитивный потенциал, – одна из детерминант замедленной модернизации в регионах Черноземья.

Социокультурная компонента. В Центральном Черноземье расположены старорусские города, возраст ряда из них исчисляется многими столетиями. В конце X – начале XI столетий возникает город Курск, а в XVI веке на южных рубежах России был основан ряд крепостей, постепенно трансформировавшихся в центры ремесленных промыслов и торговли – Белгород, Воронеж, заново отстроенный Курск и др. В настоящее время в Центральном Черноземье имеются 13 городов численностью

свыше 50 тыс. человек. Лидером среди них выступает Воронеж (1 млн чел. на начало 2015 г.), далее идут областные центры с населением от 500 до 300 тыс. человек: Липецк, Курск, Белгород, Орел, Тамбов. Среди городов районного уровня имеют от 220 до 55 тыс. человек: Старый Оскол, Елец, Железнодорожск, Мичуринск, Губкин, Россошь, Лиски.

Центральное Черноземье характеризуется довольно существенным социокультурным потенциалом – в частности, значимым историческим наследием, весомым количеством природных и культурных памятников, большим количеством мест, связанных с именами известных представителей российской культуры. При этом явно недооцененным остается туристический потенциал. Здесь фиксируется также высокий уровень человеческого капитала в отношении образовательного и культурного уровня населения.

Так, одним из неотъемлемых компонентов человеческого капитала макрорегиона выступает образование. В настоящее время в ЦЧ функционирует 2738 общеобразовательных организаций, 187 профессиональных организаций среднего звена (с учетом филиалов), 47 высших учебных заведений и 67 филиалов вузов⁷¹. К старейшим вузам ЦЧ следует отнести Белгородский государственный национальный университет (в 1876 г. он был открыт как учительский институт), Воронежский сельскохозяйственный университет (образован в 1913 г.), Воронежский государственный университет (начал функционировать в центре Черноземья в 1918 г.) и Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (открыт как госуниверситет в 1918 г.). Предыстория Курского государственного университета берет начало в конце XVIII столетия – с момента создания частного пансиона благородных девиц (1794 г.), – продолжается в открытии и развитии Мариинского училища (с 1860 г.) и ведет к учреждению Курского государственного педагогического института (1934 г.).

Макрорегион в целом полностью обеспечивает себя специалистами самого раз-

личного профиля. Соответственно уровень образования населения ЦЧ можно признать высоким. Однако при этом усиливает свою актуальность проблема несбалансированности спроса и предложения на региональном рынке труда. Исследования свидетельствуют о том, что многие выпускники учебных заведений не могут найти работу в своих регионах по тем специальностям и направлениям, по которым получили образование.

Выявлено, что рост численности негосударственных вузов на рубеже XX–XXI вв., с одной стороны, способствовал улучшению подготовки кадров новых специальностей, получению второго высшего образования, приблизил образование к населению путем создания филиалов в райцентрах. С другой стороны, – подорвал авторитет высшего образования как системы подготовки квалифицированных кадров и, в некоторых случаях, стал формой реализации дипломов за деньги с ускоренным сроком обучения. Доказано, что на начальном этапе создания негосударственных вузов в Курской области организация учебно-воспитательной работы в них была эффективнее и гибче, чем в государственных вузах, однако научно-исследовательская деятельность в негосударственном секторе не получила надлежащего развития.

В научные исследования и разработки в 2014 г. были вовлечены почти 18 тыс. чел., проживающих в данном макрорайоне (5% от числа вовлеченных в эту деятельность в ЦФО), это на 2,5 тыс. чел. меньше, чем в 2000 г.⁷² Статистические данные фиксируют также сокращение числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки: со 167 в 2000 г. до 136 в 2014 г.⁷³ Данный факт объясняется снижением спроса на результаты научно-технической деятельности со стороны реального сектора экономики. При этом отмечено повышение числа исследователей, имеющих ученые степени, почти в два раза (с 1220 чел.

⁷¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 5.3; 5.15; 5.22; 5.23.

⁷² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011. Таб. 22.2; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 21.2.

⁷³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011. Таб. 22.1; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 21.1.

в 2000 г. до 2037 чел. в 2014 г.), и это касается как кандидатов, так и докторов наук⁷⁴.

По патентам на изобретения и полезные модели регионы ЦЧ занимают весьма скромное место даже в ЦФО – на их долю в 2014 г. пришлось менее 9% всех патентов, выданных в федеральном округе. И это опять-таки свидетельствует о довольно весомом разрыве между осуществлением научно-технической деятельности и ее необходимостью в экономическом секторе, что, несомненно, тормозит развитие модернизационных процессов в макрорегионе.

Социальная стратификация населения. На торможение модернизации влияют и другие параметры социокультурной ее компоненты. Например, контрастная социальная стратификация населения региона. Ее особенности во многом определяет дифференциация занятости, доходов и расходов населения. К настоящему времени сложился определенный профиль материальной стратификации, который стал результатом усиления дифференциации денежных доходов между группами населения и концентрации основной массы доходов в высокодоходной группе населения за последние двадцать лет. Как показывает распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2014 г., в регионах ЦЧ верхние по доходам 20,0% населения получают около половины всех денежных доходов (от 44,1% в Орловской области до 47,0% в Воронежской области), а на 80,0% населения приходится вторая половина всех доходов. Эта разница обуславливает и значительную поляризованность сообщества: для отдельных регионов ЦЧ коэффициент Джини находится в интервале 0,376–0,412, что несколько ниже общероссийского показателя (0,416)⁷⁵. Результаты опросов также подтверждают наличие такого социального контраста (см. табл. 3.15).

К низшему имущественному слою относят себя 44,5% опрошенных курян (страты «ни-

щие», «бедные», «необеспеченные»), к среднему – 51,5% («обеспеченные», «зажиточные»), к высшему – только 4,0% («богатые»). Тем самым в субъективном измерении самыми массовыми являются средние и низшие страты. Такой профиль стратификации характерен и для российского общества в целом.

По данным государственной статистики, в 2014 г. в ЦЧ доля бедных, чьи доходы ниже прожиточного минимума, в среднем менее 10,0% населения: от 7,5% в Белгородской области до 12,8% в Орловской области. По сравнению с 2000 г. к настоящему времени численность бедного населения в областях ЦЧ значительно сократилась: например, в Курской области с 42,2% до 8,7%⁷⁶, то есть в 4,9 раза.

Между тем, сопоставление с данными опроса показывает, что в результате изменения жизненных стандартов и уровня притязаний населения масштабы субъективно воспринимаемой бедности в несколько раз больше ее статистических показателей⁷⁷.

В субъективном измерении собственно бедными можно считать представителей двух имущественных страт – «нищих» и «бедных», исходя из их самооценки своего уровня потребления, испытывающих существенные материальные трудности. По данным регионального опроса, в Курской области социальный портрет бедного населения определяется численным преобладанием женщин (60,7% от всей численности этой категории), пожилых людей в возрасте старше 55 лет (41,2%) и специалистов со средним профессиональным образованием (38,6%). Среди этого имущественного слоя значимыми являются доли лиц с высшим профессиональным образованием (24,1%) и средним общим образованием (18,8%). К бедному населению относят себя как горожане (59,7%), так и жители сельской местности (40,3%). Данный портрет повторяет основные социально-демографические характеристики бедных, выявленные в общероссийском опросе, за исключением более объемной доли профессионалов с высшим

⁷⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011. Таб. 22.4; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 21.4.

⁷⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 226.

⁷⁶ Там же. С. 234.

⁷⁷ Там же: С. 234; результаты опроса населения Курской области (2012 г.).

Таблица 3.15

Материальная стратификация населения
(по самооценкам населения, в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	Курская область				Россия	Условные названия страт
	2006	2007	2009	2012	2015	
Денег не хватает на повседневные затраты	14,1	16,6	13,0	12,8	11,4	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	15,7	21,8	19,1	17,5	18,1	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	24,3	17,1	17,2	14,2	22,3	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	32,2	27,6	32,1	36,9	32,7	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	12,9	12,7	14,3	14,6	8,8	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	0,8	3,0	2,8	4,0	1,4	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	–	1,2	1,5	–	5,2	

Источники: результаты опросов населения Курской области (2006 г., 2007 г., 2009 г., 2012 г.) и Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН (2015 г.)

образованием, поскольку в масштабах России в целом доля лиц с высшим профессиональным образованием среди бедных значительно ниже (16,7%).

Как видно из результатов регионального мониторинга (см. табл. 3.15), в последние годы в субъективном профиле имущественной стратификации населения Курской области наблюдается позитивная динамика: увеличивается численность средних страт за счет сокращения низших слоев. Одной из причин таких изменений можно считать повышение реальных доходов большинства населения до уровня, который позволяет удовлетворять значительную часть потребительских запросов.

Необходимо обратить внимание на численность и особенности среднего класса, выделенного на основании трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, материального положения на уровне «обеспеченных» и «зажиточных», уровня образования не ниже среднего специального (профессионального)⁷⁸. В Курской области численность среднего класса при оценке указанных критериев при самоидентификации со средним слоем в масштабах населенного

пункта составляет 28,2% населения, в масштабах региона – 21,4%, в масштабах страны – 14,5%. Если оценивать численность среднего класса по самоидентификации со средним слоем и в своем регионе, и России в целом, то она составляет 12,5% населения региона. Тем самым по мере расширения территориальных границ своего положения в социальной иерархии, значительно уменьшается доля тех, кто идентифицирует себя со средним слоем и обладает при этом соответствующим уровнем материального достатка и образования. При многомерной оценке среднего класса его численность оказывается меньше, чем при оценке на основании только материального критерия, что подчеркивает специфику статуса и функций этого слоя. В сравнении с результатами 2009 г. среди курян численность среднего класса возросла только в рамках своего поселения, а в остальных масштабах этот показатель существенно не изменился (23,0%, 21,6% и 17,8% соответственно). Можно сказать, что в регионе средний класс находится в стадии формирования.

Согласно результатам опросов населения Курской области (2012 г.) и Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН (2010 г.), социальный портрет среднего класса в регионе отличается от общероссийского большей долей лиц с высшим профессиональным образованием и сельского населения. Послед-

⁷⁸ Подробнее см.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. М., 2009. С. 55–58.

нее объясняется существующей структурой населения по типу поселения, обусловленной агропромышленной специализацией экономики региона. Показательно, что основную часть среднего класса составляют «молодые взрослые» (25–34 года) и представители среднего возраста (35–54 года), а гендерных различий не наблюдается.

Институционно-регулятивная компонента проявляется, в первую очередь, в характере соблюдения законов жителями макрорегиона и представителями управленческого звена, в эффективности функционирования правоохранительной системы и системы управления в целом, в степени защиты прав и свобод граждан, а также в уровне отношений жителей макрорегиона к социальным институтам и их представителям.

Динамика правонарушений в ЦЧ с начала XXI века в целом повторяет тенденции постепенного снижения фиксируемого числа правонарушений в России. Однако по количеству зарегистрированных преступлений на сто тысяч человек населения, согласно данным Росстата, лишь Воронежская и Орловская области близки к средним по России, в то время как Белгородская, Курская, Липецкая и Тамбовская области имеют показатели ниже средних (см. табл. 3.16).

Таблица показывает, что наибольшее число преступлений в ЦЧ зарегистрировано в Орловской области, являющейся по числен-

ности минимальной в макрорайоне. За ней следует Воронежская область, столица которой является миллионником по числу жителей. И наиболее безопасной оказывается Белгородская область, которая к тому же демонстрирует позитивную динамику числа зарегистрированных преступлений. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что обострение социально-экономических проблем, связанных с военными действиями на Украине и применением экономических санкций к России, ведет к увеличению числа зарегистрированных преступлений в российских регионах. Тем самым вопрос о повышении эффективности деятельности в сфере правопорядка и правонарушений остается актуальным.

Согласно социологическому опросу 2012 г. в Курской области, при ответе на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» на первый план при оценке опасностей вышла преступность (60% ответов: «Пожалуй, не защищен» и «Совсем не защищен»); довольно весомыми опасностями оказались произвол чиновников (56,5%) и правоохранительных органов (49,6% ответов). Результаты опросов свидетельствуют о постепенном снижении остроты проблемы, но она остается ощутимой. Важно не только совершенствовать обеспечение безопасности, но и более активно информировать население региона о позитивных результатах.

Таблица 3.16

Число зарегистрированных преступлений в Центральном Черноземье

(на 100 000 человек населения)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Белгородская область	1323	1670	1099	1036	968	968	925
Курская область	1962	2208	1620	1504	1347	1180	1185
Воронежская область	1606	1854	1177	1158	1188	1306	1448
Липецкая область	1516	1554	1385	1315	1158	1143	1064
Орловская область	1756	2282	1730	1610	1699	1580	1522
Тамбовская область	1634	2002	1260	1247	1087	1093	1077

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. М., 2013. С. 352; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. М., 2014. С. 326; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. М., 2015. С. 455.

Таблица 3.17

Уровень доверия населения Курской области социальным институтам региона
(% от числа опрошенных, 2009/2012 гг.)

	Суду	Губернатору	Профсоюзам	Прокуратуре	Полиции	Партиям (регион. отдел.)	Парламенту	СМИ
Полностью доверяю	14,3/15,7	20,0/5,5	6,3/6,4	9,1/11,7	7,5/9,3	4,3/3,1	7,4/5,3	4,4/7,1
Пожалуй, доверяю	32,3/34,0	37,3/18,7	16,6/21,7	21,4/31,0	15,7/22,5	11,5/12,9	19,0/7,8	16,0/25,4
Трудно сказать точно	22,9/17,3	20,8/23,3	38,9/30,3	30,2/21,3	26,2/19,0	32,3/28,3	29,6/25,9	28,3/20,6
Не очень доверяю	19,7/20,1	12,3/25,9	18,0/19,0	25,4/21,4	28,4/29,6	26,9/26,7	23,8/25,7	29,2/26,3
Совсем не доверяю	8,5/10,5	7,2/14,3	15,1/16,9	11,5/12,4	20,3/18,4	21,7/23,8	17,3/21,3	20,1/19,2
Не знаю	1,4/2,1	1,2/2,1	3,6/5,0	1,3/2,0	0,8/1,0	2,0/4,9	1,6/3,8	1,2/1,1
Отказ от ответа	0,9/0,3	1,2/0,2	1,5/0,7	1,1/0,2	1,1/0,2	1,3/0,3	1,3/0,2	0,8/0,3

Государственное управление в регионах Центрального Черноземья, гражданская активность. Разработка качественных управленческих решений в органах государственной власти и местного самоуправления, их эффективная реализация – необходимые предпосылки стабильного и успешного развития региона, повышения уровня и качества жизни населения. Во всех регионах ЦЧ приняты и реализуются стратегии социально-экономического регионального развития, основанные на детальном анализе преимуществ и проблем регионов. В большинстве таких стратегий (за исключением Орловской области) обозначены инновационные ориентиры их реализации. Однако деятельность государственных органов по достижению этих ориентиров осуществляется в условиях перманентного финансового дефицита. Что касается органов муниципального самоуправления, то у них вообще нет должных организационных и финансовых ресурсов для формирования и реализации планов и программ социально-экономического развития муниципальных образований, осуществления капитальных вложений и бюджетных инвестиций в развитие экономики территорий⁷⁹.

Укажем еще на один момент. В российских регионах набирают силу тенденции фрагментации социокультурной целост-

ности регионального сообщества, деавтономизации в принятии ключевых решений, отчужденности власти и населения, установки на имитацию управленческого процесса, нацеленности на достижение частных результатов⁸⁰. Это ведет к снижению человеческого и социального капитала, который является центральным звеном модернизационных процессов.

Одним из важных измерений социального капитала выступает уровень доверия – межличностного, социального, институционального. В последние десятилетия в России повсеместно фиксируется довольно существенное снижение институционального доверия. Россияне в социологических опросах демонстрируют явный разрыв между уровнем межличностной (микросреда) и социальной (макросреда) интеграции. Обратимся к результатам региональных опросов 2009 и 2012 гг. (табл. 3.17).

Финансово-экономический кризис сопровождается снижением доверия населения к ряду социальных институтов. Данные регионального исследования в целом подтверждают общероссийские выводы о том, что в последние годы в стране наблюдается кризис доверия граждан к государственным институтам. В Курской области – это, пре-

⁷⁹ См.: Курская область в динамике социокультурных измерений / Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец и др. Курск: ООО «Учитель», 2011. 232 с.

⁸⁰ Бабинцев В.П. Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации // Научные ведомости БелГУ. № 20 (139). 2012. Вып. 22. С. 57–64.

жде всего, региональные представительства политических партий («Не очень доверяю» и «Совершенно не доверяю» – 50,5% респондентов), полиция (48,1%), областная дума (47%). Заметим, что при проведении аналогичных опросов в Тюменской и Тульской областях уровень недоверия региональным отделениям политических партий оказался также на первом месте. Неудивительно, что в России объявили о создании новой партии под названием «Против всех».

Доверие населения социальным институтам является важным источником их силы и, одновременно, показателем их эффективности. Кризис доверия, который проявляется в недоверии значительной части населения ключевым социальным институтам страны, ослабляет степень востребованности социокультурного потенциала в жизнедеятельности социальной системы. Особенно выразительно это проявляется в низком доверии молодежи, в частности студенчества.

Фиксируемый уровень гражданской активности в макрорайоне довольно низок. Подтверждение этому мы находим в ряде «Докладов о состоянии гражданского общества», представляемых на заседаниях общественных палат регионов Центрального Черноземья. В частности, в Белгородской области констатируется низкий уровень общественной инициативы на низовом уровне, иждивенческая позиция граждан, ожидающих, «что все за них должны устроить власти, отсутствие у граждан желания участвовать в какой-либо форме в решении местных вопросов»⁸¹. Согласно социологическому исследованию, проведенному в рамках подготовки «Доклада Общественной палаты о состоянии гражданского общества в Курской области в 2013 году» (N=500), было обнаружено, что отношение к гражданскому обществу у населения региона стало более сдержанным, нежели в 2010 г. О необходимости его утверждения в России стало заявлять меньшее количество респондентов. Еще один факт: если

в 2010 г. 75,3% опрошенных указали на необходимость утверждения в России демократической системы и развитого гражданского общества⁸², то в 2013 г. заметно меньшее число (64,2%) респондентов сочли, что для России это нужно. При этом 17,2% указали, что демократическая система не нужна, почти каждый пятый (18,6%) затруднился с ответом.

Перед жителями региона был поставлен вопрос: что же требуется для утверждения демократии и гражданского общества в России? Респондентами были обозначены задачи укрепления среднего класса (именно начиная с этого уровня, граждане признаются в том, что они «избавлены от материальной нужды») – 29%. Каждый четвертый (25,4%) отметил необходимость для органов власти считаться с интересами граждан, а также привлекать их к решению важных проблем. Каждый пятый (21%) счел необходимым назвать более активную борьбу граждан за свои права. Довольно значимым (14,2%) оказалось число тех, кто отметил необходимость ответственности граждан за то, что происходит в стране. Исследование показало, что усиление общественного активизма, основанного на солидарном участии граждан в социальных практиках, является важной предпосылкой для утверждения демократических начал как в российских регионах, так и современном обществе в целом.

Небольшой всплеск гражданской активности в 2013–2014 гг. был отмечен в Воронежской области, в которой ее жители активно выступили против разработки никелевых месторождений, несущих экологические риски. В 2015 г. прошли протесты жителей Курской области против строительства полигона бытовых отходов. При этом на помощь жителям регионов в отстаивании их прав приходят общественные организации.

Обратимся к практикам деятельности этих организаций в макрорайоне. Следует указать на тот факт, что численность зарегистрированных НКО в стране и реально дей-

⁸¹ Овчинников В. Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ор31.ru/910/> (дата обращения – 15.06.2015 г.).

⁸² Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области. Общественная палата Курской области / Н.М. Киселев, Г.П. Огорокова, Л.А. Дремова, Е.А. Когай, М.Н. Соиникова. Курск: ЮЗГУ, 2010. С. 29–30.

ствующих различается: активными являются не более 10–15% организаций. Считается, что в «третьем секторе» России задействовано в настоящее время не более одного процента экономически активного населения страны. При этом, как отмечают белгородские общественники, некоммерческим организациям до настоящего времени не удается преодолеть следующие важные проблемы: (1) Недостаточная профессионализация НКО. Зачастую контроль за выполнением социальных полномочий НКО превалирует над предоставлением услуг. (2) Невысокий уровень доверия населения к некоммерческому сектору. Люди мало информированы о деятельности НКО и проявляют настороженное отношение к ним. При этом пятая часть жителей городов и районных центров Белгородской области имеют достаточные представления о деятельности общественных и религиозных объединений региона, а более 50% хорошо осведомлены о работе профсоюзов, советов ветеранов войн и труда, объединений инвалидов, советов женщин, «Красного креста», объединения предпринимателей, экологические и благотворительные фонды⁸³. Жители региона приветствуют практику НКО, прежде всего, в сферах деятельности, касающихся, в первую очередь, социально незащищенных слоев населения. Следует сказать, что 2014 и 2015 гг. отмечены повышением количества и качества практик социально ориентированных НКО Центрального Черноземья. Так, согласно последнему Докладу о состоянии гражданского общества в Курской области, ведущими сферами деятельности общественных организаций в этом регионе стали помощь социально уязвимым категориям населения, здравоохранение и медицина, а также охрана материнства, родительства и детства. Проведенное в регионе в 2015 г. исследование проявило довольно широкую вовлеченность жителей Курского региона в благотворительную деятельность. В ходе экспертного опроса, в котором приняли участие руководители

НКО, была воссоздана довольно широкая палитра «добрых дел» этих институтов гражданского общества: организация досуга для социально незащищенных групп населения и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), образовательные практики для жителей региона различных возрастов, осуществление акций по утилизации отходов, проведение благотворительных кампаний, концертных программ, организация поисковой работы, активизация исследовательской работы, проведение социологических исследований и многое другое⁸⁴.

Общественные некоммерческие организации выступают значимым субъектом модернизационного потенциала, по сути, они являются собой важный «столп» гражданского общества. Поддержка данных организаций со стороны бизнес-структур, а также со стороны самих граждан могла бы значительно усилить эффективность реализации стратегий НКО, а также способствовать реальному воплощению их «миссий», связанных с решением социально значимых проблем, с повышением качества жизни регионального сообщества. Тем не менее, проводимые исследования с очевидностью демонстрируют явную недостаточность реального общественного активизма жителей макрорегиона, основанного на солидарном участии граждан в социальных практиках. Вместе с тем, его усиление могло бы стать важнейшей предпосылкой для повышения эффективности деятельности структур гражданского общества, для реального преобразования институтов, регулирующих жизнь общества в российских регионах и в стране в целом.

Следует признать, что в целом в ЦЧ демократические права и свободы утверждаются крайне медленно. Именно характер технологического уклада, по сути, традиционный стиль управления и невысокий потенциал самоорганизации регионального сообщества оказывают тормозящее воздействие на осуществление модернизации в данном макрорайоне.

⁸³ Овчинников В. Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://or31.ru/910/> (дата обращения – 15.06.2015 г.).

⁸⁴ Дремова Л.А., Когай Е.А. Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области. Курск: Общественная палата Курской области, 2015. 100 с.

Человеческое измерение модернизации. Обращение к категории человеческого измерения при анализе модусов региональной модернизации позволяет выявить влияние модернизационных процессов на жизнедеятельность населения региона, взаимосвязь между их компонентами, а также отношение населения к модернизации. Так, осуществление модернизации в экономической сфере неизменно приводит к изменению отраслевой структуры занятости населения, что не только открывает для людей новые возможности для их социального и личностного роста, но и становится фактором вынужденной смены места работы и профессии, заставляет адаптироваться к новым условиям жизни.

По данным регионального опроса, после 1998 г. изменения в трудовом положении затронули третью часть населения Курской области, имевшего оплачиваемую работу: 20,4% занятых на тот момент курян вынуждены были сменить и место работы (организацию), и специальность; 13,5% – место работы, сохранив специальность. Из них 22,0% сменили свой трудовой статус из-за сокращения производства и закрытия предприятий, 33,3% – из-за низкого заработка. Как уже отмечалось, большинство из этой категории трудоустроилось в сфере торговли, быта и услуг либо стали самозанятыми и занялись предпринимательской деятельностью.

В экономической сфере человеческое измерение модернизации выходит также на проблемы качества трудовых ресурсов и эффективности их использования. В этом отношении занятое население регионов ЦЧ имеет благоприятные характеристики: подавляющее большинство работников находится в трудоспособном возрасте, в 2014 г. средний возраст занятых составил 40,5–41,0 лет⁸⁵; большая часть из них (67,9–82,2%) имеет профессиональное образование, более четвертой части всех занятых (25,8–31,6%) – высшее профессиональное образование⁸⁶.

Примерно такими же характеристиками обладают и безработные. Однако состав без-

работных отличается большим присутствием молодых возрастов, так что их средний возраст составляет 35,6–39,0 лет (от 35,6 лет в Орловской области до 39,0 лет в Воронежской области)⁸⁷. Более половины безработных в регионах ЦЧ имеют профессиональное образование: в Воронежской области их доля составляет 55,1% от численности всего безработного населения, в Курской – 72,5%, в Тамбовской – 74,2%, в Орловской – 76,6%⁸⁸. Самый высокий процент безработных с высшим профессиональным образованием отмечается в Орловской и Белгородской областях (27,7% и 24,5% соответственно), наименьший – в Воронежской (14,4%). Несмотря на снижение уровня безработицы в целом, эти данные говорят о недостаточной эффективности использования трудовых ресурсов в регионах ЦЧ.

В социальной сфере человеческое измерение модернизации неразрывно связано с такой характеристикой населения, как состояние его здоровья, качество которого во многом зависит от уровня развития системы здравоохранения, обеспеченности медицинскими кадрами. В свою очередь, наряду с другими факторами, здоровье оказывает решающее воздействие на продолжительность жизни человека.

Для населения Центрального Черноземья характерен высокий уровень заболеваемости: в 2014 г. на 1000 человек населения приходится 527,3–932,3 заболеваний, установленных впервые в жизни⁸⁹. Нижняя граница этого интервала представлена показателем для Воронежской области, верхняя – Орловской. При этом с 2000 г. значения данного показателя выросли в трех регионах ЦЧ (Белгородской, Воронежской и Орловской областях). Однако эти масштабы могут объясняться двояко. С одной стороны, действительно наблюдается рост числа заболеваний и хронических больных, вызванный неправильным образом жизни, ухудшением экологической ситуации и др. С другой – увеличение показателей заболеваемости выступает и следствием повышения уровня медицинской диагностики и

⁸⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 142.

⁸⁶ Там же. С. 144.

⁸⁷ Там же. С. 154.

⁸⁸ Там же. С. 156.

⁸⁹ Там же. С. 399.

Таблица 3.18
Состояние здоровья населения
 (по самооценкам населения, в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	Курская область			ЦЧ
	2007	2009	2012	2010
Нормальное здоровье, пока не жалуюсь	29,3	33,8	34,1	41,6
Временами болею	33,2	39,2	34,4	16,7
Часто болею	17,6	12,9	10,0	16,7
Имею хроническое заболевание	12,2	7,8	14,6	14,6
Инвалид	7,3	5,3	6,1	10,4
Затрудняюсь ответить	0,2	0,8	0,7	–
Отказ от ответа	0,2	0,2	0,1	–

Источники: результаты опросов населения Курской области (2007 г., 2009 г., 2012 г.) и Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН (2010 г.)

первичной профилактики, когда заболевания выявляются на ранней стадии.

По самооценкам, большинство курян и жителей ЦЧ болеют лишь изредка (68,5% и 58,3% соответственно). В то же время четверть курских респондентов и треть опрошенных в ЦЧ имеют проблемы со здоровьем; практически каждый десятый является инвалидом 7 (см. табл. 3.18).

Названные аспекты наиболее значимы для населения, имеют характер *социальных проблем*, требующих своего решения. Как показывают результаты регионального опроса, в качестве ключевых мер по повышению качества жизни в регионе более половины курян называют *создание новых рабочих мест* (53,4%) и *совершенствование медицинского обслуживания* (50,4%). Треть курян считают, что в первую очередь необходимо укрепить порядок, искоренить криминал, коррупцию (33,7%); еще около третьей части опрошенных – что нужно строить доступное жилье (29,1%). По мнению значительной части курян, региону требуется строительство новых дорог (19,0%), оздоровление природы (18,8%), улучшение образования (17,5%), развитие малого и среднего бизнеса (16,3%).

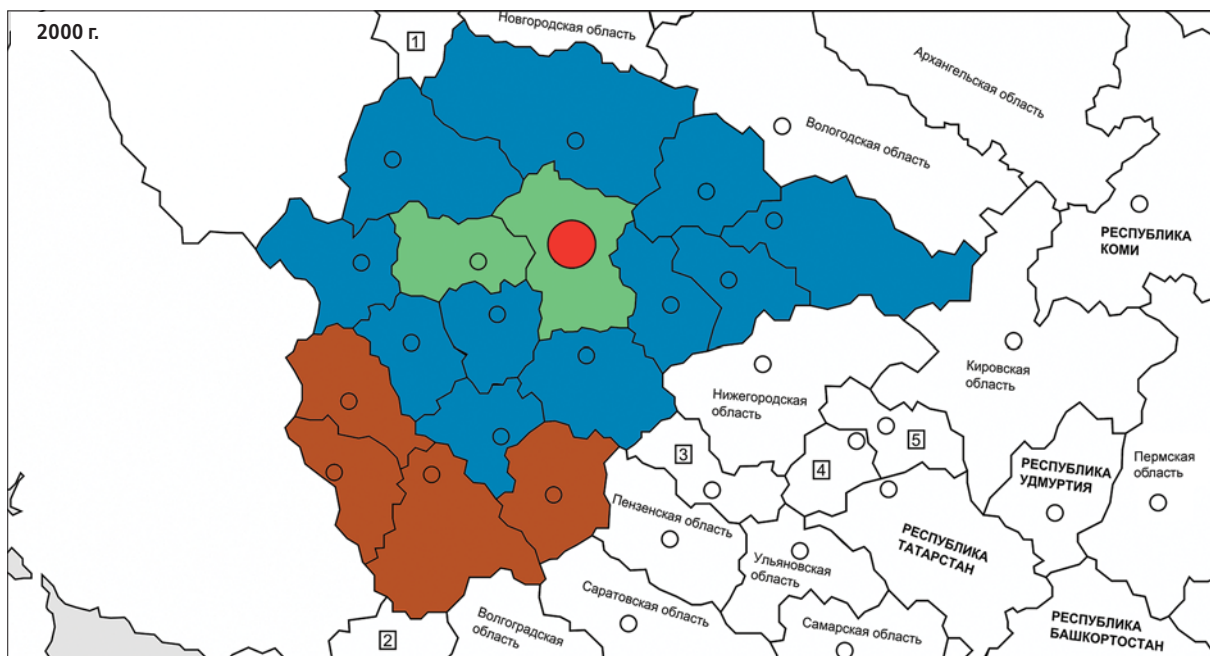
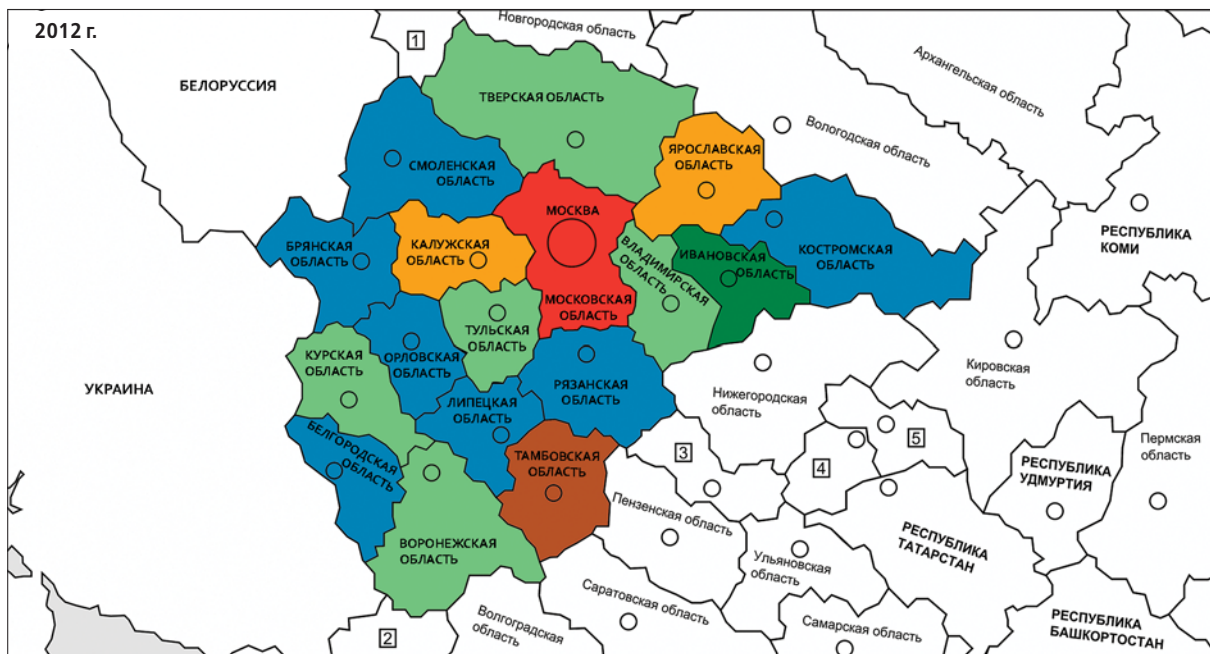
О первых этапах стратегии интегрированной модернизации регионов Центрального Черноземья

Посмотрим на динамику состояний модернизированности и ее сбалансированности в регионах ЦЧ с 2000 до 2012 гг. в контексте динамики других регионов ЦФО (рис. 3.3).

К 2012 г. во всех пограничных регионах Черноземья – Белгородской, Воронежской, Курской областях – повысилось состояние (тип) модернизированности (они поднялись из типа 1 в типы 2 и 3), а уровень сбалансированности составляющих модернизации также поднялся – с низкого до ниже или выше среднего. Это важный положительный сдвиг российских регионов, граничащих с регионами Украины. Вместе с тем, сохранились низкие состояния (типы 2 и даже 1) модернизированности областей, более отдаленных от границ России (Липецкая, Орловская и Тамбовская области); уровень сбалансированности модернизации повысился в них с низкого до ниже среднего – эта динамика соответствует соседней Рязанской области, но заметно уступает динамике соседних, с одной стороны, Воронежской и Курской, а с другой – Тульской и Калужской областей. Следовательно, в одних регионах ЦЧ процессы модернизации стагнируют в первичной стадии, а в других они осуществляются, но заторможено.

Для развития модернизации в тех и других регионах весьма подходит стратегия поэтапной интегрирующей модернизации. На *этапе 1* требуется сосредоточить внимание на четырех регионах, образующих своего рода «застойный кластер» начальных состояний первичной модернизации (ПМ), – на преодолении этого их состояния. На *этапе 2* необходимы усилия, направленные на вхождение Воронежской области, а за ней и Курской области, в четвертую фазу ПМ – переходную к вторичной модернизации, что и будет означать интегрированность процесса модернизации всего макрорегиона.

Этап 1 означает преимущественно рост индустриальной модернизации и одновременное ее развитие на основе высокой реиндустриализации. Инвестиции должны

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Псковская; 2 – Ростовская; 3 – Мордовия; 4 – Чувашия; 5 – Марий Эл.

Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда)

Рисунок 3.3. **Динамика модернизационных процессов ЦЧ в контексте других регионов ЦФО (2000–2012 гг.).**

быть направлены на укоренение четвертого и пятого технологических укладов; соответственно, продолжится сокращение доли аграрного сектора в экономике, повысится урбанизированность территорий. Способствовать реализации задач данного этапа могут: создание действительно конкурентной среды, утверждение высокотехнологичных отраслей экономики, укрепление и развитие межрегиональных и международных связей, повышение технико-технологического и кадрового потенциала. При этом следует сократить численность управленческого аппарата, блокировать коррупцию, повысить прозрачность управленческого процесса. Помимо того, требуется развитие политической культуры населения, включенность в программы развития граждански активного населения, углубление демократических основ общественной жизни, утверждение ценностей труда и других компонентов индустриальной цивилизации. Конкретизируем эти задачи, учитывая потребности и возможности регионов⁹⁰.

Регионы, в которых медленно, но повысились состояния их модернизированности

Воронежская область. В типологии комплексных состояний (типов) модернизированности регионов Центрального Черноземья данный регион устойчиво занимает самое высокое место. Это подтверждает рисунок 3.4, на котором представлены тренды вторичной модернизации (ось X – годы, ось Y – индексы ВМ).

В области фиксируются высокие темпы роста в сельском хозяйстве (на 2014 г. – 5-е место по России, за период с 2010 по 2014 гг. – рост продукции в 2,3 раза), обрабатывающих производствах (рост в 1,9 раза), оптовой и розничной торговле (рост соответственно в 1,8 и 2 раза)⁹¹. При этом на шкале модернизации регион характеризуется невысоким индексом качества экономики (2012 г. – 46,4, т.е. заметно ниже среднероссийского – 53,5). Трудности в развитии экономики региона

⁹⁰ При этом мы используем некоторые оценки «Социального атласа российских регионов НИСП».

⁹¹ Регионы России: Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 14.1; 13.1; 20.14; 20.1.

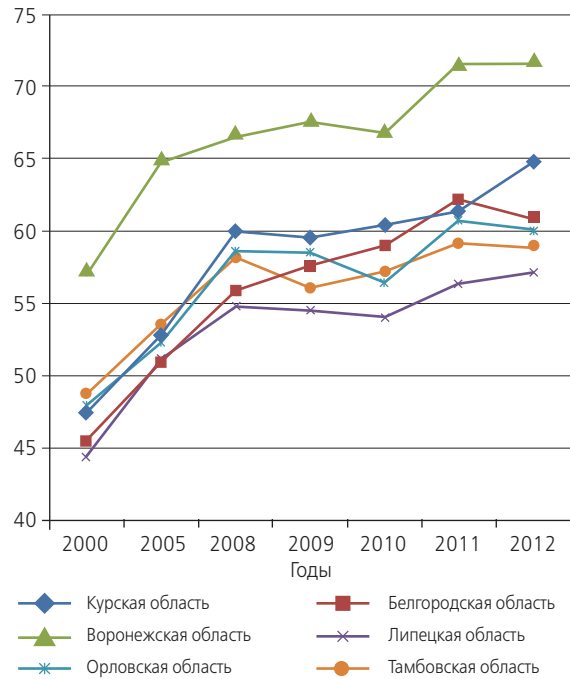

Рисунок 3.4. Тренды индексов вторичной модернизации ЦЧ, 2000–2012 гг.

объясняются отсутствием крупных капиталовложений, аграрной ориентацией, тяжелой социальной структурой населения. В регионе слабо развиты промышленное производство и инфраструктура, наблюдается снижение человеческого капитала, низкая бюджетная обеспеченность. И это – при наличии крупного города, развитых высшего образования и системы здравоохранения, других условий массового расселения возвратных мигрантов.

В условиях запроса на модернизацию на первое место вышли вопросы социального и промышленно-технологического характера, привлечения инвестиций. Идет формирование культурных сред, проявляющих заинтересованность в оздоровлении социальной атмосферы, утверждается спрос на перемены, на внедрение инноваций. В качестве слабых звеньев модернизационных процессов можно отметить инерционность, патерналистские настроения многих жителей региона, неразвитость предпринимательства, несбалансированность межсекторного взаимодействия, косность большей части управленческой

элиты⁹². Воронежская область испытывает затруднения в поддержке развития базовых составляющих человеческого капитала, что подтверждается отрицательной динамикой интегрированного социального индекса модернизации. Интегрированный экономический индекс модернизации также невелик. Для активизации инвестиционной политики важным становится использование социального потенциала региона.

Целесообразно содействовать становлению Воронежа как ведущего центра роста рыночных услуг. Важно также развивать сотрудничество с соседней Луганской областью Украины. Самый высокий в ЦЧ интегрированный индекс сбалансированности модернизации является ресурсом, позволяющим интенсифицировать вхождение Воронежской области в переходную фазу вторичной модернизации одновременно с переходом других регионов ЦЧ в фазу зрелости первичной модернизации, т.е. осуществлять координированную их модернизацию.

Белгородская область. Эту область многие рейтинговые агентства признают лидером по различным показателям. Ее экономику относят к наиболее диверсифицированным и сильным в ЦЧ, к числу самых устойчивых в России по темпам роста и развития. Именно в Белгородской области созданы лучшие в России по эффективности сельское хозяйство и АПК. Промышленность региона признана конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках. Относительно высокая для России норма накопления инвестиций в основной капитал (относительно ВРП) способствует устойчивому развитию экономики, обновлению основных фондов и непрерывной модернизации ведущих предприятий области. Развиваются и импортозамещающие отрасли. Относительно высокая норма инвестиций в основной капитал способствует устойчивому развитию экономики и обновлению основных фондов. Денежные доходы

белгородцев являются самыми высокими в Центральном Черноземье.

Данная область может стать лидером модернизационных процессов в этом макрорегионе, она в 2012 г. по большинству параметров вошла в фазу зрелости первичной модернизации. Индекс интегрированной модернизации в регионе является довольно скромным – 56,2. Индекс качества экономики на 2012 г. составил в области лишь 41,8, что свидетельствует о постепенных подвижках. Индекс качества жизни в регионе высок, максимально приближен к 100, однако является неустойчивым.

Отмечаемые тенденции свидетельствуют о том, что Белгородская область, наряду с Воронежской, может лидировать в модернизационных процессах. Вместе с тем, и здесь признается наличие системных препятствий: в состоянии финансовой сферы и инфраструктуры, низкой активности индивидуального жилищного строительства, адаптации профессионального образования к реальным потребностям региональной экономики. В регионе важно расширять сферу услуг и затраты на НИОКР, повышать их долю в ВРП. Следует также активизировать структуры, осуществляющие сотрудничество с соседними регионами. В ближайшей перспективе Белгородская область как преимущественно сельскохозяйственный регион России делает основную ставку на организацию импортозамещения, а также создание различных производств по выпуску продуктов питания для жителей страны.

Курская область. Регион демонстрирует в последние годы стабильность развития, отсутствие социально-политической напряженности и плавное повышение ведущих показателей социально-экономического развития. При этом характер модернизационных процессов в области определен как «постепенное развитие»⁹³. В 2010–2014 гг. зафиксирован существенный рост продукции сельского хозяйства (в 2,4 раза), черноземы составляют

⁹² Глухова А.В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 4. С. 72.

⁹³ Когай А.А., Когай Е.А., Пасовец Ю.М. Социокультурная динамика Курской области и вызовы модернизации // Социологические исследования, 2012, № 9. С. 41–47.

около 80% земельных угодий. Нельзя не отметить, что данный сектор увеличивает шансы на сохранение стабильности в регионе перед лицом экономического кризиса, ориентация на пищевую промышленность, на аграрный сектор дает региону дополнительный запас прочности. Растет оборот розничной и оптовой торговли (соответственно в 1,7 и 2 раза)⁹⁴. Спрос на продукты питания, особенно при курсе на импортозамещение, не уменьшится, а, напротив, увеличится.

Оставаясь преимущественно производителем сельскохозяйственного сырья, область должна наращивать его переработку на своей территории. Регион сохраняет лидирующие позиции в Российской Федерации по минимальной стоимости продуктов питания потребительской корзины, но показывает значительную дифференциацию доходов между индустриальными центрами и сельской периферией. Индекс качества жизни в регионе в 2012 г. составил 94,9; однако индекс качества экономики не велик – 39,2. Индекс инновации в знаниях остается «ахиллесовой пятой» региона, он составляет всего лишь 38,1 (отметим, что в 2010 году он был выше – 40,4). В регионе отмечено улучшение инвестиционного климата, реализуется «Инвестиционная стратегия Курской области до 2025 года».

Вместе с тем нерешенной остается задача повышения инновационной активности. Жители региона имеют довольно отчетливую картину тех изменений, которые происходят в последние годы в Курской области – газификация, обеспечение земель многодетных семей; решение жилищных вопросов; строительство спортивных объектов; развитие инвестиционных проектов в сельское хозяйство и многое другое. При этом в качестве актуальных проблем они называют создание новых рабочих мест, улучшение медицинского обслуживания, наведение порядка, борьбу с криминалом и коррупцией, строительство доступного жилья, оздоровление природы, развитие малого и среднего бизнеса.

В целом указанная выше группа регионов демонстрирует медленный подъем в рам-

ках первичной модернизации. Несомненным является запрос на социальную и промышленно-технологическую модернизацию, но его реализация встречает затруднения. Практика административного давления, неэффективная бюрократия, низкая инновационная активность, общая инерционность и бюджетная несбалансированность снижают шансы на повышение темпов осуществления модернизации.

Регионы, в которых наблюдается стагнация первичной модернизации

Липецкая область. Благодаря экспортной металлургии регион имеет высокий уровень экономического развития. В нем отмечается высокое качество организации бюджетного процесса. Инвестиционная политика принимает все более системный характер, менее зависимый от Новолипецкого металлургического комбината. Привлечение инвестиций в регион в последние годы связано с внедрением готовых инноваций, а также с вопросами экологии и развитием человеческого потенциала. Однако в области отмечены серьезные ограничения – демографический спад, сокращение численности трудовых ресурсов, высокая техногенная нагрузка на окружающую природную среду. Помимо этого, регион не располагает достаточными ресурсами для модернизации сельского хозяйства и промышленных предприятий, существуют финансовые ограничения для реализации предпринимательской деятельности и развития предпринимательской инициативы. Обращение к индексам модернизации региона показывает, что к 2012 г. в регионе крайне малым был индекс инноваций в знаниях (6,6 – минимальный в ЦЧ), весьма невысок индекс качества экономики (36,6), а также интегрированный индекс знаний (43,1). Область также показывает самый низкий индекс сбалансированности интегрированной модернизации по ЦЧ: в 2012 г. он составил 0,208, что почти в 6 раз ниже российского. Данная разбалансированность свидетельствует о том, что социокультурная эффективность модернизационных процессов здесь довольно мала, конкретный человек

⁹⁴ Регионы России: Социально-экономические показатели. 2015. М., 2015. Таб. 14.1; 20.1; 20.14.

практически не ощущает позитивных изменений.

Орловская область. Явными преимуществами региона являются благоприятное транспортно-географическое положение, плодородные земли, довольно значительная промышленность. Уязвимые места в ее развитии – низкий ВРП на душу населения, невысокая эффективность экономики и менеджмента организаций, низкая производительность труда. В регионе фиксируются также дефицит транспортной инфраструктуры, зависимость экономики от деятельности естественных монополий, технологическое отставание по ряду направлений, низкая инновационная и инвестиционная активность. Индекс инноваций в знаниях в 2012 г. в регионе составил лишь 16,2 (он снизился даже по сравнению с 2000 г., когда был равен 19,4), индекс качества экономики – 40,6, интегрированный экономический индекс модернизации – 48,5. Политическая нестабильность в регионе обрачивается сохранением области в группе регионов застоя. Чтобы повысить эффективность экономики и ВРП на душу населения, следует преодолеть дефицит транспортной инфраструктуры области, зависимость от естественных монополий, поднять качество менеджмента организаций, преодолеть технологическое отставание по ряду направлений, низкую инновационную и инвестиционную активность, политическую нестабильность. Все это позволит региону войти в фазу зрелости первичной модернизации.

Тамбовская область. В течение 2000–2012 гг. она оставалась в начальном состоянии (тип 1) модернизированности; в таком положении она оказалась уникальным регионом не только в Черноземье, но во всем ЦФО и даже единственной в России областью. Такое ее состояние следует связать, опираясь на экспертные оценки, прежде всего, с невысокой эффективностью управления (при этом на протяжении 1999–2015 гг. была характерна стабильность управленческой элиты региона). Многие проблемы, характерные для данного субъекта Российской Федерации, были отчетливо проявлены в «Стратегии развития Тамбовской области», принятой в декабре

2013 г.: неблагоприятная демографическая ситуация, связанная с устойчивой депопуляцией и старением населения, низкие доходы жителей региона (минимальные в ЦФО), низкое качество трудовых ресурсов, дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, отсутствие полноценно действующих кластеров промышленности, существенный (50%) износ основных фондов в промышленности, низкий уровень урбанизации и многие другие⁹⁵. В «Социальном атласе российских регионов» указаны также такие проблемы, как отсутствие динамики в развитии крупных городов, моноспециализация экономики области на АПК при деградации других отраслей, пониженный уровень благоустройства жилищного фонда и пр.⁹⁶ Отмечена также существенная доля теневого сектора. Средняя норма накопления инвестиций в основной капитал (относительно ВРП) является низкой (ниже 20%), она не обеспечивает простого обновления ее основных фондов экономики, не говоря уже об их модернизации⁹⁷.

В последние годы в области фиксируется повышение темпов роста инвестиций, довольно высокий ранг по инновационному потенциалу от «Эксперт-РА» (2014 и 2015 гг. – 15-й ранг среди регионов РФ)⁹⁸, а также опережающее развитие систем образования и науки. При этом область значительно отстает от других регионов по таким важным показателям, как ВРП на душу населения и уровень жизни населения. Индекс инноваций в знаниях в 2012 г. составил 13,1 (для сравнения: 2010 г. – 17,6), индекс качества экономики – 38,8, интегрированный экономический индекс модернизации – 46,8. Требуется оживление промышленного производства, диверсификация агропромышленного ком-

⁹⁵ Стратегия развития Тамбовской области на период до 2020 года. Утверждена Законом Тамбовской области от 04.12.2013, № 347-З. Тамбов, 2013. 337 с.

⁹⁶ См.: Социальный атлас российских регионов/ Портреты регионов. Тамбовская область [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/tambov.shtml>

⁹⁷ Корчагин Ю. Тамбовские экономика, элита, перспективы развития [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=26&page=3> (дата обращения: 24.06.2013).

⁹⁸ См.: www.raexpert.ru.

плекса, повышение инвестиций в данную сферу.

Для названной группы регионов существует риск длительной – на пятилетие и даже десятилетие – задержки на стадии первичной модернизации. Недостаток финансовых ресурсов, низкая эффективность развития экономического сектора, снижение численности трудовых ресурсов, низкий уровень жизни населения, непрозрачность управления и ряд других факторов препятствуют развитию модернизационных процессов. Преодоление стагнации требует, при поддержке федерального центра, значительной мобилизации финансовых ресурсов для роста экономики и уровня жизни населения.

В Центральном Черноземье именно агропромышленный комплекс занимает существенную позицию в социально-экономическом развитии, поэтому в новых экономических условиях данный макрорегион получает некоторые преимущества, связанные с реализацией курса на обеспечение импортозамещения в производстве продовольствия. Вызовы модернизации настоятельно требуют системной работы по повышению востребованности интеллектуального и культурного потенциала населения макрорайона.

Осуществление модернизационных процессов в регионах ЦЧ следует увязывать как с внутренним, так и с внешним контекстами регионального развития. Большинство проблем, стоящих перед каждым регионом, имеют системный характер, поэтому их конструктивное решение нельзя ограничить отдельно взятым субъектом Российской Федерации. Осуществление модернизационных преобразований в макрорегионе предполагает трансформацию социальных институтов, разработку адекватной законодательной практики, в том числе в перспективе, – развитие институтов и практики приграничного межрегионального сотрудничества как одного из ресурсов модернизации. А главное, – максимально активизировать человеческие ресурсы, чтобы обратить весомый социокультурный потенциал населения в действующий капитал модернизации.

К поэтапной модернизации, интегрирующей регионы Центрального федерального округа в целом

Качественные дистанции между состояниями модернизованности не только регионов, но и двух макрорайонов Центрального федерального округа с особой остротой выдвигают задачу разработки и осуществления стратегии *интегрированной модернизации*. Точнее, в данном случае становится очевидной необходимость стратегии интегрирующей модернизации как целостного процесса, нацеленного на уменьшение дистанции между модернизованностью российских регионов, на повышение конкурентоспособности всей России в глобализирующемся мире. Для решения этой задачи ЦФО обладает значительными конкурентными преимуществами и может рассматриваться как представительный объект для конструктивной апробации, результаты которой могут быть использованы в других федеральных округах России.

Одним из важнейших конкурентных преимуществ ЦФО является наличие развитых индустриального, аграрного, научно-образовательного и инфраструктурного секторов хозяйства. Усиление взаимодействия этих секторов между регионами, особенно между двумя макрорайонами округа способно дать значительный синергетический эффект.

Инновационно-модернизационными субъектами, своего рода модераторами этих взаимодействий могут стать университеты и другие вузы Центрального федерального округа, а также научные учреждения Москвы, наукограды Московской области. Прежде всего, они могли бы инициировать разработку многих проектов по созданию и распространению высокотехнологичных производств в регионах Центрального Черноземья. Это позволит достаточно быстро повысить востребованность интеллектуального, в целом культурного потенциала данного макрорайона, интенсифицировать процессы его модернизации.

Учитывая сложность задач разработки и осуществления стратегии интегрирующей модернизации и наличие нескольких уровней принятия решений, ограничимся характеристикой подготовительных ее этапов.

Этап 1. Желательно начать подготовку названной стратегии с определения научно обоснованной концепции и первоочередных ее этапов. Для подготовки проекта решения этой задачи необходим соответствующий заказ наиболее компетентным научным организациям. Лучшими кандидатами были бы подведомственные ФАНО институты РАН экономического и шире – социогуманитарного профиля.

Этап 2. Проведенный выше анализ состояния и трендов модернизации Центрального макрорайона позволяет заключить: Московская агломерация может и должна выступить инициативным локомотивом модернизации Центрального федерального округа в целом. Речь идет, прежде всего, о целевом формировании и вложении инвестиций за счет той административной ренты, которую эта агломерация получает благодаря московской и подмосковной «прописке» многих промыш-

ленных, аграрных, банковских организаций регионов ЦФО. Не менее важно активизировать совокупность запатентованных научно-технических достижений и разработок специалистов Москвы и подмосковных наукоградов в ответ на запросы деловых организаций регионов ЦФО и тем самым интенсифицировать процессы модернизации этих регионов. Как уже отмечено, миссию активных субъектов-модераторов этих процессов могли бы взять на себя университеты и другие вузы регионов, их кафедры, лаборатории, институты, вовлекая в эту работу научных сотрудников и преподавателей, аспирантов и студентов. Вопреки консервативной позиции министерства финансов, должна быть законодательно закреплена материальная мотивация авторов реализуемых достижений и разработок, равно как и участников их практического использования.

Этап 3. Широкое обсуждение предложений и первых полученных результатов научной общественностью и в СМИ. Принятие решений, обеспечивающих включение обоснованных предложений в систему стратегического планирования на всех его уровнях – муниципальном, региональном, окружном, федеральном.

Глава 4

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ*

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) представляет собой административное формирование на севере и северо-западе европейской части Российской Федерации. Округ отличается выгодное территориальное расположение, он имеет международные границы с Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Беларусью, а также выход в Балтийское, Белое, Баренцево и Карское моря. На юге СЗФО граничит с Приволжским и Центральным федеральными округами, на востоке – с Уральским федеральным округом (см. рис. 4.1).

Северо-Западный федеральный округ исторически представляет собой многонациональное сообщество, в котором продолжительное время процесс перемещения людей разных национальностей шел очень динамично и где сообщества живут коренные народы севера, финно-угры (саамы, ненцы, карелы, вепсы, коми, воть, ижорцы, финны-ингерманландцы и др.), русские и представители других национальностей. В этом едином этнокультурном пространстве исключение составляют ненцы, как выходцы из Западной Сибири, и довольно обособлены саамы. Остальные же народы имеют множество общих черт в культурном развитии. В силу исторических и социально-экономических обстоятельств Европейский

Север сформировался как единое историко-культурное пространство.

Русские – наиболее многочисленные из народов Европейского Севера. Их развитие представляет длительный исторический процесс, начавшийся в XII–XVII вв., итогом которого стало формирование современной этнической карты Европейского Севера. На главной его территории образовалась одна из составных частей русской народности – севернорусская группа, а на периферии параллельно шел процесс формирования ее соседей – народностей финно-угорского происхождения. Так как освоение и заселение Севера происходило по типу массовой народной колонизации, заложившей уже на начальных этапах мирные отношения с финно-угорским населением, здесь не случались межэтнические распри.

Начиная со времени Великого Новгорода, славяне сформировали свою государственность. Во время Северной войны по распоряжению Петра I была создана первая российская губерния – Ингерманландия (1708 год) с центром – Санкт-Петербургом. Считается, что изначально ее населением были воть и ижора¹. Помимо финских переселенцев, Ингерманландию заселяли выходцы из Швеции. Более двух столетий Северо-Запад был политическим и экономическим центром страны, приоритетным регионом в ее социально-экономическом районировании,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Социокультурные факторы несбалансированности модернизации как цивилизационного процесса в современной России и ее регионах» № 14-03-00421.

¹ *Нестеров А.В.* Ингерманландия – Вехи истории или зигзаги судьбы? Источник: <http://www.uusikotimaa.org/12/041.htm>

Цифрами на карте обозначены области: 1 – Ленинградская; 2 – Новгородская; 3 – Псковская; 4 – Калининградская; 5 – Брянская; 6 – Калужская; 7 – Московская; 8 – Ярославская; 9 – Владимирская; 10 – Ивановская.

Рисунок 4.1. Административная карта регионов Северо-Западного ФО

территориально-административном устройстве².

Исторически Северо-Запад России, включая Европейский Север, формировался как некая территориально-экономическая целостность. На Севере главными центрами были города Великий Устюг и Архангельск. На Северо-Западе – Старая Ладога и Новгород. В административном делении до 1917 г. на Северо-Западе были Петербургская, Олонецкая, Архангелогородская, Вологодская, Псковская и Новгородская губернии. В советские годы административно-территориальное устройство претерпевало неоднократные преобразования: создавались области, края, автономные республики (АССР). После образования областей, в 1927 г. Ленинградская область была в четыре раза больше ее нынешних размеров, включая территорию современ-

ных Мурманской, Псковской, Новгородской и часть Вологодской областей.

Образование национально-территориальных автономий в форме национальных округов началось с образования Ненецкого округа в 1929 г. Округ был образован по инициативе ненцев. Главную роль в процессе подготовки и принятия этого решения сыграл Комитет Севера, который настаивал на постепенном включении малочисленных народов Севера в модернизационные процессы. Образованные советы способствовали развитию самоуправления северных этносов и вовлечению их в политическую жизнь страны.

В 1963 г. был создан Северо-Западный экономический район СССР, который являлся одним из самых крупных по территории районов в Советском Союзе. В его состав входили: Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Карельская и Коми АССР. Площадь района составляла 1662,8 тыс. км² (7,4% территории СССР). В 1980 г. из его обширной территории был выделен Северный экономический район.

² Макарова В.А. Интеграционные процессы в Северо-Западном федеральном округе: проблемы, перспективы. Диссерт. канд. полит. наук. М., 2009.

В современных границах Северо-Западный федеральный округ, как и большинство других, был образован в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 849 от 13 мая 2000 г. Вновь были объединены Северный и Северо-Западный экономические районы. Наш небольшой экскурс в историю показывает, что Северо-Запад России всегда являлся административно-территориальной целостностью. На формирование современного очертания округа оказывали влияние политические, экономические и социальные факторы.

Сейчас территория Северо-Западного федерального округа занимает 1 678 тыс. км² (9,8% территории страны), и проживают в нем 13894 тыс. чел. (9,5% населения России, в 2015 г.). В состав входят одиннадцать субъектов: Санкт-Петербург, Ленинградская, Вологодская, Архангельская, Калининградская, Мурманская, Псковская и Новгородская области, Республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ (Приложение 1, табл. 1). На территории округа действуют свыше 200 муниципальных районов и городских округов и около 1,7 тыс. муниципальных образований поселенческого уровня. Регион является третьим историческим центром формирования восточнославянской культуры. Важнейшая функция приграничных субъектов СЗФО – обеспечение внешнеэкономических связей России, в первую очередь с Европейским Союзом.

Большая часть Северо-Западного федерального округа расположена на европейском севере России. Большая протяженность территории определяет разнообразие его природных условий. Рельеф от равнинного, слабохолмистого до горных массивов Хибинских и Ловозерских тундр, Северного, Приполярного и Полярного Урала. Представлены и различные природные зоны – смешанных лесов, тайги, лесотундры и тундры. В округе сконцентрировано около 50% лесных ресурсов и почти половина водных ресурсов европейской части России. Реки являются крупнейшими водными артериями страны – Северная Двина (притоки Вычегда, Сухона) и Печора, крупнейшие озера Европы

– Ладожское и Онежское. В СЗФО сосредоточено почти 72% запасов апатитов, около 77% – титана, 45% – бокситов, 19% – минеральных вод, около 18% – алмазов и никеля. Важное место в экономике округа занимает добыча нефти и угля. Доля округа в промышленном производстве России – более 11%, в производстве сельскохозяйственной продукции – 6,2%.

Центром СЗФО является город Санкт-Петербург. Он расположен на берегу Финского залива Балтийского моря и является важным экономическим и научным центром России, а также крупным транспортным узлом. Население Санкт-Петербурга в 2015 г. составило 5 191 тыс. жителей. Экономика города основывается на промышленности и туризме. Базовыми отраслями промышленности являются – тяжелая индустрия, транспортное машиностроение, судостроение и судоремонт, станко- и приборостроение, производство оптики, электроприборов и электронной техники, производство вооружений, черная и цветная металлургия, химическая, легкая, пищевая и полиграфическая промышленности.

В СЗФО проживает 13,7 млн человек (9,6% населения страны), преимущественно городские жители – 83,8%. По территории округа население распределено неравномерно, следует отметить малолюдность и очаговость расселения, особенно в регионах Европейского Севера. В последнее десятилетие в результате возросшей рождаемости, снижающейся смертности общая демографическая ситуация в округе стабилизировалась. По данным Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. доля русских в этнонациональном составе округа за 8 лет не изменилась и составляет 90,4% в общей численности указавших свою национальность. Особенности современных интеграционных процессов, их политические, правовые, экономические и социокультурные аспекты определяют

Европейский Север – самый большой экономический район европейской части России. Его площадь – 1466 тыс. км² (9% площади России). В его состав входят: Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская и Мурманская области, Ненецкий АО.

этническую специфику регионов, в том числе территорий исконного проживания коренных малочисленных народов Севера. Необходимо сформировать условия для развития этих народов в местах их исторического проживания, сберечь и укрепить социокультурную интеграцию их в обществе.

Особенности современных интеграционных процессов в Северо-Западном федеральном округе, их политические, правовые, экономические и этнокультурные аспекты обуславливают этносоциальную специфику регионов макрорегиона, в том числе с территориями исконного проживания коренных малочисленных народов Севера. Она включает в себя языковую и культурную ассимиляцию этих народов, проблемы экономического, социального, миграционного и демографического характера, проблему трудовой занятости. От экономики каждого региона требуется определение путей и создание условия для саморазвития этих народов на территориях их проживания с учетом сохранения и укрепления сложившейся социокультурной и этно-исторической интеграции их в современном социуме³.

Доля экономически активного населения в округе (71,1%) за межпереписной период была выше, чем в целом по России (68,3%) и в других федеральных округах, причем наблюдался рост этого показателя. Однако доля населения в трудоспособном возрасте в регионах СЗФО, относящихся к Европейскому Северу, снизилась, что во многом обусловлено миграционным оттоком из этих территорий (коэффициенты миграционной убыли в 2013 г.: Мурманская область – 129 на 10 тыс. человек населения, Республика Коми – 120, Архангельская область – 82).

Северо-Западный федеральный округ имеет существенные потенциальные преимущества, которые могут способствовать повышению его конкурентоспособности. Во-первых, это географическое положение, определяемое соседством со странами СНГ и Европейского союза и выходом к морским торговым путям. Во-вторых, большое значе-

---

Морская ледостойкая стационарная платформа **«Приразломная»** – единственная платформа, ведущая добычу нефти на российском арктическом шельфе. Она обеспечивает выполнение всех технологических операций – бурение, добычу, хранение нефти, подготовку и отгрузку готовой продукции.

ние имеет город федерального значения – Санкт-Петербург (в нем сосредоточено значительное число образовательных учреждений, объектов культурного наследия, промышленных предприятий, в 2013 г. в городе проживало 37% населения СЗФО). В-третьих, округ богат природными ресурсами – это прежде всего лес (Вологодская, Псковская, Архангельская области и Республика Карелия), цветные металлы и апатиты (Мурманская область), железо (Карелия), нефть и газ (Мурманская, Архангельская области и Республика Коми). Природно-ресурсная база способствует развитию топливной, металлургической, химической, лесной и рыбохозяйственной отраслей. Кроме того, показатели уровня оснащенности территории СЗФО объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские показатели.

Промышленность занимает важнейшее место в экономическом развитии СЗФО (41,5% ВРП округа в 2012 г.). По специализации хозяйства в округе четко выделяются две зоны. Первая, включающая в себя север и северо-восток СЗФО, специализируется преимущественно на добыче и первичных стадиях переработки природных ресурсов (производство фосфатного сырья, целлюлозы, бумаги, картона, ДВП, чугуна, стали, азотных и фосфатных удобрений; добыча железной руды, нефти, угля). Большое геополитическое значение имеет незамерзающий порт Мурманск. Во второй зоне специализации хозяйства – юго-западе округа – сосредоточено производство наукоемкой продукции, продукции химической и лесной промышленности, товаров народного потребления. Также значительную долю в ВРП Северо-Запада составляют торговля (15%), транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом (по 11%).

Регионы СЗФО отличаются крайней неравномерностью социально-экономиче-

³ Макарова В.А. Интеграционные процессы в Северо-Западном федеральном округе: проблемы, перспективы.

ского развития⁴. Так, ВРП на душу населения в Псковской области в 3 раза меньше, чем в Республике Коми, а в половине регионов округа (Республика Карелия, Вологодская, Калининградская, Новгородская и Псковская области) данный показатель меньше, чем в среднем по России. Сильно опережает в развитии остальные регионы округа город Санкт-Петербург, который является важным источником научно-технического прогресса и инновационного развития экономики всей России, производства высокотехнологичной продукции, средств современного транспорта (обеспечивает более 40% ВРП округа). Дифференциация экономического пространства макрорегиона также обуславливается отраслевыми структурными сдвигами при смене технологических укладов. Сформировавшаяся структура отраслей промышленности оказывает существенное влияние на развитие территорий, обуславливая региональные факторы технологической и социокультурной модернизации.

Использование социокультурного подхода в исследованиях территорий (стран, регионов) предполагает комплексное рассмотрение многих аспектов их развития. В то же время такой подход подразумевает максимальный учет паритетности культуры и социальности при формировании единого пространства⁵.

В современной науке существует значительное число индикаторов, комплексно отражающих происходящие процессы. Одним из общепризнанных показателей является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый в рамках подготовки ежегодных Докладов о человеческом развитии Программы развития ООН. ИРЧП является мерилем как уровня жизни, так и долголетия, здоровья, образованности и обладания населением знаниями⁶. Чем

ближе значение ИРЧП к единице, тем выше оценивается человеческий потенциал населения территории, а также возможности его реализации.

В тройку лидеров среди российских регионов по уровню ИРЧП ежегодно входят Москва (0,937 в 2011 г.), Санкт-Петербург (0,901) и Тюменская область (0,890), стоящие особняком от других субъектов Российской Федерации. Мировой финансовый кризис значительно замедлил темпы роста ИРЧП в стране. Так, в 2009 г. он увеличился лишь с 0,825 до 0,826. В Вологодской области за этот же период произошло существенное снижение уровня ИРЧП (с 0,814 до 0,802, табл. 4.1). Поскольку при некотором повышении ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) заметно снизился уровень душевого ВРП по паритету покупательной способности (на 23% в сравнении с предыдущим годом).

Анализ изменений ИРЧП в регионах СЗФО за 6 лет показал, что наибольшее снижение рейтинговых позиций характерно для Вологодской области. Ее место среди регионов России опустилось на 23 позиции (с 11-го места в 2005 г. до 34-го в 2011 г.). Мурманская область опустилась на 9 позиций, Республика Карелия и Псковская область – на 4. Остальные территории округа поднялись в российском рейтинге.

В большинстве регионов округа отмечается заметная разбалансировка основных компонентов Индекса развития человеческого потенциала. Основной дисбаланс заключается в том, что рост среднедушевого регионального дохода не в полной мере трансформируется в достижения в области образования и особенно здоровья населения. В то же время по оценкам экспертов⁷ для минимизации потерь человеческого потенциала политика регионального развития должна быть направлена на улучшение доступа различных слоев населения к образованию и здоровой жизни.

⁴ П'ин, В.А. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) / Studies on Russian Economic Development, 2010. Vol. 21, No. 1, pp. 56–63.

⁵ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.. М.: Издательство политической литературы, 1992. С. 219.

⁶ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека: пер. с англ. /

ПРООН. М.: Весь Мир, 2010. С. 25–26.

⁷ Горева Е.А. Индекс человеческого развития в России и других странах мира. Обзор по материалам доклада ПРООН // Перспективы. Электронный журнал. 15.09.2012. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/indeks_chelovecheskogo_razvitija_v_rossii_i_drugih_stranah_mira_obzor_po_materialam_doklada_proon_2012-09-15.htm

Таблица 4.1

Динамика индекса развития человеческого потенциала регионов СЗФО в 1979–2011 гг.

Регион	ИРЧП						Место в РФ					
	1979 г.	1989 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2011 г.	1979 г.	1989 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2011 г.
Санкт Петербург	0,759	0,796	0,779	0,833	0,904	0,901	2	4	5	3	2	2
Республика Коми	0,737	0,787	0,773	0,783	0,832	0,864	15	9	8	15	11	7
Архангельская область	0,73	0,768	0,739	0,774	0,828	0,848	27	36	40	24	14	14
Калининградская область	0,717	0,762	0,727	0,738	0,812	0,835	54	50	58	62	33	30
Мурманская область	0,746	0,785	0,765	0,776	0,809	0,834	6	10	12	23	42	32
Вологодская область	0,731	0,773	0,775	0,792	0,810	0,833	23	29	7	11	38	34
Республика Карелия	0,74	0,777	0,738	0,762	0,799	0,825	9	22	41	38	56	42
Ленинградская область	0,704	0,766	0,72	0,748	0,805	0,823	66	39	66	53	49	46
Новгородская область	0,694	0,749	0,73	0,753	0,798	0,821	70	64	49	47	57	51
Псковская область	0,693	0,75	0,71	0,72	0,772	0,797	71	62	73	73	75	69
Справочное РФ	–	–	0,763	0,792	0,840	0,854						

Примечание: Ранжировано по данным 2011 г.

Источник: Доклады о развитии человеческого потенциала в РФ (за 2001–2015 гг.).

Материальное благосостояние населения, потребление благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей населения представляется особенно важным в период социально-экономических изменений. Показательным является такой важнейший индикатор благосостояния населения, как отношение среднедушевого дохода к величине прожиточного минимума, который в 2014 г. на всей территории СЗФО, за исключением г. Санкт-Петербурга, был ниже среднероссийского (табл. 4.2). Однако в разрезе территорий наблюдается существенная дифференциация: в 2014 г. среднедушевой денежный доход в г. Санкт-Петербурге обеспечивал 5,2 прожиточных минимума, в то время как в Псковской области – 2,6. За 2005–2014 гг. уровень жизни населения СЗФО повысился в среднем на 24%. Наиболее высокие темпы роста уровня жизни отмечались в Новгородской, Ленинградской и Мурманской областях (68, 45 и 35% соответственно).

Анализ самооценки материального положения по данным социологических опросов дополняет статистические данные. Большинство населения СЗФО отмечает, что им «денег

достаточно для покупки большинства товаров» (50–60%). За период 2005–2013 гг. в большинстве регионов снизился удельный вес «обеспеченного» населения, за исключением республики Коми и Архангельской области, где сохраняется один из самых высоких уровней среднедушевых доходов населения в округе. За рассматриваемый период в СЗФО возросла доля самых нижних слоев, но вместе с тем и увеличилась доля богатых (табл. 4.3).

Рассмотрим социальный портрет различных групп населения СЗФО в зависимости от самооценки материального положения. По результатам исследования в 2013 г. 22% жителей СЗФО отнесли себя к «зажиточным» и «богатым», больше трети населения являются «обеспеченными», 18% – «необеспеченным». Доля населения, приравнивающего себя к «бедным» и «нищим», составила 22%. Среди категории «бедных и нищих» (тем, кому денег не хватает или на повседневные затраты уходит вся зарплата), а также «необеспеченных» (кому на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна) преобладают женщины среднего и пенсионного возраста, проживающие в городе, имеющие средний доход около 10–12 тыс. рублей.

Таблица 4.2

**Соотношение среднедушевого дохода населения и стоимости прожиточного минимума
в субъектах СЗФО в 2005–2014 гг.**

Регион	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2014 к 2005 г., %
Псковская область	2,4	2,6	2,5	2,5	2,5	2,5	2,6	108,3
Республика Карелия	2,1	2,2	2,2	2,3	2,4	2,6	2,8	133,3
Вологодская область	2,6	3,0	2,6	2,3	2,4	2,7	3,2	123,1
Архангельская область	2,4	2,6	2,6	2,7	2,6	2,9	2,8	116,7
Ленинградская область	2,0	3,7	2,7	2,6	2,8	2,9	3,5	175,0
Калининградская область	2,5	3,4	2,6	2,7	2,8	3,1	3,5	140,0
Мурманская область	2,3	3,0	2,8	2,8	2,9	3,1	3,6	156,5
Новгородская область	1,9	2,4	2,5	2,6	2,8	3,2	3,6	189,5
Республика Коми	3,2	3,6	3,1	2,9	3,1	3,2	3,3	103,1
г. Санкт-Петербург	3,8	5,4	3,8	4,1	4,4	4,2	5,2	136,8
РФ (справочно)	2,9	3,3	3,2	3,3	3,3	3,5	4,0	137,9

Источники: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 4.3

**Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?
(в % от числа опрошенных)**

Регионы	«Денег достаточно для покупки большинства товаров»					«Денег хватает в лучшем случае на еду»				
	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.
Республика Коми	55,7	70,2	53,1	63,6	63,2	44,3	29,8	47,0	36,5	36,7
Вологодская область	58,5	65,5	59,2	64,2	53,5	41,5	34,5	40,8	35,9	40,3
Мурманская область	60,8	72,0	64,5	64,8	55,9	39,3	28,0	35,6	35,3	42,4
Калининградская область	50,1	72,1	40,3	66,4	49,7	50,0	27,9	59,8	33,6	50,3
Псковская область	–	64,4	48,3	69,1	47,1	–	35,6	51,6	30,9	43,1
Республика Карелия	64,8	73,1	64,0	71,8	60,8	35,2	26,9	36,0	28,2	38,4
Ленинградская область	61,6	70,1	72,0	73,5	63,8	38,3	29,9	28,0	26,4	30,9
Новгородская область	–	61,0	50,7	73,8	53,6	–	39,0	49,3	26,3	46,3
г. Санкт-Петербург	69,5	79,0	59,4	79,9	64,6	30,4	21,0	40,5	20,1	31,7
Архангельская область	58,2	66,4	71,7	63,5	61,3	41,8	33,6	28,2	18,3	35,8
Среднее по СЗФО	60,2	69,4	58,3	70,9	57,4	40,1	30,6	41,7	29,2	39,6

Источник: Мониторинг общественного мнения о политической и экономической ситуации в регионах Северо-Западного федерального округа, 2005–2013 гг. Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах СЗФО (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

Группа «обеспеченных» (средств в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг) представлена жителями СЗФО в возрасте 30–60 лет, работающими в промышленности, связи, торговле,

имеющими высшее образование и доход в пределах 16 тысяч рублей.

Слой «зажиточных и богатых» (которые практически ни в чем себе не отказывают или которым на все хватает, но затруднено приоб-

ретение квартиры, дачи) преимущественно состоит из мужчин 30–60 лет, которые работают в промышленности или являются госслужащими, имеют высшее образование и доход порядка 25 тыс. рублей.

Если основные социальные характеристики в разрезе территорий СЗФО в отношении материальной самоидентификации слабо дифференцированы, то уровень фактического среднемесячного дохода в одной и той же группе в различных субъектах существенно отличается (табл. 4.4).

Так, уровень благосостояния категории «бедных и нищих» г. Санкт-Петербурга в среднем равен 21 тыс. руб., что практически соответствует доходу «зажиточных и богатых» в Вологодской области и выше, чем доход «зажиточных и богатых» Калининградской, Новгородской, Псковской областей – 15–17 тыс. руб. Разброс по данному показателю

в группе «бедных и нищих» составляет 2,7 раза, в группе «необеспеченных» – 2,1 раза, в категории «обеспеченных» – 2,2 раза, среди «зажиточных и богатых» – 2,4 раза.

Развитие человеческого потенциала заявлено в числе государственных приоритетов. В. Путин в ежегодном Послании Федеральному собранию 12 декабря 2014 г. обозначил понимание важности развития человеческого потенциала в повышении конкурентоспособности страны, и отметил «...По объемам ВВП Россия – это, конечно, хорошо – вошла в пятерку крупнейших экономик мира. Однако по такому ключевому показателю, как производительность труда, мы отстаем от ведущих стран в два-три раза. Необходимо форсированно преодолеть этот разрыв. Для этого в полную силу задействовать новые факторы развития. Это высокое качество профессионального образования и гибкий рынок

Таблица 4.4

Уровень среднемесячного фактического дохода (рублей) и доля респондентов (%) в группах населения с различным материальным положением

Среднемесячный фактический доход на одного члена семьи	Бедные, нищие	Необеспеченные	Обеспеченные	Зажиточные, богатые
Республика Коми	10224 (16,1)	11617 (20,7)	14442 (39,0)	19322 (24,2)
Вологодская область	9596 (22,2)	10656 (19,6)	13560 (41,0)	22842 (17,2)
Мурманская область	13731 (24,4)	18707 (18,7)	25573 (32,4)	33811 (24,4)
Калининградская область	8004 (26,8)	10586 (23,5)	14099 (33,5)	17894 (16,3)
Псковская область	8173 (31,4)	9098 (16,4)	11919 (28,6)	15004 (23,6)
Республика Карелия	11613 (22,3)	14038 (16,5)	18009 (43,8)	26022 (17,5)
Ленинградская область	11445 (19,2)	15064 (13,4)	19110 (39,5)	31084 (27,9)
Новгородская область	8918 (23,3)	10519 (23,1)	13937 (37,3)	17539 (16,3)
г. Санкт-Петербург	21262 (22,0)	16848 (10,9)	23946 (38,9)	35743 (28,2)
Архангельская область	11334 (20,4)	15627 (16,5)	17191 (34,8)	24481 (28,4)
Среднее по СЗФО	10779 (22,7)	12301 (18,3)	16299 (37,7)	24577 (21,4)

Источник: Социальная мобильность в регионах СЗФО, 2013 гг.

труда, благоприятный инвестиционный климат и современные технологии»⁸. Учитывая то, что существующая экономическая модель исчерпала свой ресурс (замедление экономического роста приводит к снижению доходной и расходной статей бюджета), решение этой проблемы ставит перед правительством сложную задачу. Степень реального ее решения можно рассматривать как один из критериев эффективности государственного управления.

В Стратегии социально-экономического развития СЗФО до 2020 г.⁹ отмечено, что главной функцией округа является обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским союзом и другими странами. Это определило развитие транспортной инфраструктуры и трансграничного сотрудничества, ориентацию значительной части бизнеса на обслуживание внешнеэкономических связей. Возросла роль Северо-Западного федерального округа и как крупной перспективной природно-ресурсной базы развития страны. Увеличилось его значение в освоении арктических территорий, возрос положительный имидж и привлекательность для населения и бизнеса из других субъектов РФ, ближнего и дальнего зарубежья.

Важным преимуществом регионов округа является культурно-исторический потенциал, который способствует повышению привлекательности территории для населения, туристов и инвесторов. Поэтому особую важность имеет задача сохранения памятников архитектуры, исторических центров и природных рекреаций от нерегулируемого строительства, а также развития имеющегося культурного и туристического потенциала (приложение 1, рис. 4).

Практически для всех субъектов СЗФО характерны проблемы социально-экономического развития муниципальных образований в сельской местности. Наиболее серьезные связаны с миграционным оттоком населения из периферии в крупные города, сокращением

объектов отраслей лесного комплекса и сельского хозяйства, социальной инфраструктуры. Так, за 15 лет почти в двух тысячах населенных пунктов закрылись образовательные учреждения, более чем в 500 были упразднены учреждения медицинского обслуживания.

Современные геополитические и социально-экономические тенденции актуализируют важность и неотложность осуществления модернизации в регионах России, которую можно рассматривать как постоянный процесс, где за стихийными волнами идут другие: расширяющие, сужающие и преобразующие и тем самым сближающие освоение и развитие территорий¹⁰.

Динамика модернизации регионов СЗФО (2000–2012)

Более подробно обратимся к исследованию состояний и особенностей процессов модернизации Северо-Западного федерального округа, протекавших в период 2000–2012 гг. Для каждой стадии модернизации создана модель количественной оценки, включающая определенный набор индикаторов и их стандартных значений¹¹. Результатами оценки служат итоговые индексы, значения каждой стадии и типа модернизации. Расчет индексов был проведен авторами в специализированной информационно-аналитической системе «Модернизация», разработанной в ИСЭРТ РАН (<http://mod.vsc.ac.ru/>) в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

В целом состояние модернизированной Северо-Западного федерального округа еще в 2000 г. достигло 5 типа (в первом из 8 федеральных округов РФ) – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию и подготавливающие ее «развитие». Дальнейшие векторы повышающего

⁸ Путин В. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2013.

⁹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года: от 18 ноября 2011 г. № 2074-р

¹⁰ Латин Н.И. Состояние и проблемы социоэкономической и социокультурной модернизации Российской Федерации // Социс. 2014.

¹¹ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011.

Таблица 4.5

Распределение регионов по типам модернизированности в РФ и СЗФО*

Состояние (тип) модернизированности	Число регионов РФ (регионов СЗФО), численность населения, тыс. чел.						
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Тип 6 – развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию	1(0) 4600	2(0) 4713	1(0) 5425	2(1) 4600	3(1) 4899	4(1) 4953	4(1) 5028
Тип 5 – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию	3(3) 6367	3(1) 4713	8(2) 5425	6(0)	4(0)	7(1) 890	10(1) 1202
Тип 4 – регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию	9(2) 2412	9(3) 1844	12(3) 2263	9(3) 2247	11(3) 2166	12(3) 1255	10(2) 1560
Тип 3 – регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации	7(0)	12(0)	20(3) 3256	25(4) 4088	23(4) 4098	28(4) 4739	25(5) 4774
Тип 2 – регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию	45(5) 4679	40(7) 7201	29(3) 2560	32(3) 2544	33(3) 2505	24(2) 1865	28(2) 1196
Тип 1 – регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию	18(1) 782	17(0)	13(0)	9(0)	9(0)	8(0)	6(0)

* Типы см. подробнее: *Лапин Н.И.* Состояние и проблемы социальноэкономической и социокультурной модернизации Российской Федерации // Социс. 2014.

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vssc.ac.ru/>

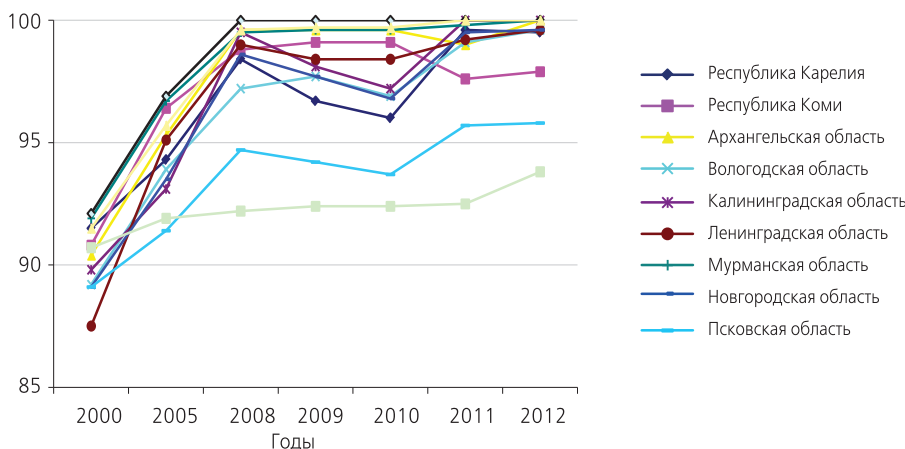
развития должны быть направлены в сторону улучшения экономической и когнитивной составляющих. Движение регионов СЗФО по модернизационному пути в целом согласовывалось с региональными страновыми тенденциями инерционности перехода из первого (1 и 2 типы) во второй (3 и 4 типы) этап реализации стратегии модернизации в 2000–2008 гг., а также торможением этого перехода с 2008 г. под воздействием кризиса (табл. 4.5).

В анализируемом периоде выделяются два субпериода, разделенные мировым финансовым кризисом. В первом из них (2000–2008 гг.) в регионах СЗФО, отмечался повышающийся тренд модернизационных процессов, который был остановлен в конце 2008 г. кризисными проявлениями. Индекс первичной модернизации СЗФО за этот период увеличился на 8 п.п. (с 91,5 до 99,6%, рис. 4.2), что позволило округу переместиться с 3-го на 2-е место в рейтинге макрорегионов РФ (незначительно отстав от Центрального ФО). Существенное замедление модернизационных процессов в отдельных субъектах федерального округа в последующие четыре года (2008–2012 гг.) – второй субпериод, не позволило достигнуть полной (100%) реализации первичной модернизации. Напротив, обозначился некоторый спад показателей относительно достигнутых ранее

позиций. Индексы первичной модернизации уменьшились в 6 из 11 регионов округа. Наиболее значимое снижение (более 2 п.п.) произошло в Республике Коми и Калининградской области, незначительное (1–2 п.п.) – в Новгородской и Псковской областях, незначительное менее 1 п.п. – в Ленинградской и Вологодской областях.

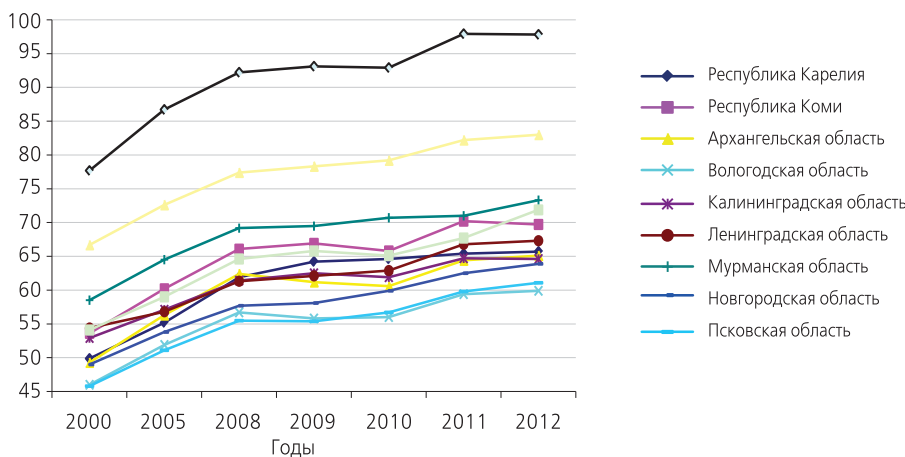
Вместе с первичной модернизацией осуществлялось движение регионов по пути вторичной модернизации (рис. 4.3). В докризисный период в СЗФО ее уровень увеличился более чем на 10 п.п. (с 66,7% в 2000 г. до 77,4% в 2008 г.), усилив разрыв от общероссийского тренда с 5,1 п.п. до 7,6 п.п. соответственно. Однако под влиянием кризисных явлений 2009–2012 гг. разница между трендами уменьшилась до 5 п.п. на фоне незначительного роста индекса вторичной модернизации округа до 79%. Тем не менее, по уровню вторичной модернизации СЗФО за весь анализируемый период устойчиво занимал второе место среди макрорегионов РФ после Центрального федерального округа¹².

¹² Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5. С. 39–52.

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vscac.ru/>

Рисунок 4.2. Динамика индекса первичной модернизации регионов СЗФО

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vscac.ru/>

Рисунок 4.3. Динамика индекса вторичной модернизации регионов СЗФО

Анализ тенденций вторичной модернизации в СЗФО позволяет говорить о сложившейся устойчивой разновекторности протекающих процессов. Выделяется группа территорий с нисходящими трендами модернизации (Мурманская область и Республика Карелия). Вследствие кризисных процессов развитие модернизации в этих территориях имело возвратный ход, и если в 2000 г. они относились к 5 типу – информационной модернизации, то в 2008–2012 гг. – соответствовали только 3 типу – зрелой индустриализации (табл. 4.6).

Большинство регионов СЗФО имеют восходящие тренды модернизации, однако и среди них выделяются два кластера: группа территорий с высоким уровнем модернизации, имеющих восходящие тренды развития (Архангельская область и входящий в нее Ненецкий автономный округ, Республика Коми и г. Санкт-Петербург). Обращает на себя внимание то, что в посткризисные годы регионы замедлили развитие, лишь г. Санкт-Петербург продвинулся на пути модернизации и достиг высокого типа 6. Северная столица вносит существенный вклад в повы-

Таблица 4.6

Разновекторность процессов модернизации регионов СЗФО

Регион	Тип модернизации		
	2000 г.	2008 г.	2012 г.
<i>Развивающиеся</i>			
г. Санкт-Петербург	5	5	↗ 6
СЗФО	5	5	5
Республика Коми	4	4	↗ 5
Архангельская область	4	4	4
<i>Ускоренное развитие</i>			
Ненецкий автономный округ	2 ↗	4	4
<i>Регрессивные</i>			
Мурманская область	5	5	↘ 3
Республика Карелия	5	↘ 3	3
<i>Условно депрессионные</i>			
Калининградская область	2 ↗	3	3
Ленинградская область	2 ↗	3	3
Псковская область	1	2	↗ 3
Новгородская область	2	2	2
Вологодская область	2	2	2

Источник: Таблица подготовлена с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г. <http://mod.vssc.ac.ru/>), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

шение уровня модернизации всего федерального округа, обеспечивая дополнительные 30 п.п. в индексе вторичной модернизации (индекс ВМ СЗФО без г. Санкт-Петербурга в 2012 г. составил бы 64,5%). Следовательно, в Северо-Западном федеральном округе мы также видим столичную асимметрию (аналогично Московской агломерации в ЦФО). Радикальное отличие в том, что Москва подтянула к себе область, которая даже опередила город по типу модернизованности, а Ленинградская область задержалась на стадии ПМ, из-за низкого уровня ВРП на душу населения при заметном экономическом росте.

Значительная группа территорий (Ленинградская, Калининградская, Мурманская области и Республика Карелия), образующих условно депрессивную группу. К 2012 г. они относились к 3 типу, при этом если в первых двух областях в докризисный период отмечен

незначительный рост, а далее (в 2009–2012 гг.) застой, то в двух других территориях – резкий спад показателей. Особо отметим, что параметры модернизации Псковской области увеличились до уровня характеристик регионов 3 типа (тогда как в 2000 г. это был наиболее депрессивный регион СЗФО).

В Вологодской и Новгородской областях на протяжении всего рассматриваемого периода отмечена стагнация на низком 2 типе продолжающейся индустриальной модернизации.

Обобщая оценку уровней модернизации регионов Северо-Западного федерального округа, отметим, что в 2000 г. преобладала группа территорий (55%) с низким уровнем модернизации (1 и 2 типы, рис. 4.4), а к 2012 г. основную массу (64%) составляли регионы среднего уровня модернизации (в 2000 г. таких было 18%). В то же время за эти годы

уменьшилась доля территорий с высоким уровнем модернизации (5 и 6 типы) с 27% до 18%.

Таким образом, основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, асимметричное и не синхронизированное развитие территорий, которое стало следствием монопрофильной структуры экономики ряда регионов (топливно-сырьевая, металлургическая); сложившихся ранее диспропорций в экономическом и социальном развитии. Одним из главных факторов невысоких темпов развития модернизационных преобразований является неэффективность государственного и муниципального управления. Немаловажное значение оказал и финансово-экономический кризис, в результате которого сменились тенденции развития в ряде территорий, произошло снижение основных экономических показателей, и не все регионы смогли полностью восстановиться после кризисных потрясений.

Особое внимание уделим анализу процессов вторичной модернизации, которая является наукоемкой, включает в себя экологизацию и глобализацию и связана с информационной эрой (эрой знаний). В зависимости от величины индекса вторичной модернизации (ВМ) регионы СЗФО можно разделить на три группы: уровень индекса ВМ низкий (от 31 до 51), средний (от 52 до 80), высокий (от 81

до 120, табл. 4.7). Наиболее высокий уровень модернизации достигнут в городе Санкт-Петербурге, а также в некоторых северных регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью (Мурманская область, Ненецкий АО, Республика Коми), которые включают крупные города или соседствуют с ними. Самым низким уровнем модернизации характеризуются Вологодская, Псковская и Новгородская области.

В рассматриваемый период наблюдалась позитивная динамика индекса вторичной модернизации: если в 2000 г. на низком уровне находились 4 региона, то в 2005 г. таких регионов осталось только 2, а в 2012 г. – ни одного. Все больше территорий (10 из 11 в 2012 г.) соответствуют среднему уровню вторичной модернизации. Санкт-Петербург, а с ним и СЗФО в целом достигли высокого уровня.

Однако следует отметить неравномерность модернизации в округе, существует асинхронность развития даже соседних по географическому положению территорий. Ярким примером служит Санкт-Петербург, который по индексу ВМ опережает Ленинградскую область на 31 п.п.

Из четырех групп показателей индекса ВМ достаточно высокий уровень имеют субиндексы качества жизни и трансляции знаний. Их значения в 2012 г. составили 102% и 98% соответственно. Существенно ниже уровень

Таблица 4.7

Динамика субъектов РФ по уровню индекса вторичной модернизации, 2000–2012 гг.

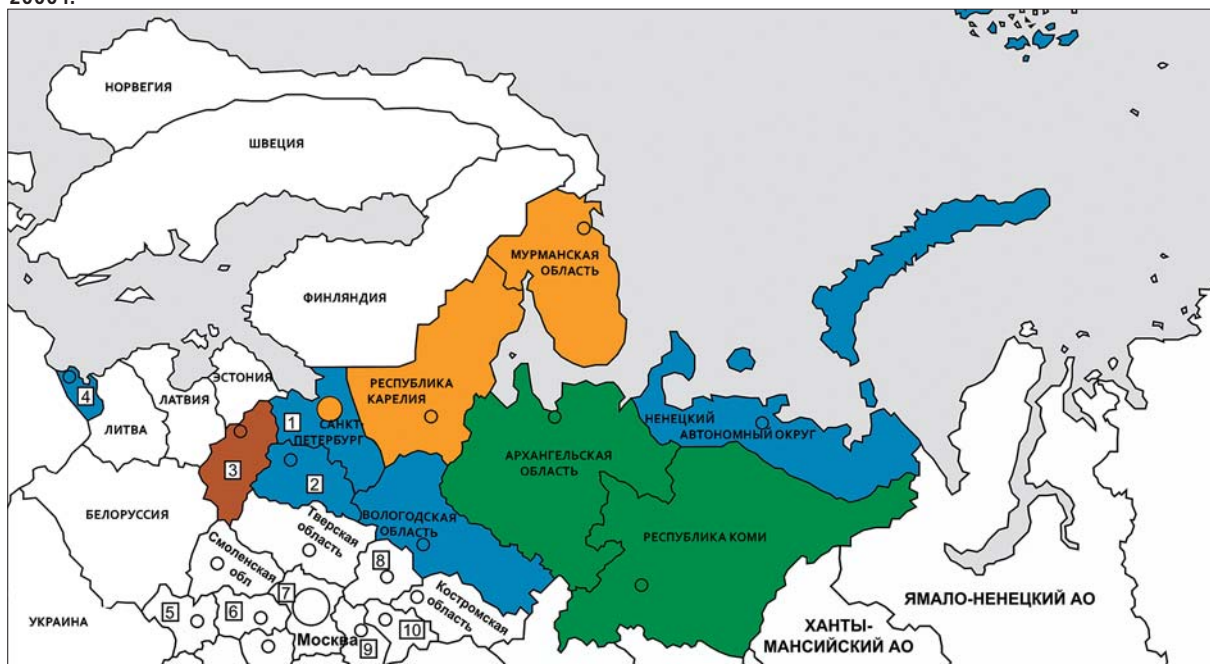
Уровень (индекс ВМ)	2000 г.	2005 г.	2012 г.
Низкий (31–51)	Псковская, Вологодская, Новгородская, Архангельская области, Республика Карелия	Псковская, Вологодская области	
Средний (52–80)	Калининградская область, Республика Коми, Ненецкий АО, Ленинградская, Мурманская области, СЗФО , г. Санкт-Петербург	Новгородская область, Республика Карелия, Архангельская, Ленинградская, Калининградская области, Ненецкий АО, Республика Коми, Мурманская область, СЗФО	Вологодская, Псковская, Новгородская, Калининградская, Архангельская области, Республика Карелия, Ленинградская область, Республика Коми, Ненецкий АО, Мурманская область
Высокий (81–120)		г. Санкт-Петербург	СЗФО , г. Санкт-Петербург

Источник: Таблицы подготовлены с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г. <http://mod.vssc.ac.ru/>), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

2005 г.

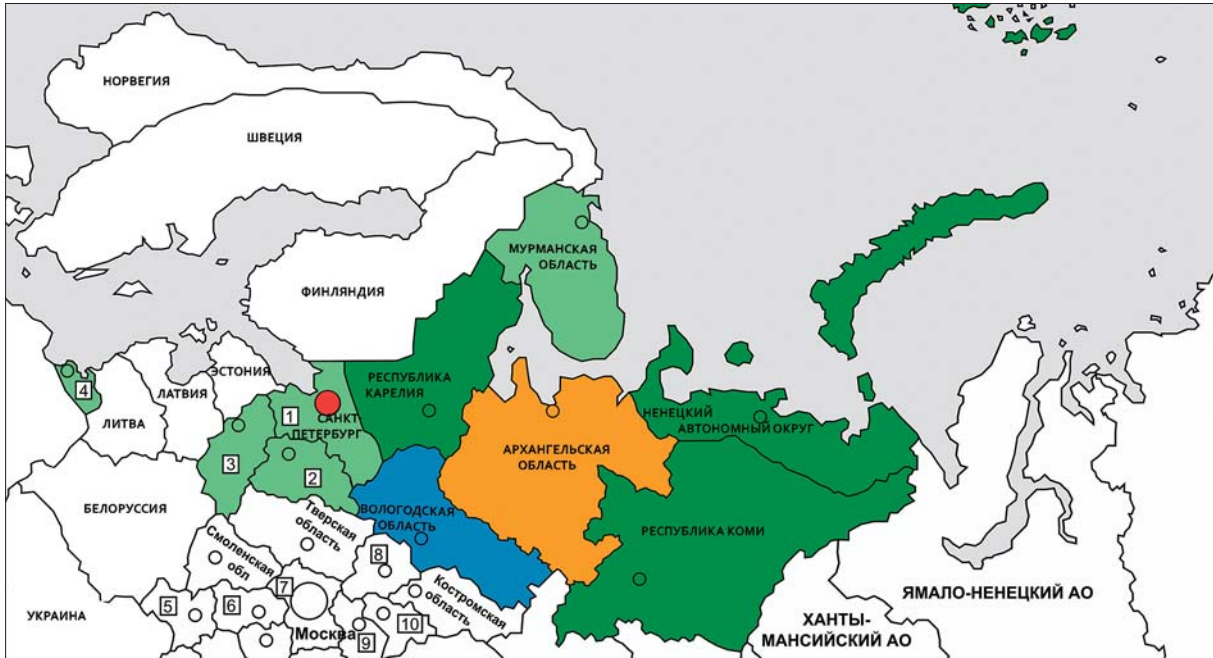
2000 г.

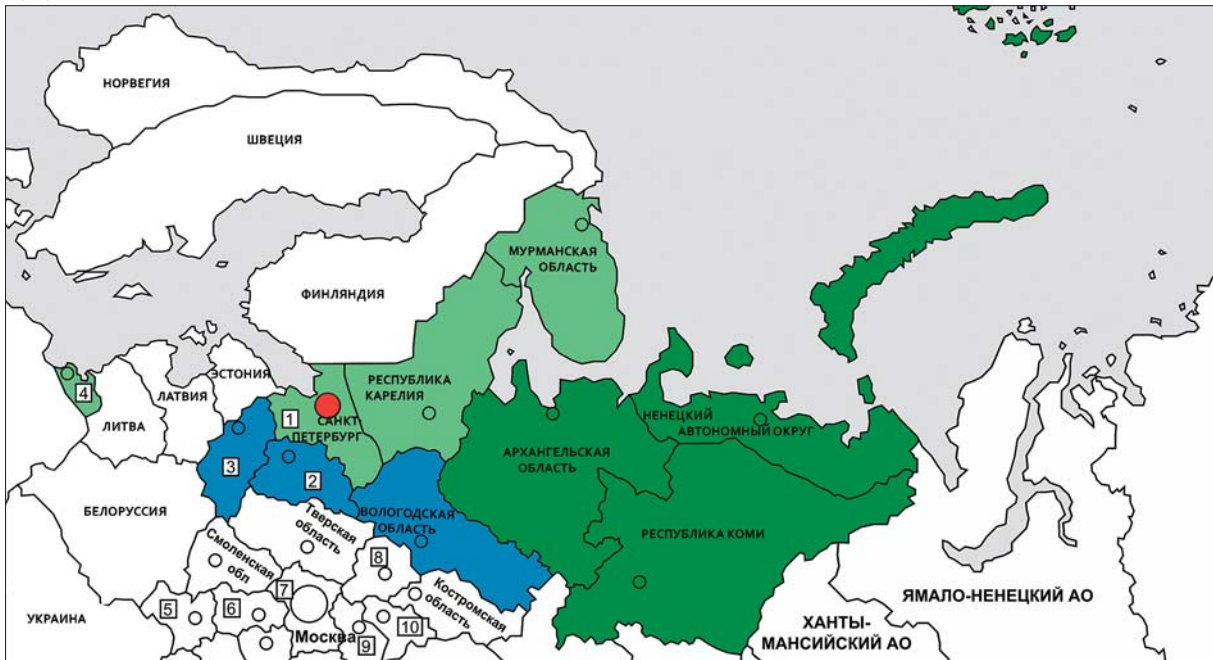
Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 4.4. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Северо-Западного федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:): – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены области: 1 – Ленинградская; 2 – Новгородская; 3 – Псковская; 4 – Калининградская; 5 – Брянская; 6 – Калужская; 7 – Московская; 8 – Ярославская; 9 – Владимирская; 10 – Ивановская.

значения субиндексов качества экономики и инновации в знаниях (их значения в 2012 г. составили 54% и 76%, соответственно).

За рассматриваемые 12 лет значительная положительная динамика характерна для индекса трансляции знаний: он вырос с 60% до 98% (табл. 4.8). Это стало возможным за счет роста числа персональных компьютеров и телевизоров на 100 домохозяйств (расчетные показатели увеличились на 77 и 43 п.п. соответственно). На 33 п.п. увеличилась доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22 лет (отметим, что этот показатель взят в среднем по России, т.к. отсутствует региональные данные). Менее чем на 1 п.п. увеличился субиндекс инновации в знаниях. Среди составляющих индекса увеличение отмечено только в показателе «Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн человек» с 28 в 2000 г. до 42 в 2012 г. По двум индикаторам значения снизились: «Затраты на НИОКР в ВВП» – на 4 п.п. (с 83% до 79%) и «Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек» – на 5 п.п. (со 120 до 112).

Поскольку расчет индекса вторичной модернизации основан на четырех субиндексах: инновации в знаниях, трансляции знаний, качества жизни и качества экономики, то анализ этих составляющих поможет разобраться в факторах, затормаживающих и стимулирующих динамику вторичной модернизации. В 2000 г. значительно превышает ИВМ субиндекс качества жизни, так что большинство регионов СЗФО имеют разницу около 30 п.п. (приложение 1, рис. 5). До 10 п.п. составляет разницу между ИВМ и субиндексом трансляции знаний. Исключения составляют г. Санкт-Петербург и СЗФО в целом, в которых этот субиндекс меньше ИВМ. Отметим, что данное различие обусловлено более высокими значениями индекса вторичной модернизации, нежели резко отстающего субиндекса. Зато инновации в знаниях (КИ) этих территорий превышают значения ИВМ (в отличие от остальных регионов СЗФО). Большая доля затрат на НИОКР в ВВП города Санкт-Петербурга (5%), а также число ученых и инженеров (125,8 на 10 тыс. человек) обеспечивают не только городу федерального

значения, но и СЗФО в целом уровень, значительно превышающий мировой стандарт (2,3 и 33,4 соответственно). Для остальных же территорий преодоление этих барьеров является серьезнейшим шагом на пути информационной модернизации.

К 2012 году по сравнению с 2000 г. ситуация изменилась – в среднем на 20 п.п. увеличилась разница между ИВМ и субиндексом трансляции знаний. Как следствие, сблизилась по значениям два субиндекса: трансляции знаний и качества жизни. Но вырос разрыв между субиндексом качества экономики и индексом ВМ (приложение 1, рис. 6). В ряде регионов (Калининградской, Ленинградской областях, Ненецком АО и Республики Коми) существенно вырос разрыв между индексом ВМ и субиндексом качества экономики. Таким образом, наблюдается рост разбалансированности процесса вторичной модернизации в регионах СЗФО.

За период с 2000 по 2005 гг. возросло число территорий с низким уровнем ВМ-сбалансированности – с 0 до 5 регионов. Наглядно прослеживается эффект финансово-экономического кризиса 2008 г. (приложение 1, табл. 2), затяжные последствия которого наблюдаются в последующем периоде (2009–2012 гг.), – рост числа регионов с низким индексом сбалансированности. Только Санкт-Петербург имеет уровень сбалансированности выше среднего, остальные территории – низкий (ниже среднего – в Ленинградской области). Как было отмечено выше, отрицательный вклад в разбалансированность индекса ВМ вносят невысокие значения когнитивной и экономической компоненты (недостаточное число ученых и инженеров, людей, подающих патентные заявки, маленькая доля затрат на НИОКР в ВВП, низкий ВВП

Разбалансированность процессов вторичной модернизации характерна для всех регионов РФ – за 12 лет вместе с ростом индекса ВМ увеличился разрыв его составляющих, в особенности субиндекса трансляции знаний (положительный эффект роста) и субиндекса качества экономики (недостаточный рост, способствующий разбалансированности).

на душу населения, недостаточная доля ВРП и занятых в сфере услуг).

Лидерами по подаче заявок и выдаче патентов на изобретения в СЗФО являются г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Вологодская области. Главным субъектом, обеспечивающим достаточно высокий уро-

вень в Вологодской области, является ОАО «Северсталь», однако по количеству выданных охранных документов на изобретения и полезные модели в расчете на 100 тыс. населения Вологодская область среди регионов России занимает только 59-е место. Высокие показатели затрат на технологические инновации

Таблица 4.8

Динамика индекса (субиндексов) вторичной модернизации в СЗФО

Показатели	2000 г.			2012 г.			Разница индекса 2012–2000 гг.
	Значение	Стандарт	Индекс	Значение	Стандарт	Индекс	
Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (в долл.)	1690,2	27680	6,1	12361	43176	28,6	22,5
ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС) (в долл.)	8113	27770	29,2	21013	40612	51,7	22,5
Доля добавленной стоимости материальной сферы в ВВП (в %)	50,4	32	63,5	44,2	26	58,8	-4,7
Доля занятых в материальной сфере в общей занятости (в %)	38,5	30	77,9	34,2	26	76	-1,9
Субиндекс качества экономики	44,2			53,8			9,6
Доля затрат на НИОКР в ВВП (в %)	1,9	2,3	82,6	1,9	2,4	79,2	-3,4
Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек	48,9	33,4	120	43,5	39	111,5	-8,5
Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн человек	218	790	27,6	275	660	41,7	14,1
Субиндекс инновации в знаниях	76,7			77,5			0,8
Доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22 лет (в %)	41	60	68,3	76,1	75	101,5	33,2
Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет (в %)	95	100	95	95	100	95	0
Число телевизоров на 100 домохозяйств	133	189	70,4	186	164	113,4	43
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств	5	85	5,9	100	120	83,3	77,4
Субиндекс трансляции знаний	59,9			98,3			38,4
Доля городского населения во всем населении (в %)	82,2	79	104,1	83,8	80	104,8	0,7
Число врачей на 1000 человек	5,12	2,9	120	5,7	3	120	0
Младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся	12,8	6	46,9	6,2	5,5	88,7	41,8
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	64,5	78	82,7	70,57	79,3	89	6,3
Энергетическая эффективность: ВВП на душу / стоимость потребления энергии на душу (разы)	4121	5448	75,6	5113	4675	109,4	33,8
Субиндекс качества жизни	85,9			102,4			16,5
Индекс вторичной модернизации	66,7			83			16,3

Примечание: индекс ВМ. есть среднее арифметическое субиндексов ВМ. Значения индексов округляются до 120 (согласно методике).

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vssc.ac.ru/>

связаны с проводимой на предприятиях региона модернизацией, то есть с активной закупкой дорогостоящих машин и оборудования (80%). Расходы на разработку новых видов продукции (15%), приобретение программных средств и новых технологий, обучение и подготовку персонала (5%) продолжают оставаться низкими. Низкий инновационный потенциал организаций и недостаток квалифицированного персонала являются самыми существенными среди внутренних факторов, влияющих на инновационную деятельность. В то же время недостаток информации о новых технологиях, рынках сбыта и неразвитости кооперационных связей слабо учитываются. К причинам, также препятствующим инновационной деятельности, относятся: неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности; неразвитость инновационной инфраструктуры; недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность¹³.

Население регионов СЗФО в 2013 г. характеризовало свое участие в инновационной деятельности следующим образом: в создании каких-либо новшеств (новая услуга, продукт, технология, фирма) в качестве организаторов участвовало 10% населения округа, еще 15% респондентов являлись участниками создания каких-либо новшеств (табл. 4.9). Тем не менее, подавляющее большинство (в среднем 80%) не участвовало в подобной деятельности, а 15% населения затруднилось ответить.

В целом инновационная деятельность в округе недостаточно активна. Как правило, те, кто участвует в инновационной деятельности, проживают в крупных городах регионов СЗФО. Респонденты несколько чаще отмечали, что участвовали в создании новой услуги (в Ленинградской и Архангельской областях, Санкт-Петербурге, Республике Коми). В создании новой фирмы несколько активнее участвовали жители Санкт-Петербурга и Ленин-

градской области. Об участии в разработке новых технологий чаще указали жители Архангельской области.

Необходимо стимулировать инновационные процессы, развивая партнерские отношения между научно-технической и производственной сферами, увеличивать финансирование науки и численность научных кадров, формировать инновационное сознание у населения.

В число факторов, тормозящих создание новшеств, входит инерционность людей. Активная инновационная деятельность не входит в число приоритетов руководства большинства предприятий. Зачастую работа предприятий (а иногда и целых отраслей) направлена на продвижение имеющихся разработок, что не всегда эффективно. Отсутствуют специалисты, которые могли бы разрабатывать и продвигать новую продукцию; и самое главное – нет связи между высшей школой, научно-исследовательскими организациями и бизнесом¹⁴.

Еще одной проблемой на пути к инновационному развитию является декларативный характер партнерства органов власти с бизнесом – при том, что у крупных предприятий имеются большие материальные фонды, масштабное производство и сбыт, что могло бы способствовать развитию инноваций. Пре-

Таблица 4.9

Распределение ответов жителей СЗФО на вопрос: «Участвовали ли Вы в последние 12 месяцев в создании каких-либо новшеств?», в %

Вид новшества	Не участвовал	Участвовал как организатор	Участвовал наряду с другими	Затрудняюсь ответить
Новая услуга	77,0	3,6	5,4	14,0
Новая технология	79,1	2,1	4,8	14,0
Новый продукт	80,9	1,8	2,9	14,4
Новая фирма	81,9	2,3	1,9	13,9

Источник: данные опроса «Социальная мобильность населения» (ИСЭРТ РАН, 2013 г.)

¹³ Инновационная активность организаций Вологодской области за 2009 год: Экспресс-информация от 01.06.2010 / Вологдастат.

¹⁴ Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.

пятствует распространённости инноваций отсутствие заинтересованности (информационной, правовой, экономической и пр.) основных субъектов инновационной деятельности – таких как исследователь-разработчик, инвестор и производитель. Организация инновационной среды, то есть систематизация, активизация и налаживание между ее элементами эффективного взаимовыгодного сотрудничества, будет способствовать переходу региональной экономики на новый путь развития. Достигнуть этого возможно через усиление взаимосвязей между тремя участниками: наукой, производством, бизнесом. Но поскольку настоящая конъюнктура располагает больше к инерции, политическая воля должна носить экстраординарный характер¹⁵.

Таким образом, внедрение инноваций затруднено как из-за недостатка, так и из-за недоиспользования социокультурного потенциала населения. В частности, в большинстве регионов отсутствует потребность в инновациях, а соответственно, и не находится индивидов, способных к осуществлению инновационных процессов. Отметим также, что в период кризиса в обществе усилились патерналистские настроения: значимость традиции повысилась, а инициативности – снизилась. Исходя из этого заметим, что развитие инновационных процессов невозможно без социальных инноваций, повышающих культурный, включая образовательный и нравственный, уровни населения с ориентацией на индивидуальную свободу и инициативность. Таким образом, при повышении престижа образованного, культурного, творчески мыслящего человека, создании благоприятной культурной среды потенциал населения будет возрастать и явится действенным ресурсом для инновационного прорыва в экономике региона. Модернизация начинается прежде всего с обновления социокультурных устоев.

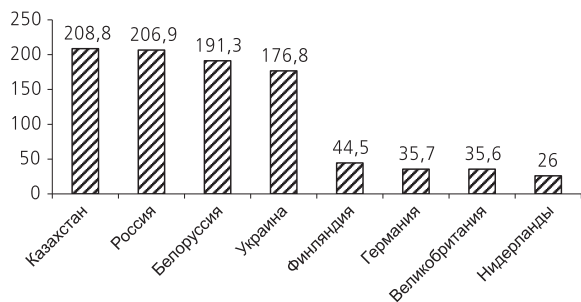
Далее обратимся к субиндексу качества жизни, величина которого за анализируемые годы выросла на 9 п.п. Анализируя его

состав отметим, что при расчете уровня модернизированности учитываются социально-демографические характеристики населения. Наименьшее значение имеет показатель ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), который составляет в среднем по СЗФО 70,6 лет, что меньше уровня развитых стран на 10 лет. Отмеченный с 2003 г. рост средней продолжительности жизни в России поднял планку более чем на 5 лет. Здесь позитивный вклад внесла успешная реализация нацпроекта «Здоровье», «Концепции демографического развития», «Модернизация здравоохранения». Более чем за десять лет финансирование здравоохранения в России повысилось почти в шесть раз. Немалые инвестиции в эту сферу принесли весомые результаты: в стране удалось увеличить продолжительность жизни, рождаемость, снизить смертность населения, младенческую смертность. Однако отсутствие роста расходов на здравоохранение в 2012–2014 гг. повлекло за собой снижение доступности и качества медицинской помощи. В связи с чем в 2014 г. остановилось снижение коэффициента смертности, сократилась обеспеченность врачами участковой службы на 8%, числа зданий и сооружений здравоохранения – на 15%, числа коек – на 6%, а объем платных медицинских услуг вырос на 31%¹⁶. Так как доля государственных расходов на здравоохранение в ВВП недостаточна, а в 2015–2017 гг. снизится еще (до 3,6%), то вполне вероятно ожидать сокращение расходов федерального бюджета в постоянных ценах на 30–35%.

Ожидаемая продолжительность жизни является комплексным индикатором, характеризующим состояние здоровья и качество жизни населения. Определяющее значение при расчете ОПЖ имеет смертность населения в раннем и трудоспособном возрасте. Наиболее распространенными причинами смертности являются заболевания сердечно-сосудистой системы (53,5% среди всех смертей

¹⁵ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

¹⁶ Хутаба С. Проблемы финансирования здравоохранения в условиях рыночных реформ // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 2015. [Электронный ресурс] : <http://www.scienceforum.ru/2015/969/9926>

Источник: World Health Statistics. - World Health Organization. 2014.

Рисунок 4.5. **Смертности от патологий органов кровообращения** (случаев на 100 тыс. населения)

в 2013 г.), ситуацию с которыми в РФ можно оценить как катастрофическую; новообразования (15,6%) и внешние причины (9,9%). По данным ВОЗ по уровню преждевременной (то есть в возрасте до 64 лет) смертности от патологий органов кровообращения Россия (206,9 случаев на 100 тыс. населения) занимала место в группе наиболее неблагоприятных стран наряду с Казахстаном, Беларусью и Украиной (рис. 4.5). Наиболее низкий уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний – в развитых европейских странах¹⁷.

Еще одним важным показателем, участвующим в расчете индекса ВМ, является младенческая смертность, которая хоть и сократилась в последние годы почти в 2 раза, но все еще значительно превышает уровень развитых стран (в 1,7 раза). В рейтинге стран мира по данному показателю за 2014 г. Российская Федерация находится на 160-й позиции (7,08 умерших в возрасте до одного года на одну тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, по соседству с Чили и Кувейтом. Положительные тенденции в состоянии здоровья детей первого года жизни начались после 2006 г., что явилось результатом действия приоритетного национального проекта «Здоровье». Однако достигнутые результаты все же хуже тех, которые были в 1990 г., так, в 2012 г. 34% детей (в 2 раза больше показателя 1990 г.) уже родились больными или заболели в первую неделю жизни. Как показывают

¹⁷ World Health Statistics. - World Health Organization. 2014.

исследования¹⁸, проведенные в различных регионах России, здоровье детей имеет комплекс составляющих. Многие факторы (социальное окружение, здоровье матери, питание, жилищные условия и др.) поддаются изменению и требуют безотлагательного вмешательства со стороны общества и государства. От их эффективности во многом зависит здоровье и жизнь подрастающего поколения, а значит, и будущее России. Кроме того, здоровье детей особенно значимо, учитывая значительное сокращение населения страны.

Основные компоненты процессов модернизации

Развитие технико-технологической компоненты в России в данный эволюционный период характеризуется многоукладностью экономики. Детальный региональный анализ изменений элементов обсуждаемой компоненты весьма затруднителен как в силу разнородности и разноукладности экономики, так и по причине особенностей статистической отчетности, не отражающей элементы технологических укладов. Производства пятого технологического уклада в наибольшей степени сконцентрированы в ядерной и авиакосмической промышленности России. Подавляющее большинство отраслей экономики базируется на более низких технологических платформах¹⁹.

Для промышленного развития СЗФО характерна разновекторность: с одной стороны, в его состав входят регионы «новой индустриализации» с крупными инвестиционными проектами в обрабатывающей промышленности (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская области), с другой – добывающие регионы (Мурманская,

¹⁸ Кислицына О.А. Здоровье детей – богатство нации: тенденции, факторы риска, стратегии сбережения: Монография. М.: МАКС Пресс, 2011; Кондакова Н.А. Здоровье и условия жизни подрастающего поколения / Н.А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 151–161.

¹⁹ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.

Таблица 4.10

Динамика субиндекса инноваций в знаниях (в индексе вторичной модернизации)

Регионы	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Разница индекса 2012–2000 гг.
Республика Карелия	15,6	13,3	15,3	16,8	17,7	19,3	19,9	4,3
Республика Коми	21,9	21,1	23,3	23,1	21,6	19,5	20,9	-1,0
Архангельская область	12,2	12,5	20,2	14,8	11,7	13,3	13,2	1,0
Вологодская область	6,3	5,6	7,9	7,9	8,5	8,7	8,2	2,1
Калининградская область	30,3	20,5	16,6	19,4	21,1	19,6	17,4	-12,3
Ленинградская область	45,2	30,8	30,9	31,2	32,7	33,6	33,7	-11,5
Мурманская область	30,8	28,5	31,7	31	30,9	29,3	32	2,8
Новгородская область	18,9	15,3	18	16,9	19	22,1	26,3	7,4
Псковская область	7,1	6,4	6,9	8,2	10,2	10,6	17,5	10,4
г. Санкт-Петербург	100	100,9	104,7	106,6	108	111,7	109,1	9,1
Ненецкий автономный округ	6,8	7,1	9,5	12,6	13,3	4,9	5,5	1,3
Северо-Западный федеральный округ	76,7	72,8	71,8	74,4	77,3	75	77,5	0,8
Россия	55,7	52,6	51,8	48,8	53,7	53,4	55,7	0

Примечание: Максимальное значение субиндексов округляется до 120 (согласно методике).

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vssc.ac.ru/>

Архангельской области, республика Коми)²⁰. В целом в промышленности округа преобладают обрабатывающие производства, их доля в структуре ВРП самая высокая среди макрорегионов и составляет 21,5%. Наиболее технически развиты такие отрасли, как машиностроение, металлургия, химия и деревообработка.

Металлургия представлена одним из крупнейших российских металлургических комбинатов – ОАО «Северсталь». Среди машиностроительных предприятий – крупнейшие российские судостроительные предприятия: ПО «СЕВМАШ», Балтийский завод, Адмиралтейские верфи и т.д. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области сформирован мощный автомобилестроительный кластер. Среди предприятий химической промышленности можно отметить Акрон и Апатит. Лидеры лесопереработки – Архангельский ЦБК, Монди Сыктывкарский ЛПК, Группа Илим.

Второе место среди отраслей промышленности в СЗФО занимает добыча полезных

ископаемых. В округе добываются практически все виды топливно-энергетических полезных ископаемых: уголь, нефть, газ и горючие сланцы.

Относительную оценку уровня технико-технологического развития позволяют дать результаты анализа инновационного развития региона (табл. 4.10). После упадка в 2005 г. инновационная составляющая в последние анализируемые годы (2008, 2009, 2010, 2012) вновь стала расти, прежде всего в Республике Карелия, Ненецком АО, Ленинградской, Мурманской, Новгородской областях (доля затрат на НИОКР в ВРП), в г. Санкт-Петербурге и Псковской области (число жителей, подавших патентные заявки).

Основные проблемы перехода на инновационный путь развития определяются следующими особенностями экономики округа:

- низкий уровень инновационной активности предприятий;
- низкая производительность труда при общем сокращении численности трудоспособного населения;

²⁰ Социальный атлас российских регионов http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris_archive.shtml/#no20

Таблица 4.11

**Динамика показателей субиндекса качества экономики
(в индексе вторичной модернизации), СЗФО**

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Разница 2012 – 2008 гг.
Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (в долл. США)	25,3	22	21,7	32,1	28,6	3,3
Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по ППС (в долл. США)	43,2	37,6	36,2	52,9	51,7	8,5
Доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП (ВРП)*, %	60,7	60,8	57,4	55,7	58,8	-1,9
Доля занятых в материальной сфере в общей занятости*, %	78,1	80,9	75,3	76	76	1,9
Индекс качества экономики	51,8	50,3	47,7	52,9	53,8	2,0

Примечание: Максимальное значение субиндексов округляется до 120 (согласно методике).

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vssc.ac.ru/>

- моральный и физический износ основных фондов в агропромышленном комплексе, промышленности, электроэнергетике;
- устаревшая структура экономики, недостаток мощностей по глубокой переработке сырья.

Социоэкономическая компонента характеризуется существенным повышением доли сферы услуг, однако темпы происходящих изменений невысоки. Для активного развития сервисной экономики нужен высокий спрос на товары и услуги (богатое население или большой туристический поток), которого в большинстве территорий Северо-Запада нет. Переход работников в мелкую торговлю и услуги происходит как вынужденное действие, т.к. нет других рабочих мест. Анализ показывает, что трудовой потенциал высокого качества в экономике региона (и страны в целом) в настоящее время в должной мере не востребован и условия для его развития пока не благоприятны. Только в Вологодской области за время экономических преобразований количество высокооплачиваемых рабочих мест (в промышленности, в основном в машиностроении) снизилось на 120 тысяч²¹. Произошло их замещение низкоквал-

лифицированными (а следовательно, и более низкооплачиваемыми) местами в сфере услуг, обслуживания и т.п.

Оценка субиндекса качества экономики показала стагнацию в 2008–2012 гг. всех входящих в него переменных – ВРП на душу населения, доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП и доля занятых в материальной сфере в общей занятости (табл. 4.11).

Развитие IT сектора сдерживается недостаточной распространенностью персональных компьютеров в домохозяйствах (индекс = 65%). Однако за анализируемый период данный показатель возрос в 11 раз, таким образом, в ближайшие 5–7 лет можно ожидать его увеличения до 100% уровня.

Следует отметить неоднородность развития сервисной экономики в пределах макрорегиона. Из всех территорий выделяется столица СЗФО – Санкт-Петербург, в котором интенсивно развивается сфера услуг, с выделением третичного сектора (финансы, информатика, массмедиа и т.д.) Доля населения в Санкт-Петербурге, занятого в сфере услуг, превысила 70% занятого населения, и ее рост продолжается.

Своеобразием отличаются города Европейского Севера, обладающих развитой ресурсодобывающей промышленностью. Их особенность также состоит в том, что уровень развития

²¹ Ильин В.А. Проблемы развития региона в условиях глобального кризиса (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 1. С. 78–87.

сферы обслуживания, транспорта, вспомогательных отраслей - выше средних российских показателей, что связано с климатическими условиями и большой удаленностью.

Невысокий уровень жизни населения в большинстве территорий Северо-Запада, сложные природно-климатические условия (особенно в северных регионах), неразвитость самосохранительных и формирующих здоровье практик у населения обуславливают низкую ожидаемую продолжительностью жизни (ОПЖ), которая по стандартам развитых стран должна быть не менее 80 лет, а в округе составляет 68,2 года (по России - 69,8 года в 2010 г.) Проблемы экономического характера обуславливают наличие в макрорегионе социальных проблем. Наиболее острые из них следующие:

- низкие показатели здоровья населения, в том числе по социально значимым видам, низкая ожидаемая продолжительность жизни;
- неравномерная доступность квалифицированной медицинской помощи, учреждений культуры и образования;
- недостаточная развитость социальной инфраструктуры;
- низкое качество жизни вследствие высокой степени социального и доходного неравенства населения;
- устаревшая материальная база образовательных учреждений и не соответствующее требованиям инновационной экономики качество образования.

Социокультурная компонента: социокультурное пространство России подразделяется на множество региональных сообществ, характеризующихся социальными и культурными изменениями. По уровню социокультурной обустроенности городов и муниципальных образований СЗФО в целом является привлекательным для населения,

---

«Модернизация – это способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала».

(П. Штомпка)

в том числе для мигрантов. Существенный минус – суровые природно-климатические условия в северной части округа. Насущную проблему для периферийных районов представляет доступность социальных объектов (учреждений образования, медицина) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах. Практика показывает, что лидерами в социально-экономическом развитии становятся территории, где высоко развиты образование, наука, здравоохранение и культура. Поддержание и умножение этого потенциала является приоритетной задачей модернизационной политики, т.к. без него не может быть инновационной экономики и быстрого саморазвития. То есть для скорейшего модернизационного развития необходимо достижение высокого качества жизни населения. Требуется наличие благоприятных условий, мобилизующих социум для модернизации, а также определенного (современного) уровня инновационного, технического и социокультурного развития. Для этого важно²²:

- общедоступное образование, обеспечивающее людей навыками, необходимыми для эффективного использования возможностей, предоставляемых модернизацией;
- доступ к высшим формам культуры и искусства, для повышения восприимчивости и обогащения опыта.

Несмотря на увеличение доли населения с высшим профессиональным образованием, важной проблемой продолжает оставаться качество образовательного процесса, его комплексность требованиям экономического и производственного развития. Повышение качества образования, а также вовлеченность населения в непрерывное образование позволит современному российскому обществу перейти на более высокую ступень развития и включенности населения в процессы модернизации.

Повсеместная информатизация и компьютеризация общественной жизни расши-

---

²² Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30).

ряет возможности и пути повышения социокультурной эффективности модернизации. Вместе с тем ее процессы несут с собой немало отрицательных эффектов: в частности, популяризация виртуального общения приводит к снижению ценности реального общения. Здесь более всего претерпевает изменение перцептивная сторона (процесс восприятия друг друга партнерами и установления взаимопонимания), а также встает вопрос о доверии друг к другу, порядочности и честности, что ведет к социальной разобщенности, социальной пассивности, неготовности предпринимать коллективные действия.

Ключевая проблема заключается в том, что разобщенность в обществе наблюдается во все большей степени, настроения россиян все чаще и теснее связываются с собственными интересами, в первую очередь, с удовлетворением материальных потребностей. Это отмечают многие отечественные исследователи, например, М.К. Горшков, в статье «Русская мечта: опыт социологических измерений» подчеркивает: «...Россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания... Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей»²³. В.И. Жуков обращает внимание, что «...в современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности»²⁴.

Социологические опросы Института социально-экономического развития территорий РАН фиксируют аналогичные тенденции на региональном уровне. Более половины

жителей Вологодской области в 2010–2013 гг. отмечали, что доверять могут «только самым близким друзьям и родственникам» (57–58%), каждый четвертый говорит, что доверять в наше время «нельзя никому» (27%), а доверяют большинству знакомых и всем людям без исключения только 16% населения области.

По данным социологических опросов (по программе «Социокультурные портреты регионов России»), проведенных в различных регионах Российской Федерации, значительная часть населения (33,3%) чувствует близость с жителями поселения, в котором они живут (варианты «далекое» и «чужое» выбирают 6% опрошенных). Причем в масштабе «поселение – область – Россия» происходит снижение данного показателя и увеличение доли, характеризующей безразличное и отчужденное отношение к людям (37%)²⁵. Это иллюстрирует концентрацию интересов населения только на своей личной жизни, что усиливает разобщенность в обществе.

Исследование 2013 г. показало, что ценностное пространство СЗФО достаточно широкое, дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями изменяется от 2,22 до 4,69 (по пятибалльной шкале) и составляет 2,47 балла (табл. 4.12).

Сравнение полученных данных с подобным исследованием, проведенным в целом по России (в 2010 г. разница оставляла 2,31 балла), свидетельствует о большей осмысленности в расстановке населением жизненных приоритетов. Однако разрыв увеличился не за счет возрастания значимости первоочередных ценностей (ценности интегрирующего ядра), значения которых, напротив, упали на 1–2 десятых балла, а за счет большего отрицания конфликтных ценностей (властность и своевольность). Т.е. уменьшилось число тех, кто ценит человеческую жизнь, семью, порядок, общительность, в связи с этим снизилась их значимость. Однако не во всех регионах СЗФО ситуация одинакова, так, в Республике Коми, Новгородской и Калининградской

²³ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3.

²⁴ Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / Доклад на II съезде Союза социологов России. М.: изд-во РГСУ, 2008.

²⁵ Shabunova, A.A., Okulova, N.A. Russians assess social and cultural regional milieu / Sotsiologicheskie Issledovaniya, 2011, No. 6, pp. 36-43.

Таблица 4.12

Ценностные предпочтения населения регионов Северо-Западного федерального округа в 2013 г.
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Ценности	Мурманская обл.	Псковская обл.	Респ. Карелия	Вологодская обл.	Ленинградская обл.	Санкт-Петербург	Архангельская обл.	Респ. Коми	Новгородская обл.	Калининградская обл.	СЗФО
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)											
Жизнь человека	4,38	4,63	4,74	4,70	4,55	4,62	4,63	4,85	4,89	4,89	4,69
Семья	4,43	4,59	4,63	4,64	4,37	4,41	4,58	4,85	4,77	4,82	4,62
Порядок	4,42	4,42	4,69	4,55	4,37	4,48	4,48	4,78	4,77	4,58	4,55
Общительность	4,36	4,30	4,20	4,54	4,39	4,34	4,54	4,66	4,66	4,70	4,48
Независимость	4,29	4,34	4,29	4,43	4,47	4,25	4,34	4,45	4,48	4,52	4,40
Интегрирующий резерв (3,91–4,39)											
Благополучие	4,27	4,09	4,35	4,27	4,27	4,18	4,35	4,35	<u>4,58</u>	<u>4,50</u>	4,31
Свобода	4,09	3,97	<u>4,40</u>	4,13	4,00	4,13	4,02	4,29	4,28	4,20	4,15
Работа	4,03	4,01	4,06	4,25	4,11	4,00	4,16	4,15	4,24	3,97	4,12
Традиция	3,91	3,97	3,95	3,98	4,11	4,11	4,05	4,23	4,21	4,34	4,07
Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)											
Инициативность	3,75	3,60	<u>3,90</u>	<u>3,98</u>	<u>3,96</u>	<u>4,01</u>	3,81	3,88	3,84	3,88	3,88
Жертвенность	3,55	3,63	<u>3,92</u>	3,63	3,63	3,72	3,64	3,90	3,80	<u>4,22</u>	3,74
Нравственность	3,34	3,14	3,50	3,67	3,45	3,20	3,34	3,67	3,50	3,55	3,48
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)											
Властность	2,48	2,19	2,21	2,83	<u>3,09</u>	2,65	2,10	2,10	2,12	2,89	2,53
Своевольность	2,30	2,16	2,15	2,34	2,13	2,37	2,12	2,21	2,10	2,07	2,22

* Ранжировано по СЗФО.

Полужирным шрифтом выделены значения, которые должны относиться к группе на порядок ниже. Подчеркиванием выделены значения, которые должны относиться к группе на порядок выше.

Источник: составлено автором по данным опроса населения СЗФО в 2013 г. (ИСЭРТ РАН). Методика определения ценностей Н.И. Лапин (ИФ РАН): Лапин Н.И. Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. М., 1992. № 1. С. 30–31.

областях жизнь человека, семья и порядок ценятся населением больше (от 4,48 до 4,89), чем в Санкт-Петербурге, Мурманской и Ленинградской областях (от 4,41 до 4,63). Соответственно в этих трех территориях узко и пространство ценностей, составляющих интегрирующее ядро: только по 2 ценности в Мурманской (семья и порядок) и Ленинградской (жизнь человека и независимость) областях, по 3 – в Санкт-Петербурге, Псковской области и Республике Карелия (жизнь человека, семья и порядок). В Республике Карелия вместо общительности и независи-

мости жители больше поддерживают свободу (эта ценность входит в интегрирующее ядро). Население Калининградской и Новгородской областей более, чем население других регионов, ценят благополучие. Отрицаемые большинством ценности – это властность и своевольность. Они во всех территориях присутствуют в блоке конфликтогенной периферии за исключением Ленинградской области, в которой властность поддерживается населением более активно так, что соответствует блоку оппонирующего дифференциала. Сильных контрастных различий

между субъектами федерального округа не выявлено, кроме того, структура их распределения в общем повторяет структуру по России – по данным исследования 2010 г.²⁶ Большинство ценностей вмещает в себя интегрирующий резерв, однако интегрирующее ядро в некоторых регионах расширилось (по сравнению с данными по России за 2010 г.), что свидетельствует об активизации рефлексивности ценностного сознания населения. Преобладание терминальных ценностей над инструментальными указывает, что современные культурные ценности более значимы, чем общечеловеческие, что собственно есть отражение существующей социокультурной обстановки.

При сохранении общей структуры значимости ценностей, мужчины больше, чем женщины, допускают присутствие властности и своевольность в жизни (разница между значениями составляет 0,34–0,35 балла). Семейное положение человека существенно влияет на его ценностные ориентиры. Люди, состоящие в браке и не проживающие совместно, имеют более узкое интегрирующее ядро, кроме того, на первых местах по значимости у них стоят порядок и независимость, а не жизнь человека и семья, как в других группах. Наиболее сильно отличаются между собой группы не замужних (холостых) и вдовых (вдовцов): первые больше ценят инициативность, властность и своевольность (разница 0,33–0,54 балла), а вторые – жертвенность и традиции (разница между взвешенными средними составляет 0,38–0,43 балла). Также вдовые отличаются от группы замужних, не проживающих совместно: первые больше ценят благополучие, семью, жизнь человека и традиции (разница составляет 0,36–0,50 балла), а вторые – своевольность (разница 0,38 балла). Наиболее близки по ценностным предпочтениям между собой следующие группы: не замужние и не состоящие в зарегистрированном браке (но проживающие совместно), последние с состоящими в зарегистрированном

браке, которые в свою очередь близки с разведенными и вдовыми – они также солидарны в выборе ценностей. Таким образом, из рассматриваемых групп выделяются люди, состоящие в зарегистрированном браке и не проживающие совместно – у них свои взгляды на ценности, на которые накладывается отпечаток еще не завершившийся распад семьи (развод). Супруги в этот период жизни испытывают чувство обиды, несправедливости, претензий и даже раздражительности. Как показал анализ, число несовершеннолетних детей в семье не влияет на значимость тех или иных ценностей. Существенных различий между группами не выявлено также при разделении респондентов по типу поселения, в котором они проживают (городские или сельские жители).

У молодых людей до 30 лет проявляется меньшая поддержка традиционных ценностей и жертвенности, чем у людей пенсионного возраста (старше 60 лет). Они также больше, чем остальное население, склонны к своевольности и властности. Инициативность является отличительной чертой молодого поколения, они также обладают деятельным потенциалом. Отличительной чертой людей пожилого возраста является их резкое отрицание своевольности (1,88 балла). Существенные различия между ценностными категориями молодежи (от 18 до 30 лет в данном случае) и остальным населением можно истолковать незначительным жизненным опытом, низкой степенью осмысления ими действительности, другими жизненными приоритетами. Ценностные ориентиры молодых людей более мобильны. С возрастом стабильно усиливается значимость первоочередных ценностей: жизни человека, семьи, порядка и общительности.

Анализируя ответы респондентов с разным уровнем образования, отметим, что наиболее сильно отличаются между собой группы людей с неполным средним образованием и незаконченным высшим (высшим) образованием. Для последних работа, инициативность и властность являются значимее, чем для первой группы респондентов. Среди всех выделяемых нами подгрупп (по полу,

²⁶ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

возрасту, семейному положению, образованию, региону и т.д.) приветствуют своевольность больше всего люди с незаконченным высшим образованием (2,48 балла). Ценностное поле близко у людей уже получивших образование – среднее специальное или высшее. Таким образом, вследствие получения образования человек осваивает и осознает систему ценностей, проецирует ее в систему принципов, которыми он руководствуется в своем поведении, создается стиль жизни. Полученные знания, умения, нравственные ориентиры формируют предпосылки социокультурного развития индивида, его благополучной жизни и деятельности в обществе.

Теперь обратимся к изучению ценностного пространства населения в зависимости от категории благосостояния респондента. В общем структура распределения ценностей внутри выделенных групп повторяет структуру по федеральному округу, однако существенно отличаются между собой сами группы по значимости тех или иных ценностей. Так в группе нищих не ценится инициативность (разница с другими группами 0,34–0,53 балла), работа (0,35–0,61 балла), жертвенность (0,41–0,49 балла) и нравственность (0,42–0,65 балла). Инициативный человек – это энергичный человек, самостоятельно и правильно принимающий решения, готовый к активным действиям. Как показал анализ, чем больше благосостояние человека, тем больше он поддерживает инициативность, т.к. это неизменное свойство личности, которое помогает проявить себя в бизнесе, предпринимательстве, общественной, политической деятельности, науке, творчестве и стать, таким образом, успешным в жизни человеком. Еще одной отличительной чертой самых обеспеченных слоев населения является поддержка ими ценности властности (взвешенный средний балл равен 3,23 балла, при значительной разнице с другими группами 0,66–0,84 балла), а работа стоит у них на третьем месте и входит в блок первоочередных ценностей (интегрирующее ядро), заменяя ценности порядка и общительности (интегрирующий резерв). У данных людей существует определенный настрой в жизни, поэтому им очень важно

успешно реализовать себя, и это происходит через принятие богатства, власти и известности. Наиболее многочисленная группа состоит из людей среднего достатка (62%), их жизненные ценности имеют наименьшую плотность жизненного пространства: больше, чем остальные, они ценят жизнь человека, независимость, благополучие, традиции, жертвенность и нравственность, категорично относятся к своевольности. Таким образом, их можно рассматривать как основных носителей общественных отношений, доминирующей системы ценностей. Представляя собой социокультурную медиану общества, они отражают основные жизненные идеалы и стиль жизни данного общества.

Данные исследования позволили выделить жизненные ориентиры населения Северо-Западного федерального округа. Население высоко ценит жизнь человека, семью и порядок, но не слишком инициативно в принятии решений, не готово рисковать. Нравственность и жертвенность оказались в оппонирующем дифференциале, карьерная составляющая не является прерогативой многих и занимает срединное положение в иерархии жизненных ценностей. Властность и своевольность отрицаются большинством жителей. Для развития региона благоприятным фактором является расширение пространства базовых ценностей.

Таким образом, становится очевидным, что ценностный аспект имеет особенное значение и является значимым с точки зрения не только мировоззренческого, но и социокультурного развития индивида и общества. Это обстоятельство обуславливает необходимость обязательного их анализа и формирования адекватной системы ценностей. Потому что очень важен как характер социализации молодежи, так и характер участия различных социальных групп в сферах общественного производства. В итоге система ценностей, норм и стиль жизни определяют тенденции функционирования и направления развития общества, уровень благосостояния населения и в конечном счете авторитет государства в мире.

Субъективные оценки респондентов показывают уровень материального нера-

венства среди населения. Более половины жителей федерального округа (50–60% в зависимости от региона) указывают, что у них «денег достаточно для покупки большинства товаров» (Приложение 1, табл. 3), при этом у остальной части населения «денег хватает в лучшем случае на еду». Серьезно повлиял на доходы населения финансово-экономический кризис, который нивелировал благоприятные изменения в субъективной самооценке материального положения, отмечавшиеся до 2008 г. Резкое увеличение доли малообеспеченных фиксировалось в первый посткризисный (2009) год: в Калининградской области и г. Санкт-Петербурге – почти в 2 раза, в Республике Коми и Псковской области – в полтора раза. За период 2005–2013 гг. практически повсеместно снизился удельный вес «обеспеченного» населения, за исключением Республики Коми и Архангельской области, в которых сохраняется один из самых высоких уровней среднедушевых доходов населения в округе в силу сложившейся отраслевой структуры занятости.

При оценке качества жизни люди часто сравнивают ее с таковой в соседних регионах страны. Почти каждый третий житель Псковской области и 28,3% опрошенных в Новгородской области полагают, что живут хуже, чем их соседи. Качество жизни в г. Санкт-Петербурге, Калининградской и Ленинградской областях оценивается выше, чем в других регионах Северо-Западного федерального округа. В среднем же по федеральному округу доли положительных и отрицательных ответов уравновешены: как полагает чуть меньше половины респондентов (45,5%), все зависит от примера сравнения.

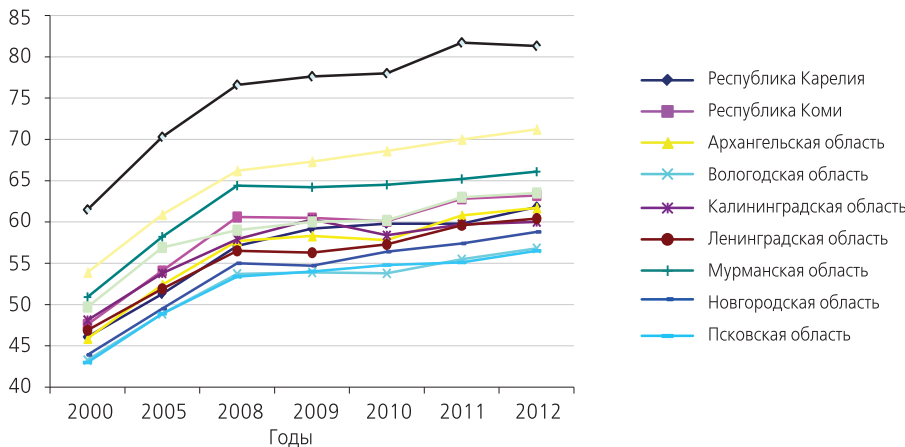
Продолжает усиливаться социальное расслоение граждан и по оценке с использованием коэффициента Джини: его прирост в регионах в период с 2000 по 2013 г. варьирует в пределах от 5 до 39%. Особенно высокие темпы углубления неравенства по доходам отмечались в Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге и Псковской области (39, 30 и 22% соответственно). Превышение среднероссийского значения индекса Джини наблюдается в г. Санкт-Петербурге и Республике Коми.

Исследования показывают, что значительная степень расслоения по доходам, недостаточно высокий уровень жизни широких слоев населения препятствуют проведению радикальных, всеохватывающих преобразований, и вместе с тем, единичные и незавершенные нововведения создают определенные трудности и тормозят продвижение модернизационных преобразований по широкому фронту.

Институционально-регулятивная компонента является частью социокультурной модернизации и нацелена в сторону демократизации государственной жизни общества, обеспечения активности гражданского общества и т.д. Данные социологических опросов ИСЭРТ РАН²⁷, проведенных в Вологодской области, свидетельствуют об устойчивом росте индекса социального настроения и запаса терпения, снижении уровня протестного потенциала (с 20,7 до 16,0% в 2007 и 2013 г. соответственно). Вместе с тем наблюдается рост доли жителей, считающих, что они не могут повлиять на состояние дел в городе (с 62,1 до 68,6% в 2011 и 2014 гг. соответственно), области (с 66,6 до 73,3%), в стране (с 67,4 до 73,5%), население все меньше связывает свои ожидания с деятельностью органов власти. Полученные данные говорят о существовании обособленности человека, «уходе в себя», спаде ожидания помощи со стороны государства. Вполне обоснованно можно утверждать, что социально-экономический атомизм и снижение пассионарности характерны не только для Вологодской области, но и для Российской Федерации в целом²⁸. Возникающее при этом нарушение равновесия в обществе может привести к нестабильным ситуациям, влекущими за собой максимизацию рисков и ущербов социокультурной системы. Поэтому необходима корректировка социоэкономической модернизации в сто-

²⁷ Lastochkina M.A. Factors of Satisfaction with Life: Assessment and Empirical Analysis / Studies on Russian Economic Development, 2012, Vol. 23, No. 5, pp. 520–526.

²⁸ Мопев М.В., Каминский В.С. Проблемы взаимодействия государства и общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 207–224.

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 4.6. Динамика интегрированного индекса модернизации регионов СЗФО

рону улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества.

Об этапах стратегии интегрированной модернизации регионов

В период с 2000 по 2010 г. в СЗФО наблюдалось повышение интегрированного индекса модернизации СЗФО: с 59 до 71%; это соотносится с уровнем среднеразвитых стран (интервал от 53 до 83%, рис. 4.6). Из трех групп параметров интегрированного индекса менее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако при детальном рассмотрении региональной модернизации отметим, что наименьшие величины имеет индекс трансляции знаний (от 41 до 59%) – у всех территорий, за исключением г. Санкт-Петербурга (93%). Подобный диссонанс объясняется тем, что северная столица отличается достаточно большой долей затрат на исследования и разработки в ВРП и значительным числом жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн человек), и это в 6–13 раз превышает показатели соседних субъектов РФ. Стоит отметить, что обстановка с интегрированной модернизацией в большинстве регионов России схожа с ситуацией в СЗФО: индекс ИМ очень мал – находится в пределах от 42 до 70%. Более высокий уро-

вень имеют лишь г. Москва – 89%, г. Санкт-Петербург – 78% и Томская область – 72%. Для большинства регионов основными причинами, сдерживающими процессы модернизации, являются недостаток ресурсных возможностей, низкая доля производств с высокой добавленной стоимостью, слабый уровень развития сектора научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Торможение процессов модернизации содержит два аспекта: экономический и когнитивный (приложение 1, рис. 7, рис. 8). Во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, они находятся на низком уровне. Высокий индекс знаний, присущий Санкт-Петербургу, восполняет когнитивную компоненту в округе, тем самым приводя к сбалансированности (табл. 4.13). Вместе с тем нет прямого «взаимодействия» между городом федерального значения и Ленинградской областью, которая все еще находится в первичной (индустриальной) стадии модернизации. Необходимо отметить, что наименьший уровень сбалансированности ИИМ наблюдается в Вологодской и Псковской областях (приложение 2, табл. 4).

Анализ распределения стадийных индексов модернизации и ее интегрированной компоненты позволяет сконструировать коридоры возможностей модернизации на ближайшие годы (5–10 лет) развития. На наш

Таблица 4.13

Динамика типов модернизированности регионов СЗФО (2000–2012 гг.) и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)

Регионы	Динамика типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2012 г.	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
<i>(6) Повышение состояний ВМ. Опережают социальная и когнитивная составляющие</i>							
г. Санкт-Петербург	5	5	6	0,351	С	ЭК., СОЦ.	ЗН.
<i>(5) Неустойчивость состояний ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
Мурманская область	5	4	3	0,571	В	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Республика Карелия	5	2	3	0,328	С	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Архангельская область	4	2	4	0,326	С	ЭК., ЗН.	СОЦ.
<i>(4) Застой ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
СЗФО	5	5	5	0,627	В	ЭК.	СОЦ., ЗН.
Республика Коми	4	4	5	0,352	С	ЭК., ЗН.	СОЦ.
<i>(3) Переход к ВМ (к типу 4, фаза начала). Опережает социальная составляющая.</i>							
РОССИЯ	3	3	5	0,969	В	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Ненецкий АО	2	4	4	0,159	Н	ЗН.	ЭК., СОЦ.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
<i>(2) Повышение ПМ (к типам 2, 3). Опережает социальная составляющая</i>							
Ленинградская область	2	2	3	0,473	ВС	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Калининградская область	2	2	3	0,251	НС	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Псковская область	1	2	3	0,252	НС	ЭК., ЗН.	СОЦ.
<i>(1) Застой динамики ПМ (тип 2, фаза роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
Новгородская область	2	2	2	0,305	НС	ЭК., ЗН.	СОЦ.
Вологодская область	2	2	2	0,223	НС	ЭК., ЗН.	СОЦ.

Обозначения: ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ; ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (ЭК.), когнитивный или знаниевый (ЗН.), социальный (СОЦ.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ.

Источник: Таблицы подготовлены с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г. <http://mod.vssc.ac.ru/>), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института филологии РАН.

взгляд, наиболее продуктивной будет стратегия поэтапной модернизации.

Этап 1. Целесообразно сосредоточить финансовые ресурсы и организационные усилия на максимальном использовании потенциала г. Санкт-Петербурга для развития сильно отстающей от него Ленинградской области. Развивать лесопромышленный кластер макрорегиона Северо-Запад. Это, прежде всего, территории: Республика Коми,

Архангельская и Вологодская области, Республика Карелия. Необходимо заменить сырьевой экспорт на экспорт преимущественно готовой продукции (деревянное домостроение, мебель, бумага и т.д.).

Этап 2. Использовать потенциал кластерных производств. Поддерживать и развивать промышленные кластеры в Калининградской, Вологодской и Новгородской областях. Может также получить активное развитие туристиче-

ский кластер в Вологодской и Псковской областях. Приоритетами этого этапа должны стать реиндустриализация и формирование экономической среды, создающей возможности для дальнейшего развития. Прделанные шаги должны способствовать вхождению регионов в третью фазу модернизации (зрелости ПМ) и создать базу перехода к ВМ.

Этап 3. Необходимо развивать потенциал нефтегазового кластера (Мурманская область, Республика Коми). Вместе с этим формировать сберегающие технологии природо- и лесопользования. Цель создания кластеров и продвижения межрегиональной кластерной политики должна заключаться в повышении производительности, инновационности, конкурентоспособности и прибыльности предприятий. Значимым фактором регионального развития является использование потенциала приграничного сотрудничества (Республика Карелия, Мурманская и Ленинградская области, а также Калининградская область), которое должно стать объектом пристального внимания и формирования делового и инновационного сотрудничества.

Проведение социокультурной модернизации тормозится противоречивостью характеристик экономического, политического и социального пространства. Основными факторами, влияющими на возможности модернизации, являются:

а) экономика:

- отсутствие комплексной и всесторонней оценки социально-экономических последствий реализации модернизационных программ (проектов);
- отсутствие четкой стратегии модернизации в период кризисов и посткризисный период;
- коррупция на всех уровнях власти (федеральном, региональном, местном и бытовом), отчасти поддерживаемая действующим законодательством;
- отсутствие реально действующих механизмов гарантированной защиты собственности и обеспечения безопасности гражданина.

б) политика:

- отдаленность политических и управляющих структур от общества, отсутствие приемлемой оптимальной модели государственного устройства, системы законов, учитывающих мнения и права различных слоев населения;
- поддерживаемая властью искусственная модель гражданского общества;
- разбалансированность интересов и идеологий членов политических структур, низкая гражданская активность.

в) общество:

- разделение населения по многочисленным социокультурным показателям;
- региональная дифференциация уровня и качества жизни населения;
- проблемы, связанные с трудовой мобильностью мигрантов, представляющих нетрадиционные для России культуры (нарушение законодательства, расширение теневой экономики, формирование обособленных социальных структур).

Определим основные направления, способствующие модернизационному развитию:

- защита интересов личности (достоинств человека), определение приоритета личных свобод над интересами государства;
- восстановление доверия населения к власти, между людьми, взаимопонимание между социокультурными стратами;
- повышение социальной ответственности крупного бизнеса (олигархата), проведение антикоррупционной реформы;
- стимулирование бизнеса к развитию инноваций;
- построение общества, основанного на знаниях;
- улучшение уровня и качества жизни населения.

Подытожим. Северо-Западный федеральный округ имеет ряд преимуществ. Основные из них – это географическое положение, природно-ресурсная база. Огромное значение

имеет город федерального значения – Санкт-Петербург. Показатели уровня оснащенности территории округа объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские показатели. Однако состояние инфраструктуры и магистральных коммуникаций во многих муниципальных образованиях недостаточно благоприятное. Из-за отсутствия необходимой транспортной составляющей и редкой сети городов в северной части СЗФО существует низкая интегрированность округа, которая сдерживает эффективность реализации его экономического потенциала. Это один из основных факторов, тормозящих развитие, поэтому в перспективе следует уделять повышенное внимание улучшению качества автомобильных дорог, систем теплоснабжения, энергосетей. Реализация производственного потенциала регионов округа ограничена тем, что объему и структуре инвестиционных предложений не соответствует степень развития инфраструктуры территории, большая часть фондов сильно изношена и морально устарела. Модернизация и переход к новым технологическим укладам требуют развития производственного потенциала на новой научно-технической, инновационной основе.

Следует иметь в виду, что выбор инерционных сценариев развития макрорегиона (при сохранении существующих тенденций), делает невозможным достижение поставленных стратегических целей. Недостаточным будет рост высокотехнологичных отраслей экономики, произойдет ухудшение экологической базы территорий, в некоторых областях будет утрачена конкурентоспособность, возникнут негативные экономические и социальные последствия. Проблематично будет

развитие энергетической и транспортной инфраструктуры. Ухудшится демографическая обстановка, сдерживание инновационного развития приведет к снижению качества трудового потенциала.

В случае же выбора инновационного сценария развития у СЗФО появится возможность превращения территорий в зону технологического и социокультурного прорыва. Высокотехнологичные и наукоемкие отрасли будут иметь достаточно стимулов для ускоренного роста. С учетом повышения эффективности здравоохранения, внедрения новых технологий станет возможным снижение заболеваемости и смертности населения. Формирование эффективного комплекса «наука – образование – инновации» (НОИ)²⁹ обеспечит опережающий характер развития образовательной сферы, итогом этого станет рост качества образования, изменение профессионально-квалификационной подготовки кадров, удовлетворяющей потребностям инновационной экономики. Развитие добывающих и перерабатывающих отраслей, базирующееся на инновационных технологиях, позволит продуктивно развиваться топливно-энергетическому комплексу и выходить на новые рынки сбыта. То есть обеспечение конкурентоспособности регионов СЗФО будет основываться на сбалансированности направлений и инновационной активности во всех сферах социально-экономической жизни.

²⁹ Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 395–414.

Глава 5

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ*

Южный федеральный округ (ЮФО) был образован Указом Президента России В.В. Путина от 13 мая 2000 г. № 849. По этому указу он назывался Северо-Кавказским. Но уже спустя около месяца, также по Указу Президента (№ 1149 от 21 июня 2000 г.) Северо-Кавказский федеральный округ был переименован в Южный. Мотивы этого преобразования, как можно предположить, – географические и имиджевые. Состав ЮФО был изменен 19 января 2010 г. в соответствии с Указом Президента России Д.А. Медведева № 82, согласно которому из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ. Именно с 19 января 2010 г. Южный федеральный округ (ЮФО) ныне существует в составе шести субъектов Российской Федерации – Краснодарского края, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, республик Калмыкия и Адыгея (см. рис. 5.1). Центром округа является город Ростов-на-Дону.

Южный федеральный округ расположен на крайнем юге европейской части России и занимает южную часть Восточно-Европейской равнины, северо-запад Прикаспийской низменности и западную часть Большого Кавказского хребта. Омывается водами трех морей – Черного, Азовского и Каспийского. Северная часть округа находится в зоне равнинной степи, с северо-запада на юго-восток протянулись возвышенные предгорья. Большая часть равнинной территории лежит в степной зоне с плодородными черноземными и каштановыми почвами; к востоку степи переходят в полупустыни и пустыни.

Основная часть территории округа, как и вся европейская часть России, находится в зоне умеренно-континентального климатического пояса. Средняя июльская температура колеблется в пределах от 20 до 24°C. Вегетационный период с температурами выше 10°C продолжается в течение 170–190 дней. Среднеянварские температуры колеблются от 2°C в Сочи и Новороссийске до –9–12°C в степях Волгоградской и Ростовской областей. Узкая полоса Черноморского побережья Кавказа находится в зоне субтропического климата¹.

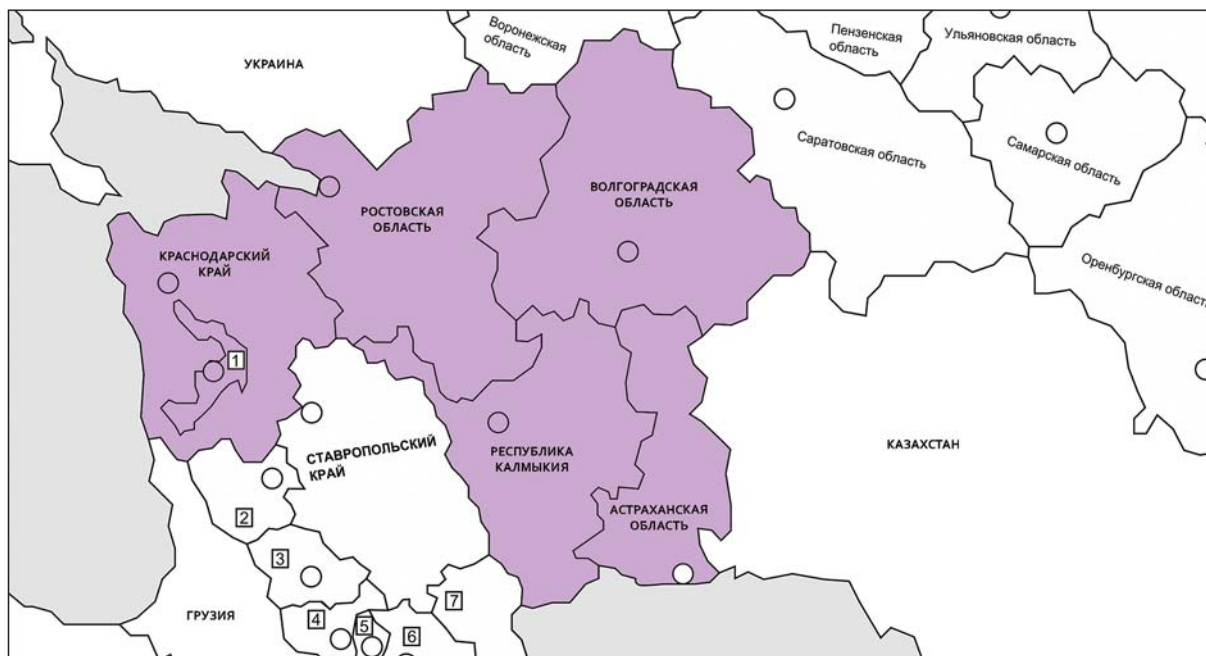
В округе находятся стратегические запасы топливно-энергетических и минерально-сырьевых природных ресурсов современной России – газовая сера (около 90% запасов страны), природный газ, уголь, а также нефть (включая газовый конденсат), сырье для производства местных строительных материалов, термальные и минеральные воды, вольфрам, водные биоресурсы Каспийского, Черного и Азовского морей².

На 1 января 2015 г. площадь ЮФО составляла 420,9 тыс. кв. км (7-е место среди девяти федеральных округов страны, 2,5% от общей

* Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

¹ Источник: URL: <http://geographyofrussia.com/klimaticheskie-zony-rossii> (дата обращения 11.06.2015).

² Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р). URL: http://www.minregion.ru/upload/documents/2011/09/280911/280911_1538_r.doc (дата обращения 1.10.2013).

Обозначения: 1 – Республика Адыгея; 2 – Астраханская область; 3 – Волгоградская область; 4 – Республика Калмыкия; 5 – Краснодарский край; 6 – Ростовская область.

Источник: <http://traditio.wiki> (дата обращения 2.10.2014)

Рисунок 5.1. **Административно-территориальный состав Южного федерального округа**

площади Российской Федерации³). На конец 2014 г. на территории округа проживало почти десять процентов (9,6%) населения страны – свыше 14 млн чел. (4-е место среди округов России после Центрального, Сибирского и Приволжского федеральных округов). В Российской Федерации ЮФО граничит с Центральным, Северо-Кавказским и Приволжским федеральными округами.

Археологические исследования свидетельствуют, что человек появился на территории нынешнего ЮФО в среднем палеолите (примерно 150–100 тыс. лет назад)⁴. Руководитель археологических экспедиций

³ Здесь и далее источник статистической информации (если не указаны другие источники): Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p (дата обращения 13.02.2016).

⁴ Мамонтов В.И. Древние народы степей Северного Прикаспия // Сталинградская гвоздика. Гордапобратимы – символ совместного наследия: Сб. материалов междунар. конф. / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2015. С. 9; Брей У., Трамп Д. Археологический словарь: пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 99.

Саратовского университета 1919–1921 г. Ф.В. Баллод отмечал: «Через «Великие ворота народов», между Уралом и Каспием проходили с древнейших времен бесчисленные волны племен...»⁵ Таким образом, начинала формироваться такая особенность макрорегиона, как геополитическая биполярность на осях Запад–Восток и Север–Юг, и такие особенности ментального поля населения, как поликультурность, терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту.

Археологам известны стоянки первобытного человека эпох мезолита (IX–VII тыс. до н.э.) – зарзийская культура⁶ – и неолита (VI–IV тыс. до н.э.) – Орловка на северной окраине Волгограда, Джангар в Калмыкии и Раздорская I на Нижнем Дону. В эпоху бронзы в регионе формируются скотовод-

⁵ Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи» (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М.-Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 123–124.

⁶ Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 106.

ческие ямная (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) и катакомбная культуры (III – начало II тыс. до н.э.), а также скотоводческо-земледельческая срубная культура. В бронзовом веке население степных районов Восточной Европы в языковом отношении принадлежало к индоевропейским народам. «Во время существования ямной культуры здесь сформировалась общность, получившая... название индоиранской, впоследствии по языковому различию распавшаяся на индоарийскую и иранскую ветви»⁷.

Кочевничество-оседлость – еще одна ось, на многие столетия определившая поле «напряжения» и формирования менталитета в исследуемом нами пространстве в междуречье Нижней Волги и Дона. Это не могло не отразиться на менталитете населения, характеризующегося соединением несоединимых, на первый взгляд, черт ментального поля оседлости и кочевничества. Зоны кочевничества, в отличие от зон оседлого хозяйствования, являются своеобразными этническими «котлами», в которые постоянно притекают и перемешиваются, ассимилируются различные этнические группы.

В эпоху железного века по «степному коридору» из глубин Азии пришли племена ираноязычных кочевников – скифов (конец VIII–IV в. до н.э.). Соседями скифов в степях Прикубанья были «земледельческие племена, получившие собирательное название «меоты», которых многие ученые относят «к народностям кавказской языковой группы, считая их далекими предками адыгов»⁸. С VI в. до н.э. началась колонизация Северного Причерноморья ионийскими греками, которые основывали многочисленные города по побережью Черного и Азовского морей. Далее скифов сменили савроматы (конец VIII–IV в. до н.э.), сарматы (IV в. до н.э. – IV в. н.э.).

В раннем средневековье (IV–V вв.) в Европу через Нижневолжско-Донские степи

прокатилась волна «Великого переселения народов» – в облике тюркоязычного гуннского нашествия, которое поглотило сарматов. Здесь сложился и распался Западно-Тюркский каганат (VII в.), из которого затем выделился и превратился в огромную империю Хазарский каганат (вторая половина VII–IX в.), включавший как народы тюркского (хазары, болгары), так и ираноязычного (аланы и др.) происхождения. Дань Хазарии вынуждены были платить и приднепровские славяне, усилиями князей которых с образованием Киевской Руси каганат был обрушен во второй половине IX в.

Интересно положение междуречья Волги и Дона относительно Киевской Руси и Московского государства. С одной стороны, это «Азия», с которой русский народ столкнулся не на одном азиатском материке, он нашел ее и в Европе, на той самой Великой равнине, где сам впервые появился на исторической сцене. Борьба с европейской частью «Азии» проходит «ярчайшей полосой через первые века нашей истории, начиная с обрвов, хазар и кончая монголами...; в последующие два века она приняла форму тяжелого татарского ига... Но с его падением она возобновляется с прежним напряжением и силой»⁹. С точки зрения геополитической теории Х. Маккиндера и Ф. Моро-Дефаржа, выделяющих хартленд («сердцевину») и «внутренний полумесяц»¹⁰, римленд¹¹, территория, на которой располагается нынешний ЮФО, – это как раз-таки «внутренний полумесяц», римленд, то есть промежуточное пространство, которое имеет жизненно важное значение для хартленда.

В IX – середине XI вв. на этой территории кочевали тюркоязычные печенегы, а во второй половине XI – первой трети XIII в. – родственные им огузы и половцы. Затем последних вытеснили монголо-татарские завоеватели, которые создали крупнейшую кочевую импе-

⁷ Скрипкин А.С., Луночкин А.В., Курилла И.И. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Планета, 2013. С. 19.

⁸ Скрипкин А.С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды. Волгоград: Издатель, 2008. С. 70–119.

⁹ Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Северная звезда, 2004. С. 204.

¹⁰ Маккиндер Х. Географическая ось истории. URL: <http://www.geopolitikcs.nm.ru/Mackinder.html> (дата обращения 11.06.2015).

¹¹ Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996.

рию и основали здесь в XIII–XIV вв. десятки больших и малых городов для управления вновь созданным государством «Золотая Орда». В социальном пространстве Золотой Орды происходило наложение друг на друга нескольких символических систем: языческой, исламской и христианской – как православной, так и католической, – под влиянием которой язычество стало быстро сдавать свои позиции. Таким образом, к полиэтничности территории ЮФО добавилась поликонфессиональность.

В 1456 г. в Волго-Ахтубинской пойме и на территории современной Калмыкии возникло Астраханское ханство, которое перестало существовать в результате походов русских войск 1554 и 1556 гг. Со второй половины XVI в. Нижневолжский регион вошел в состав России, стали строиться русские крепости, из которых выросли современные города-миллионники (Царицын (1589) – Волгоград, Саратов (1590) и др.).

В конце XVI – начале XVII в. из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий мигрировали кочевые калмыки (потомки монголов ойратской группы), принявшие в XVII в. русское подданство. Этот факт добавил красок не только в богатую палитру полиэтничности макрорегиона, но и в его поликонфессиональную структуру – калмыки исповедовали тибетскую форму буддизма. Один фрагмент – и картина стала полной: на территории нынешнего ЮФО мирно сосуществуют представители *всех мировых религий*.

С XVI в. на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье формируются общины вольных казаков. С точки зрения А.И. Козлова, «казачество... – это сложное социокультурное русское (великорусское и малороссийское) сообщество, субэтнос (соэтнос) юга России... По мнению большинства исследователей, казачьи этносоциальные сообщества (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Калмыцкое) на юге России складывались в течение нескольких столетий, но каждое из них в полноценный «этнос-народ» полностью сложилось так и не успело, по ряду объективных причин»¹².

¹² Тикиджян Р.Г. Модернизационные и конфликтно-генные процессы в Войске Донском во второй половине

В 1722–1724 гг. несколько тысяч донских казаков были переселены в низовья Волги, где сначала было образовано Астраханское казачье войско, получившее в 1725 г. от царя знамя, а впоследствии (с 30-х гг. XVIII в.) – Волжское («Волгское») казачье войско для несения караульной службы на Царицынской сторожевой линии. В 1860 г. на территории современных Краснодарского края, западной части Ставропольского края, республик Адыгея и Карачаево-Черкесия было образовано Кубанское казачье войско с центром в г. Екатеринодар (Краснодар). Его основой стало Черноморское казачье войско, созданное в 1787 г. после расформирования в 1775 г. Запорожской Сечи из частей Войска верных запорожцев, а также части Кавказского линейного казачьего войска.

Таким образом, после поэтапного присоединения территорий нынешнего ЮФО в XVI–XVIII вв. к России земли стали называться «Новая Россия» (термин «Новороссия» появился в XVIII в.). «Эта специфика «новой старой» роли Юга как пограничного края находит свое отражение в «охранительных», «державных» ориентациях. В массовом сознании глубоко укоренен миф границы, ставшей почти сакральным понятием, что нашло отражение в казачьем фольклоре»¹³.

Регион не перестал быть «этническим котлом» и после вхождения в состав России. Согласно данным всероссийской переписи населения 2010 г., национальный состав включает в себя более ста этносов, самыми крупными из которых являются русские (83,75%), армяне (3,19%), украинцы (1,54%), казахи (1,48%), калмыки (1,24%), татары (0,92%), адыгейцы (адыги) (0,88%)¹⁴. Плотность населения

XVIII–XX вв.: актуальные проблемы изучения // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 286.

¹³ Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: ИД «Петрополис», 2009. С. 224.

¹⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения 13.07.2015).

в Южном федеральном округе составляет 33,27 чел./кв. км. Можно считать также показательной представленность в ЮФО национальностей и этнических групп: если в целом в России проживает около 200 национальностей и субэтнических групп¹⁵, то на юге страны – более ста народов, которые принадлежат к различным языковым группам и исповедуют все религии мира¹⁶.

В истории федерального округа как административного образования были периоды, когда нынешние субъекты полностью или частями входили в состав друг друга и неоднократно повышали или понижали свой административно-политический и хозяйственный статус соответственно внутривнутриполитической конъюнктуре.

В настоящее время в состав ЮФО входят 1727 муниципальных образований, в том числе 143 муниципальных района, 30 городских округов, 1554 поселения, из которых 93 – городские, 1461 – сельские. Наиболее урбанизированной территорией являются Краснодарский край и Волгоградская область. Территориально-поселенческая структура Южного федерального округа характеризуется наличием 18 городов с населением более 100 тыс. чел., в которых проживает около 5908 тыс. чел. Около 2,8 млн человек проживает в малых городах.

В целом Южный федеральный округ занимает особое место в цивилизационном пространстве России, о чем свидетельствуют особенности культуры и социальных практик: в макрорегионе исторически сложилось многосоставное, культурно гетерогенное население; его гетерогенность включает ярко выраженные «этнический, конфессиональный, лингвистический, этнохозяйственный компоненты. Его отличают противоречивая история межкультурного взаимодействия, неоднородность локальных и субрегиональ-

ных единиц по выделенным параметрам»¹⁷. Исторически сложившиеся условия поликультурности, определяемой «евразийским» геополитическим положением макрорегиона как «площадки диалога культур», «перекрестка цивилизаций», в большей степени способствуют выработке у населения такой базовой особенности менталитета, важнейшей составляющей антропологической идентичности, как терпимость, толерантность. Это важнейший ресурс социокультурной модернизации как цивилизационного процесса развития ценности личности в условиях этноконфессионального разнообразия.

Уникальное положение округа в социокультурном пространстве России обусловлено также его особым геополитическим статусом. На востоке округ граничит с Казахстаном, на западе – с Украиной. С территории округа имеется выход к трем морям – Азовскому, Черному и Каспийскому. Четыре из шести регионов округа имеют приграничный статус. Округ не только находится на перекрестке Запад–Восток, но и попадает в зону цивилизационного разлома «христианский–мусульманский миры», который в разной степени затрагивает все субъекты округа. Подобное положение обуславливает интерес к нему различных геополитических акторов, зачастую с противоположными интересами. «В силу относительно близких расстояний от центрально-европейской части страны и за счет демографически плотной заселенности и экономической развитости треугольник Ростов–Дон–Волгоград–Астрахань представляет собой важнейший форпост России на Юге, геополитическое ядро кавказской стратегии Евразии... Это своего рода «стратегический буфер», отделяющий «остальную Россию от районов геополитического риска, политической нестабильности и этнических конфликтов на Северном Кавказе и Закавказье...»¹⁸

¹⁵ Демоскоп. Weekly. 2014. № 617–618. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php (дата обращения 13.07.2015).

¹⁶ Туаева Б.В. Вопросы сохранения этнокультурного разнообразия России: Северо-Кавказский регион // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2008. № 12 (84). С. 219.

¹⁷ Котельников Д.С. Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа: автореф. дис... к-та социол. наук по специальности 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни (социологические науки). Ростов-на-Дону, 2009.

¹⁸ Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: ИД «Петрополис», 2009. С. 223–225.

Ситуация осложняется неравномерностью распределения населения на территории округа, которая служит показателем как социально-демографических ресурсов, так и результатов модернизации отдельных субъектов региона. Так, на конец 2014 г. в Азово-Черноморском регионе ЮФО (Краснодарский край, Республика Адыгея и Ростовская область) проживало около 10,14 млн чел. с плотностью населения 55,0 чел. на кв. км. Население Волго-Каспийского региона округа (Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия) включает около 3,86 млн чел., плотность населения составляет 16,3 чел. на кв. км.

Эволюция и состояние модернизации Южного федерального округа

В 2000 г. индексы **первичной модернизации** в ЮФО и в среднем по России заметно различались (соответственно, 89% и 91,9%), как и фазовые их значения (соответственно, 2,5 – фаза «роста» и 3,25 – фаза «зрелости»). В итоге по состоянию модернизированности Россия относилась к среднему типу 3, а ЮФО – к самому низкому типу 1 (см. табл. 5.1).

К 2005 г. состояние модернизированности округа повысилось до типа 2, «ниже среднего», а Россия в целом относилась к типу 3. К 2010 г. округ поднялся в фазу «зрелости»,

Таблица 5.1

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ. Векторы эволюции состояний (типов) модернизированности регионов (2000–2012 гг.) и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)*

Регионы	Динамика состояний (типов)				Интегрированные индексы, ИИСБ			
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации								
<i>(3) Быстрый переход к ВМ (к типу 5). [В целом Россия] Опережает социальная составляющая</i>								
Россия	3	3	5	5	0,969	В	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации								
<i>(2) Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста и зрелости). [В целом ЮФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>								
ЮФО	2	2	2	3	0,397	С	эк., зн.	соц.
Ростовская обл.	1	2	2	3	0,38	С	эк., зн.	соц.
Краснодарский край	1	1	2	3	0,523	ВС	эк., зн.	соц.
Астраханская обл.	2	2	2	3	0,293	НС	эк., зн.	соц.
Волгоградская обл.	2	2	2	3	0,227	НС	эк., зн.	соц.
Республика Адыгея	1	1	1	2	0,317	С	эк., зн.	соц.
<i>(1) Стагнация ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>								
Республика Калмыкия	1	1	1	1	0,281	НС	эк., зн.	соц.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

но его состояние модернизованности сохранилось как тип 2. Россия же в целом благодаря более быстрому развитию ряда других федеральных округов повысила свое состояние сразу на две ступени: поднялась из типа 3 в тип 5. Это означало, что Россия вошла в начальную фазу **вторичной модернизации**, а ЮФО достиг лишь третьей фазы («зрелость») первичной модернизации и остался во втором типе модернизованности. Следовательно, дистанция между модернизованностью округа и страны в целом увеличилась не только количественно, но и качественно. В 2011 г. округу удалось несколько сократить это отставание за счет перехода в тип 3 модернизованности – «выше среднего» третьей фазы («зрелость») первичной модернизации.

Индекс первичной модернизации макро-региона повысился в 2000–2012 гг. с 89% до 98,8%. В целом по России аналогичный показатель в 2011 г. достиг 100%. Таким образом, процессы первичной модернизации в среднем по стране и по округу идут с разной скоростью. В округе за исследуемый период индексы трансляции в знаниях, качества жизни и качества экономики выросли, а индекс инноваций в знаниях уменьшился.

Основные итоги эволюции Южного федерального округа за период 2000–2012 гг. следующие (см. рис. 5.2):

- все регионы ЮФО находятся в стадии первичной модернизации и не вошли в стадию вторичной модернизации. К 2012 г. округ занимает 4-е место среди федеральных округов по сбалансированности модернизационных процессов, 6-е место – по итоговому показателю первичной модернизации, последнее место – по итоговому показателю вторичной и интегрированной модернизации, сохраняется отставание всех индикаторов первичной и вторичной модернизации от среднероссийских. Округ несколько уступает среднероссийским показателям модернизации по индексам трансляции знаний (91,8% против 93,6%), качества экономики (42,8% против 53,5%), заметно уступает по индексу инновации

в знаниях (25,2% против 55,7%), интегрированному индексу сбалансированности модернизации (значение 0,397 против 0,969). Хотя и значение последнего показателя повысилось с уровня «ниже среднего» до среднего. Разница в показателях интегрированного индекса модернизации по округу и стране – около 10% (59,1% и 67%);

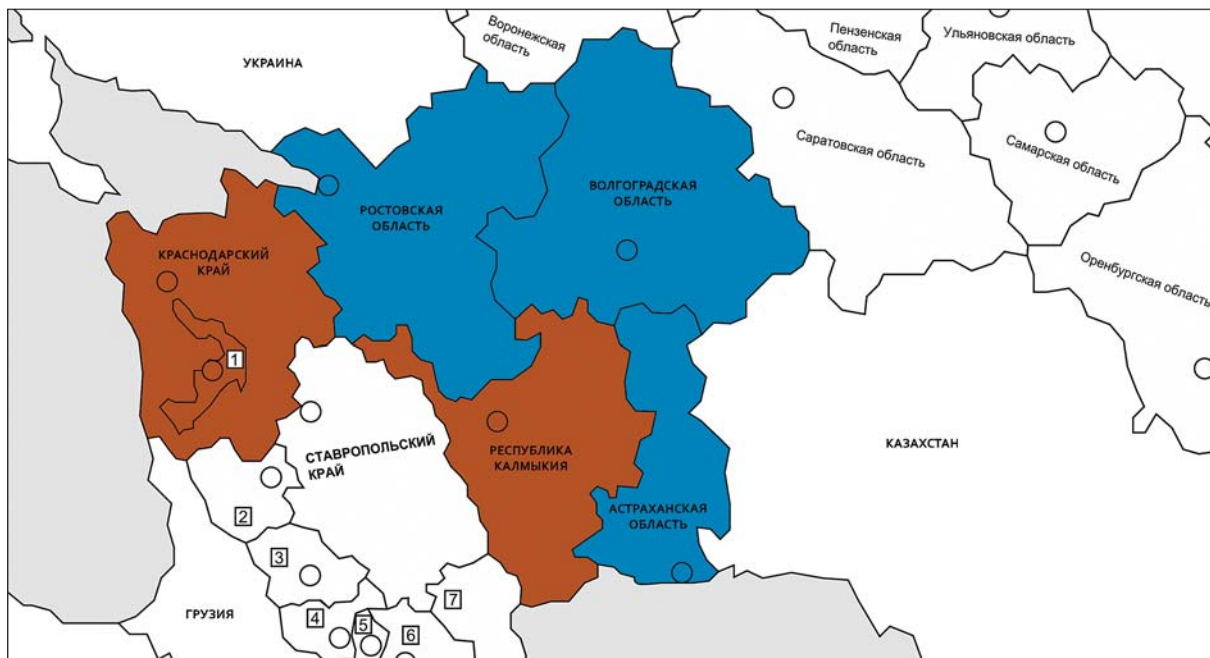
- для пяти из шести субъектов ЮФО характерна восходящая мобильность модернизационных состояний. Ростовская область с 2008 г. вошла в фазу первичной модернизации «зрелость» и перешла на более высокий уровень – от типа 2 к типу 3. Краснодарский край с 2005 г. также повышает свое качество процесса первичной модернизации – регион преодолел фазу «традиционный предварительный» (тип 1) и перешел к фазе «ниже среднего» (тип 2), в 2012 г. – к фазе «срединный» (тип 3). Три субъекта – Астраханская и Волгоградская области, Республика Адыгея – в 2011 г. вышли из состояния заторможенного роста первичной модернизации: Астраханская и Волгоградская области вошли в стадию «срединный» (тип 3), а Республика Адыгея перешла из стадии «традиционный, предварительный» (тип 1) в стадию «ниже среднего» (тип 2). Республика Калмыкия находится в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации – в низшей фазе «традиционный, предварительный» (тип 1).

Конкурентные преимущества и проблемы как вызовы комплексной модернизации регионов ЮФО

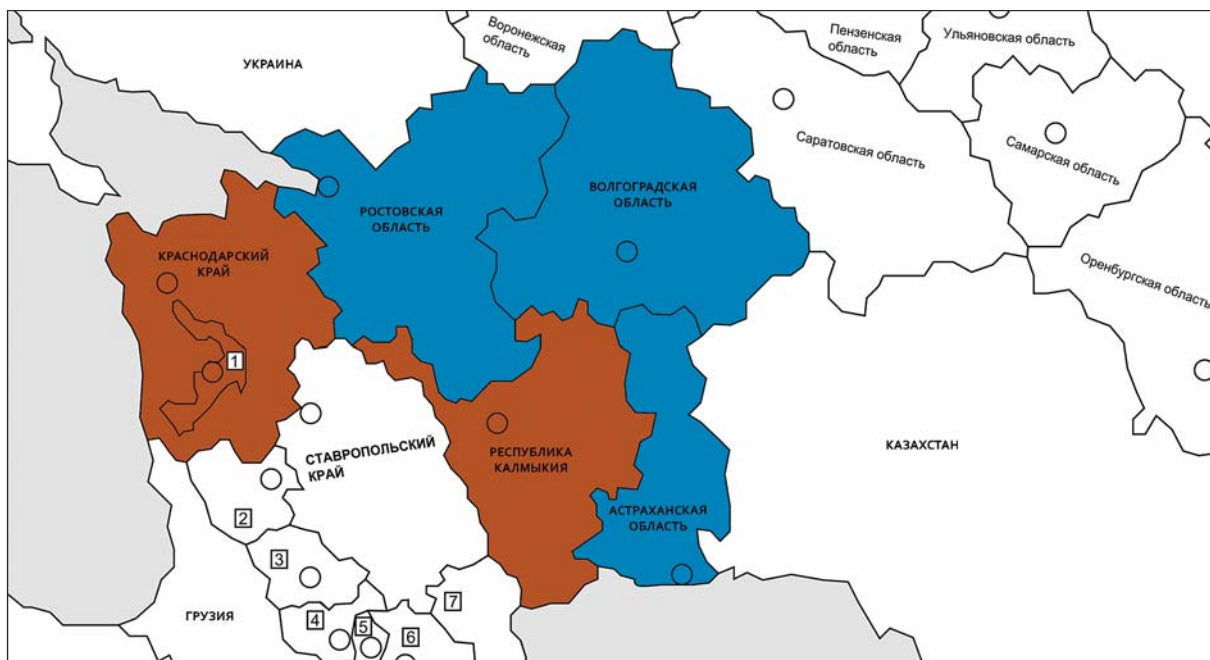
Рассмотрим сильные и слабые позиции модернизации макрорегиона, что позволит выявить конкурентные преимущества округа и конкретный перечень проблем-вызовов, требующих разрешения для перехода от состояния заторможенного роста первичной к развитию вторичной модернизации.

2005 г.

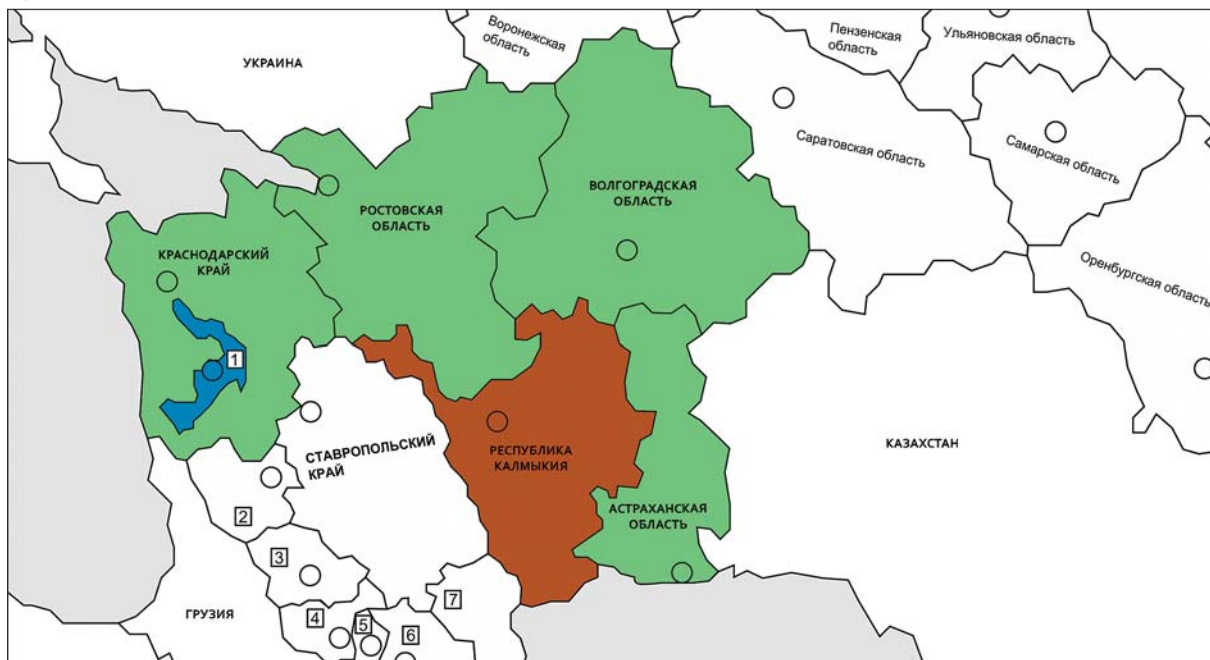
2000 г.

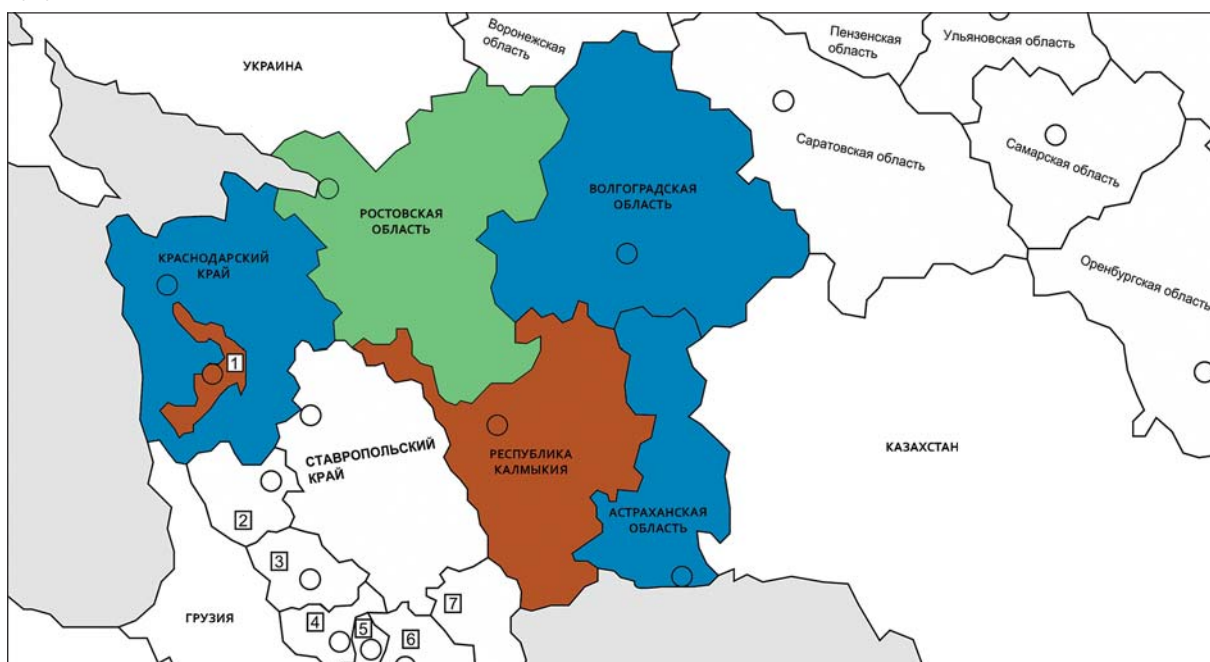
Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Волгода). URL: <http://mod.vsc.ac.ru/>

Рисунок 5.2. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Южного федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (·) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены области, края и республики: 1 – Адыгея; 2 – Карачаево-Черкесия; 3 – Кабардино-Балкария; 4 – Северная Осетия – Алания; 5 – Ингушетия; 6 – Чечня; 7 – Дагестан.

Что касается **технико-технологической компоненты** модернизации, то в округе имеется солидный запас ресурсов для перехода к новому способу создания средств жизнедеятельности людей, среди которых природно-климатические условия, наиболее благоприятные для проживания, отдыха и сельского хозяйства, и природно-ресурсный потенциал.

Проблемой-вызовом является неблагоприятная экологическая обстановка в наиболее населенных и промышленно развитых районах округа, несмотря на спад производства

и осуществление ряда природоохранных мер как на федеральном, так и на региональном уровне. Благоприятным является то обстоятельство, что за период 1990–2014 гг. сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты всех регионов округа снизился, но при этом также повсеместно, но в различной степени, снизилось использование свежей воды: по округу в целом, республикам Адыгея, Калмыкия, Краснодарскому краю, Ростовской области – почти в два раза, по Астраханской и Волгоградской областям – практически втрое (см. табл. 5.2).

Таблица 5.2

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Уровень загрязненности воздуха и воды за период 1990–2014 гг.

Регионы	1990 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (тысяч тонн)</i>							
Южный федеральный округ	1305	617	648	633	731	716	669
Республика Адыгея		2	4	4	6	9	10
Республика Калмыкия	5	3	3	4	4	7	5
Краснодарский край	306	113	139	161	216	205	189
Астраханская область	101	131	125	132	134	130	118
Волгоградская область	349	221	201	178	171	173	154
Ростовская область	544	146	176	154	200	193	194
<i>Использование свежей воды (миллионов кубических метров)</i>							
Южный федеральный округ	16000	7602	-7465	7687	7271	7108	7193
Республика Адыгея	288	76	119	124	134	174	145
Республика Калмыкия	845	371	371	358	325	290	394
Краснодарский край	6053	3105	3142	3278	3236	3014	3005
Астраханская область	2335	937	772	1085	850	800	758
Волгоградская область	1708	833	731	710	609	583	582
Ростовская область	4771	2279	2330	2132	2118	2247	2310
<i>Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (миллионов кубических метров)</i>							
Южный федеральный округ	3641	1409	1446	1436	1394	1321	1306
Республика Адыгея	70	24	29	28	28	26	24
Республика Калмыкия	39	36	29	33	20	26	14
Краснодарский край	2760	795	863	920	892	839	833
Астраханская область	91	68	69	71	56	52	50
Волгоградская область	286	204	186	150	144	141	123
Ростовская область	395	282	270	235	253	236	262

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

По выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, по округу в целом произошло снижение практически в два раза, за исключением Астраханской области, в которой произошло увеличение за период 1990–2014 гг. почти что на 20%, а в 2005–2013 гг. даже в большей степени – практически на треть. Увеличение выбросов произошло также в Адыгее и Калмыкии, но в количественном выражении это не очень значительно. В Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае наблюдается уменьшение данного показателя в масштабах, соотнесенных с показателями по округу в целом.

Среди наиболее острых экологических проблем-вызовов макрорегиона следует назвать:

- реальную угрозу распространения процесса опустынивания, особенно на территории Калмыкии, в Ростовской области; водную и ветровую эрозию почв (только в Краснодарском крае почти 50% площади пашни); пестицидное загрязнение почвы (особенно в зонах рисосеяния Краснодарского края). Только в Волгоградской области площадь загрязненных земель достигает 33,2 тыс. га, эродированных сельскохозяйственных угодий – свыше 2 млн га, засоленных – более 1,4 млн га;
- физическую деградацию уникальных экосистем курортных районов прибрежных зон Черного и Азовского морей вследствие урбанизации;
- превышение нормативов антропогенных нагрузок в промышленных центрах Северного Прикаспия;
- проблему захламления территорий в результате складирования промышленных и бытовых отходов, которые влияют на экосистемы урбанизированных территорий, в том числе курортных городов Сочи, Геленджик. Только в Волгоградской области накоплено 50–60 млн т отходов на площади, примерно равной 120 кв. км (0,011% территории);
- деградацию водных объектов. Так, прогрессирует загрязнение и опреснение уникального соленого озера Эльтон за

счет сброса вод с оросительных систем. Деградируют малые и большие реки. Среди основных рек России наибольшими экологическими проблемами характеризуются и оцениваются как «загрязненные» в том числе такие реки округа, как Волга, Дон, Кубань;

- резкое сокращение рыбных запасов (особенно в Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях), в том числе и визитной карточки всей России и некоторых ее регионов – рыбы осетровых пород – в результате химического поражения ихтиофауны, зарегулирования стоков рек¹⁹.

Экологические проблемы значительно усугубляются системными институциональными проблемами общегосударственного масштаба, возникшими в последние годы в результате поспешной приватизации собственности и деэкологизации государственного управления (сокращение государственной поддержки природоохранной деятельности, перманентные реорганизации природоохранных структур, сопровождавшиеся сокращением штатного расписания и бюджетного финансирования).

Институциональный характер носит также и основная проблема, вызванная макроэкономическим сдвигом перехода от государственной собственности к частной: плановая система хозяйствования была разрушена в результате грабительской приватизации, но при этом существуют значительные институциональные препятствия для развития капиталистической системы. Налицо деиндустриализация и деградация четвертого

¹⁹ Более подробно об экологических проблемах ЮФО см., например: Водные ресурсы Волги: история, настоящее и будущее, проблемы управления: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. 25–26 октября 2012 г. Астрахань: АИСИ, 2012; Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития: монография / Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Л.В. Боронина, Е.С. Дегтярева, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, Н.А. Овчар, В.В. Токарев. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2012; Экологическое состояние природной среды Волгоградской области // География и экология Волгоградской области: учеб. пособие для ср. шк. / авт. кол.; под общ. ред. В.А. Брылева. Волгоград: Перемена, 2005.

технологического уклада первичной модернизации – развитие автомобиле- и тракторостроения, цветной металлургии, производство синтетических материалов.

Переходу к пятому технологическому укладу наукоемкого производства (электронная промышленность, вычислительная техника), а вместе с ним к вторичной, информационной стадии модернизации и к экономике, основанной на приращении и использовании знаний, препятствует состояние системы образования и науки в федеральном округе.

Образование выполняет функции трансляции и трансформации культуры, воспроизводства социальных статусов и ролей, адаптации личности к социальной жизни. Образовательная среда является стратегической в обществе знаний, основным капиталом которого становится интеллект и личностные ресурсы работника. Что касается социальных институтов образования, то детским дошкольным образованием в округе охвачено только 61,4% детей (6-е место среди федеральных округов), что уступает среднероссийским показателям (64,6% детей). Остро стоит проблема нехватки мест в детских дошкольных учреждениях: на 100 мест в детских садах приходится 114 детей при среднероссийском аналогичном показателе 106 детей на 100 мест. 17,1% детей в ЮФО (5-е место среди федеральных округов) обучаются в общеобразовательных учреждениях во вторую и третью смену вследствие нехватки площадей

и износа инфраструктуры школ. И это несмотря на то обстоятельство, что выпуск обучающихся в округе, так же как и по стране в целом, с 2000 г. сократился более чем в три раза (тогда как по Северо-Кавказскому федеральному округу – менее чем в два раза).

Выпуск квалифицированных рабочих и служащих кадров до 2013 г. несколько уступал среднероссийским показателям, но в 2014 г. сравнялся с ними и составил 58 чел. на 10 тыс. чел. занятого населения соответственно. И по стране, и по ЮФО наблюдается стабильное падение этого показателя в последние десятилетия. Численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений среднего звена на начало 2014/2015 учебного года составила 143 чел. на 10 тыс. чел. населения, что превышает среднероссийские показатели (134 чел. на 10 тыс. чел. населения). Этот показатель также снижается и в макрорегионе и в стране в целом.

В округе действует 72 вуза (5-е место среди федеральных округов). Численность вузов в России и ее федеральных округах сокращается. Численность профессорско-преподавательского состава вузов составляет 25 325 чел. (также 5-е место). Этот показатель также падает по стране в целом и всем ее федеральным округам без исключения. По численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, макрорегион с показателем 460,7 чел. на 10 тыс. чел.

Так, например, в Волгоградской области крупные предприятия советского периода, среди которых «Красный Октябрь» (некогда самый большой металлургический завод на юге России), Тракторный завод, завод «Химпром» – все на различных стадиях банкротства. «В областном центре – городе-герое Волгограде – самые низкие зарплаты среди всех российских миллионников. Средняя за 2013 год – 19 тыс. руб., по данным «Волгоградстата». Реальная, которую получает большинство, – 10–12 тыс. Помимо зарплатного экономические волгоградские антирекорды – самый низкий объем инвестиций в основной капитал (40,4 тыс. руб. на душу населения) и самая высокая изношенность фондов (хуже только в Красноярске)... В Волгограде по сравнению с другими миллионниками меньше всего предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса на тысячу человек (29,6 в 2012 году)»¹.

В Астраханской области в постсоветский период наблюдается деградация производства – закрылись практически все крупные предприятия, развиваются только газодобыча и газопереработка, а также добыча нефти на Каспии. При этом ООО «Газпром добыча Астрахань», например, существует в регионе как «государство в государстве», механизмов контроля деятельности которого у местных чиновников всех уровней очень мало. Существенно сокращаются объемы традиционной для области добычи и переработки².

---

¹ Якорева А. Волгоград: самый бедный миллионник России. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2485742> (дата обращения 16.06.2014).

² По статистической информации по сравнению с 2005 г. количество занятых в рыболовстве Астраханской области сократилось в 1,5 раза.

населения занимает также 5-е место среди округов России. Этот показатель тоже имеет тенденцию к снижению.

Одним из ключевых индексов вторичной модернизации является индекс инновации в знания. Как отмечалось выше, этот индекс единственный из индексов модернизации ЮФО, который имеет отрицательную динамику за последнее десятилетие, и нуждается в пристальном внимании.

Причина – снижение числа организаций, выполняющих исследования и разработки, и численности персонала, занятого исследованиями и разработками. Так, по Российской Федерации число организаций, выполняющих исследования и разработки, снизилось на 21%, по ЮФО – на 31%, Республике Калмыкия – на 50%, Краснодарскому краю – на 24%, Астраханской области – на 47%, Волгоградской области – на 22%, Ростовской области – на 37%. Только по Республике Адыгея

произошло увеличение количества таких организаций – от 6 до 10 (см. табл. 5.3).

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по Российской Федерации за этот же период уменьшилась на 52%, по ЮФО – в большей степени, более чем на две трети, 68%, по Адыгее – на 35,4%, Калмыкии – на 63%, Краснодарскому краю – на 49%, Астраханской области – на 77%, Волгоградской области – на 66%, Ростовской области – на 62%.

Доля затрат на исследования и разработки, доля ученых и инженеров, полностью занятых НИОКР, число жителей, подавших заявки на получение патентов, на 1 млн чел. населения, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств в ЮФО уступает среднероссийским показателям. Не может не беспокоить также проблема воспроизводства научно-технического потенциала в масштабах страны и округа: количество лиц с уче-

Таблица 5.3

**ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Научно-технический потенциал за период 1992–2014 гг.**

Регионы	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Организации, выполняющие научные исследования и разработки									
Российская Федерация	4555	4059	4099	3566	3492	3682	3566	3605	3604
Южный федеральный округ	341	299	268	239	231	255	222	234	236
Республика Адыгея	6	3	3	3	6	8	8	9	10
Республика Калмыкия	12	9	9	8	7	7	6	6	6
Краснодарский край	87	74	62	62	53	53	52	56	66
Астраханская область	38	28	20	21	23	36	17	20	20
Волгоградская область	60	58	63	45	42	42	38	45	47
Ростовская область	138	127	111	100	100	109	101	98	87
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (человек)									
Российская Федерация	1 532 618	1 061 044	887 729	813 207	736 540	735 273	726 318	727 029	732 274
Южный федеральный округ	78 439	52 023	37 422	28 875	28 109	27 738	23 964	24 263	25 361
Республика Адыгея	472	201	168	163	330	357	316	326	305
Республика Калмыкия	339	228	205	221	203	190	181	183	213
Краснодарский край	14 868	9083	7332	7000	6256	6059	6504	6872	7585
Астраханская область	3904	2591	1669	1621	917	966	1014	1083	904
Волгоградская область	11 050	6413	4797	4157	4001	3988	3639	3568	3732
Ростовская область	33 281	26 099	17 581	15 713	16 402	16 178	12 310	12 231	12 622

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p (дата обращения 13.02.2016).

ными степенями по России и ЮФО за период 2005–2014 гг. увеличилось на 10 170 и 1216 чел. соответственно, докторов наук – на 4559 и 406 чел. соответственно, кандидатов наук – на 5611 и 810 чел. соответственно. Много это или мало? Смогут ли эти люди в таком количестве в недалеком будущем стать опорными точками и локомотивами процесса социокультурной модернизации? Кроме того, необходимо отметить, что по всем субъектам ЮФО за исследуемый период сократился прием аспирантов, а также (за исключением Калмыкии) и их выпуск. В целом, как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 5.2, округ в целом и все его регионы отстают по когнитивному компоненту модернизационных процессов, что препятствует переходу к пятому технологическому укладу наукоемкого производства (электронная промышленность, вычислительная техника), а вместе с ним к вторичной модернизации.

Что касается **социоэкономической компоненты** модернизации, то индекс качества экономики свидетельствует о способности региона к реализации в условиях вызовов современности одной из функций социокультурной общности – жизнеобеспечивающей²⁰, реализующейся в трудовой деятельности населения региона. Жизнеобеспечивающая функция региона реализуется при социальной полезности результатов труда, их справедливом распределении среди населения региона. На наш взгляд, подобное понимание экономической деятельности существует в китайском языке. В нем «понятие «экономика» обозначается термином «цзицзи», который дословно переводится – «гармонизация и вспомоществование». «Применительно к обществу этот бинომ имеет более частное толкование – “упорядочение мира и вспомоществование народу”... Эта трактовка отражает присущий китайской культуре взгляд на политику как искусство природосообразного управления. В отличие от английского тер-

мина “economy”, который прежде чем стал обозначением экономической науки, был неотделим от осмысления собственно экономической жизни, бином “цзицзи” понимался как комплекс единого знания в средневековом Китае, включавший экономический аспект в качестве частного»²¹.

К конкурентным преимуществам социально-экономической сферы ЮФО относятся:

- стратегические запасы особенно ценных потребителями в информационном обществе натуральных продуктов питания, выращенных, в основном, в экологически благополучных зонах округа. Удельный вес округа в общероссийских социально-экономических показателях в 2014 г. по продукции сельского хозяйства составил 15,1% (в том числе растениеводство 19,8%, животноводство 10,2%). Это 3-е место среди федеральных округов, в том числе 1-е место по валовому сбору зерна, 2-е место по сбору овощей, плодов и ягод, сахарной свеклы, семян подсолнечника, поголовью овец и коз, производству шерсти, 3-е место по валовому, 4-е место по поголовью крупного рогатого скота, производству молока, меда, скота и птицы на убой;
- достаточно мощный промышленно-производственный потенциал. В 2014 г. макрорегион занимал 1-е место по вводу в действие общей площади жилых домов на 1000 чел. населения, 2-е место по производству стальных труб, трикотажных изделий и обуви, 3-е место по производству цемента, металлорежущих станков, 4-е место по добыче угля, природного и попутного газа, производству кирпича, тракторов. В пищевой промышленности округ занимает 1-е место по производству растительных нерафинированных масел (1708 тыс. т), вин (23 915 тыс. декалитров), крупы (430 тыс. т), 2-е место по производству сахара (1038 тыс. т), 3-е место по производству игристых и газированных вин (3389 тыс. декалитров), рыбы (63,7 тыс. т),

²⁰ О функциях региона как социокультурной общности см.: *Лавин Н.И.* Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 25–34.

²¹ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006. Т. 1. С. 536–537.

- 4-е место по производству хлеба и хлебобулочных изделий (696 тыс. т), сливочного масла и паст масляных (19,8 тыс. т);
- уникальный в масштабах Евразии транспортно-транзитный потенциал: через территорию ЮФО проходит Волго-Каспийский путь из Северной и Центральной Европы в страны Средней, Юго-Западной и Южной Азии и Транссибирско-Черноморский путь Средиземноморского бассейна. Способствует позитивной динамике транзитного потенциала округа развитая транспортная инфраструктура. Так, округ занимает 3-е место среди округов России по удельному весу автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования и 5-е место по числу собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения. Будущее транспортно-транзитного потенциала округа связано с развитием портового хозяйства;
  - ренессанс и развитие туризма и рекреационных услуг. По масштабам, уровню и темпам развития санаторно-курортной и туристической сфер округ занимает 1-е место среди федеральных округов;
  - развитие торговли, внутри- и межрегиональных внутренних рынков, чему способствует хорошая транспортная обеспеченность. По обороту розничной торговли на душу населения округ в 2014 г. занимает 4-е место среди округов России. Удельный вес макрорегиона в общероссийских социально-экономических показателях по обороту розничной торговли составляет 9,13%.

Основной проблемой-вызовом, адресованным модернизации, на наш взгляд, является неравномерное распределение производительных сил, капитала, налоговых поступлений, – как между федеральными округами, так и между субъектами России. Так, в 2014 г. девять субъектов Российской Федерации давали 52,4% валового регионального продукта страны, из них 21,5% – г. Москва. Из субъектов ЮФО в эту десятку входит только Краснодарский край (3%).

Удельный вес всех субъектов ЮФО в общероссийских социально-экономических показателях составил всего лишь 6,5% по ВРП, 9,1% по численности занятых в экономике, 4,41% по поступлению налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему страны, 9,4% по инвестициям в основной капитал. В 2013 г. ВРП на душу населения уступал среднероссийскому аналогичному показателю (253 152,3 руб. и 376 383 руб. соответственно). При этом среди субъектов ЮФО наблюдаются различия в 2,1 раза: лидер – Краснодарский край (301 436,1 руб.), аутсайдер – Республика Калмыкия (145 318,3 руб.) (см. табл. 5.4).

Объективной причиной, объясняющей сложившуюся ситуацию, является неравномерность распределения населения на территории современной России. «13 субъектов Федерации, обеспечивающие сегодня около 60% производства ВРП РФ, относятся к наиболее заселенным регионам. В общей сложности в них проживает около 40% населения страны»²². Но высокая доля некоторых субъектов, например Москвы и Московской области, объясняется не только сосредоточением в них населения, торговли и финансового сектора. Крупнейшие нефтегазовые, металлургические и другие компании, которые ведут свою производственную деятельность в ЮФО, находятся в частной собственности и зарегистрированы в Москве.

Это не способствует развитию макрорегиона и процессов социокультурной модернизации в нем и объясняет, в некоторой степени, искусственное отставание округа по индексам качества экономики.

Отставание качества экономики приводит к отставанию **социокультурной компоненты модернизации**, так как большая часть добавленной стоимости, полученной от созданных на территории округа продуктов и услуг, не идет на развитие его социальной инфраструктуры и благосостояния

²² Кулешов В.В. Экономика России и Сибири: «стартовые площадки» и «точки роста» // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2006. № 3. С. 2–20. URL: econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStativ/2006/03/ (дата обращения 2.10.2013).

Таблица 5.4

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Валовой региональный продукт на душу населения
(рублей)

Единицы территориального деления	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	125 658,7	263 828,6	317 515,3	348 598,9	376 383,0
Южный федеральный округ	67 566,0	168 773,2	200 306,5	227 618,4	253 152,3
Республика Адыгея	38 514,5	107 297,5	128 749,3	147 117,4	161 676,7
Республика Калмыкия	33 017,9	84 359,4	101 873,2	119 182,5	145 318,3
Краснодарский край	72 794,1	196 914,3	236 750,6	271 035,4	301 436,1
Астраханская область	69 814,0	143 388,8	170 504,7	208 328,8	263 511,9
Волгоградская область	76 740,6	166 028,8	195 463,7	221 677,3	235 290,2
Ростовская область	60 575,0	154 127,9	179 470,3	197 358,8	217 297,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

населения. Так, например, среднедушевые денежные доходы населения по округу составили 2432 руб. в месяц, что уступает общероссийским показателям – 27 766 руб. в месяц. Уступает также макрорегион среднероссийским показателям по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций (24 311 руб. против 32 495 руб.), среднему размеру назначенных пенсий (9964 руб. против 10 889 руб.), потребительским расходам на душу населения (19 569 руб. против 20 920 руб.). При этом численность низкодоходных групп по распределению по 20-процентным группам превышает среднероссийские (5,7% против 5,2%), высокодоходных – уступает (45,5% против 47,4%). Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, в макрорегионе составляет 23,4 кв. м, тогда как в среднем по стране этот показатель – 23,7 кв. м. По благоустройству жилого фонда водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, ваннами (душем), горячим водоснабжением показатели по округу примерно равны среднероссийским показателям, существенно обгоняя по благоустройству газом.

Базовой характеристикой социокультурной компоненты модернизации являются социально-демографические показатели, свидетельствующие о способности всего

населения к количественному и качественному воспроизводству. По темпам изменения численности населения в округе наблюдается положительная динамика: за период 1990–2014 гг. численность населения ЮФО выросла на 4% (на 561 тыс. чел.), тогда как по России, напротив, сократилась на 1,35% (на 2007 тыс. чел.)²³. Наблюдаются различия по этому показателю по субъектам округа. Так, по Республике Калмыкия, Волгоградской и Ростовской областям наблюдается сокращение численности населения (на 12,2%, 3,2% и 2,4% соответственно, в абсолютных значениях – на 46, 85 и 103 тыс. чел.), по Республике Адыгея и Астраханской области – неустойчивая тенденция роста численности населения (на 2,7% и 2% соответственно, в абсолютных значениях – 12 и 20 тыс. чел.). И самый большой «прирост» жителей в Краснодарском крае – на 14%, что составило 763 тыс. чел. (см. табл. 5.5).

Наметившаяся тенденция роста численности населения не умаляет остроту демографических проблем региона. По показателям рождаемости в 2014 г. округ уступает среднероссийским (12,8 и 13,3 родившихся на 1000 чел. населения соответственно), занимая

²³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm (дата обращения 1.10.2013).

Таблица 5.5
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Численность населения за 1990–2014 гг.
(оценка на конец года; тысяч человек)

Единицы территориального деления, годы	1990 г.	2014 г.
Российская Федерация	148 274	146 267
Южный федеральный округ	13 443	14 004
Республика Адыгея	437	449
Республика Калмыкия	327	281
Краснодарский край	4691	5454
Астраханская область	1001	1021
Волгоградская область	2642	2557
Ростовская область	4345	4242

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

7-е место среди округов Российской Федерации (см. табл. 5.6). При этом необходимо помнить о том, что демографическая ситуация в современной России характеризуется наиболее низкими среди европейских стран показателями рождаемости и суммарный коэффициент рождаемости «составляет менее 60–65% от уровня, обеспечивающего простое воспроизводство поколений»²⁴.

Показатель смертности в ЮФО несколько превышает среднероссийский индикатор по (13,3 и 13,1 умерших на 1000 чел. населения соответственно), что ставит округ на 6-е место среди федеральных округов России.

С 2005 г. отмечается рост уровня рождаемости и сокращение уровня смертности, которые обеспечили увеличение показателя естественного прироста (убыли) населения ЮФО в последние годы. Однако его абсолютное значение в 2014 г. все еще остается отрицательным (-0,5 чел. на 1000 чел. населения). Это уступает среднероссийским показателям, которые с 2013 г. превысили отрицательное значение и составили 0,2 чел. на 1000 чел. населения. По отрицательному значению естественного прироста населения

ЮФО уступает ЦФО, СЗФО и ПФО (-2,2, -1,0 и -0,6 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Таким образом, за последние десятилетия вследствие депопуляции, охватившей Россию и практически все ее субъекты, был нарушен процесс естественного воспроизводства населения, что негативно сказывается на процессах социокультурной модернизации. С одной стороны, можно говорить о наметившейся тенденции преодоления депопуляции в ЮФО, но, с другой стороны, эта тенденция является очень хрупкой. При этом необходимо отметить, что ближайшим соседом ЮФО является Северо-Кавказский федеральный округ – лидер по высокому уровню рождаемости, низкому уровню смертности и продолжительности жизни среди округов России. Коэффициент естественного прироста в СКФО составляет 9,3 чел. на 1000 чел. населения, по плотности населения округ существенно превосходит ЮФО. Следовательно, СКФО в этом смысле обладает более мощным демографическим потенциалом, причем за счет народов Кавказа, ориентированных на многодетную семью.

Кроме того, существует значительная дифференциация среди субъектов ЮФО по уровню рождаемости, смертности и, как следствие, естественному приросту населения. Лидером по последнему показателю является Республика Калмыкия, на втором месте – Астраханская область (4,2 чел. и 2,3 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Далее следует Краснодарский край с показателями неустойчивого естественного прироста –

Один из экспертов назвал демографическую ситуацию (наряду с коррупцией) в числе главных барьеров социального развития Астраханской области. Эксперты отметили также в качестве безусловного барьера, по их личным наблюдениям, эмиграцию наиболее способной части молодежи и квалифицированных кадров. Это приводит к тому, что в области нет условий для возникновения региональной элиты – «элиты, которая сочетает талант и способность с установкой на развитие территории. Причины – нет условий для возникновения такой элиты. Элита формируется в условиях притока, в условиях конкуренции выявляются наиболее сильные слои. В условиях оттока остаются слабые, им выгодно оставаться здесь. Здесь они могут закрепиться, в других местах – нет».

---

²⁴ Фомина Н.В., Дулина Н.В. Воспроизводство социальных отношений (на примере Волгоградской области) // Социокультурные исследования: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13 / редколл.: Н.В. Дулина (отв. ред.) и др. ВолгГТУ. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2007. С. 212–213.

Таблица 5.6

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Рождаемость, смертность и естественный прирост населения

Единицы территориального деления	Число родившихся на 1000 человек населения				Число умерших на 1000 человек населения				Естественный прирост населения на 1000 человек населения		
	2005 г.	2010 г.	2014 г.	Место, занимаемое в Российской Федерации, 2014 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	Место, занимаемое в Российской Федерации, 2014 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Российская Федерация	10,2	12,5	13,3		16,1	14,2	13,1		-5,9	-1,7	0,2
Южный федеральный округ	9,9	11,8	12,8	7	15,6	14,1	13,3	6	-5,7	-2,3	-0,5
Республика Адыгея	10,3	12,9	12,7	50	15,2	14,1	13,3	36	-4,9	-1,2	-0,6
Республика Калмыкия	12,9	15,3	14,1	29	11,4	11,0	9,9	11	1,5	4,3	4,2
Краснодарский край	10,2	12,2	13,5	40	15,6	13,5	12,9	30	-5,4	-1,3	0,6
Астраханская область	12,1	14,2	14,9	18	15,4	13,5	12,6	27	-3,3	0,7	2,3
Волгоградская область	9,4	11,3	11,6	67	15,7	14,7	13,7	43	-6,3	-3,4	-2,1
Ростовская область	9,1	10,9	12,1	59	15,8	14,7	14,1	51	-6,7	-3,8	-2,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

0,6 чел. на 1000 чел. населения. И три региона пока еще находятся в зоне отрицательных значений данного показателя. Это Волгоградская и Ростовская области и Республика Адыгея (-2,1 чел., -2,0 чел. и -0,6 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Таким образом, внутри округа три региона в различной степени преодолели тенденцию депопуляции населения, три субъекта – нет.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни по ЮФО превосходят среднероссийские показатели (71,74 и 70,93 лет соответственно), занимая достаточно высокое 3-е место (после СКФО и ЦФО). Исследования регионов России с помощью методов математического анализа показали, что важнейшей социетальной характеристикой, обладающей значительным потенциалом в объяснении межрегиональных различий в ожидаемой продолжительности жизни, является качество социальной среды, характер социальных отношений, индикаторами которых являются уровень преступности

и соотношение брачности и разводимости²⁵. Действительно, уровень брачности и разводимости по ЮФО практически равен среднероссийскому (8,2 и 8,4 браков и 4,7 и 4,9 разводов на 1000 чел. населения соответственно). Уровень зарегистрированных правонарушений по ЮФО не превышает среднероссийские показатели (1303 и 1499 зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. чел. населения соответственно) и ниже только в Северо-Кавказском и Крымском федеральных округах (см. табл. 5.7).

Таким образом, с одной стороны, можно предположить, что в целом по макрорегиону относительно благоприятный «климат» социальной среды в совокупности с достаточно благоприятными природно-климатическими условиями способствует высокой ожидаемой продолжительности жизни населения.

²⁵ Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 1 (38). С. 157-158.

Таблица 5.7

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Число зарегистрированных преступлений
(на 100 000 человек населения)

Единицы территориального деления	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место, занимаемое в Российской Федерации, 2014 г.
Российская Федерация	2477	1840	1682	1608	1537	1499	
Южный федеральный округ	1715	1480	1397	1339	1271	1303	7
Республика Адыгея	1363	1063	1035	919	888	903	78
Республика Калмыкия	1861	1401	1320	1311	1220	1029	73
Краснодарский край	1239	1260	1262	1243	1195	1270	55
Астраханская область	2828	2574	2241	2045	1704	1551	36
Волгоградская область	2046	1731	1538	1512	1417	1421	47
Ростовская область	1844	1386	1319	1232	1219	1274	54

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г.

С другой стороны, округ уступает стране по числу зарегистрированных преступлений, в основном за счет относительно небольшого их числа по республикам Адыгея и Калмыкия и Краснодарскому краю. Кроме того, данный показатель за период 2005–2014 гг. в среднем по стране снизился на 39,5%, по ЮФО – только на 24%, Калмыкии и Астраханской области – на 45%, в Волгоградской и Ростовской обла-

стях – на 31%, в Ростовской области – на 31%. В Краснодарском крае – повысился на 2,5%. Таким образом, существуют значительные различия качества социальной среды среди субъектов федерального округа.

Наряду с естественным приростом изменение численности населения ЮФО связано с миграционными процессами. В 2014 г. коэффициенты миграционного прироста в сред-

Так, по данным опроса населения в Астраханской области^а, только 18,3% респондентов в целом удовлетворены государственным медицинским обслуживанием. При этом 78,4% участвовавших в опросе отметили ряд недостатков качества медицинского обслуживания. На первом месте, по результатам как регионального, так и общероссийского опросов, в перечне недостатков системы здравоохранения находится наличие больших очередей к врачам, несмотря на то, что по обеспеченности населения врачами область занимает 5-е место в Российской Федерации. В Астраханской области этот вариант ответа выбрали 62,9% респондентов, в общероссийском исследовании – 41%. По результатам опроса 2012 г. количество отметивших этот недостаток в регионе несколько увеличилось, тогда как по стране в целом уменьшилось на 5%. Существенным недостатком является и дороговизна лекарств. На третьем месте – почти четверть опрошенных отметили, что советы, рецепты врачей редко помогают. По стране этот вариант выбрали почти в два раза меньше респондентов. «Недоверие системе здравоохранения компенсируется неформальными сетями доверия, что характерно для предмодернизированных обществ»^б.

Сокращение числа больничных коек привело к тому, что практически каждый пятый астраханец отметил затруднения при получении места в больнице. И опять же по Российской Федерации данная проблема глазами опрошенных выглядит менее рельефно – этот вариант выбрал только каждый десятый опрошенный. Таким образом, все указанные выше недостатки ощущаются в регионе более остро, чем по стране в целом. По результатам опроса 2012 г. количество удовлетворенных медицинским обслуживанием снизилось на 3%.

^а Конкретное мониторинговое социологическое исследование проведено Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством А.Ю. Арясовой и Е.В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России».

^б Изотова А.В., Лебединцева Л.А. Доверие в системе здравоохранения // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 137.

нем по ЮФО составили 34 чел. на 10 тыс. чел. населения, что практически вдвое превышает среднероссийские показатели (19 чел. на 10 тыс. чел. населения). Округ характеризуется достаточно высокой миграционной динамикой и в целом является привлекательным для въезда, занимая по этому показателю среди округов России 3-е место (после ЦФО и СЗФО). Миграционный прирост населения полностью компенсирует и превышает естественную убыль населения округа. По характеру миграции в ЮФО наблюдаются серьезные региональные различия. Так, в 2014 г. самые высокие показатели въезда в регион наблюдались в Краснодарском крае и Республике Адыгея (84 чел. и 67 чел. на 10 тыс. чел. населения соответственно). Тогда как для Волгоградской области и Республики Калмыкия был характерен обратный процесс – выезда населения (–25 и –94 чел. на 10 тыс. чел. населения соответственно).

Изменяется качество территориально-поселенческой структуры. Удельный вес городского населения составляет 62,9%, что на 11,1% уступает среднероссийскому показателю. Из субъектов ЮФО только Волгоградская область обгоняет среднероссийский показатель (76,5%). Причем за период 1990–2014 гг. численность городского населения увеличилась в среднем по России только на 0,2%, по ЮФО – снизилась на 1,8%, в том числе по Адыгее – на 5,4%, Калмыкии – на 0,9%, Краснодарском крае – на 0,2%, Астраханской области – на 1,7%, Ростовской области – на 3,2%. Лишь в Волгоградской области по этому показателю наблюдается увеличение на 0,7%.

Причинами начала процесса разрушения городской культуры являются деградация промышленности в постсоветский период, что привело к сокращению производственных центров в городах, а также увеличение сельского населения за счет мигрантов. А процессы модернизации и, тем более, информационной (вторичной) модернизации должны быть сосредоточены в городах (среди наиболее «продвинутых» носителей городской ментальности) как центрах и катализаторах распространения знаний и, тем более, инноваций в знаниях.

Недостаток ресурсов влияет также на состояние сферы здравоохранения в округе: по числу больничных коек, обеспеченности врачами и средним медицинским персоналом, мощности амбулаторно-поликлинических учреждений макрорегион уступает среднероссийским показателям (81,1 и 86,6 больничных койки, 43,1 и 48,5 врача, 93,3 и 104,3 чел. среднего медицинского персонала, 240 и 263,8 посещений в смену на 10 тыс. чел. населения соответственно). При этом уровень заболеваемости в округе гораздо ниже, чем в среднем по стране (711,9 и 787,1 зарегистрированных заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения). Среди федеральных округов только в Северо-Кавказском и Крымском федеральных округах уровень заболеваемости ниже, чем в ЮФО. Иначе говоря, сделать вывод о прямой взаимосвязи между состоянием здоровья населения и состоянием системы здравоохранения макрорегиона не представляется возможным. Сложившаяся ситуация может свидетельствовать, с одной стороны, об относительно благополучной экологической обстановке в округе в сочетании с благоприятными для проживания человека природно-климатическими условиями, с другой стороны – о дисфункции социального института здравоохранения округа.

С 2005 г. по округу, так же как и по стране в целом, заболеваемость населения растет. Среди субъектов округа несколько упала заболеваемость в Астраханской и Волгоградской областях и Республике Калмыкия, выросла в Краснодарском крае, Ростовской области и Республике Адыгея, причем наибольшими темпами – в Краснодарском крае (см. табл. 5.8).

Успешность процессов социокультурной модернизации зависит также от состояния социальных институтов образования и культуры. Социальные институты культуры при этом выполняют функции сохранения исторической памяти и межпоколенческой преемственности, интеграции социокультурного пространства через систему морально-нравственных и духовных регуляторов общественной жизни, которые способствуют

Таблица 5.8

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ.
Заболеваемость на 1000 человек населения
(зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)

Единицы территориального деления	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	743,7	780,0	796,9	793,9	799,4	787,1
Южный федеральный округ	677,8	685,6	709,6	716,4	723,2	711,9
Республика Адыгея	628,7	694,8	690,0	688,7	654,8	647,6
Республика Калмыкия	700,6	680,0	667,9	719,8	694,3	660,6
Краснодарский край	555,6	575,5	621,3	646,8	665,5	662,3
Астраханская область	705,9	744,4	739,0	703,0	681,6	669,1
Волгоградская область	716,7	710,2	708,6	699,8	720,1	671,0
Ростовская область	795,3	790,4	816,9	819,0	817,0	820,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

гармоничному существованию человека. При этом по посещаемости театров, музеев, библиотечному фонду, тиражу газет ЮФО значительно уступает среднероссийским показателям (146 и 255 зрителей театров, 546 и 703 посещения музеев, 4767 и 5921 экземпляров, 876 и 1692 экземпляра разового тиража газет на 1000 чел. населения соответственно).

Институционно-регулятивная компонента модернизации является основной, так как модернизация является управляемым, то есть сознательно иницируемым и глубоко проработанным органами власти, процессом, и ее результаты зависят от эффективности систем управления и организации.

По данным опроса экспертов в Астраханской области, «наши чиновники, чиновничьи барьеры тормозят, и это – основной недостаток, встречающийся во всем. Если говорится о промышленности, то лоббируются интересы каких-то отдельных людей, то есть нет какого-то единого комплекса, единого взгляда на развитие области, стратегии. То есть она как бы есть, но она не работает»; «защищенность от коррупции – один из главных факторов потенциала социального развития Астраханской области»; «коррупция и клановость (как и везде в России) мешают развитию». По данным опроса населения, уровень доверия суду составил 46,8%, губернатору – 44,5%, прокуратуре – 41,4%, региональным СМИ –

35,7%, милиции – 33,4%, муниципальным, местным органам управления – 31,2%, правительству региона – 30%, профсоюзам – 27,9%, областной думе – 25,8%, региональным отделениям политических партий – 17,4%. Численность работающих в органах управления области превышает среднероссийские показатели, при этом протестный потенциал также превышает среднероссийский уровень (45,3% против 37%)²⁶.

По результатам социологических исследований в Волгоградской области, жители области лучше информированы (и оценивают выше) о деятельности администрации и их руководителей, чем о работе представительных органов власти и отдельных депутатов. При этом наиболее популярным высказыванием о принципах взаимодействия власти и общества является формула: «Для наведения порядка в стране необходима *сильная рука*», с которой согласны 81% граждан. Самый низкий результат из предложенных шести высказываний получило выражение «Процветания можно достичь только демо-

²⁶ Более подробно см.: *Каргаполова Е.В.* Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова, Т.Ю. Гречкина, Л.А. Лебединцева, Ю.И. Убогович. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010; *Каргаполова Е.В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / науч. ред. проф. Н.В. Дулина. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011.

кратической формой власти» (55% опрошенных). Волгоградцы обеспокоены проблемой нехватки внимания и поддержки со стороны федеральных властей. Можно сказать, что власть воспринимается не как защитник, а как отдельный от населения и даже враждебный ему феномен. Характерный стереотип – люди идут во власть только с целью личного обогащения, и даже изначально приличных людей власть портит. Респонденты также ставят под сомнение управленческую компетентность власти²⁷. Таким образом, вряд ли можно говорить о развитой степени демократизации Астраханской и Волгоградской областей как цели и результате модернизации институционально-регулятивной сферы.

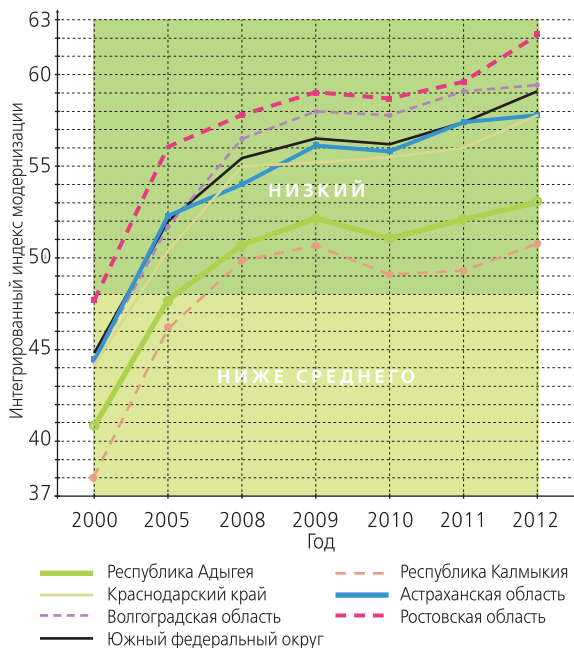
Состояния и векторы модернизированной регионов ЮФО

В ЮФО можно выделить *три кластера регионов* соответственно комплексным состояниям (типам) регионов (см. рис. 5.3).

Кластер 1 включает регионы, начинающие, начавшие и возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 1). В нем представлена Республика Калмыкия.

Республика Калмыкия отстает по экономической и когнитивной составляющей процессов модернизации. Если в 2010 г. регион несколько обгонял аутсайдеров по сбалансированности модернизации (4-е место перед Адыгеей и Волгоградской областью), то в 2012 г. уступил по этому показателю и Адыгее. Как говорилось выше, в 2013 г. для Калмыкии были характерны самые высокие показатели выезда населения из региона среди субъектов ЮФО, тогда как для Адыгеи – обратный процесс въезда населения.

Кластер 2 включает регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (тип 2). К нему относится Республика Адыгея.

© Графики построены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН (г. Вологда) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН. Графики содержат детализированные данные, в том числе полученные от Центра исследований модернизации АН Китая.

Рисунок 5.3. График трендов индексов интегрированной модернизации субъектов ЮФО

Республика Адыгея отстает по интегрированному знанию индексу модернизации и индексу инновации в знаниях, приблизившись к более развитым регионам округа по качеству экономики, качеству жизни. Регион также вышел на третье место после Краснодарского края и Ростовской области по сбалансированности модернизационных процессов (значение интегрированного индекса сбалансированности модернизации повысилось с уровня «ниже среднего» до среднего). Нами уже отмечался ряд преимуществ Адыгеи перед Калмыкией, начиная от ее анклавного (внутри более развитого соседа Краснодарского края) географического положения и заканчивая преимуществами в 2010 г. по качеству жизни, качеству экономики и трансляции знаний²⁸.

²⁷ Токарев В.В., Дулина Н.В. Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области: опыт проведения прикладного исследования / Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011.

²⁸ Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22–29.

В итоге с 2011 г. республика перешла из типа 1 модернизованности («предварительный») первой фазы первичной модернизации («традиционный, начало, рост») в тип 2 («ниже среднего») второй фазы первичной модернизации («зрелость»).

Кластер 3 включает регионы в зрелой фазе индустриальной (первичной) модернизации (тип 3). К нему относятся Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области.

Ростовская область к 2010 г. достигла фазы «зрелость» первичной модернизации и, как уже отмечалось выше, «среднего» уровня вторичной модернизации. Достичь подобного результата позволило существенное преимущество области по индексам инновации в знаниях (41,5%, на втором месте Волгоградская область с аналогичным показателем 23,5%), вторичной модернизации (67,3%, Волгоградская область – 62,3%), сбалансированной модернизации (значение 0,046, Волгоградская область – 0,031), интегрированным индексам знаний и модернизации в целом (62,9% и 62,2% соответственно). Регион входит в группу лидеров среди субъектов ЮФО по индексам трансляции в знаниях, качества жизни, качества экономики, интегрированным экономическому и социальному индексам модернизации, а также интегрированному индексу сбалансированности модернизации, значение которого повысилось с 2010 г. с уровня «ниже среднего» до среднего. Ростовская область сохранит до 2018 г. свое лидирующее положение среди регионов ЮФО, чему способствуют лидирующие позиции области по численности населения (6-е место среди субъектов РФ), продукции сельского хозяйства (3-е место среди регионов России).

Краснодарский край с 2002 г. входит в первую десятку по доле отдельных субъектов Российской Федерации в суммарном ВРП страны; по инвестиционной типологии, наряду с Самарской, Нижегородской, Кемеровской областями, Татарстаном, Башкортостаном, Красноярским краем, – в группу «опорных» регионов России²⁹.

В Краснодарском крае расположены транспортные комплексы международного и межрегионального значения. Кроме того, на общей ситуации в Краснодарском крае сказалось то, что в Сочи проходила зимняя Олимпиада 2014 года, мероприятие федерального уровня и, что вполне понятно, престижа всей страны.

В 2014 г. Краснодарский край занимал ведущие позиции среди субъектов Российской Федерации по социальноэкономическим показателям: 1-е место по продукции сельского хозяйства; 6-е место по вводу в действие общей площади жилых домов на 1000 чел. населения, 7-е место по основным фондам в экономике; 11-е место по инвестициям в основной капитал на душу населения и обороту розничной торговли на душу населения. Из социокультурных индикаторов следует отметить 3-е место по численности населения среди всех субъектов России.

Краснодарский край повысил качество модернизационных процессов от фаз «начало, рост» (тип 1 модернизованности, 2005 г.) к фазе «зрелость» (тип 3 модернизованности, 2012 г.). Если Краснодарский край сохранит темпы развития, то, учитывая его лидирующее положение по качеству жизни и качеству экономики, а также сбалансированности процессов модернизации, можно предположить, что регион выйдет на 1–2-е место среди регионов ЮФО. Это единственный из субъектов ЮФО, который к 2012 г. достиг «финиша» (100%) по индексу первичной модернизации. Кроме того, интегрированный индекс сбалансированности модернизации с 2010 г. повысился практически в два раза (от 0,284 до 0,523, с уровня «ниже среднего» до уровня «выше среднего»). Но при этом Краснодарский край занимает 3-е место, существенно уступая лидерам по ЮФО – Ростовской и Волгоградской областям, по процессам распространения инноваций в знаниях.

Волгоградская область занимает 2-е место по индексу инновации в знаниях и интегрированному индексу знаний модернизации. На наш взгляд, здесь самая большая проблема – несбалансированность модернизационных процессов (последнее место среди

²⁹ Кулешов В.В. Экономика России и Сибири: «стартовые площадки» и «точки роста» // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2006. № 3. С. 2–20.

регионов ЮФО, хотя и ИИСМ повысился с 2010 г. с низкого уровня до уровня «ниже среднего»), вызванная отставанием по качеству экономики, которое влечет за собой отставание по качеству жизни. Как отмечалось выше, для Волгоградской области был характерен процесс выезда населения.

По мнению региональных властей, «Волгоградская область является регионом – российским лидером в ряде отраслей и секторов экономики (металлургия, нефтехимия, сельское хозяйство), но при этом в последние годы демонстрирует относительно невысокие ключевые показатели социально-экономического развития»³⁰. Данная оценка совпадает и с позицией, занимаемой Волгоградской областью в Социальном атласе российских регионов³¹. В различных рейтингах, проводимых исследовательскими компаниями, Волгоградская область зачастую занимает средние позиции. Однако областной центр – Волгоград, как уже было упомянуто выше, подтверждает закрепившуюся за ним в последние годы позицию города-аутсайдера среди городов с населением более 1 млн чел.³² Образ Волгограда как самого бедного и самого депрессивного города-миллионника активно формируется СМИ³³.

Для преодоления негативных явлений руководством города в 2007 году был разработан и принят Волгоградской городской думой Стратегический план устойчивого раз-

вития Волгограда до 2025 г. Согласно данным отчета о реализации Стратегического плана устойчивого развития Волгограда до 2025 г. (по итогам 2014 г.), «можно констатировать, что в целом социально-экономическое развитие Волгограда имеет среднюю степень устойчивости»³⁴. При этом по таким ключевым направлениям, как демография, промышленность, предпринимательство, налогово-бюджетный потенциал, отмечен низкий уровень достижения индикаторов стратегической цели. «Интегральный рейтинг по городам-миллионникам РФ свидетельствует о низких и средних позициях Волгограда среди референтных городов по состоянию на конец 2014 года»³⁵.

Преимуществом Астраханской области является ее лидирующее положение по индексу трансляции знаний, основной проблемой – разбалансированность процессов социокультурной модернизации и отставание от лидеров по инновациям в знаниях. В 2013 г. область занимала 1-е место среди регионов ЮФО по уровню разводимости и преступности и ожидаемой продолжительности жизни. Результаты социологических исследований в регионе демонстрируют, что существуют серьезные препятствия для продолжения модернизации в регионе как социокультурной общности: ценность труда находится в оппонирующем дифференциале ценностей, то есть не поддерживается большинством населения. В приграничном регионе низкими являются уровни региональной и всероссийской идентичности. Около 4% населения заявляет о своей готовности уехать из региона.

По самооценке жителей Астраханской области, самым многочисленным социальным слоем в регионе являются «бедные» и «нищие»: 26–36% (см. табл. 5.9)³⁶. Пик значения данного показателя приходится на 2013 г.

³⁴ Отчет о ходе реализации Стратегического плана по итогам 2014 г. URL: <http://www.volgadmin.ru/ru/MPDevelopment/StrategyPlanning/Monitoring/Monitoring.aspx> (дата обращения 1.08.2015).

³⁵ Там же.

³⁶ Конкретное мониторинговое социологическое исследование было проведено Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством Д.П. Ануфриева.

³⁰ Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2020 года / Администрация Волгоградской области. Волгоград, 2011. URL: http://volgoduma.ru/images/stories/files/strategija_2020.pdf (дата обращения 1.08.2015); *Беков Р.С.* Актуализация стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2020 года // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 35 (218). С. 12–18.

³¹ URL: http://www.socpol.ru/atlas/typology/Typology_tabl.htm (дата обращения 1.08.2015).

³² См., напр.: URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/goroda.shtml (дата обращения 1.08.2015); Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Исследование качества жизни в российских городах» / под рук. А.Н. Зубец. 2014. URL: file:///C:/Users/dekanat/Downloads/Russian_Cities_Life_Quality_2014.pdf (дата обращения 1.08.2015).

³³ *Якорева А.* Волгоград: самый бедный миллионник России // Коммерсантъ Деньги. 2014. № 23. С. 13. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2485742> (дата обращения 1.08.2015).

Таблица 5.9

Самооценка материального благополучия жителями Астраханской области
(в % от опрошенных)

Варианты ответов	Российская Федерация		Астраханская область								Условные слои
	2006 г.	2010 г.	Декабрь 2009 г.	Май – июнь 2012 г.	Декабрь 2012 г.	Март 2013 г.	Ноябрь 2013 г.	Апрель 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Март 2015 г.	
Денег не хватает на повседневные затраты	11,0	12,4	13,0	13,6	9,4	14,3	12,6	14,0	16,2	9,0	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	22,0	19,0	15,7	13,8	20,8	21,3	21,9	15,4	19,5	16,8	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	21,0	21,6	21,9	16,8	14,1	18,6	14,4	18,1	14,0	20,2	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	29,0	30,2	35,2	40,9	28,4	28,7	29,9	28,7	29,2	23,6	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	9,0	10,7	11,3	11,5	17,9	10,1	12,4	14,9	14,7	19,5	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	2,0	2,9	2,9	2,9	3,8	3,2	3,9	3,6	2,5	6,2	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	6,0	3,1	0	0,5	5,6	3,8	4,9	5,3	4,1	4,7	

Источник: Результаты конкретного мониторингового социологического исследования, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством Д.П. Ануфриева

и 2014 г. На втором месте слой «обеспеченных», имеющих социально приемлемый уровень потребления (24–41% опрошенных). Затем этот показатель стал снижаться, в марте 2015 г. достиг своего минимума, приблизился к значениям слоя «зажиточных» и «необеспеченных». Далее следует слой «необеспеченных» (14–22% опрошенных), занимающих промежуточное положение между «обеспеченными» и «бедными». Самым малочисленным, как и в среднем по России, выступает слой «зажиточных» и «богатых» (13–28% опрошенных). Но этот показатель выше общероссийского.

Сравнение данных опросов с данными статистики обнаруживает несоответствие реальных и «официальных» масштабов бедности: по статистическим данным, в 2012 г. численность «бедного» населения Астраханской области, живущего ниже прожиточного минимума, составляла всего 12,5% населения региона, по данным опроса 2012 г. – 27,4%. То есть практически каждый третий-четвертый астраханец не имеет достаточных

доходов для покрытия повседневных затрат. По стране и по региону около половины населения не имеет достаточных доходов, чтобы удовлетворить долговременные потребности.

Анализ динамики самооценки населением уровня своего материального положения в Астраханской области выявляет увеличение условного слоя «бедных» и «нищих» за счет «обеспеченных». Следует отметить значительную амплитуду в самоидентификации материального положения, а также рост количества затруднившихся и отказавшихся ответить, что свидетельствует о нестабильности качества жизни и развития социально-экономической сферы региона.

Результаты анализа самооценки материального положения не противоречат полученным результатам опроса по самоидентификации с социальным слоем (см. табл. 5.10). К высшему слою и слою «выше среднего» причисляют себя 8–14% опрошенных, что несколько ниже по самоидентификации по материальному благополучию со слоем «зажиточных» и «богатых».

Таблица 5.10

Самоидентификация с социальным слоем жителями Астраханской области
(в % от опрошенных)

Ответы респондентов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя?»	Астраханская область					
	Декабрь 2012 г.	Март 2013 г.	Ноябрь 2013 г.	Апрель 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Март 2015 г.
Высший слой	1,5	1,7	1,9	3,0	3,2	2,8
Слой выше среднего	8,7	6,8	7,7	6,7	9,0	11,1
Средний слой	50,3	49,0	55,3	58,3	59,2	45,8
Слой ниже среднего	25,8	26,2	22,1	22,4	18,8	23,0
Нижний слой	0	7,0	5,7	3,7	5,7	9,3
Не знаю, отказ от ответа	13,7	9,3	7,3	5,9	4,1	8,0

Источник: Результаты конкретного мониторингового социологического исследования, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством Д.П. Ануфриева.

Со средним слоем идентифицируют себя 46–59% опрошенных, что, наоборот, превышает оценку своего материального благополучия как «обеспеченное». Налицо в данной ситуации причисление себя к более высокодоходной группе не только по материальным причинам.

26–38% причисляют себя к слою «ниже среднего» и нижнему слою. Здесь мы наблюдаем практически полное совпадение с идентификацией по материальным соображениям как «бедность» и «нищету». Обращает на себя внимание рост с декабря 2012 г. количества идентифицировавших себя с нижним слоем, пик которого приходится на март 2015 г. (9,3%). Таким образом, налицо ситуация **социальной дисгармонии** среди астраханцев по материальному благополучию как критерию качества жизни.

Возможные сценарии модернизации регионов ЮФО

Сценарий 1. При сохранении в России «олигархо-бюрократического капитализма с компрадорской доминантой», для которого характерно подчинение создаваемого в России капитала интересам транснационального бизнеса³⁷ и крайне неравномерное распре-

ление результатов труда, – в худшем случае можно ожидать процессы децентрализации. В лучшем случае – это сохранение заторможенного роста модернизации и асинхронность ее стадий и фаз, при котором население будет перемещаться из менее благополучных регионов округа (Астраханская, Волгоградская области, Республика Калмыкия) в более благополучные регионы округа (Ростовская область, Краснодарский край) и всей страны. Эта тенденция в перспективе также опасна для страны, так как эти регионы являются приграничными.

Сценарий 2. Как отмечает Чуаньци Хэ, «региональная модернизация включает в себя политическую составляющую, а последняя определяется национальной политикой. Без национальной политической модернизации невозможна серьезная региональная модернизация»³⁸. Таким образом, успех региональной модернизации зависит от политической модернизации, при которой на уровне национальной идеи сформирован устойчивый комплекс представлений о стране как о некоей целостности и направлениях, целях, способах, критериях ее модернизации,

модернизации: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г. : в 3-х ч. Вологда, 2013. Ч. 1. С. 17.

³⁸ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). С. 7.

³⁷ Ланин Н.И. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной

а также роли и месте модернизации региона в модернизации государства, страны. Тогда социально-значимая идентичность региона осознается его жителями как ценность.

Что касается ресурсов, то концентрация материальных и людских ресурсов на реализации какого-либо «прорывного» направления (например, Сочинский комплекс Краснодарского края) не приводит к системному повышению качества модернизационных процессов на территории всего округа. Кроме того, этому также препятствует неравномерное распределение социально полезных результатов труда, при котором в некоторых регионах начинает размываться ценность труда как такового. Для успеха региональной модернизации, на наш взгляд, необходимо создание институциональных условий для роста предпринимательской активности (прежде всего в сфере налогов) и социально более справедливого распределения результатов труда. В этом случае ресурсы начинают распределяться по регионам не по принципу «кто больше ухватил» и не уравнилительно-инерционно, а под общегосударственные задачи и на основе анализа социокультурных особенностей и состояния конкретного региона.

Соответственно, **на этапе 1** модернизации, на наш взгляд, ресурсы должны быть сосредоточены на преодолении асинхронности и выравнивании состояний первичной

модернизации «отстающих» приграничных субъектов ЮФО – Волгоградской и Астраханской областей, республик Калмыкия и Адыгея, что в целом должно позволить округу выйти из состояния «заторможенности роста». Необходимо не только региональные, но и федеральные целевые программы по повышению привлекательности и перспективы проживания на территории этих регионов округа, в том числе путем предоставления социально доступного жилья, государственного субсидирования площадок под строительство. Иначе может стать необратимым процесс выезда наиболее активной части населения из этих регионов. Необходимо также повысить качество работы культурно-массовых учреждений, чтобы стимулировать их посещаемость и тем самым преодолевать разобщенность ценностного сознания населения, повышать уровень региональной и общероссийской идентичности; нужна адресная поддержка малого бизнеса для снижения безработицы и бедности, повышения доли лиц с рыночной трудовой мотивацией.

Этап 2. После выравнивания стадий первичной модернизации сосредоточить ресурсы на достижении развития стадии процессов вторичной модернизации во всех регионах округа путем повышения их образовательного и научно-технического потенциалов. Это позволит округу перейти к вторичной модернизации.

Пермский край и 7 областей – Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская.

Подавляющая часть территории ПФО, кроме самых северных окраин Кировской области и Пермского края, имеет благоприятные условия для ведения разнообразной хозяйственной деятельности и проживания населения. Климат макрорегиона – умеренноконтинентальный. Значительная протяженность округа с севера на юг обуславливает разнообразие его природных зон: от лесных таежных массивов на севере Кировской области и Пермского края к смешанным и широколиственным лесам срединных территорий округа (Чувашия, Мордовия, Татарстан, Нижегородская и Ульяновская области) и до лесостепной и степной зон южных областей (Оренбургская и Саратовская).

Природно-сырьевые ресурсы округа характеризуются значительным потенциалом углеводородного сырья, распределенного по большинству его регионов. Они высоко геологически изучены и инфраструктурно освоены. Государственным балансом запасов здесь учтены 1,4 тыс. нефтяных, газонефтяных, нефтегазоконденсатных и других месторождений углеводородного сырья, из них около 83% находятся в распределенном фонде. Основные разведанные запасы нефти находятся в Республике Татарстан, Оренбургской области и Пермском крае. Наиболее крупными месторождениями являются: Ромашкинское нефтяное (Республика Татарстан и Самарская область), Арланское газонефтяное (Республика Башкортостан и Удмуртская Республика), Оренбургское нефтегазоконденсатное (Оренбургская область). Другие топливные ресурсы представлены горючими сланцами (Кашпировское месторождение в Самарской области) и торфом высокой теплотворной способности (Кировская и Нижегородская области, Республика Марий Эл).

В округе сосредоточены уникальные запасы калийных солей (Соликамск-Березняки – около 96% всех разведанных ресурсов страны), крупные ресурсы фосфоритов, цинка, меди, цементного сырья, серебра, золота, минеральных вод. Помимо этого,

имеются небольшие месторождения никеля, хрома, свинца, железных руд, титана, россыпных алмазов, угля; широко развито производство строительных материалов на основе ресурсов песка, глин, гравия и строительного камня. На севере сохранились значительные запасы древесины, а в лесостепной полосе сосредоточены крупные массивы с плодородными черноземными почвами.

Округ также располагает уникальными природными комплексами. Так, Пермский край называют страной пещер, поскольку в окружении среднеуральских таежных лесов сосредоточено более 160 подземных карстовых пустот, над которыми расположены участки с провальными воронками и реликтовой растительностью, в том числе около четверти всех уральских пещер имеют протяженность более одного километра. Самая известная из них на весь мир – Кунгурская ледяная пещера длиной почти 6 км, состоящая из куполообразных сводов слюдовидного гипса и расселин. Это седьмая в мире по протяженности гипсовая пещера и, по утверждению многих ее посетителей, первая по величелипию. Ее возраст составляет порядка 10–12 тысяч лет, в ней насчитывается 58 гротов и около 60 озер с чистой водой.

Наряду с этим регионы ПФО характеризуются многообразием уникальных природных ареалов, которые послужили созданию многочисленных природных парков, заповедников и заказников, отличающихся своими неповторимыми ландшафтами и пейзажами. В их числе: природные заповедники «Вишерский» и «Басеги» – в Пермском крае; природные парк и заповедник «Воскресенское Поветлужье» и «Керженский» – в Нижегородской области; природный заповедник «Нургуш» – в Кировской области; национальный и природный парки «Нечкинский» и «Усть-Белск» – в Удмуртии; природный заповедник «Большая Кокшага» и национальный парк «Марий Чодра» – в Республике Марий Эл; Мордовский заповедник им. П.Г. Смидовича и национальный парк «Смольный» – в Мордовии; Волжско-Камский природный заповедник и национальный парк «Нижняя Кама» – в Татарстане; Присурский заповедник

и национальный парк «Чаваш Вармане» – в Чувашии; национальный парк «Хвалынский» – в Саратовской области; Жигулевский природный заповедник – в Самарской области; Сурский комплексный зоологический заказник, ландшафтный заказник «Шиловская лесостепь» и два палеонтологических заказника – в Ульяновской области; природный заповедник «Приволжская лесостепь» – в Пензенской области; Национальный парк «Башкирия» и природный парк «Аслы-Куль», три природных заповедника («Башкирский», «Южно-Уральский» и «Шульган-Таш») – в Башкортостане; национальный парк «Булукский Бор» и Оренбургский природный заповедник – в Оренбургской области.

Округ занимает выгодное пространственное положение. На западе и севере он соседствует с Центральным и Северо-западным ФО, на востоке – с Уральским ФО, его юго-западная часть сопрягается с Южным ФО, а южная – граничит с Республикой Казахстан. Макрорегион находится на перекрестке российских и международных транспортных коридоров, которые соединяют европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком, с государствами Центральной и Восточной Азии.

На регионы округа приходится 6% всей территории страны (1037 тыс. кв. км) и 20,3% всего населения (29 715,5 тыс. на 01.01 2015). По численности населения округ находится на втором месте после Центрального ФО. В городах округа проживает 71% его населения, что на 3 п.п. ниже общероссийского показателя. В трудоспособном возрасте находится 59% населения округа, в экономике занято 14,2 млн человек (2014). Из общего числа отечественных городов-миллионеров (13) в округе сосредоточено 5 (Нижний Новгород, Самара, Казань, Уфа, Пермь); при этом в первых двух формируются крупные городские агломерации с населением более 2 млн человек.

Эволюция этнического и конфессионального состава населения ПФО

Согласно археологическим данным, первые стоянки на территории большинства совре-

менных регионов ПФО появились в эпоху среднего палеолита (древнекаменного века), т.е. около 100–35 тыс. лет назад. Основным занятием населения были собирательство и охота. В эпоху неолита и бронзового века происходит переход к скотоводству и раннеземледельческому хозяйству. В начале I тысячелетия до н.э. начинается освоение железа. Складывается ряд археологических культур, из которых наиболее известны балановская, абашевская, срубная, городецкая, приказанская, ананьинская, пьяноборская, азелинская и др. Во 2-й половине I тысячелетия н.э. в Прикамье формируются удмуртские, марийские, коми племена, южнее – мордовские. Все они использовали языки, входящие в финно-угорскую языковую семью.

В IX–XIII вв. в Волго-Камье, в основном на территории современных Татарстана и Чувашии, а также Пензенской, Самарской и Ульяновской областей, существовало средневековое государство Волжская Булгария, образованное тюркоязычными булгарами и суварями, переселившимися с Северного Кавказа, Приазовья и Приднепровья на земли, на которых местами проживало финно-угорское население. Новое государственное образование имело тесные торговые связи с соседними племенами и Киевской Русью. Основными занятиями населения было земледелие, домашнее, полукочевое скотоводство, ремесло, торговля. В лесных массивах развивалось бортничество, различные промыслы, охота и рыболовство. Значительные пространства северной части современного ПФО не были освоены, тогда как на востоке и юге макрорегиона господствовали кочевники. В 922 г. основная часть населения Волжской Булгарии приняла ислам, другая оставалась приверженцем языческих культов. В 1236 г. это государство было разгромлено монгольскими войсками и прекратило существование. По мнению современных исследователей, этнокультурными наследниками населения Волжской Булгарии являются татары и чувашаи.

В 1240-х гг. хан Батый основал Золотую Орду в составе территорий, на которых кроме основного населения – кипчаков (половцев),

проживали татары, башкиры, марийцы, чувашаи, значительная часть мордвы и другие народы. Монголы достаточно быстро ассимилировались. Русские земли находились в вассальной зависимости от Золотой Орды и не входили в ее состав, хотя часть русских проживала в ее пределах. При хане Узбеке (1313–1341) государственной религией был провозглашен ислам.

В условиях Золотой Орды происходило укрепление торговых связей между покоренными территориями, распространение достижений в ремесле, хозяйстве. Основные занятия оставались традиционными. Золотая Орда переживала периоды взлета и ослабления, с начала XV в. начался ее распад на отдельные государства, вследствие чего в 1438 г. было образовано Казанское ханство, на территории которого, кроме татар, жили марийцы, удмурты, чувашаи, а также часть башкир и мордвы. Башкирские земли были также расчленены между Ногайской ордой и Сибирским ханством. С Московским княжеством (позднее Русским государством) у казанских ханов были напряженные отношения, часто переходившие в военные столкновения. В 1552 г. войска Ивана IV взяли Казань и ханство прекратило существование, хотя сопротивление покоренных народов продолжалось в течение нескольких лет.

До середины XVI в. в состав Московского царства входили Вятская и Нижегородская земли, часть пермских территорий. После завоевания Русским государством Казанского и Астраханского ханств (1556) начинается политическое присоединение новых земель и экономическое освоение тех из них, где хозяйство не велось на постоянной основе. В то же время шло переселение русского населения из центральных районов. В 1678–1915 гг. численность переселенцев в Поволжье и Приуралье составила более 1,6 млн человек¹. Новоприбывшие получали земли, на которых рядом с ними жили чувашаи, татары, марийцы, мордва, башкиры, удмурты, коми-пермяки и другие народы. Одновременно шел процесс освоения территорий, в котором участвовали

и нерусские этносы. В XVI–XVIII вв. активно строятся города, экономика этих земель вовлекается в общероссийский хозяйственный оборот. Включение в состав Русского государства народов, проживавших на территории Среднего Поволжья и Приуралья, значительно повысило уровень этнической сложности страны, которая начала формироваться и как своеобразная цивилизация. Подобного масштаба изменения в составе населения России впоследствии наблюдались только в XIX в., когда империя включила в свой состав территории и население Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Вехи истории административной структуры округа

Эволюция этнически сложного макрорегиона получила выражение и в непростой истории его административной структуры. Ее границы неоднократно претерпевали серьезные изменения – как изъятия, так и присоединения соседних территорий.

Принцип этнического федерализма, положенный в основу национально-государственного строительства в Советской России и СССР, привел к образованию ряда автономных республик, население которых ранее жило в одной или разных губерниях. Например, из территории Казанской губернии были образованы 3 республики: Татарская, Марийская и Чувашская; из Вятской губернии была выделена Вотская (Удмуртская) автономная область, из бывшей Пермской – Коми-Пермяцкий автономный округ. Напротив, в состав Мордовии вошли земли и населенные пункты, заселенные мордвой и располагавшиеся в Пензенской, Нижегородской и Симбирской губерниях.

Тем не менее, в настоящее время значительные части некоторых этнических групп проживают за пределами республик, имя которым дали эти народы. Например, крупные группы татар проживают в таких регионах, как Башкирия и Удмуртия, Ульяновская, Оренбургская, Самарская, Пензенская области, Пермский край и др. Значительные

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 23, табл. 1.4.

группы чувашей представлены в Татарстане и Башкортостане, в Самарской и Ульяновской областях. Мордва заметна в Оренбургской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областях, Башкирии. Существенная часть марийцев составляет население Башкирии и Кировской области. Менее всего из крупных этнических групп в ПФО вне «своего» региона проживают башкиры, три четверти которых находятся в Башкортостане. Но около 47 тыс. башкир живут в Оренбургской области, 33 тыс. – в Пермском крае².

Большинство названных этнических групп, проживая за пределами «своих» республик, издревле органично представляют «коренное» население регионов ПФО. Они имеют многовековой опыт совместного проживания с другими народами и в то же время сохраняют заметные этнокультурные и конфессиональные отличия от них. Вместе с тем длительное соседство, скрепленное межэтническими браками, совместной трудовой деятельностью, участием в Великой Отечественной войне, в восстановлении и развитии народного хозяйства и т.д., выработало уникальные принципы добрососедских отношений, терпимости и уважительного отношения к представителям других народов.

В советский период накопился опыт совместного нахождения отдельных областей и республик будущего ПФО в административно-территориальных и экономических объединениях, которые не были достаточно продолжительными и постоянными по составу. В первые годы советской власти шли поиски рациональных принципов административно-территориального устройства страны, в которых важную роль играли экономические приоритеты, необходимость восстановления разрушенного хозяйства. В 1920-х гг. была проведена административно-территориальная реформа, которая должна была способствовать осуществлению плана ГОЭЛРО, а затем – первых пятилеток. Например, Средневолжская область (1928–1936 гг.,

с 1929 – Средневолжский край) объединяла Оренбургскую, Пензенскую, Ульяновскую области, значительную часть Самарской области и небольшую часть Нижегородской области, а также Мордовию. В состав Нижегородского (Горьковского) края (1929–1936) были включены Нижегородская область, Марийская АО, Вотская (Удмуртская) АО, Чувашская АССР.

В конце 1934 г. из Нижегородской области была выделена территория, названная Кировским краем, к которой были присоединены 2 района из Свердловской области. В свою очередь, в декабре 1936 г. из Кировского края была выделена Удмуртская АССР, а край переименован в область. Пермский край наряду с Екатеринбургской (Свердловской), Челябинской и Тюменской областями входил в состав Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг. Саратовская область и небольшая часть Самарской области вместе с Астраханской, Сталинградской областями, АССР немцев Поволжья и Калмыцкой АО входила в Нижневолжскую область (край). В 1934–1936 гг. из этого образования был выделен Саратовский край, в составе которого находилась автономия немцев Поволжья.

Таким образом, в довоенное время административно-территориальные образования ПФО пережили неоднократные переименования и изменения границ. В то же время в ходе экономического развития шло закрепление хозяйственных и культурных связей между регионами.

Другой опыт формирования тесного сотрудничества, укрепления кооперативных связей в сфере экономики появился в 1963–1964 гг., когда были организованы укрупненные совнархозы. Практически все регионы ПФО вошли в состав четырех совнархозов: в Волго-Вятский – Горьковская и Кировская области, Марийская, Мордовская и Чувашская АССР; Западно-Уральский – Пермская область и Удмуртская АССР; Приволжский – Пензенская, Саратовская и Ульяновская области; Средне-Волжский – Куйбышевская область, Башкирская и Татарская АССР. Оренбургская область, Курганская и Челя-

² Материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_togi1612.htm.

бинская области были включены в состав Южно-Уральского СХХ.

Для целей долгосрочного планирования экономического развития страны были сформированы 11 экономических районов (ЭР), в 3 из которых вошли регионы ПФО. Волго-Вятский ЭР по своему составу совпадал с одноименным совнархозом, в Поволжский ЭР из регионов ПФО были включены Пензенская, Саратовская, Самарская, Ульяновская области и Республика Татарстан. В Уральский ЭР вошли Республики Башкортостан и Удмуртия, Пермский край и Оренбургская область.

Несмотря на то, что все административно-территориальные и экономические объединения по количеству регионов, численности населения и площади территории, экономическим показателям были меньше, чем современные федеральные округа, в них был приобретен позитивный опыт взаимодействия, который может быть использован и уже используется в новых условиях.

Приволжский федеральный округ, как и многие другие ФО, был создан в 2000 г. Его административным центром стал Нижний Новгород. До 2005 г. в составе ПФО насчитывалось 15 субъектов, включая Коми-Пермский автономный округ: он стал самостоятельным субъектом Российской Федерации после принятия Конституции России 1993 г., но оставался в составе Пермской области, находясь с ней в договорных отношениях. В декабре 2003 г. в области и автономном округе был проведен референдум, на котором население поддержало их объединение в один субъект Российской Федерации, который был образован 1 декабря 2005 г. и стал называться Пермским краем.

Регионы округа в силу их пространственной близости, тесных производственных, культурных взаимосвязей и традиций, в том числе накопленных в результате интеграции с рядом сообществ страны (Волго-Вятский, Уральский экономические районы, Поволжье, Приволжско-Уральский регион), имели возможность для формирования общего идентификационного пространства. Однако в настоящее время для большинства населения округа значимость подобной идентично-

сти гораздо ниже значимости таких идентичностей, как общероссийская, региональная и местная.

Таким образом, ПФО в его современном виде включает территории, которые играли разную роль в истории страны. С одной стороны, это были земли, примыкавшие к историческому ядру России или входившие в него, с другой – владения различных средневековых государств, в основном заселенные народами, исконно проживавшими здесь. После присоединения к Русскому государству эти территории стали играть роль как переселенческих, так и транзитных земель для значительных масс русского населения и других народов.

В составе населения территорий в границах современного ПФО была велика доля нерусских народов. Особенно это характерно для Казанской губернии, в которой в 1913 г. из всех регионов внутренней части Российской империи русские составляли менее 40%, а остальные 60% приходились на татар, чувашей и другие этнические группы. В Астраханской губернии подобное распределение составляло 50 на 50%, в остальных губерниях, кроме окраинных, на долю русских приходилось более половины населения. В целом на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья русские составляли около 60% населения³.

Русское население округа имеет ряд культурно-бытовых и языковых особенностей, которые отличают его от исторического ядра и объясняются особенностями многокультурного соседства на данной территории. В дальнейшем изменение соотношений этнических групп на территориях регионов, составивших затем ПФО, происходило за счет различий в рождаемости, смертности и других факторов, но в не столь значимых размерах. Переселение крестьян в годы столыпинских реформ, набор рабочих кадров в период советской индустриализации, в ходе послевоенного строительства промышленных гигантов и другие мобилизации были менее масштабными.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 22, табл. 1.2.

В настоящее время население округа включает более 180 этнических сообществ. Наиболее многочисленны русские (66% населения по Всероссийской переписи населения 2010 г.). Далее следуют татары (13,4%), чуваш и башкиры (по 4,3%), мордва (2,1%), удмурты и марийцы (по 1,6%), украинцы (0,9%) и казахи (0,8%). Другие этнические группы, каждая численностью более 50 тыс. человек, включают армян, коми-пермяков, азербайджанцев, белорусов и узбеков.

Языковая палитра, в отличие от этнической, не так разнообразна, но и не проста: наряду с русским языком, которым владеет абсолютное большинство жителей округа, в значительной мере распространены тюркские (башкирский, татарский, чувашский, казахский, азербайджанский) и финно-угорские языки (марийский, мордовский, удмуртский, коми-пермяцкий). Для многих активистов национальных движений, прежде всего в республиках, а также представителей отдельных национальностей в местах компактного расселения в «не своих» регионах округа актуальными являются задачи сохранения этнической идентичности и родного языка. Эти сюжеты злободневны как для гражданского общества, так и для властных структур различного уровня. В начале 1990-х гг. практически во всех республиках обострились проблемы использования и преподавания родных языков, они во многом определяли политический дискурс в этих регионах. В новом тысячелетии подобная острота проблем заметно спала, хотя и сегодня в республиках Башкортостан и Татарстан высказываются достаточно резкие точки зрения по вопросам преподавания в учебных заведениях башкирского и татарского языков.

В социологических опросах по религиозной тематике большинство респондентов в регионах округа относят себя к православию (различия достаточно велики и составляют от 30 до 70 и более процентов). А среди населения республик Башкортостан и Татарстан преобладают мусульмане (около 30–40% от всех респондентов). По опросам, среди верующих в Оренбургской области доля приверженцев ислама превышает 10%, в отдельных

регионах (Пензенская и Ульяновская области) она составляет 5–6%, в остальных – в пределах 1–3%. Другая особенность конфессиональной полифонии – достаточно высокая доля приверженцев языческих (природных, народных) религиозных воззрений в Марийской Республике (около 6% населения).

В целом по округу среди верующих православные составляют примерно 75%, мусульмане – около 20%. По оценкам специалистов, в ПФО проживает около 40% всех мусульман России. Основные духовные управления, места массовых культовых отправок мусульман, учебные заведения сосредоточены в республиках Башкортостан и Татарстан, однако муфтияты, как и мечети, имеются во всех регионах округа.

Наряду с этим в округе осуществляют свою деятельность религиозные общности, представляющие иудаизм, католицизм, лютеранство и некоторые другие конфессии⁴. Однако при всех сложностях и особенностях развития этнических, социальных и культурных структур в регионах округа для большинства русскоязычных областей и национальных республик одной из связующих является общероссийская самоидентификация⁵.

Состояние межнациональных отношений служит одним из критериев оценки деятельности региональных органов власти и местного самоуправления⁶. Вопросы выполнения

⁴ Амелин В.В., Воронцов В.С. Состояние межнациональных отношений // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. М.: Ижевск – Оренбург, Распределенный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Минобрнауки РФ, РАН, 2013. С. 7–8; Раздьяконов В.С., Сергазина К.Т. Общественно-религиозные отношения // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. М.: Ижевск – Оренбург, Распределенный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Минобрнауки РФ, РАН, 2013. С. 14–37.

⁵ См., например: Дробижина Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 122.

⁶ Федеральный закон от 22.10.2013 N 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных

региональных программ по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в ПФО рассматриваются в Совете округа по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Кроме того, во всех регионах при их главах созданы советы по проблемам межэтнических и религиозных отношений, которые работают с учетом местных традиций и специфики. В ПФО, на наш взгляд, накоплен значительный опыт конструктивных межэтнических и межконфессиональных взаимодействий. Соответственно, имеются и значительные возможности минимизации социокультурных дисфункций.

Однако, несмотря на сформированные институты, пока остаются проблемы в межэтнических и религиозных отношениях, которые обуславливают напряженности и конфликты разного уровня.

Место ПФО в экономике Российской Федерации

В структуре валовой добавленной стоимости заметно выделяются два базовых сектора экономики: аграрный и промышленный. Коэффициенты их локализации относительно общероссийской структуры в 2014 г. составили соответственно 1,5 и 1,23⁷. Округ находится в числе общефедеральных лидеров по валовому сбору и производству многих видов сельскохозяйственной продукции. Округ также располагает наибольшим в стране количеством поголовья крупного рогатого скота и занимает второе место по поголовью свиней.

Промышленный сектор округа характеризуется диверсифицированной структурой и представлен такими отраслями, как машиностроение (авиационная, ракетно-космическая отрасли, судостроение, приборостроение,

отношений»http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153536/)

⁷ Центральная база статистических данных Росстата. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Промышленность и статистика предприятий. Производство основных видов продукции в натуральном выражении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

энергетическое машиностроение, станкостроение и другие отрасли) и нефтехимическая промышленность. ПФО – один из лидеров по производству разнообразного перечня промышленной продукции: грузовых и легковых автомобилей, автобусов и троллейбусов; соды, минеральных удобрений, тракторов для сельского и лесного хозяйства, шин, покрышек и резиновых камер, пластмасс в первичных формах, металлорежущих и деревообрабатывающих станков.

ПФО находится на втором месте среди федеральных округов страны по добыче нефти и газового конденсата, после безусловного в данной отрасли лидера – Уральского ФО и на третьем месте – по добыче природного газа, несколько уступая Дальневосточному ФО. При этом добываемые углеводороды не только перерабатываются отечественными предприятиями нефтехимической промышленности, но и экспортируются.

По масштабу текущей хозяйственной деятельности, измеряемой валовым региональным продуктом (ВРП) и объемом промышленного производства, ПФО занимает второе место после Центрального ФО. В 2014 г. регионы округа произвели около 20% промышленной продукции России, а их суммарный ВРП составил более 15,6% общероссийского показателя. Накопленный запас основных фондов на конец 2014 г. достиг 14% всех основных фондов страны. По данной характеристике ПФО занимает третье место после Центрального (32,1%) и Уральского (18,3%) федеральных округов.

Динамика модернизации регионов ПФО

Модернизационный тренд округа

В динамике модернизации регионов ПФО за 2001–2012 гг. следует выделить два периода. В первом из них (2001–2008) наблюдался, как и в других федеральных округах страны, ускоренный поступательный рост модернизационных процессов, который был прерван влиянием мирового финансового кризиса.

В данный период индекс *первичной модернизации (FMI)* страны увеличился на 7,8 п.п. (до 99,7%), а аналогичный индекс ПФО – на 9,9 п.п. (до 99%), продемонстрировав наибольший прирост среди всех округов. По этому показателю округ перешел с шестого места в 2000 г. на четвертое в 2008 г. (после Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного ФО), незначительно опередив Сибирский ФО. Далее, в первые два кризисных года, не только произошло существенное замедление модернизационных процессов, но и обозначился некоторый отход от достигнутых позиций. Индекс первичной модернизации ПФО в 2009 г. снизился до 97,3%, округ отошел на шестую позицию, пропустив вперед Уральский и Сибирский ФО и отставая от российского уровня на 2,6 п.п. В следующем году ПФО вновь обошел Сибирский ФО, повысив уровень первичной модернизации до 97,5%, и переместился на пятое место в ряду остальных округов; при этом отставание от российского индекса составило в 2010 г. 2,4 п.п. В последующие два года округ восстановил утраченные позиции и в 2012 г. полностью завершил первичную модернизацию, наряду с Центральным и Северо-Западным ФО (см. рис. 1.5 (1), приложение 3). Тем самым макрорегион проявил пониженную устойчивость к внешним шокам, одновременно продемонстрировав способность к их нейтрализации и быстрому восстановлению утраченного состояния.

В процессе первичной модернизации в регионах округа подготавливался постепенный переход к *вторичной модернизации*. В докризисный период ее уровень (индекс – *SMI*) увеличился более чем на 8 п.п.: с 55% в 2000 г. до 63,4% в 2008 г.; при этом характер динамики окружного показателя соответствовал общероссийскому тренду почти с неизменным отставанием от него (на 6,6 п.п. в 2000 г. и 6,4 п.п. в 2008 г.). Однако под влиянием кризисных факторов 2009–2012 гг. разрыв между трендами в первые два года увеличился до 7,5 п.п. на фоне незначительного роста окружного индекса вторичной модернизации до 64,6%. В последующие два года процесс вторичной модернизации

в округе ускорился, достигнув 69,8%, а разрыв от российского значения сократился до 4,6 п.п. В течение 2001–2012 гг. ПФО занимал стабильно четвертое место в ряду остальных округов по уровню вторичной модернизации после Центрального, Северо-Западного и Уральского ФО (рис. 1.5 (2), приложение 3).

Суммарный результат обеих стадий модернизации (первичной и вторичной) оценивался с помощью *интегрированного индекса модернизации (IMI)*. Данный окружной индекс монотонно повышался: с 47,7% в 2000 г. до 58,6% в 2008 г. и до 62,9% в 2012 г. Отставание округа от общероссийского показателя соответственно составляло 3,4; 3,9 и 4,1 п.п. По данному показателю ПФО в 2000 и 2005 гг. занимал пятое место в ряду федеральных округов (после Центрального, Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного ФО), в 2008 и 2009 гг. опустился на шестое место, пропустив вперед Сибирский ФО, а в 2010–2012 гг. вновь вернулся на прежнюю позицию (рис. 1.5 (3), приложение 3).

Анализируя динамику обеих стадий модернизации и их интегрированной версии, следует обратить внимание на противоречивость выявленных тенденций. Так, разрыв между линейными трендами значений индексов первичной и вторичной модернизации ПФО и страны в анализируемом периоде уменьшался, вследствие их сближения, а между значениями интегрированного индекса, наоборот, увеличивался (рис. 6.2).

Данная ситуация объясняется различным составом исходных показателей, на основе которых рассчитываются сводные значения индексов. Перечень исходных показателей интегрированного индекса в основном дублирует состав исходных показателей индекса вторичной модернизации, за исключением четырех показателей, в том числе: 1) число ученых и инженеров в расчете на 10 тыс. жителей; 2) доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения в возрасте 12–17 лет; 3) число телевизоров в расчете на 100 домохозяйств; 4) младенческая смертность. Улучшение значений данных показателей, при прочих равных условиях, повышает уровень индекса вторичной модернизации, однако

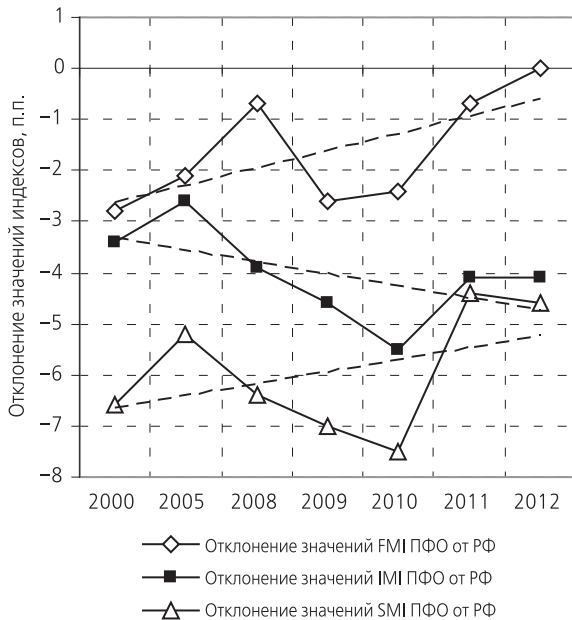

Рисунок 6.2. **Динамика отклонений значений индексов модернизации ПФО от соответствующих индексов страны**

это никак не отражается на уровне интегрированного индекса. Тем самым динамика этих индексов может иметь разную скорость изменений и обусловить формальное расхождение их динамики. По видимому, индекс интегрирующей модернизации в методическом смысле требует совершенствования процедур измерения, дополняющих оценку вторичной модернизации.

Анализ динамики вторичной и интегрирующей модернизации с учетом распределения регионов свидетельствует о том, что в докризисный период (2000–2008) основной вклад в формирование ее окружного тренда внесли Нижегородская, Самарская, Ульяновская области, а также Пермский край и Республика Татарстан как регионы, интенсифицирующие модернизацию ускоренными темпами. Причем их нарастающий вклад описывался повышательной тенденцией. Шоковые факторы финансового кризиса 2009 г. почти нивелировали асимметрию в распределении регионов по роли их влияния на средний уровень интегрированной

модернизации округа. Однако далее в результате антикризисных мер, принятых данной группой регионов, доминирующий характер их влияния на генеральную тенденцию модернизации округа в значительной мере восстановился.

Технико-технологическая компонента

Инновационное развитие регионов. Анализ уровня и динамики данной компоненты представляет значительную сложность из-за информационных ограничений. Российская статистика направлена в основном на учет показателей по видам экономической деятельности и не вполне приспособлена к учету технологий в разрезе элементов технологических укладов. Тем не менее, имеются немногочисленные попытки оценить уровень технологического уклада в экономике региона⁸ и значительно больше исследований, направленных на оценку уровня и динамики инновационного развития регионов⁹. Наряду с этим в «Программе и типовом инструментарии...» в целях анализа инновационной деятельности в регионе рекомендуется рассчитывать по данным статистики индексы инновационности региона и инновационности его продукции, а по данным социологических опросов – коэффициент инновационной активности населения¹⁰.

Что касается первых двух индексов, то мы рассчитали сводные индикаторы инно-

⁸ Москвина О.С. Определение уровня технологического уклада в экономике региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 2. С. 52–58; Терехова С.В. Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3(11). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sisp.nkras.ru

⁹ Гулин К.А., Задумкин К.А., Ильин В.А. Институциональная среда генерации знаний в регионах РФ (на примере Вологодской области) // Горизонты инновационной экономики в России: Право, институты, модели / Общ. ред. В.Л. Макарова. М.: ЛЕНАНД, 2010. Гл. 2. С. 83–154; Буторина О.В. Методические подходы к оценке уровня инновационного развития экономики индустриально-развитых регионов Приволжского федерального округа / Буторина О.В., Баталова Е.В. // Фундаментальные исследования. 2013. № 1. С. 205–209.

¹⁰ Лапин, Н.И. Программа и типовая инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. С. 42–44.

вационной деятельности регионов страны (индекс инновативности), несколько дополняя и модифицируя предложенные показатели. С использованием данных официальной статистики, представленных в открытом доступе, были отобраны и рассчитаны следующие показатели инновационной деятельности в регионах за 2005–2013 гг.:

- 1) численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в % от общей численности занятых в экономике;
- 2) доля численности студентов вузов в численности населения, %;
- 3) количество выданных патентов, на 10 тыс. чел., занятых в экономике;
- 4) доля затрат на технологические инновации в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;
- 5) число персональных компьютеров на 100 работников с доступом в Интернет;
- 6) доля затрат на информационно-коммуникационные технологии в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;
- 7) доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;
- 8) доля затрат на НИОКР в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %.

Необходимость годового усреднения показателей под номерами 4, 6, 7 и 8 обусловлена желанием сгладить характерные для них пульсирующие пики и одновременно учесть лаговую составляющую инновационного процесса.

Агрегирование элементов сводного индикатора инновационной деятельности региона осуществлялось методом многомерной статистики¹¹.

¹¹ Метод основан на вычислении *модифицированной первой главной компоненты* набора унифицированных частных показателей-признаков с использованием стандартного метода *главных компонент* (Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход / С.А. Айвазян. М.: Наука, 2012. 430 с.).

Пространственная динамика уровня инновативности. В табл. 6.1 представлены сводные индексы инновативности регионов ПФО, ранжированные по оценке 2013 г. Данный индекс демонстрирует пространственное соотношение синтетических оценок регионов округа в линейно нормированной шкале в разрезе 79 регионов страны, анализ которых позволяет сформулировать следующие выводы.

Уровень обобщающей характеристики инновационной деятельности ПФО на протяжении предкризисного субпериода (до 2009 г.) находился выше среднего по России с превышением на 2–3 п.п., что свидетельствует о несколько большей инновационной активности регионов округа относительно общего процесса по стране, причем обе сравниваемые позиции демонстрировали слабо пульсирующий стационарный тренд, расположенный ниже середины линейной шкалы. Так, значение индекса для России в 2008 г. составило 33,4, а ПФО – 35,4 п.п. Следовательно, определяющую роль в формировании средних уровней страны и округа на протяжении 2005–2008 гг. играли регионы с относительно пониженными параметрами инновационной активности, и ситуация в этом плане практически не менялась.

Для другой группы регионов (Пермский край, Мордовия и Пензенская область) пространственные значения инновативности формировались вблизи среднеокружного уровня или несколько ниже (Чувашия и Саратовская область). Из данной группы регионов выделяется Пензенская область, у которой зафиксирован крутой рост показателя инновативности (с 26% в 2005 г. до 47% в 2011 г.) и более стремительное его падение в последующие два года (до 26% в 2013 г.).

Ситуация заметно ухудшилась с 2009 г., когда уровни индексов инновативности страны и округа сравнялись, а затем окружной уровень стал отставать от общероссийского. С 2013 г. по обоим трендам наметилась понижательная тенденция сдвига от середины линейной шкалы, что говорит о росте разброса региональных уровней инновативности и возрастающей роли регионов с отно-

Таблица 6.1

Сводные индикаторы инновационной деятельности регионов ПФО
(в линейной шкале от 0 до 100 %)

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Нижегородская область	52,2	52,7	49,6	54,3	47,3	44,6	48,5	47,3	55
Самарская область	54,1	47,4	44,9	44,5	46,1	46,9	44,9	42,2	45,2
Республика Мордовия	27,6	33,5	34,0	36,9	34,0	36,5	38,3	34,0	35,8
Республика Татарстан	41,5	37,7	38,8	36,7	36,7	41,3	42,9	41,7	33,3
Ульяновская область	37,7	38,5	39,7	41,6	48,1	46,8	45,6	39	31,2
Пермский край	32,2	32,4	33,1	36,2	40,2	37,7	36,3	33,9	28,4
Россия	32,6	32,9	33,1	33,4	37	35,9	38,0	37,6	28,3
Пензенская область	26,2	28,8	31,0	34,0	41,9	43,4	46,6	37,5	26,3
Приволжский ФО	35,6	34,8	33,5	35,4	36,7	36,8	36,8	35,0	25,6
Чувашская Республика	29,4	30,0	28,1	31,0	34,0	34,5	35,4	34,8	23,2
Саратовская область	29,3	28,4	28,5	30,4	35,8	33,3	31,9	31,0	19,6
Республика Башкортостан	22,4	26,4	23,0	25,0	28,0	27,1	27,6	28,3	18,2
Кировская область	19,9	28,6	30,3	39,0	44,7	34,8	32,1	25,5	16,6
Удмуртская Республика	25,2	27,4	24,6	25,9	28,9	27,9	28,2	27,4	15,6
Республика Марий Эл	18,6	20,7	22,0	21,6	25,1	24,0	24,9	23,9	13,9
Оренбургская область	17,4	19,2	17,6	18,8	19,7	19,9	20,6	22,3	9,61

Источник: Центральная база статистических данных Росстата. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Наука и инновации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

сительно низкими уровнями в формировании средних значений округа и страны.

Вместе с тем такие регионы ПФО, как Нижегородская, Самарская, Ульяновская области и Республика Татарстан, на протяжении всего периода демонстрировали высокую инновационную активность не только по отношению к окружному уровню, но и России в целом. Причем Нижегородская и Самарская области проявили показательную устойчивость к вызовам кризиса, противопоставив им повышение инновационной активности. К сожалению, Татарстан и Ульяновская область не смогли противостоять общей понижательной тенденции.

Уровни инновативности третьей группы регионов округа (Оренбургская область, республики Марий Эл, Удмуртия и Башкортостан, Кировская область) оставались значительно ниже среднего по округу, хотя отдельным из них (Кировская область) в предкризисный период удавалось превы-

сить средние уровни округа и страны на 8 п.п.

Автономная динамика уровней инновативности регионов. Пространственные соотношения инновационной активности регионов, однако, не характеризуют изменение их уровня по отношению к себе в предыдущий период (автодинамику). Поэтому дополнительно к пространственной динамике рассчитывалась автодинамика исходных показателей в целом по стране (табл. 6.2), на основании которых определялась генеральная тенденция индекса инновативности страны. Для этого базисные индексы всех исходных составляющих индекса страны агрегировались методом многомерной статистики аналогично пространственному индексу в виде модифицированной первой главной компоненты, представляющей генеральную тенденцию индекса инновативности. Затем пространственные соотношения региональных индексов корректировались

Таблица 6.2

Динамика показателей индекса инновативности России
(в % к 2005 г.)

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в % от общей численности занятых в экономике	98,7	96,7	91,3	90,4	89,5	89,2	87,8	88,0
2. Доля численности студентов вузов в численности населения, %	106	109	109	109	101	91,5	84,3	79,2
3. Количество выданных патентов, на 10000 чел., занятых в экономике	138	102	115	136	118	114	124	123
4. Доля затрат на технологические инновации в суммарном ВРП*, %	93,1	80,8	80,9	93,3	110	173	220	263
5. Число персональных компьютеров на 100 работников с доступом в Интернет	129	157	186	214	257	300	343	371
6. Доля затрат на информационно-коммуникационные технологии в валовом региональном продукте*, %;	89,5	86,1	83,7	88,7	96,2	102	112	135
7. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции*, %	101	96,0	96,0	94,6	96,0	105	128	158
8. Доля затрат на НИОКР в ВРП*, %	100	104	99,3	119	109	105	102	102

* среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года.

Источник: Центральная база статистических данных Росстата. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Наука и инновации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

с учетом генеральной тенденции. Тем самым были сформированы представления об автодинамике уровня инновативности регионов округа (табл. 6.3).

По расчетам, за 2006–2013 гг. уровень инновативности страны увеличился в 2,4 раза (ежегодный прирост – 11,8%), а ПФО – только в 2 раза (9,2%), т.е. наметилось отставание окружного уровня от российского. Динамика Пензенской области и Республики Мордовия стабильно опережала российский и окружной тренды. Еще три региона (Кировская область, республики Башкортостан и Марий Эл) опережали динамику России вплоть до 2012 г., после которого резко замедлили ход, оказавшись ниже российских темпов, но все еще выше окружных.

Тренды инновативности большой группы регионов (Пермского края, Ульяновской, Саратовской и Оренбургской областей, республик Татарстан, Чувашии и Удмуртии) располагались вблизи окружного и, по-видимому, внесли основной вклад в его формирование. Вместе с тем в округе выделяются два безусловных региона-лидера инновационной активности – Нижегородская и Самарская области, у которых динамика сводного пока-

зателя несколько отличалась от окружного тренда. В предкризисный период (2005–2008) темпы роста показателя Нижегородской области не сильно отклонялись от окружных, но под влиянием кризиса в 2009 г. заметно снизились, адаптируясь к изменившимся условиям. Затем вплоть до 2012 г. региональный тренд располагался ниже окружного с тенденцией к сокращению отставания, а в 2013 г. на крутом подъеме регион не только преодолел отставание, но и вышел в бесспорные лидеры. Самарская область продемонстрировала в 2005–2007 гг. нулевой прирост, обусловив тем самым существенное отставание от средних темпов роста округа. В последующий период (до 2012 г.) темпы роста инновационной деятельности области примерно соответствовали окружным, но в 2013 г. регион, вслед за Нижегородской областью, вырывается вперед, занимая вторую позицию.

Значимость технико-технологической составляющей в модернизации регионов также была обоснована количественными оценками с помощью эконометрики. По нашим расчетам, повышение регионального индекса инновативности на 1 п.п. способствовало росту интегрирующей модернизации

Таблица 6.3

Темпы роста сводных уровней инновативности регионов ПФО и РФ
(в % к 2005 г.)

Регион	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Мордовия	138	146	173	163	202	232	237	365
Нижегородская область	114	112	135	120	130	155	174	296
Пензенская область	125	140	168	212	252	298	276	282
Пермский край	114	122	146	165	178	189	203	248
<i>Россия</i>	<i>114</i>	<i>120</i>	<i>133</i>	<i>150</i>	<i>168</i>	<i>195</i>	<i>222</i>	<i>244</i>
Самарская область	99	98	107	113	132	139	150	235
Кировская область	163	180	254	297	267	269	247	234
Ульяновская область	116	124	143	168	189	202	199	232
Республика Башкортостан	134	122	145	165	184	206	244	228
Республика Татарстан	103	111	114	117	151	173	194	226
Чувашская Республика	116	113	137	153	178	201	227	222
Республика Марий Эл	126	140	151	178	196	224	248	210
Приволжский ФО	110	111	129	136	157	173	189	202
Саратовская область	110	115	134	162	173	182	204	187
Удмуртская Республика	123	115	133	152	168	187	209	173
Оренбургская область	124	119	140	150	173	197	246	155

Источник: Центральная база статистических данных Росстата. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Наука и инновации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

на 0,115 п.п., что, конечно же, недостаточно¹². Малое влияние данного фактора на динамику модернизации можно объяснить недостаточной интенсификацией инновационного процесса. Известно, что динамика эффективности инновационной деятельности имеет нелинейный характер, так как ни на одной из стадий затраты не пропорциональны результатам. Более того, нововведения должны пройти так называемую «точку опрокидывания», после которой начинается лавинообразный рост результата. «Все новые технологии, которые нарушают существующее равновесие, а затем заменяют его новым равновесием, должны пройти свою точку опрокидывания. Если этого не произойдет, они никогда не станут господствующими или не приведут к значительным изменениям в системе бизнеса»¹³.

¹² Расчеты осуществлялись на основе панельной регрессии с фиксированными эффектами по данным 79 регионов за 2005–2013 гг.

¹³ Кох Р. Законы Силы в бизнесе. Мн.: ООО «Попурри», 2004. С. 319.

Суммируя результаты анализа технико-технологической компоненты, есть основания полагать, что в экономике большинства регионов округа на протяжении всего рассматриваемого периода преобладали факторы *четвертого технологического уклада*. Вместе с тем отдельные регионы демонстрировали весьма интенсивный процесс формирования новой экономики, становясь лидерами не только в округе, но и в стране в целом.

Инновационная активность населения. Наряду с данными статистики, важным показателем инновационной деятельности в регионе выступает *социологическая оценка инновационной активности населения*. По данным социологического опроса населения Чувашской Республики в 2012 г., инновационную деятельность в течение года в той или иной форме осуществляли от 15 до 17% респондентов. Из них 5,8% выступали организаторами новшеств, а 8,5% участвовали пассивно. По сравнению с предыдущим

опросом (2006) активность населения возросла на 5–7 п.п.

Большая часть респондентов принимала участие в создании нового продукта и новой услуги, в меньшей степени – в создании новой фирмы и новой технологии; при этом инновационное поведение городского и сельского населения заметно различалось. Так, среди селян в создании новшеств участвовало около 10% опрошенных, причем они более открыто высказывали свои позиции, а горожане оказались более активными в создании новых услуг и новых технологий. В целом активность горожан ожидаемо оказалась выше. Мужчины чаще выступали организаторами (9,8%) по сравнению с женщинами (2,6%). Между тем оценки пассивного участия мужчин и женщин в инновационной деятельности отличались не существенно. Учет возрастного фактора позволил выделить группу наиболее активных участников инновационной деятельности, в которую вошли жители в возрасте от 25 до 44 лет (9,9%).

Из результатов опроса также следует, что наибольшая часть инноваторов при создании новой фирмы (40%) опиралась на поддержку друзей, использовали поддержку со стороны административных органов при внедрении новой технологии (41%) и в меньшей мере – кредитных организаций в создании нового продукта (13%). Между тем противодействие конкурентов и чиновников оценивается примерно поровну (немногим более 3%). В то же время значительная часть инновационно активного населения указала на то, что не встречала ни поддержки, ни противодействия; особенно это касалось создания новых продуктов (23%), технологии (24%) и услуг (22%).

В целом можно заключить о наличии в республике относительно небольшой прослойки населения, которая участвует в инновационной деятельности. Обобщенный портрет инноватора предстает в виде мужчины, который имеет высшее и послевузовское образование, проживает в городе и обладает рядом жизненных ценностей и трудовых мотивов. Например, в группе инноваторов доля уверенных в своих перспективах почти

на 13% выше, чем у всего массива респондентов. Однако инноваторы отметили меньшую защищенность от преступности, чиновников, правоохранительных органов и бедности по сравнению с остальными категориями граждан. Несмотря на это, их отношение ко всем отмеченным жизненным позициям отличалось большим оптимизмом и уверенностью, что и отразилось в итоге на значении индекса социального самочувствия. Следует также отметить положительную динамику снижения патерналистских устремлений и понимания важности собственных усилий. Данная тенденция особенно выражена у категории инноваторов, среди которых почти 93% убеждены в том, что улучшение их жизни зависит от собственных усилий.

В целом представления опрашиваемых относительно того, насколько успех бизнеса и работы многих предприятий и учреждений зависит от действия властей, в первую очередь на федеральном уровне, почти не изменились (63–64%, у инноваторов – 68%). Данные представления, вероятно, снижают мотивацию действий граждан, направленных на улучшение своей жизни. В связи с этим активизация инновационной деятельности населения во многом будет зависеть от степени развития всех, без исключения, компонент модернизации, не только технико-технологической, но и социальноэкономической, социокультурной и институционально-регулятивной.

Социальноэкономическая компонента

Динамика составляющих данной компоненты в 2001–2013 гг. по округу в целом соответствовала цивилизационным тенденциям, заложенным в нормативной базе инструментария китайских коллег (ЦИМ АНК). В структуре занятости и ВРП наблюдалось последовательное снижение доли аграрного и индустриального секторов экономики и соответствующее расширение сферы услуг. При этом ускоренное снижение данных показателей в аграрном секторе и интенсивный их рост в сфере услуг в подавляющем большинстве регионов округа имели место в 2001–2008 гг. В дальнейшем рассматрива-

емые структурные изменения замедлились и практически стабилизировались (рис. 6.3 и 6.4). В динамике индустриального сектора экономики регионов ПФО также выделяются две ветви: менее выраженная понижательная (до 2010 г.) и далее – стационарная.

Доли занятых в экономике и ВРП в *первом секторе* округа в соответствующих итогах показателей ПФО снизились в 2000–2008 гг. и зафиксировались на уровне 11 и 6% в 2013 г. Во *втором секторе* аналогичные показатели снизились в 2000–2010 гг. и затем почти не менялись до 2013 г. (30 и 48%). Показатели *третьего сектора* увеличились в 2000–2008 гг., мало варьировали до 2013 г. (58 и 46%). Однако в разных регионах округа данные процессы протекали с различной интенсивностью.

В начале анализируемого периода (2000) только три индустриально развитых региона имели долю занятых в *аграрном секторе* эко-

номики ниже среднероссийской (14%) – это Пермский край, Нижегородская и Самарская области. В 2001–2013 гг. в Чувашии, Кировской области и Марий Эл зафиксировано наибольшее снижение данного показателя: в первых двух регионах – на 9–11 п.п. При этом львиная доля данного снижения пришлось на предкризисный период (2001–2008). Предположительно, данный процесс был обусловлен зарождением новых технологических укладов в названных субъектах Российской Федерации. Именно в предкризисном периоде данные регионы активизировали инновационную деятельность, опережая окружной и российский тренды. В остальных регионах округа, кроме Оренбургской области и Республики Мордовия, аграрная занятость за весь период снизилась на 2–6 п.п.

В *индустриальном секторе* экономики наибольшее относительное снижение занятости

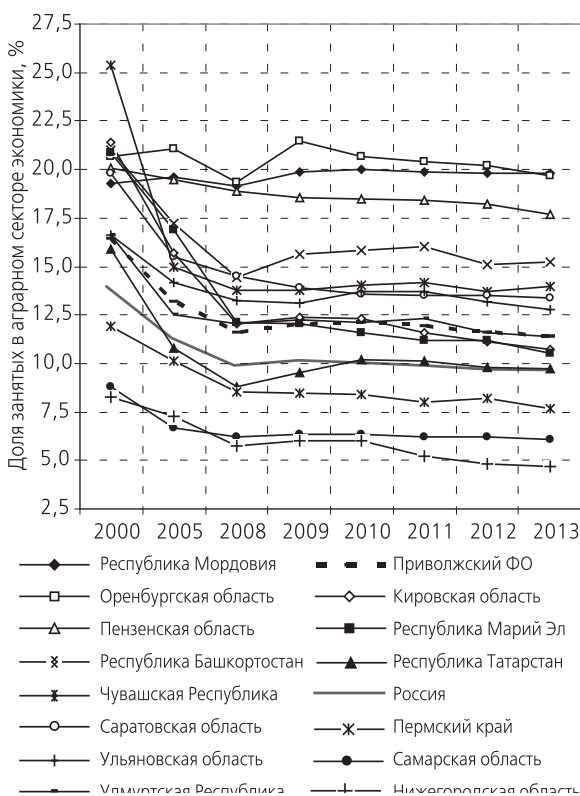

Рисунок 6.3. Динамика доли занятых в аграрном секторе экономики ПФО

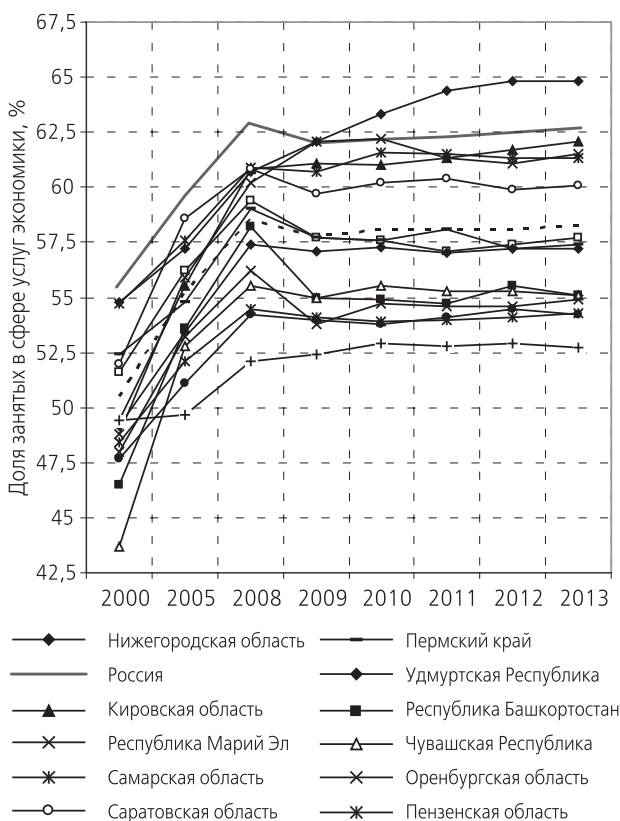

Рисунок 6.4. Динамика доли занятых в секторе услуг экономики ПФО

зафиксировано в Нижегородской и Оренбургской областях: с 37 и 31% в 2000 г. до 30,5 и 25% в 2013 г. Еще в трех регионах округа (Самарская, Пензенская области и Республика Мордовия) она снизилась примерно на 3,5–4 п.п., т. е. несколько больше, чем в целом по округу (3 п.п.). В шести регионах (Удмуртия, Башкортостан, Марий Эл, Ульяновская, Кировская и Саратовская области) снижение составило порядка 2–3 п.п. В Пермском крае показатель снизился менее чем на 1 п.п. В Чувашии и Татарстане доля занятых в индустриальном секторе экономики оставалась стабильной: в первом регионе в пределах 31–32%, во втором – 32,5–33% на протяжении всего периода, причем до 2008–2009 гг. в обоих регионах показатель демонстрировал небольшую тенденцию к повышению.

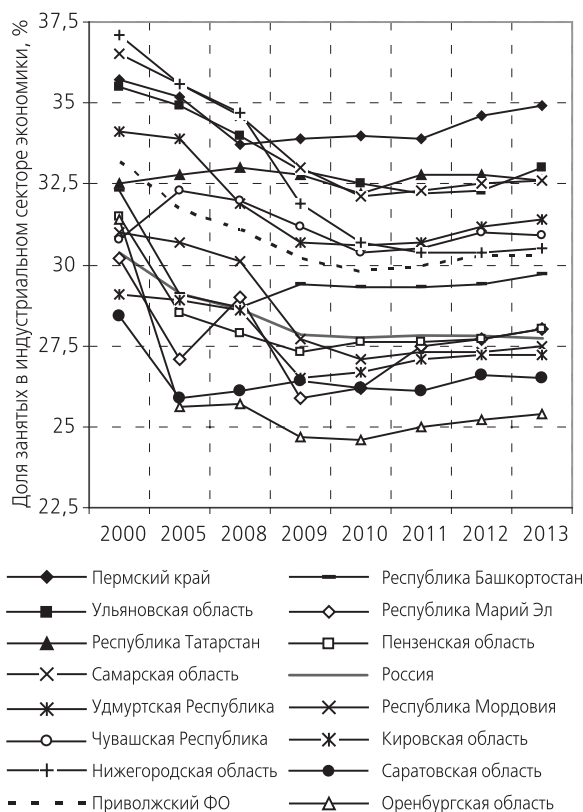

Рисунок 6.5. Динамика доли занятых в индустриальном секторе экономики ПФО

Переход к второй стадии модернизации в регионах округа одновременно сопровождался ростом сферы услуг и соответствующей доли занятости в ней. Наиболее интенсивно перераспределение в пользу третьего сектора экономики осуществлялось в небольших регионах округа (Мордовия, Кировская область, Чувашия), где доля занятых в данном секторе за 2001–2013 гг. выросла на 20–27 п.п. Заметный прирост занятости в третьем секторе произошел в Татарстане (18 п.п.), Башкортостане (15,5 п.п.), Пензенской (17 п.п.) и Ульяновской (15 п.п.) областях, Удмуртии (14 п.п.). В пяти регионах (Самарская, Саратовская, Нижегородская, Оренбургская области и Республика Марий Эл) занятость в данной сфере увеличилась на 6–10 п.п. Наименьший прирост доли занятых в сфере услуг отмечен в Пермском крае (4 п.п.) и Оренбургской области (2,5 п.п.).

Таким образом, к 2013 г. в округе сложились три группы регионов по уровню занятости в аграрном секторе экономики: 1) с низкой долей (5–8%) – Нижегородская и Самарская области, Пермский край; 2) со средним по стране уровнем (10–15%) – Татарстан, Марий Эл, Кировская область и Удмуртия, Ульяновская и Саратовская области, Чувашия и Башкортостан; 3) с уровнем значительно выше российского (18–20%) – Пензенская и Оренбургская области, Мордовия.

Безусловным лидером занятости в индустриальном секторе является Пермский край (35%). Далее следуют семь регионов (республики Татарстан, Башкортостан, Удмуртия и Чувашия, области – Ульяновская, Самарская и Нижегородская) с показателями на уровне окружного и выше (30–33%). Три региона (Марий Эл, Пензенская область и Мордовия) образуют группу со средним уровнем по стране (28%). Наконец, Кировская, Саратовская и Оренбургская области замыкают перечень регионов округа по данному показателю с уровнем немногим ниже российского (25–27%).

По занятости в сфере услуг лидером округа в 2013 г. выступает Нижегородская область (65% – немногим выше общероссийского уровня). В пяти регионах (Кировская, Самарская и Саратовская области, респуб-

лики Марий Эл и Татарстан) доля занятых в данной сфере находится в интервале 58–63%, нижняя граница которого соответствует окружному уровню. В остальных регионах уровень занятости в сфере услуг пока ниже среднего по округу, в том числе: в Пермском крае, Удмуртии, Башкортостане, Чувашии и Оренбургской области – 55–57%, Пензенской и Ульяновской области – 54%, Мордовии – 53%.

Социокультурная компонента

В «Программе и типовом инструментарии...» для характеристики социокультурного портрета регионов наряду с другими рекомендован «Комплексный индекс качества жизни» ($I_{КЖ}$), особенность которого состоит в том, что он учитывает два аспекта формирования представлений о качестве жизни населения – *объективный* и *субъективный*¹⁴. Первый представлен так называемым «кризисным» индексом качества жизни населения ($I_{К}$), предложенным Н.В. Зубаревич¹⁵. Представления о качестве жизни в рамках второго аспекта формируются на основе субъективного восприятия населением его различных сторон с помощью мультикомпонентного индекса социального самочувствия населения ($I_{СС}$). К сожалению, пока отсутствуют в необходимом количестве данные по всем регионам округа, полученные из социологических опросов, хотя имеется некоторый положительный опыт расчета комплексного индекса по одному из регионов округа, по которому имелись оценки социологических опросов 2006 и 2012 гг.¹⁶

¹⁴ Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. С. 41–42.

¹⁵ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 97–98.

¹⁶ Тарасов В.Т. Качество жизни населения Чувашии в контексте социокультурного портрета / Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации. Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г. В 3 частях. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. Ч. II. С. 566–575.

Уровень и пространственная динамика «кризисного» индекса качества жизни (КИКЖ) населения регионов ПФО представлены в табл. 6.4¹⁷.

Российский уровень индекса, демонстрируя слегка пульсирующую динамику, увеличился с 63,2% в 2003 г. до 67,5% в 2010 г. и незначительно снизился в 2013 г. (66,7%). Заметим, что средний уровень превышал 50-процентный порог линейной шкалы, что свидетельствует о большем влиянии группы регионов с высокими параметрами качества жизни на формирование средней (левосторонняя скошенность распределения), причем их влияние со временем усиливалось.

В пространственной структуре КИКЖ населения округа можно выделить две группы регионов: 1) с высоким и 2) средним уровнем индекса. Показатели первой группы регионов (Нижегородская и Самарская области, Башкортостан, Удмуртия и Пермский край), существенно различавшиеся в 2003 г., имели повышательную тенденцию и заметно сблизились с российским. У регионов второй группы (Пензенская область, Оренбургская, Ульяновская, Кировская и Саратовская области), за исключением Республики Марий Эл, показатели варьировали в узком диапазоне с некоторым увеличением разброса в конце периода и также имели повышательную тенденцию. У Республики Марий Эл показатель оказался самым низким в округе.

Повышательный тренд качества жизни населения страны имел базисный темп роста за 2004–2013 гг. 139,3%, или 3,1% в среднем за год. Изменения в пространственных соотношениях региональных индексов в одних случаях (когда разрыв между значениями регионального и общероссийского индексов увеличивался) свидетельствуют о его опережающем росте по сравнению с общероссийской динамикой, а в других (когда разрыв между значениями регионального и общероссийского индексов уменьшался) – о некотором отставании от нее (табл. 6.5).

Социокультурная среда региона во многом формируется под влиянием изменений

¹⁷ Расчеты осуществлены по данным ЦСБД Росстата (<http://cbsd.gks.ru/>) для 82 субъектов Федерации.

Таблица 6.4

Уровень кризисного индекса качества жизни регионов ПФО
(в линейной шкале от 0 до 100%)

Регион	2003	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Татарстан	66,7	70,8	72,8	76,0	80,2	78,1	82,4	78,4
Нижегородская область	59,5	59,4	58,6	60,1	64,0	62,1	66,3	69,8
Самарская область	67,4	69,1	62,4	63,5	67,0	63,6	67,7	67,5
Российская Федерация	63,2	63,4	61,7	64,0	67,5	64,5	66,6	66,7
Республика Башкортостан	63,3	66,0	64,0	69,4	67,8	64,5	67,1	66,2
Удмуртская Республика	55,9	56,6	55,0	59,4	62,5	61,2	62,9	63,9
Пермский край	58,9	60,9	57,6	60,5	65,2	60,2	62,2	63,6
Пензенская область	51,4	53,1	55,2	58,2	57,9	57,0	58,7	62,3
Оренбургская область	54,8	55,5	53,2	57,2	61,8	56,6	57,2	60,3
Ульяновская область	53,9	52,1	50,9	51,8	58,0	54,9	59,4	59,4
Кировская область	55,5	56,2	56,1	54,9	60,8	56,8	58,5	58,4
Чувашская Республика	58,3	55,6	54,8	53,1	56,0	54,8	55,1	58,1
Саратовская область	54,1	56,6	50,2	52,7	60,2	55,1	53,0	55,0
Республика Мордовия	54,1	53,6	57,5	55,5	58,7	54,6	51,9	54,0
Республика Марий Эл	46,6	46,5	45,6	45,1	47,8	45,1	46,4	51,0

Источник: Центральная база статистических данных Росстата. Доходы и уровень жизни. Демография. Труд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

в качестве человеческих ресурсов, что обуславливает применение в анализе специальных методов. С учетом сложившейся практики статистического учета, нами была сформирована система показателей анализа человеческих ресурсов региона, состоящая из двух групп исходных характеристик за 1992–2012 гг. Первая группа из 13 показателей характеризовала уровень качества населения, включая показатели его благосостояния, воспроизводственные и витальные особенности; вторая, в составе 10 показателей, описывала качество трудовой жизни. При этом показатели обеих групп предварительно агрегировались в сводные характеристики, а затем в обобщающую (интегральную).

Особенность многомерного подхода в анализе признаков состоит в том, что исходные показатели, как правило, демонстрируют разнонаправленную динамику, загущивая общую картину. Чтобы выявить ее, расчет сводных индикаторов по соответствующей группе показателей для каждого года

осуществлялся путем вычисления модифицированной первой главной компоненты набора унифицированных частных показателей-признаков с использованием стандартного метода главных компонент¹⁸. Дискретная характеристика автодинамики рассчитывалась в виде взвешенного евклидова расстояния между значением сводного индикатора региона до условного эталона, который формировался по уровням лучших значений всех показателей для всего круга регионов в каждом году анализируемого периода. Проиллюстрируем данный подход на примере одного из регионов округа – республики Чувашия.

Для выявления общих тенденций пространственного изменения показателей были построены линейные тренды сводного индикатора качества населения Чувашии, ПФО и страны в целом. Расчеты выявили неболь-

¹⁸ Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Теория вероятностей и прикладная статистика // Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. 2-е изд. Т. 1. М.: Юнити, 2001. (п. 13.2.5).

Таблица 6.5

Темпы роста кризисного индекса качества жизни населения регионов ПФО

Регион	2003	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Пензенская область	100	114,9	150,6	158,0	154,0	160,3	168,5	177,3
Удмуртская Республика	100	114,8	138,8	146,6	153,6	156,7	164,3	165,1
Республика Марий Эл	100	113,8	143,1	145,9	149,3	151,4	157,8	162,7
Нижегородская область	100	111,8	134,8	135	140,6	143	152,8	162,0
Республика Татарстан	100	121,1	149,3	151,1	158,2	158,1	169,0	160,6
Кировская область	100	112,6	141,5	139,7	149,2	148,7	159,1	157,4
Ульяновская область	100	107,2	132,8	135,1	148	145,3	161,3	157,1
Оренбургская область	100	114,4	138,7	144,4	150,9	147,3	151,9	155,3
Саратовская область	100	115,4	129,1	134,7	147,7	144,3	146,2	147,7
Чувашская Республика	100	107,8	132,3	129,1	135,4	140,8	145,6	147,6
Республика Мордовия	100	110,6	143,8	142,1	147,6	145,6	145,1	145,2
Пермский край	100	115,1	130,8	132,6	137,6	134,9	141,5	144,4
Республика Башкортостан	100	115,5	135,4	141,6	136,0	135,7	144,0	143,2
Российская Федерация	100	108,3	127,3	129,0	132,5	132,6	139,3	139,3
Самарская область	100	110,8	117,1	118,0	122,8	122,1	131,9	131,6

Источник: Центральная база статистических данных Росстата. Доходы и уровень жизни. Демография. Труд. [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/#>. Расчеты авторов.

шие понижающие параллельные тенденции значений анализируемого показателя во всех трех образованиях. При этом региональный тренд располагался примерно на 2,5–3 п.п. выше, а окружной – на 1,5 п.п. ниже общероссийского на всем протяжении анализируемого периода, что означает относительно стабильное позиционирование республики по сводному индикатору качества населения на уровне несколько выше, а окружного – немногим ниже среднего по стране. Заметим, что нормированные уровни сводных показателей страны, округа и республики, за редким исключением, находились в классификационной группе показателей со средними значениями по шкале Харрингтона (33–67%), но ближе к его верхней границе. Автодинамика сводной характеристики качества населения страны и регионов округа в целом демонстрирует благоприятную перспективу: значения сводных индикаторов в тенденции повышаются, приближаясь к условному эталону. Между тем, преимущественная позиция Чувашии относительно среднероссийского уровня постепенно утрачивается, практически срав-

ниваясь со средним уровнем по стране, но оставаясь несколько лучшей по сравнению со средним значением округа.

Анализируя пространственную динамику интегрального индикатора качества человеческих ресурсов, отметим почти одинаковый характер изменений в пространственных соотношениях показателей округа, Чувашии и страны, о чем свидетельствуют их параллельные повышающие тренды. При этом региональный тренд располагался выше общероссийского, а окружной – ниже; следовательно, Чувашия сохраняла свою позицию немногим выше среднего уровня по стране. Вместе с тем динамика обобщенного (интегрального) уровня качества человеческих ресурсов Чувашии отставала от средней тенденции по стране и округу.

С параметрами качества человеческих ресурсов в определенной мере корреспондирует общая динамика численности населения и интенсивность миграционных процессов, поскольку сбережение народа представляет собой важнейший критерий общественного развития. В 2001–2013 гг. в регионах округа наблюдалось абсолютное снижение численно-

сти населения (в Татарстане – только до 2011 г.), причем как за счет естественных факторов (превышения смертности над рождаемостью), так и вследствие межрегиональной (внутренней) миграции. В целом по округу ее среднегодовая численность снизилась на 1861,9 тыс. чел., или на 5,9%, в том числе по субпериодам: 4,8% (2001–2008); 1,1% (2009–2014).

Процессы естественного и механического движения населения в отдельных регионах ПФО отличались различной интенсивностью и направленностью. Отрицательная динамика естественного движения населения в большинстве регионов усиливалась ее межрегиональной (внутренней) миграцией. Только в 2001–2002 и 2007–2009 гг. в округе наблюдалось положительное сальдо межрегиональных перемещений населения – соответственно на уровне 9,3 и 61,1 тыс. чел. К сожалению, миграционный исход населения нарастал, создав серьезную проблему для модернизационного развития округа. Отток населения был направлен, главным образом, в Москву и Санкт-Петербург, а также в промышленно развитые регионы Урала. Следует сказать, что отрицательное влияние межрегиональной (внутренней) миграции частично компенсировалось внешней иммиграцией, однако при этом происходило снижение качества человеческих ресурсов.

Влияние миграции на снижение численности населения особенно значительным было в Оренбургской области и Удмуртской Республике. Оно оказалось существенным также в Чувашии и Кировской области, Пермском крае, в меньшей мере – в Марий Эл, Ульяновской области и Мордовии. Наряду с этим в округе есть регионы, которые выгодно отличаются своими демографическими характеристиками. Так, в Республике Татарстан положительный миграционный прирост населения не только полностью компенсировал его естественное снижение в 2001–2014 гг., но и обеспечил суммарное увеличение на 68 тыс. чел. Самарская область выделялась относительно низкими темпами снижения численности населения, что явилось результатом существенной компенсации естественного сокращения населения поло-

жительным сальдо его миграции (отношение численности суммарной миграции к отрицательному естественному приросту населения составило 43%). Аналогично и в Нижегородской области фактор положительной миграции в значительной мере сдерживал высокий уровень общего снижения численности населения (16%). Кроме того, в республиках Башкортостан и Удмуртии (с 2009 г.), Татарстан (с 2011 г.), Чувашии и Пермском крае (с 2012 г.) зафиксирован положительный естественный прирост населения.

Коэффициент демографической нагрузки, сложившейся в округе за 2000–2013 гг., оказался выше, чем в целом по России, особенно в части населения старше трудоспособного возраста. В отдельных регионах округа серьезную проблему создали потоки трудоспособного населения, выезжающего на работу за пределы своих регионов. По данным Всероссийской переписи 2010 г., 2,9% экономически активного населения ПФО трудились за пределами своих регионов. В некоторых из них доля данного показателя заметно ниже: например, в Пермском крае, Татарстане, Самарской области (0,7–0,8%), Нижегородской (1,1%), Оренбургской (1,7%), областях, Удмуртии (2%). Между тем в Саратовской и Кировской областях она оказалась выше среднеокружного (3,1 и 3,2%). Еще выше уровень показателя зафиксирован в Ульяновской области и Республике Башкортостан (4,5 и 4,6%), Пензенской области (6,7%). Наконец, больше других регионов по данной проблеме выделяются три республики: Марий Эл (7,7%), Мордовия (7,8%) и Чувашия, в которой доля экономически активного населения, не сумевшая реализовать свои возможности в республике, составила 10,1%¹⁹.

Институционно-регулятивная компонента

Демократизация государственной и политической жизни общества, его различных

¹⁹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 7. Экономически активное и экономически неактивное население. С. 1035–1046 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

институтов, прежде всего, судебно-правовых учреждений, а также активизация гражданского общества обуславливают содержание данной компоненты и рассматриваются нами как часть широко понимаемой *социокультурной модернизации*. Важный ее аспект связан с изменениями в культурном потенциале региональных социумов и обусловлен этнокультурными вызовами в них. Динамика этнической структуры населения ПФО характеризуется нарастанием процесса *гетерогенности* этнического состава и появлением такого нового явления, как множественная этническая и языковая идентичности. Этот процесс выражается в снижении доли большинства титульных этносов и соответствующее увеличение доли этносов, не характерной для данного сообщества, в общей структуре населения округа. Новые процессы, выражающиеся в изменении этнических пропорций населения, ведут к переструктурированию социально-экономического пространства. Вследствие этого для жителей округа становится актуальной потребность – научиться жить в новых условиях, минимизируя возможные негативные последствия этих трансформаций.

Полиэтническая составляющая культуры региона в целом требует особого внимания к вопросам, связанным с его социо- и этнолингвистическими особенностями. В круг сфер, имеющих отношение к этой стороне проблемы, входят и образование, и средства массовой информации, и искусство в различных его проявлениях, и повседневная жизнь. Стремительно меняющийся мир вносит значительные коррективы и в систему ценностей общества. Например, информационные потребности человека начали диктовать иные требования, чем те, которые веками оставались актуальными.

По нашему мнению, в регионах округа, как и в целом по России, процесс трансформации социокультурного потенциала в движущий фактор модернизации в рассматриваемом периоде осуществлялся недостаточно активно, ему не придавалось должного значения. В округе сложились две модели ценностного сознания: одна из них – традиционная,

с характерными для нее верой в преемственность власти, уважением к традициям, ориентацией на семью, воспитание детей; другая в большей мере ориентирована на индивидуалистическую систему ценностей, в том числе: достижение высокого материального благополучия, личного успеха, поддержку модернизации. Полагаем, что в национальных республиках округа преобладает первая модель, а в иных территориальных образованиях – вторая.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., уровень его грамотности в регионах округа можно оценить как средних. Охват населения высшим образованием в среднем по округу составляет около 10% (по стране примерно 11%). Быстрый рост сети негосударственных вузов и филиалов предоставил населению дополнительную возможность получить высшее образование и диплом государственного образца на платной основе. В ряде регионов (Татарстан, Самарская, Оренбургская, Кировская области) число негосударственных вузов достигло 40% от их общего количества. По численности студентов вузов на 1000 чел. населения в 2014 г. высокие места в стране занимали такие регионы округа, как Татарстан, Мордовия, Самарская и Саратовская области, Чувашия. Относительно низкие показатели в округе приходились на Пермский край, Кировскую область и Республику Марий Эл²⁰. Следует, однако, заметить, что экстенсивное расширение масштабов образования объективно снижает его качественный уровень.

Вместе с тем не до конца решенной остается проблема, которая привлекла к себе внимание в ходе этнической мобилизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. Речь идет об относительно низком уровне образования у граждан «коренных» национальностей в республиках округа. В настоящее время ее актуальность постепенно снижается под влиянием демографической ситуации и изменений в образовательной политике, однако некоторый ее конфликтный потенциал все еще остается.

²⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 377.

Несмотря на опережающий рост уровня образования населения указанных национальностей в межпереписной период по сравнению с наиболее образованными гражданами среди русских и вследствие этого сократившийся разрыв между ними, тем не менее, различия все еще заметны. Меньше всего они наблюдаются между русскими и татарами, в большей мере – между русскими и марийцами. Однако, апеллируя к подобным цифрам, отдельные этносоциологи обычно не приводят сведений об уровне урбанизации этнических групп, не учитывая тем самым смены «своей» этнической идентичности на русскую, которая нередко характерна для молодых людей, проживающих в городах²¹.

Основными индикаторами напряжения социального пространства в регионах округа остаются ослабленные взаимоотношения населения со структурами власти, недостаточное развитие положительных отношений между социальными группами, гражданами и институтами гражданского общества. Так, по данным всероссийского мониторинга ЦИСИ, жители округа отмечали наибольшее доверие президенту и правительству страны, институту церкви и армии. Вместе с тем выражали недоверие органам милиции, СМИ и политическим партиям. На уровне субъекта Российской Федерации наибольшее доверие оказывалось руководителю региона, суду и правительству, однако другие институты – полиция, прокуратура, профсоюзы – не вызвали доверия у большинства населения²².

²¹ Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: //http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Самарская область. Социокультурный портрет: Монография / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.М. Шабунин. Самара: «Глагол», 2012. С. 90.

²² Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2013; Самарская область. Социокультурный портрет: Монография / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.М. Шабунин. Самара: Издательство «Глагол», 2012; Чувашская Республика. Социокультурный портрет / Под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011; Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области / Под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. Ульяновск: УлГУ, 2008.

Значительный уровень недоверия по отношению к СМИ, политическим партиям, профсоюзам свидетельствует о серьезных проблемах в формировании политической культуры, связанных с отчуждением граждан от активного участия в общественной деятельности, зачастую добровольным в силу недоверия политическим институтам.

В ходе социологического опроса (2010) граждане выделяли такие основные проблемы (опасности), характерные для населения округа, как преступность, бедность, экологическая безопасность, произвол чиновников, произвол правоохранительных органов, одиночество и заброшенность. Результаты опроса свидетельствуют о повышении уровня защищенности населения от произвола чиновников и правоохранительных органов, бедности и преступности, но обозначилась некоторая тенденция к понижению его защищенности от экологических угроз, притеснения из-за возраста, пола, религиозных и политических убеждений.

Особо следует выделить проблемы межэтнических и межконфессиональных конфликтов, которые в «чистом» виде практически не встречаются, но нередко приобретают этническую окраску в ходе бытовых ссор, хулиганских действий, вызывая значительный общественный резонанс. Как водится, противоборствующими сторонами в таких случаях чаще становятся представители местного, старожильского населения и мигрантских сообществ.

Несмотря на в целом благополучную ситуацию в этноконфессиональной среде регионов округа, все же следует отметить регулярно повторяющиеся факты распространения радикальных экстремистских идей, облакаемых в религиозную оболочку. Острую полемику в Мордовской Республике вызвала ситуация с решением республиканского правительства, которое фактически вводило запрет на ношение в школах головных уборов, обозначающих принадлежность к той или иной религии. По мнению участников дискуссии, решение регионального правительства было не до конца продуманным²³.

²³ Мартыненко А.В. Республика Мордовия // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах

Конфликтогенный фактор в некоторых республиках округа формируют языковые проблемы, в частности, связанные с преподаванием татарского и башкирского языков в школах. У многих представителей русскоязычного населения вызывает недовольство и протесты ущемление в школах права, касающегося свободного выбора изучения языка в статусе родного, а в дошкольных образовательных учреждениях и в школах не создаются условия для изучения русского языка в статусе родного²⁴.

Эволюция состояний модернизованности регионов ПФО

Хронотипология регионов округа

Как видно из рис. 6.6, в 2000 г. в округе имелся один регион самого низкого, 1-го типа – Чувашская Республика, которая после обвальнoй деиндустриализации экономики в ходе рыночных преобразований возобновила первичную стадию с уровня ниже среднего. Подавляющее число регионов округа относилось к 2-му типу, для которого характерно продолжение индустриальной (первичной) модернизации в фазе *роста* и *зрелости*. Лишь два региона (Нижегородская и Самарская области) были включены в группу регионов 3-го типа, которые характеризуются состоянием *транзитной* модернизованности со средним (или выше среднего) уровнем зрелой первичной модернизации (см. табл., 2000, Приложение 2).

В результате ускоренной модернизации 2001–2005 гг. в ряде регионов округа произошли качественные изменения, позволившие отнести их к более высоким состояниям модернизованности. В частности, индексы модернизации Чувашской Республики уве-

личились до регионов 2-го типа, а значительной группы регионов (Республика Татарстан, Пермский край, Пензенская и Ульяновская области) – до 3-го типа. Определился и явный лидер модернизации – Самарская область с параметрами, соответствующими 5-му типу состояния модернизованности регионов, минуя 4-й тип. Регионы этого типа не только начинают информационную (вторичную) модернизацию, что соответствовало бы четвертому классификационному типу, но и продолжают вторичную модернизацию, подготавливая ее развитие. Изменения параметров модернизации остальных регионов 2-го типа (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская Республика, Кировская, Оренбургская и Саратовская области) оказались не столь весомыми (см. табл. 2005 г., приложение 2).

В последующие три года (2006–2008 гг.) в регионах округа продолжались модернизационные преобразования. Особенно преуспели Пермский край, Нижегородская и Самарская области, достигшие в 2008 г. уровня регионов 5-го типа. Завершив в основном первичную модернизацию, они вступили в подготовительную фазу вторичной модернизации. Остальные регионы оставались в стадии *зрелости* первичной модернизации, обеспечивая *рост без развития*. Более того, параметры модернизации Республики Марий Эл в данном году даже снизились до 1-го типа.

Последующий период, особенно первые 2 года после мирового финансового кризиса, явился тяжелым испытанием для всей российской экономики, однако регионы ПФО по-разному проявили устойчивость к внешним шокам. Некоторым из них даже в условиях кризиса удалось продвинуться по пути модернизации. В следующем, 2010 г. только Нижегородской области, единственной не потерявшей темпа, удалось достичь уровня 6-го типа состояния модернизованности. Между тем Пермский край по-прежнему удерживал достигнутые позиции регионов 5-го типа. Наоборот, Самарская область в условиях кризиса в 2009 г. продолжала сдавать позиции и опустилась еще на одну ступень,

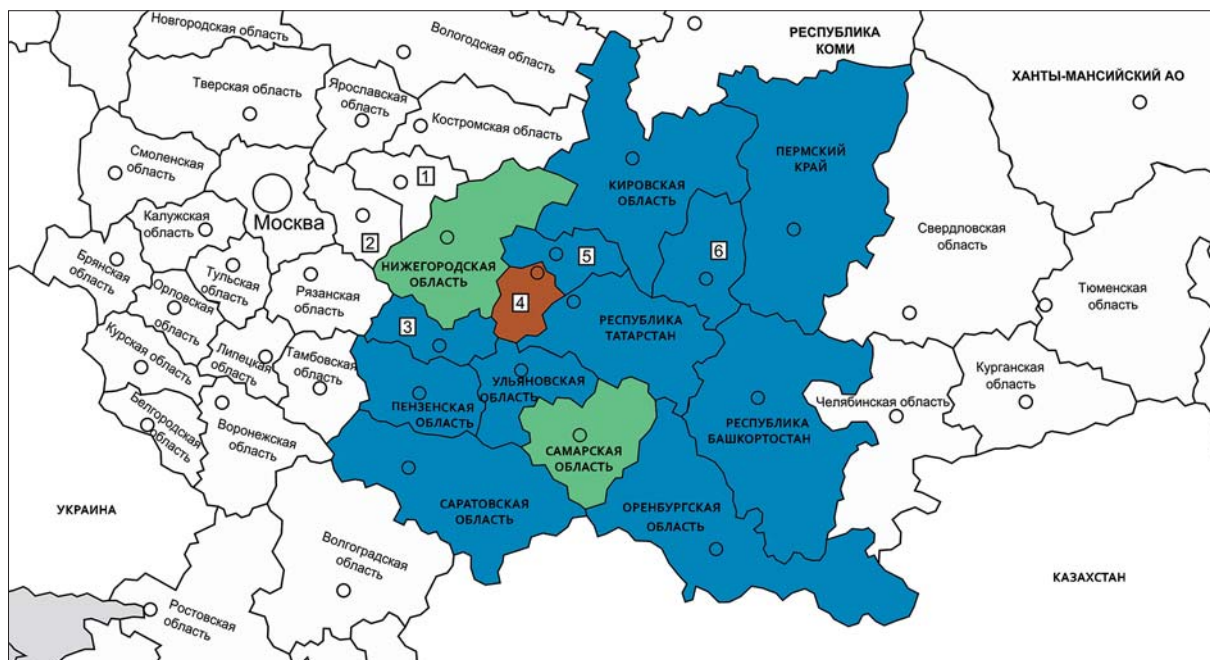
Приволжского федерального округа. Экспертный доклад за 2014 год. Москва-Оренбург-Ижевск, Распределенный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Минобрнауки РФ, РАН, 2014. С. 61–69.

²⁴ Эксперты комитета Госдумы РФ рекомендуют изменить закон о языках народов России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1594899.html#ixzz2Cjo41DHC>

2005 г.

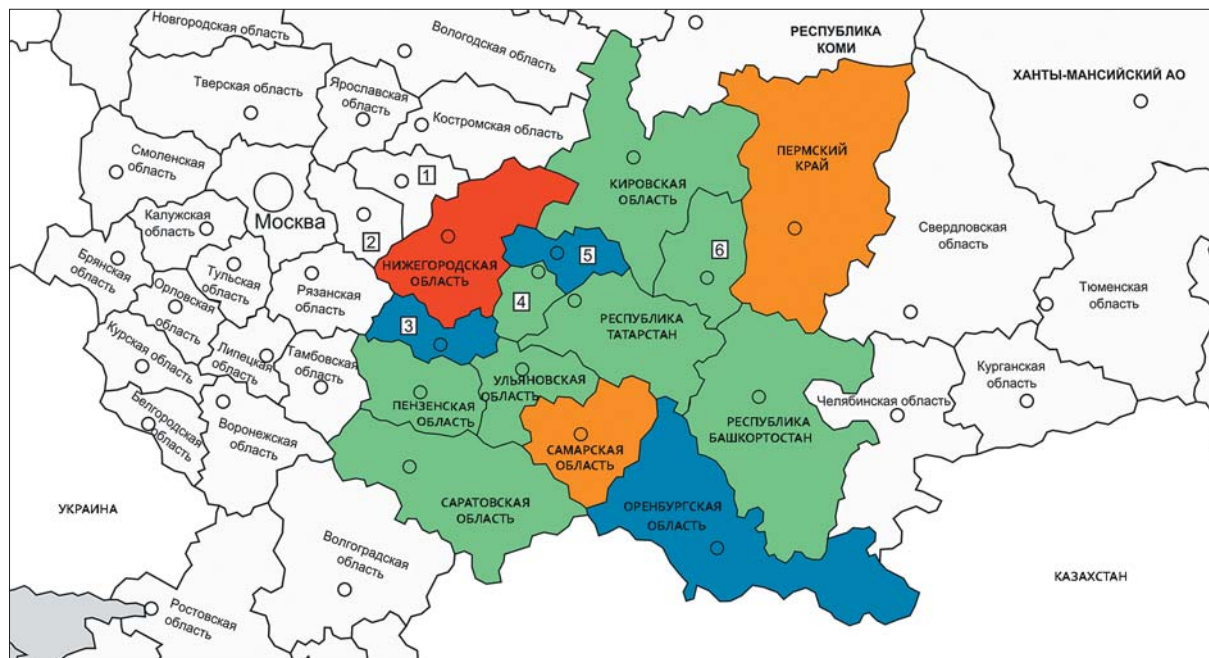
2000 г.

Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 6.6. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Приволжского федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (·) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены области, края и республики: 1 – Ивановская; 2 – Владимирская; 3 – Мордовия; 4 – Чувашия; 5 – Марий Эл; 6 – Удмуртия.

т. е. в группу регионов 3-го типа, однако затем область восстановила утраченные позиции и вновь оказалась в группе регионов 5-го типа. В то же время результаты качественного развития Кировской области в 2009 г. позволили ей переместиться в группу регионов 3-го типа. Однако в следующем году ее параметры понизились до 2-го типа. Остальные регионы округа в течение 2009–2010 гг. сохранили свои докризисные позиции (см. табл. 2010 г., Приложение 2).

Накопленный большинством регионов 2-го типа потенциал предыдущего развития позволил им не только адаптироваться к шоковым условиям кризиса, но и достичь 3-го типа. Находясь в зрелой стадии первичной модернизации, они начинают подготовку к вторичной. К ним относятся республики Башкортостан, Чувашия и Удмуртия, Саратовская и Кировская области, которые присоединились к группе регионов 3-го типа, достигших этого уровня ранее. Нижегородская область соответствовала самому высокому, 6-му типу. Далее в группе регионов 5-го типа следуют Пермский край и Самарская область. Данная тройка лидеров, опережающая на две-три позиции восемь регионов 3-го типа, обуславливает значительную неоднородность регионов округа. Замыкают иерархию три региона 2-го типа (республики Мордовия и Марий Эл, Оренбургская область), очевидно, нуждающиеся в особой поддержке (см. табл. 2012 г., Приложение 3).

Несмотря на принадлежность отстающих регионов к одному типу состояний модернизации, они различаются как по параметрам модернизации, так и по реализуемым стратегиям. Напомним, что Мордовия, в отличие от двух других регионов, имеет повышенные параметры вторичной и интегрирующей модернизации, а также технико-технологической компоненты, включая инновационную составляющую. Можно предположить, что накопленного регионом инновационного потенциала пока недостаточно для того, чтобы пройти «точку опрокидывания», после которой начинает нелинейно расти его отдача. Иная ситуация с двумя другими регионами (Республика Марий Эл и Оренбургская

область), стратегии модернизации которых, по нашему мнению, требуют существенной корректировки, так как в недостаточной мере ориентированы на инновационный фактор, который необходим для качественных преобразований.

Уровни сбалансированности модернизации и факторы торможения

Группировка регионов по типам их модернизационных состояний важна как инструмент пространственного стратегического управления. Она формирует представления об эволюции и фазовой динамике модернизации регионов в целом, но не менее важны представления о *структурной сбалансированности составляющих модернизации*, характеризующих различные ее аспекты. Предложенный индекс сбалансированности²⁵ можно интерпретировать как величину, обратную *евклидову расстоянию* между значениями групповых индикаторов и стадийного индекса. Данный показатель зависит от числа групп в анализируемой совокупности, поэтому не вполне сопоставим в случае его использования при сравнении двух совокупностей с различным числом групп (например, в вариантах вторичной и интегрированной модернизации). Поэтому в анализе сбалансированности составляющих модернизации можно дополнительно использовать коэффициент вариации групповых индексов²⁶. Данный показатель удобен тем, что является нормированной характеристикой меры разбросанности значений групповых индикаторов относительно уровня стадийного индекса в интервале от 0 до 1. Он интерпретируется как отношение стандарт-

²⁵ Лапин Н.И. Программа и типовой инструментари «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. С. 40.

²⁶ Отличие данного показателя от классического состоит в том, что отклонения уровней групповых индексов рассчитываются не от стандартной средней генеральной совокупности, а особой средней, каковыми являются значения стадийных индексов.

ного отклонения элементов совокупности к их средней величине.

В 2000 г. уровень сбалансированности показателей интегрирующей модернизации был самым низким как в среднем по стране, так и в округе, что, по-видимому, явилось следствием относительно низкой сбалансированности показателей первичной модернизации. Однако в дальнейшем по мере реализации задач первичной модернизации и приближения ее показателей к пороговым значениям в большинстве регионов округа, уровень сбалансированности интегрированной версии модернизации стал повышаться.

В табл. 6.6 представлена комплексная картина взаимосвязи состояний (типов) модернизированности регионов округа с фактором сбалансированности параметров интегрирующей модернизации, которая позволяет обобщенно выделить тенденции и факторы ее торможения. Анализируя данные таблицы, можно заметить, что асимметрия региональных групповых индикаторов интегрированной модернизации в 2012 г., за редким исключением, носит однообразный характер. Значения социального индикатора во всех регионах, кроме Нижегородской, Самарской, Ульяновской областей и Пермского края, превышают уровень стадийного индекса, а двух других (экономического и когнитивного) – отстают от него. В вышеназванных регионах ниже уровня стадийного индекса оказалось лишь значение экономического индикатора.

Анализ сбалансированности составляющих модернизации в регионах округа подводит к выводу об определяющей роли особых мер в ее рационализации, в первую очередь направленных на повышение сбалансированности показателей в регионах 2-го типа модернизированности. Во всех регионах данного типа в конце анализируемого периода наблюдалось наибольшее отставание от нормы значений индикаторов, формирующих сводный субиндекс инноваций в знаниях. Особенно выделялись в этом отношении такие регионы, как Оренбургская область, республики Марий Эл и Удмуртия, в которых доля затрат на НИОКР в валовом региональном продукте

очень мала и варьировала в диапазоне 0,1–0,3% (2010–2014 гг.)²⁷.

Таким образом, для того чтобы повысить структурную сбалансированность интегрирующей модернизации, необходимо обеспечить опережающую динамику показателей экономического и когнитивного индикаторов. Но ведущая роль в ускоренном подъеме составляющих модернизации, на наш взгляд, принадлежит показателям когнитивного индикатора, в том числе связанных с развитием образования и активизацией инновационного потенциала региональных экономик.

Для выявления резервов сбалансированности составляющих интегрирующей модернизации методом панельной регрессии по данным 79 регионов страны за 2005–2013 гг. получены статистически значимые оценки параметров, характеризующих зависимость уровня интегрированной модернизации от вариации групповых индикаторов (экономического, социального и когнитивного), а также характера их отклонений от сводного индекса. По расчетам, снижение коэффициента вариации групповых индикаторов на 1 п.п. повышает уровень интегрирующей модернизации на 0,43 п.п. Аналогичный параметр, рассчитанный по данным только регионов ПФО за 2005–2013 гг., составил 0,49.

Правда, следует учитывать, что один и тот же уровень коэффициента вариации групповых индикаторов может иметь место при различных сочетаниях их отклонений от сводного индекса, направленность влияния которых на модернизацию, как оказалось, носит неоднозначный характер. В подавляющем большинстве регионов зафиксировано отставание величины экономического (*IE*) и когнитивного (*IK*), но превышение уровня социального (*IS*) индикаторов относительно стадийного индекса (*IMI*). Однако из этого не следует, что лучшая сбалансированность составляющих модернизации должна

²⁷ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации. Основные показатели деятельности организаций, выполняющих научные исследования и разработки [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/organizations/>

Таблица 6.6

**Динамика состояний (типов) модернизованности регионов ПФО
и дисбаланс основных ее составляющих**

(на основе индексов интегрирующей модернизации и их составляющих, 2008–2012)*

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2008	2010	2012	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(3) Быстрый переход к ВМ (к типам 5, б; фазы роста и развития). Опережают экономическая и когнитивная составляющие							
Пермский край	4	5	5	0,348	С	эк.	соц., зн.
Нижегородская обл.	4	4	6	0,269	НС	эк.	соц., зн.
Самарская обл.	4	3	5	0,225	НС	эк.	соц., зн.
Быстрый переход к ВМ (к типам 4, 5). [В целом РОССИЯ] Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	5	5	0,969	ВС	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(2) Повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста, зрелости). [В целом ПФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Респ. Башкортостан	2	2	3	0,389	С	эк., зн.	соц.
Респ. Татарстан	3	3	3	0,374	С	эк., зн.	соц.
Приволжский ФО	3	3	3	0,296	НС	эк.	соц., зн.
Удмуртская Респ.	2	2	3	0,291	НС	эк., зн.	соц.
Чувашская Респ.	2	2	3	0,280	НС	эк., зн.	соц.
Пензенская обл.	3	3	3	0,276	НС	эк., зн.	соц.
Кировская обл.	2	2	3	0,250	НС	эк., зн.	соц.
Саратовская обл.	2	2	3	0,230	НС	эк., зн.	соц.
Ульяновская обл.	3	3	3	0,148	Н	эк.	соц., зн.
Застой ПМ (типы 2; фазы начала, роста) Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Оренбургская обл.	2	2	2	0,262	НС	эк., зн.	соц.
Респ. Марий Эл	2	2	2	0,243	НС	эк., зн.	соц.
Респ. Мордовия	2	2	2	0,210	НС	эк., зн.	соц.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

достигаться за счет снижения ее социальных показателей. По нашему мнению, стратегия модернизационного развития должна опираться на такое структурное соотношение непрерывно возрастающих ее составляющих, которое одновременно способствует лучшей их сбалансирован-

ности. Это можно обеспечить при опережающем росте когнитивной и экономической составляющих модернизации по сравнению с социальной по принципу:

$$IK > IE > IS.$$

Данный принцип проиллюстрируем на примере рассчитанного уравнения регрессии:

$$IMI = b_0 + 0,0793IE - 0,3610IS + 1,2817IK.$$

Из уравнения следует, что рост инновационной, экономической и социальной составляющих интегральной модернизации на один процентный пункт повышает ее уровень также на один процентный пункт. И это понятно, так как сводный индекс формируется в виде простой средней его групповых субиндексов. Но если в соответствии с вышеприведенным принципом обеспечить повышение инновационной, экономической и социальной составляющих интегральной модернизации соответственно на 3, 2 и 1 п.п., то уровень интегральной модернизации ориентировочно увеличится на 3,6 п.п. ($0,0793 \cdot 2 - 0,3610 \cdot 1 + 1,2817 \cdot 3$).

Помимо этого, важным фактором ускорения модернизации является повышение сбалансированности секторальной структуры экономик регионов. Имеется в виду достижение рационального соотношения в динамике между валовой добавленной стоимостью (ВДС) трех основных секторов региональной экономики – аграрного, индустриального и сектора услуг. Есть основания полагать, что уменьшение доли аграрного сектора во многих регионах страны и округа сопровождалось неоправданно излишним ростом доли сектора услуг в ущерб доли индустриального. Данная гипотеза подтверждается исследованиями с применением методов эконометрики.

Так, методом панельной регрессии по данным 77 регионов страны за 2005–2013 гг. получены статистически значимые оценки параметров, характеризующих зависимость уровня вторичной модернизации от совместного влияния трех факторов: долей ВДС секторов индустриального и услуг в ВРП регионов, а также индекса инновативности²⁸. По расчетам, увеличение доли названных секторов на 1 п.п. повышает уровень вторичной модернизации соответственно на 0,613 и 0,755 п.п. В то же время активизация инновативной

деятельности в регионе на 1 п.п. способствует росту уровня вторичной модернизации на 0,145 п.п. Следовательно, снижение доли аграрного сектора должно сопровождаться ростом долей секторов индустриального и услуг ориентировочно в пропорции 45:55 %.

Наряду с оценками параметров, которые характеризуют влияние общесистемных (в данном случае – общерегиональных) факторов, метод панельной регрессии позволяет оценить влияние индивидуальных, специфических (внутрирегиональных) факторов, характеризующих внутреннюю неоднородность регионов. К сожалению, данные факторы не идентифицируются в модели в явном виде и обезличены, однако определяющая роль в их составе принадлежит дисбалансу секторальной структуры экономики региона.

Этапы стратегии интегрированной модернизации

Используемая типология модернизированности регионов позволяет обосновать поэтапное развитие составляющих модернизации. Рациональная идея данного подхода состоит в формировании стратегии (траектории) модернизации на основе смежных состояний (типов) модернизированности региона. Рассмотрим условия поэтапного формирования стратегии интегрированной модернизации для регионов ПФО.

Этап 1. В макрорегионе 3 субъекта Российской Федерации (Республика Мордовия, Республика Марий Эл, Оренбургская область) уже длительное время находятся в состоянии модернизированности 2-го типа. Для них характерен некоторый застой (рост без развития), одной из причин которого является низкий уровень сбалансированности параметров модернизации, ввиду заметного отставания компонентов экономического и когнитивного индикаторов. На данном этапе для перехода к качественным изменениям, соответствующим состоянию модернизированности 3-го типа, регионам следует инвестировать имеющиеся средства

²⁸ Из выборки были исключены два субъекта Федерации (города Москва и Санкт-Петербург), в которых отсутствует аграрный сектор.

на полное завершение четвертого и развитие пятого технологических укладов, активизацию и наращивание потенциала социокультурной компоненты модернизации. Для этого необходимо в полной мере воспользоваться нормативно-правовым инструментарием, содержащимся в Федеральном законе РФ «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ, вступившем в силу со второй половины 2015 г.

О стартовых условиях данных регионов на пути ко второму этапу модернизации можно судить по ряду показателей в период их антикризисного развития. Так, базисные темпы роста производительности труда – показателя, который, на наш взгляд, комплексно характеризует результативную сущность экономического и когнитивного индикаторов, в 2009–2014 гг. (2008 г. = 100 %) составили: республики Марий Эл и Мордовия – 144,3 и 125,7%; Оренбургская область – 112,2%²⁹. К этому следует добавить данные о доле продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП за 2012–2014 гг., которые демонстрируют небольшой рост в республиках Марий Эл, Мордовия, Оренбургская область³⁰. Между тем в целом по стране и округу в динамике данного показателя повышательной тенденции не наблюдается. Как видим, даже регионы одного типа различаются, что свидетельствует о существенной неравномерности процесса модернизации.

Этап 2. Углубляя процесс модернизации, к концу рассматриваемого периода (2012 г.) 8 регионов 3-го типа (республики Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Удмуртия, Ульяновская, Пензенская, Саратовская и Кировская области) достигли рубежей второго этапа модернизации, причем некоторые из них (Республика Татарстан, Пензенская и Ульяновская области) уже давно (с 2005 г.) характеризуются как регионы 3-го типа, а остальные достигли рубежей регионов данного типа

только в 2011 г. Названные регионы завершают индустриальную стадию модернизации, одновременно переходя к ее информационной стадии. Уровень сбалансированности параметров модернизации этих регионов близок к среднему по округу и несколько выше, чем у региональной группы регионов 2-го типа. Однако проблемы сбалансированности обусловлены отставанием экономического и когнитивного индикаторов от социального, но на более высоком уровне их значений. Следовательно, перед данными регионами встает стратегическая задача концентрации инвестиционных ресурсов, направляемых на реиндустриализацию экономики на новой технологической основе, продвигаясь по траектории пятого технологического уклада с ориентацией на экономику знаний.

В данной группе регионов обращает на себя внимание динамика развития Республики Татарстан. Этот регион демонстрирует устойчивый (эволюционный) характер развития, что, по нашему мнению, объясняется высоким уровнем сбалансированности параметров модернизации, большинство из которых, занимая *срединный уровень*, выступают элементами *комплексной системы*, генерирующими синергетический эффект. В республике с 2006 г. успешно функционирует особая экономическая зона «Алабуга» – одна из лучших в стране, с 2002 г. – инновационный технопарк «Идея», обеспечивающий компаниям необходимую поддержку на всех стадиях инновационного цикла проекта, с 2006 г. – технополис «Химград», представляющий ядро формирующегося нефтехимического и фармацевтического кластера. В июне 2015 г. в Татарстане торжественно открыт территориально-обособленный инновационный центр под названием «Иннополис». О достижениях Татарстана, в частности, свидетельствует и его позиция лидера по итогам комплексной оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации³¹.

²⁹ Официальный сайт Росстата. Эффективность экономики России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#. Расчеты авторов.

³⁰ Там же.

³¹ Официальный сайт Минрегионразвития. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2012 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depInvest/2015061001>

Не все из названных регионов оказались устойчивыми к рискам мирового кризиса. Если республики Башкортостан, Татарстан, и Удмуртия, Саратовская, Ульяновская, Кировская и Пензенская области в условиях кризиса смогли заметно повысить эффективность человеческих ресурсов, то в Чувашии уровень производительности труда за 2009–2014 гг. увеличился всего на 1,5%. Кроме того, в Чувашии при максимальном для округа в 2001–2014 гг. относительном снижении занятости в аграрном секторе, а также значительном расширении сферы услуг и динамичном развитии инновационного потенциала практически не наблюдался процесс урбанизации. Доля сельского населения уже на протяжении более чем 20 лет находится на отметке примерно 40%, что в условиях аграрного перенаселения порождает крупную проблему обеспечения занятости высвобождаемого сельского населения.

Другая, не менее сложная, проблема данной республики заключается в необходимости осуществления в регионе полномасштабной реиндустриализации, ввиду колоссального деструктивного обвала промышленного производства, до сих пор не восстановленного в прежних размерах (уровень промышленности в 2015 г. составил 70% от уровня 1990 г.). Создание в регионе дополнительных рабочих мест на средних предприятиях, принимающих избыточные человеческие ресурсы, а также активное расширение малого предпринимательства, обеспечивающего самозанятость населения, выступают стратегическими задачами перспективного развития Чувашии. В 2012 и 2013 гг. в республике зафиксированы заметные темпы прироста высокопроизводительных рабочих мест: соответственно 17,8 и 19,1%, или 17,9 и 22,5 тыс. Однако в последующие два года их общее количество сократилось на 33,7 тыс., вследствие чего почти весь данный прирост был нивелирован. Несмотря на это, в столице республики г. Чебоксары завершается стро-

ительство первой очереди индустриального парка, где в 2016 г. начнут свою деятельность 4 организации; строительство инженерной инфраструктуры в плане его второй очереди позволит создать еще 16 высокотехнологичных производств. Наряду с этим положение Республики Чувашия выгодно отличается от большинства других регионов данного типа по уровню эффективности властного управления, хотя данный фактор постепенно утрачивается.

Заметим, что внутри данной группы регионов также имеются определенные различия в насыщении экономики высокопроизводительными рабочими местами.

Этап 3. В округе выделяются три региона, достигшие к концу рассматриваемого периода характеристик третьего этапа модернизационного развития и занявшие лидирующие позиции – это Нижегородская область (6-й тип), Пермский край и Самарская область (5-й тип). Последний регион продемонстрировал неоднозначную динамику состояний модернизированности. Напротив, Нижегородская область в течение первых 5 лет накапливала потенциал качественных преобразований в условиях 3-го типа модернизированности, а в последующие 8 лет обеспечила поступательную смену ее состояний вплоть до 6-го типа. По аналогичной траектории смены состояний модернизированности, но более равномерной во времени, развивался и Пермский край: последовательно от 2-го типа до 5-го.

Регионы данной группы характеризуются уровнем сбалансированности индикаторов выше среднероссийского или окружного. Судя по достигнутым значениям параметров модернизации, эти регионы активно формируют ее информационную стадию, осуществляя параллельно высокую «реиндустриализацию» на базе новой промышленной политики с использованием таких форм территориальной организации, как индустриальный парк и промышленный кластер.

* * *

Итак, процесс модернизации характеризуется заметной неравномерностью: здесь наблюдаются качественные продвижения и временные отступления. В итоге к концу 2012 г. три региона округа второго типа (республики Марий Эл и Мордовия, Оренбургская область) все еще находились на 1-м этапе модернизационного процесса. Еще восемь регионов 3-го типа (республики Татарстан, Башкортостан, Чувашия и Удмуртия, Пензенская, Кировская, Оренбургская, Саратовская и Ульяновская области) развивали или начинали второй этап модернизационной динамики. И только трем регионам (Пермский край, Самарская и Нижегородская области) в рамках третьего этапа удалось продвинуться на передовые позиции модернизационных состояний, представляя соответственно регионы пятого и шестого типов.

В Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. в основном учитываются сложившиеся тенденции и их объективный

характер, однако не реализован принцип поэтапного развития модернизации, не сформирована рациональная последовательность пофазового развития регионов³². Стратегия предусматривает дальнейшее изменение межрегионального распределения населения и предполагает увеличение численности населения регионов-лидеров (прежде всего за счет его концентрации в крупнейших агломерациях) при снижении численности населения территорий с отстающим уровнем социально-экономического развития. В Стратегии выделены территориальные зоны опережающего экономического роста с определенной отраслевой специализацией, учитывающей ресурсную, технологическую и институциональную предрасположенность территории к качественной модернизации экономического уклада.

³² Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/privolg_dev/.

Глава 7

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ*

Общая характеристика федерального округа

Уральский федеральный округ (УрФО) находится в географическом центре Российской Федерации, в пределах Урала и Западной Сибири, на стыке Европейского и Азиатского субконтинентов (рис. 7.1). Две российские части этих субконтинентов соединяются кратчайшими торговыми и транспортными путями через Уральские горы.

Природно-климатические условия

Уральский федеральный округ вытянут в меридиональном направлении на тысячи километров от Северного Ледовитого океана и Полярного Урала до степей Южного Урала и Казахстана. Территория включает восточные склоны Северного, Поляр-

---

История освоения территории

Еще в XI веке новгородцы проложили водный путь на Урал и имели контакты с коренными сибирскими народами – с манси (вогулы в их старом названии) и хантами (остяками). Плавания поморов за Урал на особых деревянных кораблях – кочах – относятся к выдающимся достижениям эпохи великих географических открытий (XV–XVII вв.). Одно из ярких событий истории Урала связано с именем Ермака, его переходом через Камень (как тогда называли Уральские горы), успешными сражениями с войском хана Кучума на берегах Иртыша и Тобола.

На территории Уральского федерального округа сосредоточены самые старые сибирские города – Тюмень, Тобольск, Берёзов, Сургут. Так, первое летописное упоминание названия «Тюмень» относится к 1407 г. в связи с убийством ханом Шадибеком «в Сибирской земле близ Тюмени» известного в русской истории хана Тохтамыша, который в княжение Дмитрия Донского в 1382 г. разорил Москву. Русская крепость (острог) Тюмень была заложена по приказу царя Федора Иоанновича в 1586 г. В 1590 г. Тобольск первым в Сибири получил статус города.

Первой столицей Сибири (скорее, «воротами» в Сибирь) стал город *Верхотурье*, который основан в 1598 г. и более ста лет являлся местом главного прохода

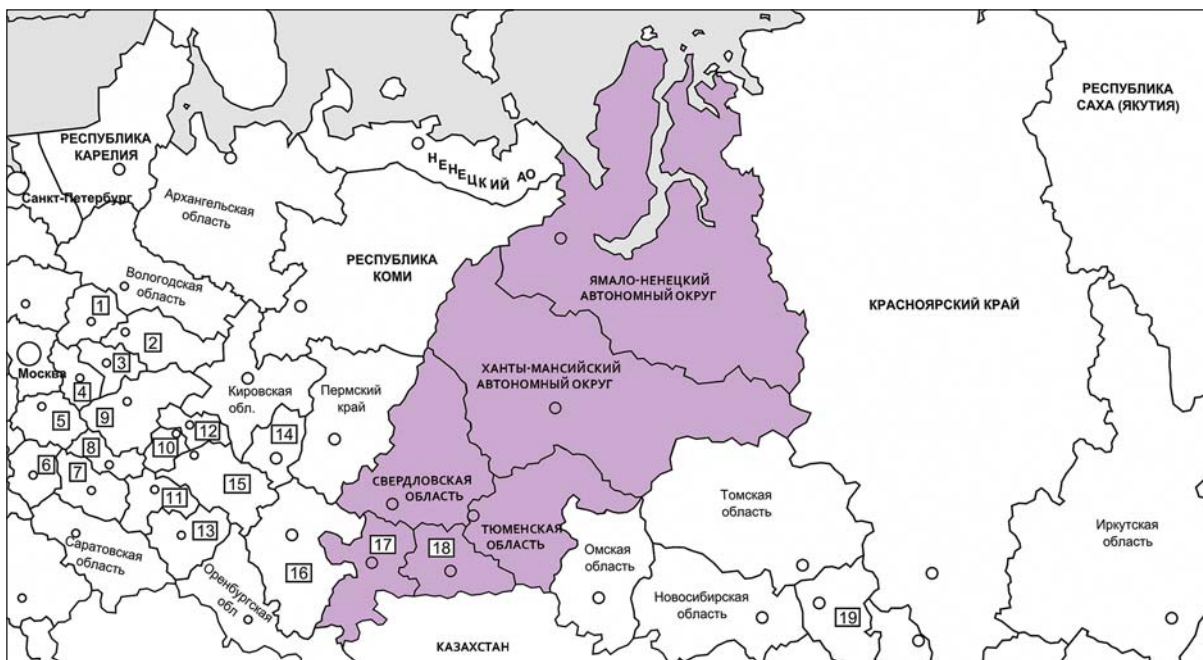
в сибирские владения и основным таможенным центром. Позднее статус столицы сибирской земли получил Тобольск. Он стал главным городом Сибирской губернии (и только потом – Тобольской), центром Сибирской епархии, городом, где появился первый сибирский театр, издан первый сибирский журнал. Триста лет Тобольск носил это звание – и в настоящее время по богатству памятниками истории и культуры, по сосредоточению старины этому городу нет равных в Сибири.

XVII век стал для Урала решающим. В 1699 г. вышел петровский указ о «Заведении вновь Верхотурских железных заводов». В 1700 г. было начато строительство Невьянского завода, на котором год спустя был выплавлен первый чугун. В 1720 г. был заложен Нижнетагильский завод, вскоре превратившийся в один из крупнейших промышленных центров России, а в 1723 г. началось строительство *Екатеринбурга*. В 1763 г. от Москвы через Екатеринбург в Сибирь был проложен Сибирский тракт.

Прорыв в развитии территорий северного Зауралья состоялся в XX веке, когда освоение газовых и нефтяных богатств привело к появлению новых городов на карте страны, освоению огромных пространств Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-03-005000 «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства на примере Тюменского региона».

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Ярославская; 2 – Костромская; 3 – Ивановская; 4 – Владимирская; 5 – Рязанская; 6 – Тамбовская; 7 – Пензенская; 8 – Мордовия; 9 – Нижегородская; 10 – Чувашия; 11 – Ульяновская; 12 – Марий-Эл; 13 – Самарская; 14 – Удмуртия; 15 – Татарстан; 16 – Башкортостан; 17 – Челябинская; 18 – Курганская; 19 – Кемеровская.

Рисунок 7.1. Административная карта Уральского федерального округа

ного и Приполярного Урала, пространства Западно-Сибирской равнины, от Урала на западе до границ бассейна Енисея на востоке; от Южного Урала с лесостепными и степными равнинами Зауралья и Предуралья на юге до побережья Карского моря с прибрежными островами на севере. Северная часть территории Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югры) и почти вся территория Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) лежат в зоне вечной мерзлоты. Климат горной полосы более влажный, с более низкими летними температурами, чем на равнинах. На севере Урала отчетливо выражены высотные климатические пояса: с северо-запада на юго-восток нарастает континентальность климата.

Уральский федеральный округ образован указом президента России от 13 мая 2000 г. Административный центр и крупнейший город – Екатеринбург.

Состав и административные границы макрорегиона складывались исторически. В

XVIII в. по обе стороны Уральского хребта располагалась Пермская губерния, объединяющая Уфу, Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Верхотурье, Ирбит. К концу XIX в. сложилась производственно-территориальная структура Большого Урала, включавшая в себя Западный промышленный и Южный земледельческий районы, территория которых ныне входит в состав Приволжского федерального округа, и Горнозаводской промышленный и Зауральский земледельческий районы, относящиеся сегодня к Уральскому федеральному округу.

До 2000 года в **Уральский экономический район** входили две республики – Башкортостан и Удмуртия, Пермский край и четыре области – Курганская, Оренбургская, Свердловская, Челябинская. Создание УрФО привело к образованию нового макрорегиона: из состава Уральского экономического района были выведены промышленно развитые Башкортостан, Пермский край и Удмуртия. В свою очередь, в округ вошла Тюменская область

Таблица 7.1

Основные характеристики регионов УрФО на 01.01.2015

Субъекты Российской Федерации	Площадь тыс. кв. км	Население, тыс. чел / % от населения России	Число жителей на 1 км ²	Число городов / районов / поселений	Административный центр и население, (численность; % от численности всего населения региона)
Курганская область	71,5/0,4%	869,8/0,6%	12,2	2/24/419	Курган (326 292; 37%)
Челябинская область	88,5/0,5%	3497,3/2,4%	39,4	16/27/243	Челябинск (1 183 387; 33%)
Свердловская область	194,3/1,1%	4327,4/3,0%	22,3	68/5/16	Екатеринбург (1 428 042; 34%)
Тюменская область (без АО)	160,1/0,9%	1429,2/1,0%	8,9	5/21/293	Тюмень (697 037; 48%)
ХМАО-Югра	534,8/3,1%	1612,1/1,1%	3,0	13/9/58	г. Ханты-Мансийск (95 353; 6%)
ЯНАО	769,3/4,5%	540,0/0,4%	0,7	6/7/36	Салехард (48 313; 8%)

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 20; Демографический ежегодник (2003–2014 гг.): Стат. сб. в 4 частях. Ч. I–4. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюменская область – Тюмень. 2014. Ч. 1. С. 7, 13; Ч. 3. С. 7; Ч. 4. С. 10.

(ТО) вместе с юридически входящими в ее состав Ханты-Мансийским автономным округом – Югра (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО), которые ранее составляли часть Западно-Сибирского экономического района. Такие изменения привели к фактической переориентации экономики региона. Для Уральского экономического района были характерны высокий уровень концентрации производства, развитая инфраструктура, размещенная преимущественно на восточных склонах Урала (наиболее богатых полезными ископаемыми). Уральский экономический район обеспечивал до распада СССР 22% союзного производства кокса, 30% черных металлов, 16% пластмасс, 50% калийных удобрений, 60% бокситов.

Сегодня степень концентрации промышленного производства на Урале в четыре раза выше, чем в среднем по стране. Основную долю ВРП УрФО дает нефтегазодобывающий сектор, сосредоточенный в северных автономных округах Тюменской области: ХМАО и ЯНАО. Промышленность представлена также машиностроением, черной и цветной металлургией (в основном в старопромышленных Свердловской и Челябинской областях). Агропромышленный комплекс традиционно составляет основу экономики Курганской области.

В настоящее время на территории УрФО сформированы три принципиально различ-

ные субрегиональные зоны: 1) относительно освоенные Челябинская и Свердловская области; 2) освоенная, но все более отстающая по темпам своего развития Курганская область и 3) относительно благополучная динамично развивающаяся Тюменская область (включая ХМАО-Югру и ЯНАО). При этом формирование единого федерального округа так и ограничилось скорее официальным названием, не перейдя на уровень идентичности. Уральцами себя осознают жители Южного и Центрального Урала, тогда как жители Тюменской области ощущают себя сибиряками, жителями Западной Сибири. Возможно, для формирования единой идентичности нужно более 20 лет, и изменения должны затронуть не только административно-управленческие, но и более глубокие пласты хозяйственных и человеческих коммуникаций, всей культуры.

Площадь территории УрФО составляет 1818,5 тыс. кв. километров (10,6% от территории России). В макрорегионе проживает 12 275,8 тыс. человек (8,4% населения страны (табл. 7.1).

Плотность населения составляет 6,7 чел./км² (в среднем по РФ: 8,55 чел./км²); этот показатель меньше только в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Протяженность государственной границы УрФО составляет 2397 км, из них 1607 км – участок границы с республикой Казахстан и 790 км –

Таблица 7.2

Основные экономические характеристики УрФО по его доле в РФ на 01.01.2014*

	УрФО	Россия	Доля УрФО в РФ, %
Валовой региональный продукт, трлн руб.	7,649	54,014	14,16
Основные фонды в экономике, трлн руб.	26,78	146,36	18,30
Добыча полезных ископаемых, трлн руб.	3,772	10,287	36,67
Обрабатывающие производства, трлн руб.	3,506	30,117	11,64
Производство и распредел. электроэнерг., газа и воды, трлн руб.	0,596	4,712	12,65
Продукция сельского хозяйства, трлн руб.	0,266	4,319	6,16
Ввод в действие общей площади жилых домов, млн м ²	7,976	84,191	9,47
Оборот розничной торговли, трлн руб.	2,435	26,356	9,24
Объем инвестиций в основной капитал, трлн руб.	2,323	13,557	17,14
Налоговые платежи и сборы в налог. систему РФ, трлн руб.	1,549	6,854	22,60
Экспорт, млрд долл. США	34,604	496,9	6,96
Импорт, млрд долл. США	6,846	286,0	2,39

* Росстат – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Статистический сборник / Росстат. М., 2014. С. 20–21, 29; Россия-2014: Статистический справочник. Росстат. М., 2014. С. 18, 53; Анализ внешнеэкономической деятельности Уральского федерального округа за 2014 год // Уральское таможенное управление (данные взяты с сайта: <http://www.customs.ru/>); Таможенная статистика внешней торговли РФ. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-декабрь 2014 года РФ (данные взяты с сайта: <http://utu.customs.ru>); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 20,

участок северной морской границы, где важное стратегическое значение имеет «Порт надежды»¹. Центральная и южная части отличаются наибольшей плотностью населения – 42 чел./км². Земельный фонд, по данным Государственного земельного кадастра, составляет 182 млн га (для сравнения: в Казахстане – 2,7 млн га, в Украине – 0,6 млн га; в то время как в Российской Федерации – 1709,8 млн га; в Канаде – 998 млн га, Китае – 960 млн га, США – 936 млн га)². Макрорегион характеризуется высокой степенью урбани-

зации: по данным 2015 г., 80,7% населения проживает в городах, и темпы роста городов и развития пригородной зоны крупных городов не снижаются.

УрФО имеет уникальный природно-ресурсный потенциал: крупнейшие запасы железных, медных и титано-магнетитовых руд, цветных, благородных и редких металлов, драгоценных и полудрагоценных камней, рудных и нерудных строительных материалов, торфа, асбеста, леса (в т.ч. леса ценных пород). Развитый промышленный комплекс характеризуется преобладанием стратегических отраслей: нефтегазодобыча и нефтегазопереработка, машиностроение, металлургия, электроэнергетика, военно-промышленный комплекс, горно-добывающая промышленность, лесная промышленность; весьма мощные энергетическая инфраструктура и транспортная сеть (хотя и неравномерно развитая) (табл. 7.2).

По приблизительным оценкам, недра содержат 57% минерально-сырьевого потенциала России. На территории ХМАО и ЯНАО

¹ См. информацию на сайте «Росграница»: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/node/9555>. Считается, что Северный морской путь составит конкуренцию южному: расстояние от Санкт-Петербурга до Владивостока – 14 тыс. км, через Суэцкий канал – более 23 тыс. км, а морской порт Сабетта на севере ЯНАО-Ямала станет не только ключевым объектом транспортной инфраструктуры проекта «Ямал СПГ», но и драйвером развития Северного морского пути, способного составить реальную конкуренцию Суэцкому каналу – см.: Порт надежды // Эксперт Урал № 18–19 (644) 27 апреля 2015.

² Земельный фонд России, его состав и структура. См.: <http://www.eclib.ru/ecselhoz/713-zemelnyj-fond-rossii-ego-sostav-i-struktura>

разведаны и осваиваются нефтяные и газовые месторождения, относящиеся к Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, в которой сосредоточено 66,7% запасов нефти России (6% – мировых) и 77,8% газа России (26% мировых запасов)³.

УрФО является мощным индустриальным центром: на его территории работают крупные российские компании, производящие около 45% продукции топливной промышленности России, 42% продукции металлургического комплекса страны, 10% продукции машиностроения России. На территории ХМАО и ЯНАО добывается 66% нефти, 91% природного газа, 65% попутного нефтяного газа и 50% конденсата⁴.

Обратим внимание на города, которые создают ключевые ресурсы развития макро-региона.

Екатеринбург – крупнейший город, административный центр УрФО и Среднего Урала, по численности четвертый город России (после Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска) с населением почти 1,5 млн человек⁵. Это один из важнейших транспортно-логистических узлов (через город проходит Транссибирская магистраль и шесть федеральных автотрасс, имеется международный аэропорт), крупный промышленный центр (оптико-механическая промышленность, сложное приборостроение, тяжелое машиностроение и металлургия, полиграфическая промышленность, военно-промышленный комплекс, легкая и пищевая промышленность). Это четвертая по величине в России агломерация (после Московской, Санкт-Петербургской и Самарско-Тольяттинской), ее население составляет 2,2 млн человек⁶.

³ Данные с сайта полномочного представителя президента России в Уральском федеральном округе – см.: http://www.uralfo.ru/region_urfho.html.

⁴ Уральский регион. Корпорация «Урал промышленный – Урал полярный». Данные с сайта: http://www.cupr.ru/region_print.html.

⁵ Города-миллионники России – 2015. Росстат. См.: <http://www.statdata.ru/goroda-millionniki-rossii-ro-naseleniu>

⁶ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 г. См. сайт: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/

Челябинск – второй по значимости город в УрФО, с населением около 1,2 млн чел.⁷ Город расположен на Транссибирской магистрали, имеет крупный международный аэропорт, является центром сети федеральных автомагистралей различных направлений. Челябинск является крупнейшим в России производителем высококачественных сплавов, сталей, проката, совокупный удельный вес предприятий металлургии и машиностроения в общем объеме производства города составляет более 60%; здесь производится более 60% российского цинка, 43% российских ферросплавов, пятая часть труб (почти все крупного диаметра) и многое другое⁸. Челябинск, как центр Южного Урала, поставил себе задачу встроиться в мировую сеть глобальных городов. В 2014 г. подписано соглашение между 4 муниципалитетами и 3 районами о создании Челябинской агломерации с численностью населения около 1564 тыс. человек и площадью 9511 кв. км⁹.

Тюмень – административный центр Тюменской области, по численности населения занимает в УрФО третье место – 697,1 тыс. человек¹⁰. Тюмень находится на Транссибирской магистрали, от нее ответвляются линии на север и юг макрорегиона. В Тюмени работают несколько десятков научно-исследовательских и проектных институтов, 8 вузов. После открытия крупных месторождений нефти и газа в 1960-х гг. жизнедеятельность Тюмени фактически перепрофилировалась на выполнение нефтегазосервисных и транспортных функций, необходимых для обеспечения промышленных потребностей Тюменского Севера. Сегодня в городе развиты отрасли обрабатывающего производства,

⁷ Города-миллионники России – 2015. Росстат. См.: <http://www.statdata.ru/goroda-millionniki-rossii-ro-naseleniu>

⁸ Челябинск: промышленность города, предприятия и заводы Челябинска / Метапром: индустриальный портал – см.: <http://www.metaprom.ru/regions/chelyabinsk.html>

⁹ *Давыдов Сергей*, и. о. главы города Челябинска. Агломерация важна, нужна и неизбежна? // Человеческая Архитектура. Строительство (2010) – см.: http://souzstroy74.ru/articles/journal/chas_13

¹⁰ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 г.

имеется мощный строительный комплекс, обеспечивающий потребности в жилье не только жителей Тюмени, но и Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (ХМАО-Югры и ЯНАО)¹¹.

Курган – административный центр Курганской области с населением более 300 тыс. чел., с пригородами формируется городская агломерация. Курган известен благодаря Российскому научному центру «Восстановительная травматология и ортопедия» имени академика Г.А. Илизарова. В городе работают 6 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, 9 высших учебных заведений. Ключевые отрасли, определяющие развитие Кургана, – это машиностроение и металлообработка, электроэнергетика, медицинская, химическая, легкая и пищевая промышленность, военно-промышленный комплекс. По уровню социально-экономического развития Курган серьезно проигрывает соседним крупным городам: из-за плохих дорог, изношенной коммунальной инфраструктуры (износ канализации составляет 89%, износ водопровода 62%), низкого уровня инвестиционной привлекательности, отсутствия крупных площадок, готовых принять бизнес (особых экономических зон, инновационно-территориальных кластеров, индустриальных парков), относительно «плохой» демографии (к 2030 г. Курган может лишиться 30%

¹¹ Так, объем отгруженных товаров собственного производства Тюмени в 2014 г. (без субъектов малого предпринимательства) составил 199,29 млрд рублей. Наибольший объем отгруженной продукции был у предприятий обрабатывающего производства (86,0%), среди которых производство нефтепродуктов составило 66,6%, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий 7,8%, производство машин и оборудования 7,6%, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования 5,3%, производство неметаллических минеральных продуктов 4,0%, производство пищевых продуктов 2,1%. В Тюмени хорошо развит строительный комплекс: на 1 января 2015 г. введено в эксплуатацию 1 080 354 кв. м общей площади жилых домов, в том числе 958 902 кв. м в многоквартирных жилых домах и 121 452 кв. м – в индивидуальных жилых домах. В сравнении с соответствующим периодом предыдущего 2013 года площадь введенных в эксплуатацию жилых домов увеличилась на 19,5%. – Итоги социально-экономического развития города Тюмени за январь–декабрь 2014 года. Официальный портал Администрации города Тюмени: <http://www.tyumen-city.ru/>

жителей трудоспособного возраста)¹². Чтобы окончательно не погрузиться в депрессию, Кургану необходимо использовать естественные географические преимущества, дешевые трудовые ресурсы, опереться на «чистый экспорт» продовольственных товаров и сырья в УрФО, реализовывать преимущества мощного промышленного наследия ВПК.

Ханты-Мансийск – административный центр ХМАО-Югры, самого крупного автономного округа РФ, с численностью населения около 98 тыс. чел.¹³, международным аэропортом, федеральной автомобильной трассой и речным портом. Ханты-мансийское железнодорожное сообщение развито слабо: ближайшая станция Демьянка находится в 238 км от Ханты-Мансийска. Весьма большое значение в Ханты-Мансийске получила административная и управленческая деятельность (управление политической и социально-экономической сферами ХМАО-Югры), развиты кредитно-финансовая, банковская и страховая деятельность.

Салехард – административный центр ЯНАО с численностью населения около 48 тыс. чел. Зимой город связан ледовой дорогой с железнодорожной станцией Лабытнанги, летом – паромной переправой через Обь. В Салехарде есть речной порт, аэропорт, автодорога Салехард – Надым. В рамках мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный» планируется строительство железных дорог Салехард – Надым и Салехард – Обская губа – Полуночное. Салехард выполняет административно-управленческие функции столицы ЯНАО.

Обратим внимание на разделение функций между городскими агломерациями, что усиливает потенциал формирования эффективных территориальных кластеров¹⁴. Если

¹² См.: Как победить Голиафа // Эксперт-Урал № 9(635) от 23 февраля 2015.

¹³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года.

¹⁴ В силу ограниченности места не были рассмотрены особенности развития крупных городов – населенных пунктов УрФО с численностью населения более 70 тысяч человек: Магнитогорск, Нижний Тагил, Сургут, Нижневартовск, Златоуст, Каменск-Уральский, Миасс, Копейск, Нефтеюганск, Первоуральск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Серов, Тобольск, Новоуральск, Озёрск, Шадринск, Троицк.

средние уральские города (такие как Нижний Тагил, Магнитогорск, Каменск-Уральский, Златоуст и др.) имеют агломерационный потенциал, то «полузакрытые» малые города и поселки городского типа (таких территорий в УрФО несколько десятков: Заречный, Лесной, Миасс, Новоуральск, Озерск, Снежинск), как правило, центры высокотехнологичных производств оборонного профиля; на базе научно-производственного потенциала этих городов происходит создание центров высоких технологий и инноваций. Одним из первых таких образований стал технополис «Заречный» (на базе одноименного города при Белоярской АЭС). Его опыт на Среднем Урале активно тиражируется: считается, что технополисы могут стать «полюсами роста». В то же время средние северные города на территории ХМАО-Югры и ЯНАО (такие как Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Надым, Нягань, Тарко-Сале и др.) выполняют функции воспроизводства рабочей силы, участвующей в добыче полезных ископаемых, промышленном производстве, транспортировке и переработке нефти и природного газа, производстве электроэнергии, выполнении нефтегазосервисных и транспортных функций. Такие старые города, как Тобольск, Верхотурье, Березово, имеют серьезный туристический потенциал, который еще предстоит реализовать в рамках программ развития территорий.

Масштабным проектом, направленным на комплексное освоение ресурсного потенциала макрорегиона, является проект «Урал промышленный – Урал полярный», который включает в себя транспортный, энергетический, геологический и производственно-горнорудный блоки. Этот мегапроект призван обеспечить транзит углеводородных грузов в западном направлении и грузов, необходимых для освоения газоконденсатных и нефтяных месторождений, в восточном направлении, повысить надежность электро- и теплоснабжения региона, улучшить инвестиционный климат за счет устранения инфраструктурных ограничений.

УрФО в целом полиэтничен, хотя подавляющее большинство населения – русские.

По данным переписи населения 2010 года на территории проживали представители более 150 этнических групп. Национальная структура населения УрФО: русские – 80,22%; татары – 4,82%, украинцы – 2,07%, башкиры – 2,09%, немцы – 0,46%, белорусы – 0,44%, казахи – 0,59%, азербайджанцы – 0,55%, чувашаи – 0,35%, армяне – 0,32%, марийцы – 0,31%. Доля каждой из остальных народностей не превышает 0,3%. На период переписи 2010 года в Тюменской области проживало около трети от всех малочисленных народов Севера России, в том числе 31,7 тыс. ненцев, 29,4 тыс. ханты, 11,9 тыс. манси¹⁵.

На территории УрФО проживают представители более 40 религиозных конфессий, более 1300 религиозных объединений. По результатам социологических исследований (табл. 7.3), более 70% считают себя верующими или «скорее верующими людьми» (82% жителей Тюменской области, 64% – Свердловской и 75% – Челябинской). Самая массовая конфессия – православие. По распространенности религий ислам занимает второе место: это связано, во-первых, с тем, что татары (второй по численности этнос региона) являются преимущественно мусульманами, во-вторых, с миграцией из республик бывшего СНГ с преимущественно мусульманским населением. Первые каменные мечети, построенные за Уралом, – это мечети в Ембаевских юртах недалеко от Тюмени.

Резкий спад рождаемости, характерный для 1990–2000 годов, был преодолен в УрФО в целом к 2009 г. Однако положительное сальдо достигнуто преимущественно за счет ХМАО-Югры и Тюменской области. Свердловская и Челябинская области только к 2012 году вышли на нулевые темпы прироста населения (рис. 7.2). Миграционный прирост лишь отчасти компенсирует низкие темпы естественного прироста населения УрФО, но миграционные потоки весьма существенно варьируют как по годам, так и между территориями.

¹⁵ Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам – см. на сайте: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.

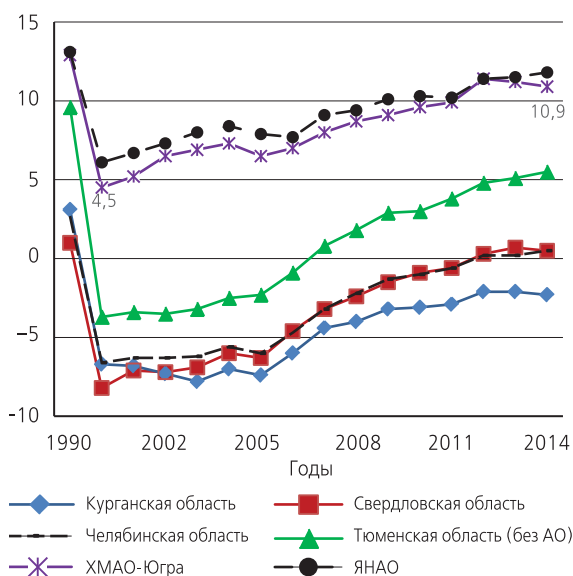
Таблица 7.3

Религиозная принадлежность населения УрФО*, %**

	Юг Тюменской обл., 2013	ХМАО, 2013	ЯНАО 2013	Свердловская обл., 2008	Челябинская обл., 2011
Православие	84	79	84	89	84
Ислам	10	14	10	4	11
Иудаизм	Менее 1	1	Менее 1	Менее 1	Менее 1
Буддизм	Менее 1	Менее 1	Менее 1	Менее 1	Менее 1
Протестантизм	Менее 1	Менее 1	Менее 1	Менее 1	Менее 1
Католицизм	Менее 1	Менее 1	Менее 1	1	1
Другое	1	1	1	2	2
Нет ответа	4	4	3	4	2
Всего	100	100	100	100	100

* В Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО) исследование было проведено в 2013 г., опрошено 3054 человек. В Свердловской области исследование было проведено в 2008 г., опрошено 1004 человек, В Челябинской области исследование проведено в 2011 г., опрошено 1000 человек. В исследованиях, кроме Свердловской области, выборка репрезентативна по половозрастной структуре населения с учетом типа населенного пункта, ошибка не выше 3%.

** % от респондентов, ответивших на вопрос о своей религиозности - «верующий человек» или «скорее верующий, чем не верующий».

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 53; Социально-экономическое положение УрФО в 2014 году. М., 2015. С. 150. /http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641)

Рисунок 7.2. Динамика естественного прироста населения УрФО на 1000 человек постоянного населения, 1990–2014 гг. (Ось X – годы, ось Y – прирост населения в %)

Самый демографически неблагополучный регион УрФО – Курганская область: в 2014 году коэффициент естественного прироста составил – 2,3, коэффициент миграционного прироста (убыли) – 7,7 на 1000 человек.

Основные компоненты модернизации макрорегиона

Рассмотрим функциональнообусловленные главные компоненты модернизации.

Технико-технологическая компонента – это материальная, или вещественная основа модернизации. В основе технико-технологической компоненты задействованы основные фонды и инвестиции, которые определяют в целом как причины развития модернизации, так и причины торможения модернизации¹⁶. Драйверы технико-технологической компоненты модернизации УрФО сосредоточены в ХМАО-Югре и ЯНАО. Остальные

¹⁶ Давыденко В.А., Ромашикина Г.Ф., Тарасова А.Н. Противоречивое начало вторичной модернизации нефтегазодобывающего региона (Тюменский регион) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2013. Гл. 2. С. 301–321.

субъекты РФ, входящие в макрорегион, испытывали хроническое недоинвестирование, не позволяющее обеспечивать даже простое воспроизводство основных фондов.

Это преимущественно инвестиции в первый и второй технологический уклады, Только Тюменская область, ХМАО-Югра и ЯНАО имеют достаточно средств, чтобы инвестировать в новые технику и технологии¹⁷.

При этом темпы инвестиций в основной капитал продолжают снижаться¹⁸. В итоге, морально и физически устаревшее оборудование практически не обновляется. УрФО отличается одной из самых высоких в России степенью износа основных фондов: 60,4%, по данным на конец 2014 г.

В Тюменской области более 60% основных фондов сосредоточено в добыче и транспортировке нефти и газа. Финансово-экономическая эффективность отрасли чрезвычайно высока, но высокий уровень ресурсной маржи почти не используется для развития производств современного типа с высоким уровнем добавленной стоимости. Сферы услуг и управления в регионе экстенсивно развиваются все 2000-е гг. Уровень инвестиций в регионе – один из самых высоких в стране и обеспечен приоритетным вниманием, которое оказывается инвестициям властями.

В Челябинской и Свердловской областях более 20% и 16% основных фондов соответственно сосредоточены в обрабатывающей промышленности. Коэффициент обновления основных фондов снизился в 2009 г., кратко-срочно вырос к 2011 г., и далее регионы вступили в период затяжной рецессии.

В Курганской области вклад обрабатывающей промышленности и услуг не высок, Курганский регион находится в зоне рискованного земледелия, поэтому развитие современного сельского хозяйства требует огромных финансовых ресурсов, которых в регионе нет.

Развитие **социальноэкономической компоненты** в УрФО идет крайне неравномерно.

Численность экономически активного населения в целом в УрФО по макрорегиону за последние 20 лет мало изменилась. В эти годы происходило снижение численности экономически активного населения в Свердловской и Курганской областях и рост – в Тюменской области. Уровень экономической активности населения варьирует по территории – от 78,1% в ЯНАО до 65,5% в Курганской области (в среднем по УрФО – 70,7%). Заметное во всероссийском масштабе снижение численности экономически активного населения в период с 1992 по 1998 гг. на уровне УрФО отразилось слабее, более значительное – в промышленных Свердловской, Челябинской областях, ХМАО-Югре, и менее заметное – в Курганской и Тюменской областях, ЯНАО.

В Свердловской и Челябинской областях к настоящему времени так и не восстановился «дореформенный» уровень экономической активности начала 1990-х годов, тогда как в целом по России это восстановление произошло уже к началу 2000-х годов.

ВРП на душу населения существенно различается по регионам. В 2013 г. в Курганской, Свердловской и Челябинской областях этот показатель был ниже, чем в среднем по РФ, но в ЯНАО и ХМАО-Югре – существенно выше среднего по России. Курганская область – региональный минимум в УрФО. Она имеет самые низкие показатели по ВРП на душу населения и самую низкую ожидаемую продолжительность жизни, мало развитую промышленность, доля государственной и муниципальной собственности здесь составляет 7% и 14% соответственно, 3,5% занятых – это чиновники (самая высокая доля в УрФО). Это регион, который не имеет собственных ресурсов для развития, не получает достаточных ресурсов извне и уже давно существует главным образом за счет дотаций и бюджетного сектора экономики. Региональный максимум УрФО – ХМАО-Югра.

Структура занятости в экономике УрФО с 2000-х гг. трансформируется в сторону увеличения доли работающих в сфере услуг (исключение составляют ХМАО и ЯНАО), чуть

¹⁷ Структура инвестиций в основной капитал по видам основных фондов, 2014 г., %. [URL: <http://www.gks.ru/wps/> (доступ от 10.03.2016)].

¹⁸ Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году [URL: <http://www.gks.ru/wps/> (доступ от 10.03.2016)].

более половины населения заняты в отраслях, обслуживающих экономику и население, что на первый взгляд соответствует современной системе распределения труда, табл. 7.4.

Однако если в Курганской области это связано с сокращением численности занятых в реальном секторе экономики, с более высокой долей занятых в отраслях бюджетной сферы, в том числе в управлении, то в Челябинской области, ХМАО-Югре и ЯНАО сохраняется индустриальный тип занятости. В ХМАО-Югре и ЯНАО более 20% занятых приходится на добывающую промышленность. Тюменская область (юг) – это скорее сервисный регион, традиционно развивавшийся как управленческо-транспортная зона и как своеобразное «дополнение» к северным нефтегазодобывающим провинциям, поэтому здесь доминируют бюджетные сферы, относительно слабо развита промышленность.

Учитывая, что вклад этих отраслей в ВРП крайне неравномерен, поскольку несоизмеримо велик вклад нефтегазодобывающей отрасли, структура доходной части региональных экономик также неравномерна. Сильная сторона юга Тюменской области – относительно высокий (по среднероссийским меркам) уровень бюджетной обеспеченности и, как следствие, наличие потенциала вторичной модернизации, но – экзогенного типа. То есть наблюдаются высокие темпы распространения заимствованных инноваций в сфере потребления, при практически отсутствующей инновационной активности экономических агентов. Северные нефтегазодобывающие провинции ХМАО – Югра и ЯНАО – аккумулируют как самые сильные стороны российской экономики и политики, так и все «больные вопросы», – признаки «голландской болезни» (см. врезку).

Высокий уровень доходов работников нефтегазодобывающей отрасли сочетается с недообеспеченностью работников сопутствующих отраслей, рост потребительского спроса сочетается с отсутствием реальных драйверов научно-технического прогресса. Пространственное развитие отягощается и специфическими проблемами, поскольку это северные территории, часто труднодо-

ступные, с тяжелыми климатическими условиями, с чрезвычайно высокими издержками освоения – как для людей, так и в целом для экономики. В ХМАО-Югре, регионе с более высоким уровнем ВРП на душу населения, не реализована структурная модернизация в силу нефтегазодобывающей специфики региона. Сырьевые отрасли экономики не приспособлены к производству инноваций, в лучшем случае они выступают потребителями инноваций обрабатывающих отраслей. Наилучшими эффектами для модернизации России обладает политика ориентации добывающих отраслей на инновационную продукцию отечественного производителя, однако, данной продукции на рынке либо практически нет, либо она не конкурентоспособна по соотношению цена/качество. Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП в Югре к 2012 г. достигла 21,2%. Поэтому **первичная модернизация** в ХМАО-Югре не завершена,

---

«Голландская болезнь»

Под «голландской болезнью» (эффект Гронингена) понимают негативный эффект, оказываемый укреплением влияния реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в отдельном секторе экономики. Теоретически причина бума не имеет значения, но на практике, как правило, он связан с открытием месторождений полезных ископаемых или ростом цен на экспортируемую продукцию добывающих отраслей. В России этот эффект долгое время поддерживал рост ВВП, маскируя сокращение производства в обрабатывающих, высокотехнологических и наукоемких отраслях. Одним из следствий «голландской болезни» является формирование существенных отличий в экономических условиях для разных секторов экономики. «Голландская болезнь» приводит к снижению темпов развития экономики вследствие перемещения ресурсов из обрабатывающего сектора в сырьевой и сервисный, которые создают меньшую величину добавленной стоимости. Длительная зависимость экономики от экспорта природных ресурсов ослабляет стимулы для развития обрабатывающих отраслей и создания новых технологий. В первую очередь деградируют наиболее динамичные наукоемкие отрасли. Это связано с необходимостью для них постоянных масштабных инвестиций в обновление технологий и продукции. Падение рентабельности вследствие роста курса национальной валюты ведет к сокращению инвестиций, технологическому отставанию и уходу с рынка.

Таблица 7.4

Структура занятости по секторам экономики,
% от всех занятых

	Сельское, лесное, рыбн. хозяйство, добыча полезных ископаемых			Обработывающие производства, энергетика, строительство, транспорт			Торговля, услуги, социальная сфера и управление		
	2000	2005	2014	2000	2005	2014	2000	2005	2014
Российская Федерация	15,8	12,9	11,0	36,5	35,5	33,8	47,7	51,6	55,2
УрФО	14,2	12,5	11,4	41,2	40,3	38,1	44,6	47,1	50,5
Курганская область	28,6	20	13,5	31,8	31,5	31,4	39,8	48,4	55,1
Свердловская область	10,2	8,9	6,0	43,3	42,2	38,5	46,6	48,8	55,5
Челябинская область	12,2	9,7	8,7	44,6	44,2	41,9	43,3	46,3	49,4
Тюменская область	16,8	17,3	19,2	38,1	36,6	35,5	45,2	46	45,3
в том числе:									
ХМАО	15,1	18,5	23,2	43	38,4	33,9	42	43	42,9
ЯНАО	22,5	19,9	20,0	36,2	38,8	43,0	41,3	41,5	37,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 126–129.

а составляющие интегрированной модернизации разбалансированы.

Денежные доходы населения росли во всех регионах весь период после 2000 г. Лидерами по уровню доходов населения остаются ЯНАО (что обусловлено не только нефтегазовыми доходами, но и северными надбавками к оплате труда) и ХМАО-Югра (где северный коэффициент несколько ниже), рис. 7.3.

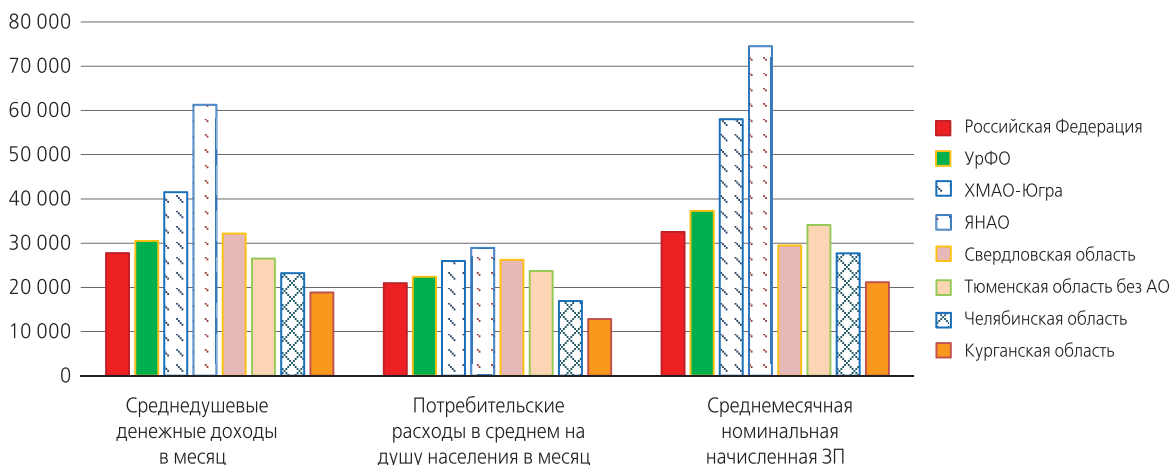
Самый низкий уровень доходов населения для УрФО – в Курганской и Челябинской областях. Например, в 2014 г. среднедушевые доходы населения в Курганской и Челябинской областях продолжали оставаться ниже среднероссийского уровня. Причем в Курганской области среднедушевые денежные доходы в 1,5 раза ниже общероссийского показателя. Курганская область не смогла найти собственные ресурсы для развития и не получает достаточных дотаций извне. Челябинская область в наибольшей степени зависит от ВПК и наукоемких производств, деградация которых продолжается, несмотря на значительные бюджетные вливания последнего десятилетия.

За период после 2000-х годов, вследствие социальноориентированной политики федеральных властей, снизились межрегиональ-

ные различия уровня доходов населения почти в два раза, но только за счет снижения относительного уровня регионов-лидеров (ЯНАО и ХМАО). В абсолютных ценах за период 2000–2014 гг. среднегодовые темпы прироста среднероссийского уровня доходов (расходов) составили 19,5%, а в ЯНАО и Курганской области – 16,1% (18%) и 20,8% (21,2%) соответственно. Челябинская и Курганская область так и не смогли подняться до среднероссийского уровня (рис. 7.4).

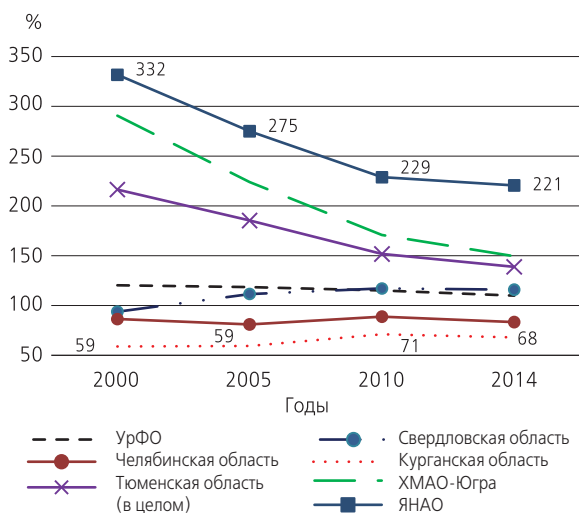
Поскольку основное направление вектора мировой модернизации определяет гуманистическое измерение, **социокультурная компонента** (в особенности его образовательная составляющая в соответствии с теорией человеческого капитала) является важнейшей компонентой модернизации. Население России по-прежнему рассматривает образование как основной ресурс социальной мобильности. Л.Н. Овчарова и Д.О. Попова на основании расчетных моделей показали, что фактор образования (наряду со статусом занятости) попадает в число определяющих динамику неравенства домохозяйств по доходам, но региональный фактор выше по значимости более чем в два раза. Однако самые высокие темпы роста за постсоветский период имел фактор

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 198–199, 236–237.

Рисунок 7.3. Среднедушевые доходы и расходы населения регионов УрФО в месяц за 2014 г., тыс. руб.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 198–199, 236–237.

Рисунок 7.4. Относительная динамика среднедушевых доходов населения регионов УрФО, в % к среднероссийскому уровню доходов населения

«уровень образования», вес которого увеличился почти в 5 раз¹⁹. Если судить по данным об уровне образования, накопление культур-

¹⁹ Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. № 3. С. 22.

ного потенциала населения обеспечивалось опережающими темпами развития высшего образования в Свердловской, Челябинской областях и на юге Тюменской области, которые выступали донорами для северных нефтегазодобывающих регионов. Эти темпы были столь высоки, что в 2005 г. дипломы с высшим образованием в УрФО получили почти 100% от выпуска школ 2000 г., и эта ситуация воспроизводится в последующие годы (в 2013 г. число выпускников вузов составило 91,5 тыс. человек, в 2008 г. число выпускников полной средней школы – 81,1 тыс. человек).

Удовлетворенность своей жизнью в целом находится в зоне положительных оценок (60% и более) (рис. 7.5). С 2006 по 2009 г. эти оценки перешли из зоны неопределенности (когда доля давших (+) оценки примерно равнялась доле давших (-) оценки) в зону определенной положительности²⁰. Наиболее критично оце-

²⁰ В Тюменском регионе были привлечены данные социологических опросов, проведенных на юге Тюменской области, ХМАО и ЯНАО в 2006, 2009, 2011, 2013 гг. Опросы проводились методом поквартинного интервью, выборка квотная по территории, типам населенного пункта, половозрастной структуре с контролем по уровню образования. В каждом опросе участвовали от 3000 до 5500 человек. Выборки репрезентировали население с ошибкой не выше 3%. Для анализа мы также привлекаем данные социологических опросов, проведенных самостоятельными научными коллективами в период 2006–2013 годы в Тюменской области, Свердловской

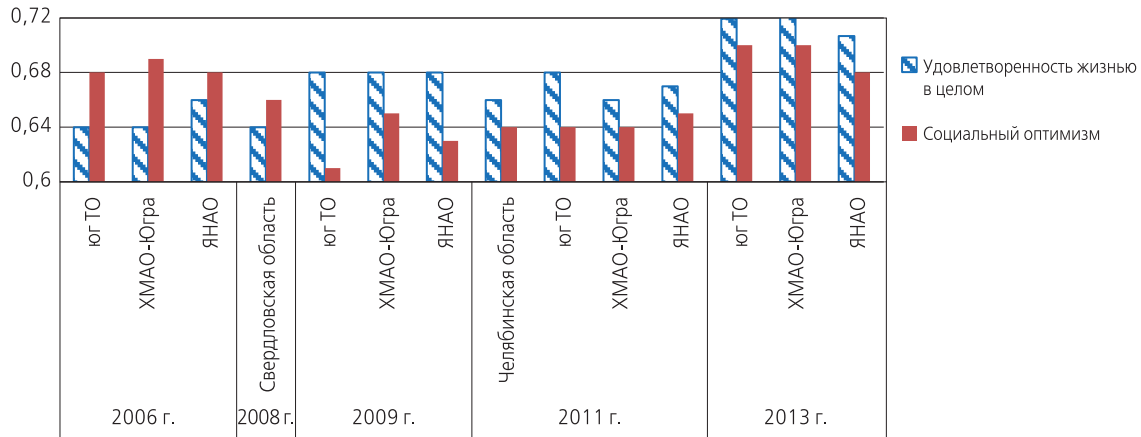

Рисунок 7.5. Удовлетворенность жизнью в целом и социальный оптимизм

нивает свою жизнь население Свердловской области, тогда как жители Челябинской области дают более высокие оценки удовлетворенности своей жизнью. Наиболее высока удовлетворенность жизнью в Тюменской области, причем эти оценки растут. Уровень социального оптимизма²¹ в период 2006–2008 гг. был выше оценок удовлетворенности жизни в целом. Далее под давлением кризиса 2009–2011 гг. уровень социального оптимизма опустился ниже оценок жизни в целом.

Культурный капитал населения растет гораздо медленнее, чем общий уровень образования, другие социально-экономические показатели. В период после 2000 г. почти в два раза выросла численность исследователей с учеными степенями, однако прием и выпуск в докторантуру и аспирантуру, посещаемость театров и библиотек, музеев практически не выросли, а кое-где и снизились. В Челябинской и Свердловской областях работают Уральский федеральный университет, Южно-

области, Челябинской области. Мы благодарны коллективам – участникам программы «Социокультурные портреты регионов России» за предоставленные для анализа данные социологических опросов.

²¹ Коэффициент социального оптимизма считается как средняя арифметическая от средневзвешенной баллов по каждому из составляющих социального оптимизма. Каждая из составляющих рассчитана как средневзвешенная ответов: Уверенность в будущем (стратегический оптимизм), Лучше или хуже стали жить, Будут ли жить лучше (тактический оптимизм). Индекс изменяется от 0 (совершенно не уверен) до 1 (полностью уверен).

Уральский национальный исследовательский университет, но пока отдача от огромных финансовых вложений в них весьма скромна. По *научному потенциалу* Свердловская и Челябинская области выделяются в УрФО, но это, скорее, лидерство среди аутсайдеров, нежели реальное научное лидерство на уровне мировых стандартов. Входящие в Тюменскую область ХМАО, ЯНАО и сервисный субрегион – юг Тюменской области объективно не могут отойти от своей сырьевой специализации. В этих регионах высокий уровень экономической активности определяется, во-первых, более молодым, чем в среднем по России, населением, во-вторых, низким уровнем безработицы, к тому же сформировался высокий образовательный уровень рабочей силы. Но имеющийся потенциал либо не реализуется, либо реализуется слабо. Так, почти не используются современные технологии добычи и транспортировки нефти и газа, нарастает эффект старения основных фондов. Слабо используется эффект масштаба от объединения кластеров экономики посредством четких логистических цепочек, обеспечивающих перенос капиталов, товаров и знаний не только внутри регионов, но и между соседними регионами. Этому мешают чрезмерная централизация, особенно усилившаяся в последние 5 лет; сетевая экономика, как база экономики знаний, в таких условиях просто не может развиваться. И неизбежно все

Таблица 7.5

Ранги ценностей жителей регионов
(Юг Тюменской области/ХМАО-Югра/ЯНАО/Свердловская область/Челябинская область)

	Традиционные	Общечеловеческие	Модернизационные
Терминальные	Семья (2/2/3/2/3)	Порядок (4/4/4/4/2)	Жизнь (1)
		Благополучие (5/5/6/6/6)	
	Традиция (9)	Работа (7/7/8/8/8)	Свобода (8/8/7/7/7)
Инструментальные		Общительность (3/3/2/3/4)	Независимость (6/6/5/5/5)
	Жертвенность (11/11/11/11/12)	Нравственность (12/12/12/12/11)	Инициативность (10)
		Властность (13/13/14/14/14)	Своевольность (14/14/13/13/13)

(данные субрегионов Тюменской области даны за 2013 г.)

связи принимают централизованный характер (Москва-регионы). Как следствие, усиливаются ожидания населения по отношению к власти, нарастает патернализм, слабеет экономическая мотивация. Например, в Тюменской области число желающих работать на предприятиях, находящихся в частной собственности, к 2013 г. стало в четыре с лишним раза меньше, чем фактически работающих на таких предприятиях. Число желающих иметь собственный бизнес и в нем работать также снизилось в 2006–2013 гг. с 26% до 15%. Тогда как на предприятиях с участием государства стабильно хотели бы работать 45–46% опрошенных за весь период наблюдений.

Структура *ценностных ориентаций* населения медленно и не поступательно, но меняется: происходит переход от архаической ценностной структуры к современной, соответствующей тенденциям мировой цивилизации²². Ценность *жизни человека* в регионах УрФО входит в интегрирующее ядро, имея первый ранг. Далее по важности идут – *семья, общительность и порядок*, причем эти три ценности могут меняться местами, но они стабильно входят в ядро, табл. 7.5.

Традиционные ценности (семья, традиция, жертвенность) существенно повышаются в своей значимости для более старших

возрастных когорт. Интегрирующий резерв в УрФО несколько отличен от среднероссийской ситуации: благополучие, независимость, работа, свобода, традиция. *Инициативность* для всех регионов УрФО имеет 10-й ранг, т.е. находится в оппонирующем дифференциале, и его поддержка практически не изменяется в динамике. Поддержка ценности *работы* (7-8-й ранг) выросла²³. Как показал социокультурный мониторинг, модернизация базовых ценностей тесно связана с межпоколенным переходом, но темпы модернизации снижаются в динамике, после 2009 г. по ряду позиций повышается значимость традиционных ценностей. Так, в 2013 г. выросла ценность порядка, традиции, независимости и снизилась ценность благополучия и свободы.

Институционно-регулятивная компонента модернизации, как показали наши исследования, имеет наиболее противоречивый характер.

С одной стороны, УрФО как макрорегион относится к экономически благополучным регионам России, региональные практики управления достаточно современны, активно происходят институциональные изменения, заметна общественная жизнь в крупных городах.

С другой стороны, не все региональные управленческие практики имеют позитивный

²² Методика оценки см.: Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Курск: Изд-во Курск, гос. ун-та, 2007. С. 47–63.

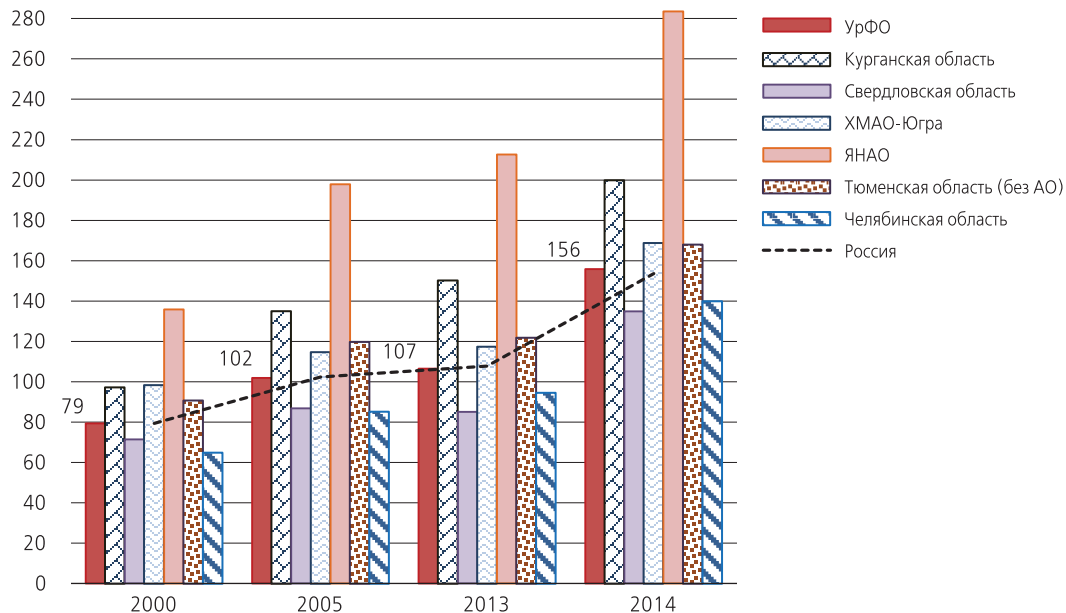
²³ Давыденко В.А., Ромашина Г.Ф., Печеркина И.Ф. Моделирование социально-культурного пространства региона (на примере Тюменской области) // В кн.: Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 411–442.

эффект, а скорее проявляются как адаптация к чрезмерной волатильности институциональной среды. Так, в первом десятилетии XXI в. в УрФО наблюдается рост межрегиональных различий в доходах населения, но быстрое снижение доли самых бедных. Однако это снижение обусловлено главным образом манипулированием величиной прожиточного минимума, которая не связана со среднедушевыми доходами и величиной зарплаты в регионе. Особенно заметны быстрые темпы снижения доли самых бедных в Курганской области, которая, как показывает статистика, существенно отстает от других регионов по уровню доходов и стоимости жизни, но величина прожиточного минимума в Курганской области даже выше, чем в Челябинской области.

Другая институциональная ловушка в УрФО, как и в России в целом, связана с непрерывно продолжающимся ростом численности чиновников. С 2000 г. численность чиновников в УрФО удвоилась (численность работников государственных органов и орга-

нов местного самоуправления в 2000 г. составляла 99 018 человек, в 2014 г. – 191 248).

Около половины из них – работники исполнительных органов власти регионального уровня, еще около 40% – контролирующие их деятельность чиновники федерального уровня. Чемпион по абсолютной численности чиновников – Свердловская область. Это объяснимо, поскольку Екатеринбург выполняет столичные функции по отношению к Уральскому федеральному округу. Однако резкий рост численности чиновников, который произошел в 2014 году, не может не вызывать опасений. Относительная численность чиновников в целом по УрФО и в целом по Российской Федерации практически не отличается (рис. 7.6). Чемпионом по росту относительной численности чиновников является ЯНАО, поскольку в ЯНАО контролируется огромная слабо заселенная территория, а большая доля работников экономических субъектов привлечены на условиях работы по вахтовому методу.

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (доступ от 05.03.2016).

Рисунок 7.6. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на 10 000 человек постоянного населения по УрФО и в сравнении с Российской Федерацией в целом (подписи значений указаны для УрФО в целом)

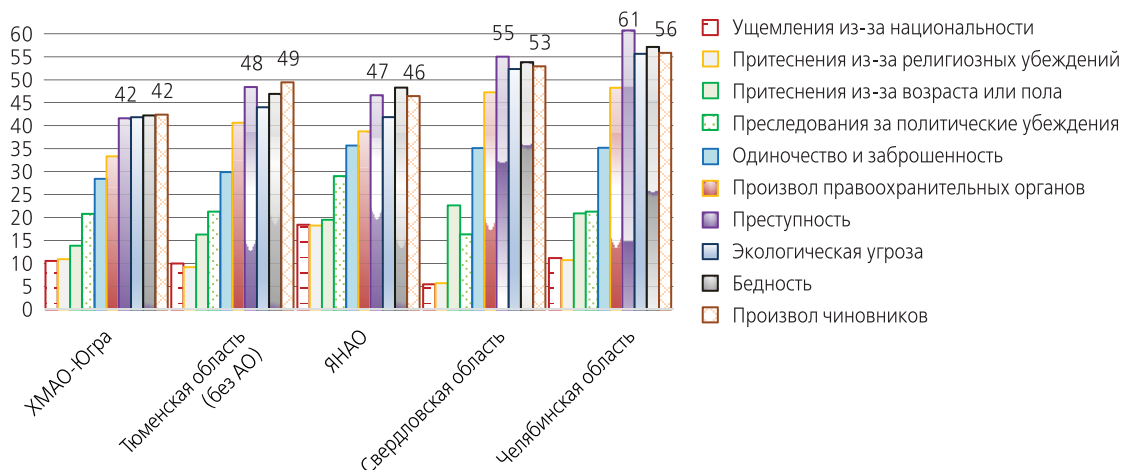

Рисунок 7.7. **Уровень незащищенности от острых проблем-опасностей жителей Тюменской области (2013 г.), Челябинской области (2011 г.), Свердловской области (2008 г.)** (% от ответивших в сумма вариантов ответов «совсем незащищен», «пожалуй, незащищен»)

Защищенность человека от основных проблем-угроз является прямым следствием успешности институциональной компоненты (рис. 7.7). Чем лучше выполняют задачи основные социальные институты, тем более защищенным будет чувствовать себя гражданин. Следует заключить, что институционально-регулятивная компонента в настоящее время не в полной мере способна обеспечивать модернизацию.

Как и в среднем по России, *преступность* находится на первом месте среди проблем-опасностей для населения *Челябинской* (61%) и *Свердловской* (55%) областях. Далее по рейтингу значимости идут бедность (57% и 54%), произвол чиновников (56% и 53%), экологическая угроза для Челябинской и Свердловской областей соответственно.

Более высокий, чем в среднем по России, уровень развития социальной сферы в *Тюменской области* сопровождался быстрым развитием сферы управления; общий уровень незащищенности в регионе снижен, но *произвол чиновников* вышел на первое-второе места в рейтинге индексов незащищенности. Далее по рейтингу незащищенности идут преступность, бедность, экологическая угроза, произвол правоохранительных органов.

Динамика стадий и фаз модернизации регионов УрФО

На рис. 7.9 приведены карто-схемы, отражающие динамику состояний модернизированнойности регионов Уральского федерального округа.

На карто-схеме при помощи цветовой идентификации показана динамика типов модернизированнойности регионов УрФО. Самую успешную стратегию модернизации демонстрирует Свердловская область, переходя от фазы зрелости первичной модернизации (ПМ) в 2000 году (тип 3 – салатный цвет на карто-схеме, рис. 7.9) к фазе начала вторичной модернизации (ВМ) уже в 2005 году (тип 5 – оранжевый цвет).

Обозначения: ПМ: стадии первичной модернизации, ВМ: стадии вторичной модернизации. Цифрами на карте обозначены: 17 – Челябинская область, 18 – Курганская область.

Основным ресурсом первичной модернизации (ПМ) выступает экономическое развитие. Основными ее результатами являются индустриализация и деагрикультуризация²⁴. Прочие изменения в жизни общества (урбанизация, общедоступное школьное образование, социальное благополучие и др.) являются

²⁴ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Чуаньци Хэ. М.: Весь Мир, 2011.

производными. Характер динамики демонстрирует различные факторы отставания от среднероссийских темпов: если в Курганской, Челябинской и Свердловской областях это – низкий уровень ВРП на душу населения, то в северных округах Тюменской области – нефтегазодобывающая специализация региона.

Индекс осуществления первичной модернизации (ПМ) в 2000 г. УРФО составлял 91,8% (рис. 7.8).

В начале 2000-х гг. все регионы Сибири и Урала находились примерно на одном уровне ПМ. В этот период был достигнут уровень 100% от стандарта развитых стран по доле лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых, доле добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП, по доле городского населения, числу врачей на 1000 человек, младенческой смертности, уровню грамотности среди взрослых, доле студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22 лет.

Далее Уральский ФО стал отставать от необходимых темпов модернизации. В 2011 г. произошло резкое снижение уровня ПМ (98,1%), так и не преодоленное и в 2012 г. (98,5%). Торможение ПМ обусловлено низкой долей добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП: 38,3% при стандарте 45% к ВРП.

Торможение реализации ПМ является следствием гипертрофированной доли нефтегазовых доходов в структуре ВВП, поэтому наименее развита ПМ оказалась в самом богатом – ХМАО-Югре, 94,7% реализации ПМ, а доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП – 21,1% в 2012 г. при норме развитых стран 45%.

Даже в самом отсталом регионе УрФО – Курганской области уровень ПМ к 2012 году достиг 96,1%, и единственным проблемным показателем здесь является ВРП на душу населения, изменившийся за 12 лет с 11,6% до 63,3% от нормативного уровня.

Важно отметить, что последствия кризиса, начавшегося в 2008 году, отразились не столько в снижении темпов ВРП, сколько

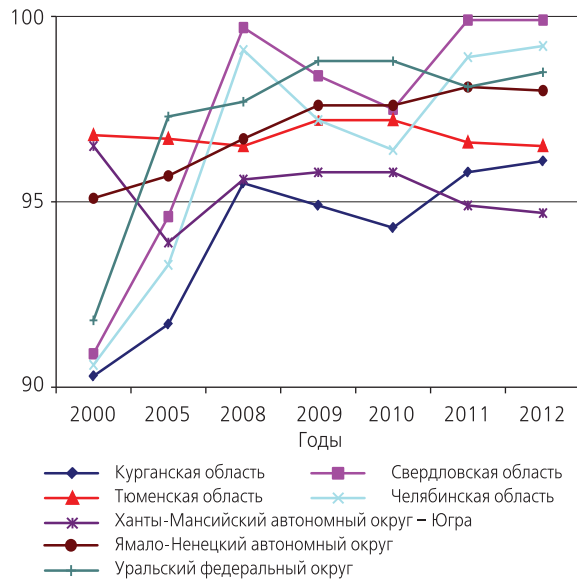

Рисунок 7.8. Динамика индексов первичной модернизации УрФО и его субрегионов

в том, что на фоне торможения отраслей экономики рос вклад в ВРП нефтегазовой ренты²⁵. Россия в целом и регионы УрФО в частности не смогли перестроить экономику за «благополучные» 2000-е гг., а в кризис нефтегазовая зависимость проявилась еще более жестко.

Тем не менее, к 2005 г. Уральский округ вошел в завершающую фазу ПМ и одновременно – в фазу начала **вторичной, инфор-мационной модернизации (ВМ)**, рис. 7.8 карто-схемы – сравним с рис. 7.10: динамикой индексов вторичной модернизации УФО и его регионов.

Результатами вторичной модернизации должны стать: формирование наукоемкого общества, информатизация, развитие сферы услуг, сетевое взаимодействие, распространение цифровых технологий, готовность к инновациям, обучение на протяжении всей жизни и т. п. Соответственно наиболее важны именно *индексы трансляции знаний и инноваций в знаниях*. При этом трансляция знаний прямо связана с уровнем развития первичной

²⁵ Гэдди К., Икес Б. Сможет ли Россия слезть с «сырьевой иглы» // Pro et Contra. 2011. № 5 (сентябрь – октябрь). Т. 15. С. 23–39.

2005 г.

2000 г.

Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 7.9. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Уральского федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

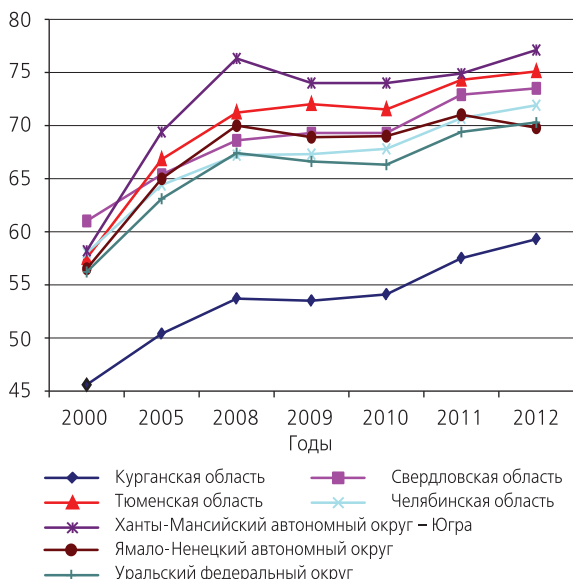
Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1. Ярославская, 2. Костромская, 3. Ивановская, 4. Владимирская, 5. Рязанская, 6. Тамбовская, 7. Пензенская, 8. Мордовия, 9. Нижегородская, 10. Чувашия, 11. Ульяновская, 12. Марий-Эл, 13. Самарская, 14. Удмуртия, 15. Татарстан, 16. Башкортостан, 17. Челябинская, 18. Курганская, 19. Кемеровская.

модернизации (экономического развития), а инновации в знаниях требуют уже запуска новых механизмов, присущих современному обществу.

ХМАО-Югра и ЯНАО все 12 лет практически застыли в состоянии незавершенности ПМ и подготовки к переходу к ВМ (тип 4 – зеленый цвет). Коричневым цветом на карто-схеме рис. 7.7 отражен начальный этап реализации первичной модернизации (Курганская область в 2000–2005 гг.), и синим цветом – этап зрелости ПМ в регионе (Челябинская и юг Тюменской области в 2000 г. и Курганская область в 2010–2012 гг.). После 2011 г. темпы роста экономики настолько снизились, что произошло снижение относительного уровня реализации ВМ. В итоге к 2012 г. УрФО реализовал вторичную модернизацию на 70,3% при среднероссийском уровне 74,4%. Обгоняют среднероссийские темпы ХМАО-Югра и Тюменская область (юг), а ЯНАО вступил в период снижения уровня модернизации. Свердловская и Челябинская области приближаются к общероссийским показателям, но Курганская область существенно отстает.

*Тюменская область включает в себя юг Тюменской области, ХМАО, ЯНАО

Рисунок 7.10. **Динамика индексов вторичной модернизации регионов УрФО**

В целом по УрФО шесть из 15 показателей индекса реализации ВМ в 2012 г. превысили средний уровень развитых стран (число врачей на душу населения – 120%, доля городского населения – 100,4%, энергетическая эффективность ВРП – 109,4%, доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22 лет – 101,5%, число телевизоров на 100 домохозяйств – 105,5%), причем два первых были таковыми уже в 2000 г.

Основные ограничения реализации ВМ к 2012 г.: индекс инновации в знаниях (38,7%), индекс качества экономики (48,3). Самые проблемные из составляющих индекса реализации ВМ в целом для УрФО, – число жителей, подавших патентные заявки (28,9%), доли затрат на НИОКР к ВРП (32,9%), ВРП на душу населения от уровня развитых стран.

Первые два из перечисленных показателей критически низки для нефтегазодобывающей провинции – ХМАО и ЯНАО. ВРП на душу населения отражает слабость региональной экономики, наиболее проблемными являются Курганская и Челябинская области. Самый низкий показатель качества жизни также отмечается в Курганской области, особенно высок

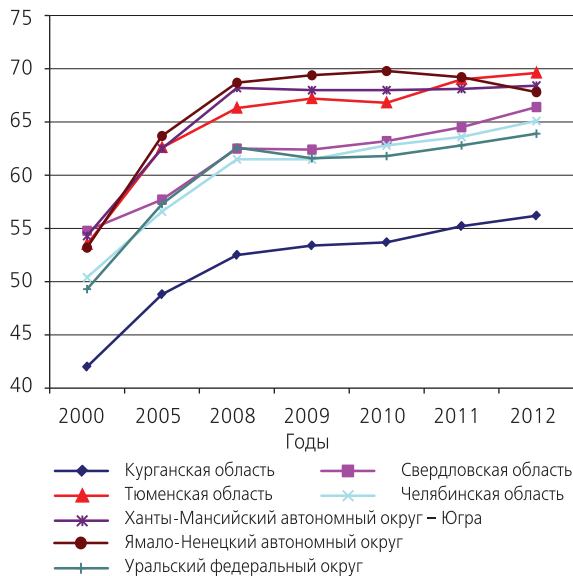

Рисунок 7.11. **Динамика индексов интегрированной модернизации регионов УрФО**

здесь уровень младенческой смертности: 63,2% от уровня развитых стран к 2012 г.

В относительно богатой Тюменской области (включая ХМАО–Югру и ЯНАО), несмотря на значительный рост индекса трансляции знаний, более высокий уровень образования населения, относительно (по российским меркам) высокий подушевой доход, – роста инновационной активности не происходит. В свою очередь, индекс инноваций в знаниях за 12 лет снизился в Свердловской области с 63 до 50,2, а в Курганской – с 21,4 до 16,6.

Интегрированная модернизация – это возможность для стран третьего мира провести ускоренную модернизацию, реализуя одновременно и первичную, и вторичную модернизацию (рис. 7.11). За рассмотренный период Уральский ФО снизил свой уровень в сравнении с динамикой всей России, особенно отстает Курганская область.

Динамика индексов интегрированной модернизации демонстрирует удручающую картину: только два из 12 показателей к 2012 г. достигли уровня развитых стран, и макрорегион остается на уровне 63,9% при среднероссийском уровне 67%. Основными ограничениями выступают экономический (54,6%) и знаниевый (60,3%) индексы, причем динамика экономического и социального субиндексов негативна (рис. 7.12). Качество управления в макрорегионе улучшается, что выражается в росте сбалансированности ИМ, в первую очередь за счет снижения разброса среднедушевых доходов населения. Но уровень сбалансированности ИМ в УрФО почти в три раза ниже, чем в среднем по России. Наихудшие показатели сбалансированности демонстрируют ЯНАО и ХМАО–Югра (за счет высоких нефтегазовых доходов), Челябинская область (за счет низкой производительности труда). ЯНАО после 2010 г. перешел от стагнации к разбалансированной рецессии. Свердловская, Челябинская области и ХМАО–Югра развиваются не сбалансированно. Тюменская область (юг) развивается наиболее сбалансированно, но отстает по экономической компоненте. Курганская область – пример сбалансированной рецессии.

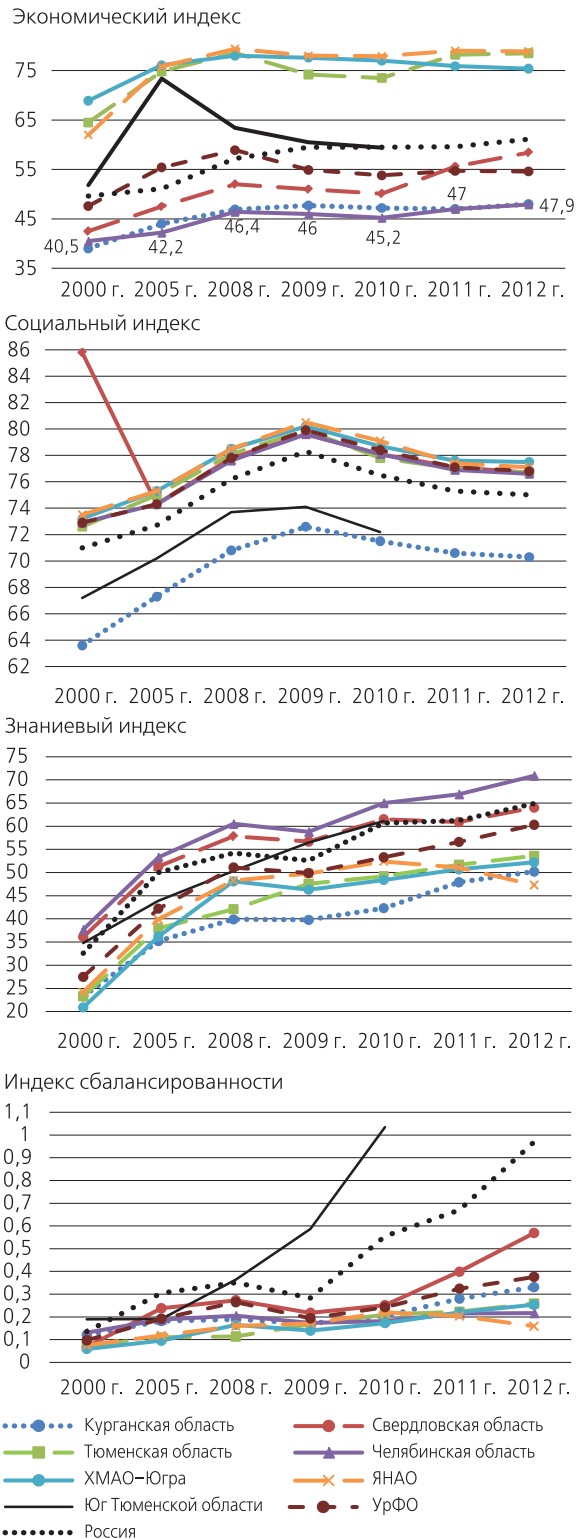

Рисунок 7.12. Динамика субиндексов интегрированной модернизации регионов УрФО

Эволюция состояний модернизированности регионов, этапы стратегии интегрированной модернизации УрФО

В таблице 7.6 отражены векторы динамики состояний модернизированности регионов УрФО и несбалансированности их составляющих на основе интегрированного индекса двух стадий модернизации – первичной и вторичной.

Торможение модернизационных процессов в субъектах УрФО имеет три контекста, обусловленные территориально, структурно и институционально.

Во-первых, в макрорегионе четко выделяется разделение по направлениям Юг-Север и Запад-Восток (как, впрочем, и во всей России). Западные регионы выигрывают в структурно-институциональных и, как следствие, когнитивных компонентах. Север имеет невосполнимые, но значимые в мировом масштабе нефтегазовые ресурсы, которые обеспечивают высокие по российским меркам экономические компоненты развития. *Во-вторых*, территориальная неравномерность размещения природных ресурсов в рассмотренный период не была компенсирована адекватным размещением производственных и человеческих ресурсов²⁶. Фактически процессы происходили стихийно, территориальными аттракторами накопления выступали нефтегазодобывающие провинции, не приспособленные природно-ресурсными факторами к развитию современных сфер производства. В новый экономический кризис 2015 г. российские регионы вступили с разбалансированными бюджетами и огромными долгами. А поскольку в 2015 г., в отличие от кризиса 2009 г. на значительные денежные вливания из центра рассчитывать не приходится, то регионам придется снижать социальные расходы и сокращать занятость в бюджетном секторе²⁷.

²⁶ Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа // Социологические исследования, 2015, № 1. С. 19-26.

²⁷ Регионам придется сокращать социальные расходы // Экспертный сайт «Открытая экономика». 19 мая 2015. URL: <http://opec.ru/1827767.html> (доступ от 05.03.2015).

Весь период после 2000-х гг. опережение социальной составляющей не подкреплялось или слабо подкреплялось развитием когнитивной компоненты, а в регионах со слабым производственным потенциалом (Курганская область) или низкоэффективной структурой промышленности (Челябинская область) – экономической компоненты. Более высокий, чем в среднем по России, уровень развития социальной сферы привел к гипертрофированному развитию сферы управления в большой Тюменской области и в итоге к тому, что в рейтинге по индексам незащищенности на первое место в регионе вышел производственный чиновников.

Не имеющий нефтегазовых ресурсов Севера и структурных преимуществ Запада юг макрорегиона – *Курганская область*, с опозданием поднялся из типа 1 в тип 2, составляющие индекса его модернизации средне сбалансированы: экономическая и когнитивная составляющие отстают от социальной. Это регион с традиционным укладом, с большой долей сельского хозяйства в ВРП, зависимый от потребления его продукции соседними промышленными регионами, с высоким уровнем безработицы и низким уровнем доходов населения. Юго-запад макрорегиона – *Челябинская область*, притягиваемая в орбиту развития своим северным соседом, Свердловской областью, достигла фазы зрелости ПМ, но не может преодолеть барьеры входа в завершающую ее фазу, – это регион старопромышленного типа (структурные компоненты), модернизационные процессы не сбалансированы, и торможение связано с отставанием экономической компоненты.

Остальные регионы вошли в стадию вторичной модернизации, но нефтегазодобывающие автономные округа после 2008 г. перешли от развития к стагнации (ХМАО-Югра), а затем и рецессии (ЯНАО). Особенно заметно эффект торможения проявился на крайнем севере – в ЯНАО (рис. 7.10–7.11 (7.11–7.12), когда уровень реализации интегрированной модернизации в 2012 г. (67,8%) опустился ниже уровня 2008 г. (68,7%).

Юг Тюменской области с опозданием перешел к 4-му типу при сохранении наивысшего

Таблица 7.6

**Векторы динамики состояний (типов) модернизированности регионов
и несбалансированность их составляющих.
Регионы Уральского федерального округа**

Регионы	Динамика состояний типов модернизированности				Интегрированные индексы, ИИСБ			
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2012	2012 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации								
<i>Быстрый переход к ВМ (к типу 5, фаза развития). Опережает социальная составляющая</i>								
РОССИЯ	3	3	5	5	0,969	ВС	ЭК, ЗН.	СОЦ.
Свердловская обл.	3	5	5	5	0,569	ВС	ЭК, ЗН.	СОЦ.
<i>Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала). Опережает социальная составляющая</i>								
Уральский ФО	2	4	4	4	0,376	С	ЭК, ЗН.	СОЦ.
<i>Застой в подготовительной фазе ВМ (тип 4). Отстает когнитивная составляющая</i>								
ХМАО-Югра	4	4	4	4	0,254	НС	ЗН.	ЭК.,СОЦ.
ЯНАО	4	4	4	4	0,159	Н	ЗН.	ЭК.,СОЦ.
Тюменская область (включая АО)**	4	4	4	4	0,259	НС	ЗН.	ЭК.,СОЦ.
Юг Тюменской области	2	3	3	4		В	ЭК.,ЗН	СОЦ.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации								
Челябинская обл.	2	3	3	3	0,217	НС	ЭК.	СОЦ.,ЗН.
<i>Заторможенное повышение ПМ (тип 2, фаза роста). Опережает социальная составляющая</i>								
Курганская обл.	1	1	2	2	0,331	С	ЭК.,ЗН.	СОЦ.

* Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, найден как величина, обратная сумме квадратов отклонений субиндексов от ИИМ $\{(1/\sigma)*100\}$. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

** Тюменская область включает в себя юг Тюменской области, ХМАО, ЯНАО.

уровня сбалансированности интегрированного индекса модернизации, но общий уровень ее развития не высок.

Лишь *Свердловская область* достаточно быстро (уже к 2005 г.) вошла в фазу развития ВМ, став в Уральском округе лидером модернизации промышленного типа. Свердловская область отличается самым высоким в макрорегионе уровнем политической и гражданской активности, высоким уровнем интеллектуального потенциала. Торможение вторичной модернизации связано с недостаточным качеством управления в регионе, недостаточностью системных действий.

В-третьих, энергосырьевой вариант развития поддерживается комплексом интересов властных элит, промышленных и инфраструк-

турных секторов экономики, основанных на сформировавшихся цепочках распределения ренты, что убедительно показано в различных исследованиях²⁸. В таком случае преодолеть инерцию энергосырьевого развития становится практически невозможно. Из представленной логики следует вывод: переход к *развитию, основанному на инновациях*, может начаться лишь при значительном сокращении объемов природной ренты или при ее перераспределении в национальных интересах.

Следует особо подчеркнуть, что модернизация либо вообще не будет осуществляться (в наиболее депрессивных регионах), либо ее темпы и дальше будут замедляться. Вогнутость

²⁸ Крюков В.А. Нефтегазовый саботаж // ЭКО, 2013. № 8.

кривой фазовых переходов регионов УрФО, как основных регионов энергозависимой экономики России, показывает замедление темпов, продолжающееся уже семь лет. И это происходит несмотря на то, что Россия остается одной из ведущих энергетических стран мира, цены на нефть несколько раз за анализируемое десятилетие побивали исторические максимумы. Период высоких нефтяных цен прошел, рубль перешел в период макроэкономической нестабильности, но запуску процессов обновления, характерных для кризисных и посткризисных периодов, препятствует командная система управления, и, как следствие, неэффективное размещение инвестиций. Много ожиданий связано с попыткой восстановить существовавшую до 1990-х годов экономику, ориентированную на ВПК, но пока эти шаги не приносят заметного оживления в модернизационные процессы.

Для определения приоритетов дальнейших действий властей в регионах УрФО, перспективна *поэтанная интегрированная модернизация*, то есть координированная взаимосвязь развития двух ее стадий для получения синергетического эффекта. Можно предположить такие ее этапы.

В начале **этапа 1** целесообразно сосредоточить финансовые ресурсы и организационные усилия на максимальном использовании сильной стороны *Курганской области* (потенциала размещения производства) и реализовать ее конкурентные преимущества – относительно низкую требовательность и высокую емкость рынка труда, наличие логистических цепочек как с традиционными рынками сбыта, которые граничат с областью, так и с северными нефтегазодобывающими регионами. Приоритеты этого этапа – преимущественно стимулирование роста и развития реиндустриализации. Здесь предстоит также сформировать экономическую среду, создающую предпосылки для дальнейшего развития.

В следующей фазе этапа 1 желательно нарастить инвестиции в развитие экономической составляющей *Челябинской области* и юга *Тюменской области*, а также в развитие их когнитивной составляющей, чтобы повы-

сить плотность и качество их социокультурной и знаниевой инфраструктуры, помочь им преодолеть барьеры четвертой, переходной фазы ПМ и войти в фазу начала вторичной модернизации. Приоритетом развития этих регионов является содействие завершению реиндустриализации и одновременно переходу к информационной модернизации. В Челябинской области в основном расположены предприятия металлургической и машиностроительной промышленности, ориентированной на ВПК еще с советских времен. Эти крупные в прошлом и низкоэффективные предприятия существенно зависят от внешнеэкономической ситуации, имеют очень низкие показатели энергоэффективности, производительности труда и невысокий уровень заработной платы работников. Модернизация реального сектора экономики Челябинской области фактически не была проведена, поэтому в последние годы происходит торможение темпов экономического развития, даже по среднероссийским меркам.

Качество управления в Тюменской области (юг) несколько выше, регион отличается наиболее дифференцированным по отраслям, стабильным и сбалансированным экономическим развитием, высоким уровнем социального самочувствия. Основная проблема Тюменской области – чрезмерная доля бюджетного сектора, население предпочитает работать в сфере услуг, традиционно не развита производственная сфера. Такой перекоп создает ограничения для инновационного развития, и приводит к тому, что по показателям инновационной активности регион отстает даже от среднероссийского уровня.

На **этапе 2** необходимо увеличить долю затрат *ХМАО-Югры* и *ЯНАО* на преодоление энергосырьевой ограниченности их производства и на развитие высокотехнологичных отраслей. Прежде всего – на создание российской нефтегазохимии по переработке углеводородного сырья. Полной поддержки заслуживают выводы академика А.Э. Конторовича, сделанные им в докладе на научной сессии Общего собрания членов РАН в декабре 2014 года: «Поскольку в ЯНАО добывается огромное количество жирного газа, а мощ-

ности для его переработки и системы транспорта не созданы, то ценнейшее сырье (этан, пропан, бутаны) сжигается. За последние 10–15 лет сожжено ценнейшее сырье, цена которого на мировых рынках оставляет многие десятки и даже сотни миллиардов долларов США. Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН неоднократно ставил эти вопросы за последние 15 лет, но услышан ни государственными структурами, ни бизнесом не был...

Необходимо в кратчайшие сроки:

- Законодательно запретить добычу жирного газа в ЯНАО при отсутствии мощностей для его переработки и транспортировки продукта переработки;
- Создать в ЯНАО производственные мощности для переработки 120–150 млрд куб. м газа в год;
- Завершить строительство Новоуренгойского газохимического комплекса, приступить к проектированию и реализации второй очереди комплекса»²⁹.

²⁹ Конторович А.Э. Энергоресурсы Российского сектора Арктики, главные направления и методы их освоения // Научно-технические проблемы освоения Арктики. Научная сессия Общего собрания членов РАН 16 декабря 2014 г. М.: Наука. С. 36.

Технологическую поддержку решению этих задач могут оказать предприятия Свердловской, Челябинской и Тюменской областей. Это позволит автономным округам завершить предварительную фазу ВМ и войти в ее начальную фазу. Управленческая политика в северных автономных округах все послереформенные годы имела ярко выраженный социальный характер, поэтому социальные индексы, индексы качества жизни высоки.

Одновременно с первыми двумя этапами целесообразно осуществлять проекты по развитию следующего **этапа 3**, основным актором которого является модернизационный лидер УрФО – *Свердловская область*: необходимо повысить роль когнитивной составляющей модернизации этого региона и тем самым помочь ему повысить состояние модернизированности до типа 6 (аналогично Санкт-Петербургу, Московской области и Москве). Для этого требуется дальнейшее разгосударствление экономики округа и создание в ней реальной конкурентной среды.

Глава 8

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Общая характеристика округа

Географическое положение. Сибирский федеральный округ (СФО) располагается в азиатской части России, преимущественно на территории Западно-Сибирской равнины и Среднесибирского плоскогорья: это 5114,8 тыс. кв. км (30,09% территории России). На севере он омывается водами Северного Ледовитого океана, а на юге его естественные границы образуют Алтайские и Саянские горы. На юго-востоке, среди гор находится мировая жемчужина пресной воды – озеро Байкал. С горного юга на низменно-заболоченный северо-запад текут Обь и Енисей, которые входят в число крупнейших рек в мире. Округ граничит на западе с Уральским, а на востоке – с Дальневосточным федеральными округами Российской Федерации. На юге он имеет границы с республикой Казахстан, Монголией, Китайской Народной Республикой, является транспортным мостом России с этими и другими странами Восточной Азии; основой этого моста служит Транссибирская железнодорожная магистраль и ее возможное ответвление через Берингов пролив в Северную Америку.

В Сибирский федеральный округ входят 12 субъектов Российской Федерации: четыре республики – Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия; три края – Алтайский, Забайкальский¹, Крас-

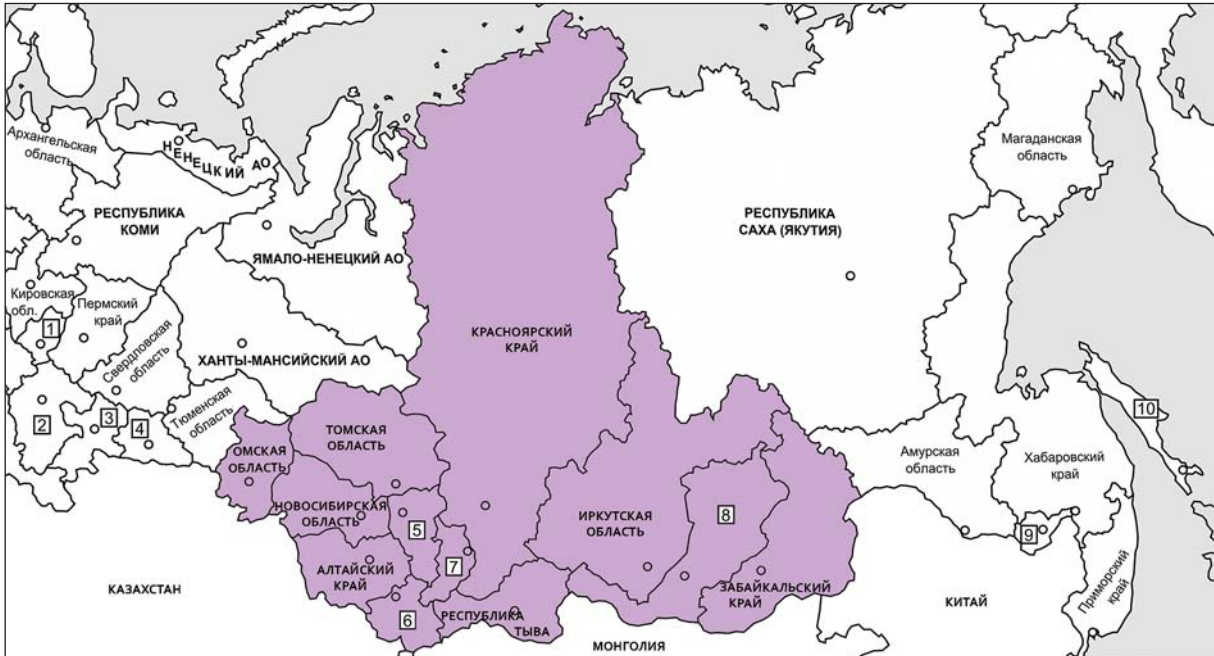
ноярский; пять областей – Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская (см. рис. 8.1). По состоянию на 1 января 2015 г. СФО включает в себя 4082 муниципальных образования и 3686 поселений (242 городские; 3444 сельские). Доля городских поселений составляет 6,57%, что ниже среднероссийского уровня (8,1%) на 1,53 п.п., значительно уступая Северо-Западному (16,18%), Центральному (11,39%) и совсем немного – Дальневосточному (6,75%) федеральным округам. Городское население составляет 72% от всего населения округа.

Административным центром СФО является Новосибирск, крупнейший город в азиатской части Российской Федерации, а также третий город России по численности населения (1548 тыс. чел. по состоянию на 1 января 2014 г.²). На территории Сибирского федерального округа расположены еще два города с населением свыше 1 млн человек: Омск (1166 тыс. чел.) и Красноярск (1036 тыс. чел.). Несмотря на низкую плотность и численность населения, по количеству городов-миллионников СФО уступает только Приволжскому федеральному округу (5 городов). Это свидетельствует о высокой для России концентрации урбанизированного населения округа.

¹ С 1 марта 2008 г. согласно Федеральному конституционному закону от 21 июля 2007 г. №5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» образован Забайкальский край. В состав края

вошел Агинский Бурятский округ как административно-территориальная единица с особым статусом. Сибирский федеральный округ. Официальный сайт. URL: <http://www.sibfo.ru/passport/region.php?action=art&nart=4224>

² Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. Росстат. Федеральная служба Государственной статистики.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Удмуртия; 2 – Башкортостан; 3 – Челябинская; 4 – Курганская; 5 – Кемеровская; 6 – Алтай; 7 – Хакасия; 8 – Бурятия; 9 – Еврейская; 10 – Сахалинская.

Рисунок 8.1. Карта административного деления СФО

Климатические условия. Территория СФО делится на Западную (к востоку от Урала и до р. Енисей) и Восточную (восточнее р. Енисей) Сибирь. Большая часть Западной Сибири закрыта от влияния атлантических воздушных масс Уральскими горами, что определяет увеличение континентальности климата и амплитуды изменения температур с запада на восток. Климатическая зима длится до 10 месяцев на севере СФО, 7–9 месяцев в его средней части и 4–5 – на юге (Алтай, Омская и Новосибирская области). Территория СФО является самой заболоченной частью Российской Федерации, что оказывает существенное влияние на температурный режим, влажность и характер освоения территорий для нужд хозяйственной деятельности.

Население и этнический состав

Ко времени присоединения к России, в первой половине XVII в., Сибирь была малозаселенной: на огромной территории проживало

примерно 200 тыс. человек³. Это были преимущественно тюрки (алтайцы, казахи, тувинцы, хакасы), а также ханты, манси, буряты, эвены, эвенки, юкагиры; имелось и русское старожильческое население («чалдоны»). Они занимались скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством. Их малозаселенные территории стали занимать производственно не конкурировавшие с ними земледельцы – русские крестьяне, в массовом сознании которых уже сформировалась «миграционная парадигма»: готовность к переселению из европейских территорий, где преследовались раскольники и ужесточались крепостнические отношения, за Урал, прежде всего в Западную, затем и Восточную Сибирь. Более того, в 1760 г. помещикам было дано право ссылать крестьян в Сибирь на поселение, с зачетом их за рекрутов; через полвека Александр I отменил это право, а незадолго до своей кончины восстановил его. Николай I в 1843 г. издал Указ о правитель-

³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 27.

ственной поддержке переселений в Сибирь; по этому указу до отмены крепостного права переселились более 50 тысяч государственных крестьян. Затем переселение продолжалось спонтанно, чему весьма способствовало строительство Великой Сибирской железной дороги (1891–1916). В 1889 г. Александр III издал Переселенческий закон, который ограничивал самовольные переселения и поощрял плановую, организованную миграцию в Сибирь; в 1896 г. при Министерстве внутренних дел было создано Переселенческое управление для поощрения переселения в Сибирь⁴. Миграция на восток получила новые стимулы под воздействием аграрных реформ Столыпина. В результате население Севера, Сибири и Казахстана с середины XVIII до начала XX столетий выросло в 10 раз: примерно с 500 тыс. до 5 млн человек; при этом в Сибири русские составляли около 77% населения⁵. Из европейской России мигрировали также украинцы и белорусы. В советское время государство продолжало поддержку прирастания России Сибирью, обеспечивая организованную, планируемую миграцию и повышенные условия жизни населения Сибири. Работать в Сибири, в том числе на северных территориях, было выгодно и престижно. Именно тут было создано наибольшее число городов и поселков «на пустом месте». Уровень жизни населения был существенно выше, чем в европейской части России. Численность населения за годы советской власти увеличилась втрое⁶.

К настоящему времени сложилось многоэтническое сибирское сообщество. В нем представителей коренных сибирских этносов обычно называли «тадар», «татары», а представителей славянских этносов – «хазах», «орос», «русский». У этих этносов возникли общие черты «сибирского менталитета». С одной стороны, в общественном сознании всех россиян (в том числе сибиряков) Сибирь становилась Россией по мере включения ее

образа в базовые структуры российского и собственно русского самосознания. С другой стороны, происходила трансформация ее образа от «чужого» к «своему иному», к Сибири как «русской Америке», стране предприимчивых людей, с сильным здоровым характером, которые при этом лишены высокомерия по отношению к другим сибирским народам⁷.

Согласно результатам всероссийской переписи населения в 2010 г., языковой состав населения СФО очень разнообразный, однако с выраженным преобладанием языков индоевропейской языковой семьи (89,22% населения СФО), в числе которых наиболее широко представлены – славянская группа (87,39%), германская (1,03%), армянская (0,33%) и иранская (0,13%) группы языков. Существенную долю среди родных языков для жителей СФО составляют языки, относящиеся к алтайской языковой семье (7,28%), уральской (0,29%).

По оценкам 2015 г., численность постоянного населения Сибирского федерального округа составляет 19 312,2 тыс. чел. (13,5% численности России), что на 0,1% выше показателя 2014 г. Однако, несмотря на то, что начиная с 2012 г. численность постоянного населения СФО ежегодно растет (кумулятивный прирост за период 2012–2015 гг. составил 52 тыс. чел. или 0,2% к показателю 2012 г.), начиная с 1993 г. численность населения постоянно убывала и сейчас составляет только 94% к показателю 2000 г. и 91,3% к уровню 1992 г. Тем не менее, несмотря на положительную динамику, численность населения увеличивается более низкими темпами, чем по Российской Федерации в целом (менее 0,1% прирост в 2015 г. по сравнению с 0,2%). При этом плотность населения округа невелика: 3,7 чел. на 1 км².

Анализ данных табл. 8.1 показывает устойчивое увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, которая на конец 2013 г. составила 690 человек на 1000 чел. трудоспособного населения, что на 8,1% больше, чем в 2011 г., и что выше общероссийского показателя за аналогичный период, который составил 6,8%. Общий

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России. 3-е изд. Т. 2. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. С. 426–434.

⁵ Там же. Т. 1. С. 22–23.

⁶ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS, 2011. С. 197.

⁷ См.: Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Отв. ред. В.Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. С. 60–64.

Таблица 8.1
**Коэффициент демографической нагрузки
 в 2011–2013 гг. (чел.)**

Регион	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов								
	Всего			Моложе трудоспособного возраста			Старше трудоспособного возраста		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Сибирский ФО	638	663	690	296	308	321	261	355	369
Российская Федерация	643	664	687	271	280	290	372	384	397

уровень демографической нагрузки в 2013 г. практически достиг среднего уровня по Российской Федерации, однако соотношение по категориям населения, находящегося за пределами трудоспособного возраста, расходится с общероссийской тенденцией: если по Российской Федерации демографическая нагрузка на 57,7% обусловлена численностью населения старше трудоспособного возраста, то в СФО – только на 53,4%, что более благоприятно с точки зрения актуальной проблемы «старения» населения.

Ожидаемая продолжительность жизни в 2013 г. составила 68,63 года при общероссийской 70,76 лет; таким образом, по данному показателю имеется отставание на 2,13 года (для мужчин – на 2,39 года). Несмотря на то, что за 2000–2010 гг. ожидаемая продолжительность жизни в СФО увеличилась на 4,33 года, в целом СФО продолжает занимать предпоследнее место среди федеральных округов, опережая только Дальневосточный федеральный округ (67,81 лет в 2013 г.).

Социально-экономические показатели, их дифференциация по регионам. Валовый региональный продукт в 2011 г. составлял 10,6% ВВП России. Доля округа в общем объеме промышленного производства РФ в 2011 г. составила 12,4%. Доля СФО в общей протяженности железных дорог России – 17,5%.

В 2011 г. среди регионов СФО наибольший показатель валового регионального продукта на душу населения принадлежал Красноярскому краю (на 24,5% превышая

среднероссийский показатель), наименьший – Республике Тыва⁸. Низкими показателями отличались также Республика Алтай и Алтайский край. Эти три региона можно назвать промышленными аутсайдерами в Сибирском федеральном округе.

Сибирь имеет серьезные конкурентные преимущества по сравнению с западными и южными регионами России в области проектирования социокультурной модернизации. Они представлены в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2010 г., № 1120 р. Есть и многолетний положительный опыт системного изучения и решения ряда проблем в рамках Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». Наконец, следует рассматривать как позитивный фактор, способствующий эффективной модернизации регионов Сибири, специфику менталитета ее жителей, которая заключается в самостоятельности, открытости новому, готовности к преодолению трудностей.

В последнее время наблюдается серьезное отставание отдельных регионов Сибири по ряду важных показателей от регионов страны, лежащих к западу от Урала и в самом округе. Существует противоречие между высоким экономическим и природно-ресурсным потенциалом большинства регионов, входящих в состав Сибирского Федерального округа, с одной стороны, а также неадекватным этому уровнем их модернизации и ее перспективами – с другой. В контексте сформулированной руководством РФ приоритетности социокультурного, социально-экономического и геополитического развития Сибири и Дальнего Востока России это отставание представляет актуальную научную и практическую проблему.

В целом для СФО характерно сохранение несбалансированности как отдельных социально-экономических показателей модернизации, так и интегрированного состояния модернизации.

⁸ Федеральная служба государственной статистики, Паспорт Сибирского федерального округа.

Состояние и динамика модернизации Сибирского федерального округа и его регионов

Данные табл. 8.2 и карто-схемы (рис. 8.2) позволяют заключить, что в целом СФО нахо-

дился в 2010–2012 гг. на стадии первичной модернизации, в ее фазе зрелости. Он отставал от УрФО, который уже поднялся в начальную фазу вторичной модернизации, но был сопоставим с Приволжским и Дальневосточным округами, образуя вместе с ними средний по состоянию модернизированности кластер федеральных округов России.

Таблица 8.2

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ Динамика состояний (типов) модернизированности регионов и несбалансированность основных составляющих модернизации (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)*

Регионы	Динамика состояний (типов) модернизированности			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010/2012	2010/2012			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
<i>(2.3) Застой ВМ (тип 4, фаза начала). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
Кемеровская обл.	4	4	4/4	0,152/0,180	Н / НС	эк., зн. / эк, зн.	соц. /соц.
<i>(2.2) Неустойчивость ВМ (между типами 3 и 5). Отстает экономическая составляющая</i>							
Томская обл.	3	4	3/5	0,175 / 0,214	Н / НС	эк. /эк	соц., зн./соц, зн.
<i>(2.1) Переход к ВМ (к типам 4, 5, фаза роста) [В целом РОССИЯ] Опережают социальная, а также когнитивная составляющие</i>							
РОССИЯ	3	3	5/5	0,540 / 0,969	ВС / В	эк.,зн./эк, зн.	соц. /соц.
Новосибирская обл.	3	3	3/5	0,300 / 0,582	НС / В	эк. /эк.	соц, зн. /соц, зн.
Красноярский край	2	2	3 / 4	0,268 / 0,556	НС / ВС	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
<i>(1.3) Заторможенное повышение ПМ (к типу 3/3, фаза зрелости)[В целом СФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
Сибирский ФО	2	2	3/3	0,257 / 0,371	НС / С	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
Иркутская обл.	2	2	3/3	0,222 / 0,275	НС / НС	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
Омская обл.	2	2	3/3	0,193 / 0,268	НС / НС	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
<i>(1.2) Заторможенное повышение ПМ (к типу 2, фаза роста). Отстают экономическая и/или когнитивная составляющие</i>							
Респ. Тыва	1	1	2/2	0,278 / 0,388	НС / С	зн. /зн.	эк., соц. /эк, соц.
Алтайский край	1	1	1 / 2	0,213 / 0,282	НС / НС	эк., зн. /эк., зн	соц. /соц.
<i>(1.1) Застой ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>							
Респ. Бурятия	2	2	2/2	0,267 / 0,307	НС / НС	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
Забайкальский край	2	2	2/2	0,169 / 0,200	Н / НС	эк., зн. /зн.	соц. /эк, соц.
Респ. Хакасия	2	2	2/2	0,145 / 0,199	Н / НС	эк., зн. /эк, зн.	соц. /соц.
Респ. Алтай	1	1	1/1	0,485 / 0,440	ВС / ВС	эк., зн. /зн.	соц. /эк, соц.

Обозначения, источник. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов - «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

К 2012 г. в СФО индекс первичной модернизации повысился с 96,9% до 99,7%, а округ переместился с 7-го места на 5-е среди других ФО России. Индекс вторичной модернизации также немного поднялся (до 65,2%), но в итоге СФО разделит с Северо-Кавказским ФО 7-е и 8-е места. По индексу сбалансированности вторичной модернизации (0,04) СФО переместился с 4-го на 5-е место. Интегрированный индекс двух его стадий модернизации составил 60,5%, что также означало снижение позиции округа (с 6-го на 7-е место). Интегрированный индекс сбалансированности модернизации составил всего 0,371, что в 2,6 раза ниже данного показателя по России в целом и соответствует 5-му месту среди федеральных округов. Обобщенные индексы модернизации регионов СФО выражают, как правило, отставание экономической и когнитивной составляющих модернизации, но в разных регионах округа эти противоречия имеют различные результаты. Прежде всего, необходимо отметить, что четыре наиболее развитых региона округа уже преодолели барьеры высшей фазы первичной стадии модернизации и вступили в начальные фазы вторичной, информационной модернизации. Первой в СФО это сделала Кемеровская область: уже в 2000 г. она вступила в подготовительную фазу вторичной модернизации (состояние/тип модернизированности 4) и устойчиво находится в этом состоянии. В 2005 г. Томская область также вошла в подготовительную фазу этой стадии (из типа 3 в тип 4), но уже в 2008 г. вновь оказалась на стадии первичной модернизации (тип 3) и оставалась в ней до 2011 г.; но в 2012 г. она не только восстановила утраченные позиции, а и продвинулась дальше – в состояние (тип) 5 – рост ВМ. Почти синхронно, в 2011 г., состояние модернизированности Красноярского края повысилось из типа 3 в тип 4. В 2012 г. Новосибирская область переместилась из типа 3 сразу в тип 5 модернизированности.

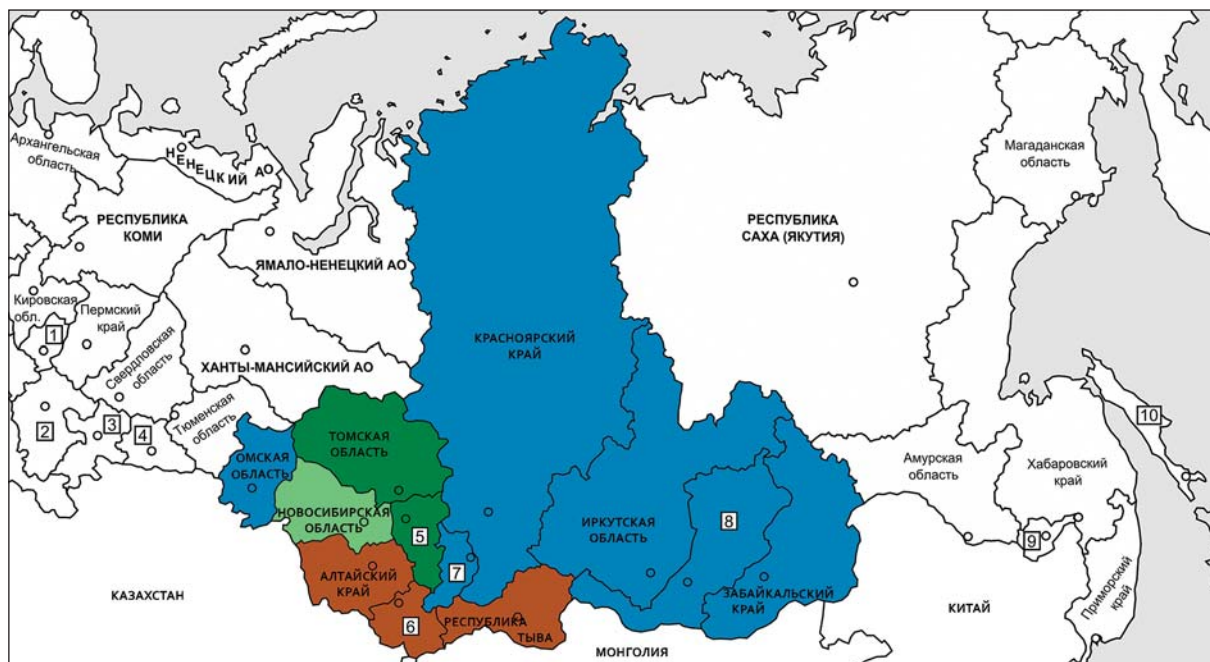
Но в целом перед СФО, как и другими федеральными округами России, стоят задачи завершения первичной, индустриальной модернизации и одновременно – перехода к информационной ее стадии. В данном

контексте важно развитие информационных технологий, повышение доступности и качества образования, развитие научных исследований, повышение роли ценностей изобретательства, престижа заявок на получение патентов, в том числе на способы сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. Важно также развивать и компоненты аграрной цивилизации. Такие задачи актуальны для Красноярского края, Иркутской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Для Алтайского края и Республики Алтай сохраняются задачи становления компонент индустриальной модернизации.

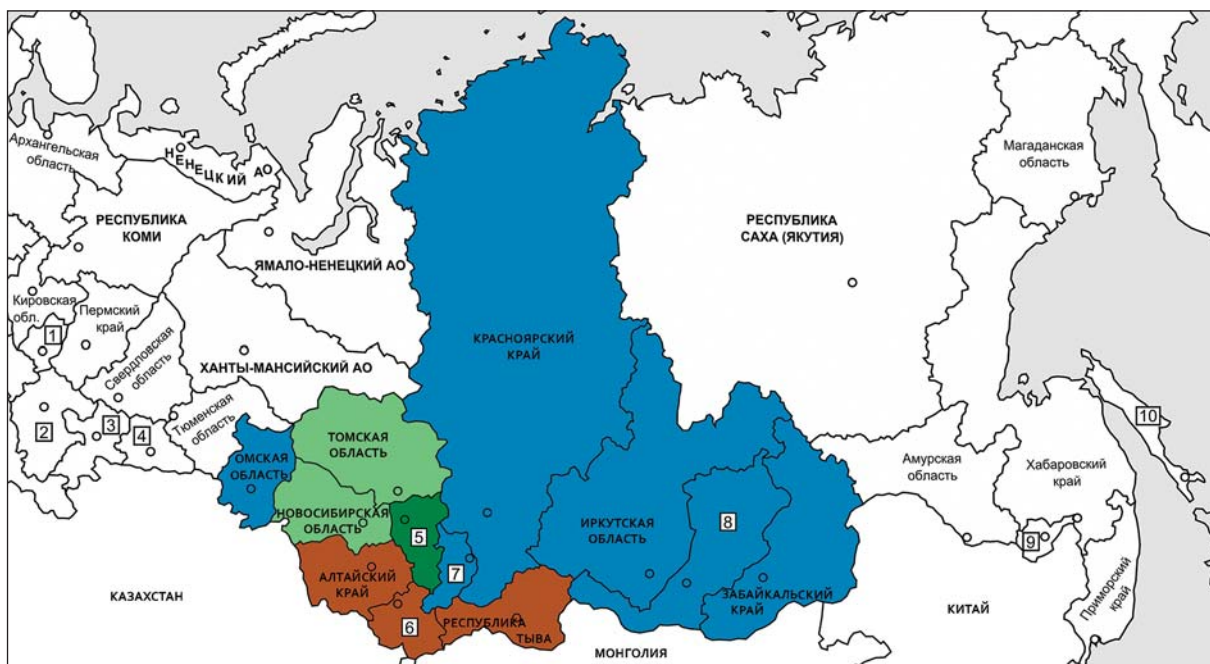
Технико-технологическая компонента. Прежде всего, следует сказать о природно-ресурсных предпосылках этой компоненты. Территория СФО составляет 30% территории России. Она богата природными ресурсами: здесь сосредоточены 85% общероссийских запасов свинца и платины, 80% угля и молибдена, 71% никеля, 69% меди, 44% серебра, 40% золота. В 2012 г. объем добычи угля составил 298 234 тыс. тонн (83,4% от совокупной добычи угля в Российской Федерации), а запасы древесины составляют 40,2% от совокупных запасов Российской Федерации. Промышленность регионов СФО в значительной степени формировалась в рамках военно-промышленного комплекса. За последние два десятилетия оборудование обновлено не более чем на 12%, что обостряет проблемы промышленной безопасности. Наиболее успешно обновление оборудования произошло в нефтехимической и нефтеперерабатывающих отраслях (от 20 до 40%). Практически в каждом из регионов происходят промышленные и технологические аварии, угрожающие экологической безопасности.

Социально-экономическая компонента. Развитие социокультурной компоненты модернизации в регионах Сибирского федерального округа происходит неравномерно, существуют значительные различия в значениях большинства ключевых социально-экономических показателей как между субъектами, входящими в СФО, так и в сравнении с общероссийскими значениями в целом.

2005 г.

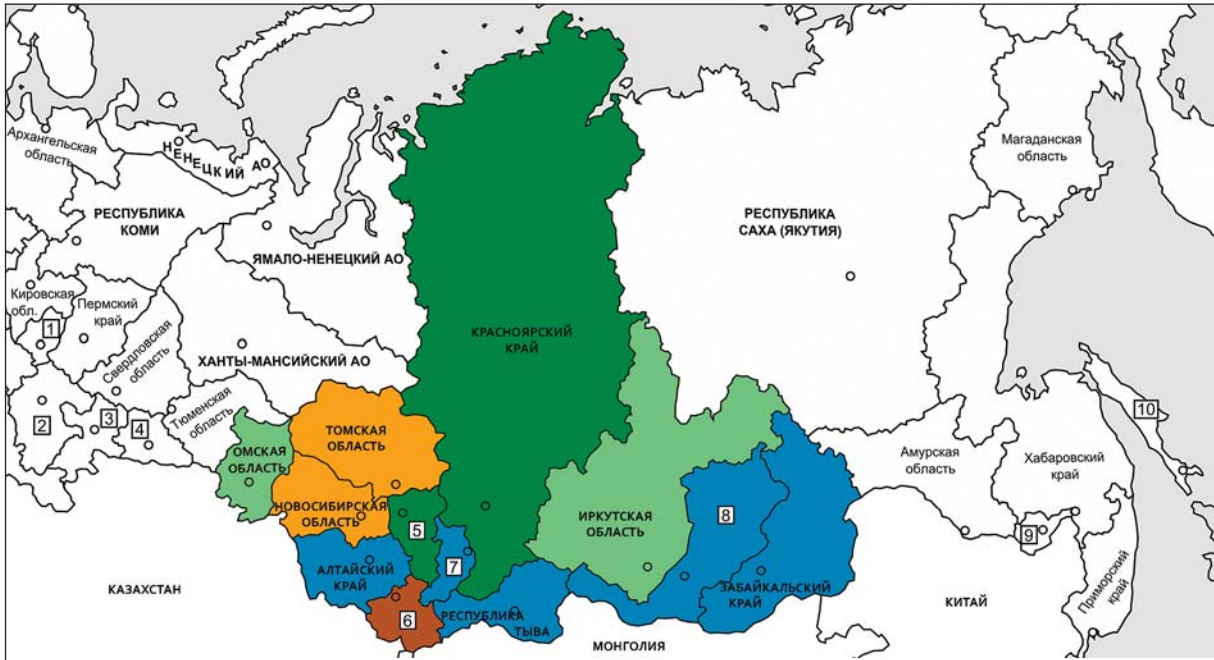
2000 г.

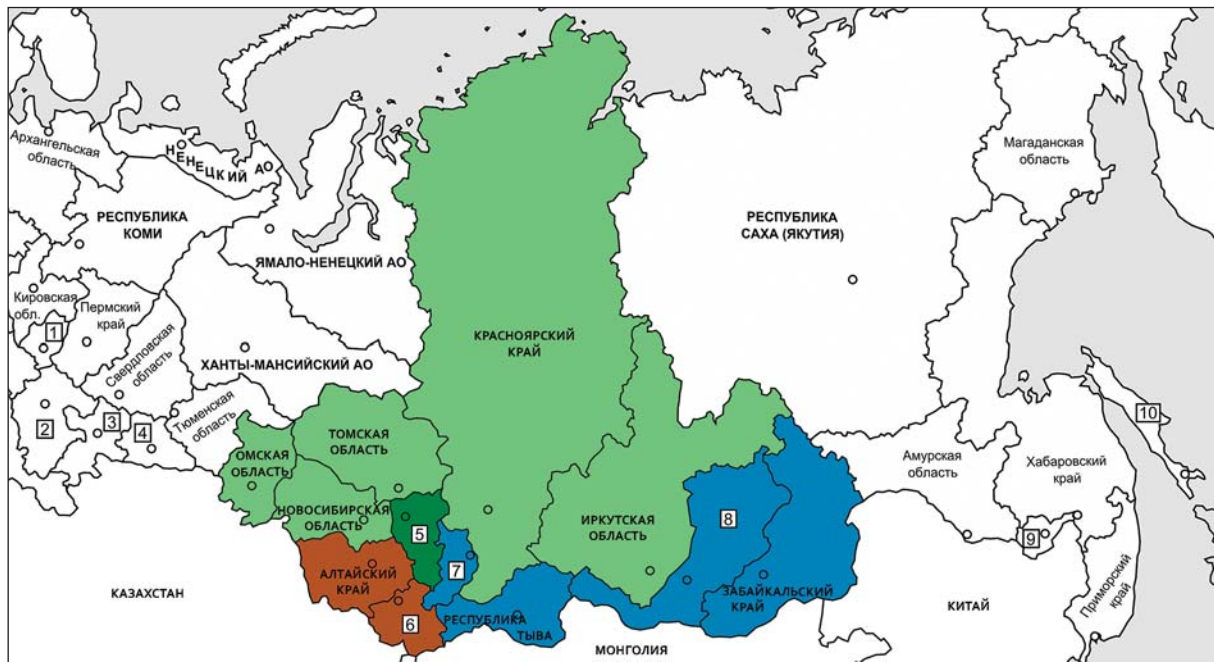
Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>

Рисунок 8.2. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Сибирского федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный	ПМ: зрелость; ниже среднего	ПМ: зрелость; средний выше среднего	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше среднего, средний	ВМ: рост; высокий, выше среднего

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Удмуртия; 2 – Башкортостан; 3 – Челябинская; 4 – Курганская; 5 – Кемеровская; 6 – Алтай; 7 – Хакасия; 8 – Бурятия; 9 – Еврейская; 10 – Сахалинская.

Анализ валового регионального продукта в 2013 г.⁹ показывает, что значения данного показателя существенно варьируют по регионам СФО – от 134 194 руб. в республике Тыва, до 440 994 руб. в Красноярском крае. В целом, только ВРП двух субъектов СФО – Красноярского края (440 994 руб. на душу населения в 2013 г.) и Томской области (377 203 руб. на душу населения в 2013 г.) превышают среднероссийское значение (3 762 383 руб. на душу населения в 2013 г.). Значения ВРП еще четырех регионов СФО в 2013 году составили более 70% среднероссийского значения – Иркутская область (87% от среднего по России), Новосибирская область (80%), Омская область (75%) и республика Хакасия (71%). Эти данные соотносятся с показателями первичной и вторичной модернизации, представляя регионы, находящиеся в стадии перехода к следующей стадии модернизации. Более чем трехкратный разрыв между наивысшим и низшим показателем ВРП еще раз подчеркивает неравномерность процессов модернизации именно в социально-экономическом аспекте, характерную для регионов Сибирского федерального округа.

Неравномерность показателей развития социоэкономической компоненты прослеживается и при анализе ожидаемой продолжительности жизни населения в разрезе субъектов Сибирского федерального округа¹⁰.

В целом по СФО ожидаемая продолжительность жизни составляет в 2014 г. 68,85 лет, что на 3% ниже среднего по стране значения (70,93 года в 2014 г.). Ни в одном субъекте СФО продолжительность жизни не достигает среднероссийского уровня, но в Томской, Омской и Новосибирской областях этот показатель незначительно отличается от его значения. Суровые климатические условия, относительная неразвитость социальной инфраструктуры, затрудненное транспортное сообщение – все эти факторы оказывают негативное влияние на продолжительность жизни в СФО.

⁹ Данные Росстата по списку субъектов Российской Федерации по ВРП на душу населения в 2013 г. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#;

¹⁰ Данные Росстата относительно ожидаемой продолжительности жизни в субъектах РФ: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2415003>

В этом контексте особенно важно, что по сравнению с 2012 годом ожидаемая продолжительность жизни населения в СФО выросла на 1,2%, что свидетельствует о результативности социально-демографической политики в регионах СФО.

Денежные доходы населения в субъектах СФО росли с 2000 года, повторяя динамику роста по России в целом. Несмотря на существенный рост денежных доходов во всех субъектах, их величина остается ниже общероссийского уровня, составляя 78% по СФО в целом. Наивысшие денежные доходы населения по федеральному округу – в Красноярском крае (24 922 руб. в 2013 г.), но даже этот максимальный показатель на 4% ниже среднероссийского значения (рис. 8.3).

В большинстве субъектов денежные доходы на 15–20% ниже чем по стране в целом, однако есть регионы, где они составляют половину от общероссийского уровня (республика Тыва (51%) и Алтайский край (56%). Столь значительная дифференциация не может не сказываться на качестве жизни населения, инвестиционной активности, социально-экономической эффективности региональной экономики и процессов модернизации в целом. Безусловно, развитие отдельных регионов СФО и повышение их интегрированности в цивилизационные процессы модернизации является одним из приоритетных направлений социальной и экономической политики, стратегии развития СФО в целом.

Социокультурная компонента модернизации

Характеризуя культурный потенциал населения СФО, целесообразно обратить внимание на тренды показателей функционирования системы высшего профессионального образования (ВПО) (рис. 8.4).

Динамика численности студентов, обучающихся по программам высшего профессионального образования, в целом повторяет общероссийскую тенденцию сокращения числа студентов, но имеет менее выраженный характер. За последние три года темп ежегодного роста численности студентов составлял

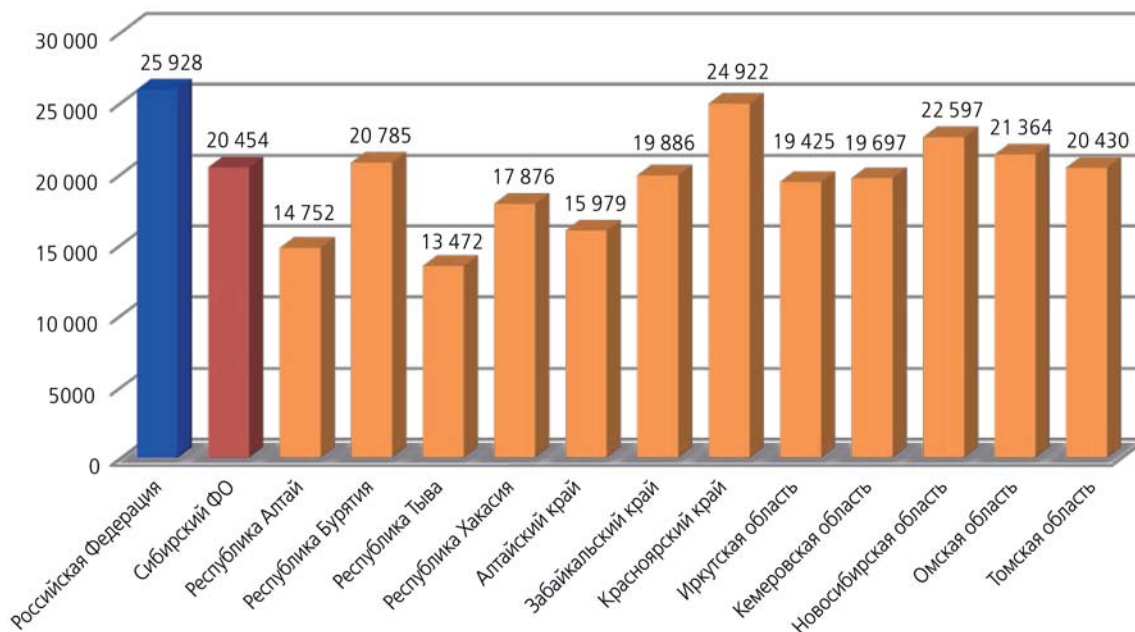

Рисунок 8.3. Денежные доходы населения по субъектам СФО в 2013 г.

не менее 0,93 (по Российской Федерации – не менее 0,92), а среднее сокращение за рассматриваемый период составило 5,0% в год (6,4% в год по Российской Федерации).

Новым «городом студентов», почти вдвое опередившим Томск по числу вузов и студентов, стал Новосибирск. Возможность получить качественное высшее образование привлекает в Новосибирск молодежь из других регионов Сибири и Дальнего Востока. Вузы Новосибирской области ежегодно выпускают около 30 тыс. специалистов с дипломами о высшем профессиональном образовании. Образовательный процесс поддерживается услугами почти двух тысяч библиотек. Осуществляются целевая программа по обеспечению модернизации образования, проект развития региональной системы оценки качества образования и др.¹¹

Новосибирская область занимает первое место в СФО как по количеству организаций, выполняющих исследования и разработки,

так и по внутренним затратам на их проведение. Центром ее научного и инновационного потенциала является Академгородок, специалисты которого тесно взаимодействуют с компаниями наукоемкого бизнеса. Однако в последние годы Новосибирский научный центр столкнулся с серьезными проблемами при реализации утвержденных планов (создание технопарка на базе Академгородка и др.). Не решены проблемы создания современной технологической инфраструктуры, жилья для молодых специалистов и др.¹² В последние годы добавились сомнительные «укрупнения» научных организаций в ходе реорганизации Российской академии наук. Тем не менее, в 2014 г. Новосибирская область вошла в число лидеров округа по доле инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции: 10,0% против 3,5% по СФО в целом¹³.

Отмечена позитивная динамика структуры *удовлетворенности своей жизнью в целом* населения СФО (см. табл. 8.3). Так,

¹¹ См.: Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации. Отв. ред. В.И. Игнатьев. Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет, 2013. С. 61-80.

¹² Там же. С. 14-142.

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2015. Табл. 21.18.

согласно результатам всероссийского мониторинга ЦИСИ в 2010 и 2015 гг., доля людей, полностью удовлетворенных и скорее удовлетворенных своей жизнью в РФ в целом за 5 лет не изменилась и составляет около 60%; в СФО эта доля повысилась и сравнялась со среднероссийской. Соответственно, доля совсем не удовлетворенных и не очень удовлетворенных жизнью заметно снизилась и стала меньше среднероссийской.

Росту удовлетворенности своей жизнью в целом соответствует повышение уверенности жителей СФО в своем будущем: доля вполне уверенных и скорее уверенных в своем будущем повысилась более чем в два раза и стала немного выше среднероссийской, а доля скорее неуверенных и совершенно неуверенных снизилась и сравнялась со средней в Российской Федерации (см. табл. 8.4).

Характеризуя экономическую активность населения СФО, необходимо отметить, что для Сибири, как и для всей России, актуальна проблема «старения» населения, выражающаяся в сокращении численности занятых на одного пенсионера (в среднем за год) и в снижении уровня экономической активности. СФО характеризуется невысоким уровнем экономической активности (66,6% в 2012 году по сравнению с 68,7% по Российской Федерации) и этот показатель продолжает снижаться, начиная с 2010 года, что противоречит обще-

российской тенденции роста уровня экономической активности.

По данным выборочных обследований по проблемам занятости, в первом квартале 2015 года уровень безработицы в СФО составил 7,8%, что значительно превышает общероссийский показатель, равный 5,7%. Анализируя данные в разрезе субъектов РФ, входящих в состав СФО, можно отметить высокую степень дифференциации уровня безработицы: от 19,2% в Республике Тыва (превышение общероссийского показателя на 13,5 п.п.) до 4,8% (ниже общероссийского значения) в Хакасии и 6,17% в Красноярском крае. Доля безработных с высшим и средним профессиональным образованием ниже, чем в целом по России (14% по сравнению с 17,4%), в то время как доля безработных, имеющих только основное общее образование, либо не имеющих образования вообще – наоборот, превышает общероссийский уровень на 4 п.п. и 0,7 п.п. соответственно. Это позволяет сделать вывод о повышенной значимости образовательного фактора в сфере занятости для населения СФО.

Правопорядок и правонарушения. Количество преступлений и состояние правопорядка является важной социокультурной характеристикой федерального округа. С 2006 г. число зарегистрированных преступлений на территории СФО продолжает снижаться. Тем не менее, СФО занимает второе место по количеству зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек (после Дальневосточного ФО). С другой стороны, необходимо отметить высокую степень дифференциации уровня правонарушений среди субъектов округа (см. табл. 8.5).

Анализ данных показывает, что в составе СФО находятся два региона с наиболее высоким уровнем преступности на 100 тыс. человек – Забайкальский край (2953) и Республика Хакасия (2602), которые занимают первое и второе места по данному показателю среди всех субъектов Российской Федерации. Самый низкий уровень преступности в СФО с 2008 г. регистрируется в Омской области; он составил в 2014 г. 1468 на 100 тыс. человек, что на 2,1% ниже общероссийского уровня и на 27,8% ниже показателя по САJ в целом.

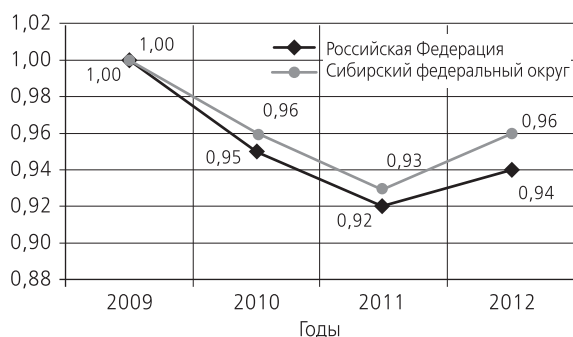

Рисунок 8.4. Темпы изменения численности студентов ВПО в Сибирском ФО и в Российской Федерации, 2009–2012 гг., (% к предшествующему году)

Таблица 8.3

**Степень удовлетворенностью жителей СФО
своей жизнью в целом**

	Полностью удовлетворены, скорее удовлетворены		Затрудняются сказать точно		Совсем не удовлетворены, не очень удовлетворены	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
Российская Федерация	59%	59%	15%	13%	26%	28%
Сибирский ФО	47%	59%	11%	19%	35%	22%

В 2014 г. на территории СФО зарегистрировано 14 431 преступление, совершенное несовершеннолетними или при их участии, что на 10% ниже значения 2011 г. Подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на тенденцию к сокращению количества преступлений и укреплению правопорядка, по состоянию на 2014 г. показатели преступности в СФО являются одними из наиболее высоких среди федеральных округов и значительно превышают общероссийские.

Стратегия социально-экономического развития СФО и проблемы, препятствующие модернизации регионов округа

5 июля 2010 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1120-р была утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. Она разработана с учетом Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и включает в себя территории всех регионов СФО. Стратегическая цель определена как устойчивое повышение уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа и доведение основных социально-экономических показателей СФО до

Таблица 8.4

**Степень уверенности жителей СФО
в своем будущем**

	Вполне уверены, скорее уверены		Затрудняются ответить		Совершенно не уверены, скорее не уверены	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
Российская Федерация	50%	52%	22%	19%	28%	29%
Сибирский ФО	26%	54%	21%	17%	53%	29%

среднероссийских значений. Сформировавшееся отставание многих показателей социально-экономической сферы СФО по сравнению с общероссийским уровнем связано с наличием специфических вызовов и угроз, которые приходится преодолевать в процессе развития Сибирского федерального округа. К таким вызовам относятся: резкие изменения цен на мировых рынках сырья, затрудняющие оценку перспектив экономического развития и снижающие инвестиционную привлекательность Сибири для частного бизнеса; суровые климатические условия; чрезмерная ориентация экономики на внешние рынки; неблагоприятная институциональная среда и транспортная удаленность от развитых регионов страны и мировых рынков.

Несмотря на это, к 2021 г. предполагается провести модернизацию экономики на инновационной основе, завершить реализацию основных проектов транспортного и энергетического строительства, крупных ресурсных проектов, добиться создания комфортной среды жизнедеятельности населения. Вместе с тем, важнейшие положения этого документа трудно реализуемы.

Как население воспринимает реальность решения таких задач? В ходе исследования, проведенного в начале 2015 г. в Красноярском крае (n = 1588, метод – полуструктурированное интервью) был задан вопрос: «В течение ряда лет официально провозглашена и реализуется политика модернизации нашей страны.

Таблица 8.5

**Число зарегистрированных преступлений
в регионах СФО, 2014 г.**

Субъекты РФ, входящие в СФО	Число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек	Место в РФ
Российская Федерация	1499	
Сибирский ФО	2038	2
Республика Алтай	2044	18
Республика Бурятия	2579	4
Республика Тыва	2106	13
Республика Хакасия	2602	2
Алтайский край	1847	23
Забайкальский край	2953	1
Красноярский край	1973	12
Иркутская область	2200	10
Кемеровская область	2271	8
Новосибирская область	1699	26
Омская область	1468	43
Томская область	1923	22

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., Росстат, 2015. Табл. 8.

Что лично Вы получили от модернизации нашего региона? Пожалуйста, расскажите подробно»¹⁴. 23% респондентов считают, что модернизация была видна в позитивном изменении уровня жизни населения (повышение зарплат, выделение квартир и помощь социально необеспеченным слоям населения, улучшение уровня образования, изобилие продуктов магазинах, появление новых технологий и создание большего числа предприятий, развитие культурных ценностей региона и повышение уверенности людей в завтрашнем дне). 8% опрошенных увидели политику модернизации в строительстве новых домов и дорог, также в увеличении количества строительства детских садов, школ и больниц. 2% жителей региона отметили проявление

модернизации в развитии интернета, сотовой связи, появлении электронных очередей, спутниковой навигации, в общем, в совершенствовании различных информационных систем и ресурсов. Лишь один процент ответов касается медицины: политика модернизации хорошо заметна в системе здравоохранения и медицине, это видно по появлению нового оборудования, строительства множества больниц, улучшению качества обслуживания и получению доступа к любому «узкому» специалисту; однако 56% респондентов не видят никакой модернизации, либо их лично она не коснулась. Наконец, каждый десятый из респондентов не знал, что ответить на данный вопрос, либо отказывались отвечать на него, либо вопрос был им не понятен.

Отсюда следует, что социокультурная модернизация в регионе еще мало ориентирована на насущные потребности населения, прежде всего, на обеспечение его безопасности и повышение благополучия.

Большая часть предприятий на территории современного Сибирского федерального округа создавалась с целью удовлетворения потребностей западных регионов страны. Соответственно, внутрирегиональный рынок, сам по себе малоемкий, в условиях распада существовавших хозяйственных связей оказался не в состоянии заменить традиционных потребителей добываемого на территории сырья. Это во многом привело к закрытию существовавших ранее в Сибири предприятий и сокращению производств, т.е. к деиндустриализации.

Следует указать и на такой важный социокультурный фактор, препятствующий модернизации регионов СФО, как миграционные процессы. Население уезжает из Сибири опережающими темпами: «если Россия в целом с 1989-го по 2010 г. потеряла 3,5% населения, то СФО – 8,6%» [12]. По данным Новосибирскстата, в I полугодии 2013 г. миграционная убыль численности населения Сибирского федерального округа составила 6,056 тыс. человек. «Среди регионов СФО наибольшая миграционная убыль наблюдалась в Иркутской области, где число выбывших в другие государства и регионы РФ превысило прибывших на 3594 чело-

¹⁴ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

века», – говорится в сообщении. Наибольший миграционный прирост сложился в Новосибирской области (5624 чел.). Миграционный прирост также отмечен в Красноярском крае (469 чел.), Томской области (345 чел.), Хакасии (363 чел.) и Республике Алтай (137 чел.) [3]. В частности, в Красноярский край большинство мигрантов прибыли из стран СНГ: Кыргызстана, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и Армении (см. Миграция населения Красноярского края в 2011 г.)¹⁵.

Согласно исследованиям, мигранты обладают в целом более низкой квалификацией, нежели эмигранты из Сибири. Как показало проведенное нами в 2013 г. полужформализованное интервью со 143 экспертами в г. Красноярске, на открытый вопрос «Как Вы думаете, влияет ли качество жизни населения края на отток квалифицированных специалистов из региона или здесь главными выступают другие причины? Какие именно?» утвердительно ответили 76% опрошенных. К числу других причин относят, прежде всего, отсутствие жилья для специалистов и места приложения их труда¹⁶.

Как известно, важным показателем социального неблагополучия выступает смертность по социальным причинам. «Самое большое число смертей по социальным причинам – самоубийства, случайные отравления алкоголем – зафиксировано в Сибирском федеральном округе – 58,8 смертей на 100 тыс. населения, что более чем в 1,5 раза превышает среднероссийские показатели... динамика смертности населения по социальным причинам за последние 20 лет, с 1990 по 2010 г. несколько снизилась в 4 федеральных округах (ЦФО, СЗФО, ЮФО, УФО), в 3 округах (ПФО, СФО, ДФО) наблюдается увеличение в сравнении со средними для России значениями; в СФО он увеличился на 42,6

процентных пункта – с 117,1 % (1990 г.) до 159,7 % (2010 г.)»¹⁷.

Структура ценностей элиты и населения. Не вызывает сомнения, что эффективность модернизационных процессов в регионе во многом определяется субъективными качествами работников сферы управления. На основе исследований, проведенных в Красноярском крае в 2014 г. (формализованное интервью: n=1000 респондентов по репрезентативной выборке с жителями региона а также полужформализованное интервью с 50 представителями политической элиты региона, работающими в Законодательном собрании, правительстве, администрации губернатора Красноярского края)¹⁸, в ходе анализа ценностные ориентации двух групп управленческо-политической элиты (представителей законодательной и работников исполнительной власти) сравнивались с ориентациями населения региона¹⁹.

Нами проанализированы ориентации на базовые ценности на основании «Социокультурной модели базовых ценностей» Н.И. Лапина. *Интегрирующее ядро* ценностей политической элиты региона составляют: работа, жизнь человека, независимость, инициативность, свобода. Население края выдвигает, в основном, иные ценности: жизнь человека, семья, порядок, общительность. *Конфликтотенная периферия* у политической элиты региона включает три ценности: традиция, властность, своевольность. В известной мере, солидарны с ними и жители края, кото-

¹⁵ Миграция населения Красноярского края в 2011 году // Бизнес портал Красноярского края. URL: <http://www.krasnoyarsk.biz/release/21133>

¹⁶ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)» проект № 13-03-00379.

¹⁷ Ефимов В.С., Ефимов А.В. Макрорегион Сибирь в постсоветской России: анализ социально-экономических показателей // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 268.

¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

¹⁹ Немировский В.Г., Сафронова К.В. Специфика ценностных ориентаций региональной политической элиты (на материалах Красноярского края) // Власть. 2014, № 7, С. 140–143. См. также: Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010–2014 гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 87–92.

рые наиболее низко оценивают своевольность и властность; традиции у них занимают существенно более высокое место.

Таким образом, ценностные ориентации элиты и населения в значительной степени отличны друг от друга. Мы видим, что интегрирующее ядро содержит всего лишь одну общую ценность – «жизнь человека». При этом логично предположить, что личностный смысл данной ценности для этих групп респондентов не всегда совпадает. Первое место в списке ценностей региональной элиты занимает ценность «работа». С одной стороны, это показывает, что довольно высокий шанс оказаться в составе политической элиты имеют люди, ориентированные на работу и карьеру, с другой – данные демонстрируют, что представители политической элиты Красноярского края высоко ориентированы на свою деятельность и, соответственно, на эффективное выполнение своих должностных обязанностей.

Вкратце охарактеризуем некоторые «промежуточные» по значимости ценности у политической элиты и населения Красноярского края. В частности, ценности «свобода» и «независимость» у представителей политической элиты имеют большую значимость, чем у жителей региона в целом. Высокое место в системе ценностей представителей политической элиты Красноярского края занимает такая ценность, как «инициативность». При этом населению Красноярского края эта ценность присуща в значительно меньшей степени.

Ценность «семья» занимает более низкую позицию в системе ценностей региональной политической элиты. Данный факт можно объяснить тем, что респонденты в большей степени ориентированы на «работу» и соответствующие этому инструментальные ценности.

Сопоставим интегрирующее ядро базовых ценностей работников законодательной и исполнительной власти региона. У первых оно включает четыре ценности: работа – 4,85 балла, инициативность – 4,65; нравственность – 4,65; жизнь человека – 4,60. Ориентации второй группы политической элиты региона существенно отличаются: сво-

бода – 4,95; независимость – 4,95; жизнь человека – 4,95; работа – 4,87; семья – 4,67.

Как видим, общими элементами интеграционного ядра ценностных систем представителей законодательной и исполнительной власти Красноярского края являются ценности «работа» и «жизнь человека». Представители исполнительной власти более ориентированы на «свободу» и «независимость», а представители законодательной власти на «инициативность» и «нравственность». На наш взгляд, ориентация на такие ценности, как «свобода» и «независимость», отражает характерную черту деятельности исполнительной власти.

Сравнение конфликтогенной периферии системы базовых ценностей у двух групп политической элиты региона также показывает существенные различия. У депутатов Законодательного собрания края это: традиция – 2,55 балла; благополучие – 2,30; власть – 2,30. Представители исполнительной власти более отвергают традиционные и общечеловеческие ценности: властность – 2,80 и своевольность – 1,60. Примечательна невысокая значимость властности для представителей политической элиты: очевидно, люди, обладающие властью, уже не столь высоко оценивают необходимость ее достижения.

Важно отметить, что в целом значимость анализируемых ценностей выше у представителей законодательной власти Красноярского края, нежели исполнительной. Логично предположить, что данная группа региональной политической элиты является более устоявшейся, сплоченной и сформированной. Подобный результат можно объяснить с одной стороны тем, что депутаты Законодательного Собрания края в течение многих лет лично взаимодействуют друг с другом, с другой стороны, логично предположить наличие недостаточной согласованности деятельности некоторых субъектов исполнительной власти региона.

Как видим, представители исполнительной власти Красноярского края в несколько большей степени ориентированы на сохранение существующего порядка. На наш взгляд, «инновационность» представителей законо-

дательной власти является хорошим показателем ее эффективности в условиях развития такого региона, как Красноярский край. Сочетание подобной специфики ценностных ориентаций двух ветвей региональной политической элиты представляется нам вполне оптимальным для эффективного функционирования данного «тандема власти».

Факторный анализ оценок ценностных суждений выявил два фактора, объясняющих наибольшую долю дисперсии признаков. Первый фактор (26,41% общей дисперсии) включает в себя ценности: работа; независимость, инициативность. Данный фактор можно условно обозначить как «активность». Он отражает деятельное отношение к жизни, проявление интернального локуса контроля, при котором человек сам ответственен за свою жизнь. Второй фактор (15,34%) включает следующие ценности: благополучие, порядок, традиция. По аналогии с первым и в противоположность ему условно назовем данный фактор «пассивность». Он выражает ориентацию на пассивное существование, нежелание рисковать состоянием комфорта и противостоять жизненным обстоятельствам, отсутствие стремления к переменам. Тем самым региональная политическая элита Красноярского края на уровне латентных ориентаций демонстрирует значительное доминирование направленности на «активность».

Таким образом, у политической элиты данного сибирского региона, по сравнению с населением, ярче выражены либеральные и смысложизненные ценности. Политическая элита края чаще, чем его жители в целом, отвергает интеракционные, традиционные и общечеловеческие ценности. Думается, что подобные различия свидетельствуют о наличии у представителей региональной политической элиты определенной ценностной базы для деятельности по инновационному развитию региона. При этом для респондентов данной группы более значима направленность на социальную активность. Специфика базовых ценностных ориентаций представителей двух ветвей региональной власти – законодательной и исполнительной – на наш взгляд, также позволяет оптимистически оценивать

перспективы деятельности краевой политической элиты и ее влияние на активизацию процессов социокультурной модернизации в регионе. Вместе с тем, не следует забывать и о возможности несоответствия управленческих действий региональной политической элиты, в известной мере продиктованных ее ориентациями на либеральные ценности и социальными ожиданиями населения региона, в значительно большей степени разделяющего общечеловеческие и традиционные ценности. При этом нельзя не учитывать важность гуманистического вектора модернизации России, что предполагает отказ от ценностей вседозволенного авторитаризма и повышения приоритета ценностей реального гуманизма.

О стратегии поэтапной интегрированной модернизации СФО

В условиях кризиса и санкций западных стран в ближайшие годы требуется рост роли и значения Сибири. В условиях обостряющейся межстрановой конкуренции, в том числе с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, необходимо целенаправленное регулирование модернизационных процессов в регионах СФО, которые продолжают существенно различаться как по своему модернизационному потенциалу, так и по достигнутому состоянию модернизированности. Представляются исключительно важными скоординированные действия федерального центра и регионов СФО по преодолению разбалансированности модернизации как комплексного процесса. Речь идет в первую очередь, о процессах вторичной модернизации, а также о соотношении двух стадий модернизации. Кризис и санкции западных стран прежде всего усугубляют потребность в преодолении деиндустриализации, крайне разрушительно сказавшейся на экономике СФО как одного из наиболее промышленно развитых макрорегионов страны, в ускоренном обеспечении новой индустриализации этого макрорегиона.

С нашей точки зрения, целесообразны несколько этапов стратегии модернизации.

Этап 1. Создать общий координирующий центр по модернизации Сибири (наподобие министерства по развитию Дальнего Востока). Сконцентрировать ресурсы для дополнительных инвестиций в экономическое и когнитивное развитие Иркутской и Омской областей. Используя имеющиеся предпосылки, эти регионы способны сформировать действительно инновационную специализацию своих технопарков и других научно-технических центров, относительно быстро преодолеть барьер завершающей, переходной фазы ПМ и войти в начало ВМ. Это позволит СФО в целом перейти в подготовительную фазу вторичной модернизации.

Этап 2. Сконцентрировать усилия – как управленческие, так и финансовые – на раз-

витии наиболее отстающих регионов: республик Алтай, Бурятия, Хакасия, Тыва, Алтайского и Забайкальского краев; помочь им перейти в фазу 3 ПМ, с полным учетом их цивилизационно-культурных особенностей, не подгоняя под общий ранжир.

Этап 3. Отчасти одновременно с этапами 1 и 2, затем в качестве этапа 3 сосредоточить усилия на дальнейшем развитии вторичной модернизации Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей.

В итоге СФО в целом (но не обязательно все его регионы) поднимется в фазу начала вторичной модернизации, в которой уже находится Россия в целом.

Глава 9

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Общая характеристика регионов ДФО

Дальневосточный федеральный округ (ДФО), крупнейший по территории (36% площади страны – 6 169 329 км²), и, вместе с тем, наименьший по численности населения (4,23% – 6194,5 тыс. чел. на 1 января 2016 г.), включает

9 равноправных субъектов Российской Федерации различного административного статуса. В него входят: Республика Саха (Якутия), три края – Камчатский, Приморский, Хабаровский; три области – Амурская, Магаданская, Саха-

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Башкортостан, 2 – Челябинская, 3 – Курганская, 4 – Новосибирская, 5 – Кемеровская, 6 – Алтай, 7 – Хакасия, 8 – Бурятия, 9 – Еврейская, 10 – Сахалинская, 11 – Камчатский.

Рисунок 9.1. Карта административного деления ДВФО

линская; а также Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

Особенности физико-географического положения региона и большая протяженность территории с севера на юг (4500 км) и с запада на восток (2500–3000 км) определяют как разнообразие климатических и природных зон на Дальнем Востоке, так и большую контрастность климата (см. рис. 9.1). Климатические и природные зоны на Дальнем Востоке переходят от океана и приморской тайги к лесам, а затем к лесостепям Маньчжурии и степям Монголии. На севере Якутии и Камчатки, в Магаданской области и Чукотке – арктический и субарктический климат, на Сахалине, в Еврейской и частично Амурской областях, в Приморском и Хабаровском краях – муссонный. На большей части Якутии и северо-западе Амурской области господствует резко континентальный климат, на Камчатке и Курильских островах – морской.

Большая часть территории Дальнего Востока России является или приравнена к районам Крайнего Севера (за исключением Еврейской автономной области, южных районов Амурской области, Хабаровского и Приморского края). Поэтому на севере в континентальных районах макрорегиона зимы экстремально суровые, а на юге – холодные, солнечные и малоснежные. В прибрежных районах на севере ДФО зима холодная и ветреная. На северо-востоке холодный континентальный воздух Восточной Сибири взаимодействует с теплым морским воздухом, что порождает циклоны и вызывает большое количество осадков. Зимой на Камчатке и Сахалине выпадает много снега, а летом морские воздушные массы взаимодействуют с континентальными, и на всей территории региона идут муссонные дожди. В результате река Амур и ее притоки разливаются не весной, а летом, что приводит к наводнениям, подтоплениям построек и сельскохозяйственных земель. Над прибрежными районами случаются затяжные проливные дожди и разрушительные тайфуны. При этом, теплое, хотя и очень короткое дальневосточное лето позволяет развивать земледелие в открытом грунте.

На севере лето теплое и сухое, на юге – жаркое, влажное, более продолжительное, а в прибрежных районах на севере региона метеорологического лета нет вообще, весна переходит в осень.

Освоение Дальнего Востока началось вслед за присоединением Восточной Сибири к России в первой половине XVII в.: в 1632 г. казаками был основан г. Якутск, в 1647 г. – построено зимовье на берегу Охотского моря, на месте которого через 2 года появился острог, будущий Охотск, первый город и порт на Дальнем Востоке. В конце XVII в. началось исследование полуострова Камчатка, который в начале XVIII в. был включен в состав Российской империи. История Дальнего Востока первой половины XVIII в. знаменита масштабными Первой и Второй Камчатскими экспедициями В.И. Беринга, в результате которых было совершено немало географических и научных открытий, доказано наличие судоходного пролива между Евразией и Америкой и северо-восточные берега страны полностью картографированы.

Во второй половине XVIII в., с открытием Алеутских островов и Аляски, начался новый этап освоения и колонизации Дальнего Востока, стали многочисленными и регулярными промысловые и торговые экспедиции, были открыты новые острова северной части Тихого океана и у берегов Аляски, которые по праву первооткрывателя становились собственностью российского государства. По указу Павла I в 1799 г. была создана Российско-Американская компания, получившая монопольное право промыслов, торговли, поселений и установления связей с другими государствами на территории от Охотского побережья до западного побережья Северной Америки.

В 1803–1806 гг. была совершена первая русская кругосветная экспедиция на кораблях «Надежда» и «Нева» под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. Экспедиция Г.И. Невельского в 1848–1849 гг. подтвердила островное положение Сахалина и доступность устья Амура для входа морских судов, а следующая за ней Амурская экспедиция 1850–1855 гг. сыграла важную

роль в решении приграничных вопросов с Японией и Китаем, принесла множество географических открытий и позволила заложить новые опорные пункты, на основе которых была создана система морской обороны Дальнего Востока. К концу 1855 г. в низовьях Амура было уже пять русских поселений: Иркутское, Богородское, Ново-Михайловское, Сергеевское, а по Айгуньскому договору 1858 г. правобережье Амура официально отошло к России. Сахалинский и Курильский вопросы между Россией и Японией были решены в 1875 г. в рамках подписания второго российско-японского договора – Петербургского трактата, по которому Сахалин признавался полностью принадлежащим России, к Японии отходили все Курильские острова. Русская Америка, в которой не было массовой колонизации, и за все время было основано около 60 поселений, стала финансовым бременем для российского государства и была продана США в 1867 г.

В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Амурская, Приморская и Забайкальская области. Резиденция генерал-губернатора разместилась в городе Хабаровка, который стал административным центром Дальнего Востока и десять лет спустя переименован в город Хабаровск. В целом колонизация и освоение территорий Дальнего Востока проходили быстро и крайне неравномерно.

Население дальневосточного макрорегиона формировалось за счет миграции, переселения людей как из других регионов России, затем РСФСР, так и из других республик и приграничных государств. Максимальной численности население ДФО достигло в 1991 г. – 8,1 млн человек, и затем начало стремительно сокращаться из-за отрицательного естественного прироста и «западного миграционного дрейфа» – массового оттока жителей Дальнего Востока, большей частью «возвратных мигрантов», в западную и центральную часть страны. Устойчивое отрицательное миграционное сальдо установилось еще в 1989 г., когда миграция из фактора прироста населения, характерного для пери-

ода интенсивного хозяйственного освоения дальневосточной территории, превратилась в фактор его сокращения¹. Фактически, к настоящему времени население ДФО снизилось до уровня тридцатипятилетней давности, за постсоветский период Дальний Восток потерял каждого пятого своего жителя. Вследствие исходящей миграции населения экономически активного возраста, особенно в молодых возрастах, с высоким уровнем образования, регион стремительно теряет свой человеческий потенциал, сокращается численность экономически активного населения. Кроме того, из-за длительного спада рождаемости и практически двадцатилетнего периода превышения коэффициента смертности над рождаемостью, произошло постарение населения, усугубился процесс депопуляции.

Согласно данным переписи 2010 г., русские составляют 78,9% населения ДФО, другие наиболее крупные этносы региона представлены в основном коренными малочисленными народами Крайнего Севера и Дальнего Востока и национальностями ряда постсоветских государств и национальных республик на территории России: якуты (7,5%), украинцы (2,5%), корейцы (0,9%), татары (0,6%), эвенки (0,4%), белорусы (0,4%), эвены (0,4%), узбеки (0,3%), армяне (0,3%), азербайджанцы (0,3%), чукчи (0,2%), нанайцы (0,2%), буряты (0,2%), киргизы (0,2%) и др.

Подавляющая часть населения округа (75%) проживает в городах, среди них наиболее крупные: Владивосток (600 тыс.), Хабаровск (594 тыс.), Якутск (287 тыс.), Комсомольск-на-Амуре (258 тыс.), Благовещенск (218 тыс.) и др. В целом для Дальнего Востока, в связи с большой протяженностью его территории и суровыми природными условиями, характерны изолированные локальные системы расселения. В ДФО, занимающем 36% территории России, проживают всего 4% ее населения, плотность населения составляет 1 чел./км². В Чукотском автономном округе самая низкая плотность населения среди субъектов РФ – 0,07 чел./км². Очень мал этот показатель

¹ Мотрич Е.Л. Народонаселение Дальнего Востока: настоящее и будущее // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 31.

в Республике Саха – 0,31 чел./км², в Магаданской области – 0,32 чел./км², в Камчатском крае – 0,68 чел./км². Наиболее «густонаселенные» регионы ДФО – Еврейская автономная область (4,58 чел./км²), Сахалинская область (5,60 чел./км²) и Приморский край (11,71 чел./км²). Для сравнения, в 2015 г. плотность населения в России в среднем составляла 8,6 чел./км².

ДФО обладает богатейшими запасами природных ресурсов, выгодным приморским географическим положением, уникальными природными комплексами, флорой и фауной, однако при этом характеризуется крайне суровыми природно-климатическими условиями: **холодный, засушливый, резко континентальный климат – один из основных факторов, осложняющих развитие северо-восточной части ДФО, которая расположена в зоне вечной мерзлоты.** Обладая высоким природно-экономическим потенциалом, округ занимает скромные позиции по макропоказателям российской экономики. Модернизация Дальнего Востока зависит от реализации стратегии использования его природно-ресурсного и географического потенциалов².

Динамика модернизации регионов округа³

Карто-схемы (рис. 9.2) показывают, что в 2000–2012 гг. состояние модернизированности ДФО в целом повысилось от типа 2 к типу 3,

² Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2014. С. 452.

³ Эмпирической основой главы послужили: рассчитанные на основе статистических данных по регионам России с применением адаптированного ЦИСИ ИФР АН инструментария ЦИМ АНК индексы, фазы и типы модернизации (итоговые данные представлены в информационной системе «Модернизация», ИСЭРТ РАН, г. Вологда); опросные данные Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН «Наши ценности и интересы сегодня», n = 1163, 2010 г.; опросные данные «Всемирного исследования ценностей» в России, n = 2500, 2011 г.; статистические данные по регионам страны, собираемые Федеральной службы государственной статистики РФ; вторичные данные различных социологических исследований и аналитических отчетов на основе анализа статистических материалов.

т.е. округ остался в фазе зрелости стадии первичной модернизации, но ее уровень стал выше среднего (индекс ПМ составил 99,6). Эта динамика во многом сходна с процессом модернизации в Сибирском федеральном округе: зрелая индустриальная (первичная) модернизация, уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – на среднем и выше среднего уровнях, идентификация с фазами невозможна. Фактически в 2012 г. ни один из регионов Дальнего Востока не начал процесс вторичной модернизации, находясь на стадии подготовки к нему. Регионы ДФО принадлежали в 2012 г. к 4 типам модернизированности: Магаданская и Сахалинская области относились к 5 типу, Якутия и Чукотский АО – четвертый тип, Камчатский, Приморский и Хабаровский края – к третьему типу, Амурская и Еврейская автономная области – ко второму.

Вместе с тем, нетрудно увидеть, что процессы модернизации в регионах ДФО происходят неравномерно, а в ряде регионов на протяжении периода с 2000 по 2010 гг. их динамика была противоречива, в некоторых регионах наблюдается заметное отставание от общероссийских тенденций. В целом развитие модернизационных процессов на Дальнем Востоке характеризуется противоречиями развития социальной, производственно-технологической и экономической сфер. Обращает на себя внимание «обратная динамика» модернизации Камчатского края, который в 2000 г. принадлежал к группе регионов со вторым типом модернизации, с 2005 г. по 2010 г. снизил свой статус до первого типа, однако в 2012 г. поднялся на третий уровень модернизированности (см. карту динамики модернизации регионов ДФО на рис. 9.2). В период с 2000 по 2012 г. в Камчатском крае стабильно снижались показатели индекса инноваций в знаниях – с 55,9 до 35,9, фазовая оценка первичной модернизации сместилась с 3,5 в 2000 г. до 2,5 в 2010 г., но затем незначительно повысилась – до 2,75 в 2012 г.

Ситуацию в Приморском крае можно назвать тревожной: если в 2000 г. этот регион, обладающий значительным ресурсодобывающим и транспортным потенциалом,

характеризовался модернизованностью четвертого типа, то с 2005 г. и до настоящего момента он снизил свои позиции до третьего типа – в основном за счет низкого значения индекса инноваций в знаниях (39,9 в 2000 г., 35,5 в 2010 г. и 35,4 в 2012 г.), таким образом, значение фазовой оценки первичной модернизации края снизилось с показателя в 3,75 в 2000 г. до 3 в 2010 г. и незначительно поднялось в 2012 г. – до 3,25.

Модернизационные процессы стагнируют также в Амурской области, которая в течение 2000-х годов и вплоть до настоящего времени остается на уровне второго типа модернизованности, фазовые показатели вторичной модернизации колеблются между 3,25 в 2000 г. и 2012 г. и 3,0 в 2010 г. Подобное положение дел аналогично ситуации в Приморском крае и объясняется низким показателем индекса инноваций в знаниях в течение целого десятилетия (10,5 – 2000 г., 16,1 – 2010 г. и 16,2 в 2012 г.), отрицательной динамикой показателей индекса качества экономики, и, соответственно, снижением значений интегрированного экономического индекса модернизации и интегрированного социального индекса модернизации к концу нулевых годов.

Нестабильно протекает модернизация также в Чукотском автономном округе и Сахалинской области – регионах-лидерах по величине ВВП на душу населения в России (третье и первое места, соответственно). Находясь в 2000 г. на стадии подготовки к вторичной модернизации, эти регионы к 2005 г. снизили свой статус до второго типа модернизованности – зрелости первичной модернизации, но в 2010 г. вновь вышли на уровень четвертого типа модернизованности, при этом в 2012 г. Чукотский АО сохранил свою позицию, не начав вторичную модернизацию, а Сахалинская область поднялась на уровень выше, однако до сих пор характеризуется незавершенностью первичной модернизации (значение фазового индекса 3,75). Фактически, единственный регион Дальнего Востока, демонстрирующий поступательную модернизацию, – это Якутия, прошедшая за последнее десятилетие путь от второго до четвертого модернизационных типов.

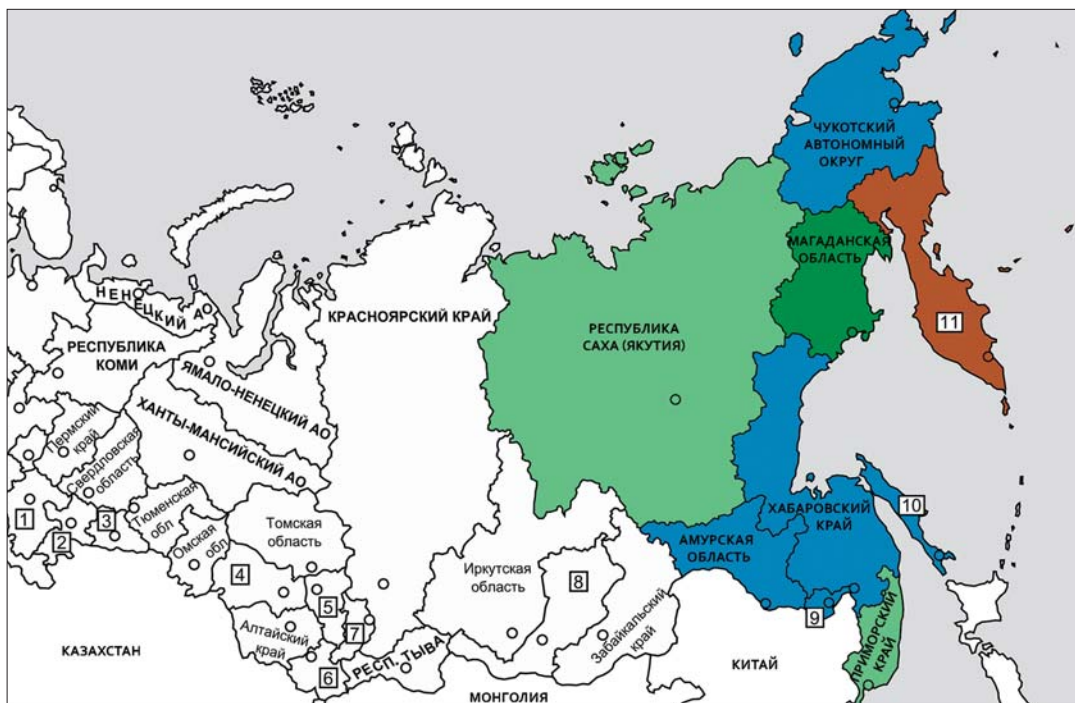
В 2010 г. Дальневосточный федеральный округ ненамного опережал по первичной модернизации соседний Сибирский федеральный округ, но в целом все же не смог достичь показателей среднероссийского уровня; к 2012 г. это положение не изменилось и разрыв сохранился. В региональном разрезе, в 2012 г. завершённую первичную стадию модернизации можно считать только в Чукотском автономном округе, в фазе завершения остаются Республика Саха, Магаданская и Сахалинская области (фазовое значение 3,75); в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области фазовое значение индекса первичной модернизации составляет 3,25; в Еврейской автономной области – 3, а в Камчатском крае – всего 2,75.

Фактически ДФО в целом в течение последнего десятилетия остановился на стадии зрелости первичной модернизации и не продвинулся к качественному переходу на следующую стадию. Об этом свидетельствуют фазовые значения индекса реализации первичной модернизации в ДФО в период с 2000 по 2012 г., которые составляли 3,5, притом со снижением до 3,0 в 2005 г.

Обобщая, можно выделить три группы регионов по комплексным состояниям (типам) их модернизованности. 1) Республика Саха (Якутия) и Хабаровский край устойчиво повышали свои состояния модернизованности, вступив в подготовительную фазу вторичной модернизации. 2) Камчатский край, Амурская область, Еврейская автономная область устойчиво сохраняли свои начальные состояния первичной модернизации. 3) Вместе с тем, модернизационно более развитые Приморский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ эволюционировали неустойчиво: в первых двух регионах состояния модернизованности снижались с типа 4 к типу 3, а два другие региона продемонстрировали резкие маятниковые колебания: из типа 4 к типу 2 и обратно к типу 4.

Чтобы понять конкретное содержание этих различий, обратимся к основным компонентам модернизации.

2005 г.

2000 г.

Источник: ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). URL: <http://mod.vsc.ac.ru/>

Рисунок 9.2. Карто-схемы динамики эволюции состояний (типов) модернизированности субъектов Дальневосточного федерального округа (2000–2012 гг.)

2012 г.

2010 г.

ПМ: начало, рост, традиционный; ниже срединного, предварительный	ПМ: зрелость; ниже срединного	ПМ: зрелость; срединный выше срединного	ВМ: подготовка; все средние	ВМ: начало; высокий, выше срединного, срединный	ВМ: рост; высокий, выше срединного

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены республики, края, области: 1 – Башкортостан, 2 – Челябинская, 3 – Курганская, 4 – Новосибирская, 5 – Кемеровская, 6 – Алтай, 7 – Хакасия, 8 – Бурятия, 9 – Еврейская, 10 – Сахалинская, 11 – Камчатский.

Технико-технологическая компонента

В настоящее время основу экономики Дальневосточного региона составляет природно-ресурсный сектор. В этом секторе создается половина промышленной продукции округа. Это, с одной стороны, является преимуществом для региона в условиях стабильного спроса на ресурсы на внешнем и внутреннем рынках, а с другой стороны – в определенной мере тормозит развитие территорий к следующему этапу – вторичной, или информационной модернизации. О том, что регион в целом задерживается на этом этапе, свидетельствуют показатели ряда индексов модернизации: в 2012 г. округ значительно уступал среднероссийским показателям индекса инновации в знаниях (24,9 в ДФО и 55,7 в РФ), на невысоком уровне (впрочем, как и в России в целом) находятся показатели индекса качества экономики (54,1 в ДФО и 53,5 в РФ), ниже среднероссийского уровня показатели индекса качества жизни (91,7 в ДФО и 94,9 в РФ). Отставание от страны в целом в этапах модернизованности объясняется тем, что регионы ДФО традиционно играют роль поставщика природных ресурсов и транзитной территории, четверть валового регионального продукта макрорегиона приносит добыча полезных ископаемых (при среднероссийском уровне в 10% от ВРП), при этом вклад обрабатывающей промышленности в структуре ВРП составляет всего 5% (в России в среднем – 16%), а транспорт и связь – 13% (РФ – 10%). Сохраняется отставание по темпам роста добавленной стоимости в сравнении с общероссийским ростом, разрыв нарастал с 3,9% пункта в 1997 до 17% пунктов в 2010 г., с историческим максимумом 37% в 2008 г. Уменьшение разрыва в последующие два года объясняется значительными инвестициями, реализацией крупных трубопроводных проектов и сооружением объектов саммита АТЭС⁴.

Стоит отметить, что в экспертном сообществе принято рассматривать перспективы модернизации Дальнего Востока именно в эффективном использовании его естествен-

ных и объективных преимуществ – природно-ресурсного и географического потенциалов: наращиванием объемов добычи минерально-сырьевых, топливно-энергетических и водно-биологических ресурсов, развитием судо- и самолетостроения, усилении транзитной роли макрорегиона⁵. Переход к следующему качественному этапу модернизованности региона станет возможным с новой концепцией развития региона, получившей название «новой индустриализации», под которой понимается комплекс мер по созданию «динамичного промышленно-транспортного комплекса на основе использования прогрессивных технологий переработки сырья и высокотехнологичных видов деятельности»⁶. В частности, основные задачи «новой индустриализации» Дальнего Востока предусматривают «создание комплекса высокотехнологичных производств по переработке регионального и транзитного сырья; создание промышленных кластеров высокотехнологичного характера (аэрокосмического, судостроительного, биотехнологического, нефте- и газохимического и пр.); эффективного инфраструктурного каркаса и системы опорных городов и узлов промышленного каркаса»⁷.

Социоэкономическая компонента

В структуре валовой добавленной стоимости России в целом в 2012 г. доля услуг, повышение которой свидетельствует о переходе ко второй стадии модернизации, составляла 37,1%, а ДФО – всего 23,5%⁸. На экономику сферы услуг в округе значительно влияют природные и инфраструктурные условия: суровый климат и вечная мерзлота обуслов-

⁵ Долгосрочный комплексный прогноз регионального социально-экономического и технологического развития «Тихоокеанская Россия – 2050» (методические положения) / под ред. В.И. Сергиенко, П.А. Минакира. Хабаровск: РИО ТИП, 2009.

⁶ Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2014. С. 454.

⁷ Там же.

⁸ Структура ВРП по видам экономической деятельности в 2012 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/10-04.htm

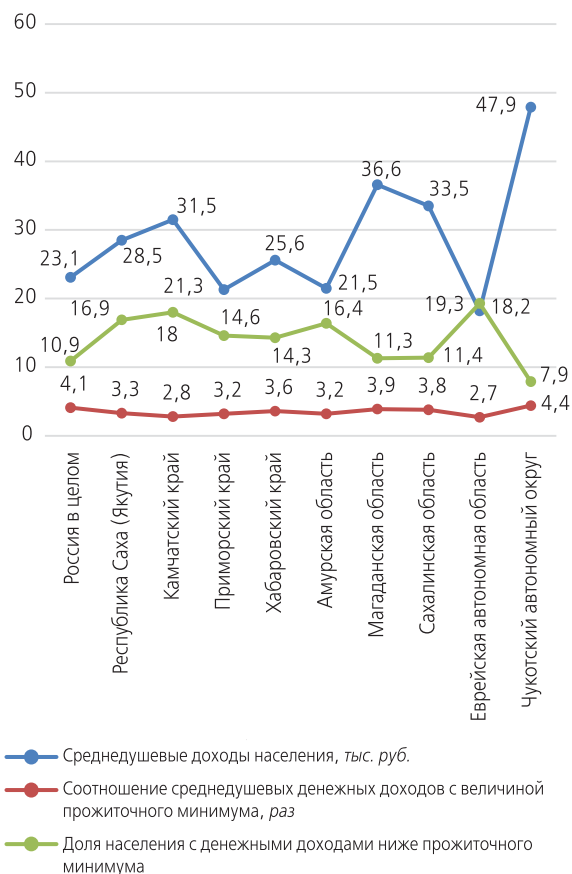
⁴ Ишаев В.И. Концептуальные вопросы развития Дальнего Востока до 2050 г. М.: Экономика, 2012. С. 8.

ливают высокие издержки ЖКХ, немногочисленное население в населенных пунктах, расположенных на больших расстояниях друг от друга, требует специального подхода к социальной сфере региона, в особенности, к обеспечению жителей региона социальным обслуживанием, образовательными и медицинскими услугами. Индекс качества жизни в ДФО в 2010 г. (88,8) был наименьшим среди федеральных округов России, но к 2012 г. он повысился (91,7). Вместе с тем, в регионе выявляется характерная для первичной стадии модернизации высокая доля индустриального сектора в противовес аграрному. Так, доля аграрного сектора в РФ в среднем составляет 4,4%, в ДФО – 5,8%; доля промышленного сектора – 39,4%; в ДФО – 46,1%. ВРП на душу населения в ДФО выше среднероссийского уровня (431 тыс. руб. и 349 тыс. руб., соответственно)⁹, особенно выделяются Чукотский автономный округ (960 тыс. руб.) и Сахалинская область (1298 тыс. руб.). Однако статистические показатели качества жизни населения в ДФО не столь позитивны, по сравнению с темпами экономического развития. Так, среднегодовые доходы жителей Дальнего Востока номинально на 10% выше среднероссийских, но, с учетом паритета покупательной способности, напротив, ниже на 6%¹⁰.

При этом, как показано на рисунке 9.3, уровень жизни на Дальнем Востоке относительно невысокий: в сравнении с Россией в целом, в ряде регионов ДФО, даже если среднедушевые доходы населения в регионе превышают среднероссийский уровень, соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума ниже, чем в среднем по стране, во всех регионах, кроме Чукотского АО. Особенно выделяются большой долей бедных и низким (ниже общероссийского уровня) соотношением доходов и прожиточного минимума Камчатский край, Еврейская автономная область, Республика Саха, Хабаровский край. Это означает,

⁹ Валовый региональный продукт на душу населения // Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/10-02.htm

¹⁰ Ишаев В.И. Концептуальные вопросы развития Дальнего Востока до 2050 г. М.: Экономика, 2012. С. 13.

Источник: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_14p/Main.htm

Рисунок 9.3. Среднедушевые денежные доходы населения (тыс. руб. в месяц), соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума (раз), и доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в регионах Дальневосточного ФО, 2012 г.

что жители этих регионов приобретают на порядок меньше товаров и услуг. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных расходов, в процентах от общей суммы расходов на оплату услуг в ряде регионов ДФО в 2011 г. был одним из самых высоких в стране – например, в Амурской области 55,8% (что также составляло 15,2% от общей суммы потребительских расходов), Камчатском крае – 48,2% (12,9%), Мага-

данской области – 43,6% (13,3%), в то время как средний россиянин тратил 35,9% своих расходов на ЖКХ, или 9,5% от общих расходов на все услуги¹¹.

Принимая во внимание сложные условия жизни на Дальнем Востоке, суровый климат, географическую удаленность, высокие коммунальные и транспортные тарифы, рост потребительских цен с динамикой выше среднего по стране и др. факторы, в совокупности увеличивают затраты населения и еще более снижают уровень и качество жизни. При этом основным источником доходов населения является заработная плата, а возможности альтернативных источников формирования доходов объективно ограничены, по мнению экспертов, такими факторами институционального характера, как недостаточный уровень социально-экономического развития регионов ДФО, неразвитость производственной и финансовой инфраструктуры, низкий уровень развития предпринимательской деятельности¹².

По сравнению с Россией в целом, как и с другими округами страны, большое значение для опрошенных жителей Дальнего Востока имеет повышение своего человеческого капитала путем получения дополнительного образования (10% в ДФО и 4% в стране в целом) как способа улучшения своего материального положения.

Социокультурная компонента

Социокультурные препятствия успешной модернизации Дальнего Востока во многом сходны с аналогичными барьерами для развития регионов Сибири. Они отмечены миграционными настроениями, недостаточным по современным меркам уровнем и качеством жизни, высоким социальным расслоением, отсутствием перспектив для высокообразо-

ванных профессионалов и не работающими «социальными лифтами» для молодежи и др.¹³ Среди социально-демографических аспектов модернизации в регионах Дальнего Востока стоит указать на ряд гендерных проблем социального развития, типичных для регионов нового освоения – таких как низкая продолжительность жизни мужчин, высокий гендерный дисбаланс населения вследствие тяжелых условий жизни и особенностей структуры рынка труда. Как отмечает Н.В. Зубаревич, для регионов нового освоения также «характерно устойчивое мужское доминирование в структуре занятости, самый значительный диспаритет в заработках и выравнивание пенсий, особенно на Дальнем Востоке»¹⁴.

Возможно, именно по этим причинам среди опрошенных ЦИСИ (2015) ИФ РАН жителей Дальневосточных регионов наибольший процент выбрали вариант ответа «хотел бы переехать в другой регион России» – 10%, наименьшее число сказали о том, что им «не нравится жить здесь, но они не собираются уезжать» – всего 1%, и 4% хотели бы вообще уехать из России. Заявленные намерения отражаются в статистических показателях депопуляции, в том числе исходящей миграции из восточного макрорегиона России: с 1990 г. на начало 2013 г. население ДФО сократилось на 1,81 млн чел, население СФО – на 1,86 млн чел. Кроме того, ДФО – единственный округ в России, где в целом с 1990 г. наблюдается стабильная и непрерывная убыль населения. Незначительными исключениями среди его регионов являются Республика Якутия и Чукотка, где только в 2005–2006 г. этот негативный тренд прерывался, а также Приморский край в 2012 г.

¹¹ Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) // Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-29.htm

¹² Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2014. С. 475.

¹³ Немировский В.Г., Немировская А.В., Хамидулина К.Р. Социокультурные барьеры модернизации Восточной Сибири (на примере Красноярского края и Республики Хакасия) // Социологические исследования. № 9. 2012. С. 33–40; Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.): монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.

¹⁴ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России. Проблемы и тенденции переходного периода. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 208.

Как показывают опросы ВЦИОМ, проведенные в мае–июне 2012 г., до 40% жителей Сибири и Дальнего Востока хотели бы покинуть регион своего проживания, в первую очередь, по причинам низкой зарплаты, отсутствия перспектив карьерного роста и возможностей для приобретения собственного жилья, критической экологической ситуации в регионе и неудовлетворительного уровня развития социальной инфраструктуры¹⁵. Среди основных проблем, беспокоящих жителей Восточного макрорегиона, – дороговизна жизни (46%), состояние ЖКХ (44%), алкоголизм и наркомания (38%). При этом 64% опрошенных жителей не замечали изменений, а 10% отмечали ухудшение ситуации. Более половины респондентов были готовы связать свое будущее с Сибирью и Дальним Востоком, если в регионе начнется новый крупномасштабный национальный проект, еще 15% опрошенных выразили готовность остаться жить в регионе, если им предложат специальные условия, такие как высокая зарплата, решение квартирного вопроса, освобождение от налогов.

Источником кадров для модернизации региона может стать новая волна внутренней миграции: более трети респондентов из европейской части России выразили готовность переехать на постоянное место жительства в Сибирь или на Дальний Восток, если там будет развиваться крупномасштабный национальный проект, аналогичный строительству БАМ в советскую эпоху. Население макрорегиона ожидает от федерального центра активных действий в плане модернизации: 73% респондентов согласились с мнением, что эффективному развитию Сибири и Дальнего Востока будет способствовать особое внимание федерального правительства.

Исследования ВЦИОМ, проведенные в 2015 г., подтвердили, что существуют социальные предпосылки для роста въездной миграции – 70% опрошенных россиян удовлетворены ситуацией в ДФО или оценивают ее как благополучную и 66% респондентов

уверены, что Дальний Восток способен быть одной из самых процветающих территорий России¹⁶. Также наблюдаются определенные предпосылки для удержания населения ДФО: 53% опрошенных жителей Дальнего Востока видят позитивное влияние крупных государственных проектов на развитие макрорегиона, а 56% удовлетворены ситуацией в социальной сфере ДФО.

При этом выявляется достаточно оптимистическое представление о будущем Дальневосточного региона: 51% опрошенных жителей ДФО и 57% россиян согласны с тем, что уже через 15–20 лет эта территория может стать одной из наиболее процветающих. Надежды на социально-экономическое развитие региона, как и в 2012 г., респонденты связывают с реализацией крупных государственных инициатив. Так, 54% дальневосточников считают, что крупные проекты уже оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие ДФО (10% выбрали вариант ответа «бесспорно положительное влияние» и 43% – «скорее положительное влияние»). Наиболее многообещающими в отношении повышения качества жизни инициативами государства на Дальнем Востоке респонденты считают создание территорий опережающего развития (сумма ответов «однозначно да» и «скорее да» – 70%), свободных экономических зон на юге региона (66%) и бесплатное предоставление участка земли (63%). Важно отметить, что люди, переехавшие на Дальний Восток, в большинстве довольны своим выбором. Практически половина из опрошенных переселенцев ответили, что у них были адекватные представления о жизни на Дальнем Востоке (полностью соответствующие реальной ситуации) – 46%, пятая часть респондентов (21%) признались, что недооценивали возможности региона, испытывали неоправданные страхи и опасения, и чуть более четверти опрошенных (27%) отметили, что идеализировали жизнь на Дальнем Востоке, испытывали завышенные ожидания.

¹⁵ Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» – или «локомотив развития»? // Пресс-выпуск № 2052. ВЦИОМ, 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112841> [дата посещения 01.06.2014]

¹⁶ Дальний Восток в восприятии россиян по результатам исследования ВЦИОМ. URL: http://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-07-28-vostok.pdf

Опросы ВЦИОМ демонстрируют парадоксы ассоциативного восприятия «Дальнего Востока» в российском общественном мнении. С одной стороны, респонденты отмечают огромную территорию региона, с другой – указывают на его отдаленность от центра страны, на то, что ДФО – это одновременно и развивающийся регион, и депрессивная территория, располагающая большими природными богатствами (золото, алмазы, нефть, газ, лес), при бедном населении. Понимая, что выход России через ДФО к Мировому океану дает большие возможности для развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, респонденты осознают наличие рисков экспансии из-за рубежа. Ответы жителей ДФО на вопрос «Если говорить о Вашем регионе, Вы в целом довольны или не довольны положением дел в регионе?» показали напряженность социального самочувствия – «вполне довольны» и «скорее довольны» ситуацией 56% опрошенных, и чуть менее половины респонденты (43%) «скорее недовольны» и «совершенно не довольны». В наибольшей степени респонденты из регионов Дальнего Востока недовольны качеством медицинского обслуживания взрослых (68% выбрали вариант ответа «полностью не удовлетворен»), качеством медицинского обслуживания детей и подростков (59%), стабильностью занятости (58%), состоянием экологии (50%), транспортной инфраструктурой (45%) и социальной поддержкой населения (45%).

Как показал опрос по проблемам мотивации миграционного поведения, проведенный Институтом экономических исследований ДВО РАН в 2009 г., основным фактором отъезда является неудовлетворенность качеством жизни в регионе. В качестве причин, по которым респонденты готовы покинуть свой город, 30% назвали неудовлетворенность работой и уровнем заработной платы, 36% – высокую стоимость жизни и неразвитость потребительского рынка, 34% – низкий уровень социальных услуг и 33% – оторванность от центра России и высокие транспортные тарифы¹⁷.

Данные Всемирного исследования ценностей в России в 2011 г. (рис. 9.4) свидетель-

¹⁷ Мотрич Е.Л. Народонаселение Дальнего Востока: настоящее и будущее // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 33.

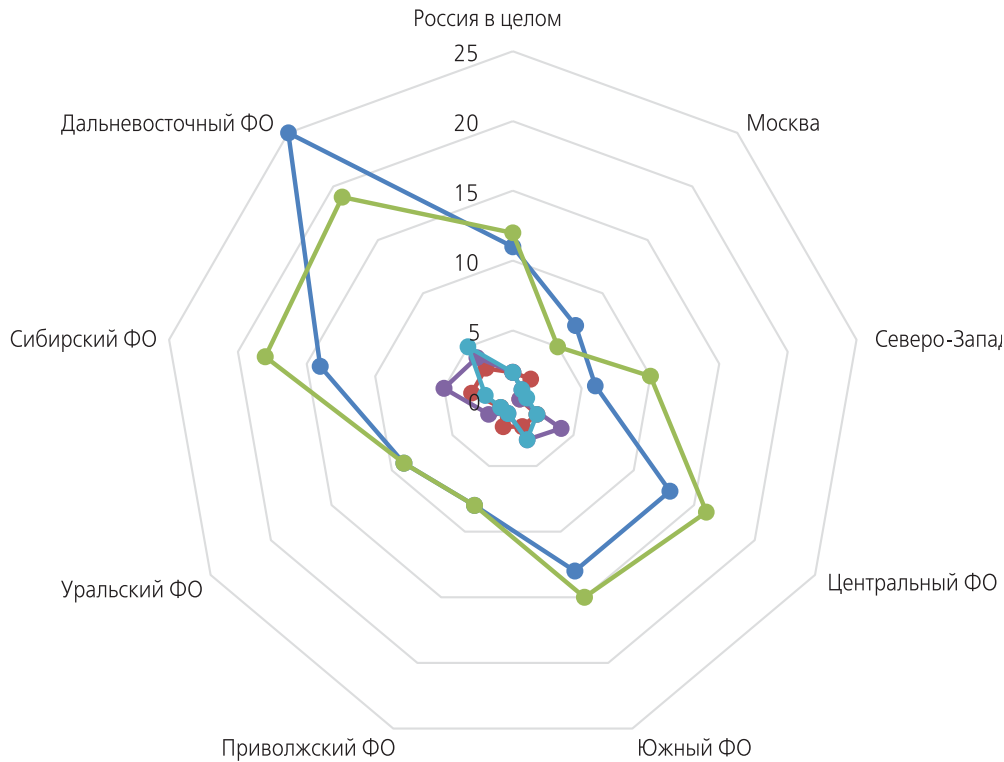
ствуют о том, что жителей Дальнего Востока не устраивает сложившаяся ситуация и они проявляют свое недовольство через различные формы протеста. В регионах ДФО значительно большее число опрошенных, чем по стране в среднем, участвовали в подписании петиций (25% в ДФО и 11% в России в целом), принимали участие в мирных демонстрациях (19% и 12%, соответственно), были участниками забастовок (4% и 2%), а также отмечали, что принимали участие в других формах протеста (5% и 2%).

В этой связи, как совершенно справедливо указывает академик А.А. Кокошин в докладе о вопросах долгосрочного развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, «для обеспечения роста производственного и технологического уровней добывающей промышленности, энергетики и обрабатывающих отраслей, должен быть создан социальный фундамент: существенно улучшены условия жизни населения и социальная инфраструктура, опережающими темпами по сравнению с другими регионами должны развиваться наука и образование»¹⁸.

Институционально-регулятивная компонента

Сравнительно недавнее массовое заселение Дальнего Востока, в основном путем переселения при поддержке государства, сформировало социально-экономическое своеобразие этих территорий. Как правило, для них в целом характерен повышенный уровень коррупции, однако среди регионов ДФО в этом отношении наблюдается значительная вариация. В докладе о состоянии бытовой коррупции в Российской Федерации, подготовленном Минэкономразвития России и фондом «Общественное мнение», на основании результатов социологических исследований, проведенных в 2010 г., одни регионы Дальнего Востока представлены в числе регионов с высоким уровнем бытовой коррупции, а другие, напротив, – с низким (Еврейская

¹⁸ Кокошин А.А. Вопросы долгосрочного развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте глобальной политической и экономической динамики. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 30.

Источник: Всемирное исследование ценностей (World Values Survey), 2011 г.

Рисунок 9.4. **Участие в различных формах протеста в федеральных округах страны, России в целом и г. Москва**

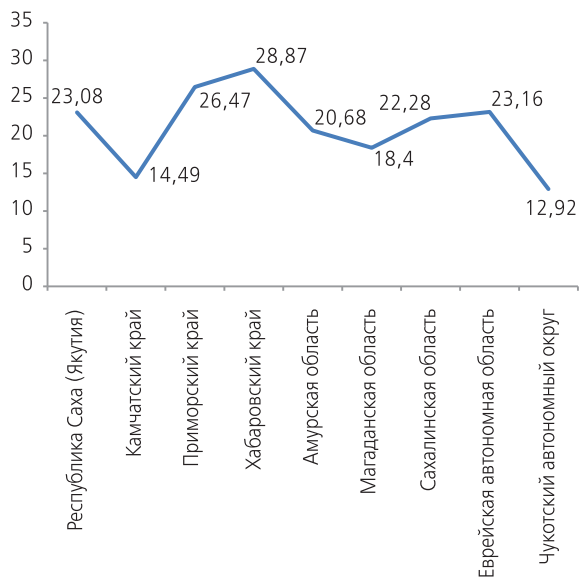
автономная область – наиболее благополучный в этом плане регион страны), средним (Сахалинская область, Хабаровский и Приморский края) и ниже среднего уровнями коррупции (Магаданская область)¹⁹.

Важной для ДФО социальной проблемой, имеющей отношение к его социально-политической безопасности и целостности, и тесно связанной как с историей региона, так и с вызовами его модернизации, является государственное регулирование внешней трудовой миграции и переселения. Специалисты ИИАЭ ДВО РАН отмечают, что хотя

на Дальнем Востоке применялись преимущественно практики ограничительного миграционного режима, в последнее десятилетие российские власти лавировали «между либеральными рыночными ценностями, внешнеполитической целесообразностью и задачами социальной безопасности, учитывая плюралистическое общественное мнение, а также крайне противоречивое отношение принимающего общества к мигрантам»²⁰. Это способствовало как росту численности легальной иностранной рабочей силы в регионе, так и складыванию модернизационной направленности государственного регулирования

¹⁹ Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации. Доклад. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, Общероссийский научный фонд «Общественное мнение», 2011. С. 32, 36. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1/doklad_kor.pdf?MOD=AJPERES [дата посещения 01.06.2014]

²⁰ Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 146.

Источник: Рейтинг «Модернизация – 2011». Регионы ДФО. Аналитическое агентство «Смыслография». URL: http://s-graph.ru/upload/ratings/rat_Modernization_2011.pdf

Рисунок 9.5. **Интенсивность модернизационных мероприятий**

миграции. Как альтернатива исходящей миграции и притоку иностранной рабочей силы, в последнее время все чаще звучат предложения по разработке федеральных целевых программ переселения жителей других регионов России на Дальний Восток. Ведущие эксперты по экономическому и социальному развитию дальневосточных территорий России, в унисон заявляют о важности и неотложности модернизационных усилий в рамках федеральных государственных программ.

Бурный рост экономик азиатских стран стал тем фактором, который вынуждает российский Дальний Восток, как участника рынка Азиатско-Тихоокеанского региона, быстро отвечать на этот вызов. Наиболее успешно это можно осуществить с помощью системы стратегического государственного планирования. В частности, целесообразна новая модель отношений федерального центра и дальневосточных регионов, включающая перевод головных структур компаний с государственным участием и ряда федеральных органов власти в регионы ДФО, а также передача

регионам части федеральных полномочий, в первую очередь в сфере недропользования и антимонопольного регулирования²¹.

В определенной мере оценить интенсивность модернизационных мероприятий в округе и, косвенно, усилия федеральной и региональной властей в современном развитии Дальнего Востока можно с помощью рейтинга «Модернизация – 2011», представленного на рис. 9.5. Разработчики этого рейтинга учитывали публикации федеральных СМИ о региональных программах модернизации, о развитии дорожной, транспортной, энергетической, телекоммуникационной и прочей инфраструктуры, о деятельности региона по поддержке малого и среднего бизнеса, деятельности по привлечению инвестиций и улучшению инвестиционного климата, об инновационных проектах и разработках.

Практически все регионы Дальнего Востока имеют невысокие показатели в данном рейтинге, особенно заметны низкие значения индекса реализации модернизационных мер в регионах с высоким ВРП – Магаданской области, Чукотском автономном округе, Камчатском крае. Для сравнения, регионы соседнего «ресурсного» макрорегиона – Сибирского федерального округа получили значительно более высокие баллы: Томская область – 61,02, Республика Бурятия – 37,75, Красноярский край – 35,43; Новосибирская область – 35,36; Алтайский край – 31,61. Это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие способствующих социальной модернизации экономических условий, конкретные меры по реализации мероприятий в регионах ДФО в настоящее время недостаточны.

Модернизационный «застой» и возможности развития в регионах ДФО

Успех модернизации региона заключается в ее синхронности во всех ее составляющих: технологической, экономической, политической,

²¹ Россия: восточный вектор. Предложения к стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Аналитический доклад / Под ред. В.С. Ефимова, В.А. Крюкова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 8.

социальной и культурной. Несмотря на то, что экономика Дальневосточного федерального округа стабильно росла с 1999 г., в том числе в годы мирового экономического кризиса, опережая в последние годы среднероссийские темпы роста ВВП, очевидно влияние ресурсодобывающего профиля экономики региона и дисбаланс в развитии его экономики, инфраструктуры и социальной сферы. Поэтому, невзирая на значительный объем ВРП на душу населения в половине регионов ДФО, кратно превышающий среднероссийский уровень в Сахалинской области, также высокий в Чукотском АО, Якутии, Магаданской области и Камчатском крае, отраслевая структура ВРП округа консервирует отсталость регионов Дальнего Востока в современной модернизации, сдерживая их развитие на уровне зрелости первичной (индустриальной) модернизации и перехода ко вторичной (информационной) модернизации.

В отраслевой структуре ВРП ДФО лидирует добыча полезных ископаемых, с 2005 по 2012 г. ее доля выросла с 24,3% до 27,1%, затем с большим отрывом следуют транспорт и связь (12,9%), торговля (10,7%), строительство (9,8%, примечательно, что с 2005 г. этот показатель снизился на 2,3%), государственное управление и обеспечение военной безопасности (8,2%) и другие отрасли. Доля обрабатывающих производств в ВРП округа стабильно составляет всего 5,3%, что в три с лишним раза меньше показателя в среднем по России, и меньше, чем доля операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (6,1%), которая, в свою очередь, в два раза ниже аналогичного среднероссийского показателя.

Потенциал готовности ДФО к вторичной модернизации на основе знаний можно проиллюстрировать посредством композитного индекса готовности регионов России к информационному обществу, который позволяет оценить степень подготовленности регионов России к широкомасштабному использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)²².

²² Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информацион-

Индекс рассчитан на основе показателей, характеризующих факторы развития информационного общества: ИКТ-инфраструктура, человеческий капитал и экономическая среда, использование ИКТ для развития основных сфер жизнедеятельности общества (государственного и муниципального управления, бизнеса, образования, здравоохранения, культуры), а также использование ИКТ домохозяйствами и населением. Дальневосточный макрорегион ненамного опережает по показателям индекса готовности к информационному обществу Россию в целом, занимая четвертое место после Северо-Западного, Центрального и Уральского федеральных округов. Внутри округа выделяются высокими показателями готовности использования ИКТ Хабаровский и Камчатский края, а также Сахалинская область, и только два региона располагаются на представленном графике ниже среднероссийского уровня – Амурская область и Еврейская автономная области.

Еще одним инструментом для оценки инновационной составляющей модернизационного процесса является ежегодный рейтинг инновационной активности регионов, представляемый Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий²³. Рейтинг позволяет выявить регионы, демонстрирующие лучшие показатели в области стимулирования развития науки и инновационной сферы и дать оценку текущему состоянию сферы инноваций в России в целом. Методология рейтинга разработана на основе критериев, применяемых в европейском рейтинге «European Innovation Scoreboard» для оценки уровня инновационного развития европейских стран и адаптирована с учетом национальной специфики и возможностей по поиску различных статистических данных в России. Итоговой оценкой рейтинга является общая сумма баллов, полученных по всем критериям. В 2013 г. шесть

ного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: 2012. URL: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2010-2011.pdf>

²³ Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ). URL: <http://nair-it.ru/http://nair-it.ru/news/21.07.2014/441>

регионов ДФО относились к группе низкой инновационной активности (в порядке понижения позиции в рейтинге – Амурская область (65-е место), Республика Саха (66), Сахалинская область (68), Еврейская автономная область (69), Магаданская область (71), при этом Чукотский автономный округ занимает нижнюю строку рейтинга (83). Вместе с тем, Сахалинская и Еврейская автономная области заметно улучшили свои позиции в рейтинге за последний год. Наоборот, в Камчатском и Приморском краях с 2010 по 2013 гг. инновационная активность поступательно снижалась. Лишь Хабаровский край демонстрирует в этом отношении стабильность, при этом являясь лидером рейтинга инновационной активности среди регионов Дальнего Востока весь период с 2010 по 2013 гг.

Обобщая, отметим, что ключевыми барьерами на пути модернизации регионов ДФО в настоящее время являются: невысокая диверсификация региональной экономики, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, суровые климатические условия, слабая заселенность, высокие темпы депопуляции вследствие миграционного оттока населения в европейские регионы страны и другие.

О направлениях и этапах интегрированной модернизации регионов ДФО

Учитывая, что замедление модернизации в регионах Дальнего Востока обусловлено преимущественно отставанием ее экономической и когнитивной составляющих, основой стратегии развития Дальнего Востока как традиционно ресурсного региона может стать новая индустриализация, использующая современные инновационные технологии. Поэтому можно согласиться, что ведущим вопросом в стратегии развития этого макрорегиона становится совмещение его инфраструктурной функции с созданием новой индустриальной базы в форме кластеров высокотехнологичных производств и сервисов²⁴.

²⁴ Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез / Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Медиа-Пресс, 2014. С 454.

В аналитическом докладе ученых институтов Отделения общественных наук РАН, Сибирского отделения РАН, Дальневосточного отделения РАН, под научным руководством А.А. Кокошина, среди факторов, препятствующих развитию Дальнего Востока, названы: депопуляция, низкая экономическая плотность населения, слабое развитие энергетической, транспортной и информационной инфраструктур, замедленное распространение инноваций, социальный пессимизм жителей региона и др.

Авторы доклада предложили три сценария развития Дальнего Востока с оценкой социально-экономической ситуации в регионах к 2030 г. и проработкой как негативных последствий, так и модернизационных эффектов, в каждом из трех возможных трендов развития этого макро региона: 1) «от инерции к стагнации» – освоение природных ресурсов на старой технологической и инфраструктурной основе; 2) «падение в пропасть» – вариант ситуации в условиях мирового экономического кризиса, падения спроса на ресурсы и негативных последствий, следующих за этим, – бюджетного дефицита, фрагментарного освоения природных ресурсов и формирования инфраструктуры исключительно экспортного назначения; 3) оптимистический сценарий «новые возможности», который заключается в эффективном сочетании комплексного развития ресурсного потенциала, человеческого капитала, создания и внедрения инноваций, который приведет к освоению минерально-сырьевой базы на системной основе с выделением крупных центров экономического роста и повышению совокупного валового регионального продукта в ДФО в 5–6 раз к 2030 г., росту среднедушевого ВРП до 48 тыс. долл. США, и увеличению численности населения до 16,8 млн чел.²⁵.

²⁵ Подробнее см.: Сценарии развития Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года: аналитический доклад / Научный руководитель А.А. Кокошин. М.: Едиториал УРСС, 2011. URL: <http://econom.nsc.ru/ieie/Izdan/trudi/korjubaev/doklad.pdf> [дата посещения 01.06.2014]

По оценкам д. э. н. И.В. Ишаева, в 2009–2013 гг. полномочного представителя Президента РФ в ДФО, акцентируется необходимость обеспечения на Дальнем Востоке опережающего, по сравнению со среднероссийскими темпами, социально-экономического развития (с ежегодным приростом ВРП не менее 8–10%), что требует решения ряда задач в сферах экономики и социальной политики, таких как нивелирование удорожающих факторов развития региона, структурная перестройка экономики, интеграция экономики в международное разделение труда с новой структурой экспорта, увеличение численности и формирование постоянного населения на территориях ДФО с высоким качеством и уровнем жизни, развитие внутреннего потребительского рынка²⁶.

В апреле 2014 г. развитию Востока России (под которым понимается Восточная Сибирь и российский Дальний Восток) был придан новый импульс – утверждена государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», рассчитанная на 2014–2015 гг., за реализацию которой несет ответственность Министерство по развитию Дальнего Востока. Данная программа направлена на «устранение существенных межрегиональных диспропорций развития на базе опережающего социально-экономического развития макрорегиона»²⁷. Важно, что среди ожидаемых результатов реализации Программы акцентируются социальные эффекты: повышение общего качества жизни населения, в т.ч. качества человеческого капитала, стандартов качества жизни и социального обеспечения; развитие производственной и социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение и жилищный сектор; преодоление процессов анклавизации в регионе; рост численности населения до 10,75 млн человек

к 2025 г. Однако вскоре обнаружилось главное препятствие на пути реализации программы – явное недостаточное финансирование.

В 2015 г. для поиска высококвалифицированных кадров для модернизации ДФО создан проект «Дальневосточный вызов», цель которого формирование в кратчайшие сроки кадрового резерва в управленческую команду Дальнего Востока – в команду Полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе, Правительства России, министерства развития Дальнего Востока, правительств регионов, а также крупных бизнес-структур²⁸. «Дальневосточный вызов», также представленный в социальной сети Facebook, помимо сбора заявок в кадровый резерв и для инвестиционных проектов, привлекает внимание общественности и экспертов к модернизации Дальнего Востока, выполняя важную информационную функцию – на сайте проекта в разделе «Новости» оперативно размещается информация о принятых управленческих решениях и новых проектах в регионе.

Вместе с тем, дифференциация состояний модернизированности регионов и векторов их эволюции (табл. 9.2) делает целесообразным выделение нескольких этапов стратегии дальнейшей их модернизации. Этапы различаются выбором тех регионов, приоритетное развитие которых позволяет повысить реализуемость и эффективность модернизации как комплексного процесса. Выбор целесообразных приоритетов, учет которых позволит определить коридор возможностей дальнейшей модернизации, остается за органами управления.

По нашему мнению, при определении приоритетов на уровне регионов необходимо учитывать такие основания: 1) состояния модернизированности и векторы их эволюции; 2) сбалансированность составляющих модернизации²⁹; 3) способность решать

²⁶ Ишаев В.И. Концептуальные вопросы развития Дальнего Востока до 2050 г. М.: Экономика, 2012. С. 15–25.

²⁷ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <http://minvostokrazvitiya.ru/upload/iblock/6ed/gr34.pdf> [дата посещения 01.06.2014]

²⁸ «Дальневосточный вызов». URL: <https://dv-online.ru/>

²⁹ Как видно из табл. 9.2, уровень сбалансированности интегрированной модернизации (двух стадий) наиболее успешных в модернизации знаний (или вторичной модернизации) регионов ДФО заметно различается: выше среднего (Якутия, Магаданская область), средний (Камчатский край), ниже среднего (Приморский и Хабаровский край, Амурская и Еврейская автономная области), низкий (Сахалинская область, Чукотский автономный округ).

Таблица 9.2

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ (2000 – 2012)
Векторы эволюции состояний (типов) модернизированности регионов
и несбалансированность основных ее составляющих
(на основе интегрированных индексов и их субиндексов)*

Регионы	Динамика состояний типов				Интегрированные индексы, ИИСБ				Интегрированные индексы, ИИСБ				
					Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ	Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ	
	2000	2005	2010	2012	2010 г.				2012 г.				
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации													
<i>(8) Рецессия ВМ (из типа 4 в тип 3). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>													
Приморский край	4	3	3	3	0,314	С	эк., зн.	соц.	0,612	В	эк., зн.	соц.	
<i>(7) Неустойчивость ВМ. Отстает когнитивная составляющая</i>													
Чукотский АО	4	2	4	4	0,174	Н	зн.	эк., соц.	0,171	Н	зн.	эк., соц.	
<i>(6) Нестабильная динамика модернизации и быстрый переход к ВМ. Отстает когнитивная составляющая</i>													
Магаданская обл.	4	4	3	5	0,484	ВС	эк., зн.	соц.	0,531	ВС	зн.	эк., соц.	
Сахалинская обл.	4	2	4	5	0,147	Н	зн.	эк., соц.	0,132	Н	зн.	эк., соц.	
<i>(5) Быстрый переход к ВМ (к типу 5, фаза роста) В целом РОССИЯ] Опережают экономическая составляющая</i>													
РОССИЯ	3	3	5	5	0,555	ВС	эк.	соц., эк.	0,969	В	эк., зн.	соц.	
<i>(4) Переход к ВМ (от типа 3 к типу 4, в начальную фазу). Опережают экономическая и социальная составляющие</i>													
Респ. Саха (Якутия)	2	3	4	4	0,498	ВС	эк., зн.	соц.	0,811	В	зн.	эк., соц.	
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации													
<i>(3) Заторможенное повышение ПМ (от типа 2 к типу 3, в фазу зрелости). Отстают экономические составляющие</i>													
Дальневосточный ФО	2	2	3	3	0,261	НС	эк., зн.	соц.	0,475	ВС	эк., зн.	соц.	
Хабаровский край	2	2	3	3	0,248	НС	эк., зн.	соц.	0,520	ВС	эк., зн.	соц.	
<i>(2) Застой ПМ (тип 2, фаза роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>													
Амурская обл.	2	2	2	2	0,257	НС	эк., зн.	соц.	0,380	С	эк., зн.	соц.	
Еврейская авт. обл.	2	2	2	2	0,185	НС	эк., зн.	соц.	0,281	НС	эк., зн.	соц.	
<i>(1) Регрессия и неустойчивость ПМ (между типами 2 и 3, из типа 2 в тип 1, в фазу начала). Отстают экономическая и когнитивная составляющие</i>													
Камчатский край	2	1	1	3	0,313	С	эк., зн.	соц.	0,593	В	эк., зн.	соц.	

* Обозначения, источник: ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

актуальные задачи модернизации собственными силами, при минимальной поддержке со стороны федерального центра. Третье основание можно рассматривать как практически наиболее значимое, позволяющее учитывать и первые два. Поэтому примем его за исходное при формировании возможных этапов стратегии интегрированной модернизации регионов ДФО.

Этап 1. Республика Саха (Якутия) – единственный регион Дальнего Востока, который демонстрирует поступательную модернизацию и прошел за последнее десятилетие путь от второго до четвертого модернизационного типа, т.е. достиг одного из самых высоких в ДФО состояний модернизованности – подготовительной фазы вторичной модернизации. Ее индекс сбалансированности тоже один из самых высоких. Регион имеет высокий административный статус – статус республики, который определяется Конституцией Российской Федерации и Конституцией республики. Эксперты отмечают стабильность, достаточно высокое качество и прозрачность управления в республике. Это позволяет рассматривать данный регион как уже сейчас готовый во многом самостоятельно двигаться дальше по пути интегрированной модернизации и войти в фазу начала ВМ (тип 5), становясь фактическим лидером процессов модернизации в ДФО.

Одновременно необходимо мобилизовать финансовые и административные ресурсы ФО и федерального центра, достаточные для преодоления неустойчивости или рецессии процессов модернизации и вхождения Приморского края – в подготовительную фазу ВМ (восстановление типа 4), а Чукотского АО – в фазу ее начала (повышение до типа 5). Уже это позволит ДФО в целом повысить состояние своей модернизованности до типа 4, т.е. до нынешнего уровня Уральского ФО, который уступает лишь Северо-Западному и Центральному федеральным округам. В этом плане интересен случай Магаданской и Сахалинской областей – двух лидеров модернизационных процессов в ДФО, показывающих, однако, нестабильную динамику

модернизации с 2000 по 2010 гг. и отстающих по когнитивной составляющей интегрированной модернизации. Так, Магаданская область в 2010 г. снизила свой уровень модернизованности до 3-го типа, но уже в 2012 г. достигла пятого уровня, при этом показатели интегрированного индекса сбалансированности модернизации этого региона находятся на уровне выше среднего. В свою очередь, Сахалинская область, находившаяся в 2000 г. на 4-м уровне, в 2005 г. снизила свои показатели до 2-го уровня, снова вернувшись к типу 4 в 2010 г. и достигшая 5-го типа в 2012 г., пока имеет низкие показатели интегрированного индекса сбалансированности модернизации.

Этап 2. Опираясь на достижения этапа 1, мобилизовать ресурсы других регионов ДФО для повышения их состояний модернизованности (не обязательно до одинакового уровня, а с учетом их культурно-исторических особенностей и состояний модернизованности). Это позволит в итоге повысить состояние интегрированной модернизованности ДФО в целом и достичь типа 5, т.е. приблизиться или сравняться с общероссийским состоянием модернизованности.

Выводы

Анализ индексов модернизации ДФО, подготовленных ЦИСИ ИФ РАН и другими исследовательскими центрами, выявил как нестабильную динамику, так и процесс торможения модернизации макрорегиона, а в ряде случаев и откат в современном, технологическом развитии отдельных регионов округа в последнее десятилетие, причем это наблюдение справедливо даже для региональных лидеров в стадии первичной, индустриальной модернизации. Этот тревожащий факт, вкупе с наличием серьезных социальных и социокультурных барьеров для развития этого макрорегиона, наводит на мысли о необходимости в первую очередь стабилизации процесса вторичной модернизации, повышения качества жизни населения. Комплексной модернизации регионов Дальнего Востока

будут способствовать новые инфраструктурные проекты, применение наукоемких технологий и инноваций в обработке и промышленности, развитие несырьевых отраслей экономики, поддержка малого и среднего бизнеса, развитие социальной инфраструктуры, предложение новых экономических стимулов для удержания и увеличения численности населения, эффективных мер повышения качества жизни людей.

Освоение, заселение и развитие богатейших пространств Дальнего Востока началось еще в XVI в., и теперь, в XXI в., важно придать этим приоритетным для социальной модернизации и государственной целостности России процессам системный, управляемый характер, основанный на современных

достижениях науки и технологий, и при этом экономически и социокультурно сбалансированный. Срочная необходимость социально-экономического развития регионов Дальнего Востока находится в числе основных приоритетов современной внутренней политики России. Начало реализации новой стратегической государственной программы, направленной на ускоренное развитие и укрепление Дальнего Востока и Байкальского региона, дает основания надеяться на новые ресурсы для возможностей стабильного роста его экономики, решения социально-демографических проблем и значительного повышения показателей социальной сферы – и, в перспективе, достижения достойных модернизационных показателей.

Глава 10

РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

В предшествующих главах Атласа показано: в городах и весях России, в ее центральных и периферийных регионах и стране в целом, как и в большинстве стран мира, действительно совершаются процессы модернизации – технико-технологические, социально-экономические, социокультурные, институционно-регулятивные. Они совершаются как естественно-исторические процессы жизнедеятельности населения. Их совокупность весьма противоречива, имеет неоднозначные тенденции, порождает сложные проблемы.

Исходный факт, обоснованный в Атласе, состоит не только в том, что в настоящее время в России совершаются процессы модернизации, но и в том, что, как и во многих среднеразвитых странах, *одновременно осуществляются две ее стадии* – первичная, индустриальная и вторичная, информационная. Каждая стадия осуществляется в разных регионах по-своему, в разной мере и с разными результатами, что не исключает их общих характеристик, качеств, этапов.

Подытожим тенденции, этапы, качества и проблемы процессов российской модернизации, осуществлявшихся в 2000–2012 годах. Выделим наиболее значимые их качества: (1) спонтанность, несбалансированность экономической, социальной, когнитивной составляющих модернизации; (2) фрагментарность результатов модернизационных процессов,

целеполагание и эволюция которых подчас зависят от случайных факторов; (3) в итоге – торможение модернизации, ее социокультурная дисфункциональность.

Названные качества можно рассматривать как свойственные не только модернизации, но и трансформирующемуся российскому **обществу в целом**. В совокупности они *не позволяют решить те его проблемы*, которые вызывают саму потребность в модернизации, образуют ее социокультурные вызовы. Эти качества порождают также новые проблемы и угрозы дальнейшей эволюции России.

Спонтанность модернизационных процессов в России

Вначале напомним основные этапы предстории этих процессов в 90-е годы прошлого века. 1992–1998 гг.: *повсеместная деиндустриализация*, которая подорвала производственные фонды обрабатывающей промышленности страны, третьего и четвертого ее технологических укладов. 1998–1999 гг.: *начало стабилизации и восстановления экономики*. Частичное восстановление индустриальной базы обрабатывающей промышленности и всей экономики, обострение потребности в модернизации общества в целом как способа цивилизационной эволюции современной России.

Таблица 10.1

Динамика фаз, стадий и состояний (типов) модернизированности России (2000–2012 гг.)

Стадии модернизации России в целом, их характеристики	Величины индексов и фазовых значений стадий модернизации, номера состояний (типов) модернизированности России в целом						
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Первичная модернизация (ПМ)	91,9	95,5	99,7	99,9	99,9	100,0	100,0
Фазовые значения ПМ	3,25	3,25	3,5	3,25	3,75	3,75	3,75
Вторичная модернизация (ВМ), до 2010 г. – условные индексы, на стадии ПМ	(57,0)	(66,2)	(69,8)	(70,4)	71,2	73,0	74,4
Фазовые значения ВМ, до 2010 г. – условные, на стадии ПМ	(1,0)	(0,5)	(0,75)	(1,0)	1,0	1,0	1,0
Интегрированный индекс двух стадий модернизации	54,0	57,9	62,5	63,5	65,6	65,4	67,0
Состояния (типы) модернизированности	3	3	3	3	5	5	5

Источник: *Chuanqi He* (ed.). *China Modernization Report 2014: Industrial Modernization*. Beijing, University Press, 2015.

Вступление России в подготовительную фазу вторичной модернизации

Российская статистика не адаптирована к выявлению процессов модернизации, в том числе к выявлению динамики технологических укладов. Поэтому для Атласа очень важны показатели и индексы мониторинга модернизации в 130 странах, который с 2000 г. осуществлял Центр исследований модернизации Академии наук Китая. Согласно индексам ЦИМ АНК, в 2000–2012 гг. произошло заметное повышение фаз, стадий и состояний (типов) модернизированности России (табл. 10.1).

Анализ этих данных позволяет выделить **два периода модернизации России в начале XXI столетия:**

1) 2000–2009 гг. – быстрый рост индексов первичной модернизации в пределах третьего состояния (типа) модернизированности; однако в 2008 г. начался экономический кризис, который в сочетании с внешними санкциями затормозил процессы модернизации – не только вторичной, но и первичной.

2) В 2010–2012 гг. Россия достигла и, казалось бы, закрепились в подготовительной фазе вторичной модернизации, состояние ее модернизированности повысилось на две ступени (от типа 3 в тип 5), но одновременно наблюдалось кризисное торможение процессов модернизации, стабилизация большинства регионов

в состояниях первичной модернизации. Более того, с 2013 г. углубляется кризисное торможение модернизации, возникли симптомы социогуманитарной рецессии (2015).

На первом этапе, до начала кризиса, к 2008 г. индекс ВВП России на душу населения достиг 100% требуемого значения. Индекс продолжительности жизни поднялся до 97%. В целом индекс осуществления первичной модернизации России вырос в 2000–2008 гг. с 91,9% до 99,7%, а ее место среди 131 страны повысилось на 8 пунктов (стало 40-м). Одновременно *условный индекс* вторичной модернизации¹ вырос на 10 пунктов, однако международный ранг России по этой, высококонкурентной позиции снизился (стал 30-м). Интегрированный индекс модернизации России повысился на 10,4 пункта, но ее международный ранг по этому комплексному, наиболее подходящему для международных сопоставлений индексу, не изменился (37-е место). В итоге Россия в 2008 г. находилась в первой половине среднеразвитых стран, но значительно отставала от развитых (62,5 балла по сравнению с их 77–98 баллами).

На следующем этапе, в 2010–2012 гг. был преодолен формальный рубеж вступления

¹ Строго говоря, до вступления страны или региона в стадию вторичной модернизации нет оснований фиксировать ее фазы, поэтому в данном случае мы называем ее индексы *условными*.

России в подготовительную фазу вторичной модернизации. Несмотря на начавшийся в 2008 г. кризис, индекс первичной модернизации России, по инерции предшествующего роста нефтегазовых доходов, к 2010 г. даже немного повысился, хотя итоговый индекс снижала недостаточная ожидаемая продолжительность жизни). Однако некоторые конкурирующие страны (Кувейт, Бразилия, Турция) росли быстрее и потеснили Россию с 40-го места на 43-е. Индекс вторичной модернизации поднялся на два пункта, а международный ранг в этой категории стран не изменился. От информационно развитых стран Россию стали отделять 4 среднеразвитые; по возрастанию индексов это – Греция, Чехия, Италия, Португалия. Интегрированный индекс модернизации тоже немного повысился (до 67), но соответствующий ранг России вернулся к состоянию 2000 г.

Тем не менее, к 2010 г. произошло существенное повышение *фазовых значений* первичной модернизации России. В условиях начавшегося кризиса, вследствие продолжавшегося обезземеливания крестьян (посевные площади всех сельскохозяйственных культур России уменьшилась на 1736 тыс. га²), снизилась доля аграрного сектора в ВВП страны (с 4,7 до 4%), а также доля занятости в этом секторе по отношению к общей занятости (с 10,0 до 9,7%). В результате этих негативных процессов фазовое значение первичной модернизации России повысилось с 3,5 до 3,75. Это формальное «достижение» позволило отнести процессы модернизации России в целом в 2010–2012 гг. к подготовительной фазе вторичной, информационной модернизации. Состояние модернизованности России в целом повысилось на две ступени: от типа 3 до типа 5.

В 2010–2012 гг. 25 регионов из 83 достигли 100%-го уровня ее стандартных показателей первичной модернизации, преодолели барьеры высшей, четвертой ее фазы и вступили в стадию вторичной модернизации. В силу названных и иных причин структурного характера *Россия в целом к 2012 г. вошла*

в подготовительную фазу вторичной модернизации. В регионах, которые достигли второй, информационной стадии модернизации, проживали 40% населения страны. Занятая в экономике часть этого населения создала более 60% ВРП России. Соответственно, и экономический эффект их трудовой деятельности, или производительность их труда были в 1,5 раза выше среднероссийских показателей. Таков преимущественно экономический эффект модернизации.

Тем не менее, содержание второго этапа (2010–2012 гг.) требует критического восприятия. Во-первых, 58 регионов страны еще оставались на стадии первичной модернизации, т.е. в более низких состояниях модернизованности – с первого по третий типы. В этих регионах жили свыше 60% населения (137,9 млн чел.), а производительность труда занятой их части оставалась в 1,5 раза ниже среднероссийской. Среди них 6 регионов находились в низшем состоянии модернизованности (тип 1); это республики Алтай, Калмыкия и Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкарская и Карачаево–Черкесская республики, Тамбовская область. Общая численность населения этих регионов составляет 3,6 млн человек.

Во-вторых, достигнутые рубежи соответствовали состоянию модернизованности развитых стран полувековой давности – в начале 60-х гг. XX столетия. Осуществившиеся с тех пор и продолжающиеся в этих и других странах достижения постиндустриальных (пятого и шестого) технологических укладов создали новое качество современного состояния завершенности первичной, индустриальной модернизации. В условиях глобализации оно меняется буквально на наших глазах. Еще недавно бизнес этих стран стремился выводить промышленные предприятия в менее развитые страны с дешевой рабочей силой, развивая у себя дома фирмы с высокотехнологичным, виртуально оцениваемым капиталом. Но в последнее время дефицит реальной экономики и реальных капиталов оказался сопряжен с глубоким финансово-экономическим и цивилизационным кризисом. Мало-квалифицированная рабочая сила мигрирует

² Регионы России. 2011. Стат. сб. М., Росстат. Табл. 15.5.

в пространственно близкие им страны Европы из слаборазвитых стран Африки и ближнего Востока, охваченных кровавыми конфликтами. Этот мощный фактор, как и дефицит реальных капиталов, побуждают бизнес возвращать реальное производство домой. Начавшаяся *новая индустриализация* (или реиндустриализация) в развитых странах означает также и новое качество современных индустриальных укладов, которые насыщаются постиндустриальными достижениями науки и техники. Не случайно стали говорить о четвертой промышленной революции.

Следовательно, достижение Россией (в целом, но лишь менее 30% ее регионов и около 40% населения) завершенности стандартов первичной модернизации полувековой давности не означает действительного завершения индустриализации в современном ее качестве. Стандартные формальные рубежи высшей фазы первичной модернизации были взяты благодаря *инерции* «тучных лет».

Вместе с тем, экономический кризис 2008 г. вызвал противоположную тенденцию: *торможение* процессов модернизации, которое вначале имело характер *стагнации*. В большинстве регионов инерционно продолжался замедленный рост, однако в одних регионах произошло снижение состояний модернизованности (например, в Мурманской и Челябинской областях), а в других наблюдались колебания состояний – снижение с последующим восстановлением (например, в Ивановской, Кировской, Самарской областях). К 2015 г., в условиях углубления кризиса (с 2013 г.) и внешних санкций (с 2014 г.), торможение модернизации приобрело *симптомы начала социогуманитарной рецессии*.

Теперь реальное достижение современных рубежей индустриализации требует развертывания **новой индустриализации** – создания и эффективной эксплуатации нового производственного оборудования и конкурентоспособного качества создаваемых товаров и услуг, перехода от трудоемкой экономики к наукоемкой.

Кризис сделал содержание третьего этапа модернизации России остро противоречи-

вым. Во-первых, спонтанное вхождение «России в целом», но меньшинством ее регионов и населения, в подготовительную фазу вторичной модернизации свидетельствовало об усилении неравномерности социально-экономического, в целом социокультурного развития регионов. Эта неравномерность оказалась в 2,3 раза острее, чем аналогичная неравномерность между странами мира. Другим следствием кризиса и последовавших санкций стало замедление перехода многих регионов в высокие фазы первичной модернизации, торможение их подготовки к переходу во вторичную ее стадию.

Факторы спонтанного роста модернизации

В начале своего президентского срока (2008) Д.А. Медведев декларировал модернизацию как приоритетную стратегию движения России вперед. Однако дело не дошло до научно обоснованной разработки этой стратегии, тем более до ее практической реализации. До сих пор **отсутствует целенаправленное регулирование** российской модернизации. «Стратегия 20-20» имеет иное содержание, но также далека от воплощения в жизнь.

Возникает вопрос: почему, несмотря на отсутствие целенаправленного регулирования сверху, модернизация все же осуществляется, пусть и спонтанно, в несовременном и неэффективном варианте? Прежде всего, в результате тех же радикально-хаотичных реформ в 90-е годы прошлого века, во-первых, возникла социально-экономически *многоукладная экономика*, которая создала качественно новый диапазон выбора характера трудовой деятельности (не только наемный труд, но и самозанятость или ведение собственного бизнеса); во-вторых, разрушение тоталитарного режима *приоткрыло свободу* идеологической и общественно-политической активности граждан. Эти два фактора и составляют сохраняющиеся достижения эпохи Ельцина.

Многолетний мониторинг ЦИСИ Института философии РАН показал, что в качестве социальной базы модернизации возник «средний класс» как большая сложносоставная

социокультурная страта, а более конкретно – такие ее слои, как «высокостатусные», «эксперты», «руководители», часть «реалистов», – всего примерно 50% занятого населения³. За годы реформ эти слои постепенно накопили опыт коммерческой культуры, стали опорой для становления частного сектора – с одной стороны, а с другой – они используют свой социальный и культурный капитал для улучшения собственного благополучия, тем самым работают и на экономическое, научное и культурное развитие страны, а также создали массовую базу для распространения демократических установок и либеральных ценностей. Накопление модернизационного потенциала общества происходило прежде всего в крупных городах и столице, но затем социальная база для модернизации стала расти также в средних городах.

Вместе с тем, можно предположить, что и на вершинах статусной стратификации, среди российских олигархов действуют свои, персонифицированные стимулы-мотивы модернизации, исходящие от силовых полей глобальных потоков капитала, движимых конкуренцией стран и транснациональных корпораций. Многие отечественные олигархи оказались в Лондоне, вблизи финансовых эпицентров глобальных потоков капитала, и непосредственно воспринимают потребность инвестировать часть сверхприбылей в модернизацию своих корпораций в России, чтобы удерживаться в верхней страте глобальных миллиардеров.

Однако в самой России процессы модернизации упираются в низкое качество рыночной конкуренции и управления – некомпетентность многих менеджеров и чиновников, дополняемую их активной открытостью коррупции, соответственно – непрозрачностью их действий.

В результате массовые модернизационные процессы совершаются по преимуществу спонтанно, вопреки коррумпированному противодействию. Впрочем, они все же испытывают слабое управленческое воздействие в виде стратегий социально-экономического

развития регионов, которые в последнее время дополняются федеральными программами, распространяемыми и на регионы. Но фрагментарная управляемость не обеспечивает сбалансированного соотношения между основными, социетальными составляющими модернизации как социокультурного процесса.

Несбалансированность составляющих ВМ и ИИМ

Существование такой проблемы побудило ЦИСИ Института философии РАН разработать *индекс сбалансированности* вторичной стадии модернизации. Формальные предпосылки решения этой задачи создал инструментарий ЦИМ КАН, благодаря которому уровень модернизированности каждой социетальной сферы вторичной модернизации (экономической, социальной, когнитивной) выражен через величины соответствующих субиндексов этой стадии, а соотношение двух стадий модернизации – через субиндексы интегрированного индекса⁴:

$$ИСвм = (1 : [(Ивм - Сиз)^2 + (Ивм - Стз)^2 + (Ивм - Сжж)^2 + (Ивм - Скэ)^2]) : 100,$$

где: **ИСвм** – индекс сбалансированности вторичной модернизации; **Ивм** – итоговый индекс вторичной модернизации; **Сиз** – субиндекс инноваций в знаниях; **Стз** – субиндекс трансляции знаний; **Сжж** – субиндекс качества жизни; **Скэ** – субиндекс качества экономики.

Вычисление индексов сбалансированности (ИСб) составляющих модернизации России и ее регионов обнаружило разнородные тенденции.

С одной стороны, как видно из табл. 10.2, за 12 лет число регионов с низким уровнем индекса вторичной модернизации увеличилось более чем в 25 раз (с двух в 2000 г. до 51 в 2012 г.) за счет значительного уменьшения числа регионов других уровней сбалансированности, включая уровень «ниже среднего».

⁴ Обоснование индекса сбалансированности модернизации см.: Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост.- отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. С. 28-30.

³ Подробнее см. гл. 2.

Таблица 10.2

Динамика численности регионов России по уровню индекса сбалансированности вторичной модернизации (IDSM, 2000 – 2012 гг.)

Россия	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
высокий	8	3	4	4	2	1	2
выше среднего	12	4	2	2	2	2	2
средний	23	15	9	9	7	4	4
ниже среднего	38	40	32	32	28	25	24
низкий	2	21	36	36	44	51	51
Всего регионов	83	83	83	83	83	83	83

Источник: Таблица построена с помощью ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

В 55 регионах это произошло из-за отставания одновременно экономической и инновационно-когнитивной составляющих от уровня социальной составляющей, которая оказывалась впереди благодаря уровню, достигнутому еще в советское время. Лишь в 14 регионах индекс экономической составляющей выше среднего ИСб; из них 9 регионов находятся в стадии вторичной модернизации (ВМ). Аналогично, в 15 регионах индекс когнитивной составляющей выше среднего ИСб; из них 10 регионов – в стадии ВМ. И только в одном регионе значения экономической и когнитивной составляющих выше среднего ИСб – это Москва, которая достигла высокого состояния модернизированности (тип 6).

Противоположной была динамика числа регионов по уровню интегрированного ИСб составляющих: в 2000–2012 гг. почти в 10 раз уменьшилось число регионов с низким уровнем интегрированного индекса, который выражает сбалансированность двух стадий модернизации; впрочем, в двух случаях из трех это означало повышение ИСб регионов лишь до уровня «ниже среднего», и только в трети случаях – до среднего уровня (см. табл. 10.3).

Очевидно, что чем более комплексной и сбалансированной будет модернизация как цивилизационный процесс, тем явственнее проступит ее собственная роль в повышении уровня и качества жизни населения. Напро-

Таблица 10.3

Динамика численности регионов России по уровню интегрированного индекса сбалансированности модернизации (IID, 2000 – 2012 гг.)

Россия	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
высокий	1	2	5	1	2	4	6
выше среднего	1	0	1	1	3	7	9
средний	0	5	3	4	10	14	15
ниже среднего	7	35	40	33	41	50	45
низкий	74	41	34	44	27	8	8
Всего регионов	83	83	83	83	83	83	83

Источник: Таблица построена с помощью ИС «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

тив, сохранение ее разбалансированности обрекает население на углубление контрастов в его жизни и означает торможение процессов модернизации в целом.

За 10 лет около 20 регионов поднялись из типа 2 в тип 3 и выше. Но дальнейшая динамика большинства регионов, находящихся в состоянии зрелой первичной модернизации (тип 3), *затормозилась*: они не смогли преодолеть барьеры переходной фазы и войти в подготовительную фазу вторичной модернизации. Как выше было отмечено, *барьеры входа* в эту фазу достаточно высоки: отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к валовому региональному продукту (ВРП) и к добавленной стоимости в промышленности должно быть, соответственно, не более 5% и 0,2%, а отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости и к занятости в промышленности – не более 10% и 0,2%⁵.

Достижение названных показателей должно означать завершение первичной модернизации, наличие условий для *системного*

⁵ Эти структурные параметры и их показатели были выделены китайскими коллегами на основе анализа истории развитых западных стран с середины XVIII до середины XX века. Впрочем, приведенные показатели отражают природные и исторические особенности этих стран (их природно-климатические условия, масштабы, плотность населения, его культуру и др.) и могут оказаться не вполне корректными для других стран, в том числе для России.

перехода к вторичной модернизации как новой (отнюдь не последней) исторической стадии процесса модернизации, обладающей особыми качествами. Предполагается *эндогенное* восприятие информационной стадии модернизации – *системное преобразование* структуры и способов функционирования индустриального общества и его экономики в экономику и общество знаний, качественное повышение роли образования, науки, инноваций, сферы услуг и т.п.

Выделение такого рубежа весьма актуально для тех среднеразвитых стран, которые, как Россия, стремятся стать информационно развитыми. Вновь отметим также, что в начале нынешнего столетия вступление в фазу перехода от первичной модернизации к вторичной предполагает *новое качество первичной модернизации* по сравнению с тем, какое было достигнуто индустриальными странами к 60-м годам прошлого века. Тогда это была первичная модернизация на основе машинной индустрии с ручным управлением (обозначим ее «ПМ-1»), которая затем в США и странах Западной Европы трансформировалась в электронно-автоматизированную индустрию («ПМ-2») и подготовила эндогенное возникновение информационной модернизации в этих странах⁶.

Таким образом, в России в последние годы наблюдается *торможение процессов модернизации*. Как показывают социокультурные портреты, в ряде регионов заметна ее социокультурная дисфункциональность, т.е. превращение в псевдомодернизацию. Элементы вторичной модернизации в тех регионах, которые даже на этапе ПМ-1 не достигли переходной фазы, могут создавать иллюзию возникновения вторичной модернизации как таковой, но реально означают по преимуществу экзогенно-диффузное проникновение ее элементов (например, персональных компьютеров) из развитых стран, которое само по себе не может повысить качество модернизации региона до *системной* вторичной модер-

низации, опирающейся на электронный этап индустриализации (ПМ-2). Это иллюзия на почве *роста* в рамках первичной модернизации *без развития* во вторичную ее стадию.

Разная социокультурная эффективность модернизации наблюдается и в странах Евросоюза. Согласно анализу данных Европейского социального исследования (2006), модернизационно развитые Германия, Англия, Франция имели средние значения социокультурных параметров 3,8 (по 5-балльной шкале), а Бельгия, Австрия, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Дания, Швейцария – 4,4 балл. Нократно отличались от европейского контекста Россия, Болгария и Украина – соответствующие значения для этих стран составляли всего 1,6 балла⁷.

Факторы социокультурной дисфункциональности и торможения модернизации

Имеются три группы факторов социокультурной дисфункциональности и торможения модернизации: структурно-социальные, материальные и ценностно-культурные. Все они активно обсуждаются в российском дискурсе.

Основным структурно-социальным фактором является *незавершенность трансформации российского общества*. В целом, российское общество, осуществляя социальную трансформацию, начавшуюся с системного кризиса СССР, завершило первый постсоветский этап своего развития – как этап преодоления основных характеристик прежнего, советского общества, включая приватизацию большей части государственной собственности, разрушение институтов централизованно-планируемой экономики, отказ от монополии КПСС в идейно-политической жизни и управлении страной. Однако это

⁶ Это делает необходимым измерять уровень ПМ-2, чтобы более адекватно сопоставлять современные уровни и фазы модернизации среднеразвитых и высокоразвитых стран.

⁷ См.: Н.И. Лапин. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. Социология. Этнология. М., 2011, № 2. Следует учитывать, что в результате экономического и миграционного кризисов 2014–2016 годов положение в странах ЕС заметно изменилось. Требуются специальные исследования этих изменений.

еще не означает, что завершен процесс трансформации, которая предполагает не только разрушение прежнего, но и созидание нового общества, способного удовлетворить потребности населения и успешно ответить на вызовы глобального развития, с которыми сталкивается Россия.

На незавершенность социетальной трансформации России обращают внимание многие исследователи. Так, в 2008 г., на пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса ведущие российские социологи сформулировали три фактора, свидетельствующие о незавершенности трансформации:

«Во-первых, главная стратегическая цель реформ – обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России с передовыми странами Запада – не достигнута. В стране пока еще далеко не сложились ни эффективная система современных общественных институтов, ни социально-групповая структура, обеспечивающая ее функционирование. Человеческий же потенциал российского общества по сравнению с дореформенным уровнем, скорее, снизился. Таким образом, объективная потребность в дальнейшем развитии трансформационных процессов сохраняется».

Во-вторых, результаты реформ и связанного с ними перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как нелегитимные.

Наконец, в-третьих, прекращение целенаправленных реформ «сверху» само по себе не означает прекращения трансформационных процессов. Просто они принимают иную форму – например, распространения новых социальных практик «снизу»⁸.

Устарели ли за истекшие 8 лет эти аргументы и опирающийся на них вывод о незавершенности трансформации? Скорее, напротив, подтвердилась их устойчивость, тем самым и опасность сохраняющейся ситуации для российского общества. Первое десятилетие XXI столетия прошло в России под знаком

стабилизации результатов незавершенной хаотической трансформации 90-х годов и одновременно – спонтанного начала модернизации как части иного, цивилизационного процесса развития большинства стран мира. Предстояло выбрать вектор дальнейшей эволюции. Экономический кризис обострил эту задачу: она приобрела характер новой исторической развилки: стагнация незавершенной трансформации или модернизация с позитивными человеческими измерениями?

Стагнация не только возможна, но и осуществляется с середины предыдущего десятилетия. Она укрепилась в условиях кризиса, имеет поддержку со стороны многих из тех, кто находится у власти или близок к ней. Одновременно растет недовольство тех, кто хочет и готов, но не может осуществлять модернизацию.

Наиболее обсуждается в российском дискурсе вторая группа факторов: *материальные, преимущественно экономические* факторы стагнации. Их емко сформулировал академик А.Г. Аганбегян. Основываясь на объемном докладе, который подготовили сотрудники РАНХ и ГС при Президенте России и НИУ ВШЭ и который был направлен Правительству России в августе 2011 г., он заключил: «Самое плохое, что произошло у нас после кризиса, – это то, что Россия перешла на сниженную траекторию развития». Это стало возможным потому, что и после кризиса мы продолжили развитие по модели, основанной на «отсталой структуре промышленного производства с преобладанием топливно-энергетических, сырьевых, материалоемких отраслей, на неудовлетворительном инвестиционном климате, что приводит к оттоку капитала, при непрерывно растущих иностранных заимствованиях и плохо используемых внутренних средствах... Огосударствление рыночной экономики, засилье олигархических структур, отсталые институты развития, отсутствие назревших социально-экономических реформ – все это тормозит движение вперед»⁹.

⁸ Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия. Под ред. Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. М.: Вече, 2010. С. 104.

⁹ См. А.Г. Аганбегян. Размышления о современном кризисе в России и ее послекризисном развитии // Мир перемен. 2012, № 2, С. 15–16.

И еще одно авторитетное заключение – академика Е.М. Примакова в его подытоживающей книге: «Вопрос вопросов российской экономики – активизация инвестиционной деятельности по всем линиям – государственной, частнопредпринимательской, привлечению иностранных инвесторов»¹⁰.

Третья группа факторов имеет *духовно-ценностное содержание, закрепляемое институционально*: отсутствуют **базовые социокультурные условия** модернизации. Такими условиями являются: повседневное и повсеместное следование гуманистическим ценностям и нормам *правового социального государства*, уменьшение разрывов между условиями жизни различных слоев населения внутри регионов, а также между регионами, подчас соседними, снижение кратного отставания условий жизни россиян от развитых стран того мегарегиона, который можно назвать: *Европа и вся Россия*. Уточним: эти характеристики жизни общества на деле становятся базовыми социокультурными условиями его модернизации лишь *по мере того, как они закрепляются, практически обеспечиваются* институтами образования, науки, правопорядка, социальной политики, в целом социальной структурой общества. Это и означает осуществление социокультурной модернизации. Ее отсутствие или недостаточность в условиях нерегулируемого, спонтанного перехода к вторичной стадии модернизации приводит к социокультурной дисфункциональности процесса.

Таким образом, преимущественно **спонтанное продолжение модернизации происходит весьма заторможенно**. Чтобы стать информационно развитой, России необходимо повысить ВМ-индекс до 80 баллов, т.е. на 4 или более пунктов, а интегрированный индекс – на 13 пунктов (с 67 до 80). Но только кажется, будто это совсем немного и можно *быстро* решить задачу. *Перспективы вхождения России в число модернизационно развитых стран остаются сложными*. Необходимо целенаправленное регулирование. Ведь дело не только в величинах индексов, а прежде всего – в **повышении социокультур-**

ной эффективности модернизации, а более конкретно – в повышении уровня и качества жизни населения.

Статистически фиксируемый рост социально-экономической модернизации дисфункционален в ее человеческих измерениях. **Основная дисфункция состоит в том, что социум не востребует культурный потенциал населения в качестве культурного капитала**, дающего практические результаты – профессиональную деятельность его обладателей, их доходы и успехи всей страны. В этом проявляется охарактеризованный в главе 1 социокультурный диссонанс российской цивилизации. По закону обратной связи, такая невостребованность превращается в причину стагнации модернизации. Выделим две сферы невостребованности – массово-культурную и инновационно-стратегическую.

Массово-культурную сферу составляет углубляющееся несоответствие между растущими потребностями молодежи и активных работников в высоком образовании, с одной стороны, и якобы удовлетворение этой потребности путем массовизации образования, но снижения его качества при сохранении дефицита высокотехнологических рабочих мест – с другой. По подсчетам специалистов, численность нового поколения, которое включено в процесс профессиональной подготовки, составляет примерно 8,9 млн человек; его часть ежегодно сменяет часть экономически активного населения – 64,8 млн человек (на полную его ротацию требуется не менее 28 лет), среди них работники средней и низкой квалификации составляют 72,4% – такая квалификационная структура малопривлекательна для молодежи¹¹.

Однако образование остается важнейшим адаптационным ресурсом людей. Стремление приобрести этот ресурс обусловило при переходе к рыночной экономике быстрый рост спроса на профессиональное образование, значительно превышающий потребности стагнирующей российской экономики в квалифицированной рабочей силе. Согласно

¹⁰ Примаков Е. Россия. Надежды и тревоги. М.: Центрполиграф, 2015. С. 89.

¹¹ Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт // Грани российского образования. Редк., предс. М.К. Горшков. М.: Соционетр, 2015. С. 31–36.

данным RLMS-HSE, около 60% работников выполняют работу, которая не требует высокой квалификации, а почти четверть опрошенных уверены, что их работа вообще не требует профессионального образования; 44,8% занятых работают совсем по другой специальности, каждый пятый выпускник вуза и каждый третий выпускник ссуза никогда не работали по приобретенной специальности. Это связано с тем, что профессиональное образование ориентировано на удовлетворение *социальной* потребности в образовании (подготовке лучше оплачиваемых финансистов, юристов, управленцев), но не потребностей нынешнего рынка труда в квалифицированных инженерах, техниках и рабочих. К тому же произошло снижение качества образования, породившее дефицит действительно высококвалифицированных специалистов. В условиях кризиса и санкций выявлено существенное снижение уверенности в возможности трудоустройства в случае непредвиденного увольнения¹².

Другую, *инновационно-стратегическую сферу* невостремленности культурного потенциала населения, от состояния которой зависят перспективы России, образует наличие большого числа изобретений, инновационных разработок (включая патенты), которые не реализуются в российской экономике из-за отсутствия спроса со стороны отечественного бизнеса, но многие находят спрос за рубежом. Специальное исследование показало, что квартет наукоферы (НИИ+вузы+предприятия+финансовые институты) и государство в российских условиях «постоянно дает сбой, который проявляется в противоречии между регулярными напоминаниями *сверху* о необходимости строить в стране инновационную экономику и отсутствием существенных результатов такого строительства»¹³.

¹² Козырева П.М. Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования. Редк., предс. М.К. Горшков. М.: Социоцентр, 2015. С. 379–382, 400.

¹³ Латова Н.В., Латов Ю.В. Инновационные площадки России – «хорошие и разные» (структурный анализ) // Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования. Редк., предс. М.К. Горшков. М.: Социоцентр, 2015. С. 422.

Авторы этого исследования структурировали обширный массив основных организационных форм инновационных площадок в современной России (бизнес-инкубаторов, технопарков и центров трансфера технологий), дифференцированно проанализировали его состояние и фиксировали краеугольную проблему отечественной инноватики словами одного из респондентов: «Проблема для нас одна, но глобальная – отсутствие спроса на инновационную продукцию. Не получается сформировать систему получения заказа на инновации»¹⁴. То же можно сказать и о малых инновационных предприятиях университетов. Добавим, что *возникшие в России фрагментированные инновационные структуры так и не сложились в национальную инновационную систему*, суть которой составляет венчурное предпринимательство, а первичной организационной структурой служит тандем: *венчурный фонд – малая фирма*.

Имеются и другие сферы, в которых проявляется невостремленность культурного потенциала населения российским бизнесом, социумом в целом. Это и безвозмездная утечка научно-инновационных мозгов в развитые страны, и другие способы платы за неурядицы в мозгах «эффективных менеджеров» и чиновников. В целом это – результаты деиндустриализации экономики и несбалансированности, фрагментации спонтанной ее модернизации. Рассогласованы первичная и вторичная модернизации; разбалансированы их человеческие измерения, а их уровень в 2,4 раза ниже среднеевропейского. Особенно значимы разрывы по удовлетворенности трудом и жизнью в целом, по достаточности доходов для жизни, демократизму политической культуры и поведения населения. Сохраняются контрасты материального положения различных категорий населения,

¹⁴ Там же. С. 446. Эта проблема была нами фиксирована уже при анализе постдефолтного импортозамещающего оживления российской промышленности: «Главная проблема заключается в том, что в современной России ни легальные, ни неправовые институты и практики не обеспечивают необходимого спроса в реальном секторе экономики на все еще высокий уровень ИЧК» (инновационного человеческого капитала) // Латова Н.И. Теория и практика инноватики. Учебное пособие. М.: Логос, 2008. С. 275.

его незащищенность от преступности и других социальных опасностей.

Такую дисфункциональность можно квалифицировать как *социокультурную квази-модернизацию*, которая стимулирует стагнацию и рецессию пока еще значительного человеческого потенциала россиян. Повсеместно сохраняются очень низкие показатели инноваций в знаниях и качества экономики – ее прозрачности, конкурентоспособности, социальной ответственности. Наряду с этим, *сжимается пространство общественно-политических свобод и прав граждан*. Вследствие этого:

- сохраняется взаимное недоверие между широкими слоями населения и органами исполнительной власти, особенно правоохранительными;
- обостряются социальные, политические, этноконфессиональные напряжения, порой перерастающие в конфликты.

Россия – в начале социогуманитарной рецессии?

Чтобы уточнить динамику диссонанса социума и культуры, обратимся к результатам трех последних волн всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2006, 2010, 2015 гг.)¹⁵. Результаты волны 2006 г. побудили авторов фиксировать неоднозначность тенденций социокультурной эволюции России на первом этапе модернизации: «Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост».

¹⁵ Мониторинг осуществляется с 1990 г. Его волны репрезентативных опросов состоялись летом 1990, 1994, 1998, 2002, 2006, 2010, 2015 годов. Последние три опроса проведены независимым Институтом сравнительных социальных исследований (ИССИ, директор, кандидат социологических наук В.Г. Андреев), методом личного интервью на дому у респондентов. Используется многоступенчатая вероятностная модель выборки, которая обеспечивает репрезентативность населения страны и ее макрорегионов, городских и сельских жителей; представлены поселения разного размера, основные социально-демографические и этнические группы. Имеется большое число публикаций результатов мониторинга – как статей, так и монографий. Из мониторинга выросла инициативная исследовательская программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в которой участвуют исследовательские коллективы специалистов около 30 регионов страны; одним из ее результатов стал и настоящий Атлас.

Результаты 2010 г. позволили дать более оптимистичную оценку завершавшегося этапа: «От стабилизации к интегрирующей модернизации России». Однако опрос 2015 г. показал, что на современном этапе модернизации, в условиях кризиса, с одной стороны, сохранились некоторые позитивные тенденции, а с другой – продолжилась начавшаяся ранее стагнация социальных структур и отношений. Более того, возможно, началась их *рецессия* по сравнению с 2006–2010 годами; в итоге обостряется характерный для российской цивилизации диссонанс азиатско-элитарного социума и российско-европейской культуры. Есть основания предложить новый диагноз: «Россия в начале социогуманитарной рецессии, перед цивилизационным выбором». Вначале остановимся на первой части этого диагноза.

Прежде всего, отметим некоторые *позитивные* тенденции 2010–2015 гг. Продолжала снижаться незащищенность населения от острых социальных опасностей. Ниже критичных 50% опустилась незащищенность от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов, хотя незащищенность от бедности остается на уровне 60%. Мало изменилась и структура субъективных восприятий материальной обеспеченности (подробнее см. об этом в главе 2).

Вместе с тем, не произошло существенных изменений в доверии россиян к институтам власти. Максимумом доверия пользуется одно лицо – В.В. Путин (72,5%). Устойчиво сохраняется высокое доверие к армии и церкви (соответственно, около 60 и 50%). А доверие правоохранительным органам (суд, прокуратура, полиция) остается ниже критического: 30–40%. Заметно ниже (до 20–27%) доверие парламенту, партиям, профсоюзам.

Как и в 2010 г., около 40% респондентов считают себя *больными*. Они имеют такие претензии к государственному медицинскому обслуживанию: очереди к врачам, недостаток квалифицированных врачей, дорогие лекарства, приходится платить врачам. Более половины респондентов отметили загрязненность воздуха и воды.

Сохраняется локализация процессов *взаимопонимания* на уровне первичных структур

Таблица 10.4

**Приоритетные меры по улучшению условий
жизнедеятельности населения России**
(% от опрошенных)

№	Приоритетные меры	2006	2010	2015
1	Создавать новые рабочие места	41	45	43
2	Улучшить медицинское обслуживание	33	36	35
3	Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	37	32	27
4	Усилить государственный контроль над экономикой	–	18	23

отношений между людьми: в семье, среди друзей, товарищей по работе и с соседями. Трое из четверых имеют друга или подругу, на чью помощь они могут рассчитывать в трудную минуту, но у каждого десятого нет таких друзей/подруг. Больше всего ощущается близость с жителями своего поселения и региона, значительно меньше – на уровне федерального округа. Близость с жителями всей России отметили двое из пяти респондентов, с гражданами бывших республик СССР – лишь каждый четвертый, почти как с жителями всей Земли. Четверо из пяти довольны жизнью в регионе, но свыше 3% хотели бы уехать в другие регионы, а около одного процента – вообще покинуть Россию.

10 лет не меняется перечень и порядок приоритетных мер, предлагаемых населением для улучшения условий его жизнедеятельности. Среди них на первом месте постоянно находится необходимость создавать новые рабочие места (табл. 10.4).

Следовательно, *актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся*. Соответственно, сохранился и прежний уровень готовности участвовать в акциях протеста (около 30%).

Более того, опрос 2015 г. обнаружил симптомы гуманитарной рецессии социума, или *социогуманитарной рецессии*. Об этом свидетельствует прежде всего перелом в динамике поддержки современных базовых ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка непрерывно повы-

шалась с 1990 года, но в 2015 г. она впервые заметно снизилась (с 4,4 до 4,2 балла по 5-балльной шкале).

Аналогичный перелом обнаружила и динамика индекса соблюдения прав и свобод человека¹⁶. В целом по этому критерию политическая система России эволюционировала в 2006–2015 гг. в рамках среднего правового состояния, которое повышалось постепенно, но неравномерно. В 2006–2010 гг. оно повысилось на 1,1 пункта, но в 2010–2015 гг. – всего на 0,2 пункта, т.е. *рост замедлился* в 5,5 раза. **Опасно большим** (в 16,6 раза) это замедление было по трем наиболее важным и постоянно наиболее нарушаемым правам и свободам человека (ИСПС-3): равенство перед законом; право на безопасность и защиту личности; право на труд.

Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом: наблюдавшийся в 2006–2010 гг. рост на 5,7 пунктов сменился в 2010–2015 гг. попятным движением почти на 2 пункта. Это фундаментальное право – одно из самых важных и устойчиво нарушаемых в постсоветской России (2–3-е места по важности, 1–2-е места по нарушаемости). Самооценки граждан свидетельствуют, что *регресс наметился и по некоторым другим правам и свободам*: право на тайну переписки (–0,7), право на свой язык, культуру (–0,2), свобода совести, религиозные свободы (–1,2).

Пока малозаметный, но негативный характер приобрела и динамика индекса социального самочувствия населения, который устойчиво повышался в 2002–2010 гг., а теперь снизился с 0,63 до 0,62. Но в целом он остается выше критического рубежа (0,50), т.е. в положительной зоне.

Более заметно снизился коэффициент самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности по отношению к их зависимости от общероссийской

¹⁶ Индекс основан на оценках, репрезентативных для всего населения, а не на экспертных оценках отдельных резонансных случаев нарушений. ИСПС-3 характеризует три наиболее важные и постоянно нарушаемые права и свободы; ИСПС-6 – шесть таких прав и свобод; ИСПС-11 – все 11 изучаемых прав и свобод – по сути, записанные в Конституции России права и свободы человека.

власти: рост коэффициента в 1998–2010 годах с 1,32 до 1,47 сменился возвращением в 2015 г. к уровню ниже 1998 г. (1,25).

К сходным, весьма осторожным выводам пришли специалисты Института социологии РАН, проанализировав динамику социально-психологического состояния российского общества от 1998 г. к 2015 г.: «В целом можно резюмировать, что... в социально-психологическом состоянии россиян в связи с кризисом 2014–2015 гг. произошли изменения в худшую сторону. Однако они не идут ни в какое сравнение с психологической реакцией населения на катастрофические события 1998–1999 гг., хотя вполне сопоставимы с нелегким кризисом 2008–2009 гг...»¹⁷

Таковы тревожные симптомы *социогуманитарной рецессии*, или снижения гуманных качеств социума. К фундаментальным показателям рецессии нельзя не отнести реформы в образовании и науке, которые серьезно снижают творческую и гражданскую самостоятельность как интеллигенции, так и более широких слоев населения, но продолжают, несмотря на критическое восприятие специалистами и общественностью. Эти симптомы требуют углубленного анализа и понимания. Они заслуживают рассмотрения в широком, цивилизационном контексте социокультурной эволюции России. По сути, это симптомы того, что обостряется проблема цивилизационного выбора, перед которым в начале XXI столетия оказалась российская цивилизация.

Все это свидетельствует об острой необходимости модернизации России – страны, общества и цивилизации. Но как сделать более эффективным ее осуществление?

О способах эффективной модернизации России

Потребность в модернизации возникла в России давно. Вместе с нею возник и вопрос о предпочтительных способах ее осуществле-

ния: **спонтанная модернизация или авторитарные мобилизации?**

Совершившаяся несколько веков назад смена вектора эволюции с эндогенно-антропного на экзогенно-колониальный заблокировала возможность спонтанных модернизаций снизу, но не саму потребность в модернизации. Впервые наиболее остро осознал ее Петр I. Путем **крепостнических мобилизаций сверху** (царские указы о создании на Урале заводов с использованием рабочих-крепостных и др.) он насадил первичную индустриализацию. Крепостнические мобилизации позволяли России в течение 150 лет успешно решать военно-стратегические задачи формирования империи. Но в середине 50-х годов XIX в. азиатско-этатистский социум потерпел поражение в войне с Турцией, которую поддерживали Англия и Франция.

Лишь реформы Александра I (1861) открыли путь достаточно свободному развитию рынков труда, товаров и услуг, т.е. капитализма. **При поддержке государства, но в целом спонтанно**, благодаря конкурентно-предпринимательской активности собственников, стала нарастать индустриальная модернизация.

Однако Первая мировая война, две революции 1917 г., Гражданская война привели к распаду народного хозяйства России. Рухнули производство, транспорт, денежно-финансовая система, торговля. Промышленность производила почти в 7 раз меньше продукции, чем в 1913 г.¹⁸ Лишь новая экономическая политика (НЭП), осуществлявшаяся по настоятельной инициативе В.И. Ленина, начала восстановление экономики, приоткрыв пути спонтанной модернизации. Но это важное достижение послереволюционной РСФСР было похоронено И.В. Сталиным ради сохранения и наращивания своей авторитарно-тоталитарной власти.

Затем, в условиях почти сплошной национализации экономики и господства административно-командной системы управления, путем нескольких авторитарных мобилиза-

¹⁷ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. Отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. М.: Весь Мир, 2015. С. 21–22.

¹⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 31.

ций и ценой миллионов жизней было построено и восстановлено около 27 тыс. промышленных предприятий¹⁹. Индустриализация означала также создание агропромышленного комплекса. Были решены задачи энергообеспечения. Вершинами советской индустриализации, обеспечившими безопасность СССР, стали освоение атомной энергии, создание ядерного оружия, прорыв в космическое пространство.

Но существенны не только результаты, а и способы их достижения. Основным способом индустриальной модернизации СССР были **массовые мобилизации сверху**, мифологизируемые тоталитарным этатизмом как всенародные движения снизу (стахановское, освоение целины и др.), на деле же **отчуждавшие** трудящихся от результатов их деятельности и от участия в управлении. Наибольший результат достигался, когда такие мобилизации следовали одна за другой, непрерывным потоком.

Опираясь на массовый патриотизм народа, утвердившаяся административно-командная система управления и центрального планирования экономики сумела обеспечить победу СССР в Великой Отечественной войне и достаточно быстро восстановить сильно разрушенное народное хозяйство. Но постепенно эта система окостеневала и не смогла настроиться на создание и развитие постиндустриальных технологических укладов. Наиболее заметной попыткой ее модернизации сверху была «косыгинская реформа» управления промышленностью, предполагавшая значительное расширение прав и ответственности предприятия, его дирекции и трудового коллектива (1965). Но вскоре в руководстве СССР возобладали негативные оценки реформы как попытки отхода от социализма. Был упущен последний шанс своевременного создания внутри окостеневшей системы механизма саморазрешения надвигавшегося ее кризиса.

Наступили 20 лет «застоя», а затем и «погружения в трясину»²⁰. Застой наблю-

дался прежде всего в мышлении руководителей и преимущественно в производстве товаров массового потребления и в сфере услуг. А наглядно – в превращении бывших могучих рек (например, Волги, прегражденной каскадом плотин) в цепь застойных прудов, затопивших сотни селений и даже малых городов (например, Калязин). Погружением в трясину стали добыча и экспорт углеводородного сырья без гораздо более выгодной его нефтехимической переработки. Ужасы погружения в трясину сначала обнаружила рукотворная катастрофа Чернобыльской атомной станции, затем и провалы в создании микроэлектроники, персональных компьютеров, сети Интернет. Идеологически погружение завершилось к концу 80-х годов, когда выяснилось, что значительные слои «направляющей общественной силы», включая часть ее руководства, не устояли перед глобальными соблазнами частных интересов и почти без сопротивления и без обращения к населению с правдивой информацией, уступили прежнюю идеологию и свою власть энергичным адептам замены «развитого социализма» «диким капитализмом» времен первоначального накопления. Спонтанно эволюционировавшая демократическая «перестройка» трансформировалась в «катастрофу» (А. Зиновьев).

Стратегическое планирование интегрирующей модернизации

Какой же следует ответ на вопрос о предпочтительном способе модернизации России: *Спонтанная модернизация или авторитарные мобилизации?* Как видим, ни то, ни другое. До сих пор наиболее успешными для России были реформы Александра II. Они означали *сочетание спонтанной модернизации снизу с авторитарной поддержкой государства*. В этом и состоит оптимальное для России решение поставленного выше вопроса. Но оно требует конкретизации к новым условиям.

В XXI столетии для эффективного сочетания спонтанности и государственного регулирования процессов модернизации необходимо опираться на результаты научных исследований. Изложенные в настоящем

¹⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 21.

²⁰ Шейнис В. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. С. 294.

Атласе результаты исследований позволяют считать научно обоснованной стратегию *интегрирующей модернизации*: интегрирующей две ее стадии (индустриальную и информационную) и одновременно – все ее территориальные сообщества (муниципальные образования, регионы, макрорегионы), все население России в целостную цивилизацию. Вместе с тем, чтобы эта стратегия получила статус легитимной, государственной нормы, она должна использовать принципы и формы стратегического планирования как комплексной нормы государственного регулирования процессов эволюции России в XXI столетии.

Правовые нормы-рамки решения такой задачи сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В нем дана характеристика принципов, задач и участников стратегического планирования, определены полномочия для каждого уровня органов власти и самоуправления, систематизированы документы, разрабатываемые в этой сфере на каждом уровне управления: от Ежегодного послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации до муниципальных программ. Определено, что «к разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации»; порядок взаимодействия с этими организациями устанавливают органы управления соответствующих уровней (ст. 11, пп. 6, 7). Специальные статьи (13, 14) посвящены общественному обсуждению проектов документов и информационному обеспечению стратегического планирования. Определены задачи и порядок контроля реализации документов, ответственность за нарушение законодательства в данной сфере.

Результаты социокультурных исследований модернизации могут быть, во-первых, научным основанием для подготовки проектов ряда документов и, во-вторых, предпосылкой для экспертизы проектов, вынесенных органами власти на общественное обсуждение. Первое предполагает, что исследователи

должны конкретизировать содержание своих результатов применительно к нормативным рамкам каждого вида документа (этому посвящено большинство статей ФЗ-172). Второе означает: «замечания и предложения, поступившие в ходе общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования, должны быть рассмотрены федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, ответственным за разработку документа стратегического планирования» (статья 13).

Как видим, ФЗ № 172 создал правовые основания для повышения активности исследователей по использованию получаемых ими результатов в практике стратегического планирования модернизации России, ее регионов и муниципальных образований. Необходимо в полной мере уяснить и использовать эти возможности.

Результаты социокультурных исследований модернизации, в том числе представленные в настоящем Атласе, могут быть полезны для научного обоснования документов стратегического планирования модернизации, целеполагания и прогнозирования ее процессов и показателей на всех уровнях – федеральном, макрорегиональном, региональном, муниципальном. В области *целеполагания* – при подготовке: а) Ежегодного послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации; б) стратегии пространственного развития Российской Федерации, в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов, субъектов РФ и муниципальных образований. В области *прогнозирования* – при подготовке: а) стратегического прогноза развития РФ, прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; б) прогнозов социально-экономического развития регионов (на среднесрочный период) и муниципальных образований (на среднесрочный или долгосрочный период).

Об этапах стратегии интегрирующей модернизации

Чтобы минимизировать риски целостности страны, необходимо разработать и реализовать среднесрочную стратегию *интегрирующей модернизации*²¹. Она означает координированное развитие первичной и вторичной стадий модернизации, которое нацелено не только на повышение их социальноэкономической и социокультурной эффективности, но и на уменьшение дистанций между состояниями модернизованности регионов. Тем самым она становится способом межрегиональной консолидации России как цивилизации. Требуемая координация должна обеспечить последовательное движение регионов от одного состояния (типа) модернизованности к следующему, смежному с ним, более высокому состоянию (типу).

Для достижения этой цели необходима *поэтапная стратегия* интегрирующей модернизации. Поэтапность можно рассматривать как неперемное качество процесса российской модернизации, которое должно нивелировать дефицит срединности в русском менталитете, противодействовать попыткам скачков через трудные, но необходимые этапы, поскольку результатами таких попыток оказываются маятниковые рывки из одной крайности в другую. Поэтапность должна формировать рациональную последовательность пофазового движения каждого региона и всей России от одного состояния модернизованности к другому, более высокому.

Это также означает, что следует отказаться от склонности решать проблемы «одним махом», сразу во всероссийском масштабе. Поэтапная последовательность модернизации должна по-своему обеспечиваться в каждом субъекте Российской Федерации, учитывая цивилизационные, историко-культурные особенности и состояние модернизованности каждого ее региона.

²¹ В отличие от термина *интегрированная модернизация* (integrated modernization) как нечто совершившееся, который использует профессор Чуаньци Хэ (АН Китая), термин *интегрирующая модернизация* означает процесс и может иметь английский аналог *integrating modernization*.

При ее формировании полезно выделить три комбинации приоритетов, последовательная смена которых обеспечивает поэтапное повышение состояний модернизованности регионов: 1) новая индустриализация регионов; 2) завершение новой индустриализации и переход к информатизации; 3) рост информатизации и дальнейшее ее развитие. Это позволяет сгруппировать выявленные нами шесть состояний (типов) модернизованности регионов (см. об этом в гл. 1) в три пары, каждая из которых включает два смежных, поэтому сравнительно легче координируемых типа регионов, а изменения состояний каждой пары типов рассматривать как этап осуществления требуемой стратегии. Соответственно, получаем три этапа, в которых происходит попарная интеграция смежных состояний модернизованности регионов.

Учтем своеобразие содержания термина *этап* стратегии модернизации. Во-первых, речь идет не о хронологическом периоде, едином для всей страны (наподобие советских пятилеток), определенном отрезке процесса повышения состояний модернизованности регионов (из трех, названных выше). Во-вторых, о совокупности тех регионов, которые уже находятся в соответствующих этому отрезку состояниях модернизованности и объективно могут двигаться дальше по пути осуществления этого процесса. Каждый такой отрезок одновременно есть этап стратегии развития процесса модернизации как целого.

В таблице 10.5 представлены изменения в 2000–2012 гг. числа регионов различных типов модернизованности на каждом из трех этапов осуществления интегрирующей стратегии.

Как видим, произошли заметные изменения числа регионов, которые можно отнести к тем или иным этапам стратегии модернизации: в два с лишним раза уменьшилось число регионов первого, начального этапа (низкие состояния модернизованности, начальные и средние фазы первичной ее стадии). Соответственно, более чем в два раза увеличилось число регионов второго этапа (средние состояния модернизованности, переходные от первичной к вторичной ста-

Таблица 10.5

Изменения числа регионов различных типов модернизированности по этапам осуществления стратегии интегрирующей модернизации

№ этапа	№ типа	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
3	6	1	2	1	3	6
	5	3	3	8	4	8
	Всего регионов	4	5	9	7	14
2	4	10	10	13	11	11
	3	7	11	19	23	29
	Всего регионов	17	22	32	34	40
1	2	44	40	29	33	23
	1	18	17	13	9	6
	Всего регионов	62	57	42	42	29
Всего регионов		83	83	83	83	83

дии модернизации), в 3,5 раза увеличилось число регионов третьего, высшего этапа (начальные и дальнейшие фазы вторичной модернизации).

Используя эти данные, конкретизируем содержание возможных этапов среднесрочной стратегии интегрирующей модернизации регионов и федеральных округов²². В каждом регионе этапы могут быть разделены во времени, а в масштабе страны могут осуществляться одновременно три этапа процесса модернизации и три этапа ее стратегии. Необходимо так координировать их осуществление, чтобы сближались состояния модернизированности субъектов и федеральных округов РФ, повышались их внутренняя консолидация и продуктивное взаимодействие. Для каждого этапа следует также определить свой набор мер (проектов), которые соответствуют осуществлению *mini-max-стратегии* повышения благополучия населения, т.е. минимизируют человеческие ущербы и увеличивают блага, максимально значимые для большинства.

²² При этом использован ряд соображений профессора Чуаньци Хэ (см.: Чуаньци Хэ. Региональная модернизация // Он же, отв. ред. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь Мир, 2011. С. 104–117.

Важная роль в такой координации должна принадлежать федеральным округам, а в координации округов – федеральным органам власти. Уже при подготовке стратегии федеральные органы власти вводят правила бюджетного ее обеспечения (целевые программы и др.), более справедливые и прозрачные правила получения и использования доходов в регионах, устраняя искусственные нормы «дотационности» и иными способами стимулируя заинтересованность регионов в модернизации. Открывают каналы заинтересованности регионов в развитии горизонтальных взаимодействий, отраслевых и межотраслевых инновационных кластеров. Региональные органы власти инициируют конкурсы на разработку и участие в реализации проектов стратегии модернизации. Университеты начинают действовать в качестве экспертов-модераторов модернизационного процесса, особенно инновационных высокотехнологичных проектов.

Этап 1 – преимущественно рост индустриальной модернизации путем новой индустриализации и одновременное ее развитие, означающее переход в зрелую фазу первичной модернизации. Его инициируют и осуществляют регионы, которые находятся в начальных фазах первичной модернизации, на низком и ниже среднего ее уровнях (типы модернизированности 1 и 2). Если в 2000 г. в России имелись 62 таких региона, то к 2012 г. их осталось 29. Такие регионы имеются во всех федеральных округах, но больше всего их в Центральном и Сибирском округах. Учитывая деиндустриализацию 90-х годов и частичный возврат к технологическим укладам, предшествовавшим четвертому укладу, эти регионы осуществляют развитие четвертого, частично и пятого технологических укладов. Именно этим регионам начальных фаз первичной модернизации должна быть адресована *mini-max-стратегия* повышения благополучия населения, прежде всего – меры по минимизации социальных бед. Речь идет о 28 млн человек, населяющих данные 29 регионов и составляющих около 1/5 населения страны.

Среди них особого внимания заслуживают 6 регионов, которые длительное время

СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Этап 1. Низкомодернизированные федеральные округа и регионы (2012)

29 регионов низких состояний модернизованности (типы 1 и 2).

Общая численность населения – 28,1 млн человек, 19,6% всего населения России. В том числе:

6 регионов самого низкого состояния модернизованности (тип 1), начальная фаза первичной модернизации.

Общая численность населения – 3,6 млн человек:

- **Центральный ФО:** области – Тамбовская.
- **Южный ФО:** республики – Калмыкия.
- **Северо-Кавказский ФО:** республики – Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания.
- **Сибирский ФО:** республики – Алтай.

23 региона низкого состояния модернизованности (тип 2), фаза роста первичной модернизации.

Общая численность населения – 24,5 млн человек:

- **Центральный ФО:** области – Белгородская, Брянская, Костромская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская.
- **Северо-Западный ФО:** области – Вологодская.
- **Южный ФО:** республики – Адыгея.
- **Северо-Кавказский ФО:** республики – Дагестан, Ингушетия, Чеченская.
- **Приволжский ФО:** республики – Марий Эл, Мордовия; области – Оренбургская.
- **Уральский ФО:** области – Курганская.
- **Сибирский ФО:** республики – Бурятия, Тыва, Хакасия; края: Алтайский, Забайкальский.
- **Дальневосточный ФО:** области – Амурская, Еврейская АО.

остаются в начальной фазе первичной модернизации.

Следовательно, на первом этапе осуществления стратегии интегрирующей модернизации государственные и частные инвестиции должны быть направлены в соответствующие регионы всех восьми федеральных округов. При этом федеральные и региональные органы власти должны принять действенные меры по сокращению численности чиновников, блокированию коррупции и повышению прозрачности управления, углублению демократизации общественной жизни, утверждению ценностей труда и других компонент индустриальной цивилизации. В результате с учетом историко-культурных особенностей

различных регионов в разной мере уменьшится доля аграрного сектора в ВВП России, повысится урбанизация ее территорий. Регионы продвинулись к этапу 2.

Этап 2 – завершение индустриальной модернизации (путем новой индустриализации) и переход к информационной ее стадии. С 2000 по 2012 г. число регионов этого этапа (типы 3 и 4) выросло с 17 до 40. Им предстоит переход из третьей фазы (зрелости) ПМ в четвертую, переходную к вторичной модернизации, затем – в начало ВМ. В данный этап включаются 29 регионов, которые уже находятся в фазах зрелости ПМ (тип

СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Этап 2. Среднемодернизированные федеральные округа и регионы (2012)

40 регионов средних состояний модернизованности (типы 3 и 4).

Общая численность населения – 69,5 млн человек, 48,5% всего населения России. В том числе:

29 регионов зрелой фазы первичной (индустриальной) стадии модернизации (тип 3).

Общая численность населения – 55,8 млн человек:

- **Центральный ФО:** области – Владимирская, Воронежская, Курская, Тверская, Тульская.
- **Северо-Западный ФО** – Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская.
- **Южный ФО:** Краснодарский край; области – Астраханская, Волгоградская, Ростовская.
- **Северо-Кавказский ФО** – Ставропольский край.
- **Приволжский ФО:** республики – Башкортостан, Татарстан, Удмуртская, Чувашская; области – Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская.
- **Уральский ФО** – Челябинская;
- **Сибирский ФО** – Иркутская, Омская;
- **Дальневосточный ФО** – Приморский, Хабаровский, Камчатский края.

11 регионов начальной фазы вторичной (информационной) стадии модернизации (тип 4).

Общая численность населения – 13,7 млн человек:

- **Центральный ФО:** области – Ивановская.
- **Северо-Западный ФО:** республики – Карелия, Коми; Ненецкий АО
- **Уральский ФО:** области – Тюменская; Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО
- **Сибирский ФО:** Красноярский край; области – Кемеровская.
- **Дальневосточный ФО:** республики – Саха (Якутия); Чукотский АО.

модернизированности 3). Кроме того, во многих из 23 регионов, которые относятся к типу 2 и осуществляют первый этап, по мере его завершения будут создаваться условия для включения во второй этап, т.е. число участников данного этапа будет расти и может достичь 50–60 регионов. Но в силу разнообразия культурно-исторических условий их эволюция не будет равномерной.

Этот этап значительно сложнее первого: он требует от регионов преодоления высоких барьеров четвертой, переходной фазы ПМ. Не удивительно, что к этому этапу в 2012 г. относилась почти половина всех субъектов Российской Федерации, в которых живут также почти половина россиян (69,5 млн человек). Свыше 70% этих регионов находятся в фазе зрелости первичной модернизации (тип модернизированности № 3). На данном этапе должны быть повышены инвестиции в создание и развитие пятого, а также, по возможности, в начало шестого технологического укладов этих регионов, включая модернизацию имеющихся (обычно импортных) информационных технологий, в рост доступности и качества образования, в развитие научных исследований, изобретательства, престижа заявок на получение патентов, в том числе на технологии сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. В результате модифицируются компоненты аграрного сектора экономики и качества жизни сельского населения. Множатся и развиваются городские агломерации. При осуществлении *minimax*-стратегии повышения благополучия населения акцент может сдвигаться в сторону *увеличения благ, имеющих жизненное значение для максимального числа жителей регионов.*

Этап 3 – преимущественно рост и развитие вторичной, информационной стадии модернизации. Вопреки скептическим ожиданиям, связанным с началом кризиса, в 2010–2012 гг. к трем регионам самого высокого состояния модернизированности (тип 6) добавились еще три, а к четырем регионам высокого состояния (тип 5) добавились еще четыре. В результате за последние два года число регионов, относящихся к высокому, третьему этапу, удвоилось (стало 14 вместо 7),

а численность их населения уже составляет 45,7 млн человек, т.е. почти треть всех россиян.

Эти регионы, их население и органы управления могут полнее формировать в своей экономике не только пятый, но и шестой технологический уклады, а также осуществлять инновационный поиск элементов новых укладов, чтобы войти в третью фазу информационной стадии модернизации – фазу ее развития. Число регионов самого высокого состояния модернизированности увеличится в 2–2,5 раза, их станет 12–15. Вместе с тем, те из 40–50 регионов, которые успешно осуществят второй этап, добавятся к регионам высокого состояния модернизированности; их число будет расти не равномерно, а в зависимости от культурно-исторических особенностей различных регионов. Пропорция модернизационно развитых регионов в России выровняется с пропорцией соответствующих стран во всем мире.

При осуществлении *minimax*-стратегии повышения благополучия населения, по мере

СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Этап 3. Высокомодернизированные федеральные округа и регионы (2012)

14 регионов высоких состояний

модернизированности (типы 5 и 6). Общая численность населения – 45,7 млн человек, 31,9% всего населения России. В том числе:

8 регионов высокого состояния модернизированности (тип 5), фаза начала вторичной модернизации, численность населения – 14,3 млн человек.

- **Центральный ФО:** области – Калужская, Ярославская.
- **Северо-Западный ФО:** области – Архангельская.
- **Приволжский ФО:** Пермский край; области – Самарская.
- **Уральский ФО:** области – Свердловская.
- **Дальневосточный ФО:** области – Магаданская, Сахалинская.

6 регионов самого высокого состояния модернизированности (тип 6), фаза роста вторичной модернизации, численность населения – 31,4 млн человек.

- **Центральный ФО:** город федерального значения Москва; области – Московская.
  - **Северо-Западный ФО:** город федерального значения Санкт-Петербург.
  - **Приволжский ФО:** области – Нижегородская.
  - **Сибирский ФО:** области – Новосибирская, Томская.
-

минимизации человеческих бед будут расти инвестиции в создание благ, жизненно значимых для максимального числа граждан всей страны.

Об укреплении правового социального государства как субъекта модернизации и устойчивого развития России

Осуществлять стратегию интегрирующей модернизации способно не любое государство. Таковую задачу в условиях рыночной экономики наиболее эффективно может решать правовое социальное государство. Его правовые основания определены Конституцией Российской Федерации²³.

В XX веке развитые капиталистические страны накопили немалый опыт создания и укрепления социального государства, в том числе в сложных условиях Великой депрессии, Второй мировой войны. Утвердилась концепция «второго поколения» прав человека – социальных его прав на медицинское обслуживание, образование, достойное пенсионное обеспечение. Для их осуществления была радикально изменена структура распределения национального дохода.

Укрепление социального государства в развитых капиталистических странах произошло отчасти в ответ на вызовы «реального социализма» и под давлением международного коммунистического и рабочего движения. Но в самом СССР, в драматичных условиях международной изоляции 20-х – начале 30-х годов XX в. и Великой Отечественной войны, было создано социальное государство, ограниченное минимальными стандартами, отчужденное от человека и оплаченное высокой человеческой ценой.

В постсоветской России значительно разрушен советский социальный минимум. Не созданы сдержки безграничного накопления капитала, доходность которого растет за счет игнорирования социальных прав человека. Отсутствует экономическое обеспечение качества социальных услуг для массовых слоев

Вот заключение известного французского экономиста Томаса Пикетти, который уже в нашем столетии основательно и по-новому изучил эту проблематику:

«В XIX веке и накануне Первой мировой войны во всех странах налоги составляли менее 10% национального дохода... Взимая налоги в размере 7–8% национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того... С 1920–1930-х до 1970–1980-х годов во всем богатом мире наблюдалось существенное увеличение доли налогов в национальном доходе, которая приходится на налоги и на государственные расходы (прежде всего на социальные расходы). Во всех развитых странах всего за полвека доля налогов в национальном доходе выросла как минимум в три-четыре раза (иногда в пять раз, как в странах Северной Европы). Опять-таки во всех странах можно констатировать практически полную стабилизацию доли налогов в национальном доходе с 1980-х до 2010-х годов. Эта стабилизация произошла на разных уровнях: всего 30% в Соединенных Штатах, около 473/40% в Великобритании и от 45 до 55% национального дохода в странах континентальной Европы (54% в Германии, 50% во Франции и около 55% в Швеции... Все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода» (Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 472–474).

Как это было сделано?

По оценке Т. Пикетти:

«Ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога. В минувшем столетии он сыграл ведущую роль в снижении неравенства... То же касается прогрессивного налога на наследство, который представляет собой вторую важную инновацию XX века... Налог – это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать». (Там же. С. 494).

Томас Пикетти выразил ключевое противоречие капитализма формулой $g > r$: «Главная дестабилизирующая сила обусловлена тем, что частная доходность капитала r может заметно и в течение длительного времени превышать темпы роста дохода и производства g . Неравенство, выраженное формулой $r > g$, означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство выражает фундаментальное логическое противоречие. Предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать свое господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее... У этой проблемы нет простого решения... Правильное решение заключается во введении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства и вместе с тем сохранить силы конкуренции и стимулы, обеспечивающие постоянное накопление новых капиталов». (Там же. С. 585–586).

²³ Подробнее см.: Права человека и правовое социальное государство. / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, ИНФРА-М, 2014.

населения. Остатки слабого, «минимального» социального государства оказались в ловушке механизма долгосрочной эволюции распределения богатства, выражаемого формулой $r > g$. Последовательность компонент этого механизма можно выразить так:

Неограниченный рост доходности корпоративного капитала → низкий социально-экономический рост → социогуманитарная рецессия.

В современной России доминирует корпоративный компрадорский капитал, который стремится неограниченно расти и инвестировать себя за рубежом. Прогрессивный налог на доходы может стать противовесом этому росту.

Среди части политиков и высших чиновников России высказываются опасения, что прогрессивный налог на доходы невозможно собрать, а его введение повысит выплаты теневых зарплат, вызовет напряжения среди населения и т.п. Однако такая мотивация свидетельствует о недееспособности самих чиновников, поскольку получение налогов – один из основных признаков государства как такового.

А как относится население России к целесообразности такого налога? Наш опрос в рамках всероссийского мониторинга (2015) принес *хорошую новость*: среди населения преобладают ожидания *умеренно прогрессивной* шкалы налога, т.е. в пользу укрепления российского государства как социального.

Еще один аспект укрепления социального государства – *сокращение неравенства доходов регионов и муниципалитетов, в целом повышение ими востребованности человеческого потенциала*. Здесь важную роль играет межбюджетная политика, определение пропорций распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральными бюджетами. В результате радикальных изменений 1991–2000 гг. существенно расширились социальные функции местного самоуправления (многие из них прежде обеспечивались предприятиями и организациями), но это расширение не сопровождалось адекватным перераспределением финансовых ресур-

сов в пользу местного самоуправления. В итоге сложился устойчивый дисбаланс между расходными обязательствами и доходными возможностями местных бюджетов, в котором сосредоточилась значительная часть бюджетного дефицита²⁴. При этом федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения (они отнесены к компетенции органов власти муниципальных образований) не ниже минимальных государственных социальных стандартов. С их учетом должны рассчитываться так называемые минимальные местные бюджеты. Но названные стандарты отсутствуют, используются социальные нормы и нормативы, утверждаемые Правительством Российской Федерации.

Многие эксперты считают обоснованной необходимость повышения уровня доходной самостоятельности местного самоуправления, в том числе путем изменения в пользу местных бюджетов пропорций распределения налогов между бюджетами разных уровней власти. Однако благодаря реформаторству Минфина России, с принятием Налогового и Бюджетного кодексов большая часть налогов ушла с муниципального на региональный и федеральный уровни. В результате второй муниципальной реформы (2003–2008) еще сильнее обострились коллизии муниципального регулирования, в центре которых оказалась финансовая проблема. Предложения по стабилизации состояния местных бюджетов постоянно выдвигает Конгресс муниципальных образований РФ. Специалисты Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления предлагают законодательно закрепить на долговременной основе нормативы распределения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Вопросы обсуждаются, но не решаются.

Дополнительными аргументами в пользу справедливой межбюджетной политики могут служить результаты названного мониторинга.

---

²⁴ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS, 2011. С. 557.

Респондентам не предлагались варианты распределения налогов – они по собственному усмотрению называли цифры процентов, при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100%. Поскольку респонденты – не эксперты, а обычные граждане с различным уровнем подготовки, около трети затруднились ответить на столь непростой вопрос. Полученные ответы объединяет простое правило: Чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы) к жизненным мирам населения, тем большая доля налогов должна оставаться по месту их создания. И наоборот. Это правило можно интерпретировать как существующие в массовом сознании «естественные нормы» (аналогичные нормам естественного права) или нравственные демократические правила *приоритетного обеспечения социальных потребностей населения*: в жилье, инфраструктуре жизненного пространства, медицинском обслуживании, образовании – за счет налогов тех компаний, фирм, которые находятся *на территории данного региона, поселения*, т.е. на которых занято живущее здесь население.

Этот пласт массового сознания не может долго оставаться не услышанным, какие бы калькуляции государственной важности ему ни противостояли. Первая забота государства – о сбережении народа, а общегосударственные потребности должны обеспечиваться преимущественно за счет предприятий государственных и с государственным участием. По этому вопросу должно быть достаточное **взаимопонимание** между работниками органов государственной власти и широкими слоями населения.

Однако пока нет консенсуса. Тем не менее, политикам, чиновникам, бизнесменам, всем гражданам предстоит более определенно руководствоваться положениями **Конституции** Российской Федерации о социальном государстве в России, в соответствии с новой **«Стратегией национальной безопасности Российской Федерации»**²⁵. В новой Стратегии, несмотря на отсутствие термина «соци-

альное государство», содержатся многие его составляющие – как *стратегические национальные приоритеты*. Отметим первоочередные для укрепления *социального государства*. Подраздел Стратегии о повышении качества жизни граждан открывается словами:

«Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения...» (ст. 50), «достойное пенсионное обеспечение» (ст. 52).

В подразделе об экономическом росте одним из главных направлений обеспечения безопасности *на региональном уровне* определено создание механизма сокращения социально-экономической дифференциации между субъектами РФ (ст. 65). Угрозы диспропорций развития регионов целесообразно устранять путем стимулирования их «самостоятельного экономического развития», укрепления их «бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений» (ст. 66). В Стратегии имеются специальные подразделы о повышении качества образования и здравоохранения.

К *основным показателям* состояния национальной безопасности отнесены: удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения; децильный коэффициент (соотношение 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень безработицы; доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в ВВП на культуру (ст. 115).

Не оставляя сомнений в практической направленности Стратегии, ее статья 1 гласит: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования,

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной

безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015, 31 декабря.

определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу».

Это предполагает разработку системы мер в рамках стратегического планирования России и ее регионов, в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ от 28 июня 2014). В том числе – действенных мер по укреплению социального государства, о которых сказано выше. И других мер, обеспечивающих социальную ориентацию корпоративного капитала. Иначе стратегические цели и задачи могут в очередной раз оказаться благими намерениями.

Долгосрочное целеполагание гуманистической модернизации

Диссонанс социума и культуры – не частный недостаток цивилизованного сообщества, а принципиальное препятствие реализации потенциала культуры, которое обуславливает дисфункциональность этого сообщества, его способа жизнеустройства. Эффективное преодоление диссонанса означает такое изменение социума, которое направлено на укоренение базовых ценностей и норм культуры большинства населения России в социальных практиках, прежде всего в управлении и бизнесе. В контексте принципов и форм стратегического планирования речь идет о долгосрочном целеполагании в отношении спонтанных процессов российской модернизации.

Цивилизационное значение проблем российской модернизации

Содержание Атласа наглядно свидетельствует о том, что в каждом федеральном округе и в каждом регионе России имеется значительное число острых социальных, культурных и иных проблем, жизненно важных для

большинства населения, для России как государства, общества и цивилизации. Отметим несколько групп проблем цивилизационного значения²⁶.

В Атласе и в социокультурных портретах регионов исследователи отмечают **невозобнованность человеческого потенциала**, все еще достаточно высокого. Не будет преувеличением сказать, что это – повсеместное и одновременно наиболее очевидное проявление **фундаментального противоречия** российской цивилизации – несоответствия евразийско-этноистского социума ее российско-европейской (восточно-европейской) культуре. Смысл модернизации, как бы ее ни понимать, заключается прежде всего в том, чтобы предоставить всему населению новые возможности для более полного и эффективного использования его человеческого потенциала – культурного, социального, экономического, политического и иного. Но пока такие возможности имеют лишь немногие слои – прежде всего те, которые практикуют свою авторитарную вседозволенность.

Должный спрос на человеческий потенциал отсутствует прежде всего из-за компрадорской ориентации крупного бизнеса, которому выгодно вывозить доходы из России и инвестировать их в глобальные потоки капитала, которые дают устойчивые прибыли, не подверженные внутривнутриполитической конъюнктуре России и антироссийским санкциям. Производственно-технологический стержень этого фактора составляет сырьевая ориентация экономики, сводящая к «прожиточному минимуму» спрос на инновации в реальном секторе. Ярким примером может служить тот факт, что высокоразвитые сырьевые отрасли тормозят развитие обрабатывающих отраслей.

Инициативы новаторов чаще встречают безразличие или сопротивление, чем дейст-

²⁶ Такие проблемы являются предметом большого числа исследований, которые осуществили социологи, экономисты, политологи, философы и другие специалисты. Поток публикаций вырос в связи с 20-летием перестройки и разработкой условно называемой «Программы 2020», а также с работой Валдайского форума, Московского экономического форума и других площадок для дискурса, в котором действительно весьма нуждается российское общество.

венную поддержку. Более того, усиливается тенденция снижения ранее достигнутого человеческого потенциала: рост доходов не трансформируется в укрепление здоровья, в повышение качества образования, в развитие научных исследований. Содержание труда многих работников ниже их профессиональных компетенций, а декларированное на самом высоком уровне решение задачи создания новых рабочих мест, требующих высокой квалификации работников, не двигается с места. Низкий индекс трансляции знаний служит одним из основных факторов несбалансированности процессов модернизации. Разрушение науки теперь препятствует и росту новых знаний. Можно продолжить перечень направлений не востребоваемости человеческого потенциала.

Другая совокупность проблем, которые имеют жизненное значение для широких масс населения, – продолжающееся **воспроизводство чрезмерного материального неравенства** между социокультурными стратами и социокультурных контрастов между регионами. Нет ни одного региона, в котором бы не было этих проблем, – начиная с регионов Центрального федерального округа, где вопиют контрасты условий жизни между городами и селами. Бесчисленны публикации по этой тематике, но органы власти не внемлют.

Растут масштабы и острота **социоэкологических проблем**. Наиболее острый характер они приобрели на юге и севере территории российской цивилизации как северо-срединной на евразийском континенте. Крайне неблагоприятна экологическая ситуация в регионах Южного федерального округа: в Республике Калмыкия, где продолжалось опустынивание; его угроза нарастает и в Ростовской области, все шире распространяется засоление и загрязнение почв в Волгоградской области. С другой стороны, в Арктике ученые отмечают самые быстрые и сильные изменения климата – их скорость существенно выше глобальной и в 2,5 раза больше, чем в Северном полушарии в целом. Из-за таяния и разрушения мерзлых берегов в арктических морях Российская Федерация ежегодно теряет около 20–30 кв. км своей тер-

ритории²⁷. Таяние многолетней мерзлоты создает дополнительные выбросы в атмосферу парниковых газов – метана и углекислого газа. Эти и другие климатические изменения в Арктике влияют на климатические аномалии вне полярных широт, в том числе в российских регионах²⁸.

Особую актуальность имеет тот факт, что в Арктической зоне Российской Федерации, включающей территории восьми субъектов РФ, живут и трудятся более 2,5 млн человек, в том числе свыше 80 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера, часть которых ведут кочевой или полукочевой образ жизни. Уровень их жизни заметно ниже среднероссийского, а уровень безработицы в 1,5–2 раза выше. Академик В.А. Тишков справедливо отметил: «сегодня актуальна концепция культурно ориентированной модернизации и многовариантного саморазвития коренных малочисленных народов Севера, предполагающая не просто «этническое выживание», но обеспечение условий устойчивого развития северян при сочетании механизмов самоорганизации и помощи со стороны государства»²⁹.

Проблема **депопуляции регионов** не утрачивает остроты, хотя в отдельных регионах есть позитивные изменения. Наиболее актуальной остается низкая ожидаемая продолжительность жизни как следствие ряда нецивилизованных факторов – высокой младенческой смертности, не снижающихся преступности, аварийности на производстве и транспорте, а также терроризма. Опасно высокой остается миграция населения из регионов Дальневосточного федерального округа и Восточной Сибири.

Имеются и другие группы проблем цивилизационного значения, с которыми не справ-

²⁷ Котляков В.М., Величко А.А. Криосфера Арктики: прошлое и современность // Научно-технические проблемы освоения Арктики. Научная сессия Общего собрания членов РАН. М.: Наука, 2014. С. 79.

²⁸ Мохов И.И. Современные изменения климата Арктики // Научно-технические проблемы освоения Арктики. Научная сессия Общего собрания членов РАН. М.: Наука, 2014. С. 82–86.

²⁹ Тишков В.А. Коренные народы Арктики: история, современный статус, перспективы // Научно-технические проблемы освоения Арктики. Научная сессия Общего собрания членов РАН. М.: Наука, 2014. С. 102.

ляется российская модернизация. В том числе растущее **отставание ее человеческих изменений** от среднеевропейских стандартов.

Названные и другие совокупности проблем свидетельствуют о **социокультурной неэффективности российской модернизации**, которая пока осуществляется, скорее, как квазимодернизация. Корень такого ее состояния составляет названная фундаментальная проблема российской цивилизации – показанный в главе 1 **диссонанс азиатско-этатистского социума и российско-европейской культуры**. Повышение эффективности модернизации требует адаптации социума, совокупности социальных практик к ценностям и нормам восточно-европейской культуры населения России.

К настоящему времени становление российской цивилизации как органического целого не завершилось. Оказавшись в географически сужившемся социокультурном пространстве, Россия испытывает новые давления с запада и юга, сохраняются и внутренние социальные контрасты. Назрела потребность в восстановлении и углублении приоритета *эндогенно-антропного вектора*. Но продолжают доминировать социальные практики, которые сложились в экзогенно-колониационную эпоху и тормозят эндогенно-антропное развитие.

Россия вновь находится перед цивилизационным выбором: **либо** сохранение социокультурного диссонанса между культурой и социумом, **либо** его преодоление и движение к качественно более высокому, органично целостному состоянию как государства, общества и цивилизации. Это должен быть эндогенно-антропный вектор, но с качественно иным антропным содержанием, нежели первоначальный. Основы этого содержания были заложены еще в эпохи Возрождения и Просвещения, их великими гуманистами. Выдающийся советский историк академик Н.И. Конрад обоснованно охарактеризовал *гуманизм* как «общечеловеческий критерий прогрессивности, выработанный самой историей»³⁰.

Последние несколько столетий истории человечества свидетельствуют, что основ-

ным способом прогрессивной эволюции, ее локомотивом является не революция, а *модернизация* стран и цивилизаций. Однако российское государство с начала XXI в. осуществляет консервирующую стабилизацию контрастных результатов хаотичного этапа трансформации, сохраняя инерцию социальных практик российско-азиатского этатизма, которые воспринимаются населением как традиционные.

Население России предпочитает вектор реального гуманизма

Результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» показали, что на постсоветском этапе сформировалась *цивилизационная альтернатива* ценностных позиций россиян: с одной стороны, **гуманизм, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона**; а с другой – **авторитарность, означающая приоритет ценности власти над людьми, в сочетании с вседозволенностью**. При этом гуманизм является демократической позицией, которую поддерживает большинство населения (77%), в то время как авторитарность – позиция явного меньшинства (23%), причем не только элитного, а и примитивно-бандитского, грабительского.

С каким именно цивилизационным выбором соотносится эта аксиологическая альтернатива? Позиция вседозволенной авторитарности соответствует *традиционным азиатско-этатистским практикам* российского социума. Противоположную позицию (повседневный гуманизм) можно рассматривать как исходный ценностный ориентир качественно иного способа жизнеустройства, о котором давно мечтает подавляющее большинство населения России как о справедливом и достойном – этой мечте близок идеал цивилизации **реального гуманизма**³¹.

³¹ Концепт *реальный гуманизм* предложен Карлом Марксом в его ранних произведениях – «Экономическо-философских рукописях» (1844) и «Святом семействе» (1845), – когда он еще не сформировал свое мировоззрение как собственно марксистское и придерживался общедемократических взглядов (см. *Ойзерман Т.И.* Возникновение марксизма. М.: Канон-плюс, 2011. С. 318, 351 и др.)

³⁰ Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1942. С. 482.

Рисунок 10.1. **Пентаграмма фундаментальных ценностей цивилизационного выбора России (вектор реального гуманизма)**

Этот выбор предполагает укоренение триединства фундаментальных ценностей человеческой цивилизации: *жизнь человека*; его *достоинство*; *ненасилие* в отношениях между людьми и странами. Их укоренению препятствует сохраняющаяся распространенность азиатско-этатистских практик авторитарной вседозволенности, в их российско-модифицированном виде. Вместе с тем, применительно к России результаты эмпирических исследований дают основание дополнить общецивилизационную триаду ценностей реального гуманизма двумя фундаментальными ценностями, которые сегодня доминируют в созна-

нии россиян: это *семья* как основной институт воспроизводства цивилизации и всего человеческого рода и *законность* как современная ценность равного для всех следования закону, соблюдения законного порядка. Таким образом, получаем пентаграмму фундаментальных ценностей, которые ориентируют эволюцию современной России в направлении цивилизации реального гуманизма (рис. 10.1).

Следовательно, **эндогенный цивилизационный выбор современной России – это выбор между инерцией традиционных практик вседозволенного этатизма, которые использует меньшинство населения, и латентной потребностью подавляющего его большинства жить в цивилизации реального гуманизма – осуществляемого, а не только желаемого идеала.**

Чтобы осуществлять эту латентную потребность, требуется активное участие всего населения страны в содействии гуманистической ориентации российской модернизации, поэтапном осуществлении стратегии, интегрирующей ее индустриальную и информационную стадии.

Перспектива модернизации остается открытой; от ее характера и масштабов зависит содержание нового цивилизационного выбора России, ее перспектив как своеобразной цивилизации. Цивилизации, которая имеет почти тысячелетнюю историю, способна ответить на вызовы настоящего и открыта будущему.

Приложения

Ниже даны три приложения, которые представляют собой некоторое целое и позволяют специалистам использовать их данные для анализа соответствующих проблем модернизации.

В **приложении 1** воспроизведен инструментарий Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК, руководитель - профессор Чуаньци Хэ), который адаптирован к особенностям российских условий и статистики Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ – руководитель Н.И. Лапин) Института философии РАН.

Инструментарий приведен в виде форм, которые должны быть заполнены соответствующими данными. Формы специализированы для каждой из двух стадий модернизации, а также для учета данных, интегрирующих две стадии.

Методика измерения *первичной модернизации* (ПМ) учитывает три области жизни индустриального общества: экономическую, социальную и когнитивную (знания). Они операционализированы с помощью 10 индикаторов, из них 9 – стандартные, средние для индустриальных стран начала 60-х годов XX в., а один индикатор (ВВП на душу) ежегодно пересчитывается. Значения *вторичной модернизации* (ВМ) определяются для четырех областей: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики. Используются 16 индикаторов, ежегодно подсчитываемых как средние по 18–20 развитым странам.

Для каждой стадии определяются четыре *фазы*: начало, рост, зрелость, переход к следующей стадии. Идентификация с фазой осуществляется с помощью структурных индикаторов, стандартные значения которых учитывают 200-летнюю историю индустриальных стран.

Введен также *интегрированный индекс* (ИИ) модернизации, включающий 12 индикаторов, большинство которых заимствованы из методик измерения двух стадий. С помощью этого индекса измеряется совокупный уровень обеих стадий модернизации.

ЦИСИ не считает инструментарий ЦИМ КАН идеальным и предлагает ряд дополнений³². Но по ним недостает международных данных для сопоставлений.

Приложение 2 содержит сводные таблицы параметров модернизации России и ее регионов, рассчитанных на основе данных российской статистики и с учетом стандартных значений индикаторов, полученных ЦИМ АНК по данным международной статистики. Данные по Северо-Кавказскому федеральному округу следует рассматривать как ориентировочные.

Приложение 3 содержит графики динамики индексов модернизации регионов (по федеральным округам).

Таблицы и графики получены с помощью информационной системы «Модернизация», которая создана и запатентована специалистами ИСЭРТ РАН согласно методическим рекомендациям ЦИСИ Института философии РАН. Графики соответствуют данным, приведенным в таблицах (приложение 2).

---

³² Методика ЦИМ КАН дана в приложении 1: «Индикаторы и индексы модернизации». На наш взгляд, индекс первичной модернизации, фиксирующий ее состояние в начале 60-х годов XX в., полезно дополнить индексом современного ее состояния в развитых странах. В числе индикаторов фазовых значений вторичной модернизации мы дополнительно учитываем долю затрат на НИОКР в ВВП и долю инновационной продукции в общем объеме созданной продукции. Помимо того, желательны такие индексы: социокультурный, технико-технологический, управленческий (качество управления).

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОЛУЧЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ И ИНДЕКСОВ МОДЕРНИЗАЦИИ (Формы для заполнения данными)

1. Первичная модернизация (ПМ)

Таблица 1.1

Индикаторы и индексы ПМ

Сферы	Индикаторы	Стандартные значения	Реальные значения	Индексы*
Экономические индикаторы	Валовой региональный продукт на душу населения (рассчитывается ежегодно)			
	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, к общему числу занятых, в % **			
	Доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП**			
	Доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП, в %			
Социальные индикаторы	Доля городского населения во всем населении, %			
	Число врачей на 1 000 человек			
	Младенческая смертность (в возрасте до 1 года), на 1000 родившихся**			
	Ожидаемая продолжительность жизни, лет			
Индикаторы знаний	Уровень грамотности среди взрослых, %			
	Доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22 лет, %			
Индекс первичной модернизации (подсчитывается как средняя всех индексов)				

Примечание ЦИМ КАН. Учитываются индикаторы, предложенные американским профессором А. Инкелесом в его лекции в Пекинском университете (во второй половине 80-х годов).

* Индекс подсчитывается как отношение реального значения индикатора к стандартному. Используется обратное отношение, если индикатор обозначен как обратный. Значения более 100 приравниваются к 100.

** Обратный индикатор.

Таблица 1.2

Сигнальные индикаторы и фазовые значения ПМ*

Сигнальные индикаторы	Фазы ПМ	Стандарты значений индикаторов	Реальные значения индикаторов	Заданные значения фаз
Отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП (ВРП), в % (отношение менее 15% принято в качестве стандарта завершения ПМ)	Переход к VM	< 5%	4,6%	4
	Зрелость	≥ 5%, < 15%		3
	Рост	≥ 15%, < 30		2
	Начало	≥ 30%, < 50%		1
	Традиционное общество	≥ 50%		0
Отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленности, разы	Переход к VM	< 0,2%	0,13	4
	Зрелость	≥ 0,2; < 0,8		3
	Рост	≥ 0,8, < 2,0		2
	Начало	≥ 2,0, < 5,0		1
	Традиционное общество	≥ 5,0		0
Отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости, в % (отношение ниже 30% принято в качестве стандарта завершения ПМ)	Переход к VM	< 10%	7%	4
	Зрелость	≥ 10%, < 30%		3
	Рост	≥ 30%, < 50		2
	Начало	≥ 50%, < 80%		1
	Традиционное общество	≥ 80%		0
Отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности	Переход к VM	< 0,2%		4
	Зрелость	≥ 0,2; < 0,8	0,36	3
	Рост	≥ 0,8, < 2,0		2
	Начало	≥ 2,0, < 5,0		1
	Традиционное общество	≥ 5,0		0
Фазовое значение ПМ (средняя заданных значений фаз, соответствующих реальным значениям индикаторов; ее округление показывает фазу ПМ). В данном примере: $(4+4+4+3) : 4 = 3,75$; округленно приравнивается к 4,0 и означает вхождение в четвертую фазу ПМ – «переход к VM»**.				3,75 (4)

* Цифры применены в качестве поясняющего примера

** Если объект не вошел в фазу «переход к VM», нельзя определить его фазу на стадии VM.

2. Вторичная модернизация (ВМ)

Таблица 2.1

Индикаторы и индексы ВМ

Сферы	Индикаторы	Стандартные значения*	Реальные значения	Индексы**
Инновации в знаниях	Доля затрат на НИОКР в ВВП (ВРП), %			
	Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек			
	Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн человек			
	Индекс инноваций в знаниях			
Трансляция знаний	Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, %			
	Доля студентов вузов среди населения 18–22 года, %			
	Число телевизоров на 100 домохозяйств			
	Число персонал. компьютеров на 100 домохозяйств			
	Индекс трансляции знаний			
Качество жизни	Доля городского населения во всем населении, %			
	Число врачей на 1000 человек			
	Младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся***			
	Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет			
	Потребление энергии на душу (в кг нефти)			
	Индекс качества жизни			
Качество экономики	ВНП (ВРП) на душу населения			
	ВНП (ВРП) на душу населения по ППС			
	Доля добавленной стоимости материальной сферы (с/х и промышленность) в ВВП (ВРП)***, %			
	Доля занятых в материальной сфере в общей занятости***, %			
	Индекс качества экономики			
Индекс вторичной модернизации (подсчитывается как средняя индексов четырех сфер жизнедеятельности людей)				

* Стандартные значения индексов подсчитываются ежегодно как средние 20 развитых стран.

** Индекс подсчитывается как отношение реального значения индикатора к стандартному. Используется обратное отношение, если индикатор обозначен как обратный. Значения более 120 приравниваются к 120.

*** Обратный индикатор.

Таблица 2.2

Сигнальные индикаторы и фазовые значения VM

Сигнальные индикаторы	Фазы VM	Стандарты значений индикаторов	Реальные значения индикаторов	Заданные значения фаз
Доля добавленной стоимости материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) к ВВП (ВРП), в %	Зрелость	< 20%		3
	Рост	≥ 20%, < 30%		2
	Начало	≥ 30%, < 40%		1
	Подготовка	≥ 40%	43	0
Доля занятости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в общей занятости, разы	Зрелость	< 20%		3
	Рост	≥ 20%, < 30%		2
	Начало	≥ 30%, < 40%	39	1
	Подготовка	≥ 40%		0
Доля затрат на НИОКР в ВВП (ВРП)*, %	Зрелость	> 3%		3
	Рост	≤ 3%, > 2%		2
	Начало	≤ 2%, > 1%	1,6	1
	Подготовка	≤ 1 %		0
Доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженной продукции*, %	Зрелость	> 9,0		3
	Рост	≤ 9,0, > 6,0;		2
	Начало	≤ 6,0, > 3,0	5,2	1
	Подготовка	≤ 3,0		0
Фазовое значение VM (средняя заданных значений фаз, соответствующих реальным значениям индикаторов, которые в таблице приведены в качестве примеров; ее округление показывает фазу VM). В данном примере: $(0+1+1+1):4=0,75$, округленно 1,0				0,75 (1)

* Индикатор предложен Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Если объект не вошел в ПМ-фазу «переход к VM», нельзя определить его фазу на стадии VM.

3. Интегрированный индекс модернизации (ИИМ)

Сферы	Индикаторы	Стандартные значения*	Реальные значения	Индексы**
Экономические индикаторы	ВНП (ВРП) на душу населения			
	ВНП (ВРП) на душу населения по ППС			
	Доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП (ВРП), %			
	Доля занятых в сфере услуг в общей занятости, %			
	Экономический индекс			
Социальные индикаторы	Доля городского населения во всем населении, %			
	Число врачей на 1000 человек			
	Ожидаемая продолжительность жизни, лет			
	Энергетическая эффективность: ВВП (ВРП) на душу/стоимость потребления энергии на душу, разы			
	Социальный индекс			
Индикаторы знаний	Доля затрат на НИОКР в ВВП (ВРП), %			
	Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн человек			
	Доля студентов вузов среди населения в возрасте 18–22 года, %			
	Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств			
	Индекс знаний			
Интегрированный индекс модернизации (подсчитывается как средняя индексов трех сфер)				

* Стандартные значения индексов подсчитываются ежегодно как средние 20 развитых стран.

** Индекс подсчитывается как отношение реального значения индикатора к стандартному. Значения более 100 приравниваются к 100.

*** ИИМ – не третья стадия модернизации, нельзя определить фазы ИИМ.

Примечание. Настоящий инструментарий создан Центром исследования модернизации Китайской академии наук (см. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Главный редактор Хэ Чуаньци. Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. Глава III). ЦИСИ ИФРАН адаптировал и дополнил его с учетом российских условий и особенностей статистики.

Сводные таблицы параметров модернизации России и ее регионов: 2000, 2005, 2008, 2009. 2010, 2011, 2012 годы

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2000 г.

Регионы (2000 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	1	86,5	С	2,5	45,6	Н	0	0,037	НС	41,6	Н	0,079	Н
Брянская область	2	88,1	С	2,75	46,6	Н	0	0,042	НС	43,1	Н	0,08	Н
Владимирская область	2	87,9	С	3	56,2	НС	0,5	0,057	С	48,7	НС	0,119	Н
Воронежская область	1	89	С	2,5	57,2	НС	0,5	0,089	ВС	47,8	НС	0,169	Н
Ивановская область	2	89,4	С	3	47,7	Н	0	0,041	НС	44,3	Н	0,08	Н
Калужская область	3	88,4	С	3	64,8	С	1,25	0,056	С	51,3	НС	0,157	Н
Костромская область	2	86,3	С	2,75	43	Н	0	0,03	НС	42	Н	0,079	Н
Курская область	1	85,8	С	2,5	47,5	Н	0,25	0,054	С	42,9	Н	0,109	Н
Липецкая область	2	87,9	С	3,25	44,4	Н	0	0,032	НС	40,9	Н	0,078	Н
Московская область	3	90,8	ВС	3,5	67,3	С	1,5	0,067	С	54,8	НС	0,198	НС
Орловская область	2	86,1	С	2,75	47,9	Н	0,5	0,044	НС	42,5	Н	0,094	Н
Рязанская область	2	85,9	С	2,75	49,6	Н	0,5	0,052	С	44,7	Н	0,106	Н
Смоленская область	2	89,9	С	3	46,7	Н	0	0,036	НС	44	Н	0,091	Н
Тамбовская область	1	89,1	С	2,25	48,8	Н	0	0,059	С	44,5	Н	0,132	Н
Тверская область	2	88,6	С	3	54,3	НС	1	0,08	ВС	47,1	Н	0,126	Н
Тульская область	2	88	С	3	53,7	НС	0,5	0,083	ВС	46,6	Н	0,099	Н
Ярославская область	2	88,4	С	3,25	56,4	НС	0,5	0,067	С	47,9	НС	0,106	Н
г. Москва	6	97,5	ВС	4	86,1	В	2,5	0,252	В	71,7	С	1,638	В
Центральный ФО	3	92,6	ВС	3,5	68,9	С	1,25	0,123	В	57,7	НС	0,255	НС
Республика Карелия	5	91,5	ВС	3,75	49,9	Н	1	0,043	НС	46,1	Н	0,077	Н
Республика Коми	4	90,8	ВС	4	53,6	НС	0,25	0,05	С	47,6	НС	0,087	Н
Архангельская область	4	90,4	С	3,75	49,3	Н	0,25	0,038	НС	45,9	Н	0,081	Н
Вологодская область	2	89,2	С	3,25	46	Н	0,5	0,033	НС	43,3	Н	0,079	Н
Калининградская область	2	89,8	С	3,5	52,9	НС	0,25	0,067	С	48,1	НС	0,105	Н
Ленинградская область	2	87,5	С	3	54,4	НС	0,25	0,087	ВС	46,9	Н	0,147	Н
Мурманская область	5	91,9	ВС	4	58,5	НС	0,75	0,056	С	50,9	НС	0,103	Н
Новгородская область	2	89,1	С	3	49	Н	0,75	0,046	НС	43,9	Н	0,09	Н
Псковская область	1	89,1	С	2,5	45,8	Н	0,25	0,036	НС	43	Н	0,085	Н

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2000 г. (продолжение)

Регионы (2000 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Ненецкий автономный округ	2	90,7	BC	3,5	54,1	HC	0,25	0,032	HC	49,7	HC	0,071	H
г. Санкт-Петербург	5	92,1	BC	4	77,7	BC	1,5	0,069	C	61,5	HC	0,462	BC
Северо-Западный ФО	5	91,5	BC	3,75	66,7	C	0,75	0,098	B	53,9	HC	0,184	HC
Республика Адыгея	1	87,4	C	2,25	43	H	0	0,035	HC	40,8	H	0,091	H
Республика Калмыкия	1	83,9	C	2,5	42,9	H	0	0,041	HC	38	H	0,11	H
Краснодарский край	1	89,4	C	2,5	47,8	H	0,25	0,052	C	44,1	H	0,124	H
Астраханская область	2	88,2	C	3,25	49,4	H	0	0,053	C	44,5	H	0,097	H
Волгоградская область	2	88,5	C	2,75	48,4	H	0,25	0,049	HC	44,4	H	0,084	H
Ростовская область	2	86,3	C	2,75	54,9	HC	0,25	0,092	B	47,7	HC	0,134	H
Южный ФО	1	89	C	2,5	50,3	H	0	0,064	C	44,8	H	0,112	H
Республика Дагестан	1	84,6	C	2,25	43,8	H	0	0,046	HC	40,2	H	0,106	H
Республика Ингушетия	1	77,4	HC	2,5	43	H	0,75	0,04	HC	35,2	H	0,134	H
Кабардино-Балкарская Республика	1	82,8	C	2	47,2	H	0	0,049	HC	41,8	H	0,101	H
Респ. Карачаево-Черкесская	2	84,2	C	2,75	47	H	0	0,074	BC	42,2	H	0,133	H
Республика Северная Осетия – Алания	2	90,5	BC	3	51,8	HC	0,5	0,047	HC	45,6	H	0,092	H
Чеченская Республика	1	87,1	C	2,5	41,9	H	0,25	0,038	HC	40,4	H	0,115	H
Ставропольский край	1	89,9	C	2,5	46,8	H	0	0,042	HC	42,7	H	0,099	H
Северо-Кавказский ФО	1	86,3	C	2,5	44,2	H	0	0,038	HC	41,1	H	0,095	H
Республика Башкортостан	2	88,4	C	3,25	50,7	H	0	0,061	C	44,3	H	0,108	H
Республика Марий Эл	2	86,8	C	2,75	52,1	HC	0,75	0,07	BC	45,2	H	0,13	H
Республика Мордовия	2	92	BC	2,75	49,9	H	0,5	0,041	HC	42,6	H	0,094	H
Республика Татарстан	2	92,8	BC	3,25	56,2	HC	0,25	0,09	B	49,9	HC	0,109	H
Удмуртская Республика	2	88,1	C	3,25	48,3	H	0,25	0,043	HC	43,1	H	0,087	H
Чувашская Республика	1	85,9	C	2,5	46,2	H	0,25	0,042	HC	40,7	H	0,09	H
Кировская область	2	96,4	BC	2,75	49,8	H	0	0,04	HC	45,6	H	0,086	H
Нижегородская область	3	91,2	BC	3,5	67,7	C	1	0,068	C	54,7	HC	0,207	HC
Оренбургская область	2	87,8	C	2,75	44,9	H	0,25	0,037	HC	40,9	H	0,09	H
Пензенская область	2	88,6	C	2,75	54,7	HC	0,25	0,078	BC	45,8	H	0,126	H
Пермский край	2	90,6	BC	3,25	57,8	HC	1	0,105	B	54,7	HC	0,238	HC
Самарская область	3	92,1	BC	3,5	64,4	C	1,25	0,091	B	54,7	HC	0,201	HC
Саратовская область	2	88,3	C	2,75	51,9	HC	0,75	0,069	C	46,4	H	0,105	H
Ульяновская область	2	90,1	C	3	60,8	HC	1	0,083	BC	52,6	HC	0,168	H

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2000 г. (окончание)

Регионы (2000 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Приволжский ФО	2	89,1	С	3	55	НС	0,75	0,081	ВС	47,7	НС	0,125	Н
Курганская область	1	90,3	С	2,5	45,6	Н	0,5	0,068	С	42	Н	0,121	Н
Свердловская область	3	90,9	ВС	3,5	61	НС	0,5	0,085	ВС	54,8	НС	0,068	Н
Тюменская область	4	96,8	ВС	4	57,5	НС	0	0,041	НС	53,5	НС	0,072	Н
Челябинская область	2	90,6	ВС	3,5	58	НС	0,25	0,087	ВС	50,4	НС	0,131	Н
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	96,5	ВС	4	58,2	НС	0,5	0,027	Н	54,3	НС	0,059	Н
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	95,1	ВС	4	56,5	НС	0	0,025	Н	53,2	НС	0,075	Н
Уральский ФО	2	91,8	ВС	3,5	56,2	НС	0	0,078	ВС	49,3	НС	0,097	Н
Республика Бурятия	2	90,4	С	2,75	47,6	Н	0,5	0,05	С	44,2	Н	0,102	Н
Республика Алтай	1	79,8	НС	1,5	42,2	Н	0,25	0,046	НС	36,8	Н	0,145	Н
Республика Тыва	1	85,8	С	2,25	46,2	Н	0,5	0,054	С	43,9	Н	0,117	Н
Республика Хакасия	2	88,6	С	3	44,2	Н	0	0,031	НС	42,6	Н	0,076	Н
Алтайский край	1	85,6	С	2,25	46,7	Н	0,25	0,048	НС	41,8	Н	0,11	Н
Красноярский край	2	88,6	С	3,25	52,7	НС	0	0,062	С	46,8	Н	0,099	Н
Иркутская область	2	91	ВС	3,25	51,7	НС	0	0,056	С	47,6	НС	0,096	Н
Кемеровская область	4	89,4	С	3,75	48,1	Н	0	0,035	НС	45,1	Н	0,08	Н
Новосибирская область	3	89	С	2,75	67,5	С	0,5	0,068	С	54,9	НС	0,228	НС
Омская область	2	88,7	С	2,75	54,8	НС	0,25	0,08	ВС	47,6	НС	0,124	Н
Томская область	3	91,1	ВС	3,25	63,7	С	0,25	0,112	В	51,9	НС	0,223	НС
Забайкальский край	2	90,4	С	2,75	47,4	Н	0,25	0,038	НС	45,9	Н	0,088	Н
Сибирский ФО	2	89,8	С	3	52,6	НС	0	0,074	ВС	46,4	Н	0,109	Н
Республика Саха (Якутия)	2	93,6	ВС	3,5	55,1	НС	0	0,072	ВС	49,1	НС	0,115	Н
Приморский край	4	91	ВС	3,75	55,4	НС	0,25	0,09	В	51	НС	0,127	Н
Хабаровский край	2	90,5	ВС	3,5	48,5	Н	0	0,038	НС	45,7	Н	0,078	Н
Амурская область	2	90,1	С	3,25	46,7	Н	0	0,043	НС	45,2	Н	0,085	Н
Камчатский край	2	91,5	ВС	3,5	60	НС	0,25	0,106	В	53,8	НС	0,195	НС
Магаданская область	4	92,5	ВС	4	54,3	НС	0	0,058	С	48,6	НС	0,092	Н
Сахалинская область	4	90,3	С	4	50,2	Н	0	0,039	НС	46,6	Н	0,08	Н
Еврейская автономная область	2	90,1	С	3	47,4	Н	0,5	0,034	НС	45,1	Н	0,081	Н
Чукотский автономный округ	4	92,9	ВС	3,75	49,1	Н	0	0,043	НС	47,9	НС	0,093	Н
Дальневосточный ФО	2	91,9	ВС	3,5	51,4	Н	0	0,058	С	47,8	НС	0,099	Н
Россия	3	91,9	ВС	3,25	61,6	С	1	0,162	В	51,1	НС	0,135	Н

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2005 г.

Регионы (2005 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	2	92	BC	3	50,9	Н	0	0,027	Н	47,5	НС	0,113	Н
Брянская область	2	91,5	BC	3	52,6	НС	1	0,032	НС	49,6	НС	0,136	Н
Владимирская область	2	91,7	BC	3,25	60,4	НС	0,5	0,048	НС	53,9	НС	0,16	Н
Воронежская область	3	92,3	BC	3	64,8	С	0,75	0,078	BC	56,1	НС	0,323	С
Ивановская область	2	90,9	BC	3,25	53,2	НС	0	0,03	НС	49,9	НС	0,12	Н
Калужская область	3	92,7	BC	3	72,4	BC	1	0,055	С	59,4	НС	0,214	НС
Костромская область	2	89,7	С	2,75	48,3	Н	0,25	0,024	Н	47,7	НС	0,126	Н
Курская область	1	90,2	С	2,5	52,8	НС	0	0,04	НС	49,5	НС	0,165	Н
Липецкая область	2	91,7	BC	3,25	51,2	Н	0,25	0,023	Н	47,5	НС	0,125	Н
Московская область	6	94,7	BC	4	78,3	BC	1,75	0,065	С	65	С	0,341	С
Орловская область	2	92,5	BC	3	52,3	НС	0,5	0,031	НС	49,9	НС	0,164	Н
Рязанская область	2	92,7	BC	3	55,8	НС	0,25	0,043	НС	52,4	НС	0,183	НС
Смоленская область	2	92,1	BC	3	50,1	Н	0	0,029	Н	48,2	НС	0,12	Н
Тамбовская область	1	91,8	BC	2,5	53,6	НС	0,25	0,038	НС	49,4	НС	0,187	НС
Тверская область	2	90,6	BC	3,25	60,3	НС	0,5	0,057	С	53,3	НС	0,178	Н
Тульская область	2	92,7	BC	3,5	60,5	НС	0,25	0,054	С	54	НС	0,174	Н
Ярославская область	4	94	BC	3,75	63,2	С	0,5	0,044	НС	56,6	НС	0,217	НС
г. Москва	6	100	В	4	92,7	В	2,25	1,089	В	79,7	BC	1,673	В
Центральный ФО	5	97,8	BC	3,75	76,7	BC	1,25	0,182	В	65,8	С	0,846	В
Республика Карелия	2	94,3	BC	3,25	55,2	НС	0,25	0,028	Н	51,3	НС	0,126	Н
Республика Коми	4	96,4	BC	3,75	60,2	НС	0,25	0,032	НС	54,1	НС	0,163	Н
Архангельская область	2	95,3	BC	3,25	56,3	НС	0,25	0,027	Н	52,4	НС	0,153	Н
Вологодская область	2	93,9	BC	3,25	51,9	НС	0,25	0,025	Н	48,9	НС	0,127	Н
Калининградская область	2	93,1	BC	3	57,1	НС	1	0,034	НС	53,8	НС	0,174	Н
Ленинградская область	2	95,1	BC	3	56,8	НС	0	0,048	НС	51,9	НС	0,21	НС
Мурманская область	4	96,7	BC	3,75	64,5	С	0,5	0,036	НС	58,2	НС	0,247	НС
Новгородская область	2	93,5	BC	3	53,8	НС	0,75	0,03	НС	49,5	НС	0,138	Н
Псковская область	2	91,4	BC	3	51,1	Н	0,25	0,027	Н	48,9	НС	0,136	Н
Ненецкий автономный округ	4	91,9	BC	3,75	59	НС	0	0,027	Н	56,9	НС	0,146	Н
г. Санкт-Петербург	5	96,9	BC	4	86,7	В	1,5	0,085	BC	70,3	С	0,91	В
Северо-Западный ФО	5	95,7	BC	3,75	72,6	BC	0,75	0,089	BC	60,9	НС	0,376	С

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2005 г. (продолжение)

Регионы (2005 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Республика Адыгея	1	91	BC	2,5	50,4	H	0	0,024	H	47,7	HC	0,147	H
Республика Калмыкия	1	85,6	C	2	50,5	H	0,25	0,028	H	46,2	H	0,183	HC
Краснодарский край	1	92,6	BC	2,5	53,8	HC	0	0,036	HC	50,4	HC	0,224	HC
Астраханская область	2	92,8	BC	3,25	55,8	HC	0	0,037	HC	52,3	HC	0,192	HC
Волгоградская область	2	93,4	BC	3	54,5	HC	0,25	0,034	HC	51,7	HC	0,134	H
Ростовская область	2	92,6	BC	3	60,7	HC	0,5	0,069	C	56,1	HC	0,273	HC
Южный ФО	2	92,9	BC	2,75	55,6	HC	0,25	0,042	HC	52	HC	0,205	HC
Республика Дагестан	1	86,6	C	2,25	49	H	0	0,034	HC	46,1	H	0,157	H
Республика Ингушетия	1	84,1	C	2,5	44,5	H	0,25	0,033	HC	45,1	H	0,151	H
Кабардино-Балкарская Республика	1	87,6	C	2,25	50,9	H	0,25	0,04	HC	49,1	HC	0,158	H
Респ. Карачаево-Черкесская	1	86,9	C	2,5	53	HC	0	0,043	HC	46,7	H	0,199	HC
Республика Северная Осетия – Алания	1	88,4	C	2,25	53,2	HC	0	0,03	HC	48,8	HC	0,127	H
Чеченская Республика	1	87,1	C	2,5	45,5	H	0,25	0,034	HC	44,6	H	0,158	H
Ставропольский край	1	92,2	BC	2,5	53,4	HC	0,25	0,031	HC	49,9	HC	0,189	HC
Северо-Кавказский ФО	1	89,8	C	2,5	49,6	H	0	0,029	H	47,3	H	0,14	H
Республика Башкортостан	2	92,9	BC	3	54,2	HC	0,25	0,038	HC	50,4	HC	0,194	HC
Республика Марий Эл	2	89,2	C	2,75	56,2	HC	0,75	0,038	HC	50,9	HC	0,202	HC
Республика Мордовия	2	88,1	C	2,75	51,8	HC	0,25	0,029	H	46,6	H	0,131	H
Республика Татарстан	3	96,1	BC	3	63,5	C	0,75	0,055	C	57,7	HC	0,239	HC
Удмуртская Республика	2	91,4	BC	3,25	55,1	HC	0	0,031	HC	49,7	HC	0,144	H
Чувашская Республика	2	92,1	BC	3	52,4	HC	0,25	0,027	H	47,8	HC	0,144	H
Кировская область	2	99,1	BC	3	56,7	HC	0	0,031	HC	53,3	HC	0,163	H
Нижегородская область	3	93,4	BC	3,5	72,9	BC	0,75	0,064	C	60,5	HC	0,28	HC
Оренбургская область	2	90,9	BC	3	49,5	H	0	0,026	H	46,8	H	0,144	H
Пензенская область	3	92	BC	3	61,3	HC	0,25	0,066	C	55,2	HC	0,241	HC
Пермский край	3	94,6	BC	3,5	64,2	C	1,25	0,069	C	61,2	HC	0,265	HC
Самарская область	5	95,7	BC	3,75	69	C	1	0,07	BC	62	HC	0,276	HC
Саратовская область	2	92,7	BC	2,75	57,1	HC	0,25	0,037	HC	52,6	HC	0,154	H
Ульяновская область	3	92,3	BC	3	67,4	C	1,25	0,071	BC	60,7	HC	0,199	HC
Приволжский ФО	3	93,4	BC	3,25	61	HC	1	0,057	C	55,3	HC	0,223	HC
Курганская область	1	91,7	BC	2,5	50,4	H	0	0,036	HC	48,8	HC	0,182	HC

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2005 г. (окончание)

Регионы (2005 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Свердловская область	5	94,6	ВС	3,75	65,4	С	1	0,066	С	57,7	НС	0,238	НС
Тюменская область	4	96,7	ВС	4	66,8	С	0	0,029	Н	62,6	НС	0,11	Н
Челябинская область	3	93,3	ВС	3,5	64,4	С	0,75	0,057	С	56,6	НС	0,188	НС
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	93,9	ВС	4	69,4	С	0	0,023	Н	62,5	НС	0,096	Н
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	95,7	ВС	4	65	С	0	0,019	Н	63,7	С	0,118	Н
Уральский ФО	4	97,3	ВС	3,75	63,1	С	0,25	0,051	С	57,3	НС	0,192	НС
Республика Бурятия	2	92,6	ВС	3	53,5	НС	0,5	0,038	НС	50,8	НС	0,199	НС
Республика Алтай	1	83	С	2,25	48	Н	0,5	0,036	НС	44,6	Н	0,26	НС
Республика Тыва	1	89,9	С	2,5	53	НС	0,75	0,038	НС	50,2	НС	0,25	НС
Республика Хакасия	2	92,6	ВС	3,25	50,9	Н	0,25	0,025	Н	49,6	НС	0,136	Н
Алтайский край	1	90,7	ВС	2,5	52,3	НС	0,5	0,032	НС	49	НС	0,211	НС
Красноярский край	2	94,1	ВС	3,25	59,5	НС	0,25	0,045	НС	55,1	НС	0,207	НС
Иркутская область	2	93,6	ВС	3	58	НС	0,25	0,037	НС	54,7	НС	0,198	НС
Кемеровская область	4	93,1	ВС	4	54,2	НС	0	0,025	Н	51,8	НС	0,138	Н
Новосибирская область	3	93,7	ВС	3	73,5	ВС	1	0,092	В	62,7	НС	0,421	С
Омская область	2	92,2	ВС	3,25	60,4	НС	0	0,051	С	53,2	НС	0,196	НС
Томская область	4	95,4	ВС	3,75	71	С	0,5	0,096	В	60,8	НС	0,39	С
Забайкальский край	2	91,5	ВС	3	54,4	НС	0,5	0,027	Н	51,2	НС	0,163	Н
Сибирский ФО	2	93,9	ВС	3,25	59,2	НС	0,25	0,05	С	54,2	НС	0,226	НС
Республика Саха (Якутия)	3	98,7	ВС	3,5	61,4	НС	0,25	0,039	НС	55,6	НС	0,238	НС
Приморский край	3	93,6	ВС	3	63,4	С	1	0,06	С	58,7	НС	0,323	С
Хабаровский край	2	94,5	ВС	3,25	56,5	НС	0,5	0,034	НС	55	НС	0,153	Н
Амурская область	2	92,9	ВС	3	55,5	НС	0,5	0,032	НС	53,3	НС	0,203	НС
Камчатский край	1	91,4	ВС	2,5	62,8	С	0,5	0,06	С	57,7	НС	0,246	НС
Магаданская область	4	96,8	ВС	3,75	64,5	С	0,5	0,067	С	58,9	НС	0,279	НС
Сахалинская область	2	95,8	ВС	3,5	56,8	НС	0,25	0,034	НС	54,5	НС	0,145	Н
Еврейская автономная область	2	91	ВС	2,75	50,8	Н	0,25	0,026	Н	50	НС	0,145	Н
Чукотский автономный округ	2	98,3	ВС	3,5	56,4	НС	0	0,03	НС	55,5	НС	0,226	НС
Дальневосточный ФО	2	95,1	ВС	3	58,6	НС	0,25	0,042	НС	55,6	НС	0,211	НС
Россия	3	95,5	ВС	3,25	66,2	С	0,5	0,078	ВС	57,9	НС	0,305	НС

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2008 г.

Регионы (2008 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	2	97,7	BC	3	55,9	HC	0,75	0,024	Н	51,4	HC	0,12	Н
Брянская область	2	94,7	BC	3	57,1	HC	1,25	0,025	Н	53,6	HC	0,142	Н
Владимирская область	4	95,9	BC	3,75	63,7	С	0,5	0,04	HC	59	HC	0,171	Н
Воронежская область	3	96,5	BC	3	66,6	С	1	0,069	С	59,5	HC	0,333	С
Ивановская область	4	93,8	BC	3,75	62,4	С	0,25	0,036	HC	59,7	HC	0,185	HC
Калужская область	3	97,6	BC	3,25	77	BC	1	0,049	HC	63,7	С	0,18	HC
Костромская область	2	95,7	BC	3	51,6	HC	0	0,022	Н	52,2	HC	0,131	Н
Курская область	2	96,3	BC	3	60	HC	0,25	0,049	HC	56,9	HC	0,23	HC
Липецкая область	2	96	BC	3,25	54,8	HC	0,25	0,021	Н	51,4	HC	0,133	Н
Московская область	6	99,6	BC	4	82,1	В	1,75	0,091	В	69,8	С	0,611	В
Орловская область	2	96	BC	3	58,6	HC	0,5	0,027	Н	56	HC	0,221	HC
Рязанская область	2	96,4	BC	3	59,6	HC	0,25	0,038	HC	55,9	HC	0,187	HC
Смоленская область	2	95,9	BC	3,25	55	HC	0	0,029	Н	53,1	HC	0,136	Н
Тамбовская область	1	95	BC	2,5	58,2	HC	0,5	0,027	Н	53,1	HC	0,189	HC
Тверская область	3	95,3	BC	3,25	64,8	С	0,75	0,041	HC	57,5	HC	0,173	Н
Тульская область	3	97,3	BC	3,5	63	С	0,25	0,037	HC	57,5	HC	0,174	Н
Ярославская область	5	98,5	BC	3,75	69,9	С	1	0,046	HC	63,1	HC	0,274	HC
г. Москва	5	100	В	4	101,9	В	1,5	0,87	В	87,3	BC	0,842	В
Центральный ФО	5	99,8	BC	3,75	82,8	В	1,25	0,209	В	72,4	С	2,099	В
Республика Карелия	3	98,4	BC	3,25	61,9	С	0,25	0,023	Н	57,1	HC	0,157	Н
Республика Коми	4	98,8	BC	3,75	66,1	С	0,5	0,027	Н	60,6	HC	0,233	HC
Архангельская область	4	99,6	BC	3,75	62,4	С	0,25	0,028	Н	57,7	HC	0,178	Н
Вологодская область	2	97,2	BC	3,25	56,7	HC	0,5	0,022	Н	53,7	HC	0,143	Н
Калининградская область	3	99,5	BC	3,5	61,4	HC	1	0,024	Н	57,9	HC	0,173	Н
Ленинградская область	3	99	BC	3,25	61,3	HC	0	0,04	HC	56,5	HC	0,238	HC
Мурманская область	5	99,5	BC	3,75	69,2	С	0,75	0,034	HC	64,4	С	0,381	С
Новгородская область	2	98,6	BC	3,25	57,7	HC	0,75	0,029	Н	55	HC	0,18	HC
Псковская область	2	94,7	BC	3	55,5	HC	0,25	0,022	Н	53,4	HC	0,158	Н
Ненецкий автономный округ	4	92,2	BC	4	64,6	С	0	0,022	Н	59	HC	0,253	HC
г. Санкт-Петербург	5	100	В	4	92,2	В	1,5	0,099	В	76,6	С	1,266	В
Северо-Западный ФО	5	99,6	BC	3,75	77,4	BC	0,75	0,082	BC	66,2	С	0,485	BC
Республика Адыгея	1	92,6	BC	2,5	53,6	HC	0,25	0,022	Н	50,7	HC	0,166	Н

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2008 г. (продолжение)

Регионы (2008 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Республика Калмыкия	1	87,3	С	1,5	51,2	Н	0,25	0,028	Н	49,9	НС	0,2	НС
Краснодарский край	1	97,8	ВС	2,5	57,7	НС	0	0,031	НС	54,9	НС	0,249	НС
Астраханская область	2	97,4	ВС	3,25	56,8	НС	0,25	0,027	Н	54	НС	0,165	Н
Волгоградская область	2	98,5	ВС	3	57,5	НС	0,5	0,032	НС	56,5	НС	0,151	Н
Ростовская область	3	97,2	ВС	3	62,3	С	0,75	0,053	С	57,8	НС	0,235	НС
Южный ФО	2	97,6	ВС	3	58,3	НС	0,25	0,035	НС	55,5	НС	0,213	НС
Республика Дагестан	1	92,5	ВС	2,25	52,5	НС	0,25	0,04	НС	51,1	НС	0,213	НС
Республика Ингушетия	2	88,8	С	3	49,3	Н	1	0,031	НС	49	НС	0,107	Н
Кабардино-Балкарская Республика	1	90,4	С	2,25	56,5	НС	0	0,029	Н	52	НС	0,163	Н
Респ. Карачаево-Черкесская	1	90	С	2,5	55	НС	0,5	0,039	НС	50,1	НС	0,207	НС
Республика Северная Осетия – Алания	1	91,1	ВС	2,25	56,4	НС	0	0,031	НС	52,4	НС	0,136	Н
Чеченская Республика	2	89,2	С	2,75	46	Н	0,5	0,036	НС	47,1	Н	0,131	Н
Ставропольский край	2	95,4	ВС	2,75	56,9	НС	1	0,03	НС	53,7	НС	0,205	НС
Северо-Кавказский ФО	1	94,2	ВС	2,5	51,7	НС	0	0,027	Н	50,2	НС	0,138	Н
Республика Башкортостан	2	99	ВС	3,25	58,3	НС	0,25	0,035	НС	55,7	НС	0,249	НС
Республика Марий Эл	1	100	В	2,5	42,8	Н	0,75	0,084	ВС	40,7	Н	0,23	НС
Республика Мордовия	2	94,2	ВС	2,75	56,5	НС	0,75	0,025	Н	51,3	НС	0,149	Н
Республика Татарстан	3	100	В	3,5	66,8	С	0,75	0,04	НС	61,7	НС	0,263	НС
Удмуртская Республика	2	96,8	ВС	3,25	57,6	НС	0,25	0,023	Н	53,3	НС	0,148	Н
Чувашская Республика	2	96,2	ВС	3,25	59	НС	0,5	0,023	Н	54,3	НС	0,219	НС
Кировская область	2	95,3	ВС	3	58,2	НС	0,5	0,023	Н	54,3	НС	0,145	Н
Нижегородская область	5	98,9	ВС	3,75	77,3	ВС	1	0,061	С	64,4	С	0,265	НС
Оренбургская область	2	96,2	ВС	3,25	54,1	НС	0	0,023	Н	51,2	НС	0,159	Н
Пензенская область	3	95,6	ВС	3	62,3	С	0,5	0,045	НС	56,5	НС	0,201	НС
Пермский край	5	98,4	ВС	3,75	65,6	С	1,5	0,056	С	63,3	НС	0,169	Н
Самарская область	5	99,7	ВС	4	69,1	С	1	0,058	С	63,7	С	0,308	НС
Саратовская область	2	96,4	ВС	3	59,4	НС	0,25	0,03	НС	56	НС	0,156	Н
Ульяновская область	3	95,9	ВС	3	67,9	С	1,25	0,064	С	63,4	НС	0,194	НС
Приволжский ФО	3	99	ВС	3,25	63,4	С	1	0,043	НС	58,6	НС	0,227	НС
Курганская область	2	95,5	ВС	3	53,7	НС	0,25	0,03	НС	52,5	НС	0,19	НС
Свердловская область	5	99,7	ВС	4	68,6	С	0,75	0,053	С	62,5	НС	0,273	НС
Тюменская область	4	96,5	ВС	4	71,2	С	0	0,028	Н	66,3	С	0,114	Н

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2008 г. (окончание)

Регионы (2008 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Челябинская область	4	99,1	BC	3,75	67,2	C	0,5	0,041	HC	61,5	HC	0,205	HC
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	95,6	BC	4	76,3	BC	0	0,019	H	68,2	C	0,165	H
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	96,7	BC	4	70	C	0	0,017	H	68,7	C	0,16	H
Уральский ФО	4	97,7	BC	4	67,4	C	0	0,04	HC	62,6	HC	0,265	HC
Республика Бурятия	2	96,1	BC	3	57,8	HC	1	0,03	HC	55,3	HC	0,281	HC
Республика Алтай	1	87,7	C	2,25	52,4	HC	0,25	0,028	H	50,4	HC	0,584	B
Республика Тыва	1	92,7	BC	2,5	57,4	HC	1	0,037	HC	53,9	HC	0,272	HC
Республика Хакасия	2	96,8	BC	3,25	54,4	HC	0,25	0,022	H	54,3	HC	0,143	H
Алтайский край	1	94,7	BC	2,5	55,4	HC	0,25	0,027	H	53,3	HC	0,232	HC
Красноярский край	3	98,5	BC	3,5	65,2	C	0,25	0,036	HC	61,7	HC	0,289	HC
Иркутская область	3	98,7	BC	3	62,6	C	0,25	0,034	HC	60,1	HC	0,229	HC
Кемеровская область	4	98	BC	4	57,3	HC	0,25	0,023	H	56	HC	0,15	H
Новосибирская область	3	99	BC	3	78,4	BC	1,25	0,098	B	67,7	C	0,479	BC
Омская область	3	98,3	BC	3,25	62,2	C	0,25	0,039	HC	57,5	HC	0,215	HC
Томская область	3	99,7	BC	3,5	77,8	BC	0,75	0,079	BC	68,5	C	0,285	HC
Забайкальский край	2	95,9	BC	3	57,7	HC	0,75	0,023	H	55,5	HC	0,172	H
Сибирский ФО	3	98,9	BC	3,25	62,8	C	0,25	0,041	HC	59,2	HC	0,267	HC
Республика Саха (Якутия)	4	98,8	BC	3,75	64,8	C	0,25	0,032	HC	59,8	HC	0,282	HC
Приморский край	3	98	BC	3	66,9	C	1	0,061	C	63,6	C	0,405	C
Хабаровский край	3	99,3	BC	3,25	62,2	C	0,5	0,028	H	60,9	HC	0,218	HC
Амурская область	2	97,3	BC	3	56,2	HC	0,75	0,033	HC	55,6	HC	0,185	HC
Камчатский край	1	96,2	BC	2,5	67	C	0,25	0,042	HC	62,1	HC	0,29	HC
Магаданская область	3	99,1	BC	3,5	71,2	C	1	0,067	C	66,2	C	0,606	B
Сахалинская область	4	94,9	BC	3,75	65,6	C	0,25	0,025	H	63,2	HC	0,124	H
Еврейская автономная область	2	96	BC	3	54,6	HC	0,75	0,023	H	54,5	HC	0,179	H
Чукотский автономный округ	4	97,7	BC	4	65,2	C	0,25	0,019	H	64,4	C	0,238	HC
Дальневосточный ФО	3	99,3	BC	3,5	62,4	C	0,25	0,036	HC	60,1	HC	0,247	HC
Россия	3	99,7	BC	3,5	69,8	C	0,75	0,073	BC	62,5	HC	0,351	C

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2009 г.

Регионы (2009 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	2	97,9	BC	2,75	57,6	HC	0,25	0,022	Н	54	HC	0,127	Н
Брянская область	2	94,2	BC	3	56,3	HC	1,25	0,024	Н	53,9	HC	0,117	Н
Владимирская область	5	95,5	BC	3,75	65	С	0,75	0,038	HC	59,8	HC	0,162	Н
Воронежская область	3	96	BC	3	67,6	С	0,75	0,071	BC	60,5	HC	0,279	HC
Ивановская область	3	93,3	BC	3,5	62,2	С	0,5	0,043	HC	60,9	HC	0,174	Н
Калужская область	3	96,9	BC	3,25	76,5	BC	0,75	0,05	С	64,3	С	0,163	Н
Костромская область	2	94,9	BC	3	52,6	HC	0,25	0,022	Н	53,4	HC	0,123	Н
Курская область	2	95,4	BC	2,75	59,5	HC	0,5	0,047	HC	56,9	HC	0,196	HC
Липецкая область	2	96,3	BC	3,25	54,5	HC	0,75	0,021	Н	52	HC	0,119	Н
Московская область	6	99,7	BC	4	83,4	В	2	0,08	BC	70,2	С	0,422	С
Орловская область	2	94,8	BC	3	58,5	HC	0,25	0,026	Н	56,5	HC	0,191	HC
Рязанская область	2	95,8	BC	3	57,9	HC	0,25	0,035	HC	55,9	HC	0,149	Н
Смоленская область	2	95,3	BC	3	55,6	HC	0,25	0,03	HC	54,9	HC	0,134	Н
Тамбовская область	1	95,1	BC	2,5	56,1	HC	0,5	0,029	Н	52,9	HC	0,15	Н
Тверская область	3	94,2	BC	3,25	63,4	С	1	0,041	HC	57,3	HC	0,144	Н
Тульская область	3	95,9	BC	3,5	63,2	С	0,25	0,037	HC	58,3	HC	0,153	Н
Ярославская область	5	97,3	BC	3,75	69	С	0,75	0,042	HC	62,7	HC	0,21	HC
г. Москва	5	100	В	4	103,4	В	1,5	0,319	В	87,3	BC	1,876	В
Центральный ФО	5	99,9	BC	3,75	84,2	В	1,5	0,131	В	73,7	С	0,825	В
Республика Карелия	3	96,7	BC	3,25	64,2	С	0,5	0,022	Н	59,2	HC	0,164	Н
Республика Коми	4	99,1	BC	3,75	66,9	С	0,25	0,024	Н	60,5	HC	0,197	HC
Архангельская область	4	99,6	BC	3,75	61,2	HC	0,25	0,024	Н	58,3	HC	0,161	Н
Вологодская область	2	97,7	BC	3,25	55,8	HC	0	0,022	Н	53,9	HC	0,126	Н
Калининградская область	3	98,1	BC	3,25	62,5	С	0,25	0,026	Н	60,3	HC	0,19	HC
Ленинградская область	3	98,4	BC	3,25	62,1	С	0	0,034	HC	56,3	HC	0,182	HC
Мурманская область	3	99,6	BC	3,5	69,5	С	0,75	0,03	HC	64,2	С	0,292	HC
Новгородская область	2	97,7	BC	3,25	58,1	HC	0,5	0,026	Н	54,7	HC	0,147	Н
Псковская область	2	94,2	BC	3	55,4	HC	0,25	0,024	Н	54	HC	0,137	Н
Ненецкий автономный округ	4	92,4	BC	4	65,8	С	0	0,023	Н	60	HC	0,26	HC
г. Санкт-Петербург	6	100	В	4	93,1	В	1,75	0,084	BC	77,6	BC	0,5	BC
Северо-Западный ФО	5	99,7	BC	3,75	78,3	BC	0,75	0,073	BC	67,3	С	0,373	С

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2009 г. (продолжение)

Регионы (2009 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Республика Адыгея	1	93,1	BC	2,5	55,3	HC	0,25	0,023	Н	52,2	HC	0,158	Н
Республика Калмыкия	1	87,5	С	1,5	51	Н	0,25	0,029	Н	50,6	HC	0,182	HC
Краснодарский край	2	97,7	BC	2,75	58,4	HC	0	0,027	Н	55,2	HC	0,205	HC
Астраханская область	2	95,8	BC	3	57,5	HC	0,25	0,028	Н	56,1	HC	0,171	Н
Волгоградская область	2	96,4	BC	3	59,1	HC	0,75	0,031	HC	58	HC	0,152	Н
Ростовская область	3	95,9	BC	3	63	С	0,75	0,052	С	59	HC	0,218	HC
Южный ФО	2	96,5	BC	3	59,5	HC	0,5	0,033	HC	56,5	HC	0,198	HC
Республика Дагестан	2	93	BC	2,75	52,6	HC	0	0,041	HC	52,1	HC	0,201	HC
Республика Ингушетия	2	88,4	С	3	48,5	Н	0,75	0,03	HC	49,3	HC	0,106	Н
Кабардино-Балкарская Республика	1	91,1	BC	2,25	56,7	HC	0,25	0,029	Н	53,1	HC	0,155	Н
Респ. Карачаево-Черкесская	1	89,3	С	2,5	55	HC	0	0,037	HC	50,6	HC	0,184	HC
Республика Северная Осетия – Алания	1	90,7	BC	2,25	56,5	HC	0	0,028	Н	52,9	HC	0,12	Н
Чеченская Республика	2	88,9	С	2,75	46,9	Н	0,5	0,036	HC	48,1	HC	0,12	Н
Ставропольский край	2	94,8	BC	2,75	57,7	HC	1	0,031	HC	55,1	HC	0,193	HC
Северо-Кавказский ФО	2	94	BC	2,75	52,7	HC	0,25	0,026	Н	51,1	HC	0,129	Н
Республика Башкортостан	2	97,2	BC	3	60,2	HC	0,25	0,032	HC	57,3	HC	0,234	HC
Республика Марий Эл	2	92,9	BC	2,75	55,7	HC	1	0,027	Н	54,1	HC	0,161	Н
Республика Мордовия	2	93,9	BC	2,75	56,7	HC	0,75	0,028	Н	53	HC	0,149	Н
Республика Татарстан	3	100	В	3,5	65,5	С	0,75	0,036	HC	60,5	HC	0,185	HC
Удмуртская Республика	2	95,8	BC	3,25	57,7	HC	0	0,021	Н	53,3	HC	0,117	Н
Чувашская Республика	2	94,9	BC	3	57,3	HC	0,75	0,025	Н	53,8	HC	0,172	Н
Кировская область	3	94,5	BC	3	61,9	С	0,75	0,022	Н	58,3	HC	0,172	Н
Нижегородская область	5	97,2	BC	3,75	77,6	BC	1,5	0,061	С	65,8	С	0,229	HC
Оренбургская область	2	96,1	BC	3	54,1	HC	0	0,022	Н	51,4	HC	0,133	Н
Пензенская область	3	94,9	BC	3	64,2	С	0,5	0,042	HC	58,2	HC	0,192	HC
Пермский край	5	98,8	BC	3,75	66,6	С	1	0,048	HC	64,2	С	0,16	Н
Самарская область	3	98,2	BC	3,5	70	С	1,5	0,06	С	64,8	С	0,234	HC
Саратовская область	2	94,9	BC	3	58,9	HC	0,5	0,029	Н	55,7	HC	0,123	Н
Ульяновская область	3	95,2	BC	3	71	С	1	0,06	С	65,1	С	0,173	Н
Приволжский ФО	3	97,3	BC	3,25	63,4	С	1	0,039	HC	58,9	HC	0,193	HC
Курганская область	2	94,9	BC	3	53,5	HC	0,5	0,029	Н	53,4	HC	0,171	Н

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2009 г. (окончание)

Регионы (2009 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Свердловская область	5	98,4	ВС	4	69,3	С	0,75	0,044	НС	62,4	НС	0,218	НС
Тюменская область	4	97,2	ВС	4	72	ВС	0	0,026	Н	67,2	С	0,168	Н
Челябинская область	3	97,2	ВС	3,5	67,3	С	0,25	0,037	НС	61,5	НС	0,174	Н
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	95,8	ВС	4	74	ВС	0	0,02	Н	68	С	0,14	Н
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	97,6	ВС	4	68,9	С	0	0,016	Н	69,4	С	0,172	Н
Уральский ФО	4	98,8	ВС	4	66,6	С	0	0,035	НС	61,6	НС	0,194	НС
Республика Бурятия	2	95,3	ВС	3	56,9	НС	0,5	0,031	НС	55,5	НС	0,227	НС
Республика Алтай	1	87,5	С	2,25	51,9	НС	0,5	0,03	НС	50,5	НС	0,361	С
Республика Тыва	2	92,5	ВС	2,75	57,6	НС	1	0,036	НС	54,9	НС	0,263	НС
Республика Хакасия	2	96,8	ВС	3,25	56,5	НС	0,25	0,019	Н	55,3	НС	0,147	Н
Алтайский край	1	93,2	ВС	2,5	55,1	НС	0,25	0,027	Н	53,5	НС	0,198	НС
Красноярский край	3	98,8	ВС	3,5	65,1	С	0,25	0,035	НС	62,2	НС	0,234	НС
Иркутская область	3	97,7	ВС	3,25	62,2	С	0,25	0,036	НС	60,3	НС	0,196	НС
Кемеровская область	4	97,7	ВС	4	57,7	НС	0,25	0,021	Н	56,5	НС	0,135	Н
Новосибирская область	3	97,3	ВС	3	78,4	ВС	1,25	0,082	ВС	67,7	С	0,317	С
Омская область	3	97,6	ВС	3	62,2	С	0,25	0,035	НС	57,8	НС	0,178	Н
Томская область	3	99,7	ВС	3,5	79,2	ВС	0,75	0,066	С	70,2	С	0,204	НС
Забайкальский край	2	95,4	ВС	3	58,2	НС	0,75	0,022	Н	55,7	НС	0,148	Н
Сибирский ФО	3	97,6	ВС	3,25	63,2	С	0,25	0,041	НС	59,7	НС	0,222	НС
Республика Саха (Якутия)	4	99,4	ВС	3,75	65,5	С	0,25	0,031	НС	61,2	НС	0,308	НС
Приморский край	3	98,2	ВС	3	65,3	С	1	0,051	С	63,4	НС	0,299	НС
Хабаровский край	3	98,5	ВС	3,25	61,6	С	0,5	0,027	Н	60,9	НС	0,185	НС
Амурская область	2	97,3	ВС	3	56,2	НС	0,25	0,03	НС	55,9	НС	0,18	НС
Камчатский край	1	95,4	ВС	2,5	64,9	С	0,5	0,048	НС	61,7	НС	0,218	НС
Магаданская область	3	99,1	ВС	3,5	69	С	0,75	0,056	С	65,1	С	0,356	С
Сахалинская область	4	94,8	ВС	3,75	67,5	С	0,25	0,023	Н	64,6	С	0,129	Н
Еврейская автономная область	2	95,3	ВС	3	54,3	НС	0,75	0,023	Н	55,3	НС	0,163	Н
Чукотский автономный округ	4	95	ВС	4	65,2	С	0,25	0,02	Н	64	С	0,19	НС
Дальневосточный ФО	3	99,4	ВС	3,25	62,1	С	0,25	0,033	НС	60,4	НС	0,211	НС
Россия	3	99,9	ВС	3,25	70,4	С	1	0,068	С	63,5	С	0,283	НС

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2010 г.

Регионы (2010 г.)	Тип модернизируемости	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	2	97	BC	2,75	59	HC	0	0,022	Н	54,8	HC	0,165	Н
Брянская область	2	93,8	BC	3	55,5	HC	0,75	0,022	Н	54,2	HC	0,151	Н
Владимирская область	4	94,9	BC	3,75	61,3	HC	0,25	0,032	HC	58	HC	0,168	Н
Воронежская область	3	95,4	BC	3	66,8	С	1	0,059	С	60,7	HC	0,31	С
Ивановская область	4	92,9	BC	3,75	61,6	С	0,5	0,034	HC	59,4	HC	0,176	Н
Калужская область	3	96,2	BC	3,25	75	BC	0,75	0,047	HC	62,7	HC	0,17	Н
Костромская область	2	94,4	BC	3	54,6	HC	0,25	0,019	Н	53,2	HC	0,144	Н
Курская область	2	94,8	BC	2,75	60,4	HC	0,25	0,047	HC	57,3	HC	0,219	HC
Липецкая область	2	95,4	BC	3,25	54	HC	0,75	0,021	Н	51,2	HC	0,138	Н
Московская область	6	99,2	BC	4	82,9	В	1,75	0,07	BC	70,1	С	0,388	С
Орловская область	2	94,3	BC	3	56,5	HC	0,75	0,025	Н	55,3	HC	0,2	HC
Рязанская область	2	95,2	BC	3	58,2	HC	0,25	0,033	HC	56,1	HC	0,183	HC
Смоленская область	2	94,9	BC	3	58,4	HC	0	0,024	Н	55,7	HC	0,179	Н
Тамбовская область	1	94,5	BC	2,5	57,3	HC	0,25	0,025	Н	53,1	HC	0,189	HC
Тверская область	3	93,5	BC	3,25	63,9	С	1	0,038	HC	57,5	HC	0,16	Н
Тульская область	3	95,3	BC	3,5	62,8	С	0,5	0,034	HC	58,6	HC	0,185	HC
Ярославская область	5	96,6	BC	3,75	66,6	С	1	0,044	HC	61,6	HC	0,215	HC
г. Москва	5	100	В	4	105,8	В	1,5	0,496	В	88,8	В	0,731	В
Центральный ФО	5	99,9	BC	3,75	84,5	В	1,5	0,104	В	73,6	С	0,658	В
Республика Карелия	3	96	BC	3,25	64,6	С	0,5	0,022	Н	59,8	HC	0,219	HC
Республика Коми	4	99,1	BC	3,75	65,8	С	0,5	0,023	Н	60,1	HC	0,235	HC
Архангельская область	4	99,6	BC	3,75	60,6	HC	0,25	0,021	Н	57,8	HC	0,184	HC
Вологодская область	2	96,9	BC	3,25	56	HC	0	0,021	Н	53,8	HC	0,148	Н
Калининградская область	3	97,2	BC	3,25	61,9	С	0,25	0,025	Н	58,4	HC	0,185	HC
Ленинградская область	3	98,4	BC	3,25	62,9	С	0,25	0,034	HC	57,3	HC	0,246	HC
Мурманская область	3	99,6	BC	3,5	70,7	С	0,75	0,026	Н	64,5	С	0,361	С
Новгородская область	2	96,8	BC	3,25	59,9	HC	0,5	0,024	Н	56,4	HC	0,213	HC
Псковская область	2	93,7	BC	3	56,7	HC	0,25	0,023	Н	54,8	HC	0,179	Н
Ненецкий автономный округ	4	92,4	BC	3,75	65,1	С	0	0,024	Н	60,2	HC	0,336	С
г. Санкт-Петербург	6	100	В	4	92,9	В	2	0,07	BC	78	BC	0,329	С
Северо-Западный ФО	5	99,7	BC	3,75	79,2	BC	1	0,063	С	68,6	С	0,349	С

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2010 г. (продолжение)

Регионы (2010 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Республика Адыгея	1	92,7	ВС	2,5	54,2	НС	1	0,021	Н	51,1	НС	0,186	НС
Республика Калмыкия	1	87,2	С	1,75	50,1	Н	0,25	0,027	Н	49,1	НС	0,188	НС
Краснодарский край	2	96,9	ВС	3	58,5	НС	0	0,027	Н	55,5	НС	0,29	НС
Астраханская область	2	95,2	ВС	3	58	НС	0,5	0,025	Н	55,8	НС	0,202	НС
Волгоградская область	2	95,8	ВС	3	58,8	НС	0,75	0,032	НС	57,8	НС	0,179	Н
Ростовская область	3	95,3	ВС	3	62,6	С	0,75	0,046	НС	58,7	НС	0,251	НС
Южный ФО	2	96,2	ВС	3	59,2	НС	0,75	0,032	НС	56,2	НС	0,224	НС
Республика Дагестан	2	93,2	ВС	2,75	56,8	НС	0,25	0,049	НС	56	НС	0,334	С
Республика Ингушетия	2	87,3	С	3,25	48,5	Н	0,75	0,03	НС	48,3	НС	0,118	Н
Кабардино-Балкарская Республика	1	90,8	ВС	2,25	56,7	НС	0,5	0,027	Н	53,2	НС	0,197	НС
Респ. Карачаево-Черкесская	1	88,8	С	2,5	51,8	НС	0,75	0,037	НС	48,5	НС	0,186	НС
Республика Северная Осетия – Алания	1	90,4	С	2,25	56,8	НС	0	0,027	Н	53,2	НС	0,147	Н
Чеченская Республика	2	88,4	С	2,75	45,8	Н	1,25	0,038	НС	47	Н	0,144	Н
Ставропольский край	2	94,5	ВС	2,75	57,9	НС	1	0,03	НС	55	НС	0,24	НС
Северо-Кавказский ФО	2	93,6	ВС	2,75	53,6	НС	0,25	0,024	Н	51,7	НС	0,174	Н
Республика Башкортостан	2	98,9	ВС	3	60,7	НС	0,25	0,032	НС	58,1	НС	0,331	С
Республика Марий Эл	2	93,3	ВС	2,75	56,3	НС	0,75	0,024	Н	53,7	НС	0,182	НС
Республика Мордовия	2	93,9	ВС	2,75	55,5	НС	0,75	0,027	Н	52,5	НС	0,171	Н
Республика Татарстан	3	100	В	3,25	66,8	С	0,75	0,041	НС	62,4	НС	0,285	НС
Удмуртская Республика	2	96	ВС	3,25	58,5	НС	0,25	0,021	Н	54,2	НС	0,142	Н
Чувашская Республика	2	94,4	ВС	3	58,5	НС	0,5	0,025	Н	54,7	НС	0,211	НС
Кировская область	2	94,7	ВС	3	58,5	НС	0,75	0,025	Н	56,6	НС	0,173	Н
Нижегородская область	6	97,7	ВС	3,75	76,6	ВС	1,75	0,062	С	64,6	С	0,281	НС
Оренбургская область	2	96	ВС	3	54,2	НС	0	0,022	Н	51,7	НС	0,165	Н
Пензенская область	3	94,7	ВС	3	63,8	С	0,5	0,048	НС	58,6	НС	0,208	НС
Пермский край	5	98	ВС	3,75	65	С	1,5	0,05	С	65,3	С	0,189	НС
Самарская область	3	98,7	ВС	3,5	77,2	ВС	1,75	0,107	В	71,1	С	1,325	В
Саратовская область	2	95	ВС	3	60,2	НС	0,5	0,027	Н	56,6	НС	0,154	Н
Ульяновская область	3	98,7	ВС	3	68,1	С	1	0,053	С	63,5	С	0,356	С
Приволжский ФО	3	97,5	ВС	3,25	64,6	С	1	0,043	НС	60,1	НС	0,239	НС
Курганская область	2	94,3	ВС	3	54,1	НС	0,5	0,029	Н	53,7	НС	0,204	НС

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2010 г. (окончание)

Регионы (2010 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Свердловская область	5	97,5	ВС	4	69,3	С	0,75	0,047	НС	63,2	НС	0,252	НС
Тюменская область	4	97,2	ВС	4	71,5	ВС	0	0,027	Н	66,8	С	0,21	НС
Челябинская область	3	96,4	ВС	3,5	67,8	С	0,25	0,042	НС	62,8	НС	0,182	НС
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	95,8	ВС	4	74	ВС	0	0,018	Н	68	С	0,173	Н
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	97,6	ВС	4	69	С	0	0,017	Н	69,8	С	0,22	НС
Уральский ФО	4	98,8	ВС	4	66,3	С	0	0,037	НС	61,8	НС	0,243	НС
Республика Бурятия	2	94,7	ВС	3	57,1	НС	0,5	0,027	Н	54,9	НС	0,27	НС
Республика Алтай	1	87,3	С	2,25	51,9	НС	0,5	0,028	Н	50,2	НС	0,49	ВС
Республика Тыва	2	92,1	ВС	3	57,6	НС	1	0,036	НС	54,1	НС	0,278	НС
Республика Хакасия	2	96,1	ВС	3,5	53,4	НС	0,25	0,021	Н	53	НС	0,145	Н
Алтайский край	1	92,7	ВС	2,5	54,4	НС	0,25	0,027	Н	53	НС	0,216	НС
Красноярский край	3	98,8	ВС	3,5	65,1	С	0,25	0,037	НС	61,9	НС	0,271	НС
Иркутская область	3	96,9	ВС	3	62	С	0,25	0,038	НС	60	НС	0,226	НС
Кемеровская область	4	96,9	ВС	4	56,9	НС	0,25	0,023	Н	56,4	НС	0,154	Н
Новосибирская область	3	96,5	ВС	3,25	80,3	ВС	1,25	0,063	С	68,3	С	0,292	НС
Омская область	3	96,8	ВС	3	62,1	С	0,5	0,035	НС	58,3	НС	0,194	НС
Томская область	3	99,4	ВС	3,5	80,6	В	0,75	0,051	С	70,4	С	0,162	Н
Забайкальский край	2	94,8	ВС	3	57,2	НС	0,75	0,023	Н	55,4	НС	0,171	Н
Сибирский ФО	3	96,8	ВС	3,25	63,3	С	0,5	0,042	НС	59,8	НС	0,26	НС
Республика Саха (Якутия)	4	99,4	ВС	3,75	65,2	С	0,25	0,03	НС	61	НС	0,498	ВС
Приморский край	3	97,3	ВС	3	64	С	1	0,049	НС	61,9	НС	0,314	С
Хабаровский край	3	97,6	ВС	3,25	62,6	С	0,75	0,028	Н	61,4	НС	0,248	НС
Амурская область	2	96,5	ВС	3	57,7	НС	0,25	0,029	Н	56,8	НС	0,257	НС
Камчатский край	1	95,4	ВС	2,5	65,8	С	0,5	0,043	НС	61,9	НС	0,313	С
Магаданская область	3	99,1	ВС	3,5	68,8	С	0,75	0,059	С	65,3	С	0,484	ВС
Сахалинская область	4	94,8	ВС	3,75	67,7	С	0,25	0,024	Н	64,7	С	0,147	Н
Еврейская автономная область	2	94,7	ВС	3	54,1	НС	0,5	0,023	Н	54,7	НС	0,185	НС
Чукотский автономный округ	4	95	ВС	4	62,5	С	0	0,021	Н	62,1	НС	0,174	Н
Дальневосточный ФО	3	99,4	ВС	3,5	62,2	С	0,25	0,033	НС	60,1	НС	0,261	НС
Россия	5	99,9	ВС	3,75	72,1	ВС	1	0,069	С	65,6	С	0,555	ВС

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2011 г.

Регионы (2011 г.)	Тип модернизируемости	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень ID
Белгородская область	3	97,2	BC	2,75	62,2	C	0,25	0,02	H	55,6	HC	0,206	HC
Брянская область	2	95,5	BC	3	58,7	HC	1	0,025	H	55,6	HC	0,197	HC
Владимирская область	3	97,2	BC	3,5	65,3	C	0,75	0,031	HC	58,8	HC	0,203	HC
Воронежская область	3	98,4	BC	3	71,7	BC	1	0,06	C	61,8	HC	0,433	C
Ивановская область	4	94,8	BC	3,75	66,4	C	0,25	0,041	HC	62,2	HC	0,194	HC
Калужская область	3	99	BC	3,5	78,6	BC	1	0,046	HC	64,1	C	0,202	HC
Костромская область	2	97	BC	3	56,3	HC	0,25	0,019	H	53,5	HC	0,158	H
Курская область	3	96,4	BC	2,75	61,3	HC	0	0,038	HC	56,1	HC	0,227	HC
Липецкая область	2	97,7	BC	3,25	56,4	HC	0,75	0,02	H	52,5	HC	0,167	H
Московская область	6	100	B	4	86,7	B	1,75	0,069	C	72,1	C	0,5	BC
Орловская область	2	96,5	BC	2,75	60,8	HC	0,5	0,028	H	56,5	HC	0,257	HC
Рязанская область	2	97,6	BC	3,25	60,5	HC	0,25	0,029	H	56,4	HC	0,207	HC
Смоленская область	2	97,3	BC	3,25	60	HC	0	0,022	H	56,1	HC	0,198	HC
Тамбовская область	1	96	BC	2,5	59,2	HC	0,25	0,025	H	53,8	HC	0,225	HC
Тверская область	3	97,4	BC	3,25	66,7	C	1	0,036	HC	59,6	HC	0,27	HC
Тульская область	3	97,3	BC	3,5	65,8	C	1	0,03	HC	58,4	HC	0,202	HC
Ярославская область	5	99,3	BC	3,75	72	BC	1	0,041	HC	63,6	C	0,278	HC
г. Москва	6	100	B	4	104,1	B	2	2,34	B	88	B	0,644	B
Центральный ФО	5	100	B	3,75	87,1	B	1,25	0,136	B	75,1	C	2,149	B
Республика Карелия	3	99,6	BC	3,5	65,4	C	0,25	0,022	H	59,8	HC	0,245	HC
Республика Коми	5	97,6	BC	3,75	70,2	C	0,75	0,02	H	62,8	HC	0,333	C
Архангельская область	4	99	BC	3,75	64,4	C	0,25	0,02	H	60,8	HC	0,287	HC
Вологодская область	2	99,1	BC	3,5	59,4	HC	0,25	0,019	H	55,5	HC	0,188	HC
Калининградская область	3	100	B	3,5	64,7	C	0,25	0,022	H	59,7	HC	0,228	HC
Ленинградская область	3	99,2	BC	3,25	66,8	C	0	0,031	HC	59,6	HC	0,388	C
Мурманская область	3	99,8	BC	3,5	71	C	0,5	0,026	H	65,2	C	0,475	BC
Новгородская область	3	99,5	BC	3	62,5	C	0,25	0,025	H	57,4	HC	0,264	HC
Псковская область	2	95,7	BC	3	59,8	HC	0,25	0,019	H	55,1	HC	0,202	HC
Ненецкий автономный округ	4	92,5	BC	4	67,7	C	0	0,019	H	63	HC	0,169	H
г. Санкт-Петербург	6	100	B	4	97,9	B	2,25	0,075	BC	81,7	BC	0,303	HC
Северо-Западный ФО	5	100	B	3,75	82,2	B	0,75	0,062	C	70	C	0,627	B

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2011 г. (продолжение)

Регионы (2011 г.)	Тип модернизации	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Республика Адыгея	2	94,7	ВС	2,75	58,2	НС	0,75	0,02	Н	52,1	НС	0,268	НС
Республика Калмыкия	1	87,1	С	1,75	54,3	НС	0,25	0,022	Н	49,3	НС	0,226	НС
Краснодарский край	2	99,7	ВС	3	60,5	НС	0	0,024	Н	56	НС	0,359	С
Астраханская область	3	97	ВС	3	61,4	НС	0,25	0,022	Н	57,4	НС	0,267	НС
Волгоградская область	3	98,1	ВС	3	61,9	С	0,25	0,027	Н	59,1	НС	0,215	НС
Ростовская область	3	97,4	ВС	3	65,8	С	0,75	0,041	НС	59,6	НС	0,318	С
Южный ФО	3	98,2	ВС	3	62,1	С	0,5	0,029	Н	57,4	НС	0,311	С
Республика Дагестан	1	93,5	ВС	2,5	55,4	НС	0	0,042	НС	54,5	НС	0,365	С
Республика Ингушетия	2	90,3	С	3,25	51,7	НС	1	0,028	Н	50	НС	0,154	Н
Кабардино-Балкарская Республика	1	92,2	ВС	2,5	57	НС	0,5	0,024	Н	51,3	НС	0,191	НС
Респ. Карачаево-Черкесская	1	89,7	С	2,25	52,7	НС	0,75	0,025	Н	49,1	НС	0,216	НС
Республика Северная Осетия – Алания	1	92,7	ВС	2,5	57,6	НС	0	0,026	Н	54,8	НС	0,199	НС
Чеченская Республика	2	89,7	С	2,75	46,2	Н	0,25	0,038	НС	45,5	Н	0,181	НС
Ставропольский край	3	95,9	ВС	3	62,7	С	1	0,038	НС	58,2	НС	0,363	С
Северо-Кавказский ФО	3	94,5	ВС	2,75	63,9	С	1,5	0,065	С	59,9	НС	0,316	С
Республика Башкортостан	3	98,8	ВС	3,25	62,2	С	0,25	0,028	Н	57,1	НС	0,305	НС
Республика Марий Эл	2	95,3	ВС	3	58,6	НС	0,5	0,023	Н	54,8	НС	0,224	НС
Республика Мордовия	2	95,6	ВС	3	58,2	НС	0,75	0,024	Н	52	НС	0,176	Н
Республика Татарстан	3	98,9	ВС	3,25	70,5	С	0,75	0,036	НС	62,4	НС	0,318	С
Удмуртская Республика	3	97,9	ВС	3,25	63,5	С	0,25	0,02	Н	57	НС	0,233	НС
Чувашская Республика	3	96,2	ВС	3	61,1	НС	0,5	0,023	Н	55,1	НС	0,25	НС
Кировская область	3	95,9	ВС	3	62,7	С	0,75	0,022	Н	57,7	НС	0,213	НС
Нижегородская область	6	99,4	ВС	4	80,3	ВС	1,75	0,06	С	66,6	С	0,345	С
Оренбургская область	2	96,5	ВС	3	56,8	НС	0	0,02	Н	52,5	НС	0,209	НС
Пензенская область	3	96,4	ВС	3,25	69,6	С	1	0,046	НС	60,7	НС	0,289	НС
Пермский край	4	98	ВС	3,75	69,1	С	0,5	0,042	НС	62,3	НС	0,333	С
Самарская область	5	99,9	ВС	4	74,1	ВС	1,25	0,046	НС	67,2	С	0,244	НС
Саратовская область	3	97	ВС	2,75	64,1	С	0,25	0,027	Н	58,9	НС	0,22	НС
Ульяновская область	3	97,1	ВС	3	78,5	ВС	1,5	0,045	НС	67	С	0,144	Н
Приволжский ФО	3	99,3	ВС	3,25	68,6	С	1	0,04	НС	61,3	НС	0,282	НС
Курганская область	2	95,8	ВС	2,75	57,5	НС	0,5	0,028	Н	55,2	НС	0,28	НС

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2011 г. (окончание)

Регионы (2011 г.)	Тип модернизованности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Свердловская область	5	99,9	ВС	4	72,9	ВС	0,75	0,044	НС	64,5	С	0,399	С
Тюменская область	4	96,6	ВС	4	74,3	ВС	0	0,024	Н	69	С	0,223	НС
Челябинская область	3	98,9	ВС	3,5	70,7	С	0,5	0,04	НС	63,6	С	0,216	НС
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	94,9	ВС	4	74,9	ВС	0	0,018	Н	68,1	С	0,22	НС
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	98,1	ВС	4	71	С	0	0,016	Н	69,2	С	0,204	НС
Уральский ФО	4	98,1	ВС	4	69,4	С	0	0,035	НС	62,8	НС	0,324	С
Республика Бурятия	2	96	ВС	3,25	58,3	НС	0,75	0,027	Н	55,3	НС	0,329	С
Республика Алтай	1	87,7	С	2,25	53,8	НС	0,5	0,026	Н	50	НС	0,604	В
Республика Тыва	2	93,2	ВС	3	59,1	НС	1	0,032	НС	56,1	НС	0,495	ВС
Республика Хакасия	2	98,4	ВС	3,5	57,3	НС	0,25	0,018	Н	55,2	НС	0,21	НС
Алтайский край	1	93,6	ВС	2,5	57,5	НС	0	0,024	Н	54	НС	0,285	НС
Красноярский край	4	97,1	ВС	3,75	70,8	С	0,25	0,034	НС	65,8	С	0,553	ВС
Иркутская область	3	99,4	ВС	3,5	63,7	С	0,25	0,032	НС	60,1	НС	0,262	НС
Кемеровская область	4	98,1	ВС	4	60,3	НС	0,25	0,02	Н	57,4	НС	0,19	НС
Новосибирская область	3	99,2	ВС	3,25	81,3	В	1,25	0,077	ВС	69,1	С	0,458	ВС
Омская область	3	98,6	ВС	3	65,5	С	0,25	0,027	Н	59,2	НС	0,255	НС
Томская область	5	99,9	ВС	3,75	83,9	В	1	0,056	С	72,7	С	0,171	Н
Забайкальский край	2	97	ВС	3,25	59,8	НС	1,25	0,019	Н	56,5	НС	0,236	НС
Сибирский ФО	3	99,7	ВС	3,25	66,1	С	0,25	0,035	НС	60,8	НС	0,352	С
Республика Саха (Якутия)	4	98	ВС	3,75	70,1	С	0,25	0,028	Н	63,1	НС	0,668	В
Приморский край	3	99,6	ВС	3	67,2	С	0,25	0,037	НС	63,4	НС	0,481	ВС
Хабаровский край	3	99,4	ВС	3,25	65,3	С	0,5	0,026	Н	62,7	НС	0,33	С
Амурская область	3	99,3	ВС	3,25	61	НС	0,5	0,025	Н	58,1	НС	0,347	С
Камчатский край	3	96,7	ВС	2,75	70	С	0,25	0,037	НС	64,6	С	0,566	ВС
Магаданская область	5	99,4	ВС	3,75	74,3	ВС	0,75	0,047	НС	67,1	С	0,604	В
Сахалинская область	5	94,5	ВС	3,75	73,9	ВС	1	0,019	Н	66,3	С	0,127	Н
Еврейская автономная область	2	98,3	ВС	3	58,7	НС	0,25	0,026	Н	54,9	НС	0,22	НС
Чукотский автономный округ	4	96,6	ВС	4	64,3	С	0	0,019	Н	62,8	НС	0,185	НС
Дальневосточный ФО	3	99,4	ВС	3,5	66,3	С	1	0,029	Н	62,2	НС	0,388	С
Россия	5	100	В	3,75	73	ВС	1	0,059	С	65,4	С	0,67	В

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2012 г.

Регионы (2012 г.)	Тип модернизируемости	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Белгородская область	2	96,9	BC	2,75	60,9	HC	0,25	0,02	H	56,2	HC	0,231	HC
Брянская область	2	96,4	BC	3	59,4	HC	1,25	0,022	H	56,4	HC	0,221	HC
Владимирская область	3	97,6	BC	3,5	65	C	1	0,035	HC	59,5	HC	0,225	HC
Воронежская область	3	99,4	BC	3	71,6	BC	1	0,062	C	62,5	HC	0,546	BC
Ивановская область	4	94,9	BC	4	70,2	C	0,25	0,033	HC	63,6	C	0,231	HC
Калужская область	5	99,4	BC	3,75	78,4	BC	1	0,052	C	65,4	C	0,205	HC
Костромская область	2	97,7	BC	3	58,1	HC	0,25	0,018	H	55,5	HC	0,2	HC
Курская область	3	97,9	BC	2,75	64,8	C	0,5	0,036	HC	59,2	HC	0,285	HC
Липецкая область	2	99,4	BC	3,25	57,1	HC	0,75	0,02	H	54,1	HC	0,208	HC
Московская область	6	100	B	4	89,6	B	2	0,078	BC	75,2	C	0,44	BC
Орловская область	2	97,2	BC	3	60,1	HC	0	0,023	H	56,6	HC	0,275	HC
Рязанская область	2	98,4	BC	3,25	58,8	HC	0	0,026	H	54,9	HC	0,174	H
Смоленская область	2	97,8	BC	3,25	57,4	HC	0	0,021	H	54,6	HC	0,173	H
Тамбовская область	1	96	BC	2,5	58,9	HC	0,25	0,021	H	52,9	HC	0,209	HC
Тверская область	3	97,5	BC	3,25	67	C	0,75	0,035	HC	60,2	HC	0,288	HC
Тульская область	3	97,7	BC	3,5	66,7	C	1,25	0,031	HC	60	HC	0,244	HC
Ярославская область	5	99,9	BC	3,75	71,1	C	1	0,041	HC	63,7	C	0,329	C
г. Москва	6	100	B	4	104,5	B	2,25	5,333	B	87,9	B	0,769	B
Центральный ФО	6	100	B	3,75	88,2	B	2	0,144	B	76,5	C	1,189	B
Республика Карелия	4	99,5	BC	3,75	65,7	C	0,5	0,024	H	61,8	HC	0,328	C
Республика Коми	4	97,9	BC	3,75	69,7	C	0,5	0,023	H	63,2	HC	0,352	C
Архангельская область	5	100	B	3,75	65,1	C	1	0,019	H	61,7	HC	0,326	C
Вологодская область	2	99,6	BC	3,5	59,9	HC	0,5	0,019	H	56,8	HC	0,223	HC
Калининградская область	3	100	B	3,5	64,6	C	0,25	0,021	H	60	HC	0,251	HC
Ленинградская область	3	99,6	BC	3,25	67,3	C	0	0,032	HC	60,4	HC	0,473	BC
Мурманская область	3	100	B	3,5	73,3	BC	0,5	0,026	H	66,1	C	0,571	B
Новгородская область	3	99,6	BC	3,25	63,9	C	0,25	0,027	H	58,8	HC	0,305	HC
Псковская область	3	95,8	BC	3	61,1	HC	0,25	0,024	H	56,5	HC	0,252	HC
Ненецкий автономный округ	4	93,8	BC	4	71,9	BC	0	0,016	H	63,5	C	0,159	H
г. Санкт-Петербург	6	100	B	4	97,8	B	2,25	0,082	BC	81,3	BC	0,351	C
Северо-Западный ФО	5	100	B	3,75	83	B	1	0,067	C	71,2	C	0,627	B
Республика Адыгея	2	95,1	BC	2,75	57,9	HC	1,25	0,02	H	53,1	HC	0,317	C
Республика Калмыкия	1	88	C	1,75	55	HC	0	0,021	H	50,8	HC	0,281	HC

Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2012 г. (продолжение)

Регионы (2012 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбаланси- рованность		Индекс	Уровень	Сбаланси- рованность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Краснодарский край	3	100	В	3	61,9	С	0,25	0,025	Н	57,9	НС	0,523	ВС
Астраханская область	3	98,1	ВС	3,25	61,2	НС	0,25	0,022	Н	57,8	НС	0,293	НС
Волгоградская область	3	98,6	ВС	3	62,3	С	0	0,026	Н	59,4	НС	0,227	НС
Ростовская область	3	97,6	ВС	3	67,3	С	1	0,039	НС	62,2	НС	0,38	С
Южный ФО	3	98,8	ВС	3	63,1	С	0,5	0,028	Н	59,1	НС	0,397	С
Республика Дагестан	2	94	ВС	2,75	59,1	НС	0,25	0,044	НС	57,3	НС	0,438	С
Республика Ингушетия	2	91,2	ВС	3,25	50,8	Н	0,75	0,027	Н	48,4	НС	0,118	Н
Кабардино-Балкарская Республика	1	93,4	ВС	2,5	56,4	НС	0,25	0,025	Н	51,9	НС	0,207	НС
Респ. Карачаево-Черкесская	1	91,6	ВС	2,5	52,8	НС	0,25	0,024	Н	49,2	НС	0,228	НС
Республика Северная Осетия – Алания	1	93,9	ВС	2,5	59	НС	0,25	0,026	Н	56,1	НС	0,235	НС
Чеченская Республика	2	90	С	2,75	46,3	Н	0,25	0,038	НС	45,6	Н	0,194	НС
Ставропольский край	3	96	ВС	3	61,1	НС	1	0,028	Н	57,6	НС	0,386	С
Северо-Кавказский ФО	3	94,8	ВС	2,75	65,2	С	1,25	0,059	С	61,6	НС	0,299	НС
Республика Башкортостан	3	99,7	ВС	3,25	63,5	С	0,5	0,028	Н	58,5	НС	0,389	С
Республика Марий Эл	2	96,1	ВС	3	58,5	НС	0,25	0,024	Н	55,6	НС	0,243	НС
Республика Мордовия	2	96,2	ВС	3	57,9	НС	0,75	0,025	Н	53,6	НС	0,21	НС
Республика Татарстан	3	99,2	ВС	3,5	71,6	ВС	0,75	0,043	НС	64,3	С	0,374	С
Удмуртская Республика	3	98,9	ВС	3,25	62,7	С	0,5	0,021	Н	57,9	НС	0,291	НС
Чувашская Республика	3	96,8	ВС	3	62	С	0,75	0,024	Н	56,6	НС	0,28	НС
Кировская область	3	96,2	ВС	3	64	С	0,75	0,023	Н	59	НС	0,25	НС
Нижегородская область	6	99,7	ВС	4	82,2	В	1,75	0,058	С	69,2	С	0,269	НС
Оренбургская область	2	97	ВС	3	57,4	НС	0	0,022	Н	54,2	НС	0,262	НС
Пензенская область	3	96,8	ВС	3	67,7	С	1	0,046	НС	59,8	НС	0,276	НС
Пермский край	5	99	ВС	3,75	71,5	ВС	0,75	0,037	НС	63,9	С	0,348	С
Самарская область	5	100	В	4	75,7	ВС	1,25	0,047	НС	68,5	С	0,225	НС
Саратовская область	3	97,4	ВС	3	63,7	С	0,25	0,027	Н	58,8	НС	0,23	НС
Ульяновская область	3	97,4	ВС	3,25	80,1	ВС	1,25	0,044	НС	68,1	С	0,148	Н
Приволжский ФО	3	100	В	3,25	69,8	С	1	0,042	НС	62,9	НС	0,296	НС
Курганская область	2	96,1	ВС	3	59,3	НС	0,5	0,024	Н	56,2	НС	0,331	С
Свердловская область	5	99,9	ВС	4	73,5	ВС	0,75	0,047	НС	66,4	С	0,569	ВС
Тюменская область	4	96,5	ВС	4	75,1	ВС	0	0,024	Н	69,6	С	0,259	НС
Челябинская область	3	99,2	ВС	3,5	71,9	ВС	0,5	0,041	НС	65,1	С	0,217	НС
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	94,7	ВС	4	77,1	ВС	0	0,016	Н	68,4	С	0,254	НС

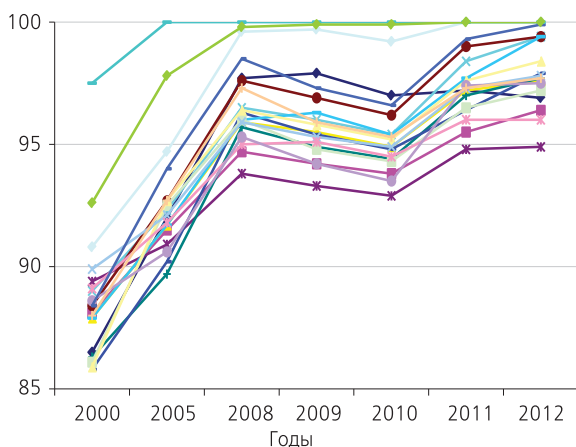
Сводная таблица параметров модернизации России и ее регионов: 2012 г. (окончание)

Регионы (2012 г.)	Тип модернизированности	Первичная модернизация			Вторичная модернизация					Модернизация интегрированная (двух стадий)			
		Индекс	Уровень	Фаза	Индекс	Уровень	Фаза	Сбалансированность		Индекс	Уровень	Сбалансированность	
								Индекс	Уровень			Индекс	Уровень
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	98	ВС	4	69,8	С	0	0,017	Н	67,8	С	0,159	Н
Уральский ФО	4	98,5	ВС	4	70,3	С	0	0,034	НС	63,9	С	0,376	С
Республика Бурятия	2	96,2	ВС	3,25	58,6	НС	0,75	0,028	Н	55	НС	0,307	НС
Республика Алтай	1	88	С	2,25	53,7	НС	0,25	0,029	Н	49,5	НС	0,44	ВС
Республика Тыва	2	93,4	ВС	3	58,4	НС	1	0,034	НС	55,2	НС	0,388	С
Республика Хакасия	2	99,2	ВС	3,5	56,7	НС	0,25	0,022	Н	55,1	НС	0,199	НС
Алтайский край	2	95,8	ВС	2,75	56,9	НС	0	0,028	Н	53,6	НС	0,282	НС
Красноярский край	4	98,5	ВС	3,75	69,2	С	0,5	0,038	НС	64,8	С	0,556	ВС
Иркутская область	3	99,5	ВС	3,5	64	С	0,25	0,036	НС	60,2	НС	0,275	НС
Кемеровская область	4	99,5	ВС	4	58,9	НС	0,25	0,021	Н	56,8	НС	0,18	НС
Новосибирская область	5	99,4	ВС	3,75	81,3	В	1,5	0,098	В	69,5	С	0,582	В
Омская область	3	99,5	ВС	3,25	63,5	С	0	0,031	НС	58,5	НС	0,268	НС
Томская область	5	100	В	3,75	82,2	В	0,75	0,062	С	71,4	С	0,214	НС
Забайкальский край	2	97,4	ВС	3	59	НС	1,5	0,02	Н	56	НС	0,2	НС
Сибирский ФО	3	99,7	ВС	3,25	65,2	С	0,25	0,04	НС	60,5	НС	0,371	С
Республика Саха (Якутия)	4	98,4	ВС	3,75	69,3	С	0,25	0,028	Н	63,8	С	0,811	В
Приморский край	3	99,7	ВС	3,25	69,1	С	0,5	0,04	НС	64,7	С	0,612	В
Хабаровский край	3	99,6	ВС	3,25	67,6	С	0,75	0,026	Н	64,9	С	0,52	ВС
Амурская область	2	99,3	ВС	3,25	60,9	НС	0,5	0,025	Н	58,4	НС	0,38	С
Камчатский край	3	98,5	ВС	2,75	69,7	С	0,25	0,037	НС	64,6	С	0,593	В
Магаданская область	5	99,4	ВС	3,75	72,7	ВС	1,25	0,043	НС	66,9	С	0,531	ВС
Сахалинская область	5	94,6	ВС	3,75	72	ВС	1	0,02	Н	66,4	С	0,132	Н
Еврейская автономная область	2	98,6	ВС	3	59,7	НС	0,25	0,026	Н	56,5	НС	0,281	НС
Чукотский автономный округ	4	97,4	ВС	4	64,3	С	0	0,019	Н	62,8	НС	0,171	Н
Дальневосточный ФО	3	99,6	ВС	3,5	66,8	С	1	0,029	Н	63,1	НС	0,475	ВС
Россия	5	100	В	3,75	74,4	ВС	1	0,063	С	67	С	0,969	В

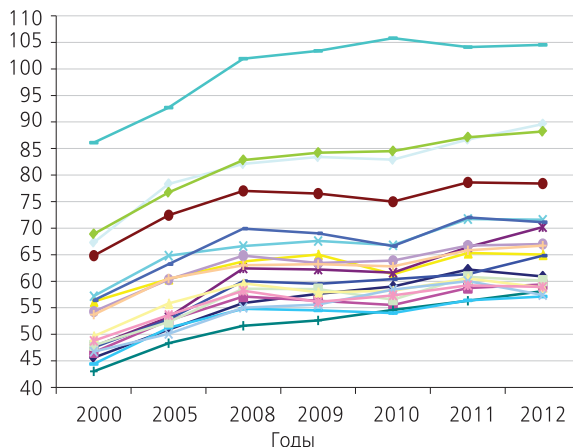
Графики динамики индексов модернизации регионов и федеральных округов – по стадиям и интегрированные: 2000–2012 гг. (на основе данных в таблицах приложения 2)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

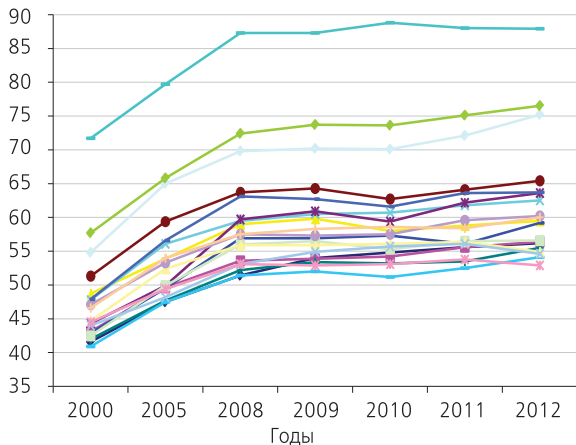
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

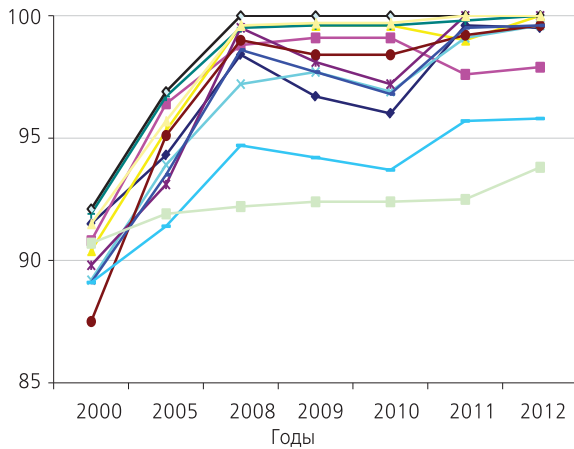
Интегрированный индекс модернизации

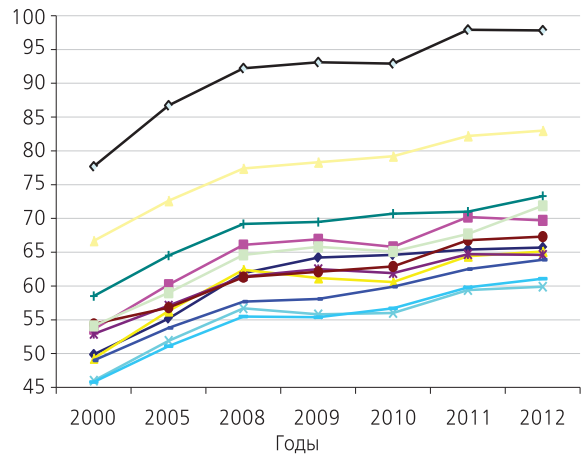
- ◆ Белгородская область
- Брянская область
- ▲ Владимирская область
- × Воронежская область
- * Ивановская область
- Калужская область
- ◆ Костромская область
- Курская область
- Липецкая область
- ◆ Московская область
- Орловская область
- ▲ Рязанская область
- × Смоленская область
- * Тамбовская область
- Тверская область
- Тульская область
- Ярославская область
- г. Москва
- ◆ Центральный федеральный округ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

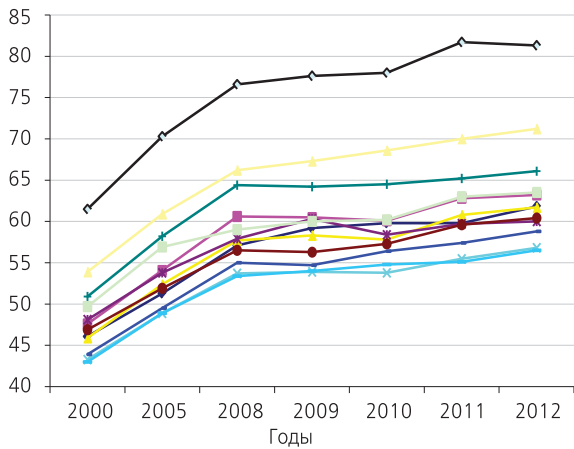
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

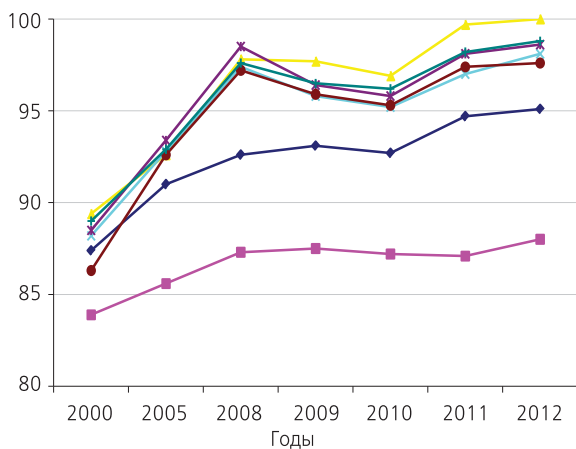
Интегрированный индекс модернизации

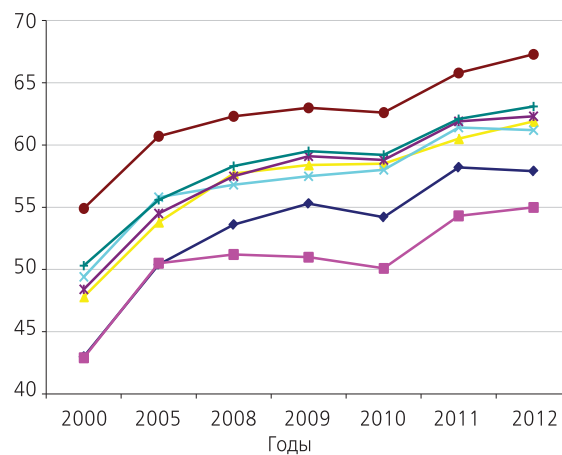
- ◆ Республика Карелия
- Республика Коми
- ▲ Архангельская область
- × Вологодская область
- * Калининградская область
- Ленинградская область
- + Мурманская область
- Новгородская область
- Псковская область
- ◇ г. Санкт-Петербург
- Ненецкий автономный округ
- ▲ Северо-Западный федеральный округ

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

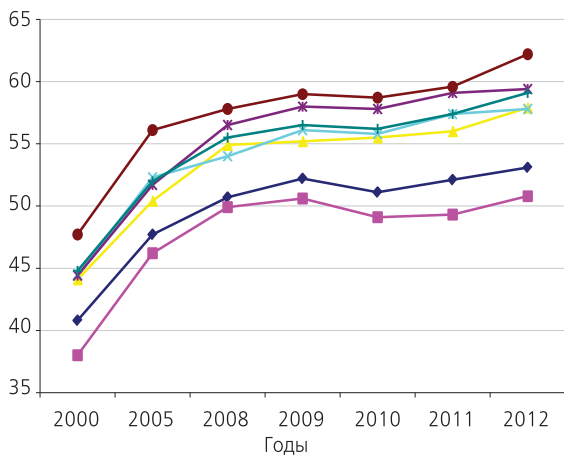
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

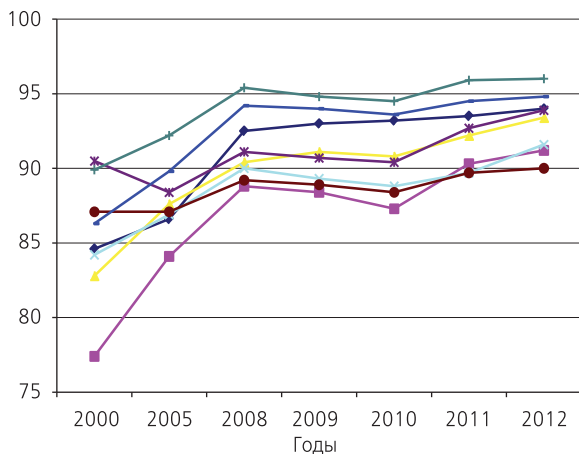
Интегрированный индекс модернизации

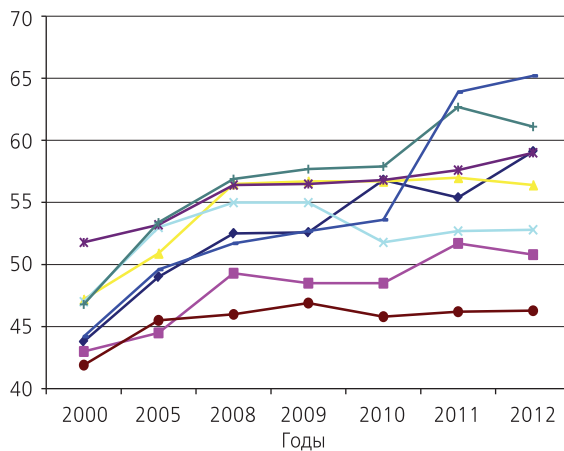
- ◆ Республика Адыгея
- Республика Калмыкия
- ▲ Краснодарский край
- ✕ Астраханская область
- ✱ Волгоградская область
- Ростовская область
- Южный федеральный округ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

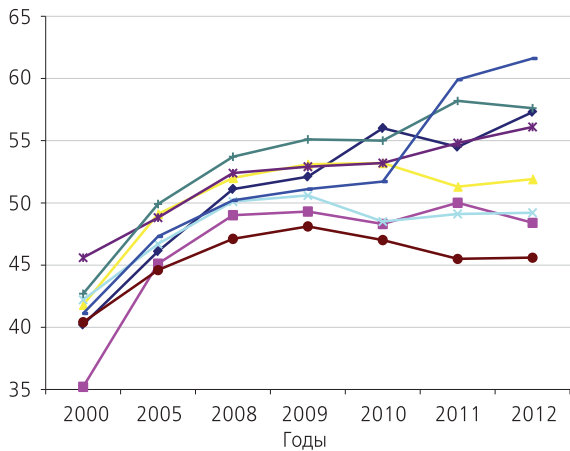
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

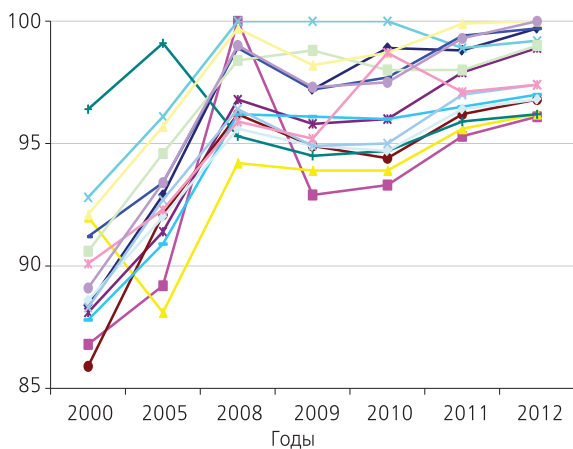
Интегрированный индекс модернизации

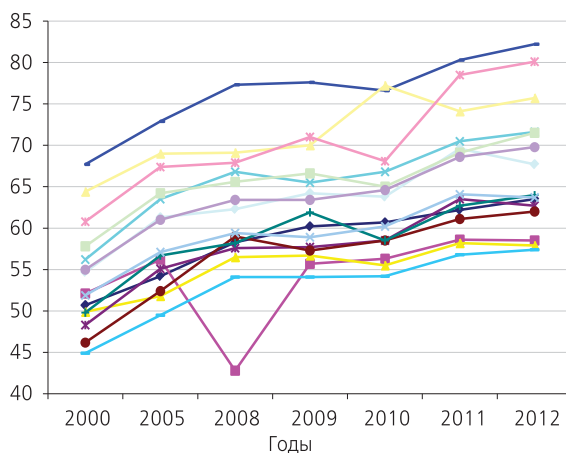
- ◆ Республика Дагестан
- Республика Ингушетия
- ▲ Кабардино-Балкарская Республика
- ✕ Республика Карачаево-Черкесская
- ✖ Республика Северная Осетия—Алания
- Чеченская Республика
- Ставропольский край
- Северо-Кавказский федеральный округ

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

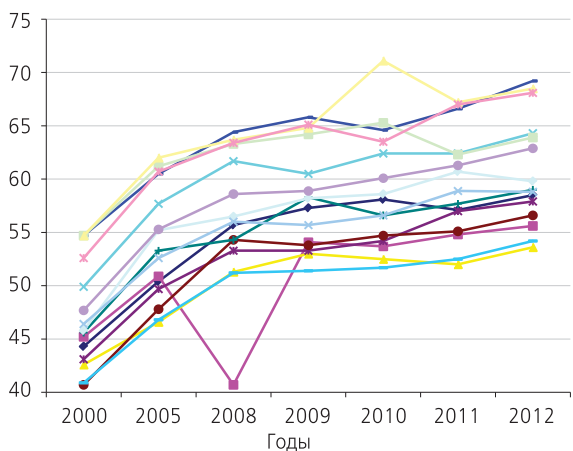
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

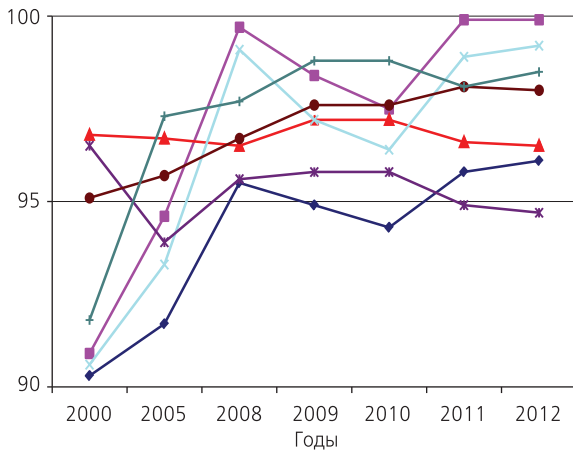
Интегрированный индекс модернизации

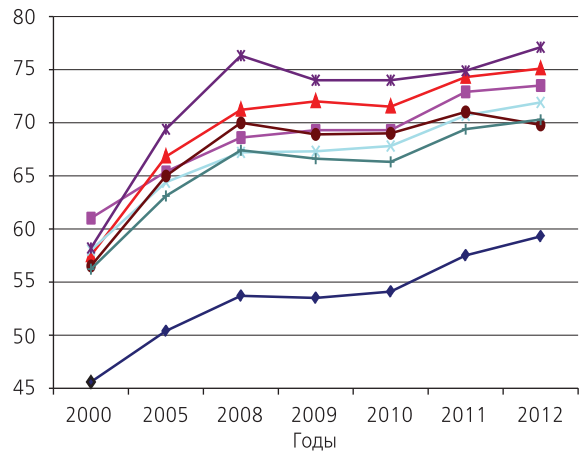
- ◆ Республика Башкортостан
- Республика Марий Эл
- ▲ Республика Мордовия
- ✕ Республика Татарстан
- ✱ Удмуртская Республика
- Чувашская Республика
- Кировская область
- Нижегородская область
- Оренбургская область
- Пензенская область
- Пермский край
- ▲ Самарская область
- ✕ Саратовская область
- ✱ Ульяновская область
- Приволжский федеральный округ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

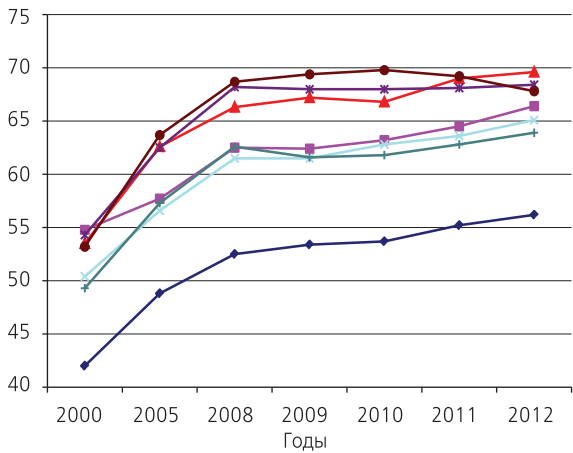
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

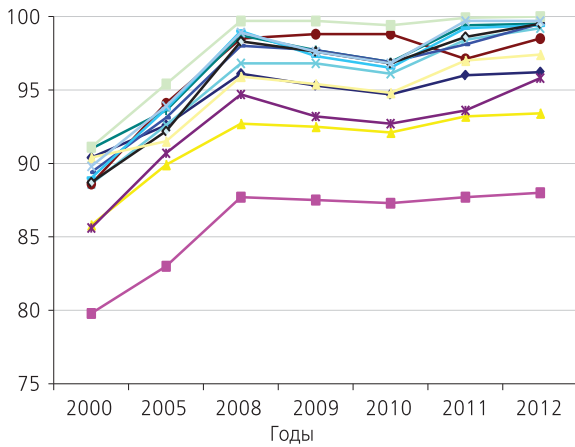
Интегрированный индекс модернизации

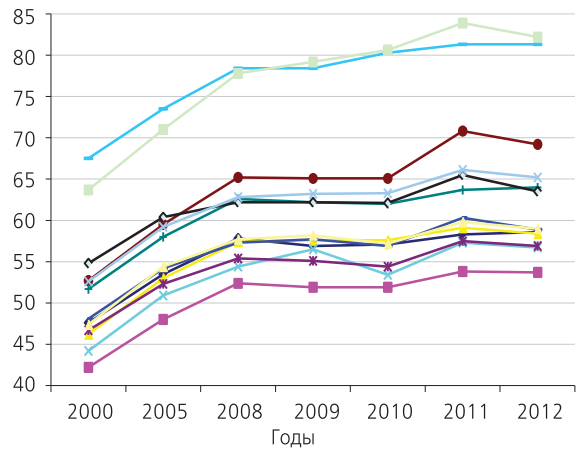
- ◆ Курганская область
- Свердловская область
- ▲ Тюменская область
- × Челябинская область
- ✱ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
- Ямало-Ненецкий автономный округ
- + Уральский федеральный округ

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

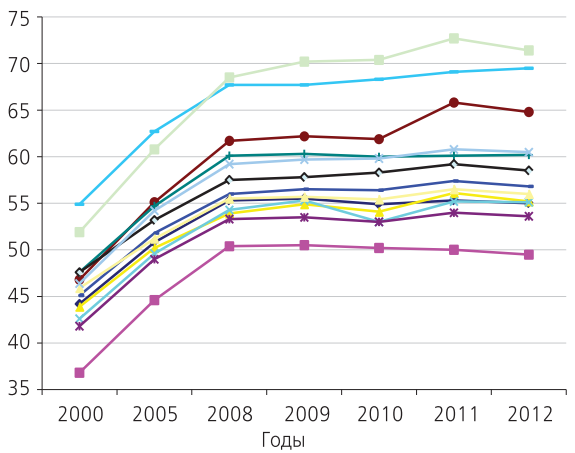
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

Интегрированный индекс модернизации

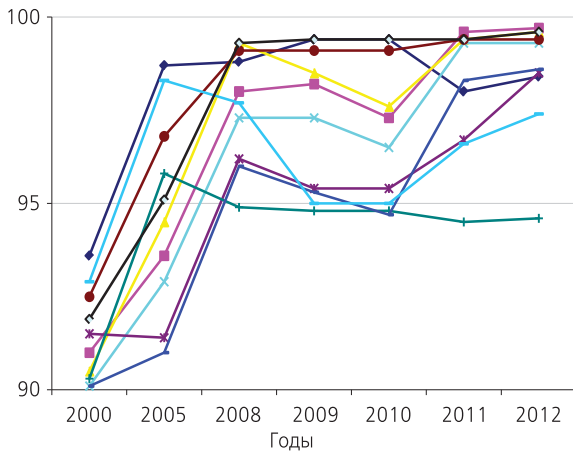

- ◆ Республика Бурятия
- Республика Алтай
- ▲ Республика Тыва
- × Республика Хакасия
- ✱ Алтайский край
- Красноярский край
- + Иркутская область
- Кемеровская область
- Новосибирская область
- Омская область
- Томская область
- ▲ Забайкальский край
- × Сибирский федеральный округ

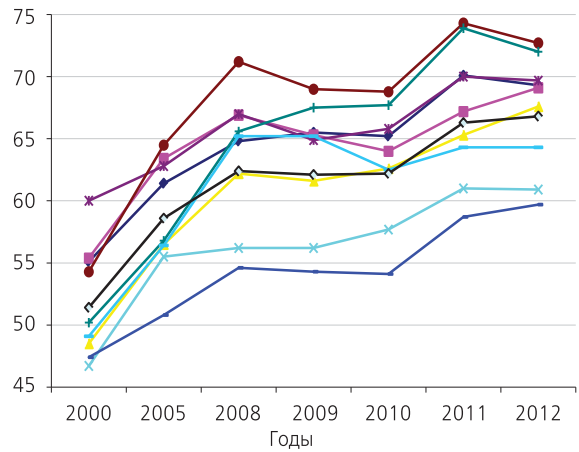

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

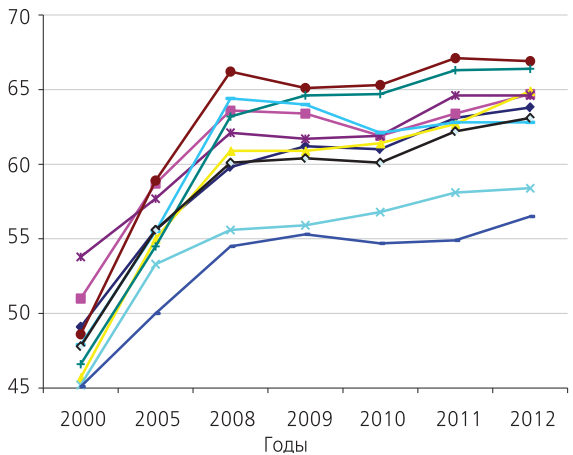
Динамика индексов первичной модернизации

Динамика индексов вторичной модернизации

Интегрированный индекс модернизации

- ◆ Республика Саха (Якутия)
- Приморский край
- ▲ Хабаровский край
- × Амурская область
- ✱ Камчатский край
- Магаданская область
- Сахалинская область
- Еврейская автономная область
- Чукотский автономный округ
- Дальневосточный федеральный округ